

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 07-02-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 07-02-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

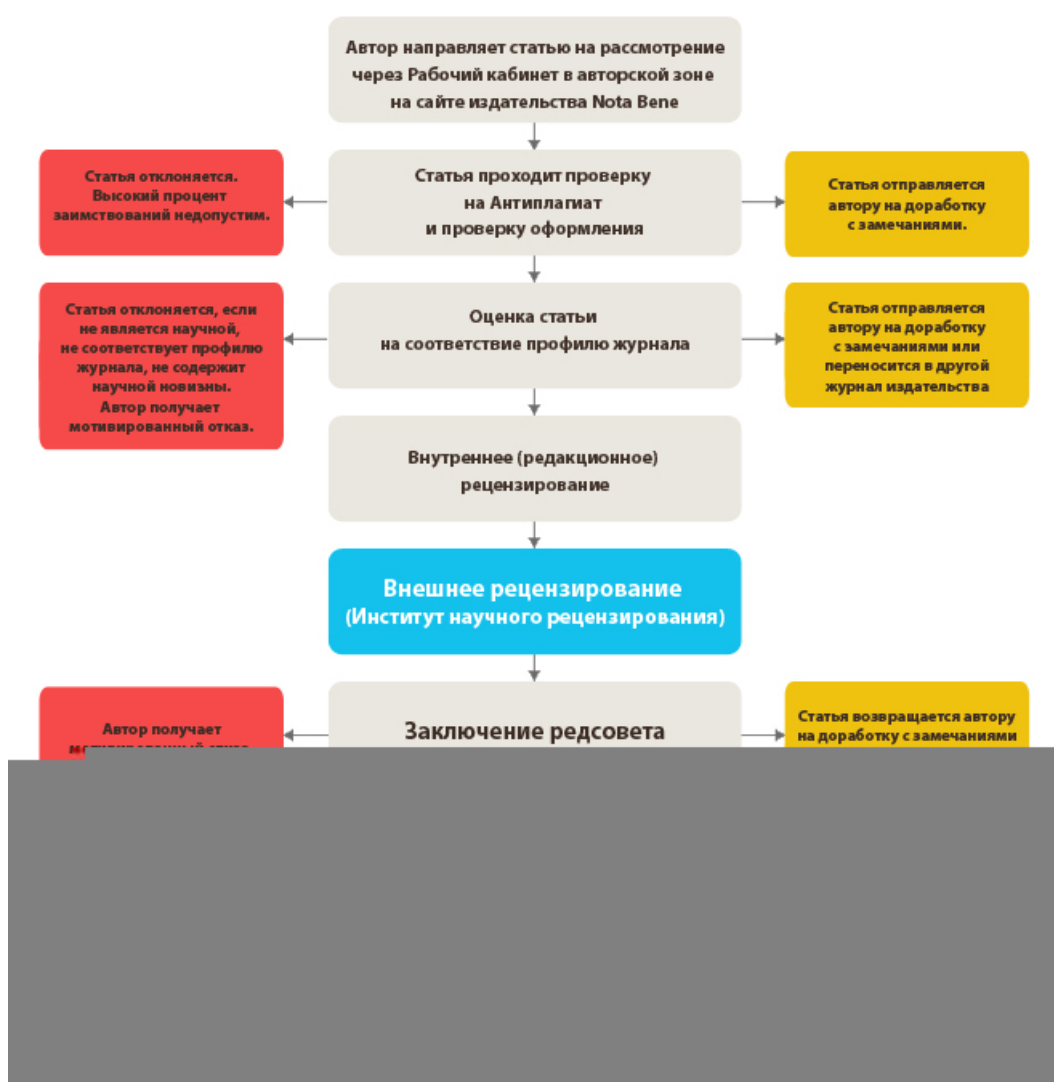
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Тетенова М.А. Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода	1
Семенова В.С., Лазутова Н.М. К вопросу о формировании этнического имиджа в медиа: попытка периодизации	15
Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Перфильев А.К. Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок	26
Новикова В.Г. Дидактический потенциал жанра семейной хроники в массовой литературе Великобритании XXI века	39
Щегорцова Е.А. Разделительный вопрос как средство хеджинга в диалогах британцев рабочего класса	49
Рыжаков В.С. Лингвистические основы теории интертекстуальности	57
Линь Г. Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А. П. Хейдока	65
Дуданов Т.В. Эксплицитное выражение безусловности при помощи союзов в китайском языке	73
Лю Б., Перфильева Н.В. Интертекстуальность новостных заголовков в контексте цифровых медиа на материале русского и китайского языков	92
Микова С.С., Садури Х. Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис»	104
Новиков А.В. Древо «Иггдрасиль» как символический ключ к интерпретации романа Марка З. Данилевского «Дом листьев»	114
Дедова О.В., Мао Ю. Гаджет vs девайс: опыт семантического анализа	145
Бао Л. Особенности дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе «Зойкина квартира» М.А. Булгакова	157
Баранова Е.А., Новоселова Г.Г. Особенности перехода российской региональной прессы в цифру	166
Петрова А.Д. Метафора и метонимия в переводе: трансформация образов в русских версиях произведений Гийома Аполлинера	182
Сунь С. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов и пословиц с концептом «религия»	192
Чжэн В. Обозначение зелёного цвета в русской и французской лингвокультурах	202
Шагбанова Х.С. Патриотические начала в творчестве М.А. Шолохова	213
Цуй Ю. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Китае	226
Осадчая О.Н. Специфика цветообозначения в юридическом дискурсе (на материале английских и русских фразеологизмов)	237
Поддубная Н.В., Чуднова О.А., Михиенко С.А. Профессиональный блог как особая структурная гипертекстовая единица в пространстве интернет-коммуникаций	248

Каверина В.В. Система критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии	261
Кузьмина А.А. Система эпических персонажей олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева	269
Сун Ц. Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого	277
Джалилова Л.Р. Феномен романизации в сборнике рассказов «На новой земле» Джумпы Лахири	287
Лакина С.В. О чём говорят самые частотные антропони́мы в рамках дисциплины «Античная литература»	295
Чжан М. Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке	312
Суй Л., Шереметьева Е.С. Текстовая скрепа "Другое дело, что": особенности функционирования	322
Уланский Е.А. Обзор «Комментария к парибхашам» санскритского грамматиста Нилакантхади́кшиты	333
Англоязычные метаданные	351

Contents

Tetenova M.A. Pre-translation analysis and translation strategy as components of the translation process	1
Semenova V.S., Lazutova N.M. To the formation of ethnic image in the media: an attempt at periodization	15
Galankina I.I., Perfilieva N.V., Perfiliev A.K. The variety of models of terminological units of the hydraulic engineering industry and the sphere of state and municipal procurement	26
Novikova V. The didactic potential of the genre of family chronicles in the mass literature of Great Britain of the XXI century	39
Shchegortsova E.A. The dividing question as a hedging tool in the dialogues of the British working class	49
Ryzhakov V.S. Linguistic bases of the intertextuality theory	57
Lin G. Multiculturality as a Subject of the Image in the Collection of Short Stories "The Stars of Manchuria" by A. P. Hejdok	65
Dudanov T. Explicit expression of unconditionality using conjunctions in Chinese	73
Liu B., Perfilieva N.V. The intertextuality of news headlines in the context of digital media based on the material of the Russian and Chinese languages	92
Mikova S.S., Sadouri H. The cultural codes of Tunisia in the work of G. A. Makhrova "My Tunisia"	104
Novikau A.V. The Tree "Yggdrasil" as a Symbolic Key to the Interpretation of the Novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves"	114
Dedova O.V., Mao Y. Gadget vs device: the experience of semantic analysis	145
Bao L. Features of the discursive representation of the image of the Chinese in the play «Zoyka's Apartment» by M. A. Bulgakov	157
Baranova E.A., Novoselova G.G. Transition Features of the Russian Regional Press to Digital Technology	166
Petrova A.D. Metaphor and metonymy in translation: transformation of images in Russian versions of Guillaume Apollinaire's works	182
Sun X. Russian and Chinese national personalities: based on the material of phraseological units and proverbs with the concept of "religion"	192
Zheng W. Representation of the Green Color in Russian and French Linguo-Cultures	202
Shagbanova K.S. Patriotic principles in the work of M.A. Sholokhov	213
Cui Y. Reception of A.P. Chekhov's play "The Cherry Orchard" in China	226
Osadchaia O.N. The Specifics of Color Designation in Legal Discourse (Based on the Material of English and Russian Phraseological Units)	237
Poddubnaya N.V., Chudnova O.A., Mikhienko S.A. A professional blog as a special structural hypertext unit in the space of Internet communications	248
Kaverina V. The system of criteria for the choice of spelling in diachronic descriptive	261

spelling

Kuzmina A.A. The system of epic characters of olonkho "Bogatyr Tong Saar" by S. N. Karataev	269
Song J. Newspaper reports about the Polish uprising of 1863 in the perception of L.N. Tolstoy	277
Dzhalilova L.R. The Phenomenon of Romanization in Jhumpa Lahiri's Collection of Short Stories «Unaccustomed Earth»	287
Lakina S.V. What do the most frequent anthroponyms say in the framework of the discipline "Classical Literature"	295
Zhang M. The concepts of "Motherland" and "State" in Russian language	312
Xu L., Sheremet'eva E.S. The features of functioning of the expression "another thing that"	322
Ulanskii E.A. A Review of the Collection of commented Metarules of Pāṇini's Sanskrit Grammar — "Paribhāṣāvṛtti" by Nīlakaṇṭha Dīkṣita	333
Metadata in english	351

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тетенова М.А. — Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода // Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.68731 EDN: DHNSTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68731

Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода

Тетенова Мария Александровна

аспирант, кафедра истории и методологии перевода, Московский Государственный Университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, корп. 51

✉ tetenova.mariia@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.68731

EDN:

DHNSTA

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2023

Дата публикации:

06-01-2024

Аннотация: Предметом исследования являются предпереводческий анализ и процесс выбора переводческой стратегии, так как данные этапы являются одними из первичных в выстраивании переводческого процесса. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как влияние как на процесс выполнения перевода и подход к нему, так и впоследствии на итоговый продукт перевода, что лишь подчёркивает их важность в системе перевода. Особое внимание уделяется теоретической базе данных понятий и хронологии формирования понятий и терминов, а также различным моделям перевода, внутри которых автор выделяет место и функцию предпереводческого анализа. Основными выводами проведённого исследования являются утверждения о первичности этапов предпереводческого анализа и формирования переводческой стратегии в большинстве существующих моделей перевода. Особым вкладом автора в исследование

темы является попытка накопления примеров аргументации переводческой стратегии древними авторами в качестве доказательства куда более раннего формирования понятий, чем терминов. Новизна исследования заключается в попытке создания хронологической базы формирования понятий и терминов и накопления исторических артефактов для последующей систематизации знаний о процессах предпереводческого анализа и формирования переводческой стратегии, которые впоследствии станут не только базой для осуществления перевода, но и отражением профессиональной мотивации переводчика.

Ключевые слова:

перевод, предпереводческий анализ, переводческая стратегия, переводческая мотивация, теория перевода, переводоведение, лингвистика, модель перевода, процесс перевода, межкультурное взаимодействие

Перевод не является продуктом времён колониализма или империй, когда связь между государствами являлась основой дипломатического взаимодействия и решения мировых конфликтов и проблем и появление переводчиков были ответом за запрос государства. История перевода уходит в древние времена, когда мобильность человека была гораздо ниже, чем сегодня, и когда функционал переводчика был не таким, как сегодня. Так, например, в 3000 г. до. н.э. в древнем Египте уже существовал специальный иероглиф для обозначения переводчика. [\[3, с. 65\]](#). В древнегреческом мифе о боге Гермесе упоминается его миссия посредничества и интерпретации мысли через слова, и ныне переводческая задача интерпретации смыслов названа герменевтикой в его честь. Стоит отметить, что вышеперечисленные примеры не могут быть полным основанием для утверждения, что переводческого ремесла не существовало и ранее, ибо сохранившиеся до наших дней свидетельства немногочисленны, и они не позволяют отринуть допущения о существовании не известных нам переводческих практик в ещё более древние времена.

Обращение к древним временам позволяет нам не только примерно очертить временные и географические рамки появления практики перевода и переводчиков как ремесленников, но и выделить некоторые тексты, которые сегодня мы с уверенностью можем назвать продуктами перевода, а также предисловия к данным работам, которые помогают нам убедиться в том, что формирование понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии началось задолго до появления лингвистики как отдельной науки.

Обращаясь к истории перевода, мы должны понимать, что, ища корни понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии, мы должны так же изучить и артефакты времён, когда данных терминов не существовало, т.к. формирование концептов и понятий не происходит одновременно.

Одним из первых текстов, где автор поясняет свою мотивацию прямым текстом, является трактат Марка Туллия Цицерона «О переводчиках (О наилучшем роде ораторов)», где Цицерон непосредственно разъясняет свою мотивацию *перевода* (курсив автора – М.Т.)

«Перевел я их, однако, не как толмач, а как оратор: я сохранил и мысли, и их построение — их физиономию, так сказать — но в подборе слов руководился условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в

слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по счету, а — если можно так выразиться — по весу. Цель моей работы — та, чтобы наши соотечественники поняли, чего им требовать от представителей аттического направления и какое к ним прилагать мерило красноречия.»

Цицерон подчёркивает отсутствие необходимости переводить «слово в слово», ибо не «счёт» слов созидает смысл, а их «вес». Данная аргументация ожидаема от мастера ораторского искусства, обучавшего красноречию и выступлениям перед публикой, ибо целью его текстов являлось произведение определённого впечатления на слушателя, путь к которому лежал через выразительные средства и искусное знание языка. Мы можем провести параллель между подходом Цицерона к переводу и подходом кашкинцев в отечественной лингвистике в стремлении сохранять производимый на реципиента эффект. Наиболее отчётливо мы можем заметить это по следующему отрывку:

«Их-то речи я решил перевести; перевести так, чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, т. е. все их мысли, как по форме, так и по содержанию и чередованию, слова же лишь постольку, поскольку это позволяют условия нашего языка — впрочем, если мне и не удалось перевести их с греческого полностью, все же я постарался, чтобы их смысл не был утрачен. Если моя цель будет достигнута, то будет создан закон, которого должны будут держаться в своих речах ораторы, называющие себя последователями аттического направления.»

Цицерон в предисловии объясняет свой подход к переводу с целью так же предупредить обвинения в плохом знании языка или несоответствии слов в оригинальном тексте выражениям в тексте перевода. Так, читатель заранее знает, какой именно перевод будет перед ним — текст, где переводчик старался изъясняться той же мерой красноречия, что и автор исходного текста.

Сходную с Цицероном позицию выражает Гораций: «О усерднейший переводчик, стремись к тому, чтобы переводить не слово в слово» (в пер. П. И. Копанева), призывавший переводчиков не заключать себя в строгие рамки текста оригинала и давать волю красноречию для создания достойного перевода.

В противоположность Цицерону, представлявшему смысловой перевод с применением ораторского красноречия, Вергилий в своём переводе Гомера напротив не позволяет себе вольностей. Об этом свидетельствует Авл Геллий в «Аттических ночах», анализирующий перевод Вергилия в сравнении с греческим оригиналом.

«Говорят, что, когда нужно переложить и воспроизвести замечательные выражения из греческих стихов, не всегда следует стремиться [к тому], чтобы перевести совершенно все слова так, как они сказаны. (2) Ведь многие [стихи] теряют приятность, если их переводят словно бы против желания, и они сопротивляются насилию. (3) Поэтому Вергилий разумно и осторожно, воспроизводя отдельные места из Гомера, или Гесиода, или Аполлония, или Парфения, или Каллимаха, или Феокрита, либо каких-то других [поэтов], часть опустил, а прочее перевел.» [\[5\]](#)

Так, согласно Авлу Геллию, Вергилий прибегает к приёму опущения, не позволяя себе подбирать смысловые аналоги в языке перевода, ибо произведения Гомера есть великое наследие культуры, и привносить что-либо даже в самых мельчайших деталях есть вмешательство в великий текст.

На примере вышеуказанных текстов мы можем подтвердить факт формирования разных

переводческих стратегий ещё задолго до появления термина. В комментариях мы можем также выделить и зачатки предпереводческого анализа, выполнявшегося переводчиками, - так, Цицерон понимает, что речи «вождей аттического красноречия» есть шедевры ораторского искусства, и в тексте перевода выразительность средств должна сохраняться, даже если этот перевод будет не «по форме». В противном случае – перевод перестанет быть текстом великого оратора.

Из артикулированных лично переводчиками аргументаций своей мотивации можно также выделить Жака Амио, французского писателя, который комментировал свои работы так:

«Я прошу читателей понять, что долг истинного переводчика не состоит только в том, чтобы верно передать суждение его автора, но и в некоторой степени представить его, повторив, подобно тени, форму стиля и манеру речи». Отправив свой перевод «Сравнительных жизнеописаний» королю Генриху II, он приложил записку:

«Я стремился в большей степени передать то, что хотел сказать автор, нежели украсить и отполировать язык, так же, как и он на своём языке старался писать серьёзно и по-учёному, а не легко и плавно». [\[15, p. 65\]](#)

По первому впечатлению, мы могли бы сказать, что Жак Амио, напротив, отдалялся от стремления к пышному красноречию на языке перевода, стараясь приблизиться к слову автора, к его форме. Однако, как подчёркивает сам переводчик, автор текста сам «старался писать серьёзно и по-учёному», поэтому повторение, «подобно тени» (*в пер. Н. К. Гарбовского*), предполагало отсутствие ораторской выразительности, как в случае с Цицероном. [\[15, p. 66\]](#).

Зарождение понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии ещё в Античность предполагает долгий путь формирования термина и его определения, поэтому, можно привести несколько примеров определений в современной лингвистике.

Так как в процессе предпереводческого анализа переводчику следует определить зону не только межъязыкового взаимодействия, но и межкультурного. Переводчик должен обладать обширными знаниями не только в области языка страны языка перевода, но и в области её культуры.

М. П. Брандес, специализирующийся на письменном переводе, отмечает важность предпереводческого анализа, подчёркивая важность понимания организации текста: «Общие принципы предпереводческого анализа позволяют сделать текст в смысле его структуры и языка обозримым, очерчивают контуры коммуникативной, т.е. смысловой организации текста, помогают усвоить, что главная трудность перевода — передача смысла во всем его объёме» [\[2, с. 8\]](#).

Важность межкультурного аспекта подчёркивает также и Р.К. Миньяр Белоручев, специализирующийся в гораздо большей степени на устном переводе: «перевод будет считаться полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует.» [\[8, с. 11\]](#). Возникает вполне обоснованный вопрос, в какой форме происходит предпереводческий анализ в рамках устного перевода? На наш взгляд, наращивание высокого уровня понимания и знания культуры страны языка перевода есть инструмент, позволяющий переводчику более свободно ориентироваться в системе и организации текста.

Стоит подчеркнуть, что вне зависимости от направления в переводе, целью предпереводческого анализа является облегчение процесса межъязыковой

коммуникации, повышение уровня адекватности перевода, а также максимальное сближение эффекта, производимого на реципиента при восприятии оригинала, и эффекта, производимого на реципиента уже при восприятии перевода. Таким образом, этап предпереводческого анализа актуален как для письменного перевода, так и для устного перевода. Поясним: при письменном переводе переводчик может изучить текст, паратекст, исторический контекст, в котором был создан данный текст и др. При устном переводе, что может быть не совсем очевидно, переводчик может быть предупреждён о темах, которые будут на повестке дня, что позволит ему как расширить свой вокабуляр, так и изучить сферу, которая будет обсуждаться. Конечно, такая возможность представляется не всегда: один из ярких примеров – синхронный перевод в суде

Существует несколько схем предпереводческого анализа в зависимости от подхода. Например, сторонники лингвистической теории рассматривают предпереводческий анализ как инструмент для обеспечения наиболее полного понимания смысла оригинального текста. Такое понимание исходного материала, согласно лингвистической теории, позволит избрать наиболее правильную стратегию перевода.

Сторонники функционального направления в переводе же придерживаются идеи о необходимости определения функции исходного текста, а также учёта контекста культуры реципиента перевода. Следовательно, предпереводческий анализ для сторонников функционального направления ставит во главу угла экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации и вопрос об уровне их влияния на текст.

Одну из наиболее подробных схем предпереводческого анализа предлагает учёная К. Норд [\[16\]](#). Она предложила разделить компоненты предпереводческого анализа на две категории – экстралингвистические факторы и внутритекстовые факторы:

1) Экстралингвистические факторы:

- автор текста,
- интенция автора текста,
- реципиент текста,
- способ передачи сообщения,
- место создания текста,
- время создания текста,
- повод создания текста,
- коммуникативная цель текста.

2) Лингвистические факторы:

- тема текста,
- содержание текста,
- структура текста,
- невербальные элементы текста и их отношение с вербальными,
- синтаксические особенности текста

- лексический состав текста,
- тональность текста,
- прагматическое воздействие текста.

Классификация, предложенная К. Норд, является исчерпывающей: учёная рассматривает как лингвистические, так и экстралингвистические, культурные и ситуативные компоненты.

И.С. Алексеева, представительница функционального подхода к переводу, также создала свою схему предпереводческого анализа: [\[1, с. 326-329\]](#):

1. Сбор внешних сведений о тексте:

- автор оригинального текста;
- время создания и публикации оригинального текста;
- источник (книга, интернетсайт, журнал или газета).
- реципиент текста.

Также И.С. Алексеева выделяет четыре вида информации:

- когнитивная,
- оперативная,
- эмоциональная,
- эстетическая.

Когнитивная информация несёт в себе объективные сведения о внешнем мире, актуальном для оригинального текста. Через оперативную информацию реализуется побуждение к совершению определённых действий путём применения различных языковых средств. Суть эмоциональной информации заключается в сообщении новой информации для чувственного восприятия: такая информация может как ограничиваться нормами этикета, так и включать в себя любую эмоционально окрашенную лексику и т.п. Эстетическая информация включает в себя средства выразительности, игру слов, невербальную речь (жестикуляция, мимика и пр.)

Переводчику также следует определять или хотя бы попытаться определить коммуникативную цель текста. Цель текста нередко зависит от жанра, в котором текст существует. Коммуникативной целью или коммуникативным заданием текста может быть сообщение новой информации, установление контакта, убеждение в чём-либо, инструктаж и т.п. Определение коммуникативной цели текста поможет переводчику определить, какие языковые конструкции будут доминантными при переводе. Для наиболее точного подбора языковых средств при переводе также представляется необходимым определить речевой жанр оригинального текста.

Вышеописанная схема И.С. Алексеевой учитывает все аспекты текста, который будет переводиться, что впоследствии позволяет переводчику сделать максимально качественный перевод. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что никакая схема не является безвременно актуальной, и в случае, если какая-то информация не будет соответствовать ни одной из категорий, исследователю будет необходимо дополнить

схему.

М. П. Брандес и В. И. Протовертов в свою очередь считают, что «для выполнения качественного перевода переводчик должен понять, что он переводит не просто язык текста и не просто текст, а переводит язык, который является выражением многократно осмысленного содержания, то есть не только «о чём» говорится в тексте, а «что» говорится и «как» это выражается в самом тексте и языке текста» [\[2, с. 8\]](#). Данное определение подразумевает необходимость наличия у переводчика глубоких познаний в культуре, истории и быте страны языка перевода, что позволит ему мыслить не через категории своего родного языка, а «переключаться» на другое мышление и манеру выражения и построения мыслей.

Следует отметить, что среди теоретиков перевода есть и те, кто не оперирует понятием «предпереводческий анализ». Так, например, Р. К. Миньяр-Белоручев утверждает, что «текст — это не просто последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением, это ещё и система языковых единиц, несущих далеко не равнозначную информацию» [\[9, с. 131\]](#). Можно предположить, что теоретик всё же подразумевает необходимость проведения предпереводческого анализа, т.к. отмечает необходимость анализа информации, но в рамках устного перевода, на котором специализируется Р. К. Миньяр-Белоручев, существует как ограничение по времени для осуществления перевода, так и задача сохранить максимум ключевых сем исходного текста, и в этом стремлении переводчик волен выпускать «менее значимую» информацию.

Подчеркнём, что во всех приведённых концепциях есть много общих элементов: необходимость определения жанра и стиля исходного текста, определение типов информации, что в совокупности помогает переводчику определиться с доминирующим языковым стилем перевода.

После разбора основных концепций предпереводческого анализа текста можно констатировать, что общей и единой его схемы нет. Схема И. С. Алексеевой представляется нам наиболее удобной, т.к. она учитывает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Логичным продолжением рассмотрения предпереводческого анализа представляется рассмотрение понятия переводческой стратегии. В современном переводоведении термин «стратегия перевода» используется повсеместно. В то же время данный термин является «одним из наименее определённых понятий переводоведения» [\[10, с. 110\]](#). Низкий уровень определённости и конкретности термина обусловлен его неоднородностью: в данный термин включают и тактику перевода, и личностные особенности переводчика, и непосредственно сами переводческие преобразования, используемые для создания адекватного перевода. Термины «стратегия перевода» и «переводческая стратегия» нередко употребляются как синонимичные: таким образом рассуждают С. Алексеева, И. В. Войнич, Н. К. Гарбовский и В. Н. Комиссаров. Однако это не отрицает того, что разные исследователи вкладывают разный смысл в данный термин, из-за чего и создаётся сложность в более или менее едином его определении.

Привести определение данного термина представляется сложным не только нам: термин «стратегия перевода» не приводится и в «Толковом переводоведческом словаре», что в достаточной степени контрастирует с уровнем употребляемости данного термина в научных и учебных источниках.

Отсутствие общепринятого и единого определения данного термина приводит к появлению множества теорий, которые создаются ввиду обеспокоенности учёных неопределённостью термина. Например, данную обеспокоенность можно обнаружить в книге Б. Димитровой «Expertise and Explication in the Translation Process». Б. Димитрова предлагает классификацию определений термина «стратегия перевода». Среди них учёная выделяет: классификации, основанные на исключительно текстовых характеристиках, и классификации, основанные на других критериях (например, при использовании метода «think aloud»). В группу классификаций, основанных на исключительно текстовых характеристиках, исследовательница включает разграничение стратегий доместикации и форенизации. Во вторую группу – разграничение стратегий преобразования переводного текста (ПТ) и данной операции с исходным текстом (ИТ), – данное разграничение было предложено лингвистом Эндрю Честерманом. В своей работе Б. Димитрова также анализирует глобальные стратегии, сформулированные Р. Яаскелайнен. Вышеупомянутые стратегии выполняют функцию направления процесса перевода, что в принципе приравнивает их к принципам переводческой деятельности.

Ж. Дансетт под стратегией перевода подразумевает перечень правил, согласно которым осуществляется перевод, идеальным проявлением которого станет решённая переводческая проблема. Среди наиболее конструктивных и обоснованных определений Б. Димитрова также приводит подход Крингса и Лершера: согласно данному подходу, стратегия перевода должна рассматриваться из принципа выработки коммуникативных стратегий в процессе изучения иностранного языка [\[14, с. 26\]](#).

А. Г. Витренко в своей статье «О стратегии перевода» рассматривает определения стратегии перевода, предложенные в работах А. Д. Швейцера, Н. А. Крюкова, А. Р. Миньяр-Белоручева. В результате проведённого анализа и сопоставления автор делает вывод, что «стратегия перевода» в качестве научного понятия «по сути дела обозначает не научное, а быденное понятие, и вследствие этого терминологически неправомерно» [\[2, с. 15\]](#). Данный вывод достаточно категоричен, но его формирование представляется возможным проследить: вышеупомянутые учёные используют данный термин в очень разном контексте.

К примеру, А. Д. Швейцер использует термин «стратегия» и в значении программы переводческих действий, и в значении глобальных проблем конкретных видов перевода. Также А. Д. Швейцер под стратегией перевода подразумевает принципиальный подход к решению частных проблем в рамках общей задачи [\[12, с. 90\]](#). В процессе изучения А. Г. Витренко отмечает, что весьма частотным является употребление термина «стратегия перевода» в значениях «стратегия девербализации», «стратегия буквального (вольного) перевода», «стратегия жанровой поэтической стилизации».

Р. К. Миньяр-Белоручев также придерживается тенденции синонимизации понятий «стратегия перевода» и «методы перевода». Определение, предложенное Р. К. Миньяр-Белоручевым, заключается в понимании стратегии перевода как слаженной системы «взаимосвязанных приёмов, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода» [\[9, с. 155\]](#). Проведя анализ всех вышеупомянутых переводчиков и лингвистов, А. Г. Витренко приходит к мнению, что переводческая стратегия есть некий особый тип переводческого мышления, обосновывающего действия переводчика в процессе перевода. В то же время учёная отмечает, что данное понятие является слишком неконкретным и абстрактным, чтобы стать термином. [\[3, с. 5\]](#)

По мнению же В. Н. Комиссарова, именно переводческое мышление формирует и создаёт

переводческие стратегии, благодаря которым реализуется теория. [7, с. 356] К базовому представлению о механизме появления и разработки переводческой стратегии через некоторые компоненты коммуникационной ситуации В. Н. Комиссаров добавляет, что это не является особенностью переводческой стратегии, т.к. переводческая стратегия связана с переводом в целом, то есть со всеми переводческими актами, а не только с коммуникационной ситуацией. Таким образом, концепция, предлагаемая В.Н. Комиссаровым, включает в себя как процесс планирования стратегии, так и непосредственно процесс реализации этого плана, из-за чего стратегия перевода В.Н. Комиссарова носит «расширительный характер» [10].

Н. К. Гарбовский предлагает определять стратегию перевода в зависимости от условий осуществления конкретного акта перевода.

По мнению Н. К. Гарбовского, стратегия должна основываться на понимании переводчиком чёткой цели перевода, а также должна соотноситься с генеральной линией поведения переводчика. Таким образом, выработка оригинальной концепции перевода напрямую связано с осознанием конечной цели перевода, т.к. именно благодаря этому осознанию и вырабатывается стратегия. [5, с. 308] В отличие от концепции В. Н. Комиссарова, концепция Н.К. Гарбовского не указывает на особо значимую роль коммуникативной ситуации перевода, однако именно она является формирующим фактором как для переводческой концепции, так и непосредственно для стратегии перевода. Если проанализировать концепцию Н. К. Гарбовского в сравнении с другими вышеописанными теориями, то именно концепция Н. К. Гарбовского оказывается наиболее близкой к коммуникативно-функциональному подходу к переводу. В концепции, предложенной Н. К. Гарбовским, не только учитываются условия, в которых проходит конкретная переводческая деятельность, но и подчёркивается их многообразие, обусловленное столь же великим множеством коммуникативных ситуаций, в которых может оказаться переводчик и в которых нужно будет осуществлять перевод.

I.2. Комплексность понятия переводческой стратегии

При избрании стратегии перевода переводчик часто сталкивается с необходимостью принятия решения, кому «навстречу» он пойдёт при выполнении своей работы: читателю или же автору. В зависимости от принятого им решения реализуется подход доместикации или форенизации соответственно. Данный выбор связан с понятием «чужого» в переводе, которое при форенизации будет демонстрироваться читателю, а в случае доместикации – сглаживаться и приводиться к знаменателю культуры страны языка перевода.

Впервые эти два метода работы переводчика, но ещё не названные такими терминами, были предложены Ф. Шлейермахером в его лекции «О разных методах перевода» (1813). Данную лекцию немецкого теолога и философа можно назвать одним из самых крупных теоретических вкладов в развитии науки о переводе в среде немецких романтиков. Ф. Шлейермахер предлагал чётко разграничивать два подхода к переводу, где в первом случае переводчик принимает решение двигаться навстречу читателю и адаптировать текст для него, то есть приводить автора к читателю, а в другом – двигаться навстречу автору, как бы заставляя тем самым читателя приходить к автору в некоторой мере самостоятельно. Цель переводчика, полагал Шлейермахер, «состоит в том, чтобы произвести на читателя такое же впечатление, какое оригинал производит на образованного человека, свободно владеющего иностранным языком, при этом всё-таки чужим для него; ему не приходится, как школьнику, сначала думать на родном языке, с

усилием лепя из деталей целое — он без труда ощущает красоту произведения, но в то же время ясно сознает разницу между родным и иностранным» [\[13\]](#).

Говоря о категории «чужого» в переводе, мы должны подчеркнуть, что данная категория была выделена ещё Цицероном, когда он описывал свой собственный опыт перевода греческих ораторов на латинский вопрос. Осознание степени «чужести» материала для культуры реципиента переводного текста должно проводиться на основе анализа не только «чужести» содержания материала, но и в форме, что представляется вполне возможным. Таким образом, переводчику также необходимо принять решение, в какой мере он и что именно он сохранит. При сохранении «чужести» переводчик тем самым придерживается идеи сохранения языкового и культурного разнообразия, ибо он предлагает его читателю. Однако, переводчик должен уметь выделять и передавать именно элементы, транслирующие «чужое», иначе он рискует посредством переводческой интерференции прийти к калькированию структур переводимого языка, которые могут не соответствовать нормам языка принимающей культуры.

Существует также и обратная точка зрения, сторонники которой считают, что работа переводчика должна показать текст автора, как будто бы он является носителем принимающей культуры, то есть полностью адаптировать не только сам текст оригинала к культуре языка перевода, но и как бы превратить автора в носителя этой культуры. Ф. Шлейермахер считает данный метод нелепым, т.к. невозможно, по его мнению, отделить автора от его родного языка. Данная мысль – что язык предопределяет мышление, в языкознании впоследствии будет поддержана вербалистами, В. Гумбольдтом, Э. Сепиром и Б. Уорфом.

Ф. Шлейермахер настроен скорее скептически, если говорить о труде переводчика: он сочувствует ему, т.к., по его мнению, переводчик почти всегда обречён на поражение, а «абсолютное и исчерпывающее» понимание невозможно, как и правильный перевод. Тем не менее, Ф. Шлейермахер отмечает, что «мы будем утешаться тем, что во всём есть свои хорошие и свои дурные стороны, а мудрость заключается в том, чтобы взять как можно больше хорошего и как можно меньше плохого, во всяком случае к этому следует стремиться.» [\[13\]](#) Наиболее полную, по мнению Э. Н. Мишкурова, репрезентацию тезисов работы Ф. Шлейермахера приводит И. С. Алексеева в учебном пособии И. С. Алексеевой «Введение в переводоведение»: «Развитие взглядов романтиков на новой теоретической базе мы находим в работе известного теоретика и практика перевода первой половины XIX века Фридриха Шлейермахера "О различных методах перевода" (1813). Не разделяя взглядов многих своих современников, подчёркивавших невозможность перевода, Шлейермахер формулирует чёткие условия, которые способны обеспечить верность перевода оригиналу. Шлейермахер характеризует перевод как герменевтический процесс, подчёркивает необходимость различного подхода к текстам разного типа, проводя границу между текстами "деловой жизни" и текстами из сфер науки и искусства. Заявляя о необходимости передачи при переводе "духа языка", Шлейермахер опирается на равенства впечатлений читателя оригинального и переводного текста и выдвигает метод "очуждения" как основной при передаче своеобразия подлинника. Оттенок "чуждости" обязателен, по его мнению, для сохранения национальной специфики» [\[1, с. 78-79\]](#).

Идею о языке как о формирующем мышление феномене позже развил Л. Витгенштейн, высказавший идею, что именно язык формирует образ мира в сознании человека и что границы языка означают границы нашего мира. Позже данные постулаты стали базисом для «лингвистического поворота» в философской мысли XX века.

Следует также отметить, что существует и другая оценка выдвигаемых Ф. Шлейермахером идей: Л. Венути (род. 1953), например, усматривает в них «шовинистически снисходительное отношение к иным культурам». Э. Н. Мишуков приводит уточнение, что «Л. Венути осуждает «англоязычных теоретиков и практиков перевода», которые только в 1977 г. прочитали лекцию учёного в английском переводе и включили её в число «важнейших источников современной переводческой теории» за то, что они по-прежнему с недоумением относятся к его пожеланию, чтобы перевод «создавал у читателя ощущение чужеземности», полагая, что единственно правильное решение заключается в «полнейшей естественности выражения», в использовании переводчиком «модусов речевого поведения, принятых в культуре адресата». [\[17, с. 1-12\]](#).

Именно Л. Венути впервые использовал термины «доместикация» и «форенизация» для характеристики переводческого решения лингвокультурологических вопросов. Венути называет доместикацию этноцентрическим подходом, сторонники которого нередко приходят к уменьшению объёма текста и сокращению, усилению акцентов на культурной составляющей языка перевода, «приближению автора к читателю». При подходе форенизации акцент ставится на сохранении лингвокультурологических особенностей произведения, а «читатель приближается к автору». Венути приписывает доместикации созидание «прозрачного» стиля, восприятие которого не требует дополнительных усилий или справок, что как бы изымает из текста произведения всё «странное» и «чужое» для читателя, заменяя «своим» и «понятным». Форенизация же в отличие от доместикации не имеет своей целью сделать переводимый текст удобоваримым для читателя, вовсе изымая его из приоритетных задач и ставя во главу угла сохранение самости текста, его уникальности, которая построена в том числе и на культурном бэкграунде автора произведения. Венути также считает, что форенизация является отличным инструментом для сопротивления довлеющей и агрессивной англоамериканской культуре, в то время как доместикация сама по себе понимает некую культуру как доминантную в условиях перевода, а значит в числе своих задач имеет уподобление текста произведения «привычному» для реципиента-носителя «доминантной» культуры. Что примечательно, Л. Венути воспринимает доместикацию как инструмент в том числе и евро и англоцентричности, как «сглаживающий перевод», который маскирует и сглаживает отличительные черты переводимого текста. По мнению Венути, переводчик при таком подходе освобождает себя от дополнительных объяснений, которых потребовали бы иностранные предметы и явления, будь они сохранены. Такой стратегии Венути противопоставляет форенизацию, «сопротивляющийся перевод», при котором переводчик добавляет комментарии для разъяснения особенностей иностранной культуры и языка. По мнению Венути, для переводчика «желательно уменьшить этноцентрическое принуждение при переводе», то есть отойти от доместикации. Подход форенизации подчёркивает лингвокультурологическое разнообразие окружающего нас мира, не избирает «доминантных» культур, а также мотивирует совершение усилий для познания иных культур. Важно отметить, что доместикацию и форенизацию Венути называет эвристическими терминами, которые могут изменять свою роль в зависимости от периода и статуса государств текстов оригинала и перевода.

Однако, продукт перевода зависит не только от принимаемого переводчиком решения, но и непосредственно его личности. О. И. Костикова называет переводчика центральной фигурой в процессе перевода, когда он определяется как вид межъязыковой и межкультурной коммуникации, ибо он «проявляет себя как «творческая личность». [\[8, с. 91\]](#) Таким образом, продукт перевода не является «клоном» оригинала с поправкой на

приближение либо к принимающей культуре, либо к авторскому своеобразие, он вбирает в себя толику личности переводчика, которая, по мнению О. И. Костиковой, как «неизбежная субъективная составляющая любого переводческого процесса» проявляется «как на этапе интерпретации, так и на этапе создания нового текста на языке перевода.» [8, с. 91] О. И. Костиковой также отмечается, что «любое отклонение от текста оригинала определяется прежде всего творческими принципами переводчика и восходит к избранной им стратегии», что подчёркивает существование изначального замысла переводчика. Понятие «переводческий замысел» будет впоследствии включено в понятие «переводческой концепции», которое будет предложено как «операционная логическая категория», которая отвечала бы свойствам системности, когда системность – «свойство объектов и явлений, которое предполагает единство взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, образующих некую структуру». В понятие «переводческая концепция» помимо переводческого замысла также включается «переводческий горизонт» и «переводческая позиция». Замысел переводчика О. И. Костикова определяет, как изначально запланированное «внесение тех или иных изменений либо в систему смыслов, заключённую в тексте оригинального произведения, либо в способ формального отражения этой системы.» [8, с. 92]

Таким образом, предпереводческий анализ и переводческая стратегия не только не являются исчерпывающими составляющими описания переводческого процесса, но образуют сложную систему процесса осуществления перевода.

Библиография

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. – М.: НВИТезаурус, 2001. – 224 с.
3. Витренко А.Г. О «стратегии перевода» // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 536: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / отв. ред. Д.И. Ермолович. 317 с.
4. Гарбовский Н.К. История перевода : практика, технология, теории. Очерки по истории перевода / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. — Москва : Издательство Московского университета, 2021. — 318, [2] с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода // Учебник. М.: Издво Моск. унта, 2004. 544 с.
6. Геллий Авл. Аттические ночи. Книги I-X. (источник: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/avl-gellij/atticheskie-nochi-knigi-i---x>) (дата обращения: 05.10.2022)
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2001, 424 с.
8. Костикова О. И. К основаниям переводческой критики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2008. — № 1. — С. 82–91.
9. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999. — 176 с.
10. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 464 с.
11. Цицерон, Марк Туллий. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В.А. Алексеева, отчасти Ф.Ф. Зелинского) / Ред., введ. и примеч. Ф. Зелинского: А.Я. Либерман, 1901.

12. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. 215с.
13. Шлейермахер Ф. «О разных методах перевода» перевод Н.М. Берновской под ред. А.Л. Борисенко и А.Ю. Зиновьевой // Вестник Московского университета, серия 9, Филология, 2000, 2.
14. Dimitrova B.E. Expertise and Explicitation in the Translation Process. Stockholm. 2005. 295 pp.
15. Horguelin P. A. Antologie de la manière de traduire. Domaine française. Montréal. Linguattech, 1981, 230 pp.
16. Nord C. Text Analysis in Translation: theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis / C. Nord. – Amsterdam: Rodopy, 2005. 274 pp.
17. Venuti L. The Translator's Invisibility, London, New York, 1995. 336 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Обозначенная в заголовке, да и рассматриваемая в рецензируемой статье проблема, безусловно, является актуальной и значимой. Автор обращается к теории перевода, конкретизировав две точки крайностей – это предпереводческий анализ и переводческая стратегия. Текст достаточно грамотно структурирован, материал информационно насыщен; методология концентрична. Считаю, что явным достоинством статьи является созданный автором продуктивный диалог с потенциально заинтересованным читателем. Это проявляется буквально с самого начала, до финальных тезисов: «перевод не является продуктом времён колониализма или империй, когда связь между государствами являлась основой дипломатического взаимодействия и решения мировых конфликтов и проблем и появление переводчиков были ответом на запрос государства. История перевода уходит в древние времена, когда мобильность человека была гораздо ниже, чем сегодня, и когда функционал переводчика был не таким, как сегодня», или «обращение к древним временам позволяет нам не только примерно очертить временные и географические рамки появления практики перевода и переводчиков как ремесленников, но и выделить некоторые тексты, которые сегодня мы с уверенностью можем назвать продуктами перевода, а также предисловия к данным работам, которые помогают нам убедиться в том, что формирование понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии началось задолго до появления лингвистики как отдельной науки», или «на примере вышеуказанных текстов мы можем подтвердить факт формирования разных переводческих стратегий ещё задолго до появления термина. В комментариях мы можем также выделить и зачатки предпереводческого анализа, выполнявшегося переводчиками, - так, Цицерон понимает, что речи «вождей аттического красноречия» есть шедевры ораторского искусства, и в тексте перевода выразительность средств должна сохраняться, даже если этот перевод будет не «по форме». В противном случае – перевод перестанет быть текстом великого оратора» и т.д. Автор формирует также и диалог с т.н. условными «оппонентами» - Цицерон, Фридрих Шлейермахер, Жак Амио, М.П. Брандес и т.д. Примечательна для данного труда и т.н. научная емкость: «существует несколько схем предпереводческого анализа в зависимости от подхода. Например, сторонники лингвистической теории рассматривают предпереводческий

анализ как инструмент для обеспечения наиболее полного понимания смысла оригинального текста. Такое понимание исходного материала, согласно лингвистической теории, позволит избрать наиболее правильную стратегию перевода. Сторонники функционального направления в переводе же придерживаются идеи о необходимости определения функции исходного текста, а также учёта контекста культуры реципиента перевода. Следовательно, предпереводческий анализ для сторонников функционального направления ставит во главу угла экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации и вопрос об уровне их влияния на текст». Ссылки на источники полновесны, формальные требования учтены. Работа имеет завершённый вид, точка зрения автора аргументирована, главное – цель работы достигнута. Стиль труда соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «переводчику также следует определять или хотя бы попытаться определить коммуникативную цель текста. Цель текста нередко зависит от жанра, в котором текст существует. Коммуникативной целью или коммуникативным заданием текста может быть сообщение новой информации, установление контакта, убеждение в чём-либо, инструктаж и т.п. Определение коммуникативной цели текста поможет переводчику определить, какие языковые конструкции будут доминантными при переводе. Для наиболее точного подбора языковых средств при переводе также представляется необходимым определить речевой жанр оригинального текста», или «подчеркнём, что во всех приведённых концепциях есть много общих элементов: необходимость определения жанра и стиля исходного текста, определение типов информации, что в совокупности помогает переводчику определиться с доминирующим языковым стилем перевода. После разбора основных концепций предпереводческого анализа текста можно констатировать, что общей и единой его схемы нет. Схема И. С. Алексеевой представляется нам наиболее удобной, т.к. она учитывает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы», или «при избрании стратегии перевода переводчик часто сталкивается с необходимостью принятия решения, кому «навстречу» он пойдёт при выполнении своей работы: читателю или же автору. В зависимости от принятого им решения реализовывается подход доместикации или форенизации соответственно. Данный выбор связан с понятием «чужого» в переводе, которое при форенизации будет демонстрироваться читателю, а в случае доместикации – сглаживаться и приводиться к знаменателю культуры страны языка перевода» и т.д. Итогом работы становится сжатый вывод: «таким образом, предпереводческий анализ и переводческая стратегия не только не являются исчерпывающими составляющими описания переводческого процесса, но образуют сложную систему процесса осуществления перевода», но и при этой вариации он уместен ситуативно. Рекомендую статью «Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Семенова В.С., Лазутова Н.М. — К вопросу о формировании этнического имиджа в медиа: попытка периодизации // Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69485 EDN: QCYENW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69485

К вопросу о формировании этнического имиджа в медиа: попытка периодизации

Семенова Варвара Сергеевна

соискатель, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1132223754@pfur.ru

Лазутова Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0001-7524-1907

старший научный сотрудник, кафедра цифровой журналистики, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

121009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9, стр.1

✉ n.m.rom@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69485

EDN:

QCYENW

Дата направления статьи в редакцию:

30-12-2023

Дата публикации:

11-01-2024

Аннотация: В статье изучен процесс формирования этнического имиджа в контексте изменений внутрироссийского медиапространства. В качестве эмпирического материала использовались медиатексты портала «Аргументы и факты» (АиФ). Цель исследования — создание рабочей периодизации, обладающей эвристическим потенциалом для

последующего структурированного системного изучения процессов медиакommunikаций в сфере формирования национального имиджа. В статье ставятся в научную повестку и приближают к разрешению противоречий вопросы тематики медиатекстов, посвящённых жителям Кавказа: в результате выявлены особенности содержания и специфика эмоционально-оценочных элементов журналистских материалов АиФ о представителях кавказских этнических групп, констатируется наличие в медиатекстах деструктивных стереотипов. Актуальность данного материала объясняется современными негативными последствиями межэтнических противостояний, к которым привели, в том числе, конфликтогенные тексты в средствах массовых коммуникаций конца XX века. Применена методология историко-семантического и когнитивно-метафорического анализа, что позволило выявить лингвистические структуры, лежащие в основе формирования определённого отношения аудитории к кавказским народам, а также проследить динамику их трансформаций. После распада СССР журналисты массовых изданий, включая АиФ, активно использовали идентификационную конструкцию «мы и они», опосредованно формировали негативную репутацию национальных меньшинств, создавали преграды для их интеграции в общероссийскую идентичность, усиливая тем самым социально-психологическую напряжённость в обществе, увеличивая социальное дистанцирование, оказывая влияние на процессы дискриминации и замкнутости народов Кавказа. В современной глобальной практике конвергентности, экранности и «субъектно-субъектных» процессов массовых коммуникаций многократно усилился воздействующий потенциал транслируемого контента. Должен быть усилен государственный контроль за редакционной политикой массовых изданий, а также актуализирована персональная ответственность профессиональных журналистов за свою работу. Также необходимо поддерживать медиаобразовательные инициативы для повышения медиаграмотности аудитории медиа. Результаты исследования могут быть использованы для переосмысления и коррекции стратегий создания и продвижения контента этнической тематики.

Ключевые слова:

формирование имиджа, имидж кавказца, журналистика, стереотипы, кавказофобия, консолидация общества, медиаобразование, периодизация, А и Ф, ответственность журналистов

Обострение взаимоотношений постсоветской России и республик Северного Кавказа к исходу XX века актуализировало внимание СМИ к кавказскому региону, к формированию его медиаобраза. Это было отмечено в 2013 году ведущими учёными Института этнологии и антропологии Российской академии наук в экспертном докладе «Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе»: с начала 2000-х гг. ситуация на Северном Кавказе перестаёт быть предметом внимания только специалистов, профессионально занимающихся её изучением, она вызывает интерес у публицистов и журналистов, писателей, политиков разных направлений и, в целом, у российской общественности.

Распад Советского Союза нарушил традиционные экономические и культурные связи с Кавказом. Это способствовало росту сепаратистских тенденций, что впоследствии привело к необходимости контртеррористических операций в Чеченской Республике,

Дагестане, Ингушетии. Северный Кавказ, территориально представленный Ставропольским краем, Карачаево-Черкесией, Кабардино-Балкарией, Северной Осетией – Аланией, Ингушетией, Чеченской Республикой и Дагестаном, остался в составе Российской Федерации. И если пять первых территориальных образований, несмотря на наличие различных острых противоречий, держались в рамках законности, то три последних оказались втянуты в события, выходявшие за рамки мирной жизни.

Военные столкновения на Северном Кавказе, а также серия терактов в Москве в 1990-х гг., оставили негативный след в сознании социума и в медиапространстве. Важно отметить, что роль СМИ особенно возрастает «в период общественно-политической нестабильности в стране и в мире, на фоне продолжающейся международной конфронтации, серьезных миграционных проблем, на фоне роста национал-экстремизма и терроризма» [\[1, с. 36\]](#). В это время массовые издания несут как позитивную, так и конфликтную информацию, используют различные информационные технологии, политизируют общество, активно формируют общественное мнение. В российских медиа, а затем и в научном исследовательском поле возник термин «кавказофобия», который обозначает иррациональный страх, предубеждения или враждебное отношение к народам Кавказа, их культуре и традициям. Отметим, что наибольшую угрозу представляют те причины возникновения кавказофобии, которые формируются на уровне «здесь и сейчас»: экономические факторы, политические и нарастание негатива в СМИ [\[2, с. 150\]](#). Изучению данной проблематики посвящены научные труды на стыке гуманитарных наук [\[3, 4\]](#), но наибольший конструктивный потенциал несут исследования в сфере теории журналистики и массовых коммуникаций [\[5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12\]](#). В контексте межнациональной проблематики концептуально важны теоретические вопросы формирования имиджа «другого», в том числе отражение образа мусульманских государств в российских и зарубежных медиа [\[13, 14\]](#).

Журналисты, работающие в сфере национальной проблематики, эмоционально и психологически воздействуют на аудиторию, формируя медийный образ, закрепляют определенное отношение к объекту или явлению в общественном или индивидуальном сознании. При этом используются как реальные, так и вымышленные факты, существующие и мнимые свойства события: ограничителем здесь должны быть профессиональные этические нормы, которые далеко не всегда соблюдаются. В современном мире возрастает значение авторской позиции, для журналиста важна система ценностных оценок и редакционная политика издания, в котором он работает. Одновременно журналисты должны учитывать, что контент считается аудиторией с экрана, который обладает особыми системообразующими свойствами [\[15\]](#), особой коммуникативной экологией, как сетевой разнонаправленной, так и телевизионной односторонней [\[16, 17, 18\]](#).

Ярко выраженная субъективность способствует формированию определенного мнения о кавказцах как в России, так и за ее пределами. Как итог, в массовом сознании россиян закрепился стереотипный конструкт «кавказцы». Имидж кавказца в отечественных медиа смоделирован на основе таких оценочных словосочетаний как «дикий Восток», «волчий народ», «неукротимые горцы». В СМИ допускаются к публикации фразы из интервью граждан, называющих кавказцев «понаехавшими», «дикарями», «с гор спустившимися», «лицами кавказской национальности».

Чтобы понять, какие стереотипы о кавказцах, влияющие на межэтнические отношения, чаще всего встречаются в российских СМИ, были изучены современные и архивные

материалы информационного портала aif.ru, еженедельника «Аргументы и факты». Согласно данным за март-июль 2023 года, представленным компанией Mediascope, издание занимает первое место в рейтинге самых читаемых еженедельных газет. Совокупная аудитория объединенной редакции (газета «Аргументы и факты» и сайт aif.ru) превышает 32 миллиона человек.

Изучение содержания, направленности и эмоционально-оценочного компонента стереотипного имиджа «кавказца» в статьях на портале aif.ru, выявило динамику основных детерминант представлений о поведении народов СКФО, а также частоту их использования, начиная с 2000-х годов. Кавказские народы характеризуются как гостеприимные, мужественные, обладающие честью и силой духа. Наряду с этим встречается использование негативных стереотипов: агрессивность, консерватизм и неприятие других культур, иными словами – кавказский шовинизм. Встречались статьи о подчинённости женщины в кавказской семье.

Результаты анализа позволили достичь цели данного исследования – на основе публикаций АиФ (с 2000 года) создать периодизацию для последующего структурированного системного изучения процессов медиакommunikаций в сфере формирования национального имиджа. Развитие отношений Северного Кавказа и современной России в российских СМИ можно условно разделить на четыре периода.

1. Период конфронтации (2000–2009). Россия вошла в новое тысячелетие, объявив о начале Контртеррористической операции на Северном Кавказе. Освещение конфликтов на Кавказе сместилось в сторону борьбы с терроризмом: упоминания в СМИ о зверствах боевиков под командованием Шамиля Басаева и полевого командира Хаттаба приводили россиян в ужас, а имена Дудаева, Масхадова, Уварова и Бараева знал каждый.

Государственные СМИ, в частности, «Аргументы и факты» акцентировали внимание на борьбе России с чеченскими боевиками, называя их террористами и подчеркивая необходимость силового подавления бандформирований. При этом информация об операциях и потерях со стороны правительственных сил, как и о возможных жертвах среди мирного населения, не была полной. АиФ в этот период рассуждает о нелюбви русских к кавказцам, использует выражения «чужестранцы», «иногородцы», «выходцы с Кавказа», «лица кавказской национальности», под описание которых подходит любой мужчина средних лет с темными глазами и волосами, преуспевающий в сфере торговли (статья «Почему мы не любим "лиц кавказской национальности"», <https://archive.aif.ru/archive/1710279>)

В 2004 году корреспонденты АиФ отправились в рабочую поездку по Северному Кавказу, чтобы показать, как свободно кавказские террористы могут перемещаться по стране. В станции Галюгаевская Ставропольского края, граничащей с Чечней, именуемой журналистами «горячей точкой», выясняется, что местные живут в постоянном страхе, ежедневно опасаясь терактов, а участковый уподобляет «бандюгам» всех чеченцев. Этнический окрас статья «"Бомба" в багаже» (<https://archive.aif.ru/archive/1631902>) приобретает в финале путешествия, действие разворачивается в столичном аэропорту, когда при очередном досмотре, дагестанец произносит: «Угораздило меня "чуркой" родиться. У меня что, на роже написано – я террорист?».

2. Период консолидации и стабилизации (2010–2014). На фоне усиления экстремистских группировок и террористических актов в России СМИ начинают принимать активное участие в компании противодействия терроризму. Появляется больше информации о роли российских Вооруженных сил в стабилизации обстановки на Северном Кавказе,

акцент делается на усилении роли федеральной власти и установлении контроля над регионом.

АиФ констатирует социально-экономическую ситуацию в регионе, указывая на отток русских (прежде всего, из ЮФО и Ставрополья), высокий уровень безработицы (статья «Что является причиной оттока русских с Кавказа. Мнения экспертов», <https://stav.aif.ru/society/law/158756>). Нехватка рабочих мест рождает конкуренцию и приводит к расширению границ между богатством и бедностью, наблюдается расцвет этнотитульного протекционизма и рост мигрантов из Средней Азии. Риторика экспертов о решении русофобского вопроса на Кавказе пессимистична. Вслед за моноэтнизацией Чеченской Республики и Республики Ингушетия возрастают риски возвращения сепаратистских движений в ряде регионов Северного Кавказа. Специалисты в беседе с журналистом признают, что русские в глазах кавказцев нередко «алкаши поголовно», а кавказцы в глазах русских «тупые черные». Это проблема не Кавказа, а всей России, так как и первые, и вторые - граждане одной страны, уверяет автор материала, однако при отсутствии целенаправленной госполитики представители разных национальностей не чувствуют себя гражданами единой державы. Межнациональный вопрос не теряет остроты: «Когда 20 лет страну заряжают тем, что кавказцы – злые, бородатые, неконтролируемые люди, – какое будет отношение?» – отмечает член комитета по национальной политике Борис Кантемиров. Не решаются или плохо решаются вопросы межнациональных отношений, что чревато серьезными этническими проблемами, размывается национальное и патриотическое самосознание, аналитики призывают федеральные власти «повышать качество жизни людей, а не рассуждать о русских и не русских».

Изучая в этот период отражение этнокультурных ценностей кавказских народов в прессе, Рева Е.К. пишет о том, что «в современном информационном пространстве, происходит процесс так называемой реабилитации восприятия обществом региона Северного Кавказа и населяющих его народов, заметно трансформируя все прежние подходы к отражению северокавказского менталитета. Элементы национальной культуры начали играть роль информационных механизмов, способствующих пониманию менталитета того этноса, который представлен в журналистском материале» [\[19, с. 164\]](#). Журналисты стали писать о характере и ментальности кавказцев: у них всегда было то, чем в России гордились, - благородство. Благородство и стремление к результату. Ведь почему в экономике Северного Кавказа 30% малого и среднего бизнеса? Это значит, есть склонность к самовыражению, к собственному делу. Это и в известной степени такое проявление внутренней свободы и независимости. Но все же в указанный временной отрезок материалы, дестабилизирующие межконфессиональную ситуацию в России, превалируют над толерантными и комплементарными публикациями.

3. Период социально-экономических реформ и борьбы с экстремистскими группировками (2015–2019). Это время отмечено попытками экономического оживления региона с помощью специальных федеральных программ, направленных на развитие экономики, социальной и культурной сфер, инфраструктуры Северного Кавказа. Разработана «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». На первый план выходит борьба с кавказофобией, включающая в себя просвещение, повышение культурного осознания и уважения к разнообразию всех групп населения, а также правовые меры по защите прав граждан.

Премьера фильма «Записки о горных нравах» в 2017 году стала своеобразным посланием россиянам об объединяющей силе, способной сплотить страну в целом и

республики Северного Кавказа в частности. Это попытка восстановить репутацию Кавказа в глазах общественности, популяризировать культурное наследие региона, познакомить с кавказскими традициями, обычаями, нравами горцев. АиФ в интервью с писателем Захаром Прилепиным, принявшим участие в создании этой ленты, подчеркивает, что «среднестатистический житель русской глубинки к жителям Кавказа относится сегодня со сложной смесью раздражения, высокомерия и страха» (https://aif.ru/culture/person/zahar_prilepin_borba_s_nashey_kulturoy_obrechena_na_proval). Прилепин встает на защиту кавказцев, по его словам, это люди Русского мира – сильные, гордые народы, которые совершенно осознанно живут в контексте России. Побывав на Кавказе, он признает, что там есть серьезная культурная прослойка, есть порядок. А главное – есть ощущение того, что ты находишься в культурном и политическом пространстве своей родины. Русских аристократов, воинов, офицеров и кавказских джигитов всегда объединяли одни и те же представления о чести и достоинстве, утверждает он, пройдя взаимные адаптационные процессы, можно найти общий язык и работать вместе.

Тема прав женщин на Северном Кавказе остается табуированной для многих российских СМИ. Издания предпочитают обходить эту повестку стороной или же экзотизировать ситуацию. Правозащитники уверяют, например, что с началом осени на Кавказе открывается «сезон охоты на невест» – старинный кавказский обычай не только не забыт, скорее наоборот, становится более популярным. АиФ, разбирая истории похищения кавказских девушек в статье «По закону гор, или почему на Кавказе продолжают воровать невест», отмечает, что молодые люди не спешат соблюдать гражданские законы, кражи невест на Северном Кавказе и в прилегающих регионах продолжаются, большинство из них заканчивается свадьбами, и лишь некоторые судом и разводом

(https://aif.ru/society/people/po_zakonu_gor_ili_pochemu_na_kavkaze_prodolzhayut_vorovat). Между тем северокавказские традиционалисты, как пишет издание, на словах превозносят женщин, но на деле ограничивают их свободу и возможность развиваться. «Разговоры о равноправии в лучшем случае вызывают недоумение, в худшем – можно нарваться на угрозы и даже побои» («Феминистское подполье Кавказа. Борцы за права женщин скрывают свои взгляды», https://stav.aif.ru/society/person/feministskoe_podpole_kavkaza_borcy_za_prava_zhenshchin). Утверждается, что на Кавказе царит культ девственности и материнства как единственного способа самореализации, распространены ранние и принудительные браки, похищения невест против их воли, у некоторых сообществ практикуются женское обрезание и «убийства чести».

4. Период консолидации (с 2020 и до настоящего времени). Известно, что в процессе развития культурного плюрализма возрастает и риск возникновения межнациональных конфликтов как эффект либерализации. Поэтому создание единой гражданской идентичности в стране, направленной на консолидацию общества, обеспечение гармоничной общности всех народов внутри страны, должно быть одной из основных задач российской государственной национальной политики. Кавказцы, чьи отцы четверть века назад воевали против русской армии, сегодня вступают в ее ряды, являясь верными защитниками общей родины. Северный Кавказ стал полноценным регионом России, куда не страшно приехать русским. После 2021 года, в контексте направленности государственной политики на внутреннюю стабильность и межнациональное согласие, российские СМИ, в том числе АиФ, демонстрировали корректность в изображении этнических групп. Это показал анализ содержания материалов портала АиФ (поисковые запросы «кавказец», «кавказский»). Северный

Кавказ позиционируется как одно из ключевых туристических направлений страны. Его горные территории становятся для российских туристов точкой притяжения. Северокавказские республики ежегодно принимают свыше 4 миллионов туристов. К 2030 году количество путешественников, выбирающих объекты СКФО для отдыха и лечения, может возрасти до 9-10 млн. Создание туристической инфраструктуры в регионе идет опережающими темпами, утверждает газета «Аргументы и факты» («Самобытный Кавказ. Готовы ли курорты региона к потоку туристов этим летом», https://aif.ru/money/spief2023/samobytnyy_kavkaz_gotovy_li_kurorty_regiona_k_potoku_turistov).

Вопрос безопасности остается актуальным, на это местные жители отвечают традиционным кавказским гостеприимством: «Между собой у нас могут быть разногласия, порой нешуточные. Но вы гости. Вас в любой республике примут, накормят, напоят и спать уложат» («"Вы гости, у вас иммунитет". Что ждёт туристов на Кавказе?», https://aif.ru/travel/vy_gosti_u_vas_immunitet_chno_zhdyot_turistov_na_kavkaze). Что касается безопасности на дорогах, то «для многих водителей на Кавказе хоть и нет понятия "сплошная линия", но при этом есть здравый смысл и взаимная вежливость». Специалисты предупреждают о своевременном информировании гостей об обычаях и традициях народов этой земли, поскольку кроме главной из них - гостеприимства, важно учитывать и другие, чтобы относиться к местному населению уважительно. Туризм на Северном Кавказе – мягкая политическая сила, которая может убедить всех россиян в том, что край процветает, что он встал на путь созидания, мира и благополучия.

Итак, общероссийская пресса, представленная в исследовании публикациями медиапортала «Аргументы и факты», несколько раз за последние два десятка лет кардинально меняла редакционную политику в отношении кавказских республик, формируя определённое отношение аудитории к СКФО. После распада СССР типичным было словосочетание «мы и они», ставшее триггером усиления социально-психологической напряженности. Теперь в этнической журналистике используется словосочетание «мы вместе в России».

Принимая во внимание негативные последствия межэтнических противостояний, следует проанализировать возможности разработки мер и механизмов, направленных на защиту общества от конфликтогенного воздействия СМИ. И прежде всего речь должна идти о медиаобразовании. При подготовке журналистских кадров следует обратить внимание на этические вопросы и развитие медиакультуры и медиакомпетентности [20]. Журналистам необходимо разрушать деструктивные стереотипы и преодолевать предубеждения, сформированные вокруг кавказских этнических групп.

Библиография

1. Малькова В.К. Этнополитические реалии в современном российском медиапространстве // Вестник российской нации. 2019. № 1. С. 35–44.
2. Дедюлина М.А. Кавказофобия как разновидность этнофобии // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2006. № 22. С. 115–118.
3. Ракачева Я.В. «Кавказцы» в российском регионе: формирование стереотипного образа и преодоление предубеждений // Общество: социология, психология, педагогика. 2012. № 2. С. 40–47.
4. Мутаев У.К. Профессиональная адаптация представителей северокавказских национальных общин в средних городах России. Автореф. дис. кандидата социолог. наук. Нижний Новгород: НГУ, 2005.
5. Рагозина С.А. Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс

- исламофобии в российских СМИ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 272–299.
6. Рева Е.К. Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор // Гуманитарный вестник. 2022. Т. 17. № 2. С. 181–191.
7. Alluhaidah M. Representations of Islam and Muslims in Media Addressed by Corpus-Based Approaches: Systematic Literature Review // International Journal of Linguistics and Translation Studies. 2023. No. 4(4). Pp. 187–198.
8. Yakova T.S., Volkova I.I. Classical theories of media systems: Relevance for the contemporary research // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2023. No. 28(2). Pp. 344–354.
9. Nickerson C. Media portrayal of terrorism and Muslims: a content analysis of Turkey and France // Crime Law Soc Chang. 2019. No. 72. Pp. 547–567.
10. Ahmad Khan R.A., Umbreen F., Ahmad N. ul B. Media Representation of Islam and Muslims as a Security Threat // Annals of Human and Social Sciences. 2022. No. 3(2). Pp. 255–263.
11. Ragozina S. Constructing the image of Islam in contemporary Russian print media: the language strategies and politics of misrepresentation // Religion, State and Society. 2020. No. 48(1). Pp. 22–37
12. Deranieh A.N. The Role of Arab Media as an Educational Institutions in Showing the Mental Image of Islam among Jordanian Youth // Al-Balqa Journal for Research and Studies. 2022. No. 25(1). P. 2.
13. Ашур Х.Ю.Д., Волкова И.И. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации» // Вопросы теории и практики журналистики. 1021. Т. 10. № 1. С. 39–50.
14. Тория Ж.Н. Формирование позитивного имиджа Карачаево-Черкесской Республики в российском информационном пространстве (социологический подход) // Коммуникология. 2018. № 6(5). С. 99–106.
15. Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций. Автореф. дис. доктора филолог. наук. М.: РУДН, 2015.
16. Лазутова Н.М., Волкова И.И. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12(212). С. 106–111.
17. Экосистема медиа: цифровые модификации: коллективная монография / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021.
18. McGarry J., Rane H., Ubayasiri K. Framing Islam and Islamism in the Australian news media: A content analysis of the Australian Broadcasting Corporation and the Australian // Australian Journalism Review. 2023. No. 45(2).
19. Рева Е.К. Особенности репрезентации национальных культурных ценностей народов Северного Кавказа в современной журнальной периодике // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 162–173.
20. Levitskaya A., Fedorov A. Criteria and Methods for Assessing the Effectiveness of Activities, Contributing to the Development of Students' Media Competence in the Process of Analyzing Media Manipulative Influences // International Journal of Media and Information Literacy. 2021. No. 6(1). Pp. 129–145.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Поднимаемый в рецензируемой статье вопрос находится в сегменте синтеза разных гуманитарных дисциплин. Отчасти это не плохо, скорее всего, продуктивно, даже конструктивно, однако, по ходу работы серьезной аналитической процедуры нет. Номинации, например, превалируют в следующих фрагментах: «укрепление межнациональных отношений с республиками Северного Кавказа в начале 2000-х годов актуализировало вопросы изучения этнокультуры региона и стратегию формирования его положительного имиджа. Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) многонационален, при этом его народы обладает общими, исторически сложившимися, религиозными, социальными и другими особенностями. Эти особенности были артикулированы и закреплены в медийном пространстве России через этнические стереотипы. В результате жители СКФО за пределами своей малой родины сталкивались с дискриминационным отношением, у них возникали определенные проблемы самоидентификации при миграции внутри страны», или «журналисты, работающие в сфере национальной проблематики, эмоционально и психологически воздействуют на аудиторию, формируя образ, закрепляют определенное отношение к объекту или явлению в общественном или индивидуальном сознании. При этом нередко используются реальные и вымышленные факты, существующие и мнимые свойства события. В современном мире возрастает значение авторской позиции, для журналиста важна система ценностных оценок», или «изучение содержания, направленности и эмоционально-оценочного компонента стереотипного имиджа «кавказца» в статьях на портале aif.ru, выявило динамику основных детерминант представлений о поведении народов СКФО, а также частоту их использования, начиная с 2000-х годов. Кавказские народы характеризуются как гостеприимные, мужественные, обладающие честью и силой духа. Наряду с этим встречается использование негативных стереотипов: агрессивность, консерватизм и неприятие других культур, иными словами – кавказский шовинизм. Встречались статьи о подчинённости женщины в кавказской семье» и т.д. При подобной манифестации фактов необходима и серьезная доказательная база, практически нет в должной мере отсылок к тем или иным «метафорическим оборотом», которые преподносятся читателю. Считаю, что если автор обозначает остроту и важность вопроса, нужно точно / предметно это аргументировать. Например, «в 2004 году корреспонденты АиФ отправились в рабочую поездку по Северному Кавказу, чтобы показать, как свободно кавказские террористы могут перемещаться по стране. В станице Галюгаевская Ставропольского края, граничащей с Чечней, именуемой журналистами «горячей точкой», выясняется, что местные живут в постоянном страхе, ежедневно опасаясь терактов, а участковый уподобляет «бандюгам» всех чеченцев. Этнический окрас статья «"Бомба" в багаже» (28.04.2004) приобретает в финале путешествия, действие разворачивается в столичном аэропорту, когда при очередном досмотре, дагестанец произносит: «Угораздило меня "чуркой" родиться. У меня что, на роже написано – я террорист?». Цитация дана – отсылки же к материалам открытого доступа нет. Заявленная в заголовке тема – «к вопросу о метафорическом моделировании...» – по ходу работы не раскрывается, эмпирика оценки преобладает, нужная научная выверенность отсутствует. Описательные черты, например, встречаем в следующих фрагментах: «тема прав женщин на Северном Кавказе остается табуированной для многих российских СМИ. Издания предпочитают обходить эту повестку стороной или же экзотизировать ситуацию. Правозащитники уверяют, например, что с началом осени на Кавказе открывается «сезон охоты на невест» – старинный кавказский обычай не только

не забыт, скорее наоборот, становится более популярным. АиФ, разбирая истории похищения кавказских девушек, отмечает, что молодые люди не спешат соблюдать гражданские законы, кражи невест на Северном Кавказе и в прилегающих регионах продолжаются, большинство из них заканчивается свадьбами, и лишь некоторые судом и разводом («По закону гор, или почему на Кавказе продолжают воровать невест», 26.08.2014)», или «известно, что в процессе развития культурного плюрализма возрастает и риск возникновения межнациональных конфликтов как эффект либерализации. Поэтому создание единой гражданской идентичности в стране, направленной на консолидацию общества, обеспечение гармоничной общности всех народов внутри страны, должно быть одной из основных задач российской государственной национальной политики. Кавказцы, чьи отцы четверть века назад воевали против русской армии, сегодня вступают в ее ряды, являясь верными защитниками общей родины. Северный Кавказ стал полноценным регионом России, куда не страшно приехать русским. После 2021 года, в контексте направленности государственной политики на внутреннюю стабильность и межнациональное согласие, российские СМИ, в том числе АиФ, демонстрировали корректность в изображении этнических групп» и т.д. Автору необходимо не только обозначить проблему, но показать как «метафорически» на конкретных примерах, детально срабатывает механизм создания «этнического имиджа». Текст нуждается в серьезной доработке, цель должна быть достигнута, тема раскрыта. Финальная часть также уровнево слаба, итог формален и не соотносится с основным блоком: «итак, за последние 22 года общероссийская пресса, представленная в исследовании публикациями медиапортала «Аргументы и факты», несколько раз кардинально меняла редакционную политику в отношении кавказских республик, формируя определенное отношение аудитории к СКФО. После распада СССР типичным было словосочетание «мы и они», ставшее триггером усиления социально-психологической напряженности. Теперь в этнической журналистике используется словосочетание «мы вместе в России». Статья «К вопросу о метафорическом моделировании этнического имиджа в медиа» с учетом сказанного не может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «К вопросу о формировании этнического имиджа в медиа: попытка периодизации», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения особенностей медиатекстов.

Автор обращается к изучению сложившегося в современном российском медиапространстве имиджа жителя республик Северного Кавказа

Как известно, в условиях развития информационного общества возможности средств массовой информации значительно увеличиваются – это не только канал информирования, но и инструмент воздействия на массовую аудиторию.

Целью данного исследования является создание периодизации для последующего структурированного системного изучения процессов медиакommunikаций в сфере формирования национального имиджа.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье

представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Практической составляющей исследования явились материалы информационного портала aif.ru, еженедельника «Аргументы и факты». Однако, автор не указывает на объем отобранного языкового материала для проведения исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит сведения из истории изучения вопроса, автор не приводит основных концепций и научных направлений, что не позволяет выделить приращение научного знания, сделанное автором. Выводы по статье не в полной мере отражают проведенное исследование и требуют уточнения. Библиография статьи насчитывает 20 источников как на русском, так и иностранном языках. В статье нарушен общепринятый порядок алфавитного выстраивания источников согласно ГОСТа. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвистике, медиадискурсу, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «К вопросу о формировании этнического имиджа в медиа: попытка периодизации» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Галанкина И.И., Перфильева Н.В., Перфильев А.К. — Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок // Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69596 EDN: PCNSTG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69596

Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок

Галанкина Инна Ивановна

ORCID: 0000-0003-2702-0581

старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин,
Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева

127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ galankina@rgau-msha.ru

Перфильева Наталия Владимировна

ORCID: 0000-0002-1018-809X

кандидат филологических наук

доцент, кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ NPerfilieva@yandex.ru

Перфильев Алексей Кириллович

аспирант, кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1142221165@pfur.ru

[Статья из рубрики "Профессиональный язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69596

EDN:

PCNSTG

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2024

Дата публикации:

17-01-2024

Аннотация: Актуальность исследования заключается в уточнении терминологического статуса недавно образованных единиц и описании многообразия способов пополнения терминосистем. Предметом исследования являются модели терминологических единиц гидротехники и сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Целью работы оказывается репрезентация способов деривации в языке гидротехники, а также выявление и классификация специфических терминологических сочетаний указанных отраслей. Проведенное исследование также позволило уточнить критерии отнесения терминологических наименований к следующим классам слов: термин, квазитермин, предтермин. Практическая значимость подразумевает применение результатов при составлении баз данных и материалов для обучения профессиональной коммуникации на иностранных языках. Перспективой исследования является контрастивный анализ данных терминосистем в двух и более языках в целях уточнения перевода терминологических единиц. Структурные особенности терминологических единиц определены с помощью контрастивного анализа. Отбор и сопоставление терминологических единиц были проведены на материале сплошной выборки из нормативных документов исследуемых отраслей. Данные статистического анализа продемонстрировали частотность образования двух-, трех-, четырех- и т. д. терминологических наименований в гидротехнике и в сфере закупок. Практическая значимость подразумевает применение результатов при составлении баз данных и материалов для обучения профессиональной коммуникации на иностранных языках. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что точность выражения понятий новой сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд достигается за счет многословных моделей, компоненты которых объединены облигаторной валентностью. Особенности гидротехнической терминосистемы является отсутствие пяти-, шести- и семикомпонентных моделей, что во многом компенсируется богатством деривационных средств и обусловлено «возрастом» данной отрасли. Новизна работы определяется несколькими факторами: во-первых, уточняется терминологический статус квазитермина и предтермина, во-вторых, обосновывается критерий обязательной валентности для определения многословного сочетания слов в качестве устойчивого терминологического наименования.

Ключевые слова:

термин, предтермин, квазитермин, валентность, терминосистема, семантика, терминологические словосочетания, модели терминологических единиц, сфера закупки, сфера гидротехники

Введение

Исследования языка для специальных целей, начатые в первой половине XX в., не теряют своей актуальности и ведутся в двух основных направлениях: с одной стороны, систематизируется теоретическое наследие и, с другой стороны, изучаются конкретные терминосистемы и предметные области различных сфер деятельности. Практические изыскания позволяют уточнить некоторые дискуссионные положения теоретического

терминоведения. Язык для специальных целей проработан в теоретическом аспекте ведущими отечественными учеными: О. С. Ахмановой [1], Г. О. Винокуром [2], С. В. Гриневым-Гриневицем [3], В. П. Даниленко [4], В. М. Лейчиком [5], Д. С. Лотте [6], А. В. Суперанской [7], В. А. Татариновым [8], и многими другими лингвистами, однако сам *термин* трактуется по-разному. В настоящее время известно более шестидесяти дефиниций термина [9], что обусловлено многообразием отраслей применения специальной терминологии, которое и порождает вариативность терминологических единиц: *термин, предтермин, терминойд, профессионализм* и др. С. В. Гринев-Гриневиц, анализируя существующие определения термина, предлагает краткую обобщающую дефиницию – *специальная лексема*. Слово *лексема*, по его мнению, универсально и заменяет встречающиеся в других определениях такие родовые понятия, как: *слово, словосочетание, номинативная специальная лексическая единица, номинативно значимая лексическая единица* [3, с. 719].

Общепризнанными свойствами термина считаются: системность, принадлежность к специальной отрасли, связь с понятием, дефинированность, однозначность, контекстуальная независимость, устойчивость, номинативность, стилистическая нейтральность [3, с. 722-923]. Следует отметить, что отдельные характеристики, например, *контекстуальная независимость, номинативность, стилистическая нейтральность* являются факультативными. Некоторые исследователи, в частности, В. П. Даниленко справедливо считают, что термином может быть не только существительное и номинативное словосочетание, но и глагол [4]. Тем не менее, в корпусе терминов преобладают номинативные единицы. Б. Н. Головин в труде «Язык и статистика» публикует результаты статистического анализа частотности употребления различных частей речи в языке науки и художественной литературы. По его данным, употребление глагола в научном стиле речи составляет 9 процентов, что в два раза меньше, чем в языке художественной литературы. Частотность употребления имен существительных и прилагательных в указанных стилях примерно одинакова [10, с. 123]. Глаголы в терминологической функции, по-видимому, следует рассматривать как единицы, находящиеся на периферии терминосистем. Таким образом в фокусе настоящего исследования оказываются номинативные терминологические единицы, как наиболее частотные в языке для специальных целей (ЯСЦ).

К ЯСЦ, кроме термина, относятся и другие единицы. *Предтермин* – специальная лексема для названия нового, недавно сформировавшегося понятия, как правило, не полностью соответствует основным требованиям к термину, в первую очередь, требованию краткости, но временно используется в качестве термина или же закрепляется в качестве *квазитермина* [3]. Составной частью однословного термина может стать *терминоэлемент* – регулярно воспроизводимая специальная морфема (или осколок морфемы) со стабильным значением. Специальное слово в составе терминологического словосочетания квалифицируется как *компонент* [11, с. 2190].

Как показал анализ научной литературы, формальные признаки, определяющие лексическую единицу как термин, терминойд или предтермин, трактуются по-разному в зависимости от многих факторов: от подхода к исследованию, от его предмета и объекта и др. В частности, не является универсальным критерий краткости / протяженности термина, так как длина терминологической единицы варьируется в зависимости от сферы функционирования. Например, для единиц терминосистемы менеджмента, как констатирует Н. В. Сербиновская, требование точности приобретает более важное

значение, чем критерий краткости, и количество терминов-словосочетаний в этой области значительно [12]. Таким образом, в настоящее время вопросы о критериях разграничения типов терминологических единиц и выделения словосочетаний-предтерминов как единиц ЯСЦ не теряют актуальности и требуют уточнения.

Во многом определяет актуальность терминологических исследований и прикладной аспект. Термин может рассматриваться как центральный компонент языка для специальных целей [13], поэтому изучение свойств терминологических единиц определенной отрасли является необходимым этапом работы по составлению тезаурусов и баз данных, а также подготовки профессионально ориентированных учебных пособий [13, 14, 15].

Целью настоящего исследования является описание терминологических единиц двух разноплановых направлений: гидротехнического строительства, обладающего старой терминосистемой, и сферы государственных и муниципальных закупок, с недавно образованной терминосистемой. Впервые проводится контрастивный анализ терминологических систем данных областей, который позволяет выявить общие и специфические черты терминов, предтерминов и квазитерминов, что определяет новизну исследования. Новизна исследования заключается также в описании специфики продуктивных моделей предтерминов терминосистемы сферы государственных и муниципальных закупок.

В связи с вышеизложенным ставится задача сравнить номинативные терминологические наименования, относящиеся к различным отраслям: технической – терминосистема *гидротехнического строительства* – и экономической – терминосистема *госзакупок*.

Метод Сплошная выборка единиц из профессиональных текстов и метод лингвистического анализа отобранных единиц позволили выявить отдельные свойства терминосистемы сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд и гидротехнического строительства. Общая выборка исследуемого материала составила 200 терминологических единиц сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд и 250 гидротехнических терминов. В качестве источников лексического материала были использованы следующие нормативные документы:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу 01.01.2024)
2. ГОСТ Р 70214-2022 Гидротехника. Основные понятия. Термины и определения. Москва. Российский институт стандартизации. 2022
3. СНиП 33-01-2003 Гидротехнические сооружения. Основные положения. Москва. Стандарт-Информ. 2020.

Применение статистического анализа позволило выявить наиболее частотные модели терминов и предтерминов указанных сфер деятельности.

В исследовании был применен функциональный подход, который позволяет рассматривать язык в соответствии с деятельностью человека и учитывает диалектическую природу терминов. Тезис о диффузности и размытости границ терминосистем и – одновременно – их упорядоченности [16] согласуется с идеей А. А. Кибрика о двойственном стремлении языка к дискретной, сегментированной структуре //

discrete, segmented sructure и, с другой стороны, и к недискретности // *non-discreteness*, что, по мнению лингвиста, связано с особенностями процесса познания в целом [\[17\]](#).

Результаты исследования.

1. Единицы терминосистемы Государственных и муниципальных закупок

Рассмотрим основные модели образования терминов сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Данная терминосистема представляет интерес для исследования как недавно образованная и характеризующаяся неоднородностью состава: наряду с заимствованиями, с одной стороны, имеется значительное число терминологизированных слов общелитературного языка. В данной сфере функционирует большое количество как однословных терминов, так и терминологических словосочетаний, чей статус требует уточнения. Лексическая неоднородность в первую очередь связана с полицентричностью системы, охватывающей терминополь смежных областей: экономики, права, торговли, банковского дела, сферы сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Значительную часть специального лексикона рассматриваемой сферы представляют общеупотребительные слова, образованные бессуффиксальным способом: *допуск*, а также префиксально-суффиксальным способом: *закупка, заказчик, исполнитель* и т.п. Терминологизируясь, данные лексемы приходят в строгое соответствие с понятием и приобретают соответствующую дефиницию, например: *закупка – совокупность действий, осуществляемых Банком в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации ... , направленных на удовлетворение потребностей Банка в товарах, работах, услугах (далее – продукция) путем заключения договоров и дополнительных соглашений к таким договорам по результатам проведения процедур закупки*. Одним из способов образования терминологических единиц данной отрасли также является использование формы множественного числа для выражения терминологического значения: *торги, услуги, нужды, работы* и т.п..

В сфере закупок терминологизируются некоторые словосочетания общелитературного языка: *оказание услуг, подача заявки; предоставление документации; проведение конкурса, поставка товара* и т. п.

Распространение имени существительного прилагательным в определенных случаях переводит данное словосочетание в разряд терминологических единиц: *подпись – электронная подпись, квалифицированная электронная подпись, неквалифицированная электронная подпись; помощь – гуманитарная помощь, площадка – электронная площадка*.

Среди отобранных для анализа единиц количество иноязычных заимствований, функционирующих в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, невелико и, как правило, заимствование происходит с помощью семантического калькирования: *электронная подпись, площадка (о торгах), информационная карта*. Подчеркнем, что многие слова иноязычного происхождения, такие как: *банк, документ, конкурс, мониторинг* были освоены русским языком значительно раньше, чем оформилась данная сфера деятельности и – соответственно – терминосистема.

В сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд частотны протяженные наименования, состоящие из двух, трех и более слов.

Рассмотрим подробнее протяженные неустоявшиеся терминологические единицы или

предтермины сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В результате анализа были выделены следующие модели предтерминов, в зависимости от количества лексических компонентов, связанных обязательной валентностью. См. схемы 1-6.

Схема 1. Двухкомпонентные наименования-предтермины

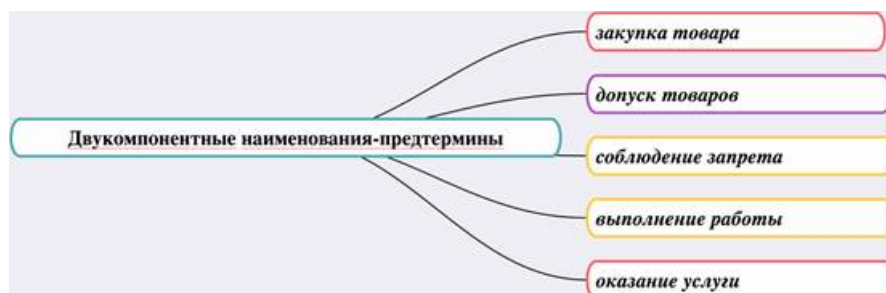

Схема 2. Трехкомпонентные наименования-предтермины

Схема 3. Четырехкомпонентные наименования-предтермины

Схема 4. Пятикомпонентные наименования-предтермины

Схема 5. Шестикомпонентные наименования-предтермины

Схема 6. Семикомпонентные наименования-предтермины

Наиболее частотными терминологическими сочетаниями являются двух-, трех- и четырехкомпонентные модели. Шести- и семикомпонентные модели терминов не частотны в данной сфере. Малое количество подобных терминологических наименований объясняется свойствами кратковременной памяти человека, способной оперировать цепочкой семь +/- два слова [19]. Таким образом, терминологические сочетания более семи слов находятся на пределе речевых возможностей человека и поэтому их количество крайне невелико.

Данные протяженные модели следует рассматривать как терминологические единицы, а именно предтермины, так как они соответствуют ряду условий:

- 1) служат для обозначения понятий сферы обеспечения государственных или муниципальных нужд;
- 2) терминологические словосочетания организованы обязательной валентностью, то есть в данной функции они представляют собой единые терминологические комплексы;
- 3) не имеется других терминологических единиц для наименования соответствующих понятий;
- 4) максимальная протяженность терминологических единиц сферы закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд ограничена семью обязательными компонентами; с факультативными компонентами количество слов в терминологическом наименовании может быть больше. Например, в пятикомпонентной модели употребляются факультативные распространители, валентность которых необязательна: *обязательства поставщика (исполнителя) по созданию, (модернизации), освоению производства товара.*

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в данной сфере частотным способом наименования понятий являются терминологические словосочетания.

Таким образом, для сферы закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд характерны наименования-предтермины, представляющие собой цепочки имен. Они отличаются от терминов отсутствием краткости, однако другие признаки терминов им свойственны: точность, регулярность, отнесенность к определенной сфере, стилистическая нейтральность. Критерием, позволяющим выделить словосочетания-предтермины как самостоятельные единицы, является наличие обязательной связи или валентности, объединяющей «терминологические многоножки» в целостные структуры.

2. Единицы терминосистемы гидротехнического строительства

Особенности единиц терминосистемы гидротехнического строительства объясняются рядом языковых и экстралингвистических факторов. Гидротехника тесно связана с другими отраслями человеческой деятельности: гидрологией, геологией, гидравликой, судоходством, сельским хозяйством, энергетикой, экологией и т.п., поэтому

терминосистеме данной области свойственна насыщенность терминами смежных наук [16] и диффузность терминополь [17].

Терминосистема гидротехники является одной из старых терминосистем в русском языке; в ней прослеживаются переходы от прототермина к термину, процессы терминологизации и де- и ретерминологизации, динамика формирования понятий. Для языка гидротехнической отрасли характерна размытость границ с общелитературным языком. Например, термины *канал*, *болото*, *фонтан* и некоторые другие имеют несколько различных дефиниций, в зависимости терминополья, к которому они принадлежат. В толковых словарях им соответствует несколько статей.

Статистический анализ выборки показал, что термины гидротехники в полной мере соответствуют критерию краткости: 80% выбранных единиц состоят из одного слова.

В составе рассматриваемой терминосистемы обнаруживаются старые термины, происходящие из прототерминов: *вода*, *река*, *озеро*, *море*, *пруд*, *снег*, *лёд*, *шуга*. В ряде случаев встречаются заимствованные из европейских языков слова: *фарватер* (нем.), *шлюз* (голл.), *фонтан* (ит.), *бассейн* (фр.), *меандр* (греч.), *терраса* (лат.) и др., а также интернациональные терминологические элементы греческого и латинского происхождения: *гидро-*, *аква-*, *эко-*, *био-* и т. п.

Важным источником пополнения корпуса терминов *гидротехнического строительства* является словообразование. Приведем наиболее частотные модели образования терминов *гидротехники*:

§ Отглагольные деривационные модели.

При образовании гидротехнических терминов активна отглагольная деривация с использованием ряда словообразовательных компонентов:

– основы приставочных глаголов и нулевой суффикс: *сток*, *разлив*, *напор*, *перекат*, *приток*;

– основы бесприставочных/приставочных глаголов и суффикс *-аниј-е/ -ениј-е/ -тиј-е* – *слияние*, *размытие*. Отдельные существительные являются членами словообразовательных цепочек, в которых значение трансформируется от предмета или признака к процессу:

вода – *наводнить / наводнять* – *наводнение*

рыба – *зарыблять / зарыбить* – *зарыбление*

сухой – *осушить / осушать* – *осушение*

меандр – *меандрировать* – *меандрирование*

В некоторых случаях промежуточное звено – глагол может отсутствовать: *дождь* – ... – *дождевание*.

· Именные деривационные модели

Немногочисленны дериваты, образованные от существительных префиксально-суффиксальным способом: *осерёдок*, *побочень*; *суглинок*; суффиксальным способом: *трещина* – *трещиноватый* – *трещиноватость*.

· Модели словосложения

Для терминологических единиц гидротехнической отрасли характерно словосложение с суффиксацией и интерфиксацией. В качестве главного компонента выступает глагольная основа. Отметим, что в выборке дериваты по этой модели составляют 15 %.

Сложные дериваты занимают особое место, так как за счет словообразовательных средств обеспечивается компрессия терминологической единицы: *судоподъёмник, водослабопроницаемый, водослабопроницаемость*.

Наиболее продуктивно словосложение с нулевой суффиксацией: *ледоход, ледостав, ледорез, шугоход, рыбоход, водовод*. Приведенные в качестве примеров слова образованы словосложением имени существительного и беспрефиксального глагола. Однако среди терминов гидротехники имеется значительная группа сложных слов, образованных от приставочных глаголов: *водовыпуск, водораздел, бревноспуск, лесосплав* что, по мнению авторов Академической грамматики, в целом не характерно для русского словообразования [20, с. 251]. В сложных словах с суффиксом *-ник* и *-ищ*-опорным компонентом может быть как бесприставочная глагольная основа (*водохранилище*), так и приставочная (*рыбоподъемник, водоприёмник*).

Менее характерно для данной терминосистемы сложение основ существительных: *железобетон*. Имеются отдельные примеры аббревиации *ГЭС, ГТС*; составных наименований *пруд-охладитель*.

Примером грамматического способа словообразования является употребление вещественного имени существительного во множественном числе: *вода – вОды*, где *вОды – совокупность всех водных ресурсов суши*. Сравним: *вода – неорганическое вещество, молекула которого содержит атомы водорода и кислорода*. В форме множественного числа неисчисляемое существительное *вода* лексикализуется, и лексема *вОды* употребляется как термин.

Некоторые слова общелитературного языка при наличии дефиниции и точной соотнесенности с определенным понятием приобретают в языке гидротехники статус терминов, например: *надежность*.

Терминологические словосочетания в основном представлены следующими моделями:

- двух-, реже трехкомпонентные сочетания со связью согласования: *водоносный горизонт, подземные воды, дождевальная установка, арочная плотина, водохозяйственная деятельность, берегоукрепительные сооружения, поверхностные водные объекты, водопропускные гидротехнические сооружения* и т.п. – 16 % выборки
- двухкомпонентные сочетания со связью управления: *истощение вод, расход воды, эпюра скоростей, бассейн водосбора* – более 1,5 % выборки
- трёхкомпонентные сочетания с согласованием и управлением: *выходы подземных вод, площадь зеркала водохранилища, устройство для капиллярного полива* – 1,5 % выборки
- наименее частотны четырёхкомпонентные сочетания *безопасная эксплуатация гидротехнических сооружений; защита от вредного воздействия вод* – менее 1% выборки.

Отметим, что во всех приведенных примерах отсутствуют факультативные лексические компоненты. Статистические данные демонстрируют значительное преобладание

однословных гидротехнических терминов. Можно сделать вывод о соответствии терминологических единиц гидротехники критерию краткости.

Двух- и трёхкомпонентные сочетания имеют устойчивый состав: не допускается их распространение. Учитывая их устойчивость и небольшую протяженность, следует считать их терминами.

Четырёхкомпонентные модели употребляются редко, их можно квалифицировать как квазитермины, то есть единицы, имеющие дефиниции и соответствующие требованиям точности, устойчивости, но не удовлетворяющие требованию краткости. В отличие от предтерминов они не допускают лексических трансформаций.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило тезис о взаимосвязи длины терминологической единицы и сферы ее функционирования. По данным выборки, протяженность терминологических единиц гидротехники невелика и составляет для термина 3 слова и для квазитермина – 4 слова. В сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд предтермин может быть образован из 6 и более компонентов.

Будучи новой терминосистемой, сфера закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд находится в процессе формирования, но несмотря на обилие предтерминов и терминологических сочетаний, успешно функционирует. У терминологических единиц терминосистемы сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд выявлены основные свойства терминов: соотнесенность с понятием, дефинированность, однозначность, точность, ясность, тенденция к номинативности. Требование краткости не применимо к большинству единиц, так как многие из них являются предтерминами. Результаты исследования позволяют определить предтермин как новое неустоявшееся обозначение, как правило, представляющее собой сочетание нескольких слов, связанных обязательной валентностью, но с возможным добавлением факультативных компонентов. Многословные протяженные модели соответствуют требованию точности.

На основе статистических данных в терминосистеме гидротехнической отрасли выделены наиболее частотные единицы – однословные термины – и наименее частотные четырёхкомпонентные словосочетания-квазитермины, обладающие нехарактерной для терминологических единиц отрасли структурой, но отвечающие требованиям устойчивости и дефинированности.

Таким образом, сравнительный анализ двух терминосистем на новом материале доказывает, что язык экономической сферы изобилует предтерминами и описательными оборотами, в которых точность достигается за счет протяженности единиц. Напротив, язык технических дисциплин стремится к максимальной компрессии термина – синтезу точности и краткости. Предтермины сферы закупок обладают меньшей устойчивостью и большей вариативностью, чем квазитермины гидротехнической отрасли.

Исследование показало, что общая стандартизация терминов различных отраслей маловероятна, речь может идти, вероятно, о стандартизации терминологических единиц отдельных сфер деятельности.

Перспективой исследования видится в проведении контрастивного анализа представленных терминосистем в разных языках.

Библиография

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стер., М.: изд-во URSS. 2021. 576 с.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // М.: Труды Московского института истории, философии и литературы: сборник статей по языковедению. 1939. Т.1. с. 3-54
3. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Ещё раз к вопросу об определении термина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Том 13. №3. с.710–729 <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания // М.: Наука, 1977, 247 с.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. // Изд. 4-е, М.: Книжный дом «Либроком». 2009. 256 с.
6. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. // Вопросы теории и методики / М.: Академия наук СССР . Ком. техн. Терминологии. М.: 1961. 158 с.
7. Суперанская А. В., Подольская Н. В. Васильева Н. В. Общая терминология отв. ред. Т.Л. Канделаки изд. 6-е // М.: изд-во URSS, 2012, 243 с.
8. Татаринов В. А. Теория терминоведения в 3-х томах. т.1. Теория термина // М.: Московский лицей. 1996. 331 с.
9. Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения М. ПринтПРО, 2018, 472 с.
10. Головин Б. Н. Язык и статистика М.: Просвещение. 1981. 189 с.
11. Казарина С. Г., Гуляева Т. Ю. Структурные характеристики однолексемных номинаций как фрагмент типологических паспортов терминосистем медицины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. // Тамбов: Изд-во «Грамота». 2022. т.15. вып. 7. с.2189-2193 <https://doi.org/10.30853/phil20220398>
12. Сербиновская Н. В. Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке // Новочеркасск: изд-во ЮРГУ(НПИ). 2009. 232 с.
13. Perfilieva N., Galankina I., Novospasskaya N. Russian as the second language: Teaching beginners medical terminology and language for special purposes // INTED2019 Proceedings. Valencia: 2019. <https://doi.org/10.21125/inted.2019.0658>
14. Lazareva O., Yuhan Y., Perfilieva N., Novospasskaya N. Technology for mastering Russian vocabulary by Chinese students // EDULEARN20 Proceedings. 2020. <https://doi.org/10.21125/edulearn.2020.0898>
15. Solovieva A.A., Galankina I. I., Lukyanchenko M. V., Artyukhova N. S., Tsibizova O. V. Problems of teaching professional communication to chinese hydrotechnical engineering students // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. European Publisher. 2021. P. 317–327. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.38>
16. Галанкина И. И., Перфильева Н. В., Цибизова О. В. Терминосистема гидротехники: диффузность терминополь и полицентричность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. №3. С. 730-749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749>
17. Kibrik A. A. The problem of non-discreteness and spoken discourse structure // International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Technologies Dialog'2015 // report at the conference/ Moscow Russia May 27-30. 2015 P. 231-240 [Электронный ресурс] <https://elibrary.ru/item.asp?edn=vjliev> (Дата обращения: 10.10.2023)

18. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits in our capacity for proceeding information. The Psychological Review. March 1956. Vol. 63 №2. P. 81-97
19. Русская грамматика //АН СССР М.: Наука. 1980. т.1.748 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок» несомненно рассматривается актуальная проблема научно-технической терминологии на материале русского языка.

С учетом развития науки и техники, несомненно, область языкознания, такие как лексикология и лексикография переживают новое рождение ввиду увеличивающейся потребности создания отраслевых словарей и кодификации терминологии.

Целью настоящего исследования является описание терминологических единиц двух разноплановых направлений: гидротехнического строительства, обладающего старой терминосистемой, и сферы государственных и муниципальных закупок, с недавно образованной терминосистемой.

Материалом исследования послужили блоки терминов, отобранные путем случайной выборки в официальных документах.

Статья структурирована, состоит из введения, основной части, описания результатов исследования и представления выводов. В ходе исследования автором была предложена оригинальная классификация исследуемого материала, а также выделены семантические группы метафор. Доказательная база исследования солидна.

Методологией исследования явились как общенаучные методы, так и специфические лингвистические - метод сплошной выборки единиц из профессиональных текстов и метод лингвистического анализа отобранных единиц, а также автор прибегает к статистическим методам, иллюстрируя постулируемое схемами и выводами.

Общая выборка исследуемого материала составила 200 терминологических единиц сферы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд и 250 гидротехнических терминов.

Введение статьи не содержит традиционных отсылок к работам предшественников, автор не приводит фактического материала о степени разработанности тематики в отечественной и мировой науке, что косвенно служило бы свидетельством актуальности, а также основанием для выделения научных лакун. С другой стороны, автор представляет интересный материал с научной точки зрения, статья содержит новизну, но отсутствуют ссылки на авторитетные работы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Исследование выполнено в русле современных лингвистических подходов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим языковым материалом.

Следует отметить библиографию, содержащую 19 позиций, которые являются современными источниками.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, лингвистам, студентам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана научным языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Многообразие моделей терминологических единиц гидротехнической отрасли и сферы государственных и муниципальных закупок» положительное, работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Новикова В.Г. — Дидактический потенциал жанра семейной хроники в массовой литературе Великобритании XXI века // Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69608 EDN: QAJXEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69608

Дидактический потенциал жанра семейной хроники в массовой литературе Великобритании XXI века

Новикова Вера Григорьевна

ORCID: 0000-0002-7398-3867

доктор филологических наук

профессор, кафедра зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

603000, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ wnovikova@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69608

EDN:

QAJXEI

Дата направления статьи в редакцию:

12-01-2024

Дата публикации:

19-01-2024

Аннотация: Предметом исследования являются британские семейные хроники, созданные на рубеже XX-XXI веков Э. Говард, Р. Пилчер, Э. Резерфордом, Д. Леннокс, Г. Свифтом. Эти произведения анализируются с точки зрения их дидактического потенциала, под которым здесь понимается интенция трансляции этических норм и ценностей. Названный жанр стал вершиной развития английского социального романа. Его авторы полагали своей задачей воздействия на читателя в плане воспитания в нем «морального чувства», усвоения этических норм и понимания отчетливой иерархии ценностей. Классикой жанра стала «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси, в которой отрицались нормы викторианской морали, транслировалась новая система ценностей и утверждалась идея исторического прогресса. В статье рассматриваются те изменения в

жанре, которые появились под воздействием постмодернистского мировоззрения. Используются сравнительно-исторический и типологический методы анализа для сопоставления жанровых доминант семейных хроник в начале XX века и их реализации на рубеже XX-XXI веков. Новизна заключается в дополнении представлений об аксиологии современной массовой литературы. В конце столетия произошел переворот в общественном сознании, приведший к принципиальному разрушению любых иерархий в этическом плане и отрицанию самой идеи позитивного движения истории. Авторы современных семейных хроник преодолевают децентрированность постмодернистской этики. В большинстве произведений они обращаются к событиям Второй мировой войны. Само стремление напоминать об этих уроках истории и однозначное отрицание идеологии фашизма является доказательством дидактического потенциала рассматриваемых романов. Кроме того, в них создается идеализированная модель семейного бытия. Влияние постмодернистского мировоззрения сказывается в нелинейности художественного времени, фрагментизированности изображаемых событий, утрате идеи исторического прогресса. Анализ семейных хроник названных авторов позволил определить формулы и штампы жанра.

Ключевые слова:

семейная хроника, массовая литература, Великобритания, аксиология литературы, дидактический потенциал, Розамунда Пилчер, Эдвард Резерфорд, Элизабет Говард, децентрирование этики, нелинейность

Введение

В педагогике дидактический потенциал понимается «как совокупность методов, средств, форм и способов обучения, обеспечивающих эффективность достижения целей обучения [\[1, с. 43\]](#). В широком гуманитарном плане важнейшей частью дидактики является процесс социализации личности, то есть «процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ему успешно функционировать в обществе» [\[2, с. 59\]](#). Изучение литературы в плане дидактической интенции можно рассматривать как один из вариантов аксиологического подхода к литературному процессу, особенно актуальному в плане изучения феномена ценности массовой литературы.

В Великобритании именно социализация личности становится смыслом романом воспитания, и, шире, социального романа XVIII-XIX веков. После Славной революции 1688 года, давшей импульс к образованию нового типа государства с плюралистическими политическими институтами, приведшему, в свою очередь, к гигантской работе по формированию нового общественного сознания, вся совокупность гуманитарных усилий направлена на формирование сообщества людей с отчетливо выраженным стремлением к усвоению правил, законов, норм, утверждению отчетливой иерархии ценностей. На протяжении XIX века все более расширялось представление о движении истории и все более отчетливо формулировалась идея исторического прогресса, что привело к закономерному появлению в начале XX века жанра семейной хроники, одного из достижений социального романа, приобщившего читателя к пониманию взаимосвязи человека и исторического процесса.

В литературоведении исследование жанра активно продолжается до настоящего

времени. Среди наиболее поздних работ следует привести труды Е. В. Никольского [\[3-4\]](#), О.А. Донских [\[5\]](#), Локтевой Н.М. [\[6\]](#). Обзор многочисленных статей и монографий англоязычного литературоведения представлен в статье Локтевой Н.М. и Балич Д.А [\[7\]](#).

Е. В. Никольский полагает семейную хронику жанром, «предметом которого является изображение жизни нескольких (как правило, от двух до четырёх) поколений одного семейства. Авторы семейной хроники сопоставляют судьбы разных поколений, выявляют их сходство и различия, фиксируют преемственность поколений в контексте эпох. История семьи способна в сжатом виде вместить историю страны в ту или иную драматическую эпоху» [\[3, с. 50\]](#). Это определение базируется на классических образцах, созданных в разных странах в первые десятилетия XX века. Жанр семейной хроники этого периода «свидетельствует либо о распаде империи, либо об упадке старого государства через конфликт поколений, через его смену, слом уклада, распад старого патриархального семейства. В данных обстоятельствах писатели «начинают поиск стабильных, стержневых ценностей, противостоящих энергии распада. Такой ценностью становится семья» [\[8\]](#).

В Великобритании классическим образцом жанра стала «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси (1906-1921). Предпринятый А. С. Лабуновой культурологический анализ позволил дать еще одну характеристику «Саги о Форсайтах»: «Джон Голсуорси в романе очень точно описал жизнь представителей верхушки общества, их идеалы, нормы и ценности, являющиеся основой социокультурного пространства уходящего столетия. Социокультурное пространство в романе – это настоящее поле битвы, на котором идет ожесточенная борьба между ценностями и нормами двух эпох» [\[9, с. 216\]](#). Подчеркнем, что при всей ожесточенности названного столкновения Голсуорси никоим образом не утрачивает идеи исторического прогресса, полагая происходящий перелом истории ведущим к лучшему будущему, новым стержневым ценностям.

Потенциал жанра был столь значителен, что использовался на протяжении всего столетия. Цель данной статьи – в исследовании английских семейных хроник, созданных на рубеже XX-XXI веков, в плане трансляции в них этических ценностей.

Материал исследования – романы Э. Говард, Р. Пилчер, Г. Свифта, Э. Резерфорда, Д. Леннокс, К. Мортон.

Семейные хроники в контексте постмодернистского мировоззрения

К новому рубежу веков радикально изменились мировоззренческая позиция авторов. При том, что стиль мышления, сменивший классический европейский тип сознания, имеет заметно отличающиеся трактовки, соответствующие специфике разных национальных менталитетов, есть общие черты. И ни один живущий в конце столетия человек не мог избежать этого влияния. Трагедия Второй мировой войны привела к признанию невозможности исторического прогресса, идее конца истории. Возникает всепоглощающая тенденция переосмысления «великих идей», ценностных ориентиров недавнего прошлого, во имя преодоления их тотализирующего воздействия. Борьба с тотальностью сознания приводит к мысли о разрушении любой оппозиции и, соответственно, отказу от всех центрирующих оснований. Главной потерей в данном разрушении стала утрата деления на Добро и Зло, то есть основания для любых этических конструкций.

Возможен ли дидактический потенциал в литературе этого периода? Вспомним

знаменитый вопрос философа Х. Арендт : возможна ли литература после Освенцима?

Обращение к литературному процессу Великобритании обнаруживает значительное количество семейных хроник. Все эти книги очень различаются по своим художественным качествам, в большинстве случаев их можно отнести, очевидно, к высокому уровню массовой литературы.

На рубеже XX-XXI веков ярким примером классической формы семейной хроники стал цикл из пяти романов Э. Д. Говард (1923 — 2014) «Хроника семьи Казалет» (Cazalet Chronicles). Первые четыре романа были опубликованы с 1990 по 1995 год. Пятая книга серии «Всё меняется» вышла в свет осенью 2013 года. Во всех романах сохраняется традиция линейного повествования: время действия начинается в 1937 году и заканчивается в 1950-е годы. Уже в связи с этой хроникой напомним, что во второй половине века для английской литературы характерна «очарованность историей», неоднократно отмеченная критикой [\[10-13\]](#). При этом главными событиями истории для абсолютного большинства авторов остаются Первая и Вторая мировые войны и межвоенные десятилетия. Первый роман цикла «Беззаботные годы» (The Light Years) пропитан атмосферой межвоенных десятилетий, которая одновременно полна трагических воспоминаний о Великой войне и в то же время счастьем мирной жизни. Англичане в этот период стремятся сохранить этически-эмоциональный комплекс, характерный для эдвардианского периода истории Великобритании, т.е. первых лет XX столетия (до 1914 года), которые были названы «золотым днем», временем «долгого послеобеденного летнего отдыха» [\[14\]](#). Родоначальники клана Казалет – Уильям, родившийся в 1860 году, и его жена Китти (Дюши), родившаяся в 1867 году. Основным местом действия является их усадьба, семейное гнездо, подобное тем, изображение которых составило традицию английского усадебного романа и стало сосредоточием традиционных ценностей страны, важнейшей частью национальной ментальности. Усадьба в романе и называется Хоум плейс. Здесь собираются все члены семьи – три сына со своими женами и детьми, здесь живет незамужняя дочь. Действие заканчивается в 1938 году речью Чемберлена о заключенном в Мюнхене договоре с Германией. Название второго романа «Застывшее время» (Marking Time) ассоциируется с названием «Странная война» (Phoney War) в том хорошо известном британцем смысле, что с сентября 1939 года, когда Великобритания объявляет о вступлении в войну, до мая 1940 года не проводится никаких боевых действий. Страна как бы застывает в ожидании страшных потрясений. В последующих трех романах «Смятение» (Confusion), «Исход» (Casting Off), «Все меняется» (All Change) изображаются годы войны, первые послевоенные годы, 50-е годы.

На основании французских семейных хроник первой трети XX века З. И. Кирнозе делает верное наблюдение: «В произведениях этого жанра присутствует «особое родовое время, органически прикрепленное, приращенное к жизни семьи. В периодах сватовства и жениховства, медовых месяцев и созревания плода, подрастания сыновей и дочерей, превращения их самих в мужей и жен есть свой естественный ритм, определяемый и природой человека и вековыми установлениями семьи» [\[15, с. 157\]](#). Оно очень подходит к «Хронике семьи Казалет», насыщенной самыми разнообразными семейными событиями, с психологической точностью описанными взаимоотношениями между членами большого семейного клана, сотнями подробностей быта и образа жизни. Это действительно летопись не только семьи, но и всей страны в особенно сложный для нее период. Свое место занимает и семейный бизнес, которым занимаются мужчины рода Казалет в течение полувека и который рухнет после войны.

Этическая ценность этой хроники, как и всех последующих, которые будут рассмотрены далее, в неизменности подхода ко второй войне как необходимой для уничтожения фашизма, постоянное, в одном моральном ключе описание конца 30-х в Германии как времени однозначно античеловечных отношений, концлагерей как сосредоточия трагедии цивилизации. Один из героев Казалетов покончил с собой после посещения только что освобожденных лагерей смерти в 1945 году. Разумеется, есть упоминания о Великой войне. Второе поколение Казалетов – три сына, двое из которых участвовали в войне 1914-1918, один из них потерял руку. Отметим при этом, что во многих хрониках этого и других авторов почти обязателен образ пацифиста, отказника, переходящий из романа в роман почти в неизменном виде, уместный в первой войне и гораздо более противоречивый во второй.

В изображении второй войны культивируется чувство долга перед государством как справедливой организации людей, каждый из которых обязан достойно переносить все трудности (продукты по карточкам, чувство голода, бомбежки, смерть и страдания многих и т.д.) и неуклонно служить отечеству на своем месте. Чувство долга, наряду с нормами поведения в семейной и общественной, показывают тот английский менталитет, который не был утрачен ни автором, ни его читателями в конце века, несмотря на все давление обстоятельств.

Подобный смысл имеет и роман Р. Пилчер (1924-2019) «Возвращение домой» (Coming Home, 1995). В линейной хронологии показаны события тридцатых годов, война, первые послевоенные годы. В центре – история девушки, родители которой живут на Востоке, в колониальной Англии и погибают там в ходе военных действий. Сама же героиня ведет в Англии типичный для английского подростка, девушки, молодой женщины образ жизни, переживает вместе со своим окружением тяготы войны, служит во вспомогательных войсках. Это своего рода идеализированный образ, поскольку он транслирует те нормы поведения, которые являются образцовыми в самом традиционном смысле слова.

Героини романа Д. Леннокс (1953 г.р.) «Зимний дом» (Winter House, 1996) не столь совершенны. Это три подруги, которые начинают взрослую жизнь, имея достаточно разные социальные позиции, и обретают жизненный опыт в те же межвоенные десятилетия. Из большой истории здесь свое место занимает война в Испании и опять-таки она трактуется с позиции осуждения всех видов фашизма и связанного с ним насилия над личностью. Здесь следует вспомнить о том, что многие молодые англичане добровольно принимали непосредственное участие в испанской войне.

Исследователи семейного романа справедливо полагают «линейный принцип особенно важным для семейной хроники, ведь именно в таком случае восприятие исторических явлений становится более целостным и объективным, лучше прослеживаются причинно-следственные связи и закономерности» [\[16, с.240\]](#). Рассмотренные романы, безусловно, доказывают это положение. Однако можно утверждать, что принадлежат они наиболее консервативным авторам.

Начиная с 70-х годов все более ощущается влияние постмодернистского мышления. Для понимания толкования истории важно учитывать, что решающие изменения происходят в области представлений о природе объективности. История представляется не как однозначно трактуемый набор фактов, в совокупности выстроенных в «стрелу времени» исторического прогресса, а как нарративы, субъективные рассказы об этих фактах. Переплетение нарративов истории не позволяет уловить закономерности социального развития. Автор одной из самых знаменитых американских семейных саг «День восьмой» (1967) Т. Уайлдер на её последней странице предлагает замечательную по своей

точности метафору, впоследствии многократно цитируемую: «История — цельнотканый гобелен. Напрасны попытки выхватить из него взглядом кусок шириною больше ладони. Узор, который образуют нити, скрыт от вас. Немало споров идет о рисунке, который выткан на гобелене. Иным кажется, будто они видят его. Иные видят лишь то, что им велят увидеть. Иным помнится, что когда-то они видели этот рисунок, но потом позабыли. Иные толкуют его как символ постепенного освобождения всех угнетенных и эксплуатируемых на земле. Иные черпают силу в убеждении, что рисунка вообще никакого нет. Иные...» [17, с. 510]. Таким образом, каждая история героя оказывается выхваченным из гобелена куском, из которого «торчат нити». История нескольких поколений увязывает многие из них, проясняет рисунок, однако он остается лишь фрагментом огромного пространства большой истории человечества. Философ Х. Аренд утверждает: «Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, — все же прошлое, но прошлое уже фрагментированное» [18].

Соответственно, в семейных хрониках последних десятилетий XX и первых XXI века линейная последовательность, как правило, нарушается. Образцом можно полагать «Водоземье» Грэхэма Свифта. В эпиграфе появляются знаменательные слова: «История (лат. *Historia*, ae), ж.р.: «1. Исследование, расследование, изучение какого-либо вопроса. 2. (а) Повествование о прошлом, (б) Вообще любая форма повествования: отчет, рассказ, сказка» [18, с. 6]. Второй эпиграф: «Мы жили в краю болот...» («Большие надежды») – отсылка к роману Ч. Диккенса, которая многозначна в контексте дальнейшего повествования. В романе рассказывается история жизни Тома Крика, учителя истории. Она связана многими нитями с жизнями его родителей, его сверстников, близких и дальних, с биографиями предков всех этих людей – викторианцами. Все эти нити, в свою очередь, являются частью большой истории – индустриальной революции в Англии, Великой революции во Франции, войн XX столетия. Во многих случаях события частной жизни оказываются последствиями взаимодействия поступков отдельных людей и глубинных процессов общественного развития. Историю нельзя объективно трактовать, но отвечать за свои поступки должен каждый. Так парадоксально английский автор объединяет традиционные этические нормы с децентрированным хаосом постмодернистской историографии. Роман при всей совокупности фрагментированных элементов семейной хроники отражает важную идею современности — историй у человечества столько, сколько людей составляют само человечество. Фрагментарность и сбой последовательности означает, что постмодерн — это эпоха комментариев к событиям, выявление смысла невозможно, так как утрачена сама идея прогресса.

В естественных науках в названную эпоху часто используется термин «кротóвая норá» (wormhole), понимаемый как пространственно-временной эквивалент квантовой запутанности. Писатель Д. Фаулз, признанный классиком английской литературы уже при жизни, использует этот термин для названия сборника своих эссе и в предисловии пишет: «Оксфордский энциклопедический словарь толкует его так: «Гипотетические взаимосвязи между далеко отстоящими друг от друга областями пространства-времени»... весьма сложное пространство-время, в котором я существую, пусть и очень далекое от современной физики, есть пространство-время моего собственного воображения. Все серьезные писатели непрестанно ищут – каждый для себя – «кротовые норы», которые могли бы связать их с иными областями, иными мирами» [20, с. 2]. Образцом кротовых нор становятся романы Э. Резерфорда (1949 г.р.) «Сарум. Роман об Англии» (*Sarum*, 1987), «Русское» (*Russka*, 1991), «Лондон» (*London*, 1997), «Королевский лес. Роман об Англии» (*The Forest*, 1997), «Дублин» (*Dublin*: Foundation

(2000), «Ирландия» (Ireland: Awakening, 2004) Нью-Йорк (New York, 2009) Париж (Paris, 2013). В каждом из них множество фрагментов определенного количества (трех-четырёх) семейных хроник сплетены с национальными историями. Собираемые им «гобелены истории» Лондона, Дублина, Нью-Йорка, России и т.д. претендуют на погружение в национальные идентичности посредством взаимодействия интраистории и событий частных жизней. Характерно, что грандиозный калейдоскоп фрагментов выстроен в четкой линейной последовательности конкретных дат, сохраняя последовательное движение из прошлого к настоящему, которое в следующем эпизоде становится будущим, etc.

Особенностью большинства семейных хроник последних десятилетий является как раз нарушение линейности, в том смысле, что используются отступления в прошлое (ретроспективы, флэшбэки). В критике часто используется удачный термин «revisited the past» (повторно посещаемое прошлое). Создается стереотипная формула, в которой используется рамочная конструкция. Рама – некое событие, которое побуждает к воспоминаниям конкретное лицо или к сбору посторонними лицами информации о событиях прошлого, связанных с историей одной семьи. Внутри рамы представлена семейная хроника, последовательность событий в которой выстраивается исключительно в сознании читателя. Обилие нарраторов создает ощущение возможной необъективности рассказываемого. Обязательным является включение этих частных нарративов в большой нарратив истории. Повторимся, как правило, речь идет о мировых войнах и связанных с ними событиях.

Таков роман Розамунды Пилчер (1924-2019) «Собиратели ракушек» («The Shell Seekers», 1987). Рамочная конструкция представляет собой воспоминания главной героини, Пенелопы Киллинг, в старости купившей себе маленький дом в английской провинции. Ретроспективы связаны с детством. Так появляется характеристика старшего поколения: отца – всемирно известного художника, в преклонном возрасте женившегося на юной француженке. Их взаимная любовь, идиллия их совместной жизни в Корнуолле, на берегу моря, в доме, окруженном прекрасным садом, в совокупности создают то особое мироощущение, которое унаследовала их дочь. Как и ее родителям, ей присущ то качество личности, которое называется артистизм и позволяет «сделать свою жизнь произведением искусства» (в формулировке прерафаэлитов, поздним представителем которых был ее отец). Подобная модель бытия присуща идеализированному представлению о межвоенных десятилетиях, что стало к концу века одним из клише массового романа Великобритании. Артистизм Пенелопы Киллинг не помог ей избежать неудачного замужества, но позволил создать домашний очаг для ее трех детей. Правда, они оценили это не в детстве, а много позже. Еще одна, особенно значимая, группа эпизодов-воспоминаний связана со Второй мировой войной. И, наконец, последовательно разворачивается панорама жизни после 1945 года и жизнь нового поколения семьи.

Роман Кейт Мортон (р. 1976) «Когда рассеется туман» (The House at Riverton, 1998). Та же схема, где рамочная конструкция представляет собой воспоминания некоей Грейс Ривз, в 1920-е годы бывшей горничной в имении Ривертон. Режиссер Голливуда собирается снимать фильм о событиях 1924 года, единственной свидетельницей которых, оставшейся в живых, она является. Во время летней вечеринки в имении покончил с собой знаменитый поэт, еще очень молодой. В связи с этим событием разворачивается история семьи аристократов – владельцев имения.

Рамой повествования в романе Д. Леннокс «Призрак былой любви» (1997) становится заказ на написание биографии, полученный молодой писательницей Ребеккой Беннет.

История ее героини Тильды Франклин: тайна ее рождения, ее деятельность, ее дети – составляется также из отдельных, нелинейно расположенных фрагментов. Моральные ценности в этом романе связаны с сюжетами о спасении детей-евреев из Германии и Австрии в конце 30-х годов. Также подробно раскрывается деятельность Тильды по спасению брошенных детей после войны. Кроме того, сильное впечатление производят истории женщин, родивших детей вне брака в начале века и помещенных за это в психиатрические клиники.

Тема войны становится центральной и в дилогии Л. Флеминг «Секрет Пенелопы» и «Странствия Пенелопы» (*The Girl under the Olive Tree*, 2013). В романах чередуются эпизоды жизни героини 2001 и 1941 годов. Действие переносится из Великобритании на Крит и обратно. История семьи Пенни Георгиас – родителей, сестры, племянницы и ее детей – позволяет раскрыть важнейшую для англичанок тему обретения личной независимости в период войны. Не имевшие права выбора своей судьбы молодые девушки волей обстоятельств и благодаря силе своего характера обретают свою индивидуальность. Пенни Георгиас становится героиней Критского Сопротивления, до этого романа привлекавшего только писателей мужчин.

В плане поставленной здесь проблемы следует особенно отметить обаяние семейных ценностей в большинстве семейных хроник, написанных как женщинами, так и мужчинами. Авторы создают художественные миры, которые призваны быть идеальной моделью повседневной жизни. Прекрасным образцом в этом плане является уже упомянутый выше роман Р. Пилчер «Собиратели ракушек»), где создается полноценное ощущение вкуса реальности и таким образом выражается торжество нравственной гармонии. Автор создает свой художественный мир, который призван быть идеальной моделью повседневной жизни

Выводы

Таким образом, можно полагать, что современные семейные хроники в Великобритании продолжают транслировать ценности, необходимые для понимания тех событий, которые потрясли сознание людей в XX веке. Однозначно негативно оценивается идеология фашизма, само постоянное обращение к истории событий Второй мировой войны свидетельствует о важности для британских авторов именно этих уроков истории и ощущения необходимости напоминания о них. Дидактический потенциал анализируемых произведений выражается в утверждении необходимости сохранения традиционной системы нравственных ценностей, понимания социализации личности как приобщения к ним. Кроме того, мир семьи моделируется как мир взаимопонимания, компромисса. В центре – позитивная модель семьи, в ряде случаев отчетливо идеализируемая. Возводится в культ ответственность, чувство долга как мужчин, так и женщин. Таким образом, можно полагать преодоление постмодернистского децентрирования классической этики в этих произведениях.

Очевидное влияние постмодернистского мировоззрения выражается в изменении отношения к истории. На уровне формы это выражается в нелинейном художественном времени (линейность была одной из доминант жанра в период его формирования). Содержательность подобной формы заключается в том, что в самой фрагментарности, в самих постоянных перепосещениях прошлого принципиально невозможно ощутить движение истории. Соответственно, утрачивается сама идея исторического прогресса, а именно он был основой мышления в период создания лучших, канонических семейных хроник.

Библиография

1. Костякова Ю. Б. , Андриянов А. А. К вопросу об определении понятия «дидактический потенциал» // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2022. – № 3 (41). – С.43-46.
2. Сычева Е. Ю., Кирпиченко А. М. Подходы к интерпретации социализации // Экономика. Социология. Право. – 2022. – № 2 (26). – С. 57-65.
3. Никольский Е. В. Романый субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (статья первая) // Art Logos. – 2020. – № 3 (12). – С 50-63.
4. Никольский Е. В. Семейная хроника в системе жанров романной прозы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (102). – С. 37-46.
5. Donskikh O., Tapu Rayhan Md. Family Saga as a Genre of World Literature // Vestnik NSU Series History and Philology. – 2023. – № 22(9). – P. 109-119.
6. Lokteva N. M. FEATURES AND STRUCTURE OF A SPECIAL TYPE OF NOVEL PROSE OF THE GENRE "FAMILY CHRONICLE". Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. – 2021.-9(10). P. 56–61.
7. Локтева Н. М., Балич Д. А. Проблема определения семейной хроники как литературного жанра в англоязычном литературоведении // O'zbekistonda xorijiy tillar. – 2023. – No 1 (48). – С. 167-191
8. Апенко, Е. М. История зарубежной литературы XIX века. учебник для вузов. — 2-е изд. — Москва : Юрайт, 2020. — 418 с. — URL: <https://urait.ru/bcode/450603>.
9. Лабунова А.С. Социокультурное пространство «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси (попытка культурологического анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. —No 1. — С. 211–217.
10. Hutcheon L. The posttime of past time: Fiction, history, historiographic metafiction Essential of the Theory of Fiction.-L.: Leicester Univ. Press. – 288 p.
11. Samuel R. Theatres of Memory Vol.1. Past and Present in Contemporary Culture. – L.: Verso, 1994. – 496 p.
12. Nünning M. Gymnich, R. Sommer. Literature and memory: theoretical paradigms, genres, functions.-Francke, 2006.-318 с.
13. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country.-Cambridge University Press, 1985.-489 p.
14. Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England*. – 1935; repr. – New York. – 1980. – 366 p.
15. Кирнозе З. И. Французский роман XX века: (Годы 20-30-е: Проблемы жанра). Горький: Волго-Вят. кн. изд-во. – 1977. – 351 с.
16. Н.В. Копытко (Колядко) Н. В., Никольский Е. В. Функции жанровых признаков семейной хроники в романе Джойс Кэрл Оутс «Барельеф» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2017. – т. 26. – вып.2.-С. 240-247
17. Уайлдер Т. День восьмой. – М.: АСТ. – 2021. – 512 с.
18. Можейко М. А. Постмодернизм. Энциклопедия. // [Электронный ресурс] : URL.: <http://www.infliolib.info/philos/postmod/index.htm>
19. Свифт Г. Земля воды.-СПб:Азбука-классика.-2004. – 416 с.
20. Фаулз Д. Кротовые норы. - М.:Махаон. - 2002. - 640 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Дидактический потенциал жанра семейной хроники в массовой литературе Великобритании XX1 века», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения языковых особенностей и дидактического потенциала указанного жанра. Кроме того, современные семейные хроники в Великобритании позволяют лучше понять события, которые потрясли сознание людей в XX веке, являясь свидетельством общественных изменений. А с учетом возрастающего в обществе тренда к сохранению национальной культуры и идентичности, воспитательный потенциал данного жанра велик. Дидактический потенциал анализируемых произведений выражается в утверждении необходимости сохранения традиционной системы нравственных ценностей, понимания социализации личности как приобщения к ним.

Цель данной статьи – в исследовании английских семейных хроник, созданных на рубеже XX-XX1 веков, в плане трансляции в них этических ценностей.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Материал исследования явились романы Э. Говард, Р. Пилчер, Г. Свифта, Э. Резерфорда, Д. Леннокс, К. Мортон. Однако автор не указывает принципы отбора данного иллюстративного материала.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на иностранном языке, в том числе переводные зарубежные издания.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Дидактический потенциал жанра семейной хроники в массовой литературе Великобритании XX1 века» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щегорцова Е.А. — Разделительный вопрос как средство хеджинга в диалогах британцев рабочего класса //

Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69619 EDN: NJSIGL URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69619

Разделительный вопрос как средство хеджинга в диалогах британцев рабочего класса

Щегорцова Елизавета Алексеевна

ORCID: 0009-0007-3580-9597

аспирант, кафедра англистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет

105064, Россия, Московская область, г. Москва, пер. Малый Казённый, 5Б

✉ yeashch@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69619

EDN:

NJSIGL

Дата направления статьи в редакцию:

13-01-2024

Дата публикации:

20-01-2024

Аннотация: Предметом исследования выступают разделительные вопросы-хеджи в речи британского рабочего класса. Цель работы заключается в определении особенностей их функционирования как средств речевого отгораживания (хеджинга). Выявлены основные коммуникативные задачи, для решения которых представители британского рабочего класса прибегают к использованию структуры разделительного вопроса с целью хеджировать свои высказывания: выражение мнения, критика, констатация факта, предположение, предложение, требование, запрос информации и намерение. Также определен ряд закономерностей при использовании восходящего или нисходящего ядерных тонов во второй половине разделительных вопросов, использованных в качестве хеджей. Материалом исследования выступили диалоги героев, представителей современного лондонского рабочего класса, кинофильма «Sorry

We Missed You» (2019, реж. К. Лоуч) на языке оригинала. В работе использованы лингвопрагматический и контекстуальный анализ с целью классифицировать материал исследования. Также были проведены аудиторский и электроакустический анализ высказываний с помощью программы Praat. Новизна исследования заключается в выборе материала и предмета исследования: кинокартина «Sorry We Missed You» до настоящего момента не рассматривалась лингвистами как материал для анализа ритмомелодики речи англичан, также крайне мало изученным остаются особенности хеджинга в коммуникации британского рабочего класса. Исследование показало, что хеджинг, позволяя коммуникантам сохранять личностные границы друг друга, не всегда является средством придания высказыванию вежливости, так как нередко используется даже в конфликтных ситуациях. Эмоциональное состояние адресанта не снижает потребность применять стратегию речевого отгораживания (в том числе с помощью структуры разделительного вопроса), однако влияет на его ритмомелодическое оформление. Другими важными факторами при выборе интонации хеджей являются желание продолжить или закончить беседу, а также гендерная принадлежность говорящего.

Ключевые слова:

хеджинг, речевое отгораживание, разделительный вопрос, средства хеджинга, британский рабочий класс, английская лингвокультура, *privacy*, устный дискурс, кинодискурс, ритмомелодика

Вследствие глобализации и укрепления международных связей по всему миру исследование особенностей речевого поведения представителей разных культур является важным направлением современной лингвистической мысли. Одной из наиболее ярких черт лингвокультуры англичан, отмечаемых учеными, является склонность к использованию стратегии речевого отгораживания, или хеджинга (от английского «*hedge*» – живая изгородь).

Термин «хеджинг» был введен американским лингвистом Дж. Лакоффом в 1970-е гг. для обозначения слов, придающих высказываниям размытость и неопределенность, например: *kind of*, *about*, *approximately* и т.д. [11, p. 492]. Впоследствии, однако, интерпретация данного явления была несколько расширена, и на сегодняшний день под хеджами понимают не только отдельные лексические единицы, но также и грамматические конструкции и даже фонетические приемы, направленные на снижение силы высказывания, на подчеркивание неуверенности адресата в своей правоте и на снятие с него ответственности [12, 10, 6].

В лингвокультуре англичан хеджинг – это неотъемлемая часть взаимодействия с другими людьми. Во многом его обилие в диалогах объясняется теорией вежливости П. Браун и С. Левонсона, так как он позволяет говорящему сохранить «социальное лицо» собеседника, избежав посягательства на его независимость и свободу [8]. Современное общество в целом все больше отмечает повышение значимости толерантного отношения к окружающим и проявлению уважения к собеседнику [1, с. 32]. В английской же культуре, где концепт свободы и неприкосновенности личности, или *privacy*, является одним из ключевых [9, p. 30], данный вопрос стоит еще более остро, и хеджинг, минимизирующий вторжение в *privacy* собеседников, стал одной из распространенных речевых стратегий.

Примечательно, однако, что хеджинг можно наблюдать в речи не только членов высших кругов общества, поведение которых неразрывно ассоциируется с вежливостью, но и в диалогах представителей британского рабочего класса, которые, согласно стереотипам, звучат более грубо. Так, например, в кинофильме «Sorry We Missed You» (реж. К. Лоуч, 2019), повествующем о жизни обычной семьи рабочего класса в Лондоне, нами было зафиксировано 164 хеджированных фразы. В 53 из них в качестве средства речевого отгораживания была использована грамматическая конструкция разделительного вопроса, что говорит о высокой частотности данного хеджа.

Рассмотрим специфику функционирования разделительного вопроса как средства хеджинга в речи британского рабочего класса на примере диалогов из фильма «Sorry We Missed You». Выбор данной кинокартины обусловлен тем, что ее режиссером, сценаристом, актерами являются англичане, ее сюжет отображает реалии современного Лондона, а качество отображения в ней жизни обычных англичан было отмечено многими критиками, что делает речь ее героев подходящим материалом для исследования. Кроме того, в связи с тем, что зритель может максимально погрузиться в жизнь героев, при изучении их диалогов есть возможность учитывать их характеры и ситуацию общения. Данный фактор очень ценен, так как анализ звучащей речи обязательно предполагает и анализ контекста [7, с. 65]. Обратим внимание на грамматическую, прагматическую и фонетическую составляющие.

С точки зрения нормативной грамматики большинство разделительных вопросов в речи героев построены верно. Однако, учитывая, что интерпретация грамматических структур зависит от социальных, психологических и ситуативных факторов [5, с. 105], в данную категорию мы также отнесли предложения, где вместо вспомогательного глагола и местоимения используются универсальные 'eh', 'right', 'alright', 'OK', 'yeah':

- *Let's get you a nice bath, eh?*
- *Have your dinner and have your tablets, ok?*
- *Look after yourself, yeah?*
- *So have a think about this, right?*

Нередко герои кинокартины заканчивают утверждения редуцированной формой сочетания «*isn't it*», которая звучит как ['ɪnɪt] или ['ɪnɪʔ]. Распространение данной формой среди жителей Лондона отмечается исследователями современных тенденций английского языка [13, p. 29]. При этом она может быть использована во фразах, где, с точки зрения нормативной грамматики английского языка, необходимо использовать другой вспомогательный глагол и местоимение. Например, раздраженный подросток требует, чтобы отец вернул ему телефон следующим образом: «*Give me my phone then, innit?*» (вместо нормативного варианта «*will you*»).

Как отмечают грамматисты, разделительный вопрос в английском языке – это типичный способ уточнить информацию и выразить сомнение [4, с. 45]. Однако анализ коммуникативных ситуаций, в которых герои использовали данную конструкцию, показал, что она также позволяет говорящему несколько отстраниться от своих слов или смягчить силу высказывания при решении следующих коммуникативных задач:

- запрос информации (*When Harpoon was suspended, he could do his work from the school library, supervised, right?*);

- критика (*Maybe your best isn't good enough, is it?*);
- выражение мнения (*We've had a good laugh, haven't we?*);
- высказывание намерения (*But I'll see you later on, OK?*);
- предположение (*I suppose you're gonna hit me with another 100 quid fine as well, aren't you?*);
- предложение (*Why don't we get an Indian take-away tonight, eh?*);
- совет (*So have a think about this, right?*);
- требование (*Heat it up in the microwave, OK?*);
- констатация факта (*They track every parcel, don't they*).

Наиболее часто герои хеджировали с помощью разделительного вопроса свое мнение (15 высказываний), критику (9 высказываний) и факты (9 высказываний). Таким образом англичанам удается снизить навязывание своей точки зрения собеседнику. Примечательно, что нередко критика хеджируется даже в моменты ссор, когда герои находятся в эмоционально нестабильном состоянии и однозначно не стремятся быть тактичными:

- *You just don't give a sh*t, do you?*
- *It's your choice to be a skivvy, isn't it?*
- *That's f**king joke, innit?*

Таким образом, можно предположить, что хеджирование для англичан – это не просто коммуникативная стратегия для придания словам вежливости. Необходимость избежать вторжения в чужую *privacy* стала одним из неосознанно определяющих факторов речевого поведения для представителей английской лингвокультуры и заставляет их выражать свои мысли максимально отстраненно даже в стрессовых ситуациях. Однако же эмоциональное состояние влияет на интонационное оформление хеджинга, так как ритмомелодика высказывания зависит как от лингвистических (например, от типа предложения по цели высказывания), так и от экстралингвистических компонентов [2, с. 60].

Для анализа интонации в хеджированных фразах киногероев нами была использована программа Praat. В данном исследовании мы сфокусировались на ядерных тонах «хвостовой» части разделительных вопросов. Как правило, конец разделительных вопросов произносится либо с подъемом на последнем ударном слоге (rise), если говорящей действительно хочет услышать честный ответ собеседника, либо с падением (fall), если от адресата ожидается исключительно согласие с утверждением [14, pp. 48-49].

В проанализированных нами примерах 21 высказывание закончилось подъемом, 30 – падением и 1 – восходяще-нисходящим тоном (fall-rise). Обратимся к некоторым закономерностям.

Во-первых, в ситуациях раздражения и эмоционального накала герои практически всегда используют нисходящий тон (16 высказываний против 2 фраз с восходящим тоном и 1 с нисходяще-восходящим):

- *So it's*
- *Well, 'yeah, of*
- *'That's how* *it?*

В данных случаях говорящий действительно не нуждается в ответе адресата. Вспомогательный глагол с местоимением на конце предложений служат неким щитом, который подразумевает: «Мы оба понимаем, в чем дело». При этом восходящий тон, использованный в двух подобных высказываниях в фильме, несет несколько другое значение. Когда работник теряет контроль над ситуацией и срывается на несправедливо обращающегося с ним начальника, он говорит: «*'Squeeze us* », используя в конце фразы высокий восходящий тон. Данным интонационным контуром адресант словно бросает вызов: «Ты именно так и поступишь?». В другой ситуации муж недоволен тем, что жена в последний момент передает ему, что его вызывают к сыну в школу: «*'That's a bit 'short* » (снова с высоким восходящим тоном). Подъем в «хвосте» вопроса может трактоваться следующим образом: «Может быть, мне не обязательно идти?» Таким образом, оба высказывания направлены не на то, чтобы поставить точку в споре, а либо на эскалацию конфликта, либо на попытку переложить ответственность за развитие диалога на собеседника.

Еще одной закономерностью, выявленной в ходе анализа, является тяготение к использованию восходящего тона в предложениях, советах и требованиях. Подобные речевые акты несут самую большую угрозу *privacy* адресата, так как непосредственно подразумевают влияние на его поведение, из-за чего их особенно важно хеджировать. В девяти из двенадцати высказываний был использован восходящий тон. Таким образом, ритмомелодика словно дает возможность собеседнику отказаться выполнять то, что от него хочет говорящий. Однако на самом деле такая возможность существует далеко не всегда. Например, когда мать говорит дочери: «*And 'get into 'bed for 'quarter to nine, | all 'right?»*»; или начальник говорит подчиненному: «*Let's 'start here | as we 'mean to go on, | 'eh?»*», они не могут ослушаться. Но нежелание нарушить *privacy* другого настолько сильно, что на лингвистическом уровне вариант отказа все-таки предоставляется.

При выражении хеджированных мнения или констатации фактов чаще используется нисходящий ядерный тон (15 высказываний против 9). Однако из девяти фраз с интонационным подъемом на конце, четыре было произнесено лишь в одной сцене: полицейский проводил воспитательную беседу с подростком, пойманным за хулиганство:

- *A 'big vmoment, young man, | all ,right?*
- *And 'not just* *'folks as ,well, | all ,right?*

Полицейский пытается донести до молодого человека важность своих слов, о чем говорит более медленный темп речи, заметные паузы, а также восходящий ядерный тон. Несмотря на то, что собеседник молчит, адресант в конце своих утверждений словно спрашивает: «Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты согласен?» В данной ситуации не подразумевается, что подросток имеет возможность ответить отрицательно, так как полицейский разговаривает с ним с позиции силы, однако интонация призывает его, если не дать ответ, то хотя бы продемонстрировать понимание и вовлеченность.

Как показало исследование, помимо эмоционального состояния, существенное влияние на ритмомелодическое оформление хеджированных фраз также может иметь гендерный фактор. Так, треть высказываний, оканчивающихся восходящим тоном, принадлежат

женским персонажам, в то время как из вопросов с нисходящим тоном лишь одна шестая были произнесены женщинами. Как следствие, можно предположить, что мужчины чаще позволяют себе более категоричный тон в своих высказываниях, в то время как женщины в большей степени стремятся дополнительно снизить силу даже уже хеджированных высказываний.

Таким образом, проведенный анализ хеджинга в диалогах киногероев позволил сделать ряд выводов. 1) Хеджинг является важной коммуникативной стратегией английского рабочего класса, не обязательно связанной со стремлением проявить вежливость. 2) Разделительный вопрос – одно из распространенных средств хеджинга в речи представителей данного слоя общества, однако далеко не всегда он формулируется верно с точки зрения нормативной грамматики. 3) Чаще всего данный хедж используется для снижения категоричности при выражении мнения, критики или констатации фактов. 4) «Хвостовая» часть разделительного вопроса интонационно может характеризоваться как восходящим, так и нисходящим ядерным тоном, в зависимости от эмоционального состояния коммуниканта, от его стремления поддержать или завершить беседу, и от его гендерной принадлежности.

Библиография

1. Баранова К. М., Афанасьева О. В. Эвфемизация речи на современном этапе развития английского языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. №1(41). С. 32–41.
2. Бурнакова К. Н. Проблема изучения ритмомелодики предложения живого языка // International scientific review. 2016. №12 (22). С. 60–62.
3. Бурнакова К. Н., Боргоякова Т. Н. Ритмомелодическое оформление иноязычной речи: содержательный аспект // Казанская наука. 2018. №9. С. 64–67.
4. Ионина А. А., Саакян А. А. Английская грамматика XXI века. Учебное пособие по английскому языку. Москва: Менеджер, 2006.
5. Ионина А. А., Саакян А. А. Longman Grammar of Spoken and Written English (обзорно-критическая рецензия) // Иностранные языки в школе. 2003. №3 С. 104–108.
6. Михалева Е. И., Пушнина И. В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. №45 (1). С. 113–124.
7. Фрейдина Е. Л., Абрамова Г. С. Паузация как маркер разговорности в современном британском устном дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. №3(27). С. 60–67.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
9. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder & Stoughton, 2014.
10. Fraser B. Hedging in Political Discourse: The Bush 2007 Press Conferences / B. Fraser // Web. Boston University. 2010. URL: www.bu.edu/sed/files/2010/10/2010-Hedging-in-Political-Discourse-The-2007Bush-Press-Conferences.pdf
11. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol 2(4). Pp. 458–508.

12. Martín-Martín P. The Mitigation of Scientific Claims in Research Papers: A Comparative Study // International Journal of English Studies. Vol. 8(2). 2006. Pp. 133–152.
13. Pichler H. Grammaticalization and language contact in a discourse-pragmatic change in progress: The spread of innit in London English. Language in Society. 2021. № 50. Pp. 1–39.
14. Wells C. English Intonation: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Разделительный вопрос как средство хеджинга в диалогах британцев рабочего класса», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению языковых особенностей речи британцев рабочего класса, подспудно решая одну из важных задач лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Вследствие глобализации и укрепления международных связей по всему миру исследование особенностей речевого поведения представителей разных культур является важным направлением современной лингвистической мысли.

С учетом интереса к изучению теории межкультурной коммуникации в целом, работа является актуальной и призвана восполнить те лакуны, которые имеются. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

Практическим материалом явились диалоги из фильма «Sorry We Missed You». Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Техническая опечатка допущена в источнике № 1. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого

вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теоретической фонетике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Разделительный вопрос как средство хеджинга в диалогах британцев рабочего класса» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Рыжаков В.С. — Лингвистические основы теории интертекстуальности // Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69595 EDN: NHKAXI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69595

Лингвистические основы теории интертекстуальности

Рыжаков Вадим Сергеевич

ORCID: 0000-0003-2661-5065

ассистент, кафедра Теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический
государственный университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1

✉ vadimryzhakov@mail.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69595

EDN:

NHKAXI

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2024

Дата публикации:

21-01-2024

Аннотация: Предметом данного исследования автор избирает лингвистические свойства интертекстуальных единиц как основной формы реализации в текстах приема оказания эмоционально-эстетического воздействия на адресата и принципа тексто- и смыслопорождения. Несмотря на значительную разработанность теории интертекстуальности, анализ теоретической базы в области межтекстового взаимодействия обнаруживает недостаточную изученность лингвистических аспектов функционирования интертекста как на уровне плана выражения, так и на уровне плана содержания. В статье автор рассматривает основные структурные особенности интертекстуальных единиц на материале постмодернистской художественной прозы. Подобный текстовый материал был избран для настоящего исследования ввиду повышенного содержания в данной дискурсивной системе интертекстуальных включений, что обусловлено особым интересом писателей-постмодернистов к возможностям анализируемого в статье приема. Для разграничения содержания

понятия "интертекстуальность" согласно "широким" и "узким" подходам автор применяет методы когнитивных исследований и осуществляет основанный на методах семиотики эксперимент, целью которого являлось выявление механизмов распознавания и интерпретации интертекстуальных включений адресатами в невербальных текстах. В результате анализа содержания понятия "интертекстуальность" согласно "широким" и "узким" подходам с точки зрения когнитивных наук и семиотики исследователем предлагается различать два различных явления. Одно из них, прием эксплицитного включения автором в собственный текст элементов иных текстов, отличается недостаточной изученностью лингвистических принципов функционирования. В статье описываются базовые типы соотношений между планом выражения и планом содержания интертекста и текста-источника, а также виды и роль атрибуции как ключевого элемента интертекстуальной единицы. Теоретические выводы относительно структуры интертекстуальных единиц, изложенные в статье, могут служить основой текстопорождающей деятельности, направленной на создание собственных интертекстов, в том числе при переводе. Также данные выводы могут лечь в основу дальнейших исследований лингвистических аспектов интертекстуальности.

Ключевые слова:

теория интертекстуальности, интертекст, когнитивный подход, семиотический подход, постмодернизм, лингвистика интертекста, интертекстуальная единица, прецедентный феномен, цитата, аллюзия

Прием введения в собственные тексты различных элементов чужих сочинений был известен авторам с древности. Так, например, в античной поэзии был распространен жанр «центон», а в Средние века существовала традиция составлять новые тексты путем компиляции ранее существовавших текстов [Carter]. Однако в научном сообществе широкий интерес к явлению присутствия в авторском тексте единиц, устанавливающих связь с другими текстами, проявился лишь во второй половине XX века благодаря деятельности французской исследовательницы Юлии Кристевой, которая для его обозначения предложила термин «интертекстуальность» [Miguet-Ollagnier].

В основу своей теории интертекстуальности Юлия Кристева положила собственное понимание идей, изложенных в трех основных источниках: философская концепция диалогизма Михаила Михайловича Бахтина, исследования Фердинанда де Соссюра в области гипотетического наличия анаграмм в поэтических текстах и теория пародийности Юрия Николаевича Тынянова [Норе].

С момента введения в научный обиход термина «интертекстуальность» в 1967 году было осуществлено множество разноплановых исследований данного явления. При этом, отправной точкой этих исследований становилась не только теория интертекстуальности Ю. Кристевой, но и предлагаемые в ней источники [Великов]. Ввиду сложности идей, изложенных, в частности, в теории диалогизма М. М. Бахтина, на сегодняшний день теоретическая база предлагает множество различных, зачастую взаимоисключающих точек зрения относительно сути явления интертекстуальности [Culler].

Так, согласно видению постструктуралистов (Р. Барт, Ю. Кристева, У. Эко), данное явление выражается в цитатной природе, присущей любому тексту [Guadu]. М. Риффатер описывает интертекстуальность как процесс установления реципиентом текста ассоциативных связей между воспринимаемым им текстовым порождением и иными

произведениями [Politis]. По мнению Ю. М. Лотмана и Р. Лахманна, анализируемое явление представляет собой средство реализации культурной памяти человечества в текстовом порождении. И. П. Смирнов и Е. Е. Бразговская рассматривают интертекстуальность как основанный на принципе семиотического взаимодействия акт речетворческой деятельности автора, который реализуется в создаваемом текстом культурном пространстве [Кремнева 2017]. Н. А. Фатеева описывает рассматриваемое понятие одновременно как принцип текстопорождения и способ самоидентификации автора в собственном произведении посредством отождествления или оппозиции с личностями иных авторов [Фатеева]. Согласно И. П. Ильину, интертекстуальность является процессом отражения текстом истории с его последующем вхождением в нее [Khuako]. В. Е. Чернявская считает интертекстуальность свойством текста, заключающимся в потенциальной множественности и вариативности его интерпретации [Чернявская]. Под интертекстуальностью М. Х. Абрамс подразумевает совокупность приемов отражения одним текстом иных уже существующих текстов посредством эксплицитной или имплицитной цитации, использования аллюзий на иные текстовые порождения, а также процесс включения в новые тексты каких-либо черт ранее созданных текстов [Abrams]. Н. В. Петрова рассматривает интертекстуальность как прием тексто-, формо- и смыслообразования, реализуемый посредством установления автором связей различного типа между собственным произведением и иными вербальными или невербальными прототекстами [Петрова].

Имеющееся многообразие подходов к пониманию того, что следует считать интертекстуальностью в современном языкознании предлагается условно подразделять на так называемые «широкие» и «узкие» подходы. Представления сторонников широких подходов характеризуются видением мира как глобального, всеобъемлющего текста, каждый вновь порождаемый фрагмент которого представляет собой лишь более или менее переосмысленное и/или переформулированное повторение ранее уже произнесенных высказываний [Kot]. На наш взгляд, подобная точка зрения исключает необходимость прикладных исследований функционирования конкретных заимствований авторами при составлении собственных текстов, так как, согласно теоретикам широкого подхода, любое продукт сознательной человеческой деятельности следует рассматривать как текст-компиляцию иных уже существующих текстов.

Радикальные сторонники узких подходов к пониманию интертекстуальности под данным явлением подразумевают только оформленные текстовые цитаты и аллюзии на иные проявления культурной жизнедеятельности человека [Kim]. Эта точка зрения, на наш взгляд, ставит значительные ограничения перед исследователем и противоречит воззрениям Ю. Кристевой, полагавшей, что любое литературное произведение порождается автором с опорой на существующий комплекс традиций и, следовательно, представляет собой невольное повторное воспроизведение различных компонентов ранее созданных произведений. Кроме того, согласно Ю. Кристевой, каждое новое текстовое порождение вступает в диалогическую взаимосвязь с общей культурной средой, становясь ее неотъемлемой частью [Vojtíšková].

На наш взгляд, факт отсутствия единства в современной теории интертекстуальности существенно затрудняет реализацию прикладных исследований в данной предметной области. Таким образом, прежде чем приступать к практическим исследованиям, посвященным вопросам интертекстуальности, исследователю следует с точностью определить, что именно понимается им под интертекстуальностью в конкретном исследовании.

Так, в рамках собственного практического исследования, посвященного проблеме

перевода интертекстуальных включений в художественной прозе, нами была предпринята попытка разграничить представления о содержании понятия «интертекстуальность» согласно широким и узким подходам через привлечение методов когнитивных наук и семиотики.

А. В. Кремнева в основу своих исследований явления интертекстуальности с точки зрения когнитивной лингвистики кладет теорию концептуальной деривации Н. Н. Болдырева, описывающую психические процессы порождения и обработки нового знания через активацию существующей в сознании концептуальной базы [Кремнева 2019].

Также на современном этапе когнитивные науки утверждают, что отличительной чертой человека от животного является наличие у первого мышления, осуществляющегося посредством речи, которая, в свою очередь, делает возможным вербальное преломление окружающей действительности человеком и, следовательно, накопление и обмен информацией в текстовом формате [Линниченко; Сопина].

Таким образом, анализ данных когнитивных наук установил, что человеческой психике, в целом, свойственно воспринимать новую информацию, посредством установления ассоциативных связей с уже имеющимися в сознании текстовыми отражениями окружающей действительности.

Семиотический метод был реализован нами в эксперименте, целью которого являлся анализ механизмов распознавания заимствованных элементов различного типа адресатами в невербальных текстах. Для проведения данного эксперимента в качестве текстового материала нами были избраны композиции, созданные средствами музыкального языка, ввиду более низкого комбинаторного потенциала единиц данной языковой системы и, как следствие, более высокой степени конвенциональности их возможных сочетаний, в сравнении с аналогичными параметрами единиц естественного языка [Kostka].

Поставленный нами эксперимент продемонстрировал, что для установления интертекстуальных связей адресатом музыкального текста необходимо наличие интенционально созданных автором непосредственно в тексте предпосылок к этому [Рыжаков 2023].

Таким образом, нами был сделан вывод, что, анализируя содержание понятия «интертекстуальность», уместно говорить не о двух противоположных и взаимоисключающих группах подходов к пониманию одного и того же феномена, но о двух разных явлениях. С одной стороны, интертекстуальность как свойство человеческого сознания воспринимать, накапливать, применять на практике и передавать другим индивидам знания об окружающей действительности через непрерывную и зачастую неосознаваемую индивидом активацию фреймов, созданных в процессе культурной деятельности индивида. При этом, степень осознания первоначального источника получения того или иного знания может варьироваться в различных ситуациях [Рыжаков 2022]. Подобное описание, на наш взгляд, в целом, соответствует точке зрения представителей так называемого широкого подхода. Примером данного явления на макроуровне могут служить традиции, обычаи, системы мировоззрения; на микроуровне – реализация в конкретных ситуациях знаний, полученных из житейского опыта других людей, ранее оказывавшихся в схожих ситуациях. Кроме того, приобретение знаний о языковой системе и их применение в речевой деятельности осуществляется по описанному принципу.

Другое же явление заключается в осознанном, интенциональном включении в собственный дискурс элементов чужих дискурсов, манифестируемых автором как таковые, с целью оказания определенного эмоционально-эстетического воздействия на адресата собственного текстового порождения. Конкретным проявлением данного явления, рассматриваемого нами как особое выразительное средство, фигура речи, является употребление составителями текстов различных знаковых систем единиц, устанавливающих манифестированную связь с иными текстовыми порождениями посредством их репрезентации в собственном тексте с целью привлечения их содержания в собственное текстовое порождение и оказания определенного влияния на адресата. Подобными единицами могут служить цитаты и аллюзии различных типов [Дреева].

Анализ теоретической базы, посвященной вопросам интертекстуальности, выявил недостаточную изученность лингвистических аспектов данного явления, лежащих в основе решения проблем, связанных с переводом интертекста [Long].

В качестве практического материала исследования особенностей функционирования интертекстуальных единиц нами были избраны литературные прозаические сочинения писателей-постмодернистов ввиду повышенного содержания в них единиц этого типа. Данный факт обусловлен одним из идеологических принципов постмодернистской эстетической парадигмы, который заключается в стремлении авторов-постмодернистов исследовать новые способы текстопорождения и предоставить адресатам собственных сочинений пространство для переосмысления уже существующего культурного наследия [Eymar; Salazar Giraldo].

Компонентный анализ, примененный к выделенным в избранном корпусе текстов единицам, позволил нам сделать вывод, что, являясь основной формой реализации описываемого приема на лингвистическом уровне, интертекстуальная единица характеризуется дискурсивной билатеральностью, одновременно структурной сложностью и целостностью, а также выраженной адресностью.

Билатеральность интертекстуальной единицы выражается в том, что она, являясь частью авторского дискурса, имеет в нем конкретное материальное воплощение (назовем его «интертекст»), с одной стороны, которое служит для адресата отсылкой к иному текстовому порождению (назовем его «текст-источник»), с другой стороны.

Комплексность структуры интертекстуальной единицы-цитаты проявляется в наличии таких неотъемлемых компонентов, как непосредственно заимствуемые автором элементы иных дискурсов и атрибуция-указание на отчуждение их авторства. При этом, в ходе практического исследования были выявлены три основных типа плана выражения заимствуемых дискурсивных элементов в заимствующем тексте: буквальная текстуальная цитата; трансформированная цитата, отличающаяся варьированием плана выражения заимствуемого высказывания с примерным сохранением его объема и плана содержания в принимающем тексте относительно источника заимствования; резюмированная цитата, характеризующаяся как полным отказом от воспроизведения оригинального плана выражения в принимающем тексте, так и существенным сокращением объема заимствуемого высказывания, что зачастую приводит к заметным изменениям на уровне плана содержания интертекста сравнительно с текстом-источником.

Атрибуция рассматривается нами как неотъемлемый компонент интертекстуальной единицы, необходимый для установления связи с текстом-источником заимствования и отличия интертекста от плагиата. При этом, в ходе исследования было установлено, что

в художественном тексте атрибуция может находиться как в контактном положении по отношению к интертексту, так и в неконтактном. Атрибуция может быть выражена точным и полным указанием источника заимствования, только именем автора заимствуемого высказывания, только названием текста, из которого осуществлялось заимствование, неопределенным упоминанием принадлежности заимствованных элементов другому тексту, а также прецедентным для адресата текста феноменом, репрезентирующим в авторском дискурсе источник заимствования. В последнем случае атрибуция может являться частью последовательности заимствуемых элементов. Также особым образом следует выделить интертекстуальные единицы, состоящие только из атрибуции, которые предлагаем считать аллюзиями.

Адресность интертекстуальной единицы заключается в необходимости создания автором в тексте особых условий для ее идентификации и установления связи с текстом-источником с целью ее семантической декодификации конкретным адресатом.

Анализ теоретической литературы в области интертекстуальности выявляет низкую степень изученности лингвистических основ функционирования интертекста. Изучение данного круга вопросов может способствовать решению проблем лингвистического характера, связанных с порождением интертекста, в том числе во вторичном тексте при переводе, а также

Следует отметить, что результаты, полученные нами в ходе исследования интертекстуальных включений на материале художественных прозаических текстов писателей-постмодернистов, на наш взгляд, актуальны для данного типа дискурса и могут отличаться применительно к иным дискурсивным системам.

Библиография

1. Carter S. Early Modern Intertextuality. Palgrave Pivot, 1st ed. 2021. 127 p.
2. Miguet-Ollagnier M., Limat-Letellier N. L'Intertextualité. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 1998. 493 p.
3. Hope S. Kristeva par Kristeva: les enjeux de l'intertextualité: a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. USA: the University of Alabama, Tuscaloosa, 2016. 227 p.
4. Великов И. А., Гилязетдинов И. И. История интертекстуальности и вертикального контекста // Молодой ученый. 2021. № 27 (369). С. 301-303.
5. Culler J. Intertexts of Intertextuality // Journal of Modern Literature. Vol. 4, Number 3. 2021. Indiana University Press. Pp. 164-169.
6. Guadu A. Intertextuality as an Inherent Tool for the Composition and Interpretation of Texts: A Theoretical Reappraisal // International Journal of Literature and Arts. Vol. 11, No. 3, 2023. Pp. 91-103.
7. Politis D. Alexandros Pallis and the English Poetry for Children: An Intertextual Reading // Advances in Literary Study, Vol. 11, No. 2, 2023. Pp. 111-127.
8. Кремнева А. В. Основные направления интертекстуальных исследований и возможные перспективы дальнейшего изучения проблемы межтекстового взаимодействия // Известия ВГПУ. 2017. С. 105-116.
9. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотипное. М.: «КомКнига», 2007. 280 с.
10. Khuako F. N. Intertextuality of the genre, taking into account dialogization and national applicability // Научный альманах стран Причерноморья. 2021. Том 27. № 3. С. 36-42.

11. Чернявская В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: На материале немецкого языка: диссертация доктора филологических наук: 10.02.02. СПб, 2000. 449 с.
12. Abrams M. A Glossary of Literary Terms, Seventh Edition. USA: Earl McPee, 1999. 430 p.
13. Петрова Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования (на материале англо-американских коротких рассказов): диссертации доктора филологических наук: 10.02.01. Волгоград, 2005. 395 с.
14. Kot H. M., Levchenko O. G., Kravchenko T. O., Musiienko O. S., Hrubych K. V. Problems of Intertextuality in Audio-Visual Arts // Rupkatha Journal on International Studies in Humanities, Vol. 13, No. 1, 2021. Pp. 1-11.
15. Kim D. Intertextuality and New Testament Studies // Currents in Biblical Research, Vol. 20, Issue 3, 2022. Pp. 238-260.
16. Vojtíšková L. Dissolved Politics and Artistic Imagination. On Kristeva's Revolution and Revolt // Aesthetic investigations, Vol. 5, No. 2, Special Issue: Arts, Ontology, and Politics, 2022. Pp. 145-158.
17. Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка): диссертация доктора филологических наук: 10.02.04. Барнаул, 2019. 418 с.
18. Линниченко С. И. Интертекстуальность как современная лингвокогнитивная практика: новые способы языкового выражения в литературе немецкого постмодерна // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2. С. 103-111.
19. Сопина А. Л. Когнитивный аспект интертекстуальности английского художественного текста: на материале романов Д. Лоджа: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.04. СПб, 2019. 188 с.
20. Kostka V., Ferreira de Castro P., Everett W. A. Intertextuality in music: Dialogic composition. London: Routledge, 2021. 234 p.
21. Рыжаков В. С. Когнитивные и семиотические подходы к пониманию феномена интертекстуальности // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 437-447.
22. Рыжаков В. С. Интертекстуальность: феноменологический и понятийный анализ и классификация типов интертекстов // Международный научно-исследовательский журнал [Электронный ресурс]. 2022. № 8 (122). Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.83> (дата обращения: 10.01.2024).
23. Дреева Д. М., Болатов Т. А. К проблеме дефиниции понятия «интертекстуальность» // Социосфера. 2022. № 2. С. 38-41.
24. Long Y., Yu G. Intertextuality Theory and Translation // Theory and Practice in Language Studies, Vol. 10, No. 9, 2020. Pp. 1106-1110.
25. Eymar M. Borges y Cortázar: desencuentros en el encuentro // Quaina. Angers, 2020. Pp. 231-246.
26. Salazar Giraldo L. L. La intertextualidad en Jorge Luis Borges. Un análisis hermenéutico en El Aleph. Bello, 2018. 21 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвистические основы теории интертекстуальности», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к теоретическим вопросам феномена интертекстуальности, прецедентности текстов.

Интертекстуальность как феномен является объектом изучения не только филологии, но и других гуманитарных наук.

Факт отсутствия единства в современной теории интертекстуальности существенно затрудняет реализацию прикладных исследований в данной предметной области, поэтому одной из задач, стоящих перед автором исследования, является определение данного лингвистического феномена в рамках настоящей работы.

В рецензируемой статье, посвященной проблеме перевода интертекстуальных включений в художественной прозе, автором была предпринята попытка разграничить представления о содержании понятия «интертекстуальность» согласно широким и узким подходам через привлечение методов когнитивных наук и семиотики.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В теоретической части представлены многие отечественные и зарубежные исследователи, однако автор обошел своим внимание ленинградскую научную школу и ее руководителя И.А. Арнольд, а также советского ученого В. Кухаренко. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 26 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так на английском и французском. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно алфавитный принцип построения. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах, таких как стилистика, теория интерпретации и теория текста. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвистические основы теории интертекстуальности» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Линь Г. — Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А. П. Хейдока // Litera. – 2024. – № 1. DOI: "не активен" EDN: MGAZVQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69682

Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А. П. Хейдока

Линь Гуаньцун

ORCID: 0009-0006-9397-7081

кандидат филологических наук

преподаватель, Филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ linguantsyun@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

"не активен"

EDN:

MGAZVQ

Дата направления статьи в редакцию:

21-01-2024

Дата публикации:

28-01-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению поликультурного феномена рассказов популярного писателя харбинской диаспоры А. П. Хейдока, издавшего в 1934 г. сборник «Звезды Маньчжурии». Автор статьи подробно анализирует события в произведениях, поведенческие приоритеты и склад ума героев, в чем органически отражаются элементы культуры Китая, России, Монголии, Египта, народов Маньчжурии, а также библейские сюжеты. Акцент сделан на разборе таинственного мира Поднебесной через буддизм и даосизм (буддийские понятия «карма», «сансара», «реинкарнация», «бардо» и буддийская предопределенность; отшельничество в даосизме). В ходе исследования в основном изучены следующие рассказы в сборнике: «Три осечки» (1932), «Маньчжурская принцесса» (1930), «Миами» (1931), «Храм снов» (1932), «Нечто»

(1931), «Собаки воют» (1929) и «Тропа» (1931). В работе применяются описательный, герменевтический, сопоставительный, историко-литературный и историко-культурный методы для анализа текстов. Научная новизна данной статьи заключается в том, что впервые проведен комплексный, междисциплинарный, включая культурологический, анализ рассказов в сборнике «Звезды Маньчжурии», рассмотрены незатронутые в ранее опубликованных работах детали, а также на основе разбора поликультурного феномена впервые определен художественный метод в произведениях. Результатом исследования стали следующие выводы: 1. Хейдок в сборник по-своему интегрирует различные элементы, которые делают произведения выразительными, увлекательными и содействуют развитию сюжета. 2. Поликультурный феномен придает рассказам в сборнике мифотворческие свойства на фоне исторической реальности. Сочетая реалистическое описание и такой культурный феномен, Хейдок создает своеобразную прозу, подобную магическому реализму, появление которого совпадает с началом творческого пути самого писателя.

Ключевые слова:

буддизм, даосизм, карма, Китай, магический реализм, поликультурность, реинкарнация, сансара, харбинская диаспора, Хейдок

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта департамента образования провинции Гуандун КНР «Этнокультура в русской прозе китайской эмиграции (1920–1945)» (2023WQNCX083).

Альфред Петрович Хейдок (1892–1990) — один из самых известных писателей харбинской диаспоры старшего поколения, чьи произведения читали почти все русские эмигранты в Харбине. Странствуя по многим местам и имея собственный интерес, писатель знакомился с различными культурами, которые отразил в своем литературном наследии.

После переезда из России в Харбин, с 1920-х гг. Хейдок занялся творчеством. В 1929 г. в журнале «Рубеж» был опубликован его дебют — рассказ «Человек с собакой». В 1934 г. вышел в свет сборник рассказов «Звезды Маньчжурии», который включает 16 рассказов, написанных Хейдоком в 1929–1934 гг. Местами, куда главные герои рассказов — русские попали, являются Китай, Гонконг (тогдашняя английская колония), провинция Синьцзян, маньчжурская тайга, Монголия. В сборнике объединены культуры Китая, России, Монголии, Египта, народов Маньчжурии и т. д. Как отметила Е. Г. Иващенко, «Звезды Маньчжурии» Хейдока «синтезируют культуру Запада и Востока»[\[1, с. 107\]](#).

В «Звездах Маньчжурии» китайская культура в основном отражается через элементы буддизма и даосизма, составляющие таинственный мир Поднебесной. В сборнике большое внимание читателей привлекает рассказ «Три осечки» (1932): солдат Гржебин, волонтер русского отряда китайского милитариста, озлобленный из-за того, что в китайском буддийском храме ему не досталось питьевой воды, три раза стрелял в «задумчивую, со скорбным лицом» [\[2, с. 54\]](#) статую Будды, и все три попытки дали осечку. После этого Гржебин из-за своего «бессмысленного кощунства» [\[2, с. 54\]](#) умирал три раза разными способами. Сюжет данного рассказа может объясняться буддийским понятием «карма» — вселенским причинно-следственным законом. Об этом Хейдок излагал в

автобиографическом очерке: «нет явления без причины, и какова причина — таково и следствие» [3, с. 55]. Гржебин из-за своей нетерпеливости и легкомыслия богохульствовал на Будду. Когда первый выстрел дал осечку, он попытался выстрелить второй и третий раз. Он не верил, что статуя Будды может уцелеть, когда все вокруг уже разрушено. После первого самоубийства Гржебин чудесным образом появился перед главным героем и фельдфебелем, но главный герой был уверен, что тот Гржебин, который перед ними, уже умер, так как по рассказам жителей Поднебесной умершие люди «всюду носят с собой дыхание потустороннего, и в их присутствии умирают улыбки» [2, с. 57]. Души покойников, «согласно верованиям китайцев, отошли в распоряжение неведомых властелинов неба или земли, смотря по заслугам» [2, с. 57]. Очевидно, что присутствовавший в камерке фельдфебеля Гржебин не мог попасть к властелину неба. Его казнили из-за кощунственного поведения, и ему еще предстоят две смерти за остальные две осечки. Подобный сюжет мы можем увидеть в позже опубликованном рассказе Хейдока «ЧП на посту № 2» (<1994>): главный герой рядовой Швальбах обезобразил буддийское изваяние, в результате чего он не мог двигаться и вскоре умер на месте [4, с. 64-66]. Отсюда мы можем отметить принятие и строгое соблюдение Хейдоком вселенского причинно-следственного закона. Писатель также подчеркнул: «этот закон никто не может отменить, поэтому раскаявшиеся грешники <...> получают в любом случае полную меру воздаяния» [3, с. 54].

В «Звездах Маньчжурии» рассказ «Маньчжурская принцесса» (1930) наполнен ориентальным колоритом. Когда главный герой рассказа художник Багров рисовал на холме, он увидел призрак своей жены предыдущего круга жизненных перерождений — «девушки в древнем одеянии принцесс Цинской династии [1616–1912 — Л. Г.]» [2, с. 76], что освежило его память предыдущего перерождения: он тогда был Яшкой Багром, атаманом шайки разбойников. Захваченная им маньчжурская принцесса влюбилась в него, спасла от маньчжуров и после они двенадцать лет прожили вдвоем в тайге, занимаясь охотой. Но такая счастливая жизнь с взаимной любовью закончилась тем, что однажды их убил страшный медведь. В этом рассказе отражаются буддийские понятия сансары и реинкарнации, согласно которым человек не исчезает из мира совсем, после смерти он может перерождаться, его благоприятное или неблагоприятное перерождение решается с учетом прижизненных поступков (закон «карма») [5, с. 601]. Хейдок в своем устном рассказе объяснил, что эти понятия о том, что «человек живет на Земле сотни тысяч раз, что человеческая душа бессмертна. Она не умирает при физической смерти. Переходя в иной мир, она снова возвращается на Землю, и, рождаясь в новом теле, начинает следующую жизнь» [3, с. 55]. Именно любовь к маньчжурской принцессе, сохраненная тайно и подсознательно до сих пор, помогла Багрову вспомнить предыдущее перерождение.

В конце рассказа «Маньчжурская принцесса», восстановивший память о предыдущем перерождении Багров сказал, что, для того чтобы сразу встретиться с маньчжурской принцессой, он хотел совершить самоубийство, но он опасался, что самоубийством он провинится «перед Творцом Вселенной, и в наказание снова века лягут между нами [Багровым и маньчжурской принцессой — Л. Г.]» [2, с. 86]. Поэтому с помощью своих китайских друзей он стал даосским монахом, доживая до конца жизни отшельником и дожидаясь встречи с маньчжурской принцессой после смерти. В монастыре он мог «выпустить на себя всех зверей своего духа: тоску культурного человека, живущего в глуши, отсутствие возможности заниматься искусством и читать и, наконец, — самовнушение» [2, с. 86]. Все три мировые религии (буддизм, христианство и ислам)

рассматривают самоубийство как преступление. Согласно этим религиям, людей, которые покончили жизнь самоубийством, ждет серьезное наказание. В высказывании и поведении Багрова отражается идея Хейдока о том, что нужно следовать законам природы и не идти против них ради достижения определенной цели. «В Китае отшельнический образ жизни восходит к высшей даосской ценности "недеяние" — созерцательной пассивности» [6, с. 119]. С помощью отшельничества человек может удалиться от мирской суеты и сосредоточиться на самосозерцании.

В рассказе «Миами» (1931) ни во что не верующий русский контрабандист Кузьмин был далеко от того места, где в родах умерла его жена Миами, удочеренная китайской деревней. Вернувшись и узнав о ее смерти, он обратился к местному (китайскому) медиуму, чтобы тот помог с ней встретиться, войти в контакт, поговорить. По расчетам медиума дух Миами еще не покинул дом и медиум сделал так, что дух Миами вошел в его тело, заговорил с Кузьминым и предсказал смерть, и через пять дней после того, как Кузьмин тоже умрет, Кузьмин и Миами встретятся. Как и мечтавший о встрече с женой Багров из рассказа «Маньчжурская принцесса», Кузьмин после получения смертельного пулевого ранения, уже будучи в больнице, рассчитал оставшееся время своей жизни. В конце рассказа точно на пятый день Кузьмин умер. Согласно буддийским идеям, покойники не сразу покидают мир и перерождаются: они переходят в промежуточное состояние «бардо» между смертью и следующим перерождением, которое длится не дольше сорока девяти дней [7, с. 81-82]. В предсказании Миами и финале данного рассказа также отражается буддийская линия — «предопределенность, неотвратимость событий» [8, с. 61]: в отличие от христианства, которое подчеркивает свободу воли человека, в буддизме полагается, что у человека есть скрытый и неизбежный жизненный путь.

В отличие от вышеотмеченных рассказов, Хейдок придал рассказу «Храм снов» (1932) колорит других культур. В данном рассказе Кострецов в безлюдной местности случайно обнаружил на камне изображение ибиса, и сразу ассоциировал его с древнеегипетским богом Луны и мудрости Тотом, который является «мужем божественной Маат... Греки отождествляли его с Гермесом Трисмегистом» [2, с. 117]. Главный герой прапорщик Рязанцев и Кострецов решили остаться и провести исследование, и они нашли на холме Храм снов. В рассказе «Нечто» (1931) из «Звезд Маньчжурии», будучи в экспедиции, миллионер Стимс сказал спутнику, русскому стрелку, что он увидел женщину, на которой «была огненно-красная мантия и убор из страусовых перьев на голове» [2, с. 68], и решил продолжить искать Нечто. Стоит отметить, что перо страуса служит символом богини истины и справедливости древнего Египта, супруги Тота Маат [9, с. 269]. Эти две мифологические фигуры подняли у героев рассказов страсть к исследованию, стимулировали их на поиск тайного и неизвестного. Сам Хейдок, по имеющимся данным, за всю жизнь никогда не бывал в Египте. Он был заморожен не только культурой страны, куда он эмигрировал, но интересовался культурой и других далеких стран. Писатель добавил различные культурные детали в свои произведения, чтобы в текстах была ярко отражена поликультурность. В рассказе «Нечто» Стимс и его слуга звали русского стрелка Илью другим именем «Элия». Мы можем связать Илью с библейским пророком Илией, имя которого на иврите — «Элийя» [10, с. 56]. Несогласие Ильи с мнением Стимса и их драка предвещает, что Стимс не найдет Нечто, а, скорее всего, как предыдущие искатели приключений, впадет в заблуждение.

В сборнике «Звезды Маньчжурии» Хейдок много раз упоминал барона Унгерна фон Штернберга (напр., «Безумие желтых пустынь», «Нечто», «Храм снов», «Черная

палатка», «Собаки воют»), который вел «осатанелых бойцов на Ургу [ныне Улан-Батор — Л. Г.] — восстанавливать Чингисханово великое государство» [2, с. 32], что доказывает увлечение писателя этой яркой личностью первой трети XX в. Кроме того, Хейдок в своих произведениях также описал монгольскую культуру. Например, в рассказе «Собаки воют» (1929), старый монгол Тай-Мурза услышал вой собак, переживая за своих пошедших на грабеж молодцов, он зажег курения перед богами. Он объяснил главному герою: «Собаки воют — смерть ходит по степи» [2, с. 168]. Возжигание курений является буддистским обрядом загадывания желаний, во что верят монголы. Когда молодцы успешно вернулись, на воровском ужине они в добыче обнаружили «кружку с резиновой трубкой и наконечником» [2, с. 169]. Монголы долго не могли разобраться с этой кружкой, считали ее богом деторождения. Драка произошла за ужином, так как два парня хотели из добычи взять этого «бога» с собой. В буддизме существует богиня Гуань-инь, дарящая детей. Здесь мы можем отметить, что буддизм глубоко воспринят в монгольской культуре и представлении обычных монголов. Деторождение имеет важное значение в монгольской традиции.

В рассказе «Тропа» (1931) Хейдок тоже описал тему деторождения. В маньчжурской тайге у кочующих солонов (подгруппы эвенков, проживающей в Маньчжурии — ныне северо-восточном Китае) существует такая «философия»: «Род должен иметь много-много маленьких людей, чтобы они заполнили табор, вырастали и становились сильными охотниками... Поэтому — почет только матерям» [2, с. 161]. Это характерно для кочевых народов, у которых потомки служат важным обеспечением жизненных условий и оказывают определяющее влияние на будущее.

В «Звездах Маньчжурии» во многих деталях отражается и русская культура. Так, в рассказах упоминаются прозвища героев: Яшка Багор, Васька Жги Пятки, Сенька Косой, Митька Головотяп, Ерш Белые ноги и Рябой Аматаун. Прозвища часто употребляются в русском фольклоре, образно информируя о внешности героев и их характере, заменяя имена. Появление прозвищ обусловлено умением русских зафиксировать особенности «в ярком и образном слове или выражении», и они «составляют значительный пласт в народно-поэтическом творчестве русского народа» [11, с. 140, 153]. В сборнике персонажи поют русские песни (народные и авторские), например, в рассказе «Три осечки» отдыхающие волонтеры-солдаты русского отряда пели: «О чем дева плачешь, / О чем слезы льешь...» [2, с. 55]. Это усиливает грустное, подавленное настроение солдат после первой смерти Гржебина из-за кощунства в адрес Будды и предвещает трагическое продолжение рассказа — Гржебина ждут еще две смерти. В рассказе «Маньчжурская принцесса» Багров, будучи атаманом разбойников в предыдущем перерождении, перед боем с маньчжурами пел: «Эх-ма! Ух! Ух! / Как девица молодая / Рано поутру за медом шла...» [2, с. 82-83], и к нему присоединилась «беснующаяся перед концом ватага» [2, с. 83]. Его песня, с одной стороны, служит для подъема боевого духа шайки, а с другой стороны, обозначает отчаяние перед сильными врагами. В рассказе «Тропа» вместо подробного описания Хейдок использовал русскую песню на слова поэта Н. А. Некрасова: «Знает только рожь высокая, / Как поладили они...» [2, с. 162], намекая на тайный роман между Агнивцевым и женщиной из племени солонов Турпи, который потом ненавидела симпатизирующая Агнивцеву Мари. Эмигрант-писатель Хейдок в свои произведения добавил элементы русской культуры для выражения тоски по стране, где он жил в молодости, где русские песни играют намекающую роль для развития сюжета.

На жизненный путь и творчество Хейдока судьбоносно повлиял его учитель, художник и теософ Н. К. Рерих, который в предисловии к сборнику «Звезды Маньчжурии» отметил,

что «рассказы эти, прежде всего, углублены качеством убедительности, этим редким отличием, свойственным лишь чему-то действительно пережитому, пережитому» [2, с. 31]. Безусловно, рассказы в данном сборнике основаны на историческом фоне, пережитом самим Хейдоком. Например, сюжет рассказа «Три осечки» происходит в русском отряде китайского милитариста Чжан Цзунчана, одного из руководителей Фэнтяньской клики во время эры милитаристов в Китае (1916–1928); в рассказе «Храм снов» главному герою, убежавшему из концентрационного лагеря войск Б. В. Анненкова, приснились А. В. Колчак, Б. В. Анненков, барон Унгерн фон Штернберг — видные деятели Белого движения (1917–1922). Писатель помимо реального исторического фона одновременно в рассказы сборника «Звезды Маньчжурии» добавил детали различных культур. С одной стороны, насыщенные поликультурностью рассказы увлекательны, как игра стеклышек в калейдоскопе. С другой стороны, именно эти культурные детали способствуют развитию сюжета произведений. Так, именно закон кармы наказал совершившего кощунство Гржебина самоубийством в рассказе «Три осечки»; в рассказе «Маньчжурская принцесса» Багров увидел призрак своей жены предыдущего перерождения и вспомнил всю историю; в рассказах «Три осечки», «Маньчжурская принцесса» и «Тропа» песни, где отражается русская культура, подсказали дальнейшее продолжение истории. Стоит отметить, что магический реализм возник, когда Хейдок только еще начал свой творческий путь в 1920-е гг. В сборнике поликультурный феномен придает рассказам мифотворческие свойства при «наличии конкретных и узнаваемых черт исторической реальности» — «неотъемлемой черте магического реализма» [12, стб. 491]. Такой феномен воздействует на судьбы героев и подчиняет их себе. В произведениях стерты границы между реальным и ирреальным: и герои, и читатели не могут разделить их в созданном писателем мире.

В заключение отметим, что доминантой произведений Хейдока является феномен поликультурности: писатель интегрирует в свои рассказы элементы культур разных народов Азии и Европы, включая сюжеты из Библии, что показывает его обширные знания. Это создает выразительность, обогащает сюжетную линию и делает рассказы увлекательными. Хейдок использует метод реализма в описании, сочетает его с поликультурностью и, таким образом, создает своеобразную прозу, наподобие магического реализма.

Библиография

1. Иващенко Е. Г. Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звезды Маньчжурии» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2: Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти В. А. Слободчикова / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2008. С. 104–108.
2. Хейдок А. П. Звезды Маньчжурии: Рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 336 с.
3. Хейдок А. П. Страницы моей жизни. М.: Дельфис, 2011. 232 с.
4. Хейдок А. П. Радуга чудес. М.: Издательство Духовной Литературы, 2001. 118 с.
5. Лысенко В. Г. Сансара // Философия буддизма: Энциклопедия / Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011. С. 601–603.
6. Линь Гуаньцун. Этноментальность как предмет изображения в художественной прозе русской эмиграции (Харбин, 1920-е–1930-е годы): дис. ... канд. филол. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 208 с.
7. Тибетская книга мертвых (с комментариями Франчески Фримантл и Чогьяма

- Трунпы) / Пер. с англ. А. Блейз, В. Рынкевича. М.: София, 2003. 116 с.
8. Лебедева Н. А. «Китайская нота» в цикле рассказов А. П. Хейдока «Звезды Маньчжурии» // На перекрестках филологических дорог. Сборник статей: К юбилею доктора филологических наук, профессора Елены Александровны Первушиной / Отв. ред. Т. И. Петрова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. С. 53–62.
 9. Рак И. В. Египетская мифология. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2004. 320 с.
 10. Тхор В. Илия // Библейский толковый словарь Виктора Тхора: Третья редакция переработанная и дополненная. Ч. 3: Словарь библейских имен и их значений. Сакраменто, 2018. С. 56.
 11. Карташева И. Ю. Прозвища-присловья в русском фольклоре // Фольклор Урала. Вып. 8: Современный фольклор старых заводов. Свердловск: Уральский государственный университет, 1984. С. 140–153.
 12. Гугнин А. А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 489–492.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Природа художественного текста синкретична, следовательно, и рассматривать его необходимо с разных аналитических позиций. Таким образом, ориентир на некую смежность оценки вполне оправдан, он достаточно конструктивен, но и по-своему сложен. Автор рецензируемой статьи обращается к анализу сборника рассказов А.П. Хейдока «Звезды Маньчжурии». В начале работы отмечено, что «Альфред Петрович Хейдок (1892–1990) — один из самых известных писателей харбинской диаспоры старшего поколения, чьи произведения читали почти все русские эмигранты в Харбине. Странствуя по многим местам и имея собственный интерес, писатель знакомился с различными культурами, которые отразил в своем литературном наследии», «после переезда из России в Харбин, с 1920-х гг. Хейдок занялся творчеством. В 1929 г. в журнале «Рубеж» был опубликован его дебют — рассказ «Человек с собакой». В 1934 г. вышел в свет сборник рассказов «Звезды Маньчжурии», который включает 16 рассказов, написанных Хейдоком в 1929–1934 гг. Местами, куда главные герои рассказов — русские попали, являются Китай, Гонконг (тогдашняя английская колония), провинция Синьцзян, маньчжурская тайга, Монголия. В сборнике объединены культуры Китая, России, Монголии, Египта, народов Маньчжурии и т. д. Как отметила Е. Г. Иващенко, «Звезды Маньчжурии» Хейдока «синтезируют культуру Запада и Востока». Обзор и анализ сборника «Звезды Маньчжурии» в исследовании полновесен и объемный; автор стремится охарактеризовать и оценить разные грани этого сочинения. Причем стиль статьи полноценно соотносится с собственно научным стилем. Цитации даются с учетом требований издания: например, «в «Звездах Маньчжурии» рассказ «Маньчжурская принцесса» (1930) наполнен ориентальным колоритом. Когда главный герой рассказа художник Багров рисовал на холме, он увидел призрак своей жены предыдущего круга жизненных перерождений — «девушки в древнем одеянии принцесс Цинской династии [1616–1912 — Л. Г.]» [2, с. 76], что освежило его память предыдущего перерождения: он тогда был Яшкой Багром, атаманом шайки разбойников. Захваченная им маньчжурская принцесса влюбилась в него, спасла от маньчжуров и после они двенадцать лет прожили вдвоем в тайге, занимаясь охотой. Но такая

счастливая жизнь с взаимной любовью закончилась тем, что однажды их убил страшный медведь. В этом рассказе отражаются буддийские понятия сансары и реинкарнации, согласно которым человек не исчезает из мира совсем, после смерти он может переродиться, его благоприятное или неблагоприятное перерождение решается с учетом прижизненных поступков (закон «карма») [5, с. 601]» и т.д. Не лишена работа и т.н. промежуточными комментариями, они нужны для неподготовленного читателя. Методология анализа сборника «Звездах Маньчжурии» актуальна, здесь и литературоведческий, и культурологический, и философский ракурсы. Автор использует клише-связки, они поддерживают общую логику научной наррации: например, «В отличие от...», «стоит отметить...» и т.д. Не исключается, а наоборот пестует литературный и культурный контекст, достаточно верно дан ориентир, например, на Н.А. Некрасова, Н.К. Рериха и др. Работа имеет законченный вид, материал можно продуктивно использовать в ходе освоения ряда гуманитарных дисциплин. Общие требования издания учтены; серьезная правка текста и излишня. Должная аналитика в тексте налична: «на жизненный путь и творчество Хейдока судьбоносно повлиял его учитель, художник и теософ Н. К. Рерих, который в предисловии к сборнику «Звезды Маньчжурии» отметил, что «рассказы эти, прежде всего, углублены качеством убедительности, этим редким отличием, свойственным лишь чему-то действительно пережитому, пережитому» [2, с. 31]. Безусловно, рассказы в данном сборнике основаны на историческом фоне, пережитом самим Хейдоком. Например, сюжет рассказа «Три осечки» происходит в русском отряде китайского милитариста Чжан Цзунчана, одного из руководителей Фэнтяньской клики во время эры милитаристов в Китае (1916–1928); в рассказе «Храм снов» главному герою, убежавшему из концентрационного лагеря войск Б. В. Анненкова, приснились А. В. Колчак, Б. В. Анненков, барон Унгерн фон Штернберг — видные деятели Белого движения (1917–1922). Писатель помимо реального исторического фона одновременно в рассказы сборника «Звезды Маньчжурии» добавил детали различных культур. С одной стороны, насыщенные поликультурностью рассказы увлекательны, как игра стеклышек в калейдоскопе». Автор в финале текст отмечает, что «доминантой произведений Хейдока является феномен поликультурности: писатель интегрирует в свои рассказы элементы культур разных народов Азии и Европы, включая сюжеты из Библии, что показывает его обширные знания. Это создает выразительность, обогащает сюжетную линию и делает рассказы увлекательными. Хейдок использует метод реализма в описании, сочетает его с поликультурностью и, таким образом, создает своеобразную прозу, наподобие магического реализма». Считаю, что цель данной работы достигнута, тема раскрыта, а поставленный спектр задач решен. Рекомендую рецензируемую статью «Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А.П. Хейдока» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дуданов Т.В. — Эксплицитное выражение безусловности при помощи союзов в китайском языке // Litera. — 2024. — № 1. DOI: "не активен" EDN: MGRJNV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69690

Эксплицитное выражение безусловности при помощи союзов в китайском языке

Дуданов Тимофей Васильевич

ORCID: 0009-0007-1747-9440

аспирант, кафедра восточных языков, Российский государственный гуманитарный университет

125993, Россия, г. Москва, Мусская площадь, 6

✉ tdudanov@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

"не активен"

EDN:

MGRJNV

Дата направления статьи в редакцию:

22-01-2024

Дата публикации:

29-01-2024

Аннотация: В данной статье рассматриваются безусловные предложения в китайском языке. В качестве предмета исследования выбраны союзы с выражением безусловности, которые служат для эксплицитной (явной) передачи значения в предложении. Цель исследования заключается в поиске союзов с эксплицитным выражением безусловности в китайском языке. Кроме китайского языка, рассматривается также и русский язык для проведения сопоставительного анализа союзного оформления в разных языках. Сопоставительный анализ проводится для всех типов безусловности непосредственно после описания каждого отдельно взятого раздела. В статье проводится сопоставление не только союзов с обозначением безусловности, но и коррелятов (слов, уточняющих значение условия в первой части предложения) и порядка двух клауз (главной и зависимой). В число методов исследования входят сплошная выборка союзов и их коррелятов из словарей и грамматик китайского языка для дальнейшего распределения

их по группам, рассмотрение семантических, сочетаемостных и стилистических особенностей союзов посредством словарного поиска. В итоге всего было выделено три типа безусловности: абсолютная, ирреальная и реальная. Ввиду того, что китайские безусловные предложения мало исследованы русскими типологами, данная статья содержит определённую научную новизну. Благодаря классификации союзов в предложениях с отсутствием условия было выяснено, что китайский язык обладает не меньшим разнообразием подобных слов, чем русский. В конце приводятся две таблицы всех союзов как в русском, так и в китайском языке. На русский язык в данной статье делался меньший упор, чем на китайский, так как он исследовался ранее другими типологами. Материал может быть полезным не только для китаистов, но и для специалистов в области общего языкознания.

Ключевые слова:

китайский язык, условие, безусловность, безусловные предложения, эксплицитное выражение, союзы, корреляты, клаузы, словарь, корпус

Введение

В большинстве языков мира существуют условные придаточные как одна из частей (клауз) сложноподчинённого предложения. Такие предложения называются условными. В них одна часть указывает на условие, а вторая — на результат или следствие [\[1, с. 15\]](#).

Тем не менее в данной статье делается акцент не на наличии, а на отсутствии условия. Для эксплицитной (явной) передачи отсутствия условия наиболее предпочтительно использовать союзы, которые содержат в себе семантику безусловности. Безусловные предложения — это фактически уникальный тип условных предложений в китайском языке, так как, например, в русском языке их традиционно относят к числу уступительных, которые в свою очередь создают препятствие для осуществления условия [\[2, с. 353\]](#). В китайском языке безусловные предложения выделяются как один из типов условных предложений в таких работах, как [\[3, с. 109–121; 4, с. 369–370; 5, с. 166\]](#). Они представляют собой сочетание нескольких предложений с союзом «если» [\[6, с. 180\]](#), то есть, независимо от истинности или ложности условия в условной части предложения, следствие остаётся прежним. Это можно отобразить в виде следующей схемы (Р — условие; Q — результат/следствие):

[ЕСЛИ] Р, [ТО] Q

[ЕСЛИ НЕ] Р, [ТО] Q

Именно поэтому цель исследования заключается в распределении союзов с эксплицитной передачей безусловности. В качестве языка, на материале которого осуществлена дальнейшая классификация, выбран китайский язык. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- 1) Дана классификация эксплицитной союзной передачи безусловности по типам
- 2) Рассмотрены семантические, сочетаемостные и стилистические типы союзов с выражением безусловности
- 3) Проведено сопоставление семантических компонентов в русском и китайском языках

В статье рассмотрены три группы союзов с выражением безусловности: абсолютная, ирреальная и реальная. Эта классификация принадлежит китайскому лингвисту Син Фуи, который включал их в состав уступительно-противительных сложных предложений и говорил об уступке, а не безусловности [7, с. 492–495]. Далее в процессе классификации приводятся основания замены термина «уступка» на термин «безусловность».

Определённые случаи употребления союзов как показателей отсутствия условия, мотивируются примерами из литературы. Примеры из китайского языка взяты из корпуса ВСС [8], а из русского языка — из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9]. Все китайские примеры снабжены глоссированным переводом.

Стилистическая характеристика союзов подтверждается данными из «Словаря современного китайского языка» [10], «Практического словаря китайского языка» [11], справочника «800 слов современного китайского языка» Люй Шусяна [12] и словаря «1700 пар синонимов» [13] для китайского языка, Русской грамматики [14] и статей О. Е. Пекелис из проекта «Русская корпусная грамматика» [15–16] для русского языка.

Абсолютная безусловность

Абсолютная безусловность предполагает полное отсутствие оснований для изменения результата. Союзы с подобной семантикой содержат пресуппозицию исчерпывания [17, с. 18].

Китайский язык

К числу слов с выражением абсолютной безусловности (абсолютной уступки у Син Фуи) следует относить синонимичные союзы 不管 *bùguǎn*, 不论 *búlùn*, 无论 *wúlùn* и 任凭 *rènpíng* с общим значением «независимо». Именно их выделяют в разряд слов с отсутствием условия [3, с. 109–121] [4, с. 369–370] [5, с. 166].

Большая часть из них содержит показатели отрицания 不 *bù* (не) и 无 *wú* (не иметь). Тем самым указывается невозможность оказать влияние на следствие при выборе любого условия. Согласно словарю «Синьхуа» [18], дословный перевод союзов будет таким:

- 不管 *bùguǎn* (букв. «не ограничиваясь»)
- 不论 *búlùn* (букв. «не анализируя»)
- 无论 *wúlùn* (букв. «не имея анализа»)

Слово 任凭 *rènpíng* состоит из идентичных по смыслу компонентов:

任 *rèn* («независимо») + 凭 *píng* («независимо») = 任凭 *rènpíng* («независимо»)

Со стилистической точки зрения союз 不管 *bùguǎn* употребляется в устной речи, а союзы 无论 *wúlùn* и 不论 *búlùn* — в письменной речи [11, с. 107] [12, с. 98]. Однако информация о стилистической характеристике союза 任凭 *rènpíng* в словарях и справочниках отсутствует. Именно поэтому его, предположительно, следует относить к нейтральным союзам, то есть он характерен как для письменной, так и для устной речи.

Данные союзы обладают свойствами альтернативности и универсальности [19, с. 130].

Под словом «альтернативность» обычно подразумевается одновременное утверждение и

отрицание (1), что наиболее характерно для союза 不管 *bùguǎn*, использование специальных слов с выражением вопроса (还是 *háishì* — или, 是否 *shìfǒu* — да или нет, 与否 *yǔfǒu* — или нет). Фразы из классического китайского языка, такие как 是否 *shìfǒu* (2) и 与否 *yǔfǒu* (3), больше предпочтительны для предложений с союзами 无论 *wúlùn* и 不论 *búlùn*:

(1)

不管	你	心里	愿	不
Bùguǎn	nǐ	xīn.lǐ	yuàn	bu
НЕЗАВИСИМО	ТЫ	СЕРДЦЕ.ЛОС	ЖЕЛАТЬ	НЕ
愿意	承认,	孩子	现在	四
yuànyì	chéngrèn,	háizi	xiànzài	sì
ЖЕЛАТЬ	ПРИЗНАВАТЬ	РЕБЁНОК	СЕЙЧАС	ЧЕТЫРЕ
岁	了。			
sui	le.			
ГОД	PTCL			

Независимо от того, желаешь ты признавать это или нет, ребёнку всё же сейчас уже четыре года. [Ши Тешэн. Приход в мир]

(2)

无论	敌人	是否	做得到,	他
Wúlùn	dírén	shìfǒu	zuò.de.dào,	tā
НЕЗАВИСИМО	ВРАГ	ИЛИ НЕТ	ДЕЛАТЬ.PTCL.RES	ОН
会	这样	做	是	无疑
huì	zhèyàng	zuò	shì	wúyí
МОЧЬ	ТАК	ДЕЛАТЬ	СОП	НЕСОМНЕННЫЙ
的。				
de.				
ATR				

Независимо от того, сделает так враг или нет, он, несомненно, так сделает. [Ван Хо. Война и люди]

(3)

不论	实质上	是否	如此,	你
Búlùn	shízhì.shàng	shìfǒu	rúcǐ,	nǐ
НЕЗАВИСИМО	СУЩНОСТЬ.ЛОС	ДА ИЛИ НЕТ	ТАК	ТЫ
就	得	这样	来	认为。
jiù	děi	zhèyàng	lái	rènwéi.
КАК РАЗ	ДОЛЖЕН	ТАК	НАМЕРЕВАТЬСЯ	СЧИТАТЬ

Независимо от того, так это или нет, по существу, ты должен считать так. [Лу Яо. Утро начинается с полудня]

Универсальность же предполагает неограниченность выбора вариантов в условном придаточном [\[20, с. 345–346\]](#). Она чаще всего выражается с помощью вопросительных местоимений (谁 *shéi* — кто, 什么 *shénme* — что (4), 哪里 *nǎlǐ* — куда, 多少 *duōshǎo* — сколько) и наречий (например, 怎么 *zěnmē* — как (5), 多么 *duōme* — как, какой).

(4)

不管	他们	转移	到	什么
Bùguǎn	tāmen	zhuǎnyí	dào	shénme
НЕЗАВИСИМО	ОНИ	ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ	ДО	КАКОЙ
地方,	反正	我	不	跟
dìfang,	fǎnzhèng	wǒ	bù	gēn
МЕСТО	В ЛЮБОМ	я	НЕ	С
	СЛУЧАЕ			
他们	走	了。		
tāmen	zǒu	le.		
ОНИ	ЕХАТЬ	PTCL		

Независимо от того, куда они переехали, я в любом случае с ними не пойду. [Мао Дунь. Закалка]

(5)

无论	他	怎么	选择,	悔恨
Wúlùn	tā	zěnmē	xuǎnzé,	huǐhèn
НЕЗАВИСИМО	ОН	КАК	ВЫБИРАТЬ	РАСКАЯНИЕ
已	是	他	的	宿命。
yǐ	shì	tā	de	sùmìng.
УЖЕ	СОП	ОН	ATR	ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Независимо от того, какой выбор он сделает, ненависть уже предопределена ему. [Чжоу Гопин. Ньюн]

Ещё один союз 任凭 rènpíng (независимо) имеет то же значение, что и 不管 bùguǎn, 不论 búlùn, 无论 wúlùn, однако, в отличие от них, не принимает вопросительное слово 还是 háishì (или) в зависимой части:

*任凭	会话	还是	笔译,	☐ ... ☐
*Rènpíng	huìhuà	háishì	bǐyì,	☐ ... ☐
НЕЗАВИСИМО	РАЗГОВОР	ИЛИ	ПИСЬМЕННЫЙ	
			ПЕРЕВОД	

Неважно, говорит он на иностранном языке или переводит письменно, ... [\[12, с. 466\]](#)

Русский язык

В русском языке абсолютная безусловность передаётся с помощью союзов «несмотря», «невзирая» и «независимо». «Несмотря» и «независимо» встречаются и в письменной, и в устной речи, а «невзирая» — в письменной речи [\[15\]](#).

Союзы «несмотря» и «невзирая» оформляются предлогом «на» и указательным местоимением «то», а «независимо» — предлогом «от» и указательным местоимением «то». Далее следует указание на альтернативность или универсальность.

«Независимо» может передавать как альтернативность (с помощью союзов «или» (6) и «ли»), так и универсальность (с помощью относительного местоимения (7)), но «несмотря» и «невзирая» употребляются только для выражения универсальности (8):

(6) **Независимо от того**, убил Морган эту гадину **или** нет, послезавтра надо пойти на Базу и организовать облаву. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Полдень. XXII век (1961-1967)]

(7) **Независимо от того, чей** в машине был метапропизол — Панафидина или чей-то другой, ясно одно: письмо это прислал или враг Панафидина, или его соперник. [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]

(8) **Но, несмотря на то, зачем** он так страшно сердит, так мучит, так равнодушно часто дремлет, хотя его и разбудил толчок громовой, зачем он так ленив, так страшно неподвижен, так многому неправо улыбается и смеется над тем, что совсем не стоит, не достойно смеха. [Николай Скавронский (А. С. Ушаков). Очерки Москвы (1860-1865)]

Ирреальная безусловность

В отличие от абсолютной безусловности, ирреальная безусловность предполагает наличие гипотетичности, а не фактического утверждения в условном придаточном. Данное предположение не влияет на исход действия, о котором говорится в главной клаузе (части сложного предложения).

Китайский язык

Ирреальная безусловность (ирреальная уступка у Син Фуй) выражается с помощью синонимичных союзов 即使 jíshǐ (9), 即便 jíbiàn, 纵然 zòngrán, 纵使 zòngshǐ, 就算 jiùsuàn, 就是 jiùshì и 哪怕 nǎpà, 任凭 rènpíng, 虽 suī с общим значением «пусть, даже если».

(9)

即使	他们	也	不	能够
Jíshǐ	tāmen	yě	bù	nénggòu
ПУСТЬ	ОНИ	ТОЖЕ	НЕ	МОЧЬ
完全	渗透	她	内心	的
wánquán	shèntòu	tā	nèixīn	de
ПОЛНОСТЬЮ	ПРОНИКАТЬ	ОН	ДУША	ATR
秘密,	他们	只	知道	她
mìmì,	tāmen	zhǐ	zhīdào	tā
СЕКРЕТ	ОНИ	ТОЛЬКО	ЗНАТЬ	ОНА
正在	酝酿	一个	极大	的
zhèngzài	yùnniàng	yí.ge	jídà	de
PRG	ЗАТЕВАТЬ	ОДИН.CL	ГРАНДИОЗНЫЙ	ATR
决心。				
juéxīn.				
РЕШЕНИЕ				

Пусть они не смогут полностью раскрыть её тайны, они знают, что она в данный момент затевает грандиозный план. [Сюй Синье. Сломанная золотая чаша]

Хуан Божун и Ляо Сюйдун относили их к гипотетическим союзам, однако, по их же мнению, в ряде контекстов они имеют значение безусловности [\[5, с. 169\]](#). Следовательно, мы тоже относим их к числу слов с выражением безусловности.

В большинстве вышеуказанных союзов содержатся общие компоненты: 即 jí (если вдруг), 使 shǐ (побуждать), 就 jiù и 纵 zòng (пусть). Дословно же целые слова переводятся так:

- 即使 jíshǐ (букв. «если вдруг побудить»)

- 即便 jíbiàn (букв. «если вдруг как раз»)

- 纵然 zòngrán (букв. «пусть так»)

- 纵使 zòngshǐ (букв. «пусть побудить»)
- 就算 jiùsuàn (букв. «пусть считается»)
- 就是 jiùshì (букв. «пусть является»)
- 哪怕 nǎpà (букв. «откуда боишься»)

Ирреальная безусловность может передаваться и с помощью условных союзов 如果 rúguǒ и 要 yào (если):

(10)

如果	打死	一只,	就	要
Rúguǒ	dǎ.sǐ	yì.zhī,	jiù	yào
ЕСЛИ	БИТЬ.RES	ОДИН.CL	ТО	НАМЕРЕВАТЬСЯ
扣除	你	当日	工资	的
kòu.chú	nǐ	dāngrì	gōngzī	de
ВЫЧИТАТЬ.RES	ТЫ	ТОТ ЖЕ ДЕНЬ	ЗАРПЛАТА	ATR
十	分之	一;	如果	一下
shí	fēn.zhī	yī;	rúguǒ	yíxià
ДЕСЯТЬ	ДОЛЯ.ATR	ОДИН	ДАЖЕ ЕСЛИ	СРАЗУ
打不昏,	也	要	扣除	你
dǎ.bu.hūn,	yě	yào	kòuchú	nǐ
БИТЬ.НЕ.RES	ТОЖЕ	НАМЕРЕВАТЬСЯ	ВЫЧИТАТЬ.RES	ТЫ
当口	工资	的	十	分之
dāngkǒu	gōngzī	de	shí	fēn.zhī
ТОТ ЖЕ ДЕНЬ	ЗАРПЛАТА	ATR	ДЕСЯТЬ	ДОЛЯ.ATR
一。				
yī.				
ОДИН				

Если ты убьёшь одного, я вычту десятую часть твоей зарплаты. Даже если ты сразу не сможешь никого побить, я все равно вычту десятую часть твоей зарплаты. [Мо Янь. Тринадцать шагов]

Союзы 即使 jíshǐ, 即便 jíbiàn, 纵然 zòngrán и 虽 suī (пусть) характерны для письменной речи [13, с. 616] [12, с. 289], а в устной речи встречаются 就算 jiùsuàn, 就是 jiùshì и 哪怕 nǎpà (пусть) [13, с. 616; 873].

Союз 纵使 zòngshǐ (пусть) указывается как синоним к словам 即使 jíshǐ и 纵然 zòngrán в «Словаре современного китайского языка» и «Практическом словаре китайского языка» [10, с. 1734; 11, с. 1692], что даёт основание относить 纵使 zòngshǐ к письменному стилю.

Про 任凭 rènpíng, как было сказано ранее, информации о стилистической характеристике нет.

Почти все перечисленные выше союзы не имеют ограничений в сочетаемости и могут взаимозаменяться, однако некоторые из них (например, 就算 jiùsuàn и 任凭 rènpíng) содержат ряд особенностей.

就算 jiùsuàn, кроме вышеупомянутых значений, имеет семантику уступительно-противопоставительного союза, где уступка выражена в придаточном предложении, а

противопоставление — в главном предложении (11):

(11)

我们	就算	没事	了,
Wǒmen	jiùsuàn	méishì	le,
МЫ	ПУСТЬ	НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ	PTCL
但是	还	得	写
dànshì	hái	děi	xiě
НО	ЕЩЁ	ДОЛЖЕН	ПИСАТЬ
因为	团	领导	要
yīnwèi	tuán	lǐngdǎo	yào
ПОТОМУ	ГРУППА	РУКОВОДИТЕЛЬ	НАМЕРЕВАТЬСЯ
ЧТО			СМОТРЕТЬ

Даже если с нами всё в порядке, все равно надо дописать это, потому что это будет читать руководитель группы. [Ван Сяобо. Золотой век]

Союз 任凭 rènpíng как показатель ирреальной безусловности указывает только на чрезвычайный случай, которое вступает в противоречие с результатом. При выражении такого значения после союза может идти только существительное (12).

(12)

任凭	多么	聪明	的	男孩子
Rènpíng	duōme	cōngmíng	de	nánháizi
ПУСТЬ	НАСКОЛЬКО	УМНЫЙ	ATR	МАЛЬЧИК
也	无从	捕捉。		
yě	wú cóng	bǔzhuō.		
ТОЖЕ	НЕВОЗМОЖНО	ЛОВИТЬ		

Независимо от того, насколько мальчик умён, его невозможно поймать. [Чжан Цзе. Тяжёлые крылья]

Чрезвычайный случай может выражаться и союзами 即使 jíshǐ и 就是 jiùshì, но они не содержат ограничения на употребление только в данном контексте.

Русский язык

В русском же языке ирреальная безусловность передаётся с помощью союзов «пусть» (13), «пускай», «хотя бы» и «хоть бы». К этому списку можно добавить слово «если», но в таком случае требуется наличие дополнительного показателя отсутствия условия. Чаще всего таковым выступает наречие «даже» (14):

(13) **Пусть** меня считают нескромной: я готова ради брата на любые страдания! [Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]

(14) **Даже если** я уже лежал на массиве животом, еле дыша, — убегающая волна смывала меня, несла далеко назад и снова мчала вперед. [Александр Грин. Автобиографическая повесть (1912)]

В русском языке союзы «пусть», «пускай», «хотя бы» и «хоть бы» считаются устными или просторечными [14, с. 714]. В письменной речи более предпочтителен союз с добавлением усилительного наречия — «даже если».

Реальная безусловность

Реальная безусловность употребляется для указания на выполнимое условие (свершившийся условие, согласно [21, с. 492]), посредством которого тем не менее невозможно повлиять на результат. По этой причине у союзов с выражением данного типа безусловности отсутствует семантика предположения. Они выражают факт объективной действительности [12, с. 290].

Упомянутый выше лингвист Чжан Бинь называет их противопоставительными [21, с. 491]. Однако и 不管 bùguǎn (независимо) как маркер абсолютной безусловности, и 即使 jíshǐ (пусть) как маркер ирреальной безусловности сами выражают противопоставление, в отличие от условных союзов, которые указывают на причину [19, с. 133]. Именно поэтому принято решение отнести к безусловным и нижеследующие союзы.

Китайский язык

В список слов с выражением реальной безусловности входят синонимичные союзы 虽然 suīrán (14), 虽说 suīshuō, 虽 suī и 尽管 jǐnguǎn с общим значением «хотя». Они не имеют сочетаемостных различий и могут взаимозаменяться в большинстве контекстов:

(15)

虽然	一九五四	年底	告一段落,	工作
Suīrán	yìjiǔwǔsì	nián.dǐ	gào.yí.duànluò,	gōngzuò
ХОТЯ	1954	ГОД.КОНЕЦ	СОВЕРШАТЬ.ОДИН.ЭТАП	РАБОТА
并	未	结束。		
bìng	wèi	jiéshù.		
И	НЕ	ЗАКОНЧИТЬСЯ		

Хотя в конце 1954 года работа и приостановилась, она не прекратилась. [Ян Цзян. Мы трое]

Однако такого нельзя сказать про адвербиальные союзы 固然 gùrán (16) и 诚然 chéngrán (хотя, конечно), которые приводятся Ип Почингом и Д. Риммингтоном [22, с. 385]. В отличие от вышеупомянутых слов, они понижают степень безусловности, в результате чего условие становится допустимым в крайних случаях для достижения определённого результата в главной части предложения:

(16)

人	的	脸上	固然	不
Rén	de	liǎn.shang	gùrán	bù
ЧЕЛОВЕК	ATR	ЛИЦО.LOC	КОНЕЧНО	НЕ
可	没有	表情,	但	我
kě	méiyǒu	biǎoqíng,	dàn	wǒ
МОЧЬ	НЕ ИМЕТЬ	ЧУВСТВО	НО	Я
想	只要	淡淡	地	表示
xiǎng	zhǐyào	dàndàn	de	biǎoshì
ХОТЕТЬ	СТОИТ	НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ	PTCL	ВЫРАЖАТЬ
就	好。			
jiù	hǎo.			
КАК РАЗ	ХОРОШИЙ			

Конечно, у человека не может не быть выражения лица, но мне кажется, что стоит лишь немного показать себя, как всё будет хорошо. [Чжоу Цзожэнь. Золотая рыбка]

Большая часть союзов имеет общий компонент 虽 suī (хотя). Дословно они переводятся так:

- 虽然 suīrán (букв. «хотя так»)
- 虽说 suīshuō (букв. «хотя говорю»)
- 尽管 jǐnguǎn (букв. «максимально ограничиваясь тем, что»)

Союз 虽然 suīrán является универсальным: он характерен как для письменной, так и для устной речи; 虽说 suīshuō больше характерен для устной речи; 虽 suī и 尽管 jǐnguǎn — для письменной [\[12, с. 308, 517\]](#).

О стилистической характеристике союзов 诚然 chéng rán и 固然 gù rán информации нет, поэтому, вероятно, они характерны и для письменной, и для устной речи.

Русский язык

В русском языке реальная безусловность передаётся с помощью союзов «хотя (и)» (17), «хоть (и)», «несмотря», «невзирая», «независимо», «даром», «вопреки».

(17) **Хотя** он **и** видел французские орудия и войска именно на Праценской горе, на той самой, где ему велено было отыскивать главнокомандующего, он не мог и не хотел верить этому. [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)]

В отличие от «хотя» и «хоть», «несмотря», «невзирая» и «независимо» оформляются предлогом «на» (для союзов «несмотря» и «невзирая») или «от» (для союза «независимо») с существительным или местоимением, а также указательным местоимением «то» и подчинительным союзом «что» при глагольном оформлении (18). После слова «даром» идёт подчинительный союз «что», а после «вопреки» — слова «то» и «что» (19) [\[14, с. 592\]](#):

(18) **Несмотря на то что** письмо ваше глубоко уязвило меня, я первый, и сегодня же, готов бы был к вам явиться с повинною, но я нахожусь в таких хлопотах с самого вчерашнего дня, что убит теперь совершенно и едва стою на ногах. [Ф. М. Достоевский. Роман в девяти письмах (1847)]

(19) Ибо **вопреки тому, что** часто говорят и пишут, факт порой легче оспорить, чем представление о нем. [Дмитрий Биленкин. Мгновение чуда (1958-1980)]

Кроме того, союз «невзирая» требует сознательного и активного участника действия [\[15\]](#). Именно поэтому следующее предложение будет невозможным:

**Невзирая на то что сегодня обещали солнечную погоду, пошёл дождь.*

Значение реальной безусловности имеет и союз «если». В этом случае для акцента на отсутствии условия следует употреблять частицу «и» (20).

(20) Наконец, **если** она **и** принимает теперь капитал, то вовсе не как плату за свой девичий позор, в котором она не виновата, а просто как вознаграждение за исковерканную судьбу. [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

«Хотя», «несмотря» и «вопреки» выступают в качестве нейтральных союзов, «невзирая»

больше встречается в письменной речи, «хоть» и «даром» — в устной речи [15].

Однако, в отличие от китайского языка, в русском языке не существует союзов, снижающих градус безусловности (наподобие китайских 固然 gùrán и 诚然 chéngrán).

Корреляты

Корреляты — это слова, которые уточняют общее значение условия в предложении [23, с. 125]. Они ставятся в главном предложении, указывающем на следствие, которое вытекает из условия.

Китайский язык

Союзы, указывающие на абсолютную безусловность (например: 不管 bùguǎn — независимо) и ирреальную безусловность (например: 即使 jíshǐ — пусть), сочетаются с коррелятами 也 yě (тоже), 还 hái (ещё) (20), 都 dōu (все же) (21) и 总 zǒng (все же). Все они имеют эмфатическую функцию и конкретизируют ситуацию в предложении.

(21)

不管	怎么	说,	他	还
Bùguǎn	zěnmē	shuō,	tā	hái
НЕЗАВИСИМО	КАК	ГОВОРИТЬ	ОН	ВСЕ РАВНО
是	帮过	我	的	忙
shì	bang, guo	wǒ	de	máng
INT	ПОМОГАТЬ.EXP	Я	ATR	ЗАНИМАТЬСЯ
的。				
de.				
PTCL				

Независимо ни от чего, он все равно мне помогал. [Ли Говэнь. Вор]

(22)

即使	陷入	什么	别人	难以
Jíshǐ	xiànrù	shénme	biéren	nányǐ
ПУСТЬ	ОКАЗАТЬСЯ	КАКОЙ	ДРУГОЙ	ТРУДНО
自解	的	情况,	她	都
zì.jiě	de	qíngkuàng,	tā	dōu
САМ.РАЗРЕШИТЬ	ATR	СИТУАЦИЯ	ОНА	ВСЁ ЖЕ
能	凭借	聪明	的	手法儿。
néng	píngjiè	cōngmíng	de	shǒufǎr.
МОЧЬ	ИСПОЛЬЗОВАТЬ	УМНЫЙ	ATR	СРЕДСТВО

Пусть он окажется в обстановке, из которой трудно выбраться, всё же он будет использовать умные средства. [Линь Юйтан. Мгновение в Пекине]

Однако союзы, обозначающие реальную безусловность (например: 虽然 suīrán — хотя), сочетаются с синонимичными коррелятами 但(是)dàn (shì), 可(是)kě (shì) (23), 却 què, (然)而 (rán)'ér, 不过 búguò (но) или 还(是)hái (shì) (ещё) (24) и 也 yě (все же).

(23)

她 虽然 有钱 可是 上海

她	虽然	有钱,	但是	上海
Tā	suīrán	yǒu.qián,	kěshì	shànghǎi
ОНА	ХОТЯ	ИМЕТЬ.ДЕНЬГИ	НО	ШАНХАЙ
那	地方,	越	有钱	越
nà	dìfang,	yuè	yǒu.qián	yuè
ТОТ	МЕСТО	INT	ИМЕТЬ.ДЕНЬГИ	INT
容易	堕落。			
róngyì	duòluò.			
ЛЁГКИЙ	РАЗОРИТЬСЯ			

Она хоть и богатая, но в Шанхае чем ты богаче, тем проще тебе разориться. [Чжан Хэньшуй. Судьба в слезах и смехи]

(24)

尽管	一切	都	彻底	改变,
Jǐnguǎn	yíqiè	dōu	chèdǐ	gǎibiàn,
ХОТЯ	ВСЁ	ВСЕ	КАРДИНАЛЬНО	ИЗМЕНИТЬСЯ
我	还	是	准确	地
wǒ	hái	shì	zhǔnquè	de
Я	ВСЁ ЖЕ	INT	ЧЁТКИЙ	PTCL
判断出	了	过去	的	家址
pànduàn.chū	le	guòqù	de	jiā.zhǐ
ОПРЕДЕЛЯТЬ.RES	PTCL	ПРОШЛОЕ	ATR	ДОМ.АДРЕС
和	池塘	的	方位。	
hé	chítáng	de	fāngwèi.	
И	ПРУД	ATR	НАПРАВЛЕНИЕ	

Несмотря на то что всё кардинально изменилось, я всё же смог чётко определить адрес дома и местоположение пруда. [Юй Хуа. Крик в морозящем дожде]

В качестве единственного исключения из правил выступает союз со значением ирреальной безусловности 就算 jiùsuàn (пусть, даже если) в уступительно-противопоставительном значении. Он так же, как 虽然 suīrán (хотя) и прочие, сочетается с 但是 dànshì и 可是 kěshì (но). Продублируем пример (11):

(11)

我们	就算	没事	了,
Wǒmen	jiùsuàn	méishì	le,
МЫ	ПУСТЬ	НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ	PTCL
但是	还	得	写
dànshì	hái	děi	xiě
НО	ЕЩЁ	ДОЛЖЕН	ПИСАТЬ
因为	团	领导	要
yīnwèi	tuán	lǐngdǎo	yào
ПОТОМУ	ГРУППА	РУКОВОДИТЕЛЬ	НАМЕРЕВАТЬСЯ
ЧТО			СМОТРЕТЬ

Даже если с нами всё в порядке, все равно надо дописать это, потому что это будет читать руководитель группы. [Ван Сяобо. Золотой век]

Русский язык

В нашем языке среди союзов с абсолютной безусловностью (например: «несмотря») корреляты присоединяет только союз «независимо». Он крайне редко допускает такие слова, как «но», «все равно» (25) и «всё же»:

(25) — *Однако разве мы не знаем: **независимо от того**, есть уже у преступника основания опасаться раскрытия его деяния или нет, он **всё равно** боится.* [Н. Н. Шпанов. Ученик чародея (1935-1950)]

Союзы с ирреальной (например: «пусть») и реальной безусловностью (например: «хотя») могут сочетаться с большим числом коррелятов, чем «независимо»: «но» (26), «однако» (27), «зато», «все равно», «всё же» и «тем не менее».

(26) ***Пусть** меня тогда называли вашим Фальстафом из Шекспира, **но** вы значили столько в судьбе моей!..* [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]

(27) ***Хоть** это обстоятельство относится до другого ведомства, **однако**, вы знаете, я по всем таковым делам адвокат постоянный.* [И. С. Аксаков. Письма родным (1849-1856)]

С другим союзом «если» с наречием «даже», указывающим на ирреальную безусловность, коррелируют такие слова, как «то» (28) и «так»:

(28) ***Даже если** кто-нибудь поможет тебе, а ты за это скажешь спасибо, **то** также поступишь хорошо, потому что всегда надо быть благодарным и вежливым.* [Николай Носов. Незнайка в Солнечном городе (1958)]

В качестве исключения выделяются союзы «несмотря» и «невзирая» с обозначением реальной безусловности. Для них сочетание с коррелятами малохарактерно [\[16\]](#).

Порядок клауз

Китайский язык

В китайском языке зависимая условная клауза почти всегда предшествует главной результативной клаузе. В редких случаях главная часть может предшествовать зависимой, если последняя несёт эмфатическую функцию и даёт дополнительное разъяснение. При этом корреляты в главной клаузе могут сохраняться [\[7, с. 496\]](#) [\[5, с. 166\]](#) [\[21, с. 491\]](#). Это можно проследить на следующих примерах (29) (30) (31):

(29)

老邮政弄	所有	的	人
Lǎoyóu Zhèngnòng	suǒyǒu	de	rén
ЛАОЮ ЧЖЭННУН	ВСЕ	АТР	ЧЕЛОВЕК
都 这样	叫	她,	不管
dōu zhèyàng	jiào	tā,	bùguǎn
ВСЕ	ТАК	НАЗЫВАТЬ	ОНА
是 老人	还是	孩子。	НЕЗАВИСИМО
shì lǎorén	háishì	háizi.	
СОП	СТАРИК	ИЛИ	РЕБЁНОК

Все называли её Лаою Чжэннун: и старики, и дети. [Юй Хуа. Ошибка у реки]

(30)

何况	也	未必	有	事

HEKUANG ТЕМ БОЛЕЕ	YĚ ТОЖЕ	WÈIBÌ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО	Yǒu ИМЕТЬ	SHÌ, ДЕЛО
即使 jíshǐ	果真 guǒzhēn	有 yǒu	事, shì,	那么 nàme
ПУСТЬ	ДЕЙСТВИТЕЛЬНО	ИМЕТЬ	ДЕЛО	ТОГДА
生死 shēngsǐ	祸福, huòfú,	就 jiù	由 yóu	我 wǒ
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ	СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ	КАК РАЗ	ОТ	Я
兄弟 xiōngdì	当 dāng	之 zhī	便了! biànlǎo!	
БРАТ	БРАТЬ НА СЕБЯ	ЭТО	ВОТ	

Все равно вряд ли могут быть дела, даже если, действительно, есть дела. Тогда за жизнь и смерть, счастье и несчастье отвечает мой старший брат. [Лю Сыфэнь. Ива у белых ворот]

(31)

我 Wǒ	正 zhèng	苦 kǔ	于 yú	想不出, xiǎng.bu.chū,
Я	PRG	ПЕРЕЖИВАТЬ	О	ДУМАТЬ.НЕ.RES
这 zhè	却 què	指引 zhǐyǐn	我 wǒ	一条 yì.tiáo
ЭТО	НО	НАПРАВЛЯТЬ	Я	ОДИН.CL
路, lù,	虽然 suīrán	只 zhǐ	是 shì	“一条” “yì.tiáo”
ДОРОГА	ХОТЯ	ТОЛЬКО	СОР	ОДИН.CL
路 lù	而已。 éryǐ.			
ДОРОГА	ВОТ			

Я в данный момент переживаю за то, что ничего не могу придумать. У меня есть только один выход, хотя это «единственный» выход. [Чжу Цзыцин. Письмо]

Однако союз 虽然 suīrán обременён рядом ограничений. Так, например, при постановке безусловной (придаточной) части после результативной (главной) части корреляты 可是 kěshì и 但是 dànshì не допускаются. Данный порядок характерен для письменной речи:

*可是/但是 *Kěshì/Dànshì	你 nǐ	很 hěn	聪明, cōngmíng,	虽然 suīrán
НО	ТЫ	ОЧЕНЬ	УМНЫЙ	ХОТЯ
你 nǐ	很 hěn	骄傲。 jiāo'ào.		
ТЫ	ОЧЕНЬ	ВЫСОКОМЕРНЫЙ		

(букв.) 'Но ты очень умный, хоть и высокомерный'.

Русский язык

Порядок клауз в русском языке более свободный, однако корреляты («но», «однако» и т.д.) при смене порядка условия и следствия не сохраняются из-за нарушения смыслового соотношения между клаузами:

Однако, вы знаете, я по всем таковым делам адвокат постоянный, **хоть это обстоятельство относится до другого ведомства.* [16]

Заключение

Китайский язык, как и русский, обладает богатым разнообразием как союзов с отсутствием условия, так и коррелятов, присоединяемых в главной клаузе. В некоторых случаях число слов, употребляемых для указания на безусловность, в китайском языке превышает их число в русском. Были рассмотрены не только стилистические, но и сочетаемостные особенности употребления союзов в китайском языке. В ряде случаев прослеживаются одни и те же союзы в разных типах безусловности. В заключении, если говорить о порядке клауз, то в китайском языке он намного более ограничен, чем в русском, несмотря на возможность постановки коррелятов в главной клаузе даже при смене порядка слов.

Распределение союзов с обозначением безусловности можно проследить в следующих таблицах:

Таблица 1. Союзы в безусловных предложениях в китайском языке

Тип безусловности	Союз	Стиль	Коррелят	
Абсолютная безусловность	不管 bùguǎn (независимо)	устн.	-也 yě (тоже); -还 hái (ещё); -都 dōu (все же); -总 zǒng (все же);	
	不论 búlùn (независимо)	письм.		
	无论 wúlùn (независимо)			
	任凭 rènpíng (независимо)	-		
Ирреальная безусловность	即使 jíshǐ (пусть)	письм.		
	即便 jíbiàn (пусть)			
	纵然 zòngrán (пусть)			
	纵使 zòngshǐ (пусть)			
	就算 jiùsuàn (пусть)	устн.		
	就是 jiùshì (пусть)			
	哪怕 nǎpà (пусть)			
	任凭 rènpíng (пусть)			
	虽 suī (пусть)	письм.		
Реальная безусловность	虽然 suīrán (хотя)	письм./устн.	-但 dàn (но);	
	虽说 suīshuō (хотя)		-但是 dànshì (но);	
	虽 suī (хотя)	устн.	-可 kě (но);	
	尽管 jǐnguǎn (хотя)	письм.	-可是 kěshì (но);	
	固然 gùrán (хотя, конечно)	-	-却 què (но);	
			-然而 rán'ér (но);	
			-而 ér (но);	
	诚然 chéngrán (хотя, конечно)	-	-不过 búguò (но);	
		-还是 hái shì (ещё);		

			-还 hái (ещё); -也 yě (всё же)

Таблица 2. Союзы в безусловных предложениях в русском языке

Тип безусловности	Союз	Стиль	Коррелят
Абсолютная безусловность	несмотря	письм./устн.	- но;
	невзирая	письм.	- все равно;
	независимо	письм./устн.	- всё же
Ирреальная безусловность	пусть	устн.	- но;
	пускай		- однако;
	хотя бы		- зато;
	хоть бы		- все равно
Реальная безусловность	хотя	письм./устн.	- всё же;
	хоть	устн.	- тем не менее
	несмотря	письм./устн.	
	невзирая	письм.	
	даром	устн.	
	вопреки	письм./устн.	

На самом деле число союзов с выражением безусловности несколько больше в китайском языке, но они встречаются достаточно редко и не всегда фиксируются в словарях. Именно поэтому в данной статье отобраны лишь распространённые союзы или те союзы, которые в разных контекстах обозначают разный тип безусловности.

Русский язык в данной статье освящён намного меньше, чем китайский. Связано это с тем, что для нашего языка малохарактерно понятие «безусловности». Все вышеперечисленные союзы в нём принято называть «уступительными». Особенности передачи уступки в русском языке более подробно изучены исследователями, которым принадлежит авторство статей в Русской Корпусной Грамматике, в частности О. Е. Пекелис [24] [16]. Другая причина малой освещённости русского материала заключается в разном грамматическом и лексическом строе. Например, в работах О. Е. Пекелис рассматриваются грамматические термины «наклонение» или «безличность клаузы», которые нерелевантны для китайского языка.

Данная статья может быть полезна не только для китаистов, но и типологов, занимающихся общим исследованием языкового строя.

Список условных сокращений

LOC — локатив (пространственный послелог)

PTCL — частица

RES — результивная морфема

COP — копула (глагол-связка)

ATR — атрибутивная частица

PRG — прогрессив (показатель того, что действие совершается в данный момент)

CL — счётное слово

INT — усилитель

EXP — показатель опыта совершённого действия

Библиография

1. Храковский В. С. Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998.
2. Гвоздев А. Н. Очерк по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965.
3. Wang Weixian, Zhang Xuecheng, Lu Manyun, Cheng Huaiyou. Xiandai hanyu fuju xinjie [Новое объяснение сложных предложений китайского языка]. Shanghai: Huadong shifan daxue chubanshe, 1994.
4. Hu Yushu. Xiandai hanyu (di liu ban, chongding ben) [Современный китайский язык (6-е пересмотренное изд.)]. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe, 2011.
5. Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu [Современный китайский язык]. V. 2. Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2002.
6. Ван Чуньхуэй. Типологическая классификация условных предложений китайского языка. // Вестник Санкт-Петербургского университета. / Пер. с кит. А. В. Лебедевой. СПб.: 2010. Вып. 2. Сер. 13. С. 174-185.
7. Син Фуи. Грамматика китайского языка. / Пер. с кит. Е. Н. Колпачковой, А. В. Лебедевой, Н. А. Сомкиной, Е. Ю. Фокиной. СПб.: Из-во С. Петербургского университета, 2019.
8. BCC hanyu yuliaoku [Корпус китайского языка BCC] : [Электронный ресурс]. Beijing yuyan daxue yuyan zhineng yanjiuyuan, 2012. URL: <http://bcc.bcu.edu.cn/lang/zh> (дата обращения: 23.01.2024).
9. Национальный корпус русского языка : [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).
10. Xiandai hanyu cidian [Словарь современного китайского языка] / Под ред. Jiang Lansheng, Tan Jingchun, Cheng Rong. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2012.
11. Yingyong hanyu cidian (daziben) [Практический словарь китайского языка (крупные иероглифы)] / Под. ред. Guo Liangfu. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2002.
12. Xiandai hanyu babai ci [800 слов современного китайского языка] / Под. ред. Lü Shuxiang. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1999.
13. dui jinyi ciyu yongfa duibi [1700 пар синонимов: употребление и сравнение] / Под ред. Yang Qizhou, Jia Yongfen. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2009.
14. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Русская грамматика, 1980.
15. Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы : [Электронный ресурс]. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, 2012. URL: http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы (дата обращения: 10.01.2024)
16. Пекелис О. Е. Корреляты : [Электронный ресурс]. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, 2018. URL: <http://rusgram.ru/Корреляты> (дата обращения: 10.01.2024)
17. Lai Shen Cheng, Lisa, Giannakidou A. The Nonuniformity of WhIndeterminates with Polarity and Free Choice in Chinese. // Strategies of Quantification. 2013. P. 123–152.
18. Xinhua zidian [Словарь Синьхуа] / Под ред. Wei Jiangong. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2020.
19. Wang Chunhui. Hanyu de rangbu tiaojian ju [Уступительные условные предложения в

- китайском языке]. // Beijing.: Yuyan kexue, 2013. Vol. 12, No. 2. P. 130-142.
20. XingFuyi. Hanyufujuyuanjiu [Исследование сложных предложений в китайском языке]. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2001.
21. Zhang Bin. Xinbian xiandai hanyu. [Новая версия современного китайского языка]. Shanghai: Fudan daxue chubanshe, 2002.
22. Yip Po-Ching, Don Rimmington. Chinese. A Comprehensive Grammar. 2nd Edition. London, New York: Routledge. 2016.
23. Podlesskaya V. I. Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts // Russian Linguistics, 1997. Vol. 21, No. 2. P. 125-155.
24. Пекелис О. Е. Условные придаточные : [Электронный ресурс]. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, 2017. URL: http://rusgram.ru/Условные_придаточные (дата обращения: 10.01.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Эксплицитное выражение безусловности при помощи союзов в китайском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также исследованию синтаксиса китайского языка и частично в сравнении с русским.

В большинстве языков мира существуют условные придаточные как одна из частей (клауз) сложноподчинённого предложения. Такие предложения называются условными. В них одна часть указывает на условие, а вторая — на результат или следствие, а в рецензируемой статье делается акцент не на наличии, а на отсутствии условия.

Цель настоящего исследования заключается в распределении союзов с эксплицитной передачей безусловности. В качестве языка, на материале которого осуществлена дальнейшая классификация, выбран китайский язык.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике как в отечественном языкознании, так и в зарубежном. Таким образом, статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно- сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент- анализ, а также методология корпусного и статистического исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на китайском языке.

Библиография статьи насчитывает 24 источника, среди которых представлены научные труды на различных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на

фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а встречаются учебники, учебные пособия. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников, смешение работ на иностранном и русском языках. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории и практику китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Эксплицитное выражение безусловности при помощи союзов в китайском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лю Б., Перфильева Н.В. Интертекстуальность новостных заголовков в контексте цифровых медиа на материале русского и китайского языков // Litera. 2024. № 1. DOI: "не активен" EDN: LUKBSU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69713

Интертекстуальность новостных заголовков в контексте цифровых медиа на материале русского и китайского языков

Лю Бо

аспирант, кафедра общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; доцент, институт иностранных языков, Хубэйский университет национальностей,

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042228094@pfur.ru

Перфильева Наталия Владимировна

ORCID: 0000-0002-1018-809X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ perflyeva_nv@pfur.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

"не активен"

EDN:

LUKBSU

Дата направления статьи в редакцию:

24-01-2024

Дата публикации:

31-01-2024

Аннотация: Статья посвящена выяснению общих закономерностей проявления

интертекстуальности современных новостных заголовков российских и китайских ведущих СМИ на фоне глобализации, информатизации и цифровизации. Предметом выступает интертекстуальность новостных заголовков цифровых медиа. Материалом служат заголовки мировых новостей российских и китайских ведущих цифровых информационных порталов за 2023 год. Научная новизна заключается в том, что впервые проведено комплексное сравнительное исследование, посвященное основным проявлениям интертекстуальности заголовков мировых новостей в современных российских и китайских ведущих цифровых медиа. Актуальность исследования обусловлена тем, что цифровые технологии, гиперссылки, поисковые системы и т. п. создали новую неизученную текстовую реальность, в которой новостные заголовки образуют связи с другими текстами в контексте глобального цифрового Интернета. Основными методами исследования являются анализ функционально-семантический, интерпретационный, лингвокультурологический. Метод лингвистического комментирования применялся для объяснения заголовочных текстов мировых новостей, метод культурологический – для объяснения традиций социума, отраженных в названиях новостных Интернет-статей. Контрастивный метод использовался для выявления общих черт заголовков мировых новостей ведущих российских и китайских Интернет-изданий. Результат исследования: интертекстуальность характерна для новостных заголовков российских и китайских Интернет-изданий, выявлены шесть основных атрибутов интертекстуальности заголовочных текстов мировых новостей российских и китайских ведущих цифровых медиа (цитатность, прецедентность, неопределенность, гипертекстуальность, полимодальность и ризоматичность). Данные атрибуты широко используются в новостных заголовках российских и китайских цифровых медиа. Полученные результаты исследования могут быть основой следующих исследований и использованы в практике преподавания вузовских курсов таких дисциплин, как лингвистика, коммуникация, культурология, политология и др. Выводы исследования заключаются в том, что интертекстуальность новостных заголовков Интернет-СМИ, как концентрированное проявление текстовых явлений в цифровую эпоху, характеризуется ризоматическим разнообразием, запутанностью, нелинейностью, поликодностью, открытостью и динамичностью не только на уровне семантики, но и формы новостного заголовочного текста.

Ключевые слова:

интертекстуальность, новостной заголовок, цифровые медиа, гипертекст, цитатность, прецедентность, неопределенность, гипертекстуальность, полимодальность, ризоматичность

Введение

Заголовки новостей характеризуются точностью, лаконичностью, информативностью, выразительностью, привлекательностью и т. п., отражая новые языковые явления. Исследования новостных заголовков, включающие в себя аспект интертекстуальности и в бумажную эпоху и в цифровую, привлекают к себе большое внимание ученых. В настоящее время на фоне глобализации, информатизации и цифровизации «цифровые медиа представляют собой тщательно разработанный и системный интертекстуальный продукт. Цифровое письмо размывает личность субъекта и создает большое количество интертекстуальных отношений между различными текстами. <...> Такие технологии, как гиперссылки, поисковые системы, алгоритмы агрегирования и искусственный интеллект,

создали мир за пределами человеческого разума. Цифровая интертекстуальность помещает людей в огромную текстовую сеть взаимных связей и взаимных ссылок» [1, с. 55]. Это значит, что в эпоху цифрового Интернета новостные заголовки образуют сложные и разнообразные интертекстуальные связи с другими текстами.

Интертекстуальность изначально изучалась в контексте традиционных письменных текстов. Термин *интертекстуальность* впервые введен Ю. С. Кристевой для интерпретации межтекстовых отношений литературных текстов в эпоху постструктурализма. Концепция интертекстуальности разрабатывалась на основе теории диалогичности и чужого слова М. М. Бахтина. По словам Ю. С. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитаций», как «продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [2, с. 429], и «представляет собой постоянное взаимопересечение других текстов» [3, с. 46] или другими словами: в каждом тексте видны следы чужих текстов. Ролан Барт считает, что любой текст является интертекстом, «другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах <...> Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [4, с. 102]. «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; <...> текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат - из цитат без кавычек» [5, с. 418].

В концепции Р. Барта интертекстуальность понимается, как *смерть автора*, и означает бесконечно взаимодействующий и динамичный процесс воспроизведения текста в тексте в пространстве и во времени.

Ю. М. Лотман описал текст как «носитель целостного значения и целостной функции» [6, с. 507], который «применяется не только к сообщениям на естественном языке, но и к любому носителю целостного (текстового) значения – обряду, произведению изобразительного искусства или музыкальной пьесе» [6, с. 508]. По словам И. Жао, любой знак «представляет собой текстовую комбинацию» [7, с. 120]. Ж. Деррида утверждал, что «вне текста не существует ничего» [8, с. 318], что текст – это отражение нашего субъективного восприятия мира, он представляет собой не просто речевой акт, но и все, что мы можем знать о мире. Так, термин *текст* вышел за рамки лингвистики в семиотику. Это значит, что текст может быть как вербальным, например, новостной заголовок, так и невербальным, существующим в разнообразных семиотических пространствах, как известный пример Жака Дерриды со столом, который он также рассматривал как текст. В широком понимании слова *текст* может являться картиной, видеороликом, аудиозаписью, фоторепортажем, военной картой, схемой, графиком и т. п.

В 1960-х годах канадский ученый М. Г. Маклюэн отмечал, что само средство коммуникации есть сообщение [9, с. 5]. По мере развития глобализации, интернетизации и цифровых технологий, «мы переживаем поворотный момент эпохи, поворотный момент от эпохи письменности к эпохе цифровых технологий» [10, с. 25]. Используя компьютеры для кодирования, сжатия и декодирования информации, цифровые технологии преобразуют разнотипные информационные тексты, включая языковые тексты, картинки, звуки, изображения и т. д. в двоичные числа 0 и 1, которые могут распознаваться терминалами данных, а затем выполняют операции, переработку, хранение, передачу, распространение и воспроизведение. Этот процесс называется битификацией информации. Таким образом, текст трансформируется из традиционной материальной

формы в бинарную цифровую и становится электронным битовым текстом, существующим в виртуальном киберпространстве. Американский информатик Николас Негропonte почеркнул, что будучи информационной ДНК, распространяющийся со световой скоростью *Бит* быстро заменяет атомы и становится основным элементом человеческого общества [11, с. 11-12], который позволяет данным мгновенно перемещаться и обмениваться на различных платформах, что придает текстам *цифровость, динамичность, нелинейность, полимодальность, интерактивность* и т. д. С компьютеризацией и смарфонизацией во всех слоях общества, тексты, содержащие или представляющие собой мультимедийные элементы, как изображения, видео, аудио и т. п., стали легкодоступными и распространенными в цифровом пространстве. Тексты могут произвольно выбираться и читаться на интерактивном экране с помощью ссылок. Таким образом гипертекст вышел из тени. Читатель свободно переключается между различными блоками информации, связанными друг с другом гиперссылками, которые в свою очередь образуют безграничный «океан» гипертекстов. По мнению Ч. Фу, в непрерывно расширяющейся сети границы текстов постоянно нарушаются, соединяются, а затем исчезают. Текст становится открытым текстом без центра и конца [12, с. 73]. Другими словами, в цифровую эпоху тексты, сформированные на основании *бита*, являются гипертекстами, связываются друг с другом в пространстве Интернета. В цифровой коммуникации интертекстуальные связи реализуют такие свойства, как открытость, нелинейность, разнотипность и гиперсвязность, становятся новой цифровой интертекстуальностью, отличающейся от традиционной.

Метод исследования. Сплошная выборка новостных заголовков, лингвистическое описание, функционально-семантический анализ, литературный метод, сравнение и классификация отобранных единиц позволили выявить общие свойства проявлений интертекстуальности заголовков мировых новостей ведущих российских и китайских цифровых медиа. Метод лингвистического комментирования применялся для объяснения таких атрибутов новостных заголовков, как цитатность, прецедентность, неопределенность, гипертекстуальность, полимодальность и ризоматичность.

Выборка заголовков международных новостей ведущих российских и китайских Интернет-СМИ за 2023 год составила более 1000 заголовков. В качестве источников заголовочного материала были использованы известные авторитетные Интернет-издания, как: РИА Новости (РФ), образованное в 1941 году, и Reference News (КНР) – в 1931 г. Они являются одними из крупнейших действующих государственных информационных агентств, самыми цитируемыми СМИ в социальных сетях и лидерами медиа среди информационных онлайн-ресурсов.

Результаты исследования

Атрибуты интертекстуальности новостных заголовков русских и китайских цифровых медиа

По мере непрерывной глобализации, стремительного развития современных цифровых технологий, бумажные газеты почти исчезли. По данным отчета *Data Reportal* на начало 2023 года в России было 127,6 миллионов интернет-пользователей, что составляло 88,2% граждан Российской Федерации. По данным отчета, опубликованным на сайте *People's Daily Online* 28 июня 2023 г., к концу 2022 года общее количество пользователей мобильных телефонов в Китае достигло 1,683 миллиарда, а количество пользователей мобильного Интернета – 1,453 миллиарда, это означает, что почти у каждого носителя китайского языка есть мобильные средства связи.

«Взрыв» информации при цифровизации и глобализации приносит интернет-читателям огромное количество новостей, и новостные заголовки Интернет-СМИ становятся важным инструментом в борьбе за внимание читателей. В эпоху цифровых медиа из-за потери визуального преимущества бумажной печати, в частности, выделение информации шрифтом и кеглем разного цвета, в цифровых заголовках акцент делается на языковых и неязыковых средствах выражения (фотографии или рисунки, электронные гиперссылки и гипертексты).

Основными атрибутами заголовочных интертекстов являются следующие:

§ **Цитатность** представляет собой основной атрибут интертекстуальности, который заключается в «эксплицитной апелляции к другому тексту, который вводится и одновременно дистанцируется с помощью кавычек» [\[13, с. 470\]](#) или двоеточия. Эксплицитная цитация является одной из частых особенностей новостных заголовков медиа-сообщений в русских и китайских ведущих Интернет-СМИ. Ссылка на авторитетный источник подтверждает точность и достоверность сообщения. С. А. Зинина отметила, что «эксплицированные цитаты зачастую находятся в сильной позиции по отношению к смысловой структуре текста (заглавие, эпиграф, первая строка, конец текста)» [\[14, с. 35-36\]](#). Мнения экспертов и политиков цитируются для повышения достоверности, авторитета и привлекательности новостей.

Например, в заголовке «*«Мы были неправы»: в США признали ужасающую ошибку в отношении России*» (29.07.2023, РИА Новости) слова в кавычках представляет собой прямую цитату из текста интервью у Экс-советника Пентагона Дугласа Макгрегора, являющимся экспертом, должностным лицом, отметил, что США ошиблись в оценке России.

Заголовок в Reference New, 30.07.2023, «*普京:非洲倡议与中国方案内容相呼应*» 'Путин: африканские инициативы перекликаются с содержанием плана Китая' мнение российского лидера часто цитируются в китайских Интернет-СМИ, в том числе в заголовках.

РИА Новости (РФ) и Reference News (КНР) являются крупными мировыми СМИ, их новостные заголовки составлены по правилам новостного заголовка, то есть заголовок точно выражает «краткое изложение содержания текста новости» [\[15, с. 70\]](#).

Прецедентность также считается одной из основных атрибутов интертекстуальности новостных заголовков цифровых медиа. Концепция «прецедентный текст» была введена Ю.Н. Карауловым в 1986 г. для описания общеизвестных устойчивых выражений, отражающих духовную жизнь народа и их культуру. Позже появились исследования, в которых рассматривались такие понятия, как: прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентная ситуация и прецедентные высказывания. По мнению Р. В. Попадинеца, прецедентность является неотъемлемой составляющей коммуникации [\[16, с. 8\]](#). В цифровых новостных заголовках прецедентность активно используется для повышения выразительности, информационности, доступности, привлекательности, эмпатии и т. д. Г. И. Махтина считает: «Использование журналистами "вкраплений" из чужих текстов в собственные произведения стало ведущей чертой современной публицистики» [\[17, с. 60\]](#).

В российских и китайских заголовках мировых новостей цифровых медиа часто наблюдается прецедентные феномены в форме прямой цитации или трансформированной

цитации, которые образно выражают суть событий и содержат явную или скрытую оценку адресанта новостей. Например, в статье с заголовком «*美国这么做, "恐加剧中美间以牙还牙"*» 'Поступая таким образом, Соединенные Штаты создает ситуацию зуб за зуб между Китаем и США' (19. 07. 2023, Reference News) является репостом статьи в американских СМИ, в которой говорится о том, что инвестиционные ограничения США в Китае подрывают дипломатические усилия. Выражение *以牙还牙* 'зуб за зуб' процитировано из Ветхого Завета как талион, который намекает на оценку события автором репоста.

Заголовок «*Ум за Базум зашел. Белый дом не нашел в Нигере следов "Вагнера"*» (РИА Новости, 28. 08. 2023 г.) является трансформированным русским фразеологизмом *ум за разум зашел*. *Базум* – фамилия президента Нигера, Мохамед Базум, который был свергнут в результате военного переворота 26 июля 2023 года. В трансформированных заголовках часто проявляются остроумные суждения автора статьи.

Гипертекстуальность является «имманентным свойством Интернет-среды» [18, с. 61], представляя собой «потенциальную и реализованную возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов» [19, с. 8]. Термин гипертекст был предложен Тедом Нельсоном в 1965 году для описания произвольного письма и чтения. Расширяя исходное определение Теда Нельсона, R. Koskimaa определил гипертекст как цифровые взаимосвязанные фрагменты языка в киберпространстве [20, с. 3]. В цифровую эпоху гипертексты представляют собой синтез языковых и неязыковых средств, в том числе, картинки, графики, изображения, видеоролики, аудиозаписи, связанные друг с другом гиперссылками. Гипертексты связаны между собой гиперссылками, называемыми «сердцем Всемирной паутины». [21, с. 62], для которой характерна децентрализация, деконструкция, нелинейность, открытость, интерактивность и мультимедийность текстов в Интернет-пространстве. В цифровых медиа каждый новостной заголовок является одновременно и гипертекстом, и гиперссылкой, ссылающейся на новость и соответствующий заголовок на других порталах. Например, заголовок «*美媒:"傲慢与虚伪"令全球南方远离美国*» 'Американские СМИ: *Гордость и двуличность* отдаляет глобальный Юг от США' (06. 06. 2023, Reference News) не только ссылаются на текст новости, но и даже находятся на веб-страницах различных сайтов, перепечатываясь рядом ведущих китайских цифровых медиа. А трансформированное название *傲慢与虚伪* 'Гордость и двуличность' также ссылается на английский роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Заголовок также является гиперссылкой, которая расширяет пространство и время интертекстов в интернете, позволяет читателям узнать предыдущие новости, связанные с данной новостью.

Полиmodalность, то есть вербализация изображения и визуализация заголовка, проявляемые вербально-визуальным новостным заголовком-комплексом, также является основным атрибутом новостных заголовочных интертекстов. С развитием Интернет-технологии на современных сайтах российских и китайских информационных порталов почти каждый заголовок сопровождается его визуальным двойником. По словам С. И. Симакowej: «Визуализация информации является в прямом смысле одной из наиболее очевидных тенденций развития современных медиа. Лавинообразное увеличение количества информации, насыщенная повестка дня СМИ, усиление клиповости как тренд медиавосприятия, – всё это приводит тому, что гораздо больший объем информации СМИ предлагают потребителям в максимально приближенном к их желаниям формате – визуальном» [22, с. 207]. Информационная насыщенность, конкретность и доступность фотографического изображения облегчают чтение новостей. Визуально-нарративные изображения реальности, добавленные адресантом сообщения, соответствуют темам заголовков. Фотографии к заголовкам нередко явно или скрыто отражают подход автора

к контенту сообщения. По мнению М. И. Седовой, любое изображение несет в себе визуальную идею, «изображение и текст образуют новую вербально-визуальную форму, которая бывает шире и интереснее, чем ее визуальная и вербальная составляющие, взятые по отдельности» [23, с. 72]. Фоторепортаж и заголовок, как два различных приема повествования об одном и том же событии на новостном сайте, обслуживают передачу сообщений, а их объединение составляет вербально-визуальный заголовок, синтез формы и содержания представляет собой проявление поликодовой и многоплановой интермедиальности в контексте цифровых медиа.

Неопределенность становится тенденцией заголовков мировых новостей. Стилистический прием *неопределенность*, т. е. неполное раскрытие информации с помощью местоимений в заголовке, используется для того, чтобы читатель заинтересовался и кликнул заголовок. Из-за потери таких преимуществ печатной вёрстки бумажного издания, как использование «цветных выносок, выделяющих наиболее яркие фрагменты текста, с тем чтобы он “бросился в глаза” потенциальному читателю», выделения шрифтом и кеглем [24, с. 3], а также небольшой размер экрана телефона стали причиной того, что прием *неопределенности* стал активно использоваться в заголовках новостей в российских и китайских цифровых медиа. Например: заголовок «*Никто ее не держал*» (20.06.2023, РИА Ности) продуцирует несколько вопросов у читателя: кто она? и Что случилось?

В Заголовке «*他们游说华尔街对华采取“新行动”，结果——*» ‘Они лоббировали на Уолл-стрит принятие “новых действий” против Китая, а результат был...’ (14.09.2023, Reference News). Две неопределенности: *кто они?*, усеченное предложение цитации содержания текста: *какой результат был?* Таким образом, неопределенность часто создается в новостных заголовках при помощи местоимений, структурного и семантического усечения.

Стилистический прием неопределенности напоминает популярный способ построения заголовка *кликбейт*. Слово *кликбейт* заимствовано из английского языка фонетическим способом: *click* ‘щелчок’ + *bait* ‘приманка’, имеет уничижительный оттенок. В онлайн-словаре Dictionary.com *кликбейт* объясняется как «сенсационный заголовок или фрагмент текста в Интернете, предназначенный для того, чтобы побудить людей перейти по ссылке на статью на другой веб-странице» [25].

Ризоматичность. Философский термин *ризомы*, описывающий запутанную сплетённую корневую систему растения, ввели Жиль Делёз и Пьер-Феликс Гваттари для интерпретации таких явлений постструктурализма и постмодернизма, как связанность и разнородность, открытость и нелинейность, децентральность и множественность. Ученые отметили, что ризомы распространены в детерриторизованном пространстве, простираясь во всех возможных направлениях, связываясь с другими ризомами, у которых «нет ни начала, ни конца, ни истока, ни предназначения» [26, с. 434]. Дальше принцип ризомы используется как «структурообразующий фактор постмодернистского текста» [27, с. 119]. По мнению Л. Н. Синельниковой, ризоматичность – это «стратегия и закономерность текstopорождения во многих современных коммуникативно-дискурсивных практиках» [28, с. 805].

В новостных заголовках наблюдается ризоматичность на уровнях и текстов и атрибутов. Во-первых, на уровне текста. Являясь электронными битовыми гипертекстами, новостные заголовки распределены, как многочисленные информационные модули, и расположены

в огромном цифровом пространстве и времени. Они открыты и взаимосвязаны гиперссылками в Интернет-пространстве. Это произвольная, многомерная структура, которая соответствует таким характеристикам *ризомы*, как децентральность, нелинейность и множественные корреляционные возможности. Во-вторых, в основных атрибутах новостного заголовка также проявляются переплетанные связи. Например:

Заголовок «*“Ящик Пандоры” открыт, никто не в безопасности, заявил Эрдоган*» (08.12.2023, РИА Новости) содержит несколько атрибутов интертекстуальности:

§ цитатность – прямая цитата, что сказал президент Турции Р. Т. Эрдоган;

§ прецедентность – прецедентное имя *Ящик Пандоры* (артефакт из греческой мифологии, символ источника больших и неожиданных неприятностей), прецедентное выражение и ситуация *открыть ящик Пандоры* – вызвать множество непредвиденных катастрофы);

§ полимодальность – к заголовку добавлен фоторепортаж с фотографией Р. Т. Эрдогана, которая является невербальной частью комплексного заголовка;

§ гипертекстуальность – и языковой заголовочный текст и неязыковой фоторепортаж комплексного заголовка, как гиперссылки, ссылаются на текст новостной статьи. Кроме этого, заголовок и его трансформированные формы ссылаются на тексты новости, которые можно прочитать на различных веб-страницах других СМИ, как: «*Эрдоган: ящик Пандоры открыт, теперь никто в мире больше не в безопасности*» (08.12.2023, Дзен), «*“Ящик Пандоры открыт”: Эрдоган заявил, что никто в мире больше не в безопасности*» (08.12.2023, ТутНовости) и др.

Также и заголовок «*“还”还是“不还”, 这是个问题*» ‘вернуть или не вернуть, это вопрос’ (27.02.2023, Reference News) содержит трансформированное известное выражение персонажа У. Шекспира *быть или не быть, вот в чём вопрос*, которое одновременно является трансформированной цитатой, прецедентным выражением, неопределенностью, полимодальностью и гипертекстом.

Представляя собой типичный атрибут новостных заголовков, ризоматичность на уровне текстов и основных свойств образует сетевой *лабиринт* новостных заголовочных интертекстов, как сама *ризома*.

Выводы

Т. А. ван Дейк отметил, что медиасообщения представляют собой специфические типы текста и разговора [\[29, с.108\]](#). В контексте цифровых медиа, являясь типичными медийными интертекстами и ключевым выражением новостей, заголовки мировых сообщений передают последнюю информацию. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

§ в эпоху Интернета и цифровых медиа понятие *интертекстуальность* проявляется как сложный языковой и неязыковой феномен, в том числе и у новостных заголовков медиатекстов в цифровой среде;

§ основными атрибутами интертекстуальности заголовочных интертекстов мировых новостей российских и китайских ведущих цифровых медиа являются цитатность, прецедентность, гипертекстуальность, неопределенность, полимодальность и ризоматичность;

§ в цифровую эпоху новостной заголовок является одновременно гипертекстом и

гиперссылкой, так как гипретекуальность – это основное свойство любого цифрового текста;

§ неопределённость является тенденцией новостных заголовков как в русских, так и в китайских медиа;

§ заголовочный комплекс, составленный из вербального и невербального текста (фоторепортаж, видеоролик, аудиозапись и т.п.) стал принятым шаблоном, полимодальность заголовочных интертекстов обогащает содержание и формы новостных сообщений;

§ для новостных заголовков российских и китайских медиа свойственны нелинейность и динамичность, взаимосвязанность и запутанность, открытость и децентральность, которые проявляются и в заголовочных интертекстах мировых новостей ведущих российских и китайских Интернет-СМИ.

Исследование включает в себя лингвистику, коммуникацию, социологию, культуру, международные отношения, психологию, образование и другие области, оно имеет междисциплинарное практическое исследовательское значение. Результаты исследования могут быть использованы в теоретических исследованиях в вышеуказанных областях, а также в педагогической практике.

Библиография

1. Qu J., Li Y. Interconnection and Intertextuality: The Intertextuality of Digital Media // Editorial Friend. 2020. No. 06. Pp. 55–63. doi: 10.13786/j.cnki.cn14-1066/g2.2020.6.010
2. Кристева Ю. С. Бахтин, слово, диалог и роман / Пер. Г.К. Косикова // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издат. группа «Прогресс», 2000. С. 427-457.
3. Кристева Ю. С. Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
4. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. 384 с.
5. Барт Р. Избранные работы Семиотика Поэтика / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 615 с
6. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Ст. Исслед. Заметки: [(1968-1992)] / Ю. М. Лотман.-СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 703 с.
7. Zhao Y. Philosophical Semiotics: The Coming into being of the World of Meaning. Chengdu, China: Sichuan University Press, 2017. 336 p.
8. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Наталии Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
9. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. – 4-е изд. – М.: Кучково поле, 2014. 462 с.
10. Wang Q. Philosophical Thought in the Ale of the Written Word and the Digital Age // Social Sciences in China. 2023. No. 2. Pp. 25–39+204–205
11. Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995. 268 p.
12. Fu C. Three Turns and Meaning Generation of Western Text Theory in the 20th Century // Journal of Shandong Normal University (Social Sciences). 2020. No. 5. Pp. 65–75. doi: 10.16456 /j.cnki.1001-5973.2020.05.006
13. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. М.: Изд.-во им. Шабашниковых, 1998. 944

с.

14. Зинин С.А. Внутрпредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса. 3-е изд., перераб. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. 231 с.
15. Yan J., Xie Q. Popular News Headlines. Beijing: China News Publishing House, 1987. 464 с.
16. Попадинец Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (экспериментальное исследование). 2006. [Электронный ресурс]: URL.: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002978013.pdf?ysclid=lrk3z4at3160546731 (дата обращения 30.12.2023)
17. Махтина Г. И. Интертекстуальность как стилеобразующая черта современных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. № 1. С. 60-64
18. Колокольцева Т. Н. Новая эра интертекстуальности: глобализация интертекстуальных связей в интернет-эпоху // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С.61-66
19. Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика. 2003. [Электронный ресурс]: URL.: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/31269/738249.pdf> (дата обращения 30.12.2023)
20. Koskimaa R. Digital Literature from Text to Hypertext and Beyond. Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto, 2000. 186 p.
21. Turow J., Tsui L. The Hyperlinked: Society: Questioning Connections in the Digital Age. Ann Arbor, America: University of Michigan Press, 2008. 319 p.
22. Симакова С.И. Инструменты визуализации информации в СМИ: таймлайн // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 207-216
23. Седова М. И., Изображение и текст // Вестник Череповецкого государственного университета, 2013, №1, Т.2, сс. 72-74
24. Анисимов Р. Ю. Семантическая типология газетных заголовков на материале русской, англоязычной и испанской прессы. 2021. [Электронный ресурс]: URL.: <https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/6e6b8360-f924-ec11-a9e5-00155ddceb3d/> (дата обращения 30.12.2023)
25. Dictionary.com. Retrieved from <https://www.dictionary.com/browse/clickbait> (дата обращения 30.12.2023)
26. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского. Учреждение Российской акад. наук Ин-т философия.- Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.
27. Кучменко М. А. Принцип ризомы как структурообразующий фактор постмодернистского текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 4 (149). С.119-122
28. Синельникова Л. Н. Ризома и дискурс интермедальности // Вестник Российского университета дружбы народов: Лингвистика. 2017. № т. 21 (4). С. 805-821. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-805-821
29. van Dijk, T. A. News as discourse. New York: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1988. 208 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Интертекстуальность новостных заголовков в контексте цифровых медиа на материале русского и китайского языков», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к теоретическим вопросам феномена интертекстуальности, прецедентности текстов на материале заголовков СМИ. Работа выполнена на языковом материале двух языков – русского и китайского, что позволяет использовать полученные данные как при сопоставительных исследованиях. Интертекстуальность как феномен является объектом изучения не только филологии, но и других гуманитарных наук. Факт отсутствия единства в современной теории интертекстуальности существенно затрудняет реализацию прикладных исследований в данной предметной области, поэтому одной из задач, стоящих перед автором исследования, является определение данного лингвистического феномена в рамках настоящей работы.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также лингвистические, а именно сплошная выборка новостных заголовков, лингвистическое описание, функционально-семантический анализ, литературный метод, сравнение и классификация отобранных единиц позволили выявить общие свойства проявлений интертекстуальности заголовков мировых новостей ведущих российских и китайских цифровых медиа. Метод лингвистического комментирования применялся для объяснения таких атрибутов новостных заголовков, как цитатность, прецедентность, неопределенность, гипертекстуальность, полимодальность и ризоматичность.

Практическим материалом явилась выборка заголовков международных новостей ведущих российских и китайских Интернет-СМИ за 2023 год составила более 1000 заголовков. В качестве источников заголовочного материала были использованы известные авторитетные Интернет- издания, как: РИА Новости (РФ), образованное в 1941 году, и Reference News (КНР) – в 1931 г.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В теоретической части представлены многие отечественные и зарубежные исследователи, однако автор обошел своим внимание ленинградскую научную школу и ее руководителя И.А. Арнольд, а также советского ученого В. Кухаренко. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 29 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так на английском. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно алфавитный принцип построения. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе

преподавания на специализированных факультетах, таких как стилистика, теория интерпретации и теория текста. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Интертекстуальность новостных заголовков в контексте цифровых медиа на материале русского и китайского языков» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Микова С.С., Садури Х. Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис» // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69716 EDN: LOXANR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69716

Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис»

Микова Светлана Станиславовна

ORCID: 0000-0003-3874-7110

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 / 2

✉ mikova_ss@pfur.ru

Садури Хасанет

аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

114198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10 / 2

✉ 1042215164@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69716

EDN:

LOXANR

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2024

Дата публикации:

02-02-2024

Аннотация: Предметом настоящей статьи выступают языковые средства создания лингвокультурного образа Туниса в мемуарах Галины Александровны Махровой «Мой Тунис». Исследуемые языковые единицы рассматриваются как репрезентанты

лингвокультурных кодов Туниса – предметного, пространственного, биоморфного, временного, духовного. Под лингвокультурным кодом в статье понимается вербально реализованный код национальной культуры. Проанализированы функции таких языковых единиц, как лексика с национально-культурным компонентом (лексика тематических групп "Одежда", "Косметика", "Пища и напитки"), имена собственные (топонимы и антропонимы), прилагательные с цветовым компонентом, в пространстве русского художественного текста. Оценивается влияние языковой личности автора как представителя иной (русской) лингвокультуры и представителя определенной профессии (художник) на выбор языковых средств создания образа страны как одновременно своего и чужого пространства. Методы исследования: описательный метод, методы анализа и синтеза, лингвокультурологического анализа художественного текста, метод сплошной выборки языковых единиц с национально-культурным компонентом и метод компонентного анализа для выявления культурно-специфических сем их лексического значения. Новизна настоящего исследования связана с - материалом исследования (мемуары Г.А. Махровой), - предметом исследования (лингвокультурные коды Туниса исследуются в аспекте его восприятия носителем иной лингвокультуры, который ощущает себя частью и тунисской, и русской лингвокультур), - описанием лингвокультурного кода Туниса с учетом особенностей языковой личности автора текста: многие лингвокультурные детали Г.А. Махрова воспринимает по-особому, поскольку является профессиональным художником. Проанализированный языковой материал позволяет сделать следующие выводы: 1. В предметном коде Туниса особое значение имеют языковые единицы тематических групп «Одежда», «Косметика», «Пища и напитки». 2. Пространственный код представлен, в основном, топонимами, среди которых преобладают названия возвышенностей, а также пляжей и курортных городов. Среди имен собственных выделяется группа названий, связанных с историей Туниса, благодаря чему создается образ Туниса как страны с богатым прошлым, находящейся на перекрестке цивилизаций. 3. Фитонимический символ Туниса в произведении – жасмин. 4. Г.А. Махрова – профессиональный художник, в связи с чем значимую роль в создании образа Туниса играют прилагательные-цветообозначения. 5. С духовным кодом Туниса связаны имена божеств.

Ключевые слова:

лингвокультурология, лингвокультурный код, лингвокультурный образ, Тунис, Махрова Галина Александровна, соматический код, предметный код, духовный код, временной код, биоморфный код

Лингвокультурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис»**Введение**

Мемуарные произведения – это, как известно, воспоминания участников или свидетелей тех или иных событий. Для мемуаров характерна не только документальная точность описываемых событий, но и эмоциональная оценка этих событий автором.

«Мой Тунис» - мемуарное произведение, созданное известной русской художницей-эмигранткой Г. А. Махровой. Повествуя о собственной жизни, она развивает в этом произведении две главные в её творчестве темы — судьбы русских эмигрантов и судьбы эмигрировавших художников. Вместе с тем на страницах повествования предстаёт образ Туниса. Само название произведения – «Мой Тунис» - акцентирует внимание читателя на

специфику восприятия страны автором: образ Туниса сочетает черты своего и чужого пространства. Важно, что автор произведения – профессиональный художник. Поэтому образ Туниса как страны создаётся, или, точнее сказать, рисуется автором при помощи лексики с цветовой семантикой.

Для воспроизведения национального колорита описываемой страны, а также исторических ретроспектив писательница, оставаясь при этом художником, всё время меняет ракурсы, позволяя читателю то восхититься масштабом страны, то всмотреться в ее отдельные, характерные для неё, детали – лингвокультурные коды. Французский русист Н. А. Струве, выступая на презентации только что изданной книги «Мой Тунис», заметил: «У Галины Махровой два дара. Первый художницы, с особой экспрессией проявившийся в акварелях, написанных в Тунисе, где краски богаче и ярче. Второй дар рассказчицы и мемуаристки. Без претензии, с большим человеческим тактом рассказывает она о простых и менее простых людях. С душевной и духовной пользой для читателя». [1].

Главный редактор журнал «Русский очевидец» в статье «Ты показываешь нам нашу страну» приводит объяснение выбранного способа повествования, которое Г. Махрова дала сама: «Я полюбила Тунис, который, как ни странно, напоминал мне Россию. Своими большими далями (неважно, снежные они или песчаные, морские), своим размахом ... Европа слишком мала по сравнению с российскими и африканскими масштабами. Я полюбила людей, живущих на той земле».

Сюжетообразующим стержнем простого и искреннего повествования в «Моём Тунисе» стала история семей моряков Черноморской эскадры, которые эвакуировались в Бизерту (самая северная точка африканского континента) в 1920-е годы, а судьбы русской эмиграции переплелись в этом художественном альбоме с тунисскими пейзажами художницы, подписывающей свои произведения именем Галина.

Культура в аспекте структурного и семиотического анализа представляет собой упорядоченную систему культурных кодов [2, с. 645], которые в произведениях словесного искусства проявляют себя в лингвокультурных кодах. Лингвокультурные коды отражают представления нации о материальном и духовном, особенности национального менталитета, систему оценок и ценностей [3, с. 48]. В научных трудах по филологии можно встретить разные интерпретации термина «лингвокультурный код». В нашей работе мы в толковании термина лингвокультурный код следуем В. В. Красных, считающей, что «это совокупность имён или их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культураносными смыслами» [4]. Это определение дополняет С.В. Иванова: «Лингвокультурный код представляет собой систему лингвокультурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности» [5]. В. М. Савицкий и Э.А. Гашимов в монографии «Лингвокультурный код (состав и функционирование)» утверждают, что «в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т.д. и т.п.» [6].

Национальная специфика лингвокультурных кодов изучается в ряде работ на материале отдельных лингвокультур (например, на материале английской лингвокультуры исследуется флористический код [7], вещественный код [8], природный код [9], на

материале трех лингвокультур описывается зооморфный код Ф.Н. Гукетловой [10], на материале русской лингвокультуры анализируется кулинарный код Е.В. Капелюшник [11]. Специфика реализации культурного кода в художественной картине мира в рамках отдельного произведения, творчества отдельного автора и целого направления исследуется в литературоведческих работах (см., например, [12]).

Таким образом, исследование лингвокультурных кодов в художественном произведении, направленное на выявление их национальной специфики, представляется актуальным направлением научных изысканий.

Согласно классификации В. В. Красных [13], выделяются следующие коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [см. также 14]. В одном тексте могут использоваться разные культурные коды, разные «языки культуры» [15, 16].

Рассмотрим, какие коды и посредством каких единиц реализуются в повествовании Г. А. Махровой о Тунисе для создания лингвокультурного образа этой страны.

1. Предметный код

В тексте Г.А. Махровой «Мой Тунис» представлены этнографические реалии, особенно многочисленна группа лексики тематических групп «Одежда» и «Косметика»: «Носила она **джеллабу** – самотканый тунисский балахон серо-черного цвета с откинутым капюшоном»; «Красные **фески** на головах грузчиков и носильщиков напомнили Кириллу его тунисское детство»; «Здесь же продают и **«коль»** – черную свинцовую пудру, в нее окунают деревянную или серебряную палочку, которой обводят веко (коль использовали для подкрашивания глаз еще в Древнем Египте)» [17]. Следует заметить, что толкование значения лексем с национально-культурным компонентом дано в тех же предложениях, что позволяет отнести данные лексемы к компонентам образа «чужого» пространства [18].

В рамках предметного кода особое место занимают кулинаронимы – наименования национальных блюд и напитков: «Джелал показывал свои работы, Латифа угощала **чаем**. Запомнилось, как хорош летом холодный **чай с веточкой мяты**» [17]. Для жителей арабских стран чай – символ гостеприимства; «Тунисцы не пользуются мелкими тарелками, свою повседневную пищу – **кус-кус** – они едят из чаш, напоминающих среднеазиатские пиалы [17]. «Таня почти всегда готовила только одно блюдо – **кус-кус** (национальное тунисское кушанье) или борщ с мясными пирогами [17]. «После работы он покупал у лавочника кусок мяса или курицу, овощи и варил **кус-кус**. К еде подавал местное красное вино» [17].

2. Пространственный код

В создании образа Туниса сложно обойтись без использования имён собственных: именно они способствуют проникновению читателя в незнакомый мир, отражают местный колорит, обладают яркой национальной культурной семантикой, так как их значение производно от истории и культуры народа – носителя языка. Имя собственное – есть граница, разделяющая универсальное и национально-специфическое [19].

В тексте Г. Махровой «Мой Тунис» имена собственные как средство создания лингвокультурного образа Туниса разнообразны по объекту наименования. Топонимы –

наиболее многочисленная категория. Среди них можно выделить наименования менее известных русскому читателю географических объектов, которые в большинстве случаев сопровождаются такими родовыми именами как «пляж», «город», «озеро», «река», «район». Родовые указания позволяют отнести данные единицы к компонентам «чужого» пространства: «С вечера мы на машинах уезжали в горы **Айн-Драхам**, ночевали в гостинице»; «Вид из их «гнезда» был необъятным: море, дикий пляж **Рауад**, соленое озеро **Шотт-эль-Риад**»; «На западе Туниса, недалеко от Алжирской границы, на скалистом берегу Средиземного моря находится курортный город **Табарка**»; «Над **Табаркой** высятся **Крумирские горы**»; «Самая северная точка Туниса (и всей Африки) – **Белый мыс**. Рядом с ним город **Бизерта**, бывший до 1963 г. военно-морской базой Французского флота»; «За лесом – несколько скалистых мысов в устье реки **Меджерды**»; «За Ля-Марса на скалистом уступе приютился самый, наверное, красивый городок – **Сиди-бу-Саид**, построенный из камня»; Стоял наш дом на улице **Эшмун**, за железной оградой; Мы ездили на дикий пляж **Рауад**, за Гаммарт, где никого не было и можно было купаться голышом ^[17]. // Красота: море, песчаный пляж, дюны, снова песок, грунтовая немощеная дорога, а за ней мелкое соленое озеро **Шотт-эль-Риад**, еще дальше какая-то растительность; Когда я смотрела с нашей террасы на Карфагенский залив, на гору **Бу-Корнин**, мне казалось, что мои корни уходят в глубь карфагенской земли, что я будто продолжение тех женщин, живших здесь до меня; Карфаген расположен на горке **Бирса**, где находился и наш дом; Не стану описывать римские города, театры, термы, спасавшие от летней жары подземные дворцы у подножия **Крумирских гор** – для этого существуют путеводители; «Большой Карфагенский (или Тунисский) залив кончается мысом **Бон**. За ним береговая линия поворачивает на юг. Здесь, на восточном побережье Туниса, находятся самые знаменитые курортные места: **Набель, Хаммамет, Сус, Керкена, Джерба** ^[17]. Таким образом, в ландшафте выделяются горы и горки. Также реализуется компонент образа «Тунис – страна для отдыха»: пляжи и курортные города.

Богатое прошлое страны в составе Римской империи нашло отражение в описаниях памятников и городов: «Нам казалось, что всем непременно нужно побывать в расположенном неподалеку от столицы загородном дворце **Бардо**, где находится национальный музей **Алауи**, обладающий уникальной коллекцией римских мозаик. ^[17]. Традиции Туниса – это результат смешения различных культур: арабской, пунической, римской, турецкой, французской.

Лингвокультурными кодами, напоминающими читателям об этом, становятся имена собственные, подчёркивающие древность, экзотическую природу, историческую значимость, красоту и мощь Туниса: «За Ля-Марса на скалистом уступе приютился самый, наверное, красивый городок – **Сиди-бу-Саид**, построенный из камня»; «Он расположен на горе **Бирса** и весь утопает в зелени и цветах; «За **Карфагеном** плоское побережье тянется до Ля-Гулет (бывший порт); «Привлекаемые красотой **Сиди-бу-Саида**, здесь селились поэты, писатели, художники, кинематографисты»; «Это были прекрасные места: **Карфаген, Сиди-бу-Саид, Ля-Марса или Гаммарт** ^[17]; «Часто на месте древнеримских поселений или рядом с ними возникают тунисские деревни, дома здесь построены из остатков античных зданий ^[17]. Участвуя в моделировании ландшафтного образа Туниса, имена собственные выступают как культурные коды и напоминают читателю об особом положении страны, находящейся на перекрёстке древних цивилизаций.

Расположение Туниса в засушливом регионе и проблема нехватки воды повлияли на

восприятие воды как ценности: «Главным было то, что он начал поиски **воды** и, копая неподалеку от своего шалаша, докопался до **пресной воды**. Для мусульман, живущих в **жарких странах, пресная вода** играет огромную роль; тунисцы стали смотреть на Горчакова с почтением» [\[17\]](#).

3. Биоморфный код

Одним из фитонимических символов Туниса является жасмин. Небольшие букетики жасмина можно увидеть в этой стране повсюду: они украшают лавки, уличных торговцев и двери домов. Жители Туниса полагают, что именно этот цветок символизирует домашний уют, любовь и гармонию. Аромат жасмина у местных вызывает ассоциации со счастьем и теплом: «В городах северной части Туниса с весны до поздней осени собирают и вяжут **букетики из жасмина**. <...>. Маленькие продолговатые, белые чуть-чуть розовые, ещё не распустившиеся цветочки срывают и натыкают на сосновые иглы, образуя таким образом длинный стебель» [\[17\]](#).

Жасмин напоминает Г. А. Махровой о Тунисе, когда она покупает такие букетики в Париже. Подчеркивается, что это уникальный символ именно Туниса: «Это утончённое искусство для создания вечерней изысканности ни в какой другой африканской стране не существует» [\[17\]](#).

Особое значение в лингвокультурном образе Туниса имеют прилагательные с цветовым компонентом. Образ Туниса – пестрый, многоцветный, яркий, невозможно выделить доминирующие цвета: «За Сиди-бу-Саидом дорога среди красно-оранжевых **скал** спускается на пляж Амилькар»; «Небо **голубое**, стены **белые, оранжевые** апельсины на дереве с **зелеными** листьями, чуть дальше – **желтые** лимоны, зреющие круглый год, **розовые и красные** гибискусы, а в горшках цветущая герань...»; «За высокими **белыми** стенами угадываются сады: *эвкалипты, кипарисы, пальмы и бугенвиллии* **разнообразных** окрасок»; «Вид с террасы открывался такой, что трудно было оторвать взгляд: *зелень и цветы* нашего сада, дальше, к берегу, – другие виллы, окруженные *пальмами* и утопающие в зелени, еще дальше многоцветное море, то *синее*, то *розовое*»; «Все это пространство объединено тончайшим сочетанием красок: **голубое** небо, **красный** закат, **палевый** шотт, **розоватый** песок и **серо-синее** море»; «Над калиткой росла **сиреневая** бугенвиллия, правее – *ложная мимоза*, в саду – *апельсиновое дерево, араукария*, плодоносящее круглый год *лимонное дерево, олива, банановая пальма, дерево ложного перца*, обвитое вьющимся растением с **белыми** гроздьями цветов, вдоль стены дома – вьющиеся *розы*» [\[17\]](#).

Цветовая гамма работает на создание единого образа яркой экзотической страны.

4. Временной код

История Туниса уходит в глубокую древность. Чтобы подчеркнуть это, Г. Махрова использует слова, выступающие в контексте её произведения своеобразным лингвокультурным временным кодом, открывающим для читателя портал в далёкое прошлое. Так, подчеркивается связь Туниса с античной культурой. «Много чего можно найти в Карфагене после дождя: **античные** монеты, **римские** мраморные гири, обломки **римских** или **византийских** глиняных светильников»; «Поэтому здесь можно найти инталии (конечно, чаще ломаные, чем целые), бусинки и множество других обломков **античных** предметов; «Нигде я так не ощущала близость **античного** мира, как в Тунисе» [\[17\]](#).

Культура Туниса, исторически богатая и интересная, долгое время формировалась под влиянием различных цивилизаций, что нашло отражение и в архитектуре в том числе [\[20\]](#). Причем слово «античный» употребляется не только описании города, но и в передаче интерьера, предметов, манеры работы творческой личности, что свидетельствует о значимости античного периода в сознании тунисцев: «Повсюду расставлены **античные** белые колонки, барельефы, статуи, вазы»; «В больших окнах второго этажа виднелись **античные** вазы»; «Его произведения создают ощущение **античной** гармонии»; «Работает сломанным ножом, гвоздем и молотком, используя обломки **античных** камней и мрамора, которые в изобилии валяются вокруг» [\[17\]](#).

Использование лексики, представляющей собою временные лингвокультурные коды, отправляющие читателя к эпохе античности, способствует формированию образа Туниса как страны с богатой историей, жители которой гордятся ею, стремятся сохранить и передать потомкам.

5. Духовный код

Само слово «Тунис» в тексте Г. А. Махровой выступает в качестве кода, вызывающего у читателя базовые представления о культуре этой африканской страны.

Следует отметить, что среди слов, употребляющихся рядом с названием этой страны, часто встречается «независимость» или антонимичное ему. Это подчёркивает значимость обретения Тунисом суверенитета, путь к которому был долгим и трудным. Отражение этого мы видим в следующих примерах: «Когда Тунис **добился независимости**, многие европейцы уехали, и церковный хор распался»; «Как-то в конце **оккупации** Туниса немцы **захватили** в центральном «Кафе де Пари» всех европейцев, в том числе и Георгия Николаевича»; «Поскольку **независимость** Туниса породила множество беспризорных и сирот (их называли «детьми Бургибы»), правительство строило центры воспитания и перевоспитания этих детей»; «Поэтому к моменту обретения Тунисом **независимости** обнаружилось целое поколение художников национального направления, но впитавших в себя европейские традиции» [\[17\]](#).

Встречаются в тексте повествования **имена божеств**, которые также выступают как лингвокультурные коды, подчеркивающие богатую историю Туниса и расширяющие представления о культуре этой страны. Многие обычаи и традиции тунисцев и сегодня связаны именно с верой. Так, на страницах произведения мы читаем: «По преданию, именно здесь обитал грозный **бог Ваал**» [\[17\]](#). Далее следует раскрытие сведений о божестве, которое известно представителям не всех культур. «Ваал, пунический бог, требовал не просто жертвоприношений, но маленьких детей (в Карфагене раскопали жертвенное кладбище: детские кости хранились в глиняных сосудах, поставленных вплотную друг к другу)» [\[17\]](#).

Среди компонентов духовного кода в произведении Г. А. Махровой закономерно выделяются лексемы, так или иначе относящиеся к тунисскому изобразительному искусству, которое является своеобразной визитной карточкой этой страны.

В тексте Г.А. Махровой упоминается «Тунисская школа», созданная группой художников, объединенных стремлением изображать, раскрывать, развивать национальные мотивы: «Это и была «**Тунисская школа**». Выставки художников этой школы каждый год официально и торжественно открывались в **SalonTunisien**» [\[17\]](#).

Кроме того, упоминаются некоторые имена собственные тунисских художников: «В эту

группу входили их наставники (Пьер Бержоль, Пьер Буршель) и представители старшего поколения: **Яхья Тюрки** (ученик Альберта Марке), **Али бен Салем и Хатим эль-Мекки**, а также художники более молодого поколения: **Зубер Тюрки**, его брат **Хиди Тюрки**, **Амар Фархат**, **Джелал бен Абдалла**, **Али Беллага**, **Мохаммед Сехили**, **Абдельазиз Горжи**» [\[17\]](#).

Восприятие Туниса как части арабского Востока и арабской культуры подчеркнуто многочисленными словосочетаниями со прилагательным **«арабский»**: «дворец в **арабском** стиле», «старой **арабской** части», «**арабские** миниатюры», «подписываться по-арабски», «на последнем этаже **арабского** домика» [\[17\]](#).

Заключение

Проанализированный языковой материал дает возможность сделать вывод о том, что специфика лингвокультурного образа Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис» обусловлена, во-первых, тем, что писатель обладает видением живописца, и во-вторых, является представителем другой культуры.

Создание данного образа в произведении, написанном в жанре мемуарных записок, сопровождается использованием слов, отсылающих к лингвокультурным кодам. Благодаря воссозданию соматического, пространственного, временного, биоморфного, духовного кодов, перед читателем возникает образ страны с особым бытом и философией, страны, обладающей богатой и насыщенной историей и культурой, страны со своими традициями и обычаями, гостеприимной, красочной, с экзотической природой.

Библиография

1. Коровкина А. Ю. Модернизация и традиция в культурной перспективе современного Туниса. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. №. 1. С. 91–97.
2. Romanova N. Cultural Code as a Unit of a Provincial Town's Cultural Life (on the example of the City of Murom, Vladimir Region. Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 128. P. 645-653.
3. Khudayberganova D. & Mukimova Z. Theory of Linguocultural Codes and Uzbek Proverbs. *Anglisticum*. Journal of the Association-Institute for English Language and American Studies. 2021. 10(7), pp.48–56.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
5. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Диссертация на соискание ученой степени д. филол. н. Уфа, 2003. 364 с.
6. Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). Москва: Изд-во Московского городского педагогического ун-та, 2005.
7. Киреева И.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора». Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2008.
8. Дукальская И.В. Семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «артефакты». Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2009.
9. Папшева А.В. Структурно-семантические и функциональные характеристики английского лингвокультурного кода "Природа". Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2010.
10. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале

- французского, кабардино-черкесского и русского языков). Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2009.
11. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2012.
 12. Болдырева Т.В. Типология культурных кодов в драматургии Л.Н. Андреева. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2008.
 13. Красных В. В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В. Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. 2014. № 50. С. 167–175.
 14. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
 15. Narziyeva G. The Essence of National-Cultural Code in Language. Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and social sciences. 2022. Vol. 2. Issue 11. P. 348-355.
 16. Myronova N. (2018). Linguocultural Code: Theoretical Basis of Research. Problems of Semantics, Pragmatics and Cognitive Linguistics. 2018. P. 13-15. Doi: 10.17721/2663-6530.2019.35.01.
 17. Махрова Г.А. Мой Тунис. М.: Русский путь, 2002.
 18. Розенкова Х. Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации. Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.
 19. Словарь социолингвистических терминов. Отв. ред.: В. Ю. Михальченко. М., 2006.
 20. Панова М. Галина Махрова – художник русского зарубежья в Тунисе // Азия и Африка сегодня. 2008. № 12 (616). С. 50–53

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к специфике жанра мемуарных произведений и, собственно, к изучению особенностей вышеназванного произведения. «Мой Тунис» - мемуарное произведение, созданное известной русской художницей-эмигранткой Г. А. Махровой.

В работе автор обращается к изучению образа Туниса, который создаётся писателем при помощи лексики с цветовой семантикой. В исследовании автор отвечает на вопрос какие коды и посредством каких единиц реализуются в повествовании Г. А. Махровой о Тунисе для создания лингвокультурного образа этой страны, что определяет новизну рецензируемой работы.

Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие лингвокультурологии и лексикологии.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. В статье используются как общенаучные методы наблюдения и описания, так и общелингвистические методы а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика.

Все теоретические измышления автора подкреплены практическим языковым материалом из произведения. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и английском языках.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов, а также смешению русскоязычных источников с работами на иностранном языке.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвокультурные предпосылки в создании новой лексики в антиутопии (на примере лексико-тематической группы «Культурные коды Туниса в произведении Г. А. Махровой «Мой Тунис» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Новиков А.В. Древо «Иггдрасиль» как символический ключ к интерпретации романа Марка З. Данилевского «Дом листьев» // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.39786 EDN: KSTUIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39786

Древо «Иггдрасиль» как символический ключ к интерпретации романа Марка З. Данилевского «Дом листьев»

Новиков Артур Викторович

Аспирант, кафедра зарубежной литературы, Литературный институт им. А. М. Горького.

123104, Россия, г. Москва, ул. Тверская, 25 стр.1

✉ art14ek@tut.by

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.39786

EDN:

KSTUIS

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2023

Дата публикации:

03-02-2024

Аннотация: Объектом исследования в данной статье является роман Марка З. Данилевского «Дом листьев» в контексте постмодернизма. Предметом исследования послужил мифический элемент романа (ясень Иггдрасиль). Данный элемент рассмотрен в качестве герменевтического ключа к интерпретации романа Марка З. Данилевского «Дом листьев». Также предметом исследования являются пространство и время в романе, неразрывно связанные с мифической составляющей произведений. Как следствие, дан развернутый анализ мифической составляющей «Дома листьев» в контексте поэтики постмодернизма, а также некоторые характеристики пространства-времени романа. Герменевтическое толкование выполнено с использованием стихотворения «Иггдрасиль», расположенного на последней странице романа, в

качестве символического ключа. Произведен анализ графемы «Иггдрасиль» и символики составных частей дерева предела в их отношении к экземплификации структуры романа как целого. Описан механизм включения произведения в контекст мировой литературы посредством актуализации семантических и этимологических вкраплений мифических мотивов о сотворении мира в текст «Дома листьев». Дан анализ интертекстуальных отсылок к египетской мифологии через символы уробороса и солнечного диска. Проанализирован сюжет пути бога солнца Ра в «Доме листьев». Новизна исследования заключается в том, что нами выполнен анализ символической детали в романе: скрытой символики «Ясеня» как дерева предела; элементов библейской мифологии; образа перевернутого мира; лабиринта, лестницы. Рассмотрена интерпретация произведения как модели мира, где многозначность мифологических и пространственно-временных напластований, опирающиеся на неизбежные символические отсылки-нити, функционируют как инструмент апелляции к культурному бессознательному. Проанализирована связь мифологий Египта, Тибета, текстов «Упанишад» и «Каббалы», а также художественно-литературного интертекста с «Домом листьев». В результате настоящего герменевтического анализа описана ироническая постмодернистская интерпретация произведения Марка З. Данилевского посредством символики пустоты (бескорния).

Ключевые слова:

дом листьев, постмодернизм, модернизм, миф, время, пространство, Иггдрасиль, уроборос, символ, бескорние

Каллиграмма «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» и постмодернистский контекст

Мифологическая составляющая романа просматривается через условный камертон – последнюю страницу «Дома листьев», которую венчает стихотворение следующего вида:

•

Игг

д

р

а

с

и

л

ь

Что это за чудо? Это огромное дерево.

Оно возвышается на три тысячи метров,

Но не достает до земли. Однако стоит.

Должно быть, его корни держат небо.

О

[\[5, с. 749\]](#).

Стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» – это перевернутое дерево, механически составленное из текста: корень – сплошная черная точка (появляется также на странице 315 в «Доме листьев»); ствол – слово «Игг-д-р-а-с-и-л-ь»; крона – непосредственный текст стихотворения; крону венчает некий знак в виде круга или буквы «О».

Данное стихотворение – это, пользуясь терминологией М. Л. Гаспарова, «стихи для глаза» [\[4, с. 29\]](#) или «фигурные стихи». (Фигурные стихи – стихотворные тексты, графически оформленные так, что из расположения строк или выделенных в строках букв (образующих акrostихи и пр.) складываются очертания какого-либо предмета: монограммы, треугольника, топора, алтаря и т.п. [\[11, с. 1139-1140\]](#)). Стихи, которые «связаны с графической экспликацией словесного образа» [\[13, с. 113\]](#), или жанр визуальной поэзии в котором образ рождается посредством синтеза внутреннего рисунка (*disegno interno*) – «вербальная семантическая схема [которая] есть не только мыслеформа, но и смысловая сверхзадача поэта» [\[13, с. 113\]](#), и внешнего рисунка (*disegno estremo*) – «графическая полиграфия, цель которой – шифровка семантики с помощью некоего кода и дальнейшее декодирование читателем этого зашифрованного сообщения» [\[13, с. 113\]](#).

Учитывая, что поэтика постмодернизма не предполагает ключей к интерпретации – бессмыслица хочет быть бессмысленной, поскольку не предполагает дидактики, подтекста, морали и т.д., – то само наличие в романе фигурного стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», открывающего путь к мифологическому осмыслению «Дома листьев», уводит роман в сторону от постмодернизма: данное стихотворение и последствия его наличия переворачивают роман с онтологической проблематики на сторону эпистемологического, т.е. модернистского контекста. Что соответствует концепции доминант романов модернизма и постмодернизма Б. Макхейла [\[28\]](#).

Утверждая, что «доминанта модернистской литературы эпистемологическая» [\[28, с. 9\]](#), а «доминанта постмодернистской литературы онтологическая» [\[28, с. 10\]](#), Макхейл описал случаи смены статуса доминанты с эпистемологического на онтологический и обратно на примере Сэмюэля Беккета, Алена Роб-Грийе, Карлоса Фуэнтеса, Владимира Набокова и Томаса Пинчона и назвал такую литературу термином «Limit-modernism» [\[28, с. 14\]](#). Применение данного инструмента к «Дому листьев» даст похожий результат, поскольку контексты онтологии и эпистемологии в романе Данилевского плотно спаяны.

В точке, где предположительно (как было показано выше, эта точка – стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь») зарождается эпистемологический контекст «Дома листьев», возникает так же вопрос о том, является ли стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» подлинным символом.

Не имеющие семантического значения символы – это символы поэтики постмодерна, «пустые знаки» [См.: 18, с. 640-642]. И расположение стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» на самой последней странице, т. е. за пределами романа, может означать именно пустоту данного символа, что ведет к утрате поля для герменевтики, ибо Данилевский предоставил достаточное количество интерпретаций уже в самом романе, тем самым заявляя отсутствие интерпретаций.

Ответ на вопрос о полноте семантического и символического содержания, а так же о значении образа древа Иггдрасиль в стихотворении «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» и об его соотношении с историей культуры дает возможность более полного понимания природы романа «Дом листьев», что позволяет делать качественно новые выводы о свойствах поэтики данного произведения.

Себастьян Хубер и мифология «Дома листьев»

Вышеописанной проблеме частично посвящена работа Себастьяна Хубера «Собственный домик: "Дом листьев" как модернистский текст» [27]. Хубер говорит о том, что если рассматривать художественное произведение в рамках какой-либо «литературной классификации», то возникновение «ощущения навязывания, ограничения потенциала» неизбежно. Например, Хубер замечает, что, хотя, «Дом листьев» зачастую, в силу его формальных особенностей, воспринимается как литература постмодернизма, роман также вполне может быть прочитан «как кивок в сторону готической традиции» [27, с. 123].

С другой стороны, попытки рассмотреть роман в контексте различных, часто соперничающих эстетических систем, «расширяют культурный артефакт, делая его больше снаружи, чем внутри» [27, с. 123].

Эссе Хубера – это, своего рода, эксперимент, попытка «расширить периметр "Дома листьев"», рассмотрев роман через парадигму модернизма, чтобы выяснить, «что можно получить с помощью такого дешифрования» [27, с. 123].

По мнению исследователя, теоретическая позиция постмодернизма по отношению к понятиям «пространство», «внутренние связи», «миф», «эпистемология» и «онтология» радикально расходится с той, которую занял роман Данилевского.

Очевидным аспектом «Дома листьев», который предполагает именно «модернистское» прочтение романа, Хубер называет «акцент на пространстве». Хубер апеллирует к аргументации Джозефа Фрэнка в «Пространственной форме в современной литературе» [17] – «модернистская литература описывает собственное повествование пространственно, редуцируя темпоральность» [27, с. 124]. Сопоставляя пространство в имажистской поэзии Эзры Паунда и в потоке сознания «Волн» Вирджинии Вульф, а также пространство параллакс-взгляда в «Улиссе» Джеймса Джойса, Хубер констатирует, что в модернистском романе «повествовательная процессия останавливается в стоп-кадре, фокусируясь при этом через различные фигуры наблюдателей» [27, с. 124].

По мнению Хубера, такое пространство «противопоставляет пространственную форму модернизма постмодернистской пространственности, как утверждали Фредерик Джеймсон или Мишель Фуко... современные повествования все еще предполагают онтологическую стабильность за пределами эпистемологической ненадежности субъекта» [27, с. 124]. В то время как в произведениях постмодернизма наблюдается обратная ситуация: «постмодернистские повествования принципиально ставят под сомнение существование пространств, которые превосходят субъективное понимание: то есть в постмодернизме субъект создает пространства, города, миры» [27, с. 124-125].

Это означает, что Хуберу необходимо достоверно установить «онтологический базис» романа, чтобы с наибольшей степенью точности обосновать принадлежность «Дома

листьев» к модернизму или постмодернизму. Для этого «необходимо решить, существует ли пространство за пределами эмпирического понимания персонажей, или же дом только дискурсивно создается и опосредуется субъектами» [\[27, с. 125\]](#). То есть ответ на вопрос «что есть пространство и каковы его проявления» в одноименном Доме [\[27, с. 125\]](#) и будет для Хубера центральным вопросом исследования.

Возвращаясь к Фрэнку, следует подчеркнуть, что он трактуется Хубером несколько неоднозначно. Одно из положений Фрэнка гласит, что писатели модернисты «в идеале рассчитывают на то, что читатель воспримет их произведения не в хронологическом, а в пространственном измерении, в застывший момент времени» [\[17, с. 197\]](#). Надо полагать, что речь здесь идет более о том, что изображается «застывшее событие»: изображается определенный отрезок времени, протекающий одновременно в разных точках пространства или на разных его уровнях и именно с этих различных уровней или точек пространства и подается читателю.

Так, Фрэнк привел в пример сцену Земледельческого съезда в «Госпоже Бовари» Флобера: здесь есть завязка (встреча Эммы и Рудольфа), кульминация (уединение Эммы и Рудольфа на втором этаже мэрии, признание Рудольфа, «непроизвольное сплетение рук») и развязка (вручение медали, выход госпожи Бовари под руку с Рудольфом из мэрии, праздничный обед). Также каждый пространственный уровень имеет четко очерченные границы: «На нижнем уровне, – пишет Фрэнк, – волнующаяся, теснящаяся толпа на площади вперемешку со скотом, доставленным на съезд; несколько возвышаясь над площадью – официальные ораторы, напыщенно изрекающие банальности прилежно внимающей толпе. И над всем этим – Рудольф и Эмма, наблюдающие происходящее из окна и ведущие любовный разговор в выражениях столь же напыщенных, как и речи, которыми потчуют толпу на площади» [\[17, с. 200\]](#).

Эта сцена из Флобера действительно кинематографична и действительно предполагает возможные параллели в сравнении с кинематографичностью отдельных сцен «Дома листьев». Например, эпизод со шкатулкой драгоценностей Карен, смысл которого открывается читателю только спустя несколько сотен страниц (с. 11 – 373) [\[5, с. 11, 372-373\]](#). Однако при этом художественный мир у Флобера, в отличие от «Дома листьев», не размыкается, не дополняется и не расширяется паратекстом; не рефлексировать относительно другого художественного мира или самого себя и т.д. Сцена Земледельческого съезда – это кинематографично оформленный отдельный эпизод, взятый из целостного повествования без нарушений общей временной последовательности движения сюжетных событий; это – диегезис, описанный недиегетическим нарратором, где пространство и время не нарушают границ «выдуманного мира». «Дом листьев» же не есть одно застывшее (зафиксированное конкретными координатами) во времени событие, рассмотренное с различных пространственных точек: хотя в основе фабулы лежит некий единственный артефакт – фильм «Пленка Нэвидсона» – фабула «Дома листьев» на уровне диегезиса перенасыщена событиями как в повествовании Дзампано, так и в повествовании Труэнта; и видоизменяются во времени здесь не только герои (характеры), но и само пространство: пространство дома на Ясеновой улице, географические координаты героев, текстуальное пространство (технотекст).

Подача же событий читателю посредством субъективных фокальных точек (например, повествование Дзампано) и иных относящихся к «субъективным» обзорных перспектив – например, «История Тома Нэвидсона» [\[5, с. 271-279\]](#) или просмотр знаменитостями и их

комментарии относительно смонтированного Карен фильма «Экспедиция №4» [\[5, с. 379-393\]](#), – все это функционирует в общей связке с кинематографичностью эпизодов. Эти обзорные точки находятся внутри самого диегезиса и дают представление о первоначальном артефакте (о «Пленке Нэвидсона»), но не являются основным принципом репрезентации пространственно-временной структуры романа, поскольку они – лишь одна из составных частей репрезентационного аппарата повествования Дзампано, даже не романа. Что же касается повествования Труэнта, то оно – интерпретация событий через единственную фокальную точку: сознание Труэнта, которое, по мере движения сюжета постепенно распадается. Так, часть романа (эпистолярная повесть) под названием «Письма из психиатрической лечебницы “Три Аттик Уэйлостоу”» [\[5, с. 620-676\]](#) дает взгляд не на сам исследуемый артефакт (на «Пленку Нэвидсона»), но, постфактум (в зависимости от избранной читателем последовательности чтения романа), расширяет знание реципиента о процессе формирования «оптики» сознания Труэнта. «Письма из психиатрической лечебницы “Три Аттик Уэйлостоу”» открывают ранее неизвестные эпизоды из детства Труэнта и многое проясняют в его отношениях с матерью, которые не могли не повлиять на формирование субъективного мироощущения и, следовательно, сознания Труэнта. Сознания, которое есть фокальная точка по отношению к читателю. Таким образом, «Письма из психиатрической лечебницы “Три Аттик Уэйлостоу”» служат дополнительной «линзой», накладываемой на повествование Труэнта, в результате чего видоизменяется уже воспринятый читателем материал. Иначе говоря, «Письма из психиатрической лечебницы “Три Аттик Уэйлостоу”» – это некоторая психологическая ретроспектива, данная постфактум читателю, чтобы внести новый смысл в уже прочитанное и создать иной, дополнительный уровень понимания и интерпретации повествования Труэнта.

Обращаясь же к Прусту, который «эпизодически-фрагментарно, наплывами изображает героев» [\[17, с. 205\]](#), Фрэнк описывает застывшее пространство, в котором появляются герои, некогда покинувшие это пространство, но возникающие в нем в измененном времени виде. Фрэнк говорит, что Пруст не прослеживает судьбу героев на протяжении всего романа, они исчезают и иногда появляются только через сто страниц в ином периоде своей жизни, уже измененными. «Вместо того чтобы погрузиться в поток времени и наблюдать героев, – пишет Фрэнк, – изображаемых в линейной последовательности, в непрерывном ряду событий, читатель оказывается перед разнообразными моментальными снимками, сделанными на разных этапах жизни героев» [\[17, с. 205\]](#). Именно в сопоставлении этих эпизодов читатель только и может ощутить течение времени. И далее Фрэнк приходит к выводу, что у Пруста между понятием «время» и понятием «пространство» можно поставить знак равенства: время – и есть пространство. Это пространство, по Прусту, – «чистое время», которое открывается субъекту, когда он поднимается над прошлым и над будущим и охватывает их в едином миге.

Но, как достаточно убедительно показал посредством пространственно-временной парадигмы Кастельса Дэвидсон [\[24\]](#), в «Доме листьев» преобладает «вневременное время», функционирующее в пространствах потоков, это не время замершего стоп-кадра, не «прошлое и будущее, схваченное в едином миге», а именно протекающий непрерывный поток, способный менять скорость собственного течения, но текущий одновременно без разрывов через различные пространства. В этом потоке (в этих потоках) нет единовременного взгляда на прошлое и будущее, в нем есть только множественное настоящее.

Исходя из вышесказанного, форма в «Доме листьев» не прерывает течения времени, но служит дополнительной оптикой: либо приближает взгляд реципиента вплотную к самому течению времени, искажая при этом пространство, используя эргодическое письмо (несколько слов на всю страницу листа, например, глава X), либо отдаляет взгляд, замедляя время до максимально возможного значения (глава IX, где приводится список зданий, на которые дом на Ясеновой улице не похож, или список имен архитекторов и т.д.).

С другой стороны, в части «Дома листьев», где пространство и время не ориентированы на форму, принцип эпизодически-фрагментарного изображения героев наплывами действительно функционирует. Например, читатель наблюдает за происходящими изменениями характера Карен посредством чередования условных стоп-кадров или кинематографических сцен, сделанных в одном пространственном измерении (в доме на Ясеновой улице), но в разное время. Кроме того, поскольку «Пленка Нэвидсона» – «документальный» фильм, смонтированный из фрагментов, то время фильма действительно дискретно, но временные разрывы незначительны. Самый значительный из них – полгода.

Однако нельзя отвергать факт, что изменялось именно «пространство» дома. При этом изменения произошли по причине онтологической подвижности самого пространства, что и повлекло за собой развитие характера Карен. То есть не время, как это происходит у Пруста, но пространство, которое, отчасти соответствует постмодернистскому пространству Джеймисона [\[12\]](#)

Развитие характера Карен в романном времени, то есть последовательность этого развития – линейна, однако исходный импульс к изменению характера Карен задан именно пространственным вмешательством: пересечением и схождением повествований, нарушением физических границ дома на Ясеновой улице, многократным возвращением Нэвидсона в дом на Ясеновой улице. Зачастую последующий стоп-кадр с участием Карен продолжает прерванный пространственным нарушением предыдущий с прерванного момента. Реципиент видит характер Карен в процессе его развития или становления, либо же Данилевский показывает читателю поступки Карен через ретроспекцию, обнаруживая ту или иную возможную причину, оказавшую влияние на ее характер, – время при этом сохраняет целостность, оно не работает на разрыв, – все изменения ее характера рано или поздно обнаруживают собственную причину. Тогда как у Пруста герои выпадают из «прямой» времени и появляются уже претерпевшими изменения в расположенной на «временной прямой» точке, отстоящей на n-ое кол-во временных точек от той, в которой «выпавший» герой находился в последний раз.

Предупреждая возможные противоречия, Хубер говорит, что, хотя повествовательная стратегия «Дома листьев» «явно перекликается с дезориентацией обитателей дома, можно также прочитать сопоставление различных дискурсов как намек на синхронность, которая побуждает нас воспринимать роман в качестве одновременной тотальности, хотя мы практически не можем этого сделать» [\[27, с. 125\]](#).

Невозможность восприятия реципиентом романа «в качестве одновременной тотальности» Хубер демонстрирует на примере главы IX «Лабиринт». Для Хубера сама планировка страничного пространства, ее макет, иначе говоря, использование технотекста для опосредования событий «Пленки Нэвидсона» станет еще одним аргументом, обнажающим модернистскую поэтику «Дома листьев».

Макет построения IX главы Хубер описывает так: «...сноски внизу страницы

комментируют повествование, сноски на левом поле перечисляют архитектурные стили, на которые дом на Ясеновой улице не похож, сноска 147 на правом поле, перечисляет в перевернутом виде (в обратном порядке) на восьми страницах имена влиятельных архитекторов, и, что наиболее характерно, синий квадрат (цвет Дома), который заполнен всем, что точно не содержится в дом на Ясеновой улице» [27, с. 125]. По мнению Хубера, если бы речь шла о модернистском повествовании, читателю пришлось бы собрать воедино «кучу разбитых образов», большей частью напоминающих хаотичный коллаж, и «создать, таким образом, мозаику, в которой целое становится больше, чем его части» [27, с. 125-126].

Здесь уместно – ради контраста – провести параллель с интерпретацией искусства модерна Г. Г. Гадамером, который следующим образом описывает знаки модернизма, перешедшие из литературы в живопись: «...мы уже не видим в них сохраняющих целостность образа отображений, смысл которых можно было бы опознать. Скорее, на этих картинах некими иероглифическими знаками и штрихами просто записано, то есть рядоположено, то, что следует воспринять одно за другим по порядку и в итоге сплавить воедино» [3, с. 232]. И при таком прочтении Хубер оказывается прав, поскольку читатель физически не в состоянии воспринять приведенную выше главу в качестве одновременной тотальности. Ибо перед читателем нет тотальности, связанной с временным измерением: пространство определяет содержание, которое перетекает в форму, и форма утрачивает временную последовательность. Текст переворачивается, требуя прочтения в обратном порядке; текст занят перечислением того, чего в доме нет, перечислениями имен и стилей – времени здесь нет (порядок прочтения имен и стилей не имеет значения). Здесь есть последовательности, которые не нуждаются в поочередности, и есть пространства, которые не зависят от времени и не имеют завязанного на содержание смысла. Это – безвременное время, разрыв, то есть категория постмодерной действительности, что несколько противоречит исходному положению Хубера.

Хубер так же приводит следующие элементы модернистской поэтики, которые экземплифицирует «Дом листьев»: «...использование разных шрифтов в “Доме листьев” указывает, на мой взгляд, на попытку защитить различные независимые и устойчивые дискурсивные уровни» [27, с. 126]. Ссылаясь на исследование «Чертеж (ы): Рубрика деконструированной эпохи в “Доме листьев”» Мартина Брика [22], Хубер отмечает, что в средневековой письменности «шрифт функционирует как автограф его автора» [27, с. 126]. Так, в «Доме листьев» каждому текстовому уровню в равной степени присваивается определенный шрифт: для Джонни Труэнта – «Courier»; для Дзампано – «Times», для «Редакторов» – «Bookman»; для Пелафины – «Dante» [22], [27].

По Хуберу, суть данного приема в романе Данилевского в том, что, несмотря на случаи, когда различные повествовательные слои пересекаются как на содержательном, так и на типографическом уровнях (секретная галочка из повествования Пелафины [23, с. 97], проникновение сигнала SOS с диегетического уровня экспедиции Нэвидсона в мир Труэнта [23, с. 103]), роман «пытается поддержать конкретную корреляцию между говорящим и говоримым» [27, с. 126]. Таким образом, перед читателем «модификация говорящего имени», или, по Хуберу, «говорящие шрифты», которые устанавливают четкую связь «между тем, что говорится, и тем, кто это говорит» [27, с. 126]. Использование различных шрифтов, а также цветов становится у Данилевского «организационным инструментом» [22, с. 19].

Следующий элемент модернистской поэтики романа Хубер зафиксировал уже не на формальном, но на «диегетическом» уровне: основной посыл романа: «дом больше внутри, чем снаружи» – «подчеркивает глубину внутреннего, но не внешнюю поверхность» [\[27, с. 126\]](#). Что не может не вызывать ассоциаций с получившим широкое распространение и развитие в начале двадцатого века психоанализом. И Хубер вполне правомочно говорит о том, что психоанализ Фрейда оказал значительное влияние на расширение представлений о субъекте, открыв пространство бессознательного, которое, кроме прочего, «еще одна бесконечная череда пустых комнат и коридоров, с потенциально скрытыми стенами, намекающими на возможный экстерьер, хотя неизменно завершающимися как еще одна граница другого интерьера» [\[23, с. 119;\], \[27, с. 127\]](#). Так в романе снова возникает модернистская тема, которая, «вместо того, чтобы пространственно определять интерьер предметов с помощью психологических литературных приемов, проецирует несоответствие между внутренним и внешним миром на архитектурную структуру дома» [\[27, с. 127\]](#). Это означает, по мнению Хубера, что «Дом листьев» имеет ризоматическое переменное строение, способное, видоизменяясь, контролировать тех, кто оказывается внутри него. Посредством этого управления персонажи теряют самостоятельность внутреннего содержания (здесь слышатся голоса аналитической психологии Юнга: утрачивают самость в борьбе с тенью). Глубина субъекта подвергается сомнению и заменяется «опосредованными продуктами дискурса» [\[27, с. 127\]](#).

Соответственно, по Хуберу, ключевой вопрос «Дома листьев» – это вопрос «является ли Дом и, следовательно, его физически невозможный интерьер критикой научной рациональности, расширением субъектно-центрированной онтологии» или, на чем настаивает Хубер – и с чем согласимся и мы – «Дом» и его «интерьер» – есть «проявление метанарратива, превосходящего эпистемологические исследования и онтологические измышления персонажей» [\[27, с. 127\]](#).

В таком случае утверждение Хейлз, что «вне опосредования нет реальности» ставится под сомнение в процессе «выяснения» [\[27, с. 127\]](#), то есть в процессе познания, герменевтического толкования, возможно, деконструкции романа как «сложного структурирующего паттерна, который возрождает пред-постмодернистские представления о порядке вещей» [\[27, с. 127\]](#). От себя заметим, что если «Дом листьев» приближается в такой интерпретации к метанарративу, то приведенное выше ризоматическое его толкование приобретает статус лишь одной из возможных интерпретаций или, в крайнем случае, может быть сведено к «приему», экземплификации понятия, что уже не раз проделывал Данилевский в романе. В таком случае, роман снова уходит в сторону от чистой методологии постмодернизма: эпистемологическая воля модернизма поглотила постмодернистскую теорию ризомы, сведя ее до приема.

Взаимодействие же субъектно-ориентированного сознания и дома на Ясеновой улице подсвечивается вопросом, поставленным текстом внутри произведения: «Уместно ли понимать это место [дом на Ясеновой улице – А.Н.] как "обесформленное" человеческим восприятием?» [\[23, с. 173\]](#).

Некоторые эпизоды «Дома листьев», как замечает Хубер, дают ответ на поставленный выше вопрос, например: «...мутации дома отражают психологию каждого, кто в него входит» [\[23, с. 165\]](#); вымышленный критик Джереми Флинт об экспедиции Холлоуэя: «В случае Холлоуэя дом со всем тем, что в нем было, стал продолж[е]м его самого...» [\[23, с. 165\]](#).

[3301](#); еще один вымышленный критик Руби Даль: «...дом, стены, комнаты становятся личностью – схлопываются, расширяются, разворачиваются, смыкаются, но всегда в идеальном соотношении с психическим состоянием человека» [\[23, с. 165\]](#).

Ключевым для разрешения этой проблемы можно считать эпизод из главы XV. Здесь обнаруживает себя интерпретация событий дома на Ясеновой улице, приведенная в повествовании Дзампано, превосходящая субъектно-ориентированное сознание: «На Ясеновой улице стоит дом пронизанный темнотой, холодом и пустотой» [\[5, с. 397\]](#). Но – читаем здесь же – в смонтированном Карен фильме «Экспедиция №4»: «На 16-миллиметровой пленке мы видим дом, пронизанный светом, любовью и красками» [\[5, с. 397\]](#). Как отмечает Хубер, такое наложение или сопоставление двух различных типов репрезентаций, один – опосредованный дискурсом Дзампано «дом пронизанный темнотой, холодом, и пустотой», второй – фильм Карен, где «мы видим дом пронизанный светом, любовью и красками», – такое наложение «представляет собой трещину между “оригинальным” референтом и его опосредованной репрезентацией, которая намекает на взаимное сопряженное, но не настаивает на нем» [\[27, с. 128\]](#). Хубер приводит похожий эпизод субъектно-ориентированного опосредования действительности из романа Джона Д. Пассоса «Манхэттен», где субъективная фокусировка персонажа являет его взору «измученных оживших духов», в том время как внешняя фокализация описывает обстановку достаточно сухо и объективно [\[27, с. 128\]](#). Исследователь делает вывод о существовании двоякой пространственности, сформировавшейся в обоих романах посредством внутренней фокализации, характеризующейся явными психологическими оттенками: «...одна объективная – стабильная и внешняя; другая субъективная – неустойчивая и внутренняя» [\[27, с. 128\]](#).

В качестве одного из главных аргументов в пользу доминирования в «Доме листьев» поэтики модернизма Хубер приводит использование романом мифа. Так появляется возможность восприятия «Дома листьев» как всеобъемлющего единства. «Принятие модернизмом мифов, – пишет Хубер, – по словам Элиота, используются для “выстраивания непрерывных параллелей между современностью и античностью” ... которые служат фундаментальными структурами, устанавливающими упорядочивающие принципы, благодаря которым устраняются экзистенциальные переживания по поводу упорядоченности и беспорядка» [\[27, с. 128\]](#)

Однако Хубер опускает возможность того, что миф в «Доме листьев» существует и вне контекста «установления связи между античностью и современностью». Хотя миф в романе является одной из «несущих стен» его целостности, «Дом листьев» может быть свободно прочитан вне мифического контекста. Миф здесь существует скорее как одна из ветвей, по которым двигалось человечество, и эта ветвь запечатлена как исторический документ в его художественном исполнении. Миф в «Доме листьев» может быть прочитан как «игра в литературу», где его проявления в тексте формальны: на поверхности остаются лишь скромные зацепки, только потянув за которые, можно вытащить мифологического левиафана. Миф не организует сюжет, ибо, как таковой, сюжет отсутствует.

Хубер обращает внимание на то, что «Дом листьев» «вычеркивает» организующие мифы. «Греческое повествование о Минотавре отвергается Дерридианским жестом, вычеркивающим присутствие мифического существа: “Миф – это Минотавр”» [\[27, с. 129\]](#). «Тем не менее, – пишет Хубер, – как и неумолимая невозможность выйти за пределы дискурса, роман не может отказаться от мифа, игнорируя или стирая его. Минотавр, хотя

и отрицается как составная часть дома, все еще преследует его и его жильцов» [\[27, с. 129\]](#). По мнению Хубера, появляющиеся в «Доме листьев» мифологические сюжеты вытесняются из произведения самим домом на Ясеновой улице выборочно. То есть, если под «жест вычеркивания» попадает греческая мифология, то предметы символизирующие восточные практики просто исчезают (попытка организации пространства Карен по фэн-шуй): «...исчезнувший тигр, исчезнувшие мраморные лошади и даже исчезнувшая ваза» [\[23, с. 316\]](#). Однако, как замечает Хубер, в «Доме листьев» все-таки присутствует «мастер-миф», который «можно рассматривать как господствующий в Доме как в его диегетическом, так и в формальном проявлении» [\[27, с. 129\]](#). Хубер рассматривает расположенное на последней странице (после приложения, глоссария и благодарностей) стихотворение «Иггдрасиль» [\[23, с. 709\]](#) как некую организующую структуру, указывающую приоритетный способ прочтения и восприятия романа: роман познания (гносеологический роман). Роман познания, в данном случае, допустимо охарактеризовать в соответствии с толкованием А. Н. Андреева: «В романе такого типа есть все: и события-ситуации, и характеры, обусловленные духовными, социально-моральными и собственно природными факторами (отражающими информационную структуру личности: тело – душа – дух). Эти факторы превращаются в причинно-следственные ряды, создающие полифоническую, внутренне противоречивую фактуру "плана содержания" произведения. Однако самоценность характеров и ситуаций здесь уступает место известной самоценности процесса (само) познания. Собственно, этот процесс превращается в бесконечную и глобальную экзистенциальную ситуацию.

[...]

Под познанием (художественным или научным) мы имеем в виду не размышления разной интенсивности, не демонстрацию искусства умозаключений, которыми изобилуют интеллектуальные или «думающие» романы. Очень часто «глубокие рассуждения» становятся формой заблуждений.

[...]

Под познанием имеется в виду адекватное отражение реальности (сущности) с помощью инструмента познания – сознания, осуществляемое посредством специального языка – абстрактно-логических понятий, складывающихся в системы, тяготеющие к системам систем – к целостностям. Как правило, познание оформляется в виде статей, эссе, монографий – не в форме романов, что принципиально. Соединение образной системы с понятийной: вот формальные признаки романа познания. Здесь «имплантированные» в романную ткань статьи и эссе могут целенаправленно дополнять художественный дискурс, включаться в него в качестве необходимого компонента» [\[1, с. 59-60\]](#).

Однако термин этот применительно к «Дому листьев» следует употреблять с определенным акцентом, то есть с ударением на «мотив знания», выводимый в том числе из «связи Иггдрасиля с христианской концепцией Эдемского древа...» [\[27, с. 129\]](#). Этот акцент также находится в неразрывной связи с гипотезой, предложенной Хубером, о том, что «пространственная одновременность, проявляющаяся в сопоставлении дискурсов, в обращении к мифическим параллелям, указывает не только на модернистскую поэтику, но и на то, что сумма – роман, Дом, процесс чтения – может быть приравнена к акту архивирования» [\[27, с. 133\]](#).

Рассматривая центральный сюжет Эдд о происхождении мира, опорной точкой которого выступает ясень Иггдрасиль, Хубер проводит параллели между змеем Нидхёггом и

монстром обитающем в лабиринте дома; между попыткой Одина постигнуть тайное знание и последним спуском Нэвидсона в лабиринт; между соответствиями в «Доме листьев» при возникновении в тексте темы «корня/корней» и корневой системой Иггдрасиля [\[27, с. 129-130\]](#).

Из вышесказанного Хубер выводит теоретическую оппозицию древовидного и ризоматического строения романа: «Дом листьев» скорее охватывает «иерархическую "книгу корней"» [\[27, с. 131\]](#). Так, по мнению Хубера, если постмодернистские романы подрывают представления о происхождении, телеологическом прогрессе и метаструктуре повествовательных нитей, то в «Доме листьев» мотив дерева может быть использован в качестве герменевтического объяснения [\[27, с. 131\]](#). А расположение стихотворения «Иггдрасиль» в самом конце книги «демонстрирует его существенную функцию и представляет собой миф, превосходящий те, что изображены в диегетическом мире» [\[27, с. 131\]](#). По мнению Хубера, это означает, что в основание романа положена идея «непоколебимой структуры, расширения внутреннего пространства, а также синхронности дискурсов», что позволяет рассматривать «Дом листьев» как «воплощение архитектурной структуры», отличающей роман от постмодернистских текстов, поскольку «Дом листьев» также «расширяет позиции модернизма в отношении знания» [\[27, с. 131\]](#).

Хубер приводит в пример еще одну фундаментальную структуру, лежащую в основании «Дома листьев» и имеющую онтологический статус: лабиринт. Правомочность данного утверждения подтверждается, по мнению Хубера, самоинтерпретацией романа, визуальным оформлением обложки в виде лабиринта, макетом XI главы. Кроме того, говорит Хубер, «отсылка к Дедалу подчеркивает равенство романа и лабиринта» [\[27, с. 131\]](#). В этом же контексте Хубер воспроизводит утверждение Хейлз, согласно которому «архитектура повествования рассматривается не как последовательное, а как альтернативные пути в одном и том же огромном лабиринте вымышленного пространства-времени» [\[26, с. 784\]](#).

По мнению Хубера, именно благодаря лежащей в основании «Дома листьев» стабильной онтологической структуре, роман можно рассматривать как архив, «который утверждает, но не отрицает знание» [\[27, с. 131\]](#).

«В то время, – пишет Хубер, – как накопление знаний литературой модернизма ставит под сомнение любой вид статуса истинности, который симптоматически можно увидеть в главе Улисса об Итаке, "Дом листьев" ассимилирует эти формы эпистемологического познания в замкнутую структуру» [\[27, с. 131\]](#). Это означает, что при чтении «Дома листьев» как архива, его «модернистка память» расширяется, что и делает роман отличным от иных современных произведений.

В соответствии с теоретическим описанием Хубера, роман Данилевского не пытается оспаривать познавательные способности человека, но «проецирует различные слои информации в определенном порядке» [\[27, с. 131\]](#). Понимая, что структура не может быть стабильной, роман Данилевского, как считает Хубер, организует основание, которое «удерживает вместе и конструирует эпистемологический метанарратив: архив» [\[27, с. 131\]](#).

Данное толкование, по мнению Хубера, подсвечивает также описание этимологического корня архива Деррида в «Archive Fever» [\[25\]](#), где слово «архив», в соответствии с

анализом Деррида, имеет двойное происхождение. С одной стороны, оно происходит от «архе», подразумевая «начало» и «заповедь» [\[27, с. 132\]](#), с другой стороны – от греческого arkheion: «изначально дом, жилище, адрес, резиденция высших магистратов, архонтов – управленцев» [\[27, с. 132\]](#). И как пишет об архонтах Деррида: «В силу их публично признанной власти именно у них дома, в том месте, где находится их дом (частный дом, семейный дом или дом работника), подаются официальные документы. Архонты – это прежде всего хранители документации. Они не только обеспечивают физическую безопасность того, что вносится для хранения, но и отвечают за сохранение субстрата информации. Они также обладают герменевтическим правом и компетенциями. Их власть позволяет им заниматься интерпретацией архивов» [\[25, с. 2\]](#).

Кроме того, Хубер выделяет еще одну важную привилегию, которой наделены архонты: они обладают правом «консигнации, то есть "собрания воедино [знаков]" – правом, которое "направлено на координацию единого корпуса в системе синхронии, где все элементы артикулируют единство идеальной конфигурации"» [\[27, с. 132\]](#), [\[25, с. 3\]](#).

В «Доме листьев» Хубер выделяет несколько уровней, которые можно рассматривать как «объединяющие архонтическую власть»: архивирование Дзампано «Пленки Нэвидсона»; практика архивирования исследования Дзампано Джонни Труэнтом (его стремление собрать и упорядочить), попытка Труэнта внести свой личный опыт, возникающий из проблем с самоидентификацией, в архив – «самоархивирование»; и последний уровень архивирования – стремление редакторов закрепить дом в конкретном месте, «присвоив ему фиксированное имя», то есть в номологическом смысле дать Дому стабильное имя / означающее [\[27, с. 132\]](#).

Хубер приходит к заключению, что «в отличие от постулатов деконструкции, где означающие всегда только различны и не обладают положительной идентичностью, роман Данилевского действительно предлагает, чтобы слово «дом» во всех своих проявлениях (haus, maison, domus и т.д.) разделяло общую идентичность, на которую намекает его цвет» [\[27, с. 132\]](#). Хубер обращает внимание на то, что в отличие от прочтения слова «house», появляющегося всегда в голубом цвете и понимаемом в духе гипертекстной ссылки, кажется невероятным, чтобы образующаяся таким способом вокруг слова «house» сеть не влияла «ни на синтагматическую (mouse, rouse, hour, etc.), ни на парадигматическую оси (home, building, shelter, etc.)» [\[27, с. 132\]](#). Посредством данного приема, по мнению Хубера, роман создает единую языковую сеть, которая функционирует в соответствии с определенными правилами, не подлежащими обсуждению.

Таким образом, «дому» придается конкретное и стабильное топологическое место, которое, однако, «не следует понимать на уровне содержания, ибо "Дом листьев" действительно бросает вызов пространственным категориям), но скорее рамках опосредования» [\[27, с. 132\]](#).

В этом контексте, «локализация» «"Дома листьев"» первоначально (на первой странице) находит место в аннотации, данной к изданию редакторами: «много лет назад, когда "Дом листьев" впервые появился и переходил из рук в руки, он был не более чем грудой плохо свернутых бумаг, некоторые фрагменты которых периодически появлялись в Интернете. [...] Теперь этот удивительный роман впервые доступен в виде книги, дополненной оригинального цвета словами, вертикальными сносками, и добавленными новыми вторым и третьим приложениями» [текст, расположенный на крыле лицевой

обложки – А.Н.] [\[27, с. 133\]](#).

Для Хубера данное заявление «редакторов», прочитываемое им в контексте «гипертекстовых архивов, таких как Интернет», несет в себе смысловую интенцию «о превосходстве книги как средства массовой информации, поскольку она собирает и упорядочивает “плохо сложенную кучу бумаги” в как будто бы полноценный источник знаний, что усиливается гармоничным слиянием романа в единое целое» [\[27, с. 133\]](#). Материальность «Дома листьев», его «книжность» [\[21, с. 2\]](#), также упорное настаивание романа на специфике печатного текста, что проявляется в «повышенном самосознании собственной материальности» [\[27, с. 133\]](#), [\[26, с. 784\]](#), по мнению Хубера, «предполагает, что лучше всего знание здесь представлено в форме текстуальных и визуальных дискурсов, поскольку так оно занимает конкретное физическое место» [\[27, с. 133\]](#).

Это означает, по Хуберу, что «Дом листьев» усложняет как постмодернистский, так и модернистский образ мышления, поскольку роман видоизменяет привычные и устойчивые структуры для накопления и изложения знаний. И пока литература модернизма и постмодернизма «подрывает любой способ надежного познания мира... “Дом листьев”, с одной стороны, принимает нестабильные онтологии (проявляющиеся в физических изменениях Дома на Ясеновой улице или в его рассредоточенной типографике) и тем не менее стремится навязать доминирующую структуру, которая пытается восстановить саму возможность и расширить измерения знания» [\[27, с. 133\]](#).

То есть речь идет о том, что Данилевский, взяв мифологию в качестве основы, структурирующую разные повествовательные слои, выстроил онтологическую структуру романа так, что она представляет собой именно материальный (книга) эпистемологический архив. Таким образом, по мнению Хубера, роман «Дом листьев» имплицитно несет в себе убедительную базу модернистской поэтики.

В качестве экземплификации в романе «архивной лихорадки», в которую посредством акта чтения вовлекается и читатель, Хубер приводит эпизод заключительного акта чтения Нэвидсона [\[23, с. 467\]](#), и эпистемологическое помешательство Труэнта: «Это не я. Этого не может быть. Все, что я написал, я тут же забываю. Я должен помнить. Я должен читать. Я должен читать. Я должен читать» [\[23, с. 498\]](#).

Это и есть формы «архивной лихорадки», констатирует Хубер. Это то, что Деррида назвал «гореть страстью. Не знать отдыха, бесконечно в поисках архива прямо там, где он ускользает. Гнаться за архивом, даже если он в избытке присутствует уже где-то, где что-то занято самоархивированием. Это навязчивое, повторяющееся и ностальгическое желание архива, неудержимое желание вернуться к истокам, тоска по дому, ностальгия по возвращению в самое архаичное место абсолютного начала» [\[25, с. 91\]](#), [\[27, с. 133\]](#).

Такое патологическое желание вернуться к началу – это попытка (хотя и не беспроблемная), способная «предложить различные способы понимания и заботы о книге как о средстве, которое, несмотря на многочисленные заявления, еще не совсем обратилось в пепел» [\[27, с. 134\]](#).

Все это снова возвращает нас к мысли о том, что «Дом листьев» есть энциклопедия приемов, практик, концептов и т.д., и, в конечном итоге, это – роман, претендующий на роль метанарратива, стремящегося в плоскость термина «Limit-Modernism» Макхейла.

Такое неоднозначное положение «Дома листьев» в исследовательской среде требует

прояснения некоторых спорных моментов поэтики и интерпретаций данного романа. В частности, требуется более доскональный анализ мифологической составляющей, заложенной в «Доме листьев» автором. Нам, как минимум, следует разобраться, является ли миф в «Доме листьев» действительно фундирующим элементом или же это «пустой» символ, знак, концепт, конструкт, в который ускользает любое сущностное содержание, семантическое наполнение, эпистемологическое «знание» романа «Дом листьев».

Каллиграмма «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», космогония древнего Египта и скандинавский миф о мировом древе

Древо Иггдрасиль пришло в мировую культуру из скандинавской мифологии, из древнеисландских песен о богах и героях, собранных в поэтических сборниках «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда». Где имя «Иггдрасиль» – буквально Конь (drasil) Одина (Ygg) [см.: 8, с. 245] – носит мировое дерево или, иначе, дерево предела: «Великанов я помню, / рожденных до века, / породили меня они / в давние годы; / помню девять миров / и девять корней / и дерево предела, / еще не проросшее» [15, с. 9].

Из «Старшей Эдды» нам известно, что дерево предела – это «мировой ясень Иггдрасиль, мировое дерево. Его ветви раскинуты над всем миром и кладут ему предел в пространстве. Мировое дерево, вероятно, имело прообразом священный столб... (Irminsul – “великий столб”) ... Такие столбы считаются, в частности, средством сообщения с загробным миром. Один повесился на этом древе однажды, чтобы приобрести тайные знания» [15, с. 216].

Известно также, что первые скандинавские дома были похожи на палатки «Типи» – жилища кочевых индейцев Великих равнин переносного типа. Так же известно, что «Древнейшее из обнаруженных поселений на территории Норвегии (Трена в Хелгеланне) датируется приблизительно V тысячелетием до н. э. Дома, имевшие овальную форму (диаметром 4-6 м), опирались, по-видимому, на деревянные столбы» [7, с. 81].

Прототипом этих деревянных столбов могло послужить мировое дерево, о чем свидетельствует, напр., сага о Волсунгах: «...Волсунг-конунг велел выстроить славную некую палату, а строить велел так, чтобы посреди палаты росло огромное дерево и ветви того дерева с дивными цветами ширились над крышей палаты, а ствол уходил вниз в палату, и звали его родовым стволом» [14, с. 99].

«Игг-д-р-а-с-и-л-ь» в «Доме листьев» выполняет аналогичную функцию: стихотворение как бы центр дома, его эскиз, несущая опора или «средство сообщения с загробным миром». Фигурное же его исполнение, вероятно, символизирует внутреннюю схему дома на Ясеновой улице: «черная точка» – это вход в портал, начало путешествия, начало начал (неизвестная дверь в спальне); «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» (ствол стихотворения) – это связующее пространство (винтовая лестница в центре «большого зала»); «крона» стихотворения – это «вневременное» пространство, иное измерение; символ «О» – символическое воспроизведение мотива смерти-возрождения, указание на непрерывность жизненного потока посредством циклического обновления или, вероятно, символ уробороса. (Уроборос – кольцеобразная фигура, изображающая змею, кусающую свой собственный хвост, – символ вечности, неделимости, а также цикличности времени. Символика этой фигуры интерпретируется по-разному, так как она комбинирует созидательный символизм яйца (пространство внутри фигуры), земную символику змеи и

небесную символику круга [\[19, с. 264\]](#)).

Если отождествить символ «О» с уроборосом, то символ «черная точка» может означать солнечный диск в соответствии с мифологией древнего Египта. Эту связь можно отследить, обратившись к «Книге пещер», где описывается сошествие Ра в преисподнюю.

Когда Ра спускается в загробный мир, он обращается к Осирису: «Это Хенти-Ур [загробный змей], пребывающий в своей пещере, охватывает кольцом и хранит его [Осириса]. Вот я вхожу и проникаю в твои замыслы и тайны, когда покоишься ты на своем месте. Ты – единственный, вышедший из меня самого, ибо я дал узреть тебе лучи моего солнечного диска» [\[9, с. 84\]](#).

В преисподней Ра переживает процесс превращения собственного безжизненного тела в новую живую форму – скарабея Хепри, катящего перед собой солнечный шар [\[9, с. 80\]](#). Так же «Книга пещер», описывая сошествие Ра – источника света и жизни – в загробный мир, в царство Осириса, рассказывает о том, что Ра пройдет несколько стадий обновления и возродит с помощью могущества слова и света солнечного диска самого Осириса. Поскольку Осирис отождествляется с покойным, то солнце здесь – сила, которая воскрешает не только бога, но покойного: «Он возрождается к жизни благодаря вмешательству Ра, участвуя в таинстве воскресения: он вместе с Осирисом становится новым солнцем, которое восходит в качестве Ра» [\[9, с. 80\]](#).

В соответствии с солярным мифом Египта, до того, как произошло великое образование – небо и земля, государство и культ фараона – не было времени. Само событие создание мира и сформировало первоначальное время. Этот солярный миф порождает время вечного обращения в непрерывном прошлом, настоящем и будущем [\[20, с. 20\]](#).

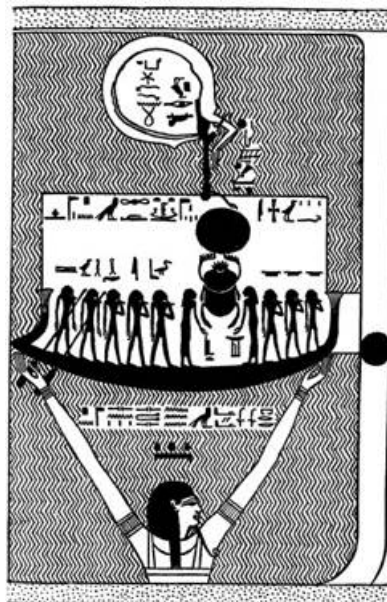
Однако древние египтяне не воспринимали восход и заход солнца как нечто само собой разумеющееся. Они прилагали немало усилий, чтобы солнце появлялось на привычном месте: это событие «вызывалось» и «поддерживалось» как ритуально, так и символически. По их мнению, путешествию Солнца и его циклическому возрождению «непрерывно угрожала противодействующая сила: тяготение к небытию, остановке и прекращению – что символически воплощалось в фигуре гигантского водяного змея» [\[20, с. 21\]](#). Змей Апоп несет в себе угрозу проглотить воды первозданного океана и выбросить на берег лодку Ра. Потому, при поддержке сопровождающих богов, в частности бога Сета, Ра должен был побеждать Апопа, чтобы утром снова отправиться в путешествие по небу.

Однако битва Ра с Апопом не единственное событие, сформировавшее цикличность временного течения древнего Египта. Поскольку в главном космогоническом мифе о происхождении мира у древних египтян хаос не рассматривается как предшествующее порядку состояние, которое должно быть заменено космосом: «Нун, первозданная вода, из которой впервые возшло солнце; Кук, первобытная тьма, бескрайний воздушный простор; Ниау, изначальное небытие, составляющее египетскую идею предсуществования, продолжает присутствовать в существующем мире» [\[20, с. 21\]](#).

В соответствии с египетской космогонией, предмир не являет собой хаос или пустоту, но это – некая эмбриональная плерома, которая после сотворения мира продолжает доминирующее существование на периферийной части сотворенного мира. Именно в эту предмирскую сферу бог солнца и возвращается каждую ночь, чтобы восстановить

энергию, израсходованную в течение дня, «переходя от детства через зрелость к старости» [20, с. 21]. В этом процессе и в самом присутствии предмирского и кроется «тайна циклического времени, обратимости и возрождения» [20, с. 21].

Финальное изображение «Книги врат» [30] изображает восход солнца из первозданных вод и тьмы:

Бог Солнца в образе Хепри с диском, в лодке, поддерживаемой Нун и принимаемый Нут [30].

На фоне водного пространства, снизу появляется мужская фигура с раскинутыми над головой руками, которая толкает вверх солнечную ладью. Ладья занята различными богами, в т. ч. Исидой и Нефтидой, которые поднимают скарабея, толкающего перед собой солнечный диск. Сверху изображения, в противоположном восходящему солнцу направлении, спускаются две фигуры: «На голове мужской фигуры, спина и ноги которой изгибаются, как у Уроборос, стоит женская фигура, которая руками встречает восходящее снизу солнце» [20, с. 22].

Силы же, которые «приходят сверху» [6, с. 10], это, согласно поясняющим надписям, «Осирис, который окружает подземный мир» (именно он изогнут кольцом Уробороса), и, стоящая на голове у Осириса богиня Нут, которая «принимает бога солнца Ра» [20, с. 22].

Таким образом, в восходе солнца участвует три энергии: распростертые руки, толкающие ладью с богами вверх; Исида и Нефтида, поднимающие скарабея; и скарабей, катящий перед собою солнечный диск [20, с. 22]. Восход солнца – т. е. воскрешение Осириса (символизирующее также воскрешение умершего); перерождение и обновление Ра, источника жизни и света, – осуществляется силами трех энергий, опирающихся и поднимающихся из первозданного океана. И после рождения, трансформации и восхода в небо, силы условной «тьмы» встречают и принимают «три энергии»: богиня неба Нут и воскрешенный ночью Осирис. Так рождается Бог и начинается новый солнечный цикл. Здесь проступает явный параллелизм с событиями в «Доме листьев», а именно: повторяющиеся возвращения Нэвидсона в дом на Ясеновой улице, и сошествие последнего в безграничное, безвременное пространство под домом, т. е. сошествие Нэвидсона в условный «загробный мир».

Тем не менее, для стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» принципиален факт, что, в соответствии с египетской космогонией, бог солнца стоит в начале всего сущего, поскольку он появился сам из себя. Символом идеи спонтанного самозарождения является скарабей (kheper по-египетски [\[20, с. 24\]](#)), ибо он «возник сам по себе, без каких-либо половых сношений» [\[20, с. 24\]](#). Глагол kheper означает «становиться», «преобразовывать себя», развиваться. И в Египте это понятие занимало такое же абсолютное место, как и в Греции понятие «бытие» [\[20, с. 24\]](#).

Воздух и огонь, затем земля и небо также возникают из самозарождающегося, самогенерируемого солнца, и на поздней стадии космогонии небо и земля отделяются друг от друга, солнце уносится к небу и движется по нему днем, а по подземному миру ночью. На второй фазе космогонии зарождается циклическое время, в котором и заключена вся суть мифа о путешествии Ра или Солнца [\[20, с. 24\]](#).

Это означает, что основой стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» является «бытие» как таковое, поскольку именно его символизирует солнечный диск Ра: самозарождающаяся, самогенерирующаяся энергия, из которой, или отделяясь от которой, произошел мир. Ибо, как было показано выше, боги второй части космогонии выполняют функцию по «обслуживанию» цикличности последующего бытия разделенной энергии, т. е. того мира, каким древние египтяне его знали.

Таким образом, стихотворение Данилевского «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» буквально соединяет в себе скандинавский миф о мировом древе и древнеегипетскую космогонию. Т.е. самозарождающееся бытие (черная точка в стихотворении «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», она же солнечный диск на изображениях в «Книге врат», в «Книге пещер» и т.д.), не знавшее времени, но разделившееся в последствие и обновляющееся посредством наличия или продолжающегося присутствия на задворках мира «первородной плеромы». Это «соединение» осуществлено, в т. ч. и посредством «фигурности» стиха: каллиграфическое изображение «солнечного диска» на месте корня древа в сочетании с расположением уробороса над кроной древа как бы закольцовывают пространство вокруг древа предела. Древо предела находится между солнцем и бесконечно возрождающей и самовозрождающейся энергией. Таким образом, исходя из позиции параллелизма, на который намекают символ «О» (уроборос) и символ «•» (солнечный диск), можно зафиксировать вывод о том, что Нэвидсон, спускаясь в «мир под домом», в некотором роде, повторяет маршрут бога солнца Ра: он всякий раз оказывается в царстве Осириса, где сталкиваясь с «первородной плеромой», некой исходной материей «бытия», выдерживает битву с «монстром» (змей Апоп, которого герои романа Данилевского слышат, но не видят), умирает и возрождается к новой жизни.

Символическое воспроизведение архетипичных, семантических, сюжетных мифологических элементов

Следует отметить, что символика мирового древа присутствует не только на последней странице «Дома листьев», но имплицитно, намеками, скрыта в некоторых иных малозаметных деталях романа.

На первой текстовой (третьей по нумерации) странице книги Дзампано «Пленка Нэвидсона» (книга, которая составляет одну из частей всего романа «Дом листьев») приведено название улицы, на которой расположен «Дом листьев» – «Ясеновая улица» (Ash Tree Lane): «...споры о летающих блюдах, заснятых Билли Майером, совершенно вытеснены тайной дома на Ясеновой улице» [\[5, с. 3\]](#). Здесь название улицы отсылает

реципиента именно к «Ясеню», иначе говоря, к роду древесных растений, к которому и принадлежит в скандинавской мифологии «Иггдрасиль».

Далее, в XI главе «Пленки Нэвидсона», где в контексте событий, произошедших на Ясеновой улице, Дзампано рассуждает о библейских братьях Исаве и Иакове: «Esau (Исав) происходит от корня ash, что значит «спешить», а Ya'akov – от корневой основы akov, что означает «задерживаться» или «воздерживаться» (т.е. буквально Исав увидел свет первым, Иаков – после него). Но Esau также связано с корнем asah, имеющим значение «покрывать», а Иаков – с основой aqub, «пятка» (иными словами, Исав был «покрыт» волосами, а Иаков родился цепляющимся за пятку брата, задерживающим его)» [\[5, с. 267\]](#).

Таким образом, корень «ash», имеющий в английском языке (языке оригинала «Дома листьев») значения «ясень», «пепел», «посыпать пеплом», всплывает в тексте «Дома листьев» посредством библейской легенды, где Исав, кроме прочего, является родоначальником эдомитян (идумеев; Книга Бытия 36:1–8), т. е. является корнем – «ash» (пер. ясень) родословного древа и т.д.

Однако в момент чтения название улицы или семантика корня названия улицы не работают на мифологический контекст – в момент чтения он не актуализирован. Но когда реципиент доберется до последней страницы романа, где ему и «подмигнет» стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» – контекст мифа актуализируется, а роман получит новое измерение, где название «Дом листьев» обзаведется очередным аллегорическим значением. Помимо «листьев» – страниц; «дома листьев» – неустойчивой модели зыбкого мира; возникнет книга-модель «дом листьев» – мировое древо, а «листья-страницы» становятся кроной этого древа. Название «Дом листьев» становится синонимом ясеня Иггдрасиль, роман можно было бы назвать «Иггдрасиль».

Пересечение вышеописанных смыслов и образов в одном знаке свидетельствует о единстве смысла (идеи) и образа в данном знаке. Иначе говоря, стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» есть ни что иное, как символ. Так, в «Диалектике мифа» А. Ф. Лосев подробно описывает это свойство символа: «...в символе, и "идея" привносит новое в "образ", и "образ" привносит новое, небывалое в "идею»; и "идея" отождествляется тут не с простой "образностью", но с тождеством "образа" и "идеи", как и "образ" отождествляется не с просто отвлеченной "идеей", но с тождеством "идеи" и "образа"» [\[10, с. 40\]](#).

Это означает, что «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» – символ, данный в его непосредственном бытии, данное стихотворение становится, по сути, не поэтическим текстом, но мифической реальностью, данной в виде символа.

Стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» есть именно, говоря словами Лосева, «самостоятельная действительность, где нельзя узреть ни "идеи" без "образа", ни "образа" без "идеи"» [\[10, с. 40\]](#). Идея и образ в стихотворении «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» воплощены так же графически, с помощью эргодического письма («технотекст» в терминологии К. Н. Хейлз: технотекст – тексты, которые демонстрируют повышенное чувство собственной материальности [\[26, с. 794\]](#)), или, иными словами, идея и образ воплощены в механической организации текста стихотворения буквально изображающем дерево.

Мифологические слои «Дома листьев»

Однако при более доскональном разборе стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» на формально-содержательном уровне возникает сложность в определении того, что же именно здесь «образ», и что «идея».

В «Диалектики мифа» Лосев утверждает: «Хотя это (бытие символа – А.Н.) и есть встреча двух планов бытия, но они даны в полной, абсолютной неразличимости, так что уже нельзя указать, где “идея” и где “вещь”. Это, конечно, не значит, что в символе никак не различаются между собою “образ” и “идея”. <...> ...Они различаются так, что видна и точка их абсолютного отождествления, видна сфера их отождествления» [\[10, с. 401\]](#).

Поскольку в символе, по Лосеву, образ и идея неразделимы, то в трактовке стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» как символа, логически установленная «точка абсолютного отождествления» образа-идеи, позволяющая видеть сферу их отождествления, даст возможность определить и «образ и идею» символа стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь».

Расположение точки абсолютного отождествления следует искать исходя исключительно из глубинной идеи древа Иггдрасиль и соотношения данной идеи с мировым мифологическим контекстом, поскольку это не позволит анализу уйти в сторону из-за формально-смысловых наслоений, скопившихся вокруг данного символа за многие столетия.

Идея древа жизни в древнейшей мифологии представлена не только как идея мировой оси, но и как идея портала между мирами, идея «центра трансформации», «где стены и законы преходящего мира могут раствориться и явить некое чудо» [\[8, с. 240\]](#). Что созвучно с «Домом листьев» в части именно «растворения законов преходящего мира», которые мы и наблюдаем в романе на уровне фабулы.

Подробный разбор образа-идеи самого древа жизни осуществил Джозеф Кэмпбелл в работе «Мифический образ», где анализ начат с беглого описания свойств некоего «священного места», существование которого «судя по всему, совпадает со сроком существования рода человеческого» [\[8, с. 240\]](#). Пример подобного «священного места» Кэмпбелл находит в ветхозаветной истории о сне Иакова: «И увидел (Иаков – А.Н.) во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака... <...> Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные... (Быт. 28:10-14, 16-18)» [\[21\]](#).

Небезынтересно отметить, что и Данилевский приводит библейский миф об Исаве и Иакове в «Доме листьев», хотя и в ином контексте и призывает посредством повествования Джонни Труэнта «читать Книгу Бытия, гл. 23–33» [\[5, с. 265\]](#). Кроме того, именно этот библейский сюжет послужил прототипом для выстраивания отношений между главным героем романа Уилом Нэвидсоном и его братом Томом Нэвидсоном, о чем идет речь в главе XI «Пленки Нэвидсона». Но в отличие от библейского сюжета, в «Доме листьев» кульминация примирения между братьями состоится лишь посмертно.

После упоминания данного библейского сюжета Кэмпбелл приводит древнейшие из известных мифологических текстов, Тексты Пирамид (2350-2175 гг. до н. э.), где

говорится, что «усопший восходит по лестнице Ра, отца его, сотворенной для него (Изречения, 271:390a); Возводят лестницу для усопшего... Он восходит по бедрам Исида, он поднимается по бедрам Нефтиды. Отец его, Атум, подставляет ладони усопшему (480:995a-с, 996с-997a); Усопший идет к матери своей, Нут [Небо]; взбирается по ней, ибо имя ее «Лестница» (974:941a-b); Каждый дух, каждый бог, кто подставит ладони свои усопшему, будет на лестнице бога. Слившиеся ради него – его кости; собравшиеся ради него – его члены; усопший возносится на пальцах бога, владыки лестницы (748:980)» [\[8, с. 240-241\]](#).

Эти тексты Кэмпбелл приводит, кроме прочего, в качестве аргумента в подтверждение теории о том, что «по египетским представлениям, каждая гробница была опорой небесной лестницы, по которой душа покойного поднималась к своей последней обители в вечно движущейся по кругу ладье Ра» [\[8, с. 240\]](#).

Далее, Кэмпбелл заметит, что не все мистические места подобного рода ведут ввысь (вверх). В качестве примера он приводит священную площадку в северной части пустыни Арунта в Австралии, где «на заре мира из земли поднялся тотемный предок народа бандикутов, оставивший после себя огромную зияющую яму, заполненную сладким темным соком бутонов жимолости» [\[8, с. 242\]](#). Кэмпбелл покажет фотографию, на которой запечатлены трое соплеменников из Северной Арунты, сидящие перед священным рисунком топи Илбалинтя на равнине Бэрта. Изображенный на земле рисунок представляет собой черный сплошной круг, с расходящимися из центра белыми кругами. Согласно легенде племени бандикутов о сотворении мира (имеющей немало общего с мифом о сотворении мира у народов севера), «в этом месте в начале времен, когда все было погружено во тьму, тотемный предок бандикутов Карура прилег отдохнуть, и погрузился в вечный сон. Почва над ним стала красной от цветов, все заросло травами, а из центра пятна пурпурных цветов, прямо над его головой, поднялся раскачивающийся во все стороны, священный шест. Это было живое существо, покрытое гладкой, как у человека, кожей – и у его корней покоилась голова Каруры.

Несмотря на сон, предок думал; в голове его вспыхивали желания, и тогда из его пупка и подмышечных впадин начали исходить бандикуты. Продравшись сквозь слой дерна, они появились на свет, и в тот же миг забрезжил первый рассвет. Поднялось солнце и затопило все своим светом. И после этого Карура тоже решил подняться. Он разворотил покрывшую его землю, и та зияющая яма, что осталась после его ухода, превратилась в топь Илбалинтя – то место, где и возникли тотем бандикутов, и само солнце» [\[8, с. 244\]](#).

По Кэмпбеллу, во многих случаях такое святое место или центр «рассматривается как вертикальная ось (axis mundi), поднимающая к Полярной звезде и уходящая вниз, к некой кардинальной точке в бездне. Иконографически такую ось можно представить как гору, лестницу или ступени, шест или, как это делается чаще всего, – дерево. <...> В равной степени эта ось олицетворяется с крестом» [\[8, с. 245\]](#).

Дом на Ясеновой улице расположен на территории, имеющей достаточно странный, если не сказать мифологический исторический бэкграунд. И сам дом на Ясеновой улице за недолгое время своего существования успел обрасти собственной мифологией. Так, напр., выглядит история о бывших владельцах дома, которых было немало: «За последние одиннадцать лет – четверо. За пятьдесят – почти двадцать. Кажется, больше двух-трех лет в нем никто не задерживался. Кто-то умер от сердечного приступа или чего-то подобного, а кто-то просто исчез». [\[5, с. 440\]](#).

Далее, следует предположение, что дом находится на территории старого индейского кладбища, но выясняется, что «местность слишком болотистая, ну и рядом Джеймс-ривер. Не самое лучшее место для кладбища» [\[5, с. 440\]](#).

Однако все же обнаруживается принципиальный факт: «...единственное, что удалось узнать о прошлом вашего дома точно (обращение к семейству Нэвидсонов – А.Н.) – и тут нет никакой мистики – он расположен на территории колонии Джеймстаун» [\[5, с. 440\]](#).

Джеймстаун стал местом первого успешного создания постоянного английского поселения на территории Северной Америки. Начиная с 1601 г. поселенцы на данной территории гибли от голода, холода, эпидемий, томагавков индейцев; имела место т. н. «Джеймстаунская резня» 1622 г. В 1676 г. Джеймстаун и вовсе был сожжен в результате восстания фермеров, возглавляемого Натаниэлем Бэконом, – восстанием против английского колониального господства. И как процитирует сам Данилевский некоего Дэвиса Мантока, говоря об окончательном уничтожении остатков города в 1934 г., когда «раскапывали землю для закладки парка: "Болотистые земли проглотили то, что оставалось от колонии"» [\[5, с. 441\]](#).

Как бы Данилевский не усыплял бдительного читателя увещеваниями сродни «и тут нет никакой мистики», очевиден факт, что он выбрал для дома одно из самых мистических и значимых мест Северной Америки.

Для построения связи между территорией бывшей колонии Джеймстаун, историей ее существования с домом на Ясеновой улице и событиями, с которыми имеет дело читатель, Данилевский водит в роман документ, подлинность которого установить весьма затруднительно: «Все это важно (это – история колонии Джеймстаун – А.Н.) лишь потому, что в библиотеке редких книг "Лакуна" в колледже Хорнью, Южная Каролина, содержится странный манускрипт» [\[5, с. 441\]](#). Манускрипт этот является дневником, которой вел один из трех охотников, покинувших колонию Джеймстаун зимой 1610 г. в надежде добыть дичь.

Вероятно, Данилевский именно из-за одного только последнего предложения, оставленного в этом дневнике, и строит главу так, чтобы история первого успешного английского поселения Джеймстауна предстала перед читателем во всем блеске мистических интонаций.

Дневник рассказывает, как голодной зимой 1610 г. покинувшие колонию охотники набрали на замерзшее поле, где разбили лагерь. Весной, когда растает снег, там найдут тела двух охотников, при которых некто по имени Варр и обнаружит таинственный дневник. Тело третьего охотника найдено не будет.

Начиная с 18 января 1610 г., записи дневника о непростом положении охотников рассказывают об ухудшении погоды, о снежном буряне, о предчувствии скорой гибели от голода и холода. Так, 20 января 1610 г. одному из охотников по имени Верм «ночью снились страшные сны»; 21 января 1610 г. отмечено, что «буря не стихает, ветер страшно свистит в лесу, но как ни странно, Тиггса, Верма и меня этот звук успокаивает. <...> Верм рассказал, что ему снились Кости. Мне снилось Солнце»; 22 января 1610 г. владелец дневника записал следующее: «Мы гибнем. <...> Тиггсу приснилось, что снег вокруг нас стал красным от крови»; и последняя, и самая важная запись от 22 января 1610 г.: «Ступеньки! Мы нашли ступеньки!» [\[5, с. 442-445\]](#).

Как нетрудно догадаться, охотники нашли ступеньки того самого дома на Ясеновой

улице, с которым будет иметь дело Нэвидсон спустя почти четыреста лет. Именно эти ступеньки служат частью мозаики, составляющей символические слои романа «Дом листьев», создающие его мифологию.

Происходит это следующим образом: ступеньки, лестницы, перила и прочие архитектурные сооружения пронизывают роман на каждом повествовательном уровне.

В книге «Пленка Нэвидсона» о лестницах:

«И еще три кадра. Темный коридор. Комната без окон. Лестница» [\[5, с. 18\]](#);

«...все, что останется у Нэвидсона год спустя, – это смутные силуэты Карен и детей, скачущих вниз по лестнице... и сам дом, смутный силуэт, затаившийся на углу улиц Суккот и Ясеновой, купающихся в полдневном сиянии» [\[5, с. 18\]](#);

«...Холлоуэй докладывает, что в центре Большого зала ими обнаружена спиральная лестница метров шестидесяти в диаметре, которая спускается в никуда... <...> ...Джед пытается описать лестницу: «Это было нечто огромное. Мы выпустили несколько сигнальных ракет, но не услышали, как они достигли дна, т. е. само по себе это место такое пустое, холодное и тихое, что булавка упадет – должно быть слышно, темнота просто поглотила вспышку, и все» [\[5, с. 92\]](#);

«Джед и Вокс добираются до спиральной лестницы за сорок пять минут – и в течение следующих семи часов пытаются по ней спуститься. Когда они наконец останавливаются и пускают сигнальную ракету вниз, она не только не освещает дна, но даже звуком не сообщает, что его достигла. Джед также обращает внимание, что диаметр лестницы вырос с шестидесяти метров почти до ста пятидесяти» [\[5, с. 93\]](#);

«...Холлоуэй надеется исследовать Спиральную Лестницу, проведя внутри четыре, а то и пять ночей» [\[5, с. 102\]](#);

«...если исходить из сообщений Холлоуэя, то лестница ведет вниз на невообразимые двадцать с лишним километров» [\[5, с. 177\]](#).

В главе XII «Пленки Нэвидсона» находит отражение совершенно беспрецедентное событие: спиральная лестница в центре Большого зала на глазах у исследователей, что запечатлено камерами, с высоты 30 метров вытягивается до, если доверять расчетам Дзампано, – до 88 000 километров. (Если D (в футах) = $16t^2$, где время исчисляется в секундах, монетка должна была пролететь почти 44 000 километров, что на четыре тысячи километров превосходит длину земного экватора. А если исходить из ускорения 9.8 м/с^2 , эта цифра возрастает почти до 88 000 километров [\[5, с. 325\]](#)). Расстояние это определено исходя из времени падения монетки, брошенной с верхней ступени лестницы: «А потом я (Нэвидсон – А.Н.) вдруг услышал, как что-то дзынькнуло за спиной. Я обернулся: на полу, в стороне от меня, лежал третий четвертак. <...> Если Том бросил монетку, скажем, через несколько минут после того, как Рестон добрался до верхней ступеньки, она падала не меньше, чем пятьдесят минут» [\[5, с. 325\]](#).

Далее, лестница в повествовании Труэнта: «Все материалы хранятся в кладовке, чтобы до нее добраться, необходимо преодолеть восемь нехилой крутизны ступенек. <...> Я кубарем качусь вниз головой, пересчитывая все восемь ступеней... Признаков падения – моего падения – им будет не видно, поскольку я залит черными чернилами, руки совершенно черные, пол вокруг тоже черный... на мгновение мне показалось, что рука

исчезла, что я сам исчез...» [\[5, с. 77\]](#).

Здесь Данилевский изображает человека, т. е. Труэнта, буквально «исчезающего» после падения с лестницы, оказывающегося «поглощенным» чернильной и окрестной тьмой: он переходит в иное пространство.

Далее, лестница в эпиграфе: «Поэт в тюрьме, больной, небритый, изможденный, / Топч ногой листки поэмы нерожденной, / Следит в отчаянье, как в бездну, вся дрожа, / По страшной лестнице скользит его душа. Шарль Бодлер» [\[5, с. 264\]](#).

Все приведенные выше лестницы, появляющиеся и видоизменяющиеся в «Доме листьев», так или иначе выполняют одну и ту же символическую роль: это порталы в другие (другое) измерения. Однако вопрос «в какие именно?» «Дом листьев» оставляет открытым, хотя и указывает некоторые возможные направления: ад, ничто, пустота, подсознание и т.п. Стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» также указывает на один из возможных вариантов – мифическое измерение.

В этом измерении «Дома листьев» присутствует еще один мифический слой, не выявленный ранее, который можно открыть с помощью стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь».

В главе «Наука» книги Дзампано «Пленка Нэвидсона» Данилевский дает некоторые «научные» данные, полученные героями романа в результате «исследования» образцов материалов стен лабиринта под домом на Ясеновой улице: «Образец А довольно молодой, ему несколько тысяч лет, образцу К несколько сотен тысяч лет. В случае Q счет идет уже на миллионы лет, а эти от ММММ до ХХХХ – несколько миллиардов. Эти куски явно метеорные. <...>...Рубидий-87/стронций-87 это лучший метод датирования, которым мы располагаем, для пород с возрастом от 4,4 до 4,7 миллиардов лет. Если принять, что возраст Земли составляет примерно четыре с половиной миллиарда лет, то вполне очевидно, что эти образцы не отсюда. <...> Ваш последний образец ХХХХ – однозначно самый старый и самый интересный. Это сплав более молодого материала, которому 4,2 миллиарда лет, с частицами, богатыми дейтерием и, возможно (подчеркиваю, возможно), свидетельствующими о том, что он старше Солнечной системы» [\[5, с. 406\]](#).

Обращаясь к мифологическим сюжетам о сотворении мира, которые несет в себе символ «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», отрезок времени «до возникновения Солнечной системы» можно отнести к периоду «когда все было погружено во тьму», и «тотемный предок бандикутов Карура прилег отдохнуть и погрузился в вечный сон», или ко времени, когда: «Имира плоть / стала землей, / стали кости горами, / небом стал череп / холодного турса, / а кровь его морем» и т.д.» [\[15, с. 32\]](#).

Именно так выглядит актуализация очередного мифического слоя «Дома листьев», где стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» отсылает реципиента к архетипическому сюжету о сотворении мира. Дом на Ясеновой улице становится последствием акта сотворения мира, вспомним: «...из центра пятна пурпурных цветов, прямо над его головой, поднялся раскачивающийся во все стороны, священный шест. Это было живое существо, покрытое гладкой, как у человека, кожей – и у его корней покоилась голова Каруры».

Ясеновая улица, на которой расположен дом, проходит по болотистой местности, непригодной, напр., для индейского кладбища, где, если верить манускрипту Варра, еще в 1610 г., когда эта местность представляла собой чистое поле, скитавшиеся около

недели охотники обнаружили ступеньки (вспомним ветхозаветный сюжет о сне Иакова, а также лестницы из Текстов Пирамид). Которые, очевидно, не могли вести никуда, кроме как под землю. Образцы же материалов из бескрайнего пространства под домом, куда опускались данные ступеньки, – образцы, исследованные уже в наше время, возможно «старше солнечной системы». Такое воспроизведение слагаемых архетипичных сюжетов о сотворении мира свидетельствует о том, что «Дом листьев» или пытается включиться, захватить и примерить на себя данный архетип, или же этот архетип лежит в основе самого текста.

Кроме того, дом на Ясеновой улице имеет собственные уникальные пространственно-временные характеристики, оказывает некоторое психологическое воздействие на тех, кто в нем оказывается, и не обладает, как таковым, рациональным толкованием. Очевидно, что дом на Ясеновой улице, помимо всевозможных допустимых интерпретаций, – это «центр трансформации, где стены и законы преходящего мира могут раствориться и явить некое чудо» [\[8, с. 240\]](#). И этот «центр трансформации», стоит только открыть его двери с помощью символа «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», кишит архетипами.

Также дом на Ясеновой улице, благодаря символике именно перевернутого древа жизни, имеет дополнительный мифический слой, связанный с «Катха-упанишадой», где о перевернутом древе сказано так: «Наверху [ее] – корень, внизу – ветви, это вечная смоковница. Это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным. В этом утверждены все миры, никто не выходит за его пределы. Поистине, это – То» [\[16, с. 110\]](#).

Комментируя данный пассаж, Кэмпбелл говорит следующее: «Санскритское название "фигового дерева", ашваттха, происходит от слова ашва, означающего "лошадь". Сравним с Иггдрасиль, "Конем Одина"» [\[8, с. 634\]](#). Что замыкает на архетипический сюжет о сотворении мира, заложенный в «Дом листьев».

И далее, продолжая сюжет о перевернутом древе жизни у Кэмпбелла, который приводит описание усилий мистика, описанных Яном ван Рюйсбруком (1293-1381): «И ему должно взобраться на древо веры, растущее кроной вниз, ибо корни его уходят в божественное» [\[8, с. 250\]](#).

Далее, средневековый текст каббалы «Зогаре» (ок. 1280 г. н.э.): «Счастлива та часть Израиля, в которой Священный, будь Он благословен, радуется и которой дарована истина Торы, Деревя Жизни. Кто бы ни познал ее, обретет жизнь и в этом мире, и в грядущем. Дерево Жизни простирается сверху вниз; оно есть Солнце всеосвещающее» [\[8, с. 250-251\]](#).

Кроме того, в «Божественной комедии» Данте, перевернутое дерево на шестом выступе мировой горы чистилища: «"Древо, заградив дорогу, Пленительное запахом плодов, как ель все уже кверху понемногу, Так это – книзу так что влезть нельзя. Хотя бы даже к нижнему острогу". От этого дерева исходил голос, запрещающий любому вкушать его плоды. Затем уже в Земном Рае на вершине горы, где, как на вершине пирамиды майя или месопотамского зиккурата, смыкаются небеса и земля, обнаруживается дерево, с которого Адам и Ева сорвали роковой плод; как рассказывает поэт, "... древо, чьих ветвей Ни листья, ни цветы не украшали. Его намет, чем выше, тем мощней И вправо расширявшийся, и влево Дивил бы индов высотой своей"» [\[8, с. 251-252\]](#).

Символ перевернутого мирового древа столь же ценен для романа «Дом листьев», как этот же символ важен для «Упанишад», для каббалы, для «Божественной комедии», и не просто ценен или важен, но выполняет конкретную функцию: он актуализирует

заложенные в роман мифологический контекст, а также интертекст, апеллирующий к истории литературы.

Выводы

Дом на Ясеновой улице – это идея-образ гробницы, лестницы которой ведут к вечно движущейся по кругу ладье Ра. В такой интерпретации актуализируется символ, венчающий крону стихотворения «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», а именно: символ «О». Который так же венчает анх – символ возрождения, неизменный атрибут египетского Бога Солнца с головой сокола, совершающего каждую ночь путешествие по Загробному миру в солнечной барке и покидающего его на рассвете (немаловажно и то, что существует теория о том, что Анх – это камертон).

Мотив смерти-возрождения также связан с тибетским Колесом Становления, которое воспроизводит этот мотив на уровне системы из нескольких кругов, имеющих общий центр и символизирующих силы, приводящие в движение циклы смерти-возрождения, а также содержащие символические обозначения грехов и шести царств, в которых можно возродиться и т.п. Подобный символический ряд может быть продолжен (напр., Мандала Бардо из традиции Ньингмапы) и т.д.

С точки зрения мифологического прочтения «Дома листьев», роман, благодаря стихотворению «Игг-д-р-а-с-и-л-ь», становится местом пересечения самых значительных сил и законов мироздания: времени, вечности, движения, покоя, целостности, множественности. Результатом такой «встречи» в «Доме листьев» является и сам романский текст. Где стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» символизирует мировую ось, портал или центр трансформации, соединяя в себе идею и мифический образ – это есть искомая нами «точка абсолютного отождествления». Ибо «по сути своей это образ (образ перевернутого древа – А.Н.) осевой точки или шеста, которому предназначено символизировать способ или место перехода от движения к покою, от времени к вечности, от раздельности к единству – но в тоже время и наоборот: от покоя к движению, от вечности ко времени, от единственности к множественности» [\[8, с.: 255\]](#).

Т. е. идейно стихотворение «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» служит узлом или пересечением различных мифических и литературных сюжетов, связанных с мировым древом. Эти сюжеты, кроме интертекстуальных связей (напр., Нэвидсон раз за разом спускается в «нижний мир», поскольку его влечет «шепот Беатриче», и, в итоге, лишаясь глаза, приобретает сходные с Одином черты смертного бога, добровольно повесившегося на Иггдрасиле ради постижения мудрости) представлены в «Доме листьев» напрямую, в виде цитат и упоминаний.

Семантически «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» выполняет ту же функцию, которая отведена древу предела в «Эддах» – он является основанием, на котором покоятся различные миры, в нашем случае – смыслообразующее, символическое, сюжетное содержание «Дома листьев», а так же является символической осью материальной книги, «пронизывающей» насквозь «Дом листьев».

«Игг-д-р-а-с-и-л-ь» – это миниатюрная модель скелета как «Дома листьев», так и дома на Ясеновой улице: вертикально расположенное название «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» – лестница в центре «Большого зала», четыре же строки стихотворения символизирует то пространство, в которое ведет эта лестница, в т.ч. лабиринт. Черная точка – это портал между этим миром, и миром, в который ведет «Игг-д-р-а-с-и-л-ь»; символ в виде круга или буквы «О» – это символ непрерывности жизни, – непрерывности, которая

осуществляется посредством цикла «смерти-возрождения».

Такой значительный пласт мифологии (в настоящей статье рассмотрены далеко не все мифологические сюжеты, к которым апеллирует Данилевский в романе: остался без внимания, напр., «Миф о минотавре») в сочетании с поистине бездонной интертекстуальностью – чему посвящено, напр., исследование Джозефа Б. Ноя [\[29\]](#) – наводит на мысль о том, Данилевский пытается «построить» роман «Дом листьев» как функциональный узел, вбирающий в себя не только историю и теорию литературы, но историю культуры как дискурса, уходящего в историю и теорию философии, архитектуры, музыки, кино. Авторская установка подобного рода кажется попыткой преодоления или повторения «Улисса» Джеймса Джойса, но с тем отличием, что «Дом листьев» функционирует по иным, лежащим в поле Limit-modernism, пользуясь терминологией Макхейла, законам – в пространстве потоков и во вневременном времени [\[24\]](#).

«Дом листьев» – это произведение, которое включает в себе как эстетику «премодерна» и «модерна», так и «постмодерна», о чем говорит необычное господство плюрализма внутри произведения. Поэтому вопрос о принадлежности романа к той или иной системе философствования, или к тому или иному языку описания эпохи не имеет однозначного или окончательного ответа. С другой стороны, представить саму возможность возникновения подобного романа в эпоху предшествующую постмодерну невозможно, поскольку этот роман не осуществим без гиперреального измерения, без пространства потоков и безвременного времени. В этом отношении Данилевскому удалось создать текст, пребывающий в состоянии непрерывного становления, художественный мир которого не замкнут и не очерчен четкой границей, но непрерывно проникает в действительность, где живет то настоящим моментом, то мифическим прошлым, то покидая место своего «строительства», то возвращаясь к собственным корням.

Это означает, что утверждение Д. Б. Ноя о том, что роман «Дом листьев» ознаменовал или явил «конец постмодернизма» [\[29\]](#), не может быть окончательным и единственно верным. Ибо читатель, «сдувая листья», сдувает только бриколажную форму, сдувает как бы «энциклопедию» приемов постмодернизма, за которыми оказывается не отсутствие собственной экзистенции, но именно мифология, при том ее центральный сюжет, – сюжет о сотворении мира. Т. е. герои романа находятся и действуют в непосредственной близости древа жизни, они пребывают в соприкосновении с ним. Происходит столкновение эпохи пространства потоков, пространства высокотехнологического общества с пространством мифа, что в результате приводит к трансформации законов времени и самих героев, к трансформации и бесконечному становлению текста, продолжающему видоизменяться уже в гиперреальном пространстве посредством, напр., читательского форума или прироста исследований, посвященных «Дому листьев». В этой связи, вероятно, не будет ошибкой отнесение данного романа к категории произведений, пользуясь терминологией Макхейла, «Limit-modernism»-ма.

Если рассматривать миф о мировом древе как нечто, лежащее в основе романа, то «Дом листьев» можно описать следующим образом: мировой ясень – это стабильная, вечная, недвижимая модернистская конструкция, составляющая непоколебимую внутреннюю основу «Дома листьев», тогда как наружная, внешняя часть «Дома листьев» – это нестабильные стены постмодернизма, которые видоизменяются под воздействием самого пространства постмодернизма.

«Дом листьев» имеет нечто общее с пирамидой Хеопса, которая содержит в себе

зашифрованные математические, географические, астрологические и прочие сведения.

Однако если же принять во внимание, что символ «•» может и не означать «солнечный диск», а символ «О» – не обязательно уроборос, то из вышесказанного также выводима идея «бескорния», иначе говоря, пустоты. Т. е., если допустить, что «Игг-д-р-а-с-и-л-ь» – символ чистого постмодернизма, где «О» означает только «О», или ноль, или пустоту внутри и пустоту снаружи (белое пространство внутри, белое пространство снаружи), и обратить внимание на то, что каллиграфический «корень» мирового древа – это вовсе не корень (достаточно взглянуть на любое доступное изображение Иггдрасиля, чтобы в этом убедиться), но лишь черная точка – небытие, тьма, отсутствие – то читатель снова оказывается в моменте «сдувания листьев». Но на этот раз не листьев постмодернизма, а листьев мифологических напластований, которые актуализировались посредством архетипов в момент чтения книги.

Таким образом «сдуваются» не только «листья постмодернизма», но и даже «листья мифологии», «листья архетипов», ибо все они не имеют корня, они – пустота. Текстуальная симуляция, не имеющая «первородной плеромы» в качестве источника жизни. Огромное, массивное здание мифологических напластований и постмодернистских приемов сдувается даже не усилием мысли, проделыванием умственной работы, но элементарным «буквальным» восприятием данности, т. е., в случае «Дома листьев», восприятием символа «О» – как пустоты снаружи и пустоты внутри; а символа «•» – как черной точки материи, которая располагается на месте корня, т. е. фактически означает его, корня, отсутствие. Что приводит читателя в пространство постмодернистской иронии.

Библиография

1. Андреев 1995 – Андреев А.Н. Лекции по теории литературы: Целостный анализ литературного произведения – «Автор», 2012. 112 с.
2. Библия. Книга Бытия – Библия. Книга Бытия. <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.28:10-22> (дата обращения: 02.03.2020).
3. Гадамер 1991 – Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного /Пер. с нем.–М.: Искусство, 1991. – 367 С. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).
4. Гаспаров 2001 – Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Издание второе (дополненное). М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
5. Данилевский 2016 – Данилевский М.З. Дом листьев. Быков Д., Логинова А., Леонович М., (пер. с англ.). Быков Д. (предисл.). Екатеринбург: Гонзо, 2016. xxxiv, 750 с.
6. Ильин 1998 – Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
7. История Норвегии 1980 – История Норвегии. Гуревич А.Я., Рогинский В.В., Кан А.С. и др. (ред.). Кан А.С. и др. (отв. ред.). М.: Наука, 1980. 710 с.
8. Кэмпбелл 2002 – Кэмпбелл Дж. Мифический образ. Семенова К.Е. (пер. с англ.). М.: АСТ, 2002. 683 с.
9. Липинская, Марциняк 1983 – Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. Гессен Э.Я. (пер. с польск.). Павлова О.И. (пер. и ред. древнеегипет. текст.), Павлова О.И., Померанцева Н.А. (коммент.). М.: Искусство, 1983. 223 с.
10. Лосев 1994 – Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. Тахо-Годи А.А. (сост.). Тахо-Годи А.А., Маханькова И.И. (общ. ред.). М.: Мысль, 1994. 919 с.
11. ЛЭТИП 2001 – Литературная энциклопедия терминов и понятий. Николюкина А.Н. (ред.). М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.

12. Новиков А.В. – «Дом листьев» и проблема постмодернистского хронотопа // Litera. – 2022. – № 6. – С. 164-174. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38300 EDN: PCEQBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38300
13. Сахно 2014 – Сахно И.М. Визуальная риторика фигурных стихов в поэзии раннего средневековья. Обсерватория культуры. 2014, (5): 112–118.
14. Скандинавские саги: Сага о Волсунгах 1934 – Скандинавские саги: Сага о Волсунгах. Общ. ред. Р.О. Шор и Б.И. Ярхо. Б.И. Ярхо (пер, предисл. и прим.). Москва-Ленинград: ACADEMIA, 1934. 288 С.
15. Старшая Эдда 1963 – Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Корсун А.И. (пер.). Стеблин-Каменский М.И. (ред., вступ. статья и коммент.). Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1963. 259 с.
16. Упанишады 1992 – Упанишады в 3-х книгах. Сыркина А.Я. (пер. с санскрита, предисл. и коммент.). Елизаренкова Т.Я. (отв. ред.). Москва: Ладомир: Наука, 1991–1992, Кн. 2: 1992. 335 с.
17. Фрэнк, Дж. Пространственная форма в современной литературе / Дж. Фрэнк // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. – М.: МГУ, 1987 – С. 194 – 203.
18. ЭП 2001 – Энциклопедия постмодернизма / Сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 С.
19. ЭС 2005 – Энциклопедия символов. Рошаль В.М. (сост.). М.: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2005. 1007 с.
20. Assmann 2019 – Assmann Jan. The Ancient Egyptian Myth of the Journey of the Sun. Aegyptiaca. Journal of the History of Reception of Ancient Egypt. 2019, (4): 19–32.
21. Bray, Joe and Allison Gibbson, eds. "Introduction." Mark Z. Danielewski. Manchester: Manchester UP, 2011. 1-13
22. Brick, Martin. Blueprint(s): Rubric for a Deconstructed Age in House of Leaves. In: University of Sydney: Philament. Vol. 2, January 2004.
23. Danielewski Mark Z. (2000) House of Leaves / Pantheon Books. 2000
24. Davidson 2014 – Davidson Th. The Spatio-Temporal Dimensions of Mark Z. Danielewski's House of Leaves: «Real Virtuality» and the «Ontological Indifference» of the Information Age. Word and Text. A Journal of Literary Studies and Linguistics. 2014. (4.1): 70–82.
25. Derrida, Jacques. Archive Fever: A Freudian Impression. Trans. Eric Prenowitz. Chicago: U of Chicago P, 1998. – 113 P.
26. Hayles 2002 – Hayles N. Katherine. Saving the Subject: Remediation in House of Leaves. American Literature. 2002. (74.4): 779–806.
27. Huber 2012 – Huber Sebastian. A House of One's Own: House of Leaves as a Modernist Text. In: In: Revolutionary Leaves: The Fiction of Mark Z. Danielewski. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2012. P.123–136.
28. McHale 1987 – McHale Brian. Postmodernist Fiction. London: Routledge, 1987. 264 p.
29. Noah 2012 – Noah Joseph B. House of Leaves: The End of Postmodernism. English Theses. Paper 2. Buffalo: State University of New York College at Buffalo, 2012.
30. Wallis Budge 1905 – Wallis E.A. Budge. The Book of Gates. <https://www.sacred-texts.com/egy/gate/> (дата обращения 01.03.2021).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Древо «Иггдрасиль» как символический ключ к интерпретации романа Марка З. Данилевского «Дом листьев», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности одного из значимых зарубежных авторов современности.

Особенностью текста является мифологическая составляющая романа просматривается через условный камертон – последнюю страницу «Дома листьев», которую венчает стихотворение, представленное с использованием особого рифмового варьирования.

Вопросы интерпретации постмодернистских текстов поднимались в работах ряда исследователей, например, вышеописанной проблеме частично посвящена работа Себастьяна Хубера «Собственный домик: “Дом листьев” как модернистский текст». Собственно в настоящей статье подробно разбирается толкование произведения представленное С. Хубером.

Автор концентрирует свое внимание на толковании каллиграммы с учетом видения загробного мира в мировых различных культурах. По гипотезе автора каллиграфа является ключом к интерпретации скрытых смыслов рассматриваемого романа.

Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно литературоведения, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует умозаключениями и выводы примерами из текстов. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 30 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а в перечне преимущественно представлены словари.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Однако при знакомстве с тестом работы возникает ощущение избыточности повествования, а также его незаконченности, будто бы перед нами не научная статья, а часть монографии или диссертации.

Высказанные замечания существенно не влияют на общее положительное впечатление от представленной к рецензированию работы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, герменевтике и зарубежному литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья

«Древо «Иггдрасиль» как символический ключ к интерпретации романа Марка З. Данилевского «Дом листьев» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дедова О.В., Мао Ю. Гаджет vs девайс: опыт семантического анализа // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69715 EDN: JTAQFN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69715

Гаджет vs девайс: опыт семантического анализа

Дедова Ольга Викторовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1 ст51

✉ ov-dedova@yandex.ru

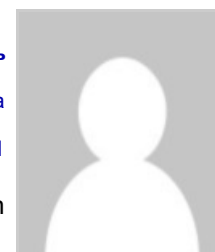

Мао Юйянь

аспирант, кафедра русского языка, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1 ст51

✉ maoyuyann@gmail.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69715

EDN:

JTAQFN

Дата направления статьи в редакцию:

28-01-2024

Дата публикации:

04-02-2024

Аннотация: Предметом исследования является семантика лексем гаджет и девайс в современном русском языке. Обсуждаются сферы употребления данных слов, рассматриваются семантические различия и сходство между ними, их стилистическая специфика. В качестве источников лингвистической информации о функционировании лексем были использованы данные НКРЯ (в том числе портреты слов, созданные нейронной сетью НейроКРЯ), результаты интернет-поиска, а также проведенного

анкетирования. В статье выявляется многозначность слов гаджет и девайс в современном русском языке. Для верификации выделенных значений слов была использована нейросеть YandexGPT компании Яндекс. Полученные результаты не совпадают с данными, представленными в современных толковых словарях. Отмечается словообразовательная продуктивность заимствованных основ – от них последовательно образуются неузловые дериваты разных частей речи. В статье был использован описательный метод. Исходя из инновационного характера денотативных реалий и непоследовательного лексикографического описания соответствующих лексем в современных словарях в статье был применен ономастический подход («от вещи к слову»), имеющий целью выявление денотативной специфики объектов, на которые слова указывают. Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые было проведено сопоставительное семантическое исследование указанных лексем с применением вышеуказанных методов, выявлены их регулярные значения и стилистическая специфика. Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов: лексические неологизмы, называющие инновационные устройства, непоследовательно описываются современными словарями, их изучение является важной задачей и требует современных исследовательских методов с применением компьютерных технологий; анализируемые слова гаджет и девайс являются гиперонимами по отношению к лексическим единицам поля «Персональные компьютерные устройства», они обладают как семантическими различиями, так и сходством и подвергаются активной адаптации в современном русскоязычном узусе. О коммуникативной востребованности данных слов свидетельствует возможность их непрямого иронического употребления в качестве средства обозначения практически любого объекта.

Ключевые слова:

персональное компьютерное устройство, лексико-семантическое поле, гаджет, девайс, неологическая лексика, заимствование, адаптация англицизмов, словообразовательная деривация, паронимическая аттракция, использование данных нейросетей

Введение

Компьютерные технологии развиваются стремительно, что не может не влиять на самые разные аспекты современной жизни, в том числе и на язык. В первую очередь это проявляется в активных неологических процессах – инновационные реалии, стремительно меняющие нашу жизнь, не могут быть не названы. Как правило, большинство компьютерных устройств и их деталей изначально имеют англоязычные обозначения. При этом лингвистический анализ заимствуемых англицизмов, способов их адаптации в современном русском языке (графической, фонетической, семантической, словообразовательной) существенно отстает от практического пользовательского освоения всех новых *гаджетов и девайсов*.

С проблемой лексической семантики слов *гаджет* и *девайс*, активно функционирующих в современном русскоязычном дискурсе, мы столкнулись в процессе анализа и семантического описания единиц поля «Персональные компьютерные устройства» [\[1, 2\]](#). Само понятие *компьютерное устройство* требует уточнения, так в данном случае наблюдается некое противоречие между тем, что в реальности может быть отнесено к данной категории, с технологической точки зрения (смартфоны, планшеты, «умные часы»), и тем, как эти объекты (и соответственно, слова, их называющие)

концептуализируются в сознании носителей языка. Так, смартфон, в реальном разговорном узусе – это *телефон*, смарт-часы/умные часы – *часы* и т. д. Нами были предложены следующие критерии отнесения технологически инновационного электронного объекта к разряду компьютерных устройств:

- Средство обеспечивает хранение, обработку, тиражирование и трансляцию информации в **цифровом виде**.
- Осуществляет функцию **коммуникации** (см. предыдущий пункт).
- Обладает **совместимостью с другими компьютерными устройствами**.
- Ориентировано на **персональное использование**, что предполагает аккумулирование и хранение информации о конкретном пользователе.

Приведенные критерии позволяют конкретизировать понятие «персональное компьютерное устройство». Исходя из них, к этой категории не относится современная техника (бытовые приборы, фитнес-браслеты и т. д.), использующая компьютерные технологии, но не соответствующая первым двум критериям: 1) обработка и распространение информации; 2) обеспечение коммуникативной функции [2, с. 52].

Основная часть. Гаджет и девайс в современном русском языке

Оба анализируемых слова являются заимствованиями из английского языка. Слово *гаджет* произошло от английского *gadget*, обозначающего 'маленькое механическое устройство (или инструмент), особенно оригинальное или новаторское' [3]; 'маленький инструмент (или устройство), который делает что-то полезное' [4]. Слово появилось в конце XIX в. и первоначально использовалось в мореходстве [3]. Его этимология является спорной. Некоторые считают, что оно произошло от французского *gâchette* 'спусковой механизм' [3]. Другие считают, что это слово произошло от названия компании «Gaget, Gauthier & Cie», которая принимала участие в создании Статуи Свободы и создала небольшие копии статуи, названные словом *Gaget* [5].

Слово *девайс* произошло тоже от английского *device* – 'предмет, изготовленный или приспособленный для определенной цели, особенно механическое или электронное оборудование' [3]. Словарь Oxford Learner's Dictionaries дает толкование 'компьютерное оборудование, особенно маленькое, как смартфон' [4]. Отметим, что в английском языке это многозначные слова, и указанные словари приводят также и другие значения.

Слова *гаджет* и *девайс* не являются терминами, имеющими конкретную денотативную соотнесенность. С нашей точки зрения, их активное использование в английском, в русском и во многих других языках связано с коммуникативной потребностью концептуально освоить и обозначить все возрастающее количество инновационных объектов, обладающих высокой функциональностью. В том числе при помощи данных слов потенциально могут быть обозначены персональные компьютерные устройства разного типа – ноутбук, планшет, смартфон и др. Таким образом, по отношению к указанным лексемам *девайс* и *гаджет* являются гиперонимами. Но только ли компьютерные устройства в современном русском языке могут называться при помощи этих слов? Есть ли семантические различия между лексемами, или же они являются достаточно точными синонимами, обладающими близкой синтагматикой? Постараемся ответить на данные вопросы, что позволит выявить и описать семантику указанных лексем в современном русском языке.

Как мы уже отмечали, лексемы являются узואально освоенными в современном русском языке, что нашло отражение в словарях последних лет. *Девайс* в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» имеет два значения: '1. Аппаратное устройство компьютера, имеющее определенное функциональное назначение; 2. Техническое устройство, прибор' [6]; *дивайс* в «Современном словаре иностранных слов» Л. П. Крысина определяется как 'Техническое устройство, приспособление (употребляется преимущественно применительно к техническим новинкам)' [7]. Обращает на себя внимание тот факт, что заимствуемые англицизмы компьютерной и интернет сфер достаточно часто не имеют единого орфографического оформления, что находит отражение в указанных словарях. Лексема *гаджет* отсутствует в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика», а в «Современном словаре иностранных слов» имеет толкование 'Техническая новинка (обычно в области компьютерных технологий, современных средств связи и т. п.)'. Приведенные толкования выявляют семантическую близость анализируемых слов. Их объединяют семы 'техническое устройство', 'новизна/современные (компьютерные) технологии'. На это же указывают портреты слов, сгенерированные нейронной сетью НейроКРЯ Национального корпуса русского языка [8]. Опция «Похожие слова» для *гаджет* подобрала следующие номинации: *видеотехника, коммуникатор, смартфон, контент, опция, девайс, ноутбук, микросхема, сканер, микропроцессор*; для лексемы *девайс* указано следующее: *адаптер, джойстик, гаджет, микросхема, зеркалка, чип, опция, приамбас, смартфон, тестер*. Исходя из данных НКРЯ, анализируемые слова взаимозаменяемы, т. е. являются синонимами. Об этом, исходя из полученных данных, также свидетельствуют другие парадигматические корреляции: общие когипонимы *смартфон/коммуникатор* и меронимы *микросхема/чип*.

На первом этапе исследования на основе данных НКРЯ [9] нами были выявлены и систематизированы типичные контексты вхождения анализируемых лексем в тексты разных жанров, отражающие их функционирование в современном русском языке. Приведем примеры (в скобках указаны типы референциальных объектов):

Девайс: 1) «Процессор ... нового поколения, сам приходит, сам включается, сам подсоединяет себя к другим процессорам, сам отключается, сам осуществляет собственное обслуживание в свободное от операций время, а полностью исчерпав свой ресурс, сам удаляет себя из системного блока. Идеальный девайс! Нужно только беречь его от вирусов» (=элемент компьютерной системы); 2) «В Музее Фаберже информацию об экспонатах можно скачать на свой девайс по QR-кодам» (=персональное компьютерное устройство); 3) «Придуман девайс, способный выявить аллергены в пище и, таким образом, спасти своего владельца от неприятных последствий употребления в пищу того, что ему категорически нельзя» (=инновационное высокотехнологичное устройство); 4) «Кстати, девайс прекрасно решает проблему вождения летом в сабо или шлепках – чашечка будет плотно удерживать шлепающий задник» (=практичное бытовое приспособление); 5) «"ДиКСи" – информационный коммунизм: "каждому ... по потребностям". Да, конечно. Но "ДиКСи" – в первую очередь девайс консюмеризма, а не коммунизма. Этот портал – орудие информационного потребления мира» (=инструмент действия / воздействия).

Гаджет: 1) «Это такая "мыльница", где iPhone, iPod или другой ... гаджет будет преспокойно лежать, не боясь промокнуть», «Инструменты для создания UGC многообразны: смартфон, планшет ... – любой гаджет, на который можно снимать, записывать, фиксировать происходящее» (=персональное компьютерное устройство);

2) «Подзарядить аккумулятор мобильного устройства, обеспечив вас, по крайней мере, еще на час разговорами или музыкой, позволит гаджет Battery Boost» (=компьютерный аксессуар); 3) «Ultrasonic Glass Cleaner – устройство, специально предназначенное для очистки стекол очков и напоминающее по форме кастрюлю. Гаджет предельно прост в обращении», «Таким образом, идеальный гаджет для умного дома должен использовать беспроводный приемник и передатчик, которые потребляют минимальное количество энергии, чтобы устройство могло работать в течение многих месяцев или даже лет без необходимости замены батареи», (=инновационное высокотехнологичное устройство); 4) «Но этот надзор скорее мера устрашения: единственный гаджет в комнате, гигантский экран, транслирующий партийные съезды и инструкции к утренней гимнастике, на самом деле является и камерой наблюдения за жильцом» (=электронное устройство); 5) «Дрессировщик, вытянувший за собой осла, вынимает из кармана красный нос на резинке, и прямо на арене надевает этот низкотехнологичный гаджет», «Проснулся с утра – а во дворе дяди Гора красуется новый гаджет – небольшая деревянная беседка» (=любой предмет, объект). В случае (5) употребление слова *гаджет* является средством выражения иронии по отношению к конкретному денотату и к ситуации в целом, на что также указывает определение «низкотехнологичный».

Естественно, что не все указанные типы контекстуальных употреблений анализируемых слов должны стать основанием для выделения соответствующих регулярных значений. Для уточнения семантики лексем *девайс* и *гаджет*, формируемой современным русскоязычным узусом, нами было проведено анкетирование. Респондентам была предложена анкета (см. рис. 1), вопросы которой направлены на выявление семантической специфики исследуемых лексем. В опросе участвовали 38 носителей русского языка в возрасте от 18 до 70 лет. Вопросы анкеты были направлены на выявление семантической идентичности лексем *девайс* и *гаджет* и семантических различий между ними, а также на выбор орфографического варианта *девайс/дивайс* (написание не кодифицировано в настоящий момент).

Гаджет vs девайс

Чтобы сохранить изменения, войдите в аккаунт Google. Подробнее...

*Обязательный вопрос

Гаджет и девайс – разные типы объектов или одно и то же? Выберите ответ: *

☐ Разные типы объектов

☐ Одно и то же

Если это разные объекты, в чем главное отличие между ними? *

Мой ответ

Если это одно и то же, что общего между ними? *

Мой ответ

Приведите 3 примера гаджетов *

Мой ответ

Приведите 3 примера девайсов *

Мой ответ

Как надо писать, с Вашей точки зрения, девайс или дивайс? *

☐ девайс

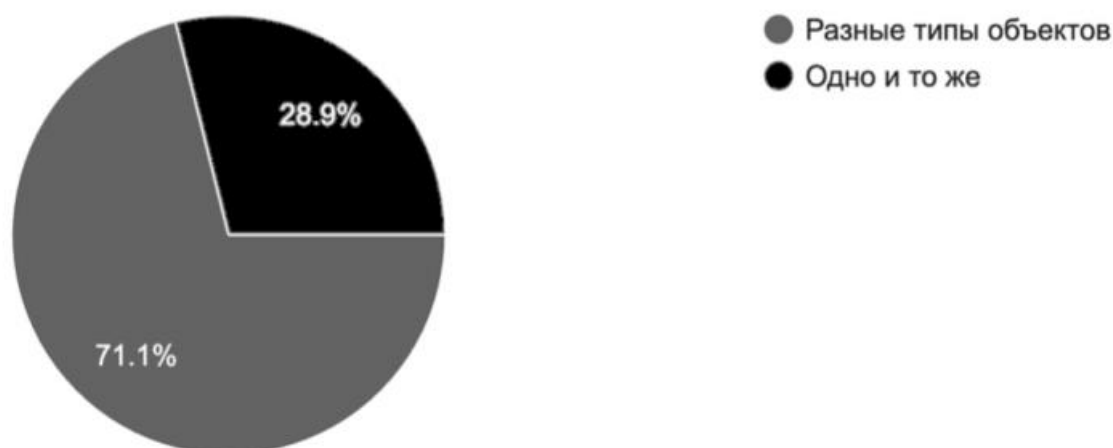
☐ дивайс

Отправить

Очистить форму

Рис. 1. Гаджет vs девайс

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство респондентов (71,1%) считают, что гаджет и девайс – это разные типы объектов. 28.9% респондентов считают, что гаджет и девайс являются одним и тем же, т. е. полными синонимами.

В ответ на вопрос «Если это одно и то же, что общего между ними?» в ответах респондентов указано следующее: **устройство, современный, электронный, электрический, технологичный, работа от аккумулятора**. Исходя из этого, лексемы могут употребляться для обозначения идентичных или схожих денотатов, что указывает на их семантическую близость (синонимичность). Однако такого мнения придерживается

меньшая часть респондентов (чуть больше 1/3). По мнению большинства, лексемы *девайс* и *гаджет* обозначают разные объекты, т. е. семантически не равнозначны. Обоснования семантического различия лексем, приведенные в ответе на вопрос анкеты, можно сгруппировать следующим образом:

1) Девайс – более общее понятие (гипероним), гаджет – частное (гипоним)(21.05% полученных ответов): «Девайс – это общее название приборов, тогда как гаджеты – узкая категория девайсов, предназначенных для выхода в интернет»; «Девайс – любой технический объект, который может быть использован человеком; гаджет – персональный девайс (телефон/планшет/ноутбук)»; «Девайс – любое устройство или прибор, помогающий человеку в быту/в работе. Гаджет – телефон/планшет»; «Девайс – прибор, устройство, гаджет конкретно планшет, телефон»; «Эти обозначения схожи, но они больше различаются, чем сходятся. Девайс – определённо общее название для гаджетов, тогда как гаджет – определённый тип Девайса ...»; «Гаджет – электронное устройство, используемое для коммуникации; девайс – устройство с электронными компонентами более широкого употребления»; «Гаджеты – цифровые устройства для общения, досуга – иначе личный телефон, планшет, ноутбук. Девайс – любая приспособа, можно даже мясорубку назвать девайсом»; «Девайс – это общее определение, гаджет – частное».

2) Девайс – любое бытовое устройство, в отличие от гаджета, осуществляющего в качестве основной функцию коммуникации(15.79%): «Девайс – электронное приспособление для работы в быту...»; «... Девайс – любое электронное устройство, способное облегчить ведение хозяйства (например, чайник – кухонный девайс)»; «а девайс – скорее бытового назначения»; «... а девайс бытовой прибор для пользы»; «... гаджет – электронное приспособление для выхода в интернет»; «Девайс – это общее название приборов, тогда как гаджеты – узкая категория девайсов, предназначенных для выхода в интернет».

3) Девайс – дополнительное устройство к гаджету (7.89%), т. е. гаджет – холоним, девайс – мероним:«Девайс – то, что может служить дополнением к гаджету»; «Гаджет – это основное устройство (телефон, ноутбук), которое выполняет множество функций, а девайс – дополнение к гаджету (наушники, микрофон), у которого 1 или несколько функций»; «Девайс – это приложение к гаджету, а гаджет независим».

4) Гаджет – дополнительное устройство к девайсу (5.26%), т. е., наоборот (см. предыдущий пункт) девайс – холоним, гаджет – мероним: «Гаджет – вспомогательное устройство, девайс – самостоятельное, более сложное»; «Девайс –самостоятельное устройство, не требующее дополнения, соответственно, гаджет – что-то меньшее, дополнение».

5) Гаджет ориентирован на персональное использование (5.26%): «... гаджет – персональный девайс (телефон/планшет/ноутбук)»; «Гаджет – это электронное устройство для личного пользования, как правило небольшого размера (телефон, планшет)»...».

Результаты анкетирования продемонстрировали специфику концептуализации понятий *гаджет* и *девайс*. По мнению большинства респондентов, они не совпадают, но критерии их разграничения разнятся в ответах на вопросы анкеты. Представим наиболее существенные из них в виде таблицы:

Устройство	Электронный х-р	Небольшой размер,	Выход в интернет	Высокая технологичность

		портативность		
Гаджет	+	+	+	+
Девайс	+/-	-	+/-	+/-

Таким образом, исходя из данных НКРЯ и результатов проведенного анкетирования, можно дать следующие определения:

Гаджет – 1) электронное устройство, как правило, небольшого размера, обладающее высокой технологичностью и обеспечивающее выход в интернет (смартфон, планшет, т. н. умные часы и т. д.); 2) электронный аксессуар, используемый в качестве дополнения к другому устройству (наушники, компьютерная мышь и т. д.).

Девайс – 1) современное электронное устройство, обладающее высокой функциональностью (бытовая техника, компьютеры и т. д.); 2) любое устройство или приспособление, чье использование имеет конкретные цели.

Что касается вариантов *девайс/дивайс*, то, с нашей точки зрения, оба являются корректными в современном русском языке. Об этом свидетельствуют словари и современный русскоязычный узус. Однако при ответе на вопрос анкеты 100% респондентов указали в качестве предпочтительного вариант *девайс*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в первом из указанных значений лексемы *гаджет* и *девайс* синонимичны.

Для верификации полученных толкований была использована нейросеть YandexGPT компании Яндекс [10]. В результате поискового запроса «В чем отличие между *девайсом* и *гаджетом*?» системой был сгенерирован следующий текст: «*Гаджет* и *девайс* – это два слова, которые часто используются как синонимы для описания технических устройств. Однако есть небольшое различие между ними. *Гаджет* обычно относится к небольшим, портативным устройствам, таким как смартфоны, планшеты, фитнес-трекеры и другие электронные устройства... *Девайс* же – это более общее слово, которое может описывать любое техническое устройство, независимо от его размера или функции. Это может включать компьютеры, принтеры, телевизоры и другие устройства», что в целом не противоречит полученным в результате исследования толкованиям.

Оба слова обладают стилистической маркированностью в современном русском языке. Так, для *девайс* «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» предлагает две пометы – информ. и жарг. Отсутствие стилистической нейтральности определяется относительно недавним вхождением в современный русскоязычный узус (по данным интернета, оба слова появились примерно в одно и то же время, в конце XX – начале XXI вв.), отчасти также денотативной спецификой реалий, которые они называют. Тем не менее, с нашей точки зрения, в значительной степени они являются узуально освоенными. Об этом свидетельствует словообразовательная продуктивность заимствованных англоязычных основ, от которых спонтанно образуются неузальные дериваты разных частей речи:

Гаджет – «Обывателю законопослушному научиться "*гаджировать*" "*ютубиться*" "*гуглиться*" и будет счастлив как курица на птицефабрике» (https://vk.com/wall327928095_392); «*Гаджетовый* апгрейд социума» (<https://cont.ws/@wayfarervak/854780>); «*Гаджерушки* необходимо класть на свое место» (<chrome-extension://efaidnbmninnibpcjpcglclefindmkaj/http://dou10-gk.ru/>).

Девайс – «Это как раз инструмент, а с инструментом надо заниматься, абгрейдить и

девайсить (микрофон подзвучка и т. д.)» (<https://arhrock.info/forum/threads/vokalisty-auu.1700/page-2>): «Как понять фразу: девайсный раунд? (если не правильно написал поправьте)». (<https://otvet.mail.ru/question/47854528>); «Если вдруг ваш девайсовый визави звонит (правда в нынешних системах координат "звонок" уже не комильфо) или пишет вам просто-напросто, чтобы поинтересоваться как у вас дела, как прошёл день, ... и ему ничего от вас не нужно – радуйтесь и благовейте, что у вас есть такой человек» (https://vk.com/wall563396015_126).

Об адаптации номинации *девайс* в современном русском языке свидетельствует также синоним-жаргонизм *девица*, образованный в результате паронимической аттракции.

Выводы

1. В современном русском языке идут активные неологические процессы, обусловленные развитием современных технологий, – в нашей жизни появляется все возрастающее количество инновационных устройств и объектов. Важной задачей современной лексикографии (и лингвистики в целом) является системное научно обоснованное описание этой лексики. Большое значение для решения задачи имеют возможности, предоставляемые современными компьютерными технологиями: корпусные данные, результаты интернет-поиска по ключевым словам [11]. В настоящее время стало возможным использование данных нейросетей, но к ним следует относиться с известной долей осторожности и подкреплять их другими результатами исследования.

2. Анализ поля «Персональные компьютерные устройства» позволил выявить два гиперонима, при помощи которых может быть назван практически любой объект, – это лексемы *гаджет* и *девайс*. Развитие компьютерных технологий и необходимость называния значительного количества инновационных объектов сделало эти лексемы коммуникативно востребованными. В прямых значениях слова имеют общие семантические компоненты 'предметность' и 'инновационность', что делает их синонимичными. При этом в современном русскоязычном узусе слова неоднозначны, на что указывают результаты проведенного анкетирования, а также данные НКРЯ и интернета.

3. Выделенные значения слов позволили выявить не только сходство, но и семантические различия между ними. Так, *девайс*, в отличие от *гаджет*, может обозначать неэлектронное устройство, обладающее инновационностью и функциональностью, а *гаджет* имеет регулярное значение 'аксессуар, используемый с другим устройством' (см. выше значение 2). Кроме этого, в результатах анкетирования для *гаджет* указан семантический компонент 'небольшой размер'. Для обеих лексем нами были отмечены иронические контексты, вхождение в которые является указанием лишь на «предметность», «материальность» называемых объектов.

4. Обе анализируемые лексемы, являясь англицизмами, заимствованными относительно недавно, подвергаются активной адаптации в современном русском языке. Об этом свидетельствует не только их семантическое освоение, но также и словообразовательная производность основ.

Библиография

1. Мао Юйянь, Дедова О. В. Лексические способы наименования персонального компьютера в современном русском языке // МНКО. 2021. №3 (88). С. 534–547.
2. Дедова О. В., Мао Юйянь. Анализ существительных в пределах лексико-семантического поля «персональные компьютерные устройства» // Вестник

- Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 50–61.
3. Oxford dictionary of English. 2nd ed. / ed. by Catherine Soanes, Angus Stevenson. Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2003.
 4. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 25.01.2024).
 5. Michael Quinion. World Wide Words: Gadget. URL: <https://www.worldwidewords.org/qa/qa-gad1.htm> (дата обращения: 25.01.2024).
 6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под редакцией Г. Н. Складчиковской. Москва: Эксмо, 2007.
 7. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление. Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: АСТ-Пресс школа, 2018.
 8. НейроКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/word/main> (дата обращения: 25.01.2024).
 9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.01.2024).
 10. YandexGPT. URL: https://ya.ru/alisa_davay_pridumaem (дата обращения: 25.01.2024).
 11. Петрухина Е. В., Дедова О. В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. №57. С. 137–159.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи, на мой взгляд, является достаточно актуальной. Автор обращает внимание на основной срез языка – лексику, которая в современном русском языке последнее время активно наращивает объем, дополняется, корректируется включением лексем иноязычного происхождения. Стоит заметить, что в работе вполне уместно оппозиционно сопоставляются два часто звучащих слова – это «гаджет» и «девайс». Как отмечается в начале труда, «компьютерные технологии развиваются стремительно, что не может не влиять на самые разные аспекты современной жизни, в том числе и на язык. В первую очередь это проявляется в активных неологических процессах – инновационные реалии, стремительно меняющие нашу жизнь, не могут быть не названы. Как правило, большинство компьютерных устройств и их деталей изначально имеют англоязычные обозначения. При этом лингвистический анализ заимствуемых англицизмов, способов их адаптации в современном русском языке (графической, фонетической, семантической, словообразовательной) существенно отстает от практического пользовательского освоения всех новых гаджетов и девайсов». Стоит согласиться с данным утверждением, она вполне объективно, подобная тенденция наблюдается, да и вообще интеграция русского языка с вариациями англо-саксонского происхождения контрапунктивны. Предмет изучения – указанные лексические номинации – методологически оцениваются вполне современно (конструктивный анализ, типологический, компаративный), хотя и версия эмпирики также присутствует. Новизна материала в том, что автор исследования точно обращает внимание читателей на два «близких» а первый взгляд слова / понятия, но корректируемых ситуативным использованием, неким действием, либо включением

указанных словоформ в речь. По ходу текста даются вполне развернутые информационные справки, они дополняются аналитическими изводами: например, «с проблемой лексической семантики слов гаджет и девайс, активно функционирующих в современном русскоязычном дискурсе, мы столкнулись в процессе анализа и семантического описания единиц поля «Персональные компьютерные устройства». Само понятие компьютерное устройство требует уточнения, так в данном случае наблюдается некое противоречие между тем, что в реальности может быть отнесено к данной категории, с технологической точки зрения (смартфоны, планшеты, «умные часы»), и тем, как эти объекты (и соответственно, слова, их называющие) концептуализируются в сознании носителей языка. Так, смартфон, в реальном разговорном узусе – это телефон, смарт-часы/умные часы – часы и т.д.», или «оба анализируемых слова являются заимствованиями из английского языка. Слово гаджет произошло от английского *gadget*, обозначающего ‘маленькое механическое устройство (или инструмент), особенно оригинальное или новаторское’; ‘маленький инструмент (или устройство), который делает что-то полезное’. Слово появилось в конце XIX в. и первоначально использовалось в мореходстве. Его этимология является спорной. Некоторые считают, что оно произошло от французского *gâchette* ‘спусковой механизм’. Другие считают, что это слово произошло от названия компании «Gaget, Gauthier & Cie», которая принимала участие в создании Статуи Свободы и создала небольшие копии статуи, названные словом *Gaget*» и т.д. Основная цель работы достигается по ходу разверстки текста, задачи так или иначе планомерно решаются. Думается, что принцип сопоставления работает достаточно продуктивно, причем именно прямое / контрастное. Например, «девайс: 1) «Процессор ... нового поколения, сам приходит, сам включается, сам подсоединяет себя к другим процессорам, сам отключается, сам осуществляет собственное обслуживание в свободное от операций время, а полностью исчерпав свой ресурс, сам удаляет себя из системного блока. Идеальный девайс! Нужно только беречь его от вирусов» (=элемент компьютерной системы); 2) «В Музее Фаберже информацию об экспонатах можно скачать на свой девайс по QR-кодам» (=персональное компьютерное устройство); 3) «Придуман девайс, способный выявить аллергены в пище и, таким образом, спасти своего владельца от неприятных последствий употребления в пищу того, что ему категорически нельзя» (=инновационное высокотехнологичное устройство)...» и «гаджет: 1) «Это такая “мыльница”, где iPhone, iPod или другой ... гаджет будет преспокойно лежать, не боясь промокнуть», «Инструменты для создания UGC многообразны: смартфон, планшет ... – любой гаджет, на который можно снимать, записывать, фиксировать происходящее» (=персональное компьютерное устройство); 2) «Подзарядить аккумулятор мобильного устройства, обеспечив вас, по крайней мере, еще на час разговорами или музыкой, позволит гаджет Battery Boost» (=компьютерный аксессуар); 3) «Ultrasonic Glass Cleaner – устройство, специально предназначенное для очистки стекол очков и напоминающее по форме кастрюлю. Гаджет предельно прост в обращении», «Таким образом, идеальный гаджет для умного дома должен использовать беспроводный приемник и передатчик, которые потребляют минимальное количество энергии, чтобы устройство могло работать в течение многих месяцев или даже лет без необходимости замены батареи», (=инновационное высокотехнологичное устройство)...». Работа усложняется экспериментальным блоком: «Для уточнения семантики лексем девайс и гаджет, формируемой современным русскоязычным узусом, нами было проведено анкетирование. Респондентам была предложена анкета (см. рис. 1), вопросы которой направлены на выявление семантической специфики исследуемых лексем. В опросе участвовали 38 носителей русского языка в возрасте от 18 до 70 лет. Вопросы анкеты были направлены на выявление семантической идентичности лексем девайс и гаджет и семантических различий между ними, а также на выбор орфографического

варианта девайс/дивайс (написание не кодифицировано в настоящий момент)». Обработанные данные сведены в графические блок-схемы. Материал можно использовать в качестве образчика при формировании работ в режиме сопоставления / сравнения смежных лексем иноязычного происхождения. Автор в финале работы приходит к выводу, что «в современном русском языке идут активные неологические процессы, обусловленные развитием современных технологий, – в нашей жизни появляется все возрастающее количество инновационных устройств и объектов. Важной задачей современной лексикографии (и лингвистики в целом) является системное научно обоснованное описание этой лексики...», «выделенные значения слов позволили выявить не только сходство, но и семантические различия между ними. Так, девайс, в отличие от гаджет, может обозначать неэлектронное устройство, обладающее инновационностью и функциональностью, а гаджет имеет регулярное значение 'аксессуар, используемый с другим устройством' (см. выше значение 2). Кроме этого, в результатах анкетирования для гаджет указан семантический компонент 'небольшой размер'. Для обеих лексем нами были отмечены иронические контексты, вхождение в которые является указанием лишь на «предметность», «материальность» называемых объектов...». Основные требования издания учтены, дополнительно увеличивать текстовый объем не стоит, магистральный вопрос решен. Рекомендую статью «Гаджет vs девайс: опыт семантического анализа» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бао Л. Особенности дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе «Зойкина квартира» М.А. Булгакова // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69726 EDN: JTHZNC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69726

Особенности дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе «Зойкина квартира» М.А. Булгакова

Бао Лихун

ORCID: 0009-0004-1448-7056

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. -

✉ lihong.bao@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69726

EDN:

JTHZNC

Дата направления статьи в редакцию:

29-01-2024

Дата публикации:

05-02-2024

Аннотация: Объектом исследования стала пьеса М. А. Булгакова «Зойкина квартира», а предметом – образы китайцев Херувима и Газолина, созданные автором в данном произведении. В контексте исследования изучается дискурсивная репрезентация инокультурной стихии в русской литературе 1920-х гг., роль образов китайцев в сюжете, их место в структуре персонажей, значение в эмоциональном строе произведения. На примере творчества М. А. Булгакова рассматривается «китайская» тема, приводится анализ персонажей, относящихся к иной культуре, выявляются их идейно-художественная сущность и авторская манера создания с их помощью этнического колорита. Автор статьи связывает созданные писателем образы китайцев с его пониманием исторических и культурных событий, происходящих в Советском Союзе в 1920-х гг., со стереотипными и исторически обоснованными представлениями о китайцах

как компонентах азиатского колорита. Исследование ведётся на основе общенаучных методов анализа и синтеза, а также сопоставительного, контекстуального, интерпретационного методов. Основным подходом стал комплексный, позволяющий рассматривать образы китайцев как компоненты дискурсивной структуры произведения. Научная новизна исследования состоит в выявлении особой дискурсивной репрезентации, которую получила инокультурная специфика в пьесе М. А. Булгакова. В изображении героев-китайцев автором применяются приёмы гротескности, пародийности, сарказма, иронии. Такие качества китайцев, как любовь к Родине, стремление демонстрировать силу, достигать цели и защищать собственную честь, готовность к жертве, авантюрный характер мышления, активность, нахождение в постоянном движении и др., изображаются в тесной связи с советским историческим и культурным контекстом 1920-х гг. Делается вывод о том, что образы китайцев парадоксальны, неоднозначны, противоречивы: они участвуют в создании автором иллюзорности, пограничности пространства и в то же время помогают изобразить его точно, с учётом исторических, культурных, временных реалий.

Ключевые слова:

образная система, образы китайцев, инокультурный дискурс, дискурсивная репрезентация, китайский колорит, китайская тема, сарказм, ирония, Михаил Булгаков, Зойкина квартира

Введение

М. А. Булгаков относится к писателям, ставшим очень известными еще при жизни. Его творчество, в котором талант сатирика сочетается с даром видеть духовную суть общественных явлений, – один из самых ярких символов ранней советской культуры. Художественный текст писателя отличается тем, что включает большое количество аллюзий, богат контекстом, несет в себе скрытые подтексты, обуславливающие неоднозначность интерпретаций. Двусмысленность текста была очевидна ещё для прижизненной советской критики, создаваемой деятелями таких объединений советской культуры, как РАПП, РЕФ, Пролеткульт и т. д. Писатель оказался в центре литературных поисков 1920-х гг. Разработанные им проблемы и использованные для их обрисовки и анализа художественные средства не только повлияли на организацию стиля произведений, но и определили развитие советского исторического и фантастического повествования на десятилетия вперед. В каждом произведении автор ставил конкретную проблему, локализуя ее с помощью историко-временных координат, реализуя философские или гротескные замыслы, что отразилось в его пьесе «Зойкина квартира». Пьеса была написана в 1925 г., а впервые опубликована в 1929 г. Она воплощает в себе несколько стилевых планов, что выражено в смешении сатирического, водевильного и комедийного.

Обзор литературы.

Пьеса «Зойкина квартира» анализируется филологами в различных аспектах. Е. А. Иваньшина обращает внимание на применение в ней автором мотива переходности и называет пьесу «пороговым текстом» [\[1, с. 599\]](#). А. А. Киселёва рассматривает пьесу как трагический фарс, в котором «смешное, комедийное скрывает трагическое, является способом выживания для героев, вынужденных подчиняться обстоятельствам» [\[2, с. 91\]](#). В. Лян анализирует в качестве способа организации пространства пьесы оппозицию

«дом – мир» [\[3\]](#). Е. В. Белогурова видит в пьесе комедийно-сатирическую версию «квартирного вопроса» [\[4\]](#). С. В. Редькин отмечает метонимический характер организации сюжета и языкового пространства пьесы [\[5\]](#).

Образы людей иной культуры и китайцев, в частности, в творчестве М. А. Булгакова также привлекают внимание исследователей. О. А. Казьмина анализирует образы китайцев в произведениях «Китайская история» и «Зойкина квартира» и отмечает их связь с образом Ленина [\[6, с. 122\]](#). Ч. Яо отмечает точность образа Китая и аутентичность образов китайцев в рассказе М. А. Булгакова «Китайская история» [\[7, с. 179\]](#). Цао Сюэмэй трактует образы китайцев в творчестве М. А. Булгакова как элемент мифологизации и проявление своеобразного литературного мифа о Китае [\[8, с. 122\]](#). И. С. Урюпин характеризует образы китайцев у автора как образы самозванцев, формирующие «национально-культурный архетип самозванца в творчестве М. А. Булгакова», а само самозванство – как «сюжетообразующий приём» [\[9, с. 15\]](#).

Е. В. Гилева и П. В. Южаков говорят о реализации в пьесе «Зойкина квартира» «китайской» темы, являющейся интертекстуальной, «выходящей за пределы художественного мира пьесы и служащей в качестве своеобразной “точки входа” в пространство историософской мысли автора» [\[10, с. 70\]](#). И. С. Урюпин, также анализируя «китайскую» тему в творчестве М. А. Булгакова, отмечает, что она является отражением инокультурной стихии в русской литературе 1920-х гг. [\[11, с. 132\]](#).

По мнению Е.В. Белогуровой, в пьесе «Зойкина квартира» осуществляется попытка авторской интерпретации квартирного вопроса [\[4, с. 165\]](#). Данная проблематика была характерна для русской литературы 1920-х гг., что связано с социальной перестройкой советского общества. Этот социально-исторический контекст приобретает у писателя сатирически-сниженный оттенок, позволяющий автору создавать новые литературные типы и образы. Социальный мотив квартирного вопроса, который прослеживается и в других произведениях Булгакова («Собачье сердце», «Мастер и Маргарита»), связывается в пьесе «Зойкина квартира» с мотивом дискурсивной репрезентации инокультурной специфики, выраженной в образах китайцев. Этот вопрос является актуальным, но проблемным в аспекте исследования творчества М. А. Булгакова, о чем можно судить по немногочисленности научных работ соответствующей тематики. Поэтому следует отметить значимость рассмотрения произведения «Зойкина квартира» посредством анализа представленного в нём инокультурного дискурса.

Цель статьи – выявление особенностей образа китайцев в пьесе М. А. Булгакова «Зойкина квартира» с точки зрения дискурсивной репрезентации инокультурной специфики, выраженной данными образами.

Результаты исследования

Для русской культуры образ Китая представляет собой в целом трансляцию азиатского типа миропонимания. Китай в русском художественном тексте обычно выступает «символом экзотики, необычного, замысловатого, таинственного и потому манящего» [\[12, с. 234\]](#). В центре сюжета пьесы «Зойкина квартира» находится изображение послереволюционной Москвы, еще не обустроенной и мятежной. Образы китайцев тоже имеют у М. А. Булгакова оттенок революционности. Писатель подчеркивает, что после событий 1917-го г. китайский народ уловил волну «бессознательного» революционного духа, связанного скорее со стихийностью, чем с обдуманностью, что парадоксально

нашло отклик в китайском менталитете. В пьесе затрагивается судьба китайцев-авантюристов, которые были занесены в нэповскую Москву революционным вихрем. В «Зойкиной квартире» изображен бытовой конфликт двух китайцев, которые влюбились в русскую девушку Манюшку, горничную главной героини. Образы китайцев раскрываются здесь на примере двух персонажей – Херувима и Газолина, с помощью противостояния которых писателю удастся раскрыть особенности менталитета и ценностных ориентиров китайцев.

Настоящее имя Херувима – Сен-Дзин-По. Это имя практически совпадает по фонематическому звучанию с именем героя другого булгаковского произведения «Китайская история», в котором персонажа зовут Сен-Зин-По. Созвучие имен героев не является случайным: с его помощью писателю удастся подчеркнуть характерные черты в образах китайцев, а также то, что, по утвердившемуся стереотипу, русским человеком все представители азиатских народов воспринимаются практически одинаково, все «на одно лицо». Имя Газолина звучит по-китайски следующим образом: Ган-Дза-лину. Семантика имен китайцев не восходит к их настоящим именам в Китае. Можно предположить, что это пародийная интерпретация, которая используется писателем для создания в пьесе соответствующего колорита.

В образах китайцев можно выделить и библейские, и мифологические мотивы. С образом Херувима связывается представление о небесных ангелах, имя Газолина отсылает читателя к лексеме «газ». Важно, что раньше газ в форме бензина использовался для освещения темных улиц, тем самым символизируя свет. Очевидно, образы Херувима и Газолина воплощают собой возможный «свет» для жителей «Зойкиной квартиры». С их помощью М. А. Булгаков пытается вернуть жителей «дома свиданий» к свету, на уровне контекста вплетая библейскую цитату «Бог есть свет». По мнению известного китайского исследователя Ли Сын Ок, в пьесе «Зойкина квартира» М. А. Булгакова центральный образ «дома свиданий» выступает в качестве «антидома», неспособного взрастить настоящие человеческие ценности. Поэтому образы Херувима и Газолина выступают здесь на уровне мифологическо-библейского дискурса в качестве представителей «анти-Иерусалима» [\[13, с. 215\]](#).

Противостояние этих героев дает возможность выделить в характере китайцев многочисленные особенности, которые отличают их от русских людей. Например, М. А. Булгаков вводит мотив «вызов-поединок», позволяющий показать читателю, что для китайцев принципиально важным является продемонстрировать свою силу и достичь реального результата. При этом китайцу в концепции пьесы «Зойкина квартира» важно не замарать свою честь: ему легче умереть, чем показать свою слабость. Это выражается с помощью образа Херувима, который произносит следующую фразу: «Я тебе на волотах повесусь!» [\[14, с. 59\]](#). Приёмом иллюстрации акцента автор достигает того, что это высказывание может восприниматься читателем двояко, с совершенно разными значениями: «Я у тебя на воротах повешусь»; «Я тебя на воротах повешу». Оба варианта смысла демонстрируют, что Херувим готов на жертву с целью достижения своей цели и защиты собственной чести.

Херувим идет на любые авантюры для того, чтобы достичь расположения Манюшки. Герой обкрадывает хозяйку и навсегда покидает так называемую «Зойкину квартиру». Херувим забирает вместе с собой на Родину Манюшку, тем самым побеждая в мотиве «вызов-поединок» своего соперника Газолина: «Мы с тобой дело имеем Санхай. Опиум торговать будем. Весело. Ты будешь родить ребенки китайски мало-мало, много ребенки, сесть, восемь, десять» [\[14, с. 56\]](#).

Интересным является то, что М. А. Булгаков использует для наименования китайца не его исходное азиатское имя, а прозвище Херувим, которое создает семантическое указание на ангельские черты внешности героя. Писатель употреблением прозвища данного прозвища подчеркивает двойственность натуры героя: его внешность действительно воплощает в себе ангельские черты, благодаря которым именно этому герою и отдает предпочтение Манюшка, но поведение персонажа не является примерным и ангельским.

В контексте пьесы «Зойкина квартира» образы китайцев имеют черты мошенников и авантюристов, которые готовы на все ради достижения своих целей и для собственного благополучия. Таким способом М. А. Булгаков играет с художественной антитезой, вводя в текст мотив кривого зеркала: так называемый Херувим представляет собой совершенную противоположность ангелу. Прием кривого зеркала проявляется и на уровне лексических средств, реализующих образ Херувима. В обращении к герою употребляется искаженное идиоматическое выражение «*ну тебя к богу*», которое используется в противовес привычному для русского человека высказыванию «*ну тебя к черту*» [14, с. 79]. Как видим, в образе Херувима осуществляется прием карнавального развенчивания ангельского подтекста персонажа: имя героя воспринимается гротескно и парадоксально на основании анализа читателем его поведения.

По нашему мнению, немаловажной чертой образа Херувима в пьесе «Зойкина квартира» является также то, что герою удастся привести в движение всех окружающих, всех обитателей новой «советской квартиры». Херувим поставляет в квартиру Зою Пельц морфий, тем самым влияя не только на быт жителей квартиры, но и в целом на их жизнь. Например, Обольянинов и Аметистов проникают к Херувиму уважением в силу того, что он дает им возможность достать морфий. Об отношении Обольянинова к китайцу можно судить по его репликам: «*Обратите, Зоя, внимание, как он улыбается! Совершенный херувим! Талантливый китаец!..*» [14, с. 87]. Так М. А. Булгаков подчеркивает, что в образе Херувима присутствует черта постоянного движения, способного привести в действие и окружающих. Естественно, авантюрист Херувим не является примером праведности действий, но при этом его положительным качеством стало то, что он находится в постоянном поиске и в процессе достижения собственных целей.

Примечательно, что вся жизнь в доме Зои Пельц выстраивается по специфическим законам бытия, которые неподвластны логическому объяснению обывателей. М. А. Булгакову удастся создать своего рода мифологическое пространство, в котором переплетаются различные пласты бытия: в сюжете пьесы синтезируется представление о реальности посредством изображения ирреальных сущностей, лишенных морально-нравственных категорий.

Через это кривое зеркало ставится под сомнение и представление о реальности китайского происхождения Херувима и Газолина. Например, Херувим, который вооружается ножом с целью «резать» своего соперника, становится похожим скорее на типичного русского разбойника, чем на стереотипного китайца. Интересной деталью является также и то, что между собой оба китайца разговаривают на ломаном русском языке, что также ставит под сомнение происхождение героев.

В фантасмагорическом мире «антидома» все становится ирреальным, в том числе и жизнь китайцев, введенных в сюжет пьесы. Можно отметить, что на уровне семиотики образов Херувима и Газолина нельзя выработать единого ракурса понимания этих героев. Они, с одной стороны, воспринимаются как спасительные силы для каких-то

действующих лиц пьесы, а с другой стороны, обладают чертами убийц и авантюристов. Происходит концептуальное слияние высокого и низкого, нравственного и противоправного.

Образы китайцев приобретают в произведении М. А. Булгакова не только оригинальную смысловую форму, но и функциональное своеобразие, выраженное в том, что персонажи Херувим и Газолин дополняют общую картину жизни в «Зойкиной квартире». Всех героев пьесы, в том числе и китайцев, можно охарактеризовать рядом концептуальных категорий, среди которых отмечаются следующие:

1. Иллюзорность внутреннего мира.
2. Пограничность действий и поведенческих мотивов.
3. Неустойчивость положений [\[10, с. 71\]](#).

Для всех героев произведения в той или иной степени характерна калейдоскопичность, выраженная в том, что поведение персонажей не может зафиксироваться в каком-либо одном состоянии, перетекает из одного положения в последующее. «Китайская» тема воспринимается читателем как художественная случайность, стилистический элемент экзотики и культурной эклектики. Первоначальная концентрация внимания на второстепенном парадоксальном элементе обуславливает его вовлечение в смысловое пространство произведения в качестве центрального компонента и приводит к пониманию целостности художественного замысла М. А. Булгакова.

Заключение

Образы китайцев в дискурсивной репрезентации пьесы «Зойкина квартира» М. А. Булгакова воплощаются посредством целого спектра культурных и исторических мотивов. Для писателя изображаемые китайцы являются, прежде всего, людьми, которые по воле случая попали в революционную Россию, пытаются заработать на хлеб на советской земле, при этом не всегда придерживаясь исключительно честных способов. Херувим и Газолин мечтают вернуться на Родину, но выбирают неправильный путь для достижения этой цели. На наш взгляд, в пьесе отражается своеобразное эстетическое отношение автора к героям-китайцам. Для автора все китайцы, ставшие красноармейцами или играющие иные роли в революционной и послереволюционной России, воспринимаются как похожие и изображаются с большей долей сарказма и иронии. М. А. Булгаков пытается понять исходные мотивы тех иностранцев, которые оказались в революционной России: он не приписывает им праведности, наоборот, относится к их поступкам и к их жизни в России скептически. Цао Сюэмэй в современном исследовании, посвященном «китайским» мотивам в произведениях русской литературы 1920-х гг., высказывает мысль по поводу «восточных» корней революции [\[8, с. 125\]](#). Согласно данной концепции, именно этим объясняется следствие революции – нашествие в Россию «варварских масс» искателей счастья из других стран, среди которых были и китайские «бессознательные революционеры», образы которых представлены и в творчестве М. А. Булгакова, в частности, в пьесе «Зойкина квартира».

Таким образом, дискурсивный контекст рассмотрения образов китайцев в пьесе М. А. Булгакова проявляется в смешении русско-китайского колорита, а также исторического и социального материала того времени, когда создавалось произведение писателя. При этом введение в сюжет пьесы образов китайцев является не случайным, а выражает связь культур, а также представление самого писателя об азиатском колорите на

примере Китая. Образы китайцев позволяют автору изобразить в пьесе сложную связь трагического и комического. Рассматриваемые персонажи также играют важную сюжетобразующую роль, участвуя в создании единого хронотопа, целостно показывающего жизнь обитателей «Зойкиной квартиры».

Библиография

1. Иваньшина Е. А. Как устроена «Зойкина квартира» // М. А. Булгаков: Pro et contra, антология: Личность и творчество М. А. Булгакова в оценках литературоведов, критиков, философов, социологов, искусствоведов / Составитель О. В. Богданова. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2019. С. 599–612.
2. Киселёва А. А. Трагический фарс М. А. Булгакова «Зойкина квартира», или Ирония как способ выживания // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2021. № 1. С. 91–100. DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_08.
3. Лян В. Оппозиция «дом – мир» в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег») // Неофилология. 2020. Т. 6. № 24. С. 783–793. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-24-783-793.
4. Белогурова Е. В. Комедийно-сатирическая версия «Квартирного вопроса» в творчестве М. Булгакова: «Зойкина квартира» // Филология и человек. 2014. № 1. С. 164–170.
5. Редькин С. В. Метонимия как способ организации сюжета и языкового пространства в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве: сборник научных статей / Отв. редактор В. В. Никульцева. М.: Московский финансово-юридический университет, 2021. С. 465–472.
6. Казьмина О. А. «Китайский ангел» или «чёрт знает что такое» (образы китайцев в произведениях М. А. Булгакова «Китайская история» и «Зойкина квартира») // Поэтика художественного текста: материалы IV международной научной конференции / под ред. М. Н. Капрусовой, С. Ю. Толоконниковой. Борисоглебск: Кристина и К, 2015. С. 117–125.
7. Яо Ч. Образы Китая и китайцев в рассказе «Китайская история» М. А. Булгакова // Апробация. 2017. № 1 (52). С. 179.
8. Цао Сюэмэй. Мотив чертовщины в рассказе Михаила Булгакова «Китайская история» // Русская революция в зеркале литературы и культуры: сборник статей и материалов Межвузовской научной конференции. М.: Древлехранилище, 2018. С. 122–128.
9. Урюпин И. С. Воплощение национально-культурного архетипа самозванца в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 3. С. 15–24.
10. Гилева Е. В., Южаков П. В. «Китайская» тема в пьесе М. А. Булгакова «Зойкина квартира» // Театр и драма: эстетический опыт эпохи: материалы всероссийской научно-практической конференции. Вып. 9. Новосибирск: НГТИ, 2022. С. 70–80.
11. Урюпин И. С. «Китайская» тема в творчестве М. А. Булгакова: к вопросу об инокультурной стихии в русской литературе 1920-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2011. № 5. С. 132–135.
12. Крылова М. Н. Символика Китая в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 227–235.
13. Ли Сын Ок. Мотив «дом – антидом» в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» //

Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена.
2008. № 37 (80). С. 214–219.

14. Булгаков М. А. Зойкина квартира: пьесы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 283 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст направлен на анализ проблемы дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе М.А. Булгакова «Зойкина картина». Выбранная для оценки проблема довольно интересна, занимательна, так как «указанный ориентир» действительно фактурно представлен в пьесе М. Булгакова. Автор отмечает, что «для русской культуры образ Китая представляет собой в целом трансляцию азиатского типа миропонимания. Китай в русском художественном тексте обычно выступает «символом экзотики, необычного, замысловатого, таинственного и потому манящего». В центре сюжета пьесы «Зойкина квартира» находится изображение послереволюционной Москвы, еще не обустроенной и мятежной. Образы китайцев тоже имеют у М. А. Булгакова оттенок революционности». Стоит согласиться с данным тезисом, признать его как инвариантный и нуждающимся в полновесной разверстке. Жанр данной статьи полновесно реализован, ибо номинации, да и содержательный пласт выдержаны в строгом соответствии с указанным грейдом. Методология работы актуальна, достаточно нова: считаю, что типология репрезентаций, которая обозначена в работе достаточно убедительна: «В образах китайцев можно выделить и библейские, и мифологические мотивы. С образом Херувима связывается представление о небесных ангелах, имя Газолина отсылает читателя к лексеме «газ». Важно, что раньше газ в форме бензина использовался для освещения темных улиц, тем самым символизируя свет. Очевидно, образы Херувима и Газолина воплощают собой возможный «свет» для жителей «Зойкиной квартиры». С их помощью М. А. Булгаков пытается вернуть жителей «дома свиданий» к свету, на уровне контекста вплетая библейскую цитату «Бог есть свет». По мнению известного китайского исследователя Ли Сын Ок, в пьесе «Зойкина квартира» М. А. Булгакова центральный образ «дома свиданий» выступает в качестве «антидома», неспособного взрастить настоящие человеческие ценности. Поэтому образы Херувима и Газолина выступают здесь на уровне мифологическо-библейского дискурса в качестве представителей «анти-Иерусалима». Текст плотен информационно, магистраль решения задачи выдержана, тема в принципе раскрыта. Работа имеет практический характер, в ней претворена / манифестирована иная (м.б. не высказанная буквально до этого) сторона пьесы М.А. Булгакова «Зойкина картина». Суждения по ходу исследования выверены, объективны: «Интересным является то, что М. А. Булгаков использует для наименования китайца не его исходное азиатское имя, а прозвище Херувим, которое создает семантическое указание на ангельские черты внешности героя. Писатель употреблением прозвища данного прозвища подчеркивает двойственность натуры героя: его внешность действительно воплощает в себе ангельские черты, благодаря которым именно этому герою и отдает предпочтение Манюшка, но поведение персонажа не является примерным и ангельским», или «По нашему мнению, немаловажной чертой образа Херувима в пьесе «Зойкина квартира» является также то, что герою удается привести в движение всех окружающих, всех обитателей новой «советской квартиры». Херувим поставляет в квартиру Зою Пельц морфий, тем самым влияя не только на быт жителей квартиры, но и в целом на их жизнь. Например, Обольянинов и Аметистов проникаются к Херувиму уважением в силу того, что он дает им возможность достать

морфий. Об отношении Обольянинова к китайцу можно судить по его репликам: «Обратите, Зоя, внимание, как он улыбается! Совершенный херувим! Талантливый китаец!..» и т.д. Материал формирует некий импульс для нового / транспарентного исследования текста М.А. Булгакова, а это и есть некая новация. Считаю, что серьезная права текста излишня, фактические номинации выверены: «В фантазмагорическом мире «антидома» все становится ирреальным, в том числе и жизнь китайцев, введенных в сюжет пьесы. Можно отметить, что на уровне семиотики образов Херувима и Газолина нельзя выработать единого ракурса понимания этих героев. Они, с одной стороны, воспринимаются как спасительные силы для каких-то действующих лиц пьесы, а с другой стороны, обладают чертами убийц и авантюристов. Происходит концептуальное слияние высокого и низкого, нравственного и противоправного». Структура текста традиционна, соразмерны, на мой взгляд, т.н. смысловые блоки, хотя формально они и не размечены. В предварительном «итоге» автор тезисует: «для всех героев произведения в той или иной степени характерна калейдоскопичность, выраженная в том, что поведение персонажей не может зафиксироваться в каком-либо одном состоянии, перетекает из одного положения в последующее. «Китайская» тема воспринимается читателем как художественная случайность, стилистический элемент экзотики и культурной эклектики. Первоначальная концентрация внимания на второстепенном парадоксальном элементе обуславливает его вовлечение в смысловое пространство произведения в качестве центрального компонента и приводит к пониманию целостности художественного замысла М. А. Булгакова». Финал созвучен всему текстовому полотну, разночтений в данном блоке нет: «дискурсивный контекст рассмотрения образов китайцев в пьесе М. А. Булгакова проявляется в смешении русско-китайского колорита, а также исторического и социального материала того времени, когда создавалось произведение писателя. При этом введение в сюжет пьесы образов китайцев является не случайным, а выражает связь культур, а также представление самого писателя об азиатском колорите на примере Китая. Образы китайцев позволяют автору изобразить в пьесе сложную связь трагического и комического. Рассматриваемые персонажи также играют важную сюжетобразующую роль, участвуя в создании единого хронотопа, целостно показывающего жизнь обитателей «Зойкиной квартиры». Основные требования издания учтены, список источников достаточен; эффект диалога с оппонентами сформирован. Рекомендую статью «Особенности дискурсивной репрезентации образов китайцев в пьесе «Зойкина квартира» М.А. Булгакова» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Баранова Е.А., Новоселова Г.Г. Особенности перехода российской региональной прессы в цифру // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69280 EDN: CBLGCI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69280

Особенности перехода российской региональной прессы в цифру

Баранова Екатерина Андреевна

ORCID: 0000-0003-1794-9936

доктор филологических наук

профессор, кафедра коммуникационного менеджмента и управления отношениями, РГСУ

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

✉ kat-journ@yandex.ru

Новоселова Галина Германовна

ORCID: 0009-0009-5032-5026

пресс-секретарь, ФГКУ "Росгеолэкспертиза" аспирант кафедры массовых коммуникаций
Филологического факультета РУДН

115184, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 34

✉ novoselovagalina@inbox.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69280

EDN:

CBLGCI

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2023

Аннотация: Региональная пресса играет важную роль в формировании городского медиапространства. Она является не только эффективным каналом связи, но и важным социальным институтом. В статье рассматриваются особенности адаптации российской региональной прессы к меняющимся условиям цифровой среды. Несмотря на небольшой рост тиражей и аудитории печатных СМИ, российская региональная печать продолжает испытывать ряд трудностей, связанных с недостатком финансирования, влиянием со

стороны властных структур, выполнением государственных заданий, старением аудитории, публикацией новостей в печатных версиях с большой задержкой. Издания стараются адаптироваться к меняющимся условиям, ищут новые способы не только заработка, но и привлечения аудитории. Некоторые сайты представляют собой либо копию печатной версии, либо обновляются довольно редко. Тем не менее цифровизация не означает смерть российской региональной печати. В основу исследования легли интервью, проведенные авторами в 2021-2023 г.г. с руководителями российских региональных газет. Редакторам задавались вопросы, связанные с существованием прессы в условиях медиаконвергенции, особенностями редакционной политики изданий. Авторы также проводили контент-анализ материалов, размещенных на интернет-сайтах газет, их страницах в социальных сетях и мессенджерах. В статье впервые разбираются успешные кейсы региональных газет и журналов, которые могут служить примерами для других российских изданий. Для привлечения максимально широкого числа подписчиков и в целом активных потребителей информационных продуктов контент региональных СМИ должен быть эксклюзивным, оперативным, достоверным, диалогичным (предоставление разных точек зрения), а также мультимедийным. К сожалению, не всегда интернет-ресурсы российских региональных печатных медиа соответствуют этим критериям. Цифровизация не означает смерть для традиционных медиа, это, скорее, новая возможность для завоевания «территорий», привлечения аудитории, реализации новых задач. Однако развитие местных изданий тормозится из-за политики властных структур, которые оказывают давление на редакции. Чиновники не понимают специфику журналистской работы. Лишь некоторым региональным изданиям удастся справиться с существующими проблемами, найти источники финансирования и привлечь новую аудиторию. Среди таких изданий можно выделить зеленоградскую «Волну», «Калужские губернские ведомости», газеты «Курская правда» и «Люберецкая панорама».

Ключевые слова:

Региональная журналистика, Муниципальная пресса, Региональные газеты, Региональные журналы, Власть и СМИ, Интернет-версии СМИ, СМИ и telegram-каналы, Социальные сети, Медиаконвергенция, Цифровизация

По данным Ассоциации коммуникационных агентств России, в 2022 году объем сегмента «пресса» сократился на 13% [АКАР: Рынок печатных СМИ сократился на 13%. Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/akar-57203.html>]. Подобный спад наблюдается из-за сокращения категории «ежемесячные журналы». Тем не менее продажи ежедневных периодических изданий выросли на 1% у журналов и на 4% у газет.

В 2022 году количество зарегистрированных СМИ в России продолжило сокращаться. Как и в предыдущие пять лет происходило укрупнение издательств и агентств. 62% зарегистрированных СМИ приходится на печатные СМИ. Тем не менее, по данным Роскомнадзора, темпы сокращения количества изданий стали ниже [Мониторинг состояния рынка печатных СМИ и полиграфии. 2022 г. Режим доступа: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/8016/Prezentaciya-monitoring-pechatnih-SMI-i-poligrafii>].

Если рассматривать структуру зарегистрированных в России печатных изданий в 2021 году, то 52% приходилось на газеты. Наибольшее количество зарегистрированных в Российской книжной палате газет относится к городским – 29,6%. Вторая категория по количеству наименований – районные газеты – 29,1% [Мониторинг состояния рынка печатных СМИ и полиграфии. 2022 г. Режим доступа: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/8016/Prezentaciya-monitoring-pechatnih-SMI-i-poligrafii>].

<https://www.mos.ru/upload/documents/files/8016/Prezentaciya monitoring pechatnih SMI i poligr>

Несмотря на активное развитие технологий, социальных сетей и мессенджеров, интерес к печатным СМИ остается высоким. Хотя на протяжении почти 20 лет тиражи европейских и американских газет неуклонно снижаются [17, с. 5], по итогу 2022 года в России не только вырос индекс доверия к прессе, но и был замечен рост аудитории сразу в нескольких сегментах. Так, средняя аудитория одного номера ежедневной газеты выросла на 6%, а ежемесячных журналов – на 15% [Интерес молодой аудитории к печатным изданиям вырос в 2022 году. Режим доступа: https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id10317]. Следует отметить, что во время экономических кризисов, информационных и идеологических войн, а также вооруженных конфликтов, степень доверия к печатным СМИ обычно возрастает.

Несмотря на то, что тираж и аудитория изданий немного выросли, печатным СМИ, особенно региональным российским изданиям, все сложнее адаптироваться к условиям цифровой среды. Многие региональные газеты испытывают трудности с переходом на цифровые площадки. Сегодня сайты многих газет – это либо копия печатной версии («Наша газета», г. Екатеринбург), либо редко обновляющийся информационный ресурс («Малоярославецкий край», г. Малоярославец, Калужская область). Лишь редкие региональные медиа смогли адаптироваться к существованию в условиях интернет-среды. Этот опыт можно считать уникальным.

К тому же в российских регионах бумажный носитель все еще ценится больше электронного, доминирует подход print first, а не digital first [8, с. 44]. Во многих европейских странах, например, в Великобритании электронную версию газеты считают основной, а печатную – дополнительной. Этот подход также называют Web first («Сначала – Интернет») [11, с. 197].

Классический пример, который может проиллюстрировать выше сказанное, – сайт издания «Наша газета» (г. Екатеринбург). Ресурс был запущен в 2004 году и на протяжении 8 лет был полной копией газеты. Только в конце 2012 года журналисты начали создавать отдельный контент для сайта, привлекать газетчиков для создания оригинальных материалов [4, с. 80].

При этом довольно часто именно местные печатные СМИ остаются почти единственным ресурсом, который обеспечивает жителей информацией о локальных событиях и решениях властей [10, с. 184].

В этой статье на примере нескольких газет из разных регионов России мы рассмотрим, как местная пресса справляется с вызовами цифровизации.

Материал и методы исследования

В основу исследования легли интервью, проведенные авторами в течение 2021–2023 годов с руководителями российских региональных газет. Редакторам были заданы вопросы, связанные с существованием прессы в условиях конвергентной среды, особенностями редакционной политики изданий.

При проведении исследования авторы также анализировали интернет-сайты газет, их страницы в социальных сетях и мессенджерах. Учитывалась частота обновления материала, оригинальность публикуемого контента, а также дизайн ресурсов.

Основные проблемы российской региональной прессы

Несмотря на то, что в начале XXI века наблюдалось укрепление позиций региональной журналистики [7, с. 5], региональные издания сталкиваются с большим количеством проблем. Одна из основных – нехватка финансирования. Доходы от рекламы составляют не более 30% от общего заработка [5, с. 36]. Тем не менее проблемы с финансированием зачастую рожают коллективы энтузиастов – журналистов, которые «горят» своим делом, полностью погружаются в профессию.

Как правило, на местах издания финансируются из городского или областного бюджета, поскольку многие газеты принадлежат властным структурам – городским администрациям и Городским думам. И, как правило, кто финансирует СМИ, тот и контролирует его контент-политику, формирует новостную повестку [15]. Это можно считать прямым давлением на региональную прессу со стороны государственного аппарата [2, с. 14], [13, с. 158].

Примером подобного влияния могут служить государственные задания, которые Правительство Московской области ежегодно утверждает для всех 60-ти муниципальных газет региона. По сути, это материалы, в которых описано то, как и в каком объеме редакции должны освещать реализацию на местном уровне федеральных и региональных программ. Госзадание включает отработку обязательных тем, упоминание в материалах конкретных должностных лиц и ведомств, создание определенных рубрик. Объем государственного задания рассчитывается по специальной формуле, в которой учитывается количество электората в городском округе, количество полос, периодичность выхода газеты т. д.

За выполнение госзадания редакции получают субсидию. «Серпуховские вести» (г. Серпухов, Московская область), например, в 2019 году получили финансовое обеспечение в размере 9,5 млн рублей [Отчет о расходовании бюджетных ассигнований на информационное обеспечение деятельности центрального исполнительного органа государственной власти Московской области и поддержку средств массовой информации на 31 декабря 2019 г.].

«Серпуховские вести» («СВ») и «Чехов сегодня» (г. Чехов, Московская область), как и все муниципальные издания Подмосковья, получают государственные задания. Редакции пытаются преподносить обязательные материалы интересно, так, чтобы они были привлекательны для аудитории. При этом областное руководство всегда следит за качеством и объемом выполнения государственных заданий. Учитывается охват населения Московской области периодической печатной продукцией, посвященной деятельности органов государственной власти региона, положению дел в Подмосковье, коэффициент охвата; количество экземпляров изданий; количество печатных страниц; объем тиража [Распоряжением ГУИП МО от 12.04.2017 № 38. Режим доступа: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=256395-0&req=doc&rnd=AA9DBEF2A355D3886A46AFBE2543EE07&base=MOB&n=259987&stat=srcfld%](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=256395-0&req=doc&rnd=AA9DBEF2A355D3886A46AFBE2543EE07&base=MOB&n=259987&stat=srcfld%9)

За невыполнение утвержденного Правительством Московской области государственного задания редакция издания может получить жесткий выговор, а журналисты – остаться без премий.

При подготовке текстов некоторые муниципальные издания переходят на уровень прессы и пост-релизов, который устраивает властные структуры. У журналистов не остается пространства для творчества. Чиновники не понимают, что в газете необходимо публиковать резонансные материалы, а не только тексты-отчеты о работе администрации.

Поэтому, одна из проблем региональных медиа – отсутствие эксклюзивности. Основой для материалов СМИ служат пресс-релизы и доклады сотрудников администраций. Количество авторских материалов порой сводится к минимуму, а о разнообразии контента и вовсе говорить не приходится. Публикация одинаковых материалов в региональных СМИ позволяет количественно, но не качественно повысить цитируемость пресс-служб региональных министерств и представителей профильных ведомств.

Аудитория региональных изданий стареет вместе с газетами. Согласно данным Mediascope, молодые люди в возрасте 16–24 лет мало интересуются газетами. Аудитория печатной прессы – это люди среднего и старшего возраста [Аудитория печатной прессы. Режим доступа: https://www.akarussia.ru/files/docs/pechatnaya_pressa_2023.pdf]. Если говорить про региональную прессу, то читают ее в основном люди старше 60 лет. Но эта возрастная группа не потребляет контент, который медиа размещают на интернет-платформах и сайтах.

Еще одна немаловажная проблема газет – публикация новостей в печатной версии с задержкой. Если издание выходит хотя бы два-три раза в неделю, то опоздание составляет в лучшем случае три дня. Когда газета выходит, событие уже перестает быть актуальным, даже если оно было актуально на момент сдачи номера в печать. Например, в апреле 2023 года в Подмосковье проходил месячник по благоустройству. Заключительные субботники в регионе состоялись 30 апреля, а материал об этом событии в печатной версии «Чехов сегодня» вышел только в номере за 5 мая [«Чехов сегодня». № 17 (2487) от 05.05.2023].

Переход региональных газет на интернет-платформы

Печатные СМИ теряют свою аудиторию. Связано это с тем, что современный человек все больше потребляет информацию на цифровых медиаплатформах [4, с. 43]. Развитие технологий заставляет газеты, в том числе региональные, искать все новые способы не только заработка, но и привлечения аудитории. Переход в онлайн – один из способов выжить.

Цифровая трансформация – не только неизбежный шаг для газет, но и тенденция XXI века. В России, как и в мире, меняются модели потребления контента аудиторией. Наблюдается преобладание визуального материала над текстовым, большую роль начинают играть лидеры мнения. В таких условиях редакциям в том числе региональных изданий, по мнению основателя интернет-журнала «Перспектив Мир» (г. Красноярск) Ильи Лабунского, нужно создавать бренд издания, максимально вовлекать своих подписчиков, создавать материалы, которые бы вызывали у читателей эмоции. Еще один важный фактор – издание должно понимать свою аудиторию и ее потребности [«ВСЯ РОССИЯ-2022». Цифровая трансформация региональных и муниципальных СМИ: особенности и перспективы в 2022 году. Режим доступа: <https://ruj.ru/news/vsya-rossiya-2022-tsifrovaya-transformatsiya-regionalnykh-i-munitsipalnykh-smi-osobennosti-i-perspektivy-v-2022-godu-18573>].

Для привлечения аудитории редакция «Гардиан» ('The Guardian', Великобритания) в 2014 году запустила программу Guardian Membership. По сути, это клуб сторонников издания, который предлагает три уровня членства: от бесплатного до платного (60 фунтов стерлингов в месяц). Guardian Membership дает читателям доступ к целому ряду рассылок, скидкам и регистрации на мероприятия, экскурсии в редакции и прочие привилегии [Guardian launches new three-tier membership scheme. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/2014/sep/10/guardian-membership-scheme-patrons->

kings-cross].

Швейцарская Stampen Media Group, в свою очередь, протестировала различные виды бизнес-моделей для цифровых платформ. Две принадлежащие ей ежедневные местные газеты «Новости Халланда» ('Hallands Nyheter', г. Фалькенберг, Швеция) и «Халландспостен» ('Hallandsposten', г. Хальмстад, Швеция) некоторое время для привлечения и удержания своей аудитории предлагали премиум-контент. В него входили преимущественно местные новости. Новое решение было запущено в 2013 году, на сайте изданий читатели могли выбирать, хотят ли они получать газету в печатном или цифровом формате. Также была возможность оформить подписку на оба формата.

Процессы цифровизации и конвергенции – новый этап в развитии СМИ. Медиа разных стран по-разному развивались в меняющихся условиях, этому способствовали разные факторы: особенности исторического развития территорий, степень проникновения Интернета, новые информационные технологии и пр. В России региональные СМИ зачастую стоят на первых этапах конвергенции. Наблюдается разрыв в освоении новых технологий между федеральными и местными медиа.

У российских федеральных и крупных зарубежных медиакомпаний сайты появились еще в 1990-е годы. В 1994–1997 годы были созданы интернет-ресурсы «Известий», «Независимой газеты», «Коммерсанта», «Гардиан» ('The Guardian'), «Телеграф» ('The Telegraph', Великобритания), «Нью-Йорк Таймс» ('The New-York Times', г. Нью-Йорк, США) и др. [\[4, с. 66\]](#).

Шведская компания Stampen Media Group, например, начала цифровой переход в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В 1995 году был запущен сайт gr.se, с тех пор значение цифровых каналов компании неуклонно росло. Рост использования мобильных телефонов ускорило переход компании к цифровым технологиям, теперь Stampen Media Group является лидером на швейцарском рынке мобильных технологий [\[17, с. 23\]](#).

Конечно, в любом правиле всегда есть исключения. Одно из них – российское федеральное издание «Совершенно секретно». Его сайт появился только в 2014-м. Собственники не понимали, что ресурс является, фактически, новым СМИ, и воспринимали интернет-версию как некое приложение к газете с лентой новостей. Все средства вкладывались в развитие газеты.

Собственные сайты у многих российских региональных российских газет появились только в 2010-е годы. У издания «Серпуховские вести», например, первый интернет-ресурс был запущен только в 2013 году.

Разработкой концепции дизайна издания «Серпуховские вести», созданием рубрик занимались сотрудники редакции. У журналистов была задача сохранить узнаваемость газеты через сайт. Именно поэтому внешний вид ресурса, его наполнение и рубрикация полностью соответствовали печатной версии.

Редакция газеты «Чехов сегодня» начала освоение интернет-технологий чуть раньше – в 2007 году. Именно тогда у издания появился первый сайт. Инициатором его создания была главный редактор газеты Татьяна Евдокимова.

Сайты для всех муниципальных газет Московской области по принципу «единого лица» были созданы в 2016 году после объявленного бывшем вице-губернатором Московской области Н.С. Виртуозовой реформирования муниципальных газет и порталов региона [Муниципальные интернет-порталы и газеты Московской области обновят к лету 2017

года у Виртузова. Режим доступа: <http://inpodolsk.ru/novosti/aktualno/municipalnye-internet-portaly-i-gazety-moskovskoy-oblasti-obnovyat-k-letu-2017-goda-virtuzova>]. Тогда Правительство региона провело большую реформу муниципальных СМИ, обновило их интернет-ресурсы. Адреса для всех газет также были выбраны типовые: inserpuhov.ru («Серпуховские вести»), involokolamsk.ru («Волоколамский край»), inshatura.ru («Большая Шатура»), inkrasnogorsk.ru («Красногорские вести») и т. д.

Разработкой шаблона занималась региональная компания – ГАУ МО «Агентство информационных систем общего пользования «Подмосковье» («АИС «Подмосковье»). Эта компания также разрабатывала интернет-портал Правительства Московской области, Управлений социальной защиты, порталы органов местного самоуправления, городские порталы РИАМО, ресурсы «Все о коронавирусе», «Лица Победы», «Зима в Подмосковье», «Лето в Подмосковье» и т. д.

Технической поддержкой и обслуживанием сайтов муниципальных газет Московской области в 2023 году занимается именно «АИС «Подмосковье». У редакций есть возможность только осуществлять деятельность по созданию контента для сайтов.

Одинаковые ресурсы для всех газет Подмосковья – серьезная проблема. Издания ничем друг от друга не отличаются, не могут разместить на ресурсах рекламу для дополнительного дохода. К тому же сервисы «Яндекса» распознают сайты как боты.

Тем не менее подобный опыт характерен только для Московской области. Некоторые издания, например, муниципальная общественно-политическая газета «Волна» (г. Зеленоградск, Калининградская область) создал привлекательный интерактивный сайт volnainews.ru. У издания хорошо структурированный интернет-ресурс, который содержит 8 рубрик, одна из которых является интерактивной. Среди необычных рубрик на сайте газеты – «История», где собраны архивные фотографии Зеленоградска, и «Путеводитель», в котором на карте указаны все достопримечательности города. Кстати, размещение на сайтах различных сервисов, например, афиши, расписания автобусов, медиагалереи, истории города и др. – один из способов продвижения ресурса в Интернете [\[6, с. 55\]](#).

Хотя сайт «Волны» не может конкурировать с крупными региональными интернет-ресурсами, издание набирает большое количество просмотров. В совокупности просмотры сопоставимы с тиражами печатной газеты. Редакция понимает, что через некоторое время тираж печатной версии уменьшится, поэтому уже сейчас издание развивает собственный онлайн-ресурс.

Контент-политика региональных СМИ

Официальный сайт (или страница на сайте партнера, которым может стать местное отделение Союза журналистов или муниципалитет) считается одной из первичных форм присутствия издания в Интернете [\[3, с. 6\]](#).

Если говорить про сайты газет Московской области, то они не являются полной копией газет. Редакции создают и размещают на ресурсе до 25 новостей о деятельности городских администраций, Советов депутатов, муниципальных и профильных учреждений.

Оригинальный контент на сайтах подмосковных СМИ – порядка 80–90%. Издания не дублируют на интернет-площадках все материалы, поскольку газетный формат сильно отличается от формата онлайн. На бумаге публикуются большие по объему тексты (от

половины до одной полосы). Только некоторые тексты из газет появляются на сайтах. «Серпуховские вести» и «Чехов сегодня», например, дублируют в Интернете материалы из рубрик «Люди округа» (об интересных людях округа) и «Ретро истории».

Согласно исследованию теоретиков кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, подавляющее большинство журналистов региональных СМИ заняты подготовкой публикаций именно для сайта [\[8, с. 44\]](#). При этом в работу над интернет-ресурсом вовлечены сотрудники всех возрастов, не только молодежь.

В Подмосковной прессе контент для интернет-ресурсов, как правило, создают все журналисты: в редакциях нет разделения на газетчиков и корреспондентов сайтов. Все продукты изданий (газета, сайта, социальные сети) – результат коллективной работы редакции.

Размещением материалов на интернет-ресурсах в каждой газете Подмосковья занимается собственный редактор сайта. Он публикует тексты, отслеживает просмотры и посещаемость ресурса, ведет статистику. При этом редактор сайта не занимается подготовкой и написанием текстов: у него не остается на это времени. Часть функционала сайта редакции недоступна. Если поставленную главным редактором задачу редактор сайта самостоятельно выполнить не может, то он делает запрос в техническую службу и вопрос решается через техническую поддержку сайта.

Тематика материалов, размещенных в различных рубриках сайтов, связана с жизнью городов. Журналисты пишут на тему культуры, безопасности, образования и ЖКХ. Проведя контент-анализ материалов, опубликованных на сайте газеты «Серпуховские вести», мы пришли к выводу, что большинство материалов представляют собой новости, объем некоторых из них не превышает одного-двух абзацев. На сайте отсутствуют репортажи и интервью.

Отдельные блоки под названием «Новости Подмосковья» размещены на главных страницах всех муниципальных газет региона. В этой рубрике публикуются новости Московской области. Наполнением раздела занимаются специалисты ГАУ МО «Редакционно-информационный центр Московской области» (РИЦ МО).

«Малоярославецкий край» (г. Малоярославец, Калужская область) испытывает трудности с ведением собственного сайта. Действующий ресурс был запущен в 2019 году. Его наполнением занимается менеджер по рекламе. Изданию не хватает средств, которые выделяет Городская Дума, поэтому ресурс не развивается. Редакция «Малоярославецкого края» не дублирует материалы из печатной версии на интернет-сайт.

Мультимедийная составляющая на сайтах многих региональных СМИ выражена слабо. Как правило, материалы сопровождаются фотографией, а также тематической ссылкой на региональные правительственные порталы, например, mosreg.ru.

Помимо новостей и других материалов региональные газеты и журналы иногда размещают на сайте архивы печатных выпусков. На интернет-ресурсах муниципальных газет Московской области можно найти все номера изданий. Доступ к ним абсолютно бесплатный, поскольку они распространяются бесплатно. Платное распространение региональных газет, подчиняющихся Правительству Московской области, было отменено в 2019 году. За бесплатное распространение печатных версий всем изданиям начисляется определенная сумма, которая прописана в государственном задании.

Найти архив можно и на сайте газеты «Калужские губернские ведомости» (г. Калуга, Калужская область). А вот принадлежащее Городской Думе издание «Малоярославецкий край» не публикует в открытом доступе PDF-версии. Печатная газета распространяется по подписке и в розницу.

Развитие социальных сетей

Официальные сайты – не единственная платформа, с помощью которой региональные издания могут выходить в Интернет. Издания также используют группы и публичные страницы в социальных сетях, каналы в мессенджерах [3, с. 6]. Ресурсы предлагают готовые платформы и таким образом упрощают выход в глобальную сеть.

Одной из ключевых тенденций в журналистике – освоение пространства социальных медиа [16, с. 107]. Однако если федеральные СМИ начали осваивать соцсети еще в 2010-е годы, то региональные средства массовой информации порой только ищут возможные способы продвижения на платформах. Региональная пресса еще не научилась выстраивать грамотную контент-политику в Интернете. Сегодня практически у всех местных изданий есть собственные сайты и группы в социальных сетях, но они не интересны аудитории, не приносят дополнительную прибыль и не обладают разнообразным завлекательным контентом.

«Калужские губернские ведомости» активно ведут социальные сети. Аудитория периодического издания с каждым годом становится все обширнее. В 2023 году газета активно развивает группу в VK и канал в Telegram, где размещает преимущественно новостной контент. Самые теплые отношения с читателями, по мнению редакции, сложились в группе в ОК. «Калужские губернские ведомости» собрали в «Одноклассниках» довольно активную и лояльную аудиторию там, кстати, проходят различные розыгрыши.

В Московском регионе муниципальные газеты также занимаются развитием социальных платформ. По мнению руководства региона, современное издание не может жить без Интернета, поэтому подмосковные редакции создали аккаунты в социальных сетях. На данный момент насчитывается более 300 страниц [Виртуозова поблагодарила журналистов муниципальных газет Московской области за хорошую работу. Режим доступа: <https://bbnews.ru/virtuozova-poblagodarila-zhurnalistov-munitsipalnyih-gazet-moskovskoy-oblasti-za-horoshuyu-rabotu>].

В 2023 году у подмосковных СМИ есть страницы во всех социальных сетях. Как правило, самыми активными являются группы в VK и каналы в Telegram. Группы в ОК набирают подписчиков не так быстро. Главный редактор «Серпуховских вестей» Анастасия Даньшина считает, что медленный прирост аудитории в «Одноклассниках» связан с тем, что эта соцсеть не является новостным ресурсом и больше предназначена для публикации развлекательного контента и общения.

К слову, «Серпуховские вести», как и многие другие региональные медиа, используют группы в качестве доски объявлений для своих материалов. Редакция не обращает внимание на формат площадок. Специалисты отмечают [Как СМИ работать с соцсетями. Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/v-chem-uspekh-lenty-ru-ili-smm-instrumenty-dlya-smi-11277.html>], что для различных социальных сетей необходима своя манера подачи материала.

А вот контент для разных интернет-площадок издания готовят по-разному. «Серпуховские вести» дублируют тексты в разных соцсетях. Редакция старается готовить

универсальную новость, которая бы подходила для всех площадок. «Чехов сегодня», наоборот, для каждой социальной сети создается уникальный контент. Дублируются тексты только в VK и Одноклассниках.

В новостном формате газеты перестают быть актуальными, пальму первенства по доставке новостей до конечного потребителя забирают уже не только новостные сайты, но и различные Telegram-каналы. Мессенджер активно растет и на медиарынках зарубежных стран, становясь альтернативой для ряда других платформ [\[18, с. 11\]](#).

Каналы в мессенджерах у всех муниципальных изданий Московской области были созданы в 2021 году [Виртуозова поблагодарила журналистов муниципальных газет Московской области за хорошую работу. Режим доступа: <https://bbnews.ru/virtuozova-poblagodarila-zhurnalistov-munitsipalnyih-gazet-moskovskoy-oblasti-za-horoshuyu-rabotu>]. Тогда журналисты занимались Telegram-каналами по остаточному принципу, но уже в 2022 году мессенджер стала одной из главных площадок для распространения информации.

У каждой муниципальной газет Московской области своя концепция развития платформы. «Серпуховские вести», например, выкладывают до 20 постов. Публикуемые на платформе материалы дублируются в том числе в Одноклассниках и в VK. «Чехов сегодня» создает тексты для Telegram отдельно. В редакции существует политика: не публиковать фото отдельно от текста, поэтому количество знаков ограничено – всего 1000. Канал в Telegram считается в редакции чеховской газеты самой перспективной соцсетью. Особенно он может помочь изданию привлечь молодежную аудиторию. Сотрудники ведут канал по принципу «быстро, сейчас, сплошной лентой» и публикуют 15–20 новостей в день. В День Победы, 9 мая 2022 года, например, журналисты разместили сразу 40 постов с места события.

В «Чехов сегодня» каждая соцсеть закреплена за определенным сотрудником, который самостоятельно адаптирует тексты под свою платформу. «Задача того, кто ведет конкретную соцсеть – взять исходный контент и адаптировать его под свою платформу» – отметила заместитель главного редактора издания Юлия Григорьева.

По этой причине тексты на онлайн-платформах сильно отличаются от текстов на сайте. Если интернет-ресурс inchehov.ru требует более официального подхода при написании текстов (заголовки, лид, тело новости, бэкграунд), то в социальных сетях редакция не выстраивает привычный для журналистских текстов перевернутый треугольник. В Telegram-канал, например, используется игривая форма подачи информации, специалисты газеты задают читателям вопросы, публикуют опросы.

Социальные сети стали для «Чехов сегодня» не только площадкой для публикации контента, но и местом для взаимодействия с читателями. Многие подписчики присылают в личные сообщения групп информационные поводы. Конечно, сообщения приходят не каждый день, редакция получает в неделю до шести инфоповодов.

Однако не все российские региональные газеты работают по такому принципу. В газете «Малоярославецкий край», например, нет специального человека, который бы занимался только наполнением и развитием групп в VK и Telegram. Эту работу за небольшую дополнительную плату делает редакционный менеджер по рекламе. Сотрудница адаптирует газетные материалы под указанные площадки.

Каналы на YouTube и RuTube – нетипичное явление для газет, особенно региональных. Некоторые издания, например, «Серпуховские вести» только задумываются о создании

страниц на упомянутых ресурсах. Редакция пока не сформировала представления о том, как «СВ» может размещаться на платформах. Одна из идей – набрать для начала достаточное количество видеоматериала и сразу выложить его на канал.

Сотрудники газеты «Чехов сегодня», напротив, активно развивают сообщества в YouTube и RuTube, размещают в будни по одному-двум видео на каналах. Обычно это короткие ролики продолжительностью не более пяти минут. Тем не менее изредка можно увидеть на каналах более продолжительные видео – до 15 минут. Среди публикуемых видео – репортажные зарисовки с городских мероприятий, интервью и даже полноценные сюжеты с закадровым голосом.

В редакции чеховского издания есть оператор, который занимается съемкой контента, монтажом занимаются два сотрудника. Каждый корреспондент может не только написать текст, но и сделать фотографии, отснять и смонтировать короткий ролик.

«SCAPP»: нетипичный пример развития регионального журнала

Рассмотренные выше примеры российской региональной печати говорят о том, что сайты изданий появились довольно поздно, а некоторые из них сегодня или редко обновляются, или являются копией печатных версий. Если издание финансируется муниципальными или региональными властными структурами, то к редакциям предъявляется ряд требований, которые они обязаны учитывать при подготовке материалов.

Тем не менее есть и нетипичные примеры развития российской региональной прессы. На наш взгляд один из них – частный сочинский журнал SCAPP (г. Сочи, Краснодарский край). В 2012 году в Сочи появилась небольшая афиша, в которой были собраны интересные события из жизни города. Через год, в 2013-м, было создано приложение для смартфонов, которое стало предшественником сайта журнала. Интернет-ресурс «SCAPP» запустили в октябре 2013 года, а в декабре 2016-го в свет вышел первый номер печатного издания.

Сайт издания состоит из нескольких рубрик. Интерес привлекают «Новости», где журналисты рассказывают о наиболее значимых мероприятиях культурной и светской жизни города.

«SCAPP» старается внедрять передовые технологии. В 2021 году, например, редакция создала несколько обложек с дополненной реальностью. При наведении камеры смартфона на страницу она «оживала»: появлялось видео или 3D-объект.

Сочинский «SCAPP», в отличие от ряда упомянутых выше СМИ, активно занимается социальными сетями. Основной площадкой для журнала является VK. Журналисты планируют развивать Telegram-канал. Редакция хочет, чтобы в мессенджере контент заметно отличался от того, что размещается сейчас в других социальных сетях.

Поскольку журнал является частным, то он существует во многом на доходы от нативной рекламы, которая появляется во многих разделах и рубриках сайта. Большое количество рекламных интеграций у издания покупают курорты. Редакция также сотрудничает с местными ресторанами и отелями.

Сочинский «SCAPP» идет в ногу со временем, однако, как и большинство других периодических изданий в России, в том числе, независимых, испытывает проблемы с финансированием. Создатель проекта Роман Кузнецов пытается найти выход из данной ситуации и привлечь дополнительные средства. В скором времени журнал может ввести

платную подписку на печатную версию.

Выводы

Региональная пресса играет важную роль в формировании городского медиапространства [\[12, с. 4\]](#). Близость региональных СМИ к читателю – одна из главных особенностей. В этой связи местные медиа становятся причастны к жизни города [\[Абросимова, с. 13\]](#).

Региональные газеты жизненно важны для районов. Они являются не только эффективным каналом связи, но и важным социальным институтом [\[9, с. 40\]](#). Газета фактически формирует общественное мнение, является проводником официальной информации. По мнению Ассоциации общественного вещания Австралии (СВАА), потеря региональных газет приведет к тому, что важные проблемы на местах останутся незамеченными [\[20, с. 27\]](#).

Для привлечения максимально широкого числа подписчиков и в целом активных потребителей информационных продуктов контент региональных СМИ должен быть эксклюзивным, оперативным, достоверным, диалогичным (предоставление разных точек зрения), а также мультимедийным [\[19, с. 49\]](#).

К большому сожалению, не всегда интернет-ресурсы российских региональных печатных медиа соответствуют этим критериям. Издания испытывают трудности с переходом на онлайн-платформы. Тем не менее многие медиаменеджеры понимают, что Интернет не сможет полностью вытеснить рынок печатных СМИ (Смирнова Печатные, с. 30). Цифровизация не означает смерть для традиционных медиа, это скорее новая возможность для завоевания «территорий», привлечения аудитории, реализации новых задач.

Однако развитие местных изданий тормозится из-за политики властных структур, которые оказывают давление на редакции. Чиновники не понимают специфику журналистской работы. Про некоторые российские регионы уже сегодня можно сказать, что настоящей журналистики в них нет.

Лишь некоторым региональным изданиям удастся справиться с существующими проблемами, найти источники финансирования и привлечь новую аудиторию.

Работники зеленоградской «Волны» стремятся создавать интересный мультимедийный контент, добавляют интерактивность. «Калужские губернские ведомости» несмотря на полную зависимость от администрации региона, стараются разнообразить собственный контент, активно ведут социальные сети и затрагивают «наболевшие» темы жителей региона.

Еще один положительный пример мультимедийной редакции – газета «Курская правда» (г. Курск). В 2019 году в печатной версии издания появились QR-коды. Отсканировав их, читатели могут познакомиться с мультимедийным контентом: фоторепортажем, видео и т. д. [Официальный сайт Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Режим доступа: <https://arhive.fapmc.gov.ru/ros-pechat/activities/reports/2020/pechat3.html>].

«Люберецкая панорама» (г. Люберцы, Московская область) также активно развивается по пути медиаконвергенции. Наряду с шаблонным сайтом inlubertsy.ru издание развивает «Городской сайт ИнфоЛюберцы» (infolyubertsy.ru) и «Радио Люберецкого региона»

(radiolubreg.ru). Кстати, портал «ИнфоЛюберцы» считается одним из лидеров по формированию новостного потока о жизни г.о. Люберцы.

Несмотря на все трудности, которые сегодня испытывают российские региональные печатные СМИ, газеты еще на протяжении многих лет будут оставаться в регионах, зачастую, основным источником информации. По словам главного редактора «Серпуховских вестей» Анастасии Даншиной, «газета еще поживет. Сайт и соцсети – это хорошо, но газету никто не отменял. Рано хороните бумажный носитель».

Библиография

1. Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д. Региональные СМИ: учебно-методическое пособие / Е. А. Абросимова, Ю. Д. Кравченко – Омск: ОмГУ, 2019. – 34 с.
2. Алипулатов И. С. Место и роль региональных СМИ в российском обществе: к постановке проблемы // Образование и право. – 2019. – № 10. – С. 13–17.
3. Антипина З. С. Информационно-коммуникативная роль районных газет в социальных сетях (на примере печати Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Том 10. – № 4. – С. 5–12.
4. Баранова Е. А. Медиаконфегенция как системообразующий фактор трансформации института СМИ: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2018.
5. Баранова Е. А., Новоселова Г. Г. Особенности контент-политики печатных муниципальных СМИ Юга Московской области: монография. – М.: РУДН, 2022. – 180 с.
6. Градюшко А. Продвижение региональных СМИ в Интернете. – [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19558/1/Gradushko.PDF>
7. Засурский Я. Н. Колонка редактора: российская модель СМИ в начале XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 3–7.
8. Колесниченко А. В., Смирнова О. В., Свитич Л. Г., Фомина Д. А. Новые технологии в практике журналистов российских региональных газет / А. В. Колесниченко, О. В. Смирнова, Л. Г. Свитич, Д. А. Фомина // Медиаальманах. – 2019. – № 5. – С. 42–55.
9. Мельник Г. С. Современная местная газета: типология, особенности функционирования и перспективы развития. – [Электронный ресурс]. URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1413367279_9585.pdf
10. Плеханова Ю. И. Функционирование неопределенно-личных предложений в региональной прессе (на материале Газет Юга Тюменской области) // Вестник ВГУ. – 2013. – № 1. – С. 183–186.
11. Пустовалов А. В. Пресса Великобритании: между «Бумажным» прошлым и цифровым будущим // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 3(23). – С. 191–205.
12. Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Ширяева А. А., Шкондин М. В. Коммуникативные характеристики контента городских газет (по результатам контент-анализа) / Л. Г. Свитич, О. В. Смирнова, А. А. Ширяева, М. В. Шкондин // Вестник Московского университета. – 2016. – № 1. – С. 3–27.
13. Симкачева М. В. Региональная журналистика: ценностные ориентации профессионального сообщества и реальная практика // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008 – Том 150, кн. 4. – С. 145–159.
14. Смирнова О. В. Печатные медиа в эпоху цифровых технологий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – № 6. – С. 25–37.
15. Солдатова Ж. Г. Особенности развития региональных СМИ России // Наука и

- современность. – [Электронный ресурс] – 2011. – № 10-1.
16. Устюжанина Д. А. Трансформация жанра репортажа под влиянием социальных медиа // Журналист. Социальные коммуникации. – 2012. – № 2. С. 107–112.
 17. Hakaniemi K. From a Print House to a Technology Company. How to reinvent a regional newspaper in the digital age? Michaelmas, Hilary and Trinity. K. Hakaniemi. 2014.
 18. Newman Nic, Fletcher Richard, Robertson Craig T., Eddy Kirsten, Nielsen Rasmus Kleis. Reuters Institute Digital News Report 2022. Nic Newman, Richard Fletcher, Craig T. Robertson, Kirsten Eddy, Rasmus Kleis Nielsen. Reuters Institute for the Study of Journalism. 2022.
 19. Oleshko V. Regional Mass Media Of The Digital Revolution Era: Effective Functional-Activity Models // III PMMIS 2019. Post mass media in the modern informational society «Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems». – 2019. – P. 45–52.
 20. The future of regional newspapers in a digital world. Report of the Inquiry into Australia's regional newspapers // House of Representatives Standing Committee on Communications and the Arts. 2022.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит признать, что мир «цифры» как фактическая составляющая окружающей нас действительности, нуждается в серьезной оценке и анализе. Человек уже не мыслит себя вне этого контекста; однако, ряд моментов необходимо точно разбирать, научно обдумывать. Таким образом, проблема, которую рассматривает автор данной статьи, на мой взгляд, актуальна и продуктивна. Т.н. переход прессы в цифру ступенчато движется, уже большая часть не только центральной, но и региональной периодике перешла на новую / актуальную волну. Порой это удобно, где-то интенсивно, в ряде случаев мобильно. Автор отмечает, что «в основу исследования легли интервью, проведенные авторами в течение 2021–2023 годов с руководителями российских региональных газет. Редакторам были заданы вопросы, связанные с существованием прессы в условиях конвергентной среды, особенностями редакционной политики изданий. При проведении исследования авторы также анализировали интернет-сайты газет, их страницы в социальных сетях и мессенджерах. Учитывалась частота обновления материала, оригинальность публикуемого контента, а также дизайн ресурсов». Очевидно стремление автора работы объективировать не только проблему, но и пути ее решения, «несмотря на активное развитие технологий, социальных сетей и мессенджеров, интерес к печатным СМИ остается высоким. Хотя на протяжении почти 20 лет тиражи европейских и американских газет неуклонно снижаются, по итогу 2022 года в России не только вырос индекс доверия к прессе, но и был замечен рост аудитории сразу в нескольких сегментах». Формулировки, статистика, стиль соотносятся с собственно научным исследованием: «примером подобного влияния могут служить государственные задания, которые Правительство Московской области ежегодно утверждает для всех 60-ти муниципальных газет региона. По сути, это материалы, в которых описано то, как и в каком объеме редакции должны освещать реализацию на местном уровне федеральных и региональных программ. Госзадание включает отработку обязательных тем, упоминание в материалах конкретных должностных лиц и ведомств, создание определенных рубрик. Объем государственного задания рассчитывается по

специальной формуле, в которой учитывается количество электората в городском округе, количество полос, периодичность выхода газеты т.д.». Проекция решения поставленных задач относительно завершена, тематический спектр расшифрован. Автор сознательно, что и верно, дублирует мысль-оценку, что «несмотря на то, что тираж и аудитория изданий немного выросли, печатным СМИ, особенно региональным российским изданиям, все сложнее адаптироваться к условиям цифровой среды. Многие региональные газеты испытывают трудности с переходом на цифровые площадки. Сегодня сайты многих газет – это либо копия печатной версии («Наша газета», г. Екатеринбург), либо редко обновляющийся информационный ресурс («Малоярославецкий край», г. Малоярославец, Калужская область). Лишь редкие региональные медиа смогли адаптироваться к существованию в условиях интернет-среды. Этот опыт можно считать уникальным». Точка зрения исследователя прозрачна, аргументация выверена: «печатные СМИ теряют свою аудиторию. Связано это с тем, что современный человек все больше потребляет информацию на цифровых медиаплатформах. Развитие технологий заставляет газеты, в том числе региональные, искать все новые способы не только заработка, но и привлечения аудитории. Переход в онлайн – один из способов выжить». Удачно, на мой взгляд, выстроена градиента сопоставлений российской «печатного» блока и зарубежного: «для привлечения аудитории редакция «Гардиан» ('The Guardian', Великобритания) в 2014 году запустила программу Guardian Membership. По сути, это клуб сторонников издания, который предлагает три уровня членства: от бесплатного до платного (60 фунтов стерлингов в месяц). Guardian Membership дает читателям доступ к целому ряду рассылок, скидкам и регистрации на мероприятия, экскурсии в редакции и прочие привилегии». Ссылочный формат выдержан, общедоступность источников подтверждена: « [Guardian launches new three-tier membership scheme. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/media/2014/sep/10/guardian-membership-scheme-patrons-kings-cross>]». Отмечу, что большая часть тезисов-суждений не противоречит объективной составляющей; следовательно, материал удобно использовать при освоении дисциплин теоретического / практического толка с акцентом на историю / теорию СМИ. Ряд позиций, на мой взгляд, может получить действенную разверстку далее. Например, «цифровая трансформация – не только неизбежный шаг для газет, но и тенденция XXI века. В России, как и в мире, меняются модели потребления контента аудиторией. Наблюдается преобладание визуального материала над текстовым, большую роль начинают играть лидеры мнение», или «одинаковые ресурсы для всех газет Подмосковья – серьезная проблема. Издания ничем друг от друга не отличаются, не могут разместить на ресурсах рекламу для дополнительного дохода. К тому же сервисы «Яндекса» распознают сайты как боты», или «тематика материалов, размещенных в различных рубриках сайтов, связана с жизнью городов. Журналисты пишут на тему культуры, безопасности, образования и ЖКХ. Проведя контент-анализ материалов, опубликованных на сайте газеты «Серпуховские вести», мы пришли к выводу, что большинство материалов представляют собой новости, объем некоторых из них не превышает одного-двух абзацев. На сайте отсутствуют репортажи и интервью» и т.д. Удобно, что текст работы дробиться на т.н. смысловые блоки; читатель удачно может следить за развитием авторской мысли, ступенчато оценивать представленный материал. Промежуточные итоги / выводы являются логическими связками, скрепляющими текст работы в целом: «рассмотренные выше примеры российской региональной печати говорят о том, что сайты изданий появились довольно поздно, а некоторые из них сегодня или редко обновляются, или являются копией печатных версий. Если издание финансируется муниципальными или региональными властными структурами, то к редакциям предъявляется ряд требований, которые они обязаны учитывать при

подготовке материалов». Исследователь формирует т.н. диалога с читателем, старается поддерживать его на протяжении всей работы. Выводы по тексту созвучны основной части, корректива в данном блоке излишня: «цифровизация не означает смерть для традиционных медиа, это скорее новая возможность для завоевания «территорий», привлечения аудитории, реализации новых задач. Однако развитие местных изданий тормозится из-за политики властных структур, которые оказывают давление на редакции. Чиновники не понимают специфику журналистской работы. Про некоторые российские регионы уже сегодня можно сказать, что настоящей журналистики в них нет. Лишь некоторым региональным изданиям удастся справиться с существующими проблемами, найти источники финансирования и привлечь новую аудиторию...». Список источников полновесен, требования издания учтены. Статья «Особенности перехода российской региональной прессы в цифру» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петрова А.Д. Метафора и метонимия в переводе: трансформация образов в русских версиях произведений Гийома Аполлинера // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69434 EDN: CBULSF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69434

Метафора и метонимия в переводе: трансформация образов в русских версиях произведений Гийома Аполлинера

Петрова Анастасия Дмитриевна

ORCID: 0000-0002-5899-9609

кандидат филологических наук

доцент, кафедра романской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 9-7-11

✉ petrovanas@spbu.su

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69434

EDN:

CBULSF

Дата направления статьи в редакцию:

25-12-2023

Аннотация: Данное исследование посвящено нюансам перевода метафор и метонимов, в частности, произведениям Гийома Аполлинера и их русским переводам. Статья начинается с определения теоретических основ метафоры и метонимии, опираясь на лингвистические и когнитивные теории, чтобы подчеркнуть их значение в литературном дискурсе. Затем в ней проводится тщательный анализ уникальных стилистических элементов Аполлинера, подчеркивается слияние визуальной и вербальной поэтики, а также то, как эти аспекты ставят перед переводчиком сложную задачу. Основная часть исследования представляет собой углубленный анализ отдельных произведений Аполлинера, предлагающий сравнительный анализ оригинальных французских текстов и их русских аналогов. Этот сегмент освещает сложности, присущие переводу богатого метафорического и метонимического языка Аполлинера, отмеченного характерным сочетанием визуальной образности и языкового новаторства. В исследовании

используется целый ряд лингвистических примеров, демонстрирующих как удачные, так и проблемные переводческие решения, что позволяет получить многогранное представление о процессе перевода. Далее в статье рассматриваются специфические трудности передачи метафоры и метонимии на русском языке, учитывая лингвистические и культурные различия между французским и русским языками. В исследовании также критически рассматриваются примеры, когда прямой перевод не передает суть оригинала, подчеркивая важность культурного контекста и идиоматической уместности в переводе. В заключении обобщаются полученные результаты, подчеркивается решающая роль культурных и когнитивных соображений при переводе метафор и метонимов. Данное исследование вносит значительный вклад в переводоведение, предлагая нюансы понимания сложностей перевода этих риторических средств. Оно подчеркивает необходимость того, чтобы переводчики обладали не только лингвистическими знаниями, но и глубоким пониманием культурных и идиоматических нюансов как исходного, так и переводящего языков. Результаты исследования завершаются перспективами для будущих исследований, предлагая продолжить изучение различных языковых пар, влияния перевода на восприятие литературы в разных культурах и разработку инновационных переводческих методик.

Ключевые слова:

переводоведение, метафора и метонимия, Гийом Аполлинер, русский художественный перевод, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, поэтическая образность, методология перевода, французско-русское лингвистическое сопоставление, культурная интерпретация

Исследуя сложный процесс метафоры и метонимии в переводе, данное исследование посвящено изучению процесса трансформации образного мышления в русских переводах произведений Гийома Аполлинера. Актуальность исследования заключается в том, что оно раскрывает нюансы взаимодействия этих двух важнейших языковых средств в сфере художественного перевода и освещает многогранную природу языка и культурного переноса. Гийом Аполлинер, светило в пантеоне литературы XX века, оставил после себя наследие, выходящее за пределы языковых границ. Его произведения, проникнутые революционным рвением, стали катализатором смены парадигмы литературного ландшафта, объединив традиционные формы с авангардными приемами. Суть влияния Аполлинера проявляется в его уникальном слиянии визуального и вербального – слиянии, которое бросает вызов ремеслу переводчика.

Уместность метафоры и метонимии в художественном переводе трудно переоценить. Эти тропы, основополагающие в гобелене языка, служат проводниками для культурного и концептуального переноса. В сфере перевода они превращаются в калейдоскоп, через который преломляется и переосмысливается суть оригинального текста. Роль переводчика, таким образом, становится своего рода алхимией, преобразующей сущность метафор и метонимов, чтобы они нашли отклик в лингвистической и культурной среде языка перевода. Цель данного исследования – рассмотреть и проанализировать метаморфозы метафоры и метонимии в русских переводах произведений Аполлинера. Изучая эти переводы, исследование стремится выявить приемы, используемые для сохранения целостности и живости образности оригинального текста. Задачи включают в себя тщательный сравнительный анализ, сопоставление оригинальных французских текстов с их русскими аналогами, что позволяет пролить свет на успехи и трудности,

присущие переводу этих сложных языковых элементов.

Данное исследование стремится внести новое понимание в область переводоведения. Оно стремится разгадать тонкости перевода уникального сочетания визуальной и вербальной поэтики Аполлинера, тем самым давая представление о более широких проблемах и победах, с которыми сталкивается перевод метафорического и метонимического языка. Результаты данного исследования могут обогатить дискурс о литературном переводе и проложить путь для будущих исследований в области перевода сложных лингвистических и культурных явлений.

В структуре языкового выражения метафора и метонимия сплетаются как важнейшие нити, каждая из которых вносит свой вклад в богатство текстовой интерпретации. Г. Лакофф и М. Джонсон в своей основополагающей работе объясняют метафору не просто как фигуру речи, а как фундаментальный механизм разума, с помощью которого мы концептуализируем абстрактные понятия и сложные явления в более привычных терминах [Lakoff & Johnson, 1980, p. 276]. Такая когнитивная перспектива подчеркивает способность метафоры выйти за рамки своей традиционной роли в риторике, позиционируя ее как краеугольный камень в нашем понимании и коммуникации мира.

С другой стороны, метонимия, как поясняет В.Н. Вовк, оперирует принципами смежности и ассоциации [Вовк, 1988, с. 127]. Когнитивный процесс, в котором одна сущность используется для обозначения другой, основан на их контекстуальных или внутренних отношениях. Этот лингвистический прием включает сложные ассоциации в лаконичную форму, что делает его незаменимым как в литературном, так и в повседневном дискурсе.

Взаимодействие этих двух средств в переводе представляет собой предмет глубокого интереса. П. Ньюмарк утверждает, что передача метафор в переводе – это тонкое искусство, балансирующее между сохранением оригинальной образности и идиоматическими ограничениями языка перевода [Newmark, 1988, p. 292]. Этот тонкий баланс находит отклик в утверждении У. Фроули о том, что перевод – это не просто лингвистический акт, а сложные межкультурные переговоры [Frawley, 1984, p. 224].

Произведения Ж. Аполлинера с их богатым метафорическим и метонимическим гобеленом представляют собой уникальную проблему для перевода. Процесс передачи вызывающей образности Аполлинера на другой язык, как отмечает А. Хайд Грит в своем переводе «Каллиграмм», включает в себя сложные решения, которые формируют у читателя представление о первоначальной сути стихотворения [Apollinaire, Greet, 2004, p. 512].

Теоретическое исследование метафоры и метонимии в области перевода – это изучение того, как лингвистическое мастерство пересекается с когнитивными процессами. Как отмечают Л. Венути и А. Лефевр, перевод – это не только лингвистическая эквивалентность, но и культурная интерпретация и воссоздание [Venuti, 1995, p. 353; Lefevere, 1992, p. 240]. Понимание динамики метафоры и метонимии имеет решающее значение для навигации по запутанным путям создания смысла, которые определяют ремесло переводчика.

Развитие понятий метафоры и метонимии в лингвистической теории прошло путь усложнения и повышения значимости. Изначально рассматривавшиеся как просто риторические приемы, эти элементы заняли ключевые позиции в понимании языка и мышления. «Алколы» Ж. Аполлинера служат примером художественного потенциала этих средств, где метафора и метонимия переплетаются, создавая гобелен смысла, выходящего за рамки буквального [Apollinaire, 2001, p. 160].

Е.Д. Боева и Е.А. Кулькина рассказывают о тонкостях перевода авторских метафор в художественных текстах, демонстрируя сложности и творческий подход к этому процессу [Боева и Кулькина, 2014, с. 41-44]. Такая точка зрения подчеркивает, что метафоры и метонимии – это не просто языковые украшения, а неотъемлемая часть архитектуры повествования.

В своей работе по теории перевода, В.Н. Комиссаров делает акцент на лингвистических аспектах этих средств, подчеркивая их важность в передаче смысла между языками [Комиссаров, 1990, с. 253]. Этой точки зрения придерживается Я.И. Рецкер, который обсуждает нюансы перевода этих риторических фигур, выступая за более глубокое понимание их роли в лингвистике [Рецкер, 2016, с. 244].

Философские аспекты метафоры и метонимии в переводе рассматривает У. Фроули, который утверждает, что эти фигуры речи являются не только лингвистическими инструментами, но и несут в себе значительные когнитивные и культурные последствия [Frawley, 1984, p. 224]. Концепция эквивалентности в переводе Э.А. Ниды также освещает сложности, связанные с передачей метафор и метонимов на разных языках, подчеркивая необходимость баланса между буквальной точностью и контекстуальной уместностью [Nida, 1964, p. 331].

Размышления Г. Рабассы о проблемах перевода, особенно в отношении метафорических и метонимических элементов, подчеркивают динамичный и зачастую спорный характер этой области [Rabassa, 2005, p. 192]. Это подчеркивает необходимость нюансированного подхода к переводу, который учитывает сложность оригинала и одновременно адаптирует его к культурным и языковым рамкам языка перевода.

Развитие метафоры и метонимии в лингвистических исследованиях и их применение в художественных текстах свидетельствуют об их фундаментальной роли в формировании человеческого познания и коммуникации. Их сложное взаимодействие в литературе и проблемы, возникающие при переводе, являются важнейшими областями исследования, позволяющими понять глубину и широту языкового выражения и интерпретации.

Литературное творчество Гийома Аполлинера является парадигмой модернистского новаторства, отмеченного отчетливым слиянием традиционного лиризма с авангардными экспериментами. Его сборник «Алколы», особенно в английском переводе, олицетворяет этот синтез, демонстрируя новаторское использование свободного стиха и глубокий, основанный на образах стиль повествования [Apollinaire, 2001, p. 160].

«Каллиграммы» Аполлинера являются еще одним примером его художественной изобретательности, где он преодолевает границы словесной и визуальной поэзии. Стихотворения из этого сборника в переводе А. Хайда Грета – не просто текст, это визуальные конструкции, где расположение и форма на странице играют такую же важную роль, как и сами слова [Apollinaire, Greet, 2004, p. 512]. Такое слияние визуальных и вербальных элементов означает революционный шаг в поэтическом выражении.

Языковые метафоры в произведениях Аполлинера, проанализированные В.Н. Вовк, обнаруживают сложность, бросающую вызов традиционным нормам языковой репрезентации, воплощая в себе форму вторичной номинации, которая углубляет интерпретационное богатство его поэзии [Вовк, 1988, с. 127]. Сложность этого процесса создает уникальные трудности при переводе, как отмечает Я.И. Рецкер, который подчеркивает сложности, связанные с передачей многогранной природы метафорического языка Аполлинера [Рецкер, 2016, с. 244]. В контексте

переводоведения такие ученые, как Л. Венути и А. Лефевр, подчеркивают важность роли переводчика в интерпретации и воссоздании литературных произведений для новой аудитории. Это особенно актуально для текстов Аполлинера, где переводчик должен ориентироваться не только в семантических, но и в визуальных и структурных нюансах оригинала [Venuti, 1995, p. 353; Lefevere, 1992, p. 240].

Творчество Аполлинера представляет собой слияние лингвистических инноваций и визуального творчества, что подтверждает его статус авангарда модернистской литературы. Его умение сочетать метафору, образность и форму сделало его творчество центральной точкой в исследованиях литературной эволюции и перевода, подчеркивая непреходящее влияние его поэтического гения. В художественном ландшафте творчества Гийома Аполлинера метафора и метонимия играют кардинальную роль, являясь проводниками его новаторского самовыражения. Е.Д. Боева и Е.А. Кулькина показывают, как использование метафоры Аполлинером преодолевает традиционные границы, создавая уникальный симбиоз между буквальным и образным [Боева и Кулькина, 2014, с. 41-44]. Это взаимодействие – не просто стилистический выбор, а фундаментальный аспект его поэтического видения, позволяющий многогранно исследовать темы и эмоции.

«Каллиграммы» Аполлинера в переводе А. Хайда Грета демонстрируют его мастерство в слиянии визуальной и вербальной поэтики [Apollinaire, Greet, 2004, p. 512]. Каллиграммы свидетельствуют о его авангардном подходе, когда слова выстраиваются в визуальные образы, создавая тем самым двойной слой интерпретации. Этот визуальный аспект не просто дополняет текстовое содержание, а является неотъемлемой частью поэтического послания, разрушая традиционные рамки линейного чтения и интерпретации. Сложность перевода творчества Аполлинера, о которой говорит В.Н. Комиссаров и Я.И. Рецкер, заключается в том, чтобы уловить суть этих метафорических и метонимических элементов, а также визуальную поэтику [Комиссаров, 1990, с. 253; Рецкер, 2016, с. 244]. Переводчик должен ориентироваться между семантической точностью и эстетической целостностью оригинала, сохраняя хрупкий баланс между вербальным и визуальным.

Взгляд Г. Лакоффа и М. Джонсона на метафоры совпадает с мнением Аполлинера: метафоры – это не просто лингвистические украшения, а инструменты для концептуального понимания и когнитивного обрамления [Lakoff & Johnson, 1980, p. 276]. В руках Аполлинера эти средства становятся средством переосмысления реальности, заставляя читателя взаимодействовать с текстом на разных уровнях. Использование Аполлинером метафоры и метонимии в сочетании с его новаторской визуальной поэтикой знаменует собой значительный отход от традиционных поэтических форм. Его творчество требует тонкого подхода к переводу, учитывающего сложное взаимодействие визуальных и вербальных элементов. Трудности, присущие процессу перевода, подчеркивают глубину и новаторство поэтического ремесла Аполлинера, возводя его творчество в ранг выдающегося в изучении современной литературы и теории перевода. Перевод метафоры и метонимии представляет собой сложную лингвистическую задачу, переплетенную с культурными и контекстуальными нюансами. Трудности перевода образной лексики обусловлены различиями в коннотациях и культурных ассоциациях, которые метафоры и метонимы несут в разных языках.

Возьмем, к примеру, французское метафорическое выражение «*naviguer à vue*», что переводится как «ориентироваться на глаз». На русский язык прямой перевод может звучать как «навигировать на глаз», однако в этой фразе нет того коннотативного богатства принятия решений в неопределенных обстоятельствах, которое

подразумевается во французском языке. Более подходящим по контексту русским переводом может быть «рулить наугад», который передает аналогичное ощущение неопределенности и опоры на интуицию. Другой пример – французский метоним «la couronne», часто используемый для обозначения монархии или королевской власти. Дословный перевод на русский язык – «корона», но он не может передать весь спектр исторических и культурных коннотаций, связанных с монархией во французской культуре. Более тонким переводом может быть «королевская власть», который более точно отражает институциональные и символические аспекты этого термина.

Эти примеры подчеркивают лингвистические трудности перевода метафор и метонимов, когда переводчик должен ориентироваться не только на буквальные значения, но и на суть выражений, укоренившихся в культурном и историческом контекстах. Данный процесс требует не только владения языком, но и глубокого понимания социокультурных основ как исходного, так и переводного языков. Методики перевода метафор и метонимов сложны и включают несколько стратегий, позволяющих преодолеть лингвистические и культурные различия между исходным и переводящим языками. Эти методики часто зависят от способности переводчика найти баланс между верностью оригинальному тексту и необходимостью обеспечить понятность и культурную релевантность на языке перевода.

Одна из стратегий – замена, когда метафора или метоним в исходном языке заменяется эквивалентом в языке перевода, имеющим схожую коннотацию. Например, французская метафора «filer comme le vent», буквально переводящаяся как «бежать как ветер», может быть заменена в русском языке на «бежать быстрее ветра», что передает схожее ощущение скорости и стремительности. Другой подход – модуляция, когда переводчик изменяет оригинальную метафору или метонимию, чтобы она лучше соответствовала лингвистическому и культурному контексту языка перевода. Например, французская фраза «se jeter dans la gueule du loup» (броситься в волчью пасть) означает попадание в опасную ситуацию. На русский язык это можно перевести как «лезть в львиное рыло» (лезть в пасть льва), что сохраняет ощущение опасности в оригинале, но адаптирует животную метафору к более привычной для русской культуры.

Более прямой метод – дословный перевод, используемый в тех случаях, когда метафора или метонимия имеет эквивалентное признание и понимание в обоих языках. Например, «le cœur de la ville» на французском и «сердце города» на русском буквально означают «сердце города» и на обоих языках означают центральную, наиболее жизненно важную часть города. Однако эти методологии не лишены сложностей. Выбор стратегии зависит от различных факторов, включая языковую структуру, культурный контекст и предполагаемое воздействие метафоры или метонима в исходном и переводящем языках. Переводчик должен ловко ориентироваться в этих факторах, принимая решения, позволяющие сохранить суть и тонкости оригинала и одновременно обеспечить ясность и культурный резонанс в переводе.

В данном исследовании мы рассмотрим русские переводы избранных произведений Гийома Аполлинера, чтобы изучить переводческую динамику его уникального поэтического стиля. Тексты Аполлинера известны своим новаторским использованием языка и представляют собой богатую почву для изучения нюансов литературного перевода.

В качестве примера можно привести стихотворение Аполлинера «Понт Мирабо», где строка «L'amour s'en va comme cette eau courante» переводится на русский язык как «Любовь уходит, как вода в реке». В оригинальном французском языке мимолетность

любви метафорически сравнивается с течением воды, и эта концепция прекрасно передана в русском переводе, который сохраняет текучесть и непостоянство метафоры.

Другой пример можно найти в стихотворении «Зона», где Аполлинер пишет: «*Tu lis les prospectus les catalogues les affiches qui chantent tout haut.*» Русский перевод: «Ты читаешь проспекты, каталоги, плакаты, которые поют вслух» – эффективно передает сенсорное сочетание визуальных и слуховых образов оригинала, сохраняя новаторский подход поэта к восприятию городской жизни.

В песне «Шансон дурного эйме» есть такая строка: «*Et mon coeur est pareil à une flamme renversée.*». Русский вариант – «И мое сердце подобно перевернутому пламени» – отражает пронзительную метафору оригинала: сердце подобно перевернутому пламени, что говорит о смятении и беде. Этот перевод наглядно демонстрирует сложность передачи сложных эмоциональных состояний с помощью метафоры.

Эти примеры иллюстрируют тонкости перевода произведений Аполлинера. В русских переводах удается сохранить суть поэтической образности Аполлинера, несмотря на различия в языковой структуре и культурном контексте между французским и русским языками. Способность переводчиков преодолевать эти различия демонстрирует мастерство и глубину понимания, необходимые в литературном переводе. Благодаря этому сравнительному анализу ярко проявляется богатство и сложность произведений Аполлинера и их русских интерпретаций, что позволяет понять преобразующую силу перевода.

Передача метафор и метонимов в русском языке, особенно в контексте перевода с французского, сопряжена с трудностями и возможностями для творческого самовыражения. Русский язык с его собственным набором идиоматических выражений и культурных отсылок иногда совпадает с французским в метафорическом мышлении, а иногда значительно расходится. Рассмотрим французскую фразу «*Tomber dans les pommes*», которая буквально означает «упасть в яблоки», метафору обморока. Прямой перевод на русский был бы «упасть в яблоки», что не передало бы предполагаемого смысла для русскоязычной аудитории. Вместо этого переводчик может использовать «упасть в обморок», что напрямую переводится как «упасть в обморок» и точно передает значение обморока. Другой пример – французская идиома «*Changer de cap*», буквально «менять плащ», означающая смену направления или решения. Русский эквивалент, «менять курс», напрямую переводится как «менять курс», сохраняя навигационную метафору и адаптируя ее к русскому языковому контексту.

Однако не все переводы успешно передают суть оригинальной метафоры или метонима. Сложная французская метафора «*Nager entre deux eaux*», которая означает «плавать между двумя водами» и подразумевает нерешительность или игру на обеих сторонах, может быть менее эффективно передана прямым русским переводом: «Плавать между двумя водами». В русском языке этот прямой перевод не несет в себе того же идиоматического смысла, что может привести к путанице или отсутствию ясности. Аналогичным образом, французское выражение «*Avoir un cœur d'artichaut*», означающее «иметь сердце артишока» и подразумевающее быструю влюбленность, не имеет прямого эквивалента в русском языке. Дословный перевод «иметь сердце артишока», скорее всего, вызовет недоумение у носителей русского языка, поскольку метафорическое использование «артишока» в данном контексте в русском языке не распространено.

Перевод метафор и метонимов с французского на русский требует не только лингвистических знаний, но и культурной восприимчивости и понимания идиоматических

нюансов обоих языков. Успешные переводы часто связаны с творческой адаптацией, которая переключается с культурным и языковым контекстом языка перевода, а неудачные могут быть результатом отсутствия такой адаптации или чрезмерной зависимости от прямого перевода. Искусство перевода этих образных выражений заключается в том, чтобы уловить их суть и вызвать аналогичные эмоциональные и когнитивные реакции у целевой аудитории. Исследование перевода метафор и метонимов с французского языка на русский, в частности в контексте произведений Гийома Аполлинера, позволило выявить сложную и тонкую природу такого лингвистического задания. Анализ показывает, что успешный перевод этих риторических фигур зависит не только от лингвистической верности, но и от культурного и идиоматического резонанса в языке перевода.

Исследование подчеркивает значение метафоры и метонимии как не просто языковых украшений; они являются фундаментальными для когнитивной и культурной ткани языка, предлагая глубокое понимание человеческого опыта. Перевод этих элементов с французского на русский представляет собой уникальную задачу, зачастую требующую творческого подхода к лингвистике для сохранения целостности и сути оригинального текста. Результаты данного исследования вносят значительный вклад в понимание перевода метафор и метонимий, освещая сложности, связанные с этим процессом. В нем подчеркивается важность культурного контекста, идиоматической уместности и роли переводчика в преодолении языковых и культурных различий. Исследование также закладывает основу для будущих исследований, предлагая направления для дальнейшего изучения в переводоведении. Среди них – изучение перевода метафор и метонимий в других языковых парах, влияние перевода на восприятие литературы в разных культурах, а также разработка новых методологий перевода для более эффективного решения выявленных проблем. Таким образом, данное исследование обогащает сферу переводоведения, предоставляя подробный анализ проблем и стратегий перевода метафор и метонимов. Оно предлагает ценный взгляд на сложное взаимодействие языка, культуры и познания, подчеркивая роль перевода в формировании нашего понимания литературы через языковые и культурные границы.

Библиография

1. Боева Е. Д. Способы перевода авторской метафоры в художественном тексте / Е. Д. Боева, Е. А. Кулькина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34), ч. 3. С. 41-44.
2. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации. Киев: Наукова думка, 1988. С. 127.
3. Ворошилова М.Б. Креолизированный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 207. № 23. С. 73-78.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: AUDITORIA, 2016. 244 с.
6. Apollinaire Guillaume. Alcools. (English Translation). 2001. 160 p.
7. Apollinaire Guillaume. Calligrammes: Poems of Peace and War (translated by Anne Hyde Greet). 2004. 512 p.
8. Frawley William. Translation: Literary, Linguistic and Philosophical Perspectives. 1984. 224 p.
9. Lakoff George, Johnson Mark. Metaphors We Live By. 1980. 276 p.

10. Lefevere André. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. 1992. 240 p.
11. Newmark Peter. A Textbook of Translation. 1988. 292 p.
12. Nida Eugene A. Toward a Science of Translating. 1964. 331 p.
13. Rabassa Gregory. If This Be Treason: Translation and Its Dyscontents. 2005. 192 p.
14. Venuti Lawrence. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 1995. 353.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Метафора и метонимия в переводе: трансформация образов в русских версиях произведений Гийома Аполлинера», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, в которой рассматриваются переводческие трансформации метафоры и метонимии.

Актуальность исследования заключается в том, что оно раскрывает нюансы взаимодействия этих двух важнейших языковых средств в сфере художественного перевода и освещает многогранную природу языка и культурного переноса.

Автор обращается в проблеме сохранения и реализации стилистического потенциала фигур речи при проведении переводческих трансформаций.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике как в отечественном языкознании, так и в зарубежном. Таким образом, статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно- сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент- анализ, а также методология корпусного исследования.

Практическим материалом послужили переводные произведения Гийома Аполлинера — французского писателя, поэта, литературного и художественного критика, журналиста, одного из наиболее влиятельных деятелей европейского авангарда начала XX века.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на французском языке.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены научные труды на различных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в

дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, стилистики и практике перевода, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Метафора и метонимия в переводе: трансформация образов в русских версиях произведений Гийома Аполлинера» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сунь С. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов и пословиц с концептом «религия» // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69478 EDN: CBXQZV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69478

Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов и пословиц с концептом «религия»

Сунь Сюйна

аспирант, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1161799398@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69478

EDN:

CBXQZV

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2023

Аннотация: Данная статья посвящена лингвокультурологическому описанию национальной личности в русском и китайском языках. Предметом данного исследования является русская и китайская языковая личность. Объект представляют собой национальные культурные сходства и различия. Цель исследования состоит в выявлении универсальных и национально-специфических лингвокультурологических особенностей русской и китайской национальных личностей на материале фразеологизмов, пословиц русского и китайского языков, в которых находит отражение концепт «религия». Практическая значимость работы заключается в том, что лексико-семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов, пословиц религиозной тематики может быть использован в учебной деятельности в курсах лексикологии, лингвокультурологии, лингвострановедения, социолингвистики. Положения и выводы исследования могут найти применение в лексикографической практике при составлении словарей фразеологизмов, а также в практике преподавания русского языка как иностранного, распространения китайской культуры в России. Для решения

поставленной проблемы применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки материала из словарей русского и китайского языка, метод лингвокультурологического комментария и сопоставительно-контрастивный метод. В статье впервые анализируется проблематика русской и китайской национальных личностей, которая ранее не была описана в аспекте сопоставительной лингвокультурологии, впервые рассмотрена традиционная национальная религиозная ценность русской и китайской личностей, указываются их стереотипные представления и черты характера под влиянием религии. В этом заключается научная новизна настоящего изучения. В результате исследования показано, что зафиксированные в русских и китайских лексикографических источниках фразеологизмы, пословицы с концептом религия отличаются в количественном и содержательном отношении. В общечеловеческие традиционные религиозные ценности сопоставляемых национальных личностей входят вера в существование злых и добрых духов, добротолубие и представление о добре человеческой природы. В отличие от русского народа китайская национальная личность отличается нерелигиозностью. Для китайской личности большой важностью обладают такие религиозные ценности, как долголетие и бессмертие, великая доброта, стремление к простой жизни и любовь к природе, вознаграждение за добро и зло, концепция причины и следствия, благочестивая вера в Будду; а для русской — ощущение вины, жажда страданий и самоценность самой жертвы, добротолубие, трудолюбие, терпение и вера.

Ключевые слова:

китайская национальная личность, русская национальная личность, русский язык, китайский язык, лингвокультурология, фразеологизмы, пословицы, черты характера, культурные ценности, религия

Введение

Как составляющий компонент совокупности когнитивной деятельности национально-духовной культуры религия находит своё отражение во фразеологизмах и пословицах, главное назначение которых — фиксировать национальное сознание и картину мира носителей той или иной лингвокультур. Актуальность темы исследования обусловлена активным развитием межкультурных связей и гуманитарного обмена русского и китайского обществ, их интересом к изучению национальной личности в пространстве разных лингво-культурных знаний.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить состав фразеологизмов, пословиц в русском и китайском языках, посвященных традиционным национальным религиозным ценностям.
- 2) сопоставительно анализировать духовно-ментальные характеристики русской и китайской национальных личностей во фразеологизмах, пословицах в отношении к различным религиозным верованиям, к христианству, православию, буддизму, даосизму, исламу.
- 3) выявить национально-специфические и общечеловеческие религиозные ценности сопоставляемых национальных личностей.

В качестве материала исследования были использованы 48 русских фразеологизмов,

пословиц, 58 фразеологизмов, пословиц китайского языка, отобранных методом направленной выборки из следующих словарей: «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь» под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова [20], «Пословицы русского народа» В.И. Даля [8], «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [11], «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» В.Н. Телия [17], «Китайские народные поговорки, пословицы и выражения» А. Тишков [18], «Китайско-русский фразеологический словарь» К.В. Толмац [19], «Китайско-русский фразеологический словарь» О.М. Готлиб, Му Хуаин [6], «Фразеологический словарь Синьхуа» (新华成语词典) [21].

Теоретической базой исследования послужили публикации российских и китайских авторов, в которых рассматриваются проблемы русской национальной личности в аспекте лингвокультурологии (Воробьев [4, 5], Рапопорт [15], Недосугова [14], Летова [12], Василюк [3], а также проводится анализ китайской культуры, языковой картины мира (Доменак [9], Абрамова [1], Тань Аошуан [16], Гурулева [7], 沙莲香 [22], Е Лан, Чжу Лянчжи [10], 李磊荣 [13]).

Основная часть

«Личность может оказывать глубокое влияние на деятельность общества в целом. И формы социального взаимодействия сами по себе предопределяет тип личности» [4, с. 97]. Будучи составляющим компонентом структуры общественных отношений, религия играет важную роль в формировании и развитии национальной личности и ее самосознания.

Русская национальная личность, как отмечают многие исследователи, характеризуется религиозностью. Нести страдания и жертвы во имя святой веры – это характерно для русского народа. Свойственная русским людям жажда страданий коренится в их ощущении вины.

Русский народ хочет страдать, так как страдание может уменьшать бремя вины. Так русский народ становится мастером страданий, даже наслаждаясь ими. Из чувства вины рождается мысль о жертвенности как центральная идея русской этики. С точки зрения русского народа, именно жертва может открывать путь, ведущий из мира здешнего в мир другой, без смерти нет воскресения, без жертвы нет возрождения. «Это то, что называют "русской пасхальной идеей", которая наряду с мессианством, является характерной чертой для русского христианства» [12, с. 168]. Русский народ делает акцент на самоценности самой жертвы.

Данная черта русской национальной личности отражена в русском языке с древнейших времен. Религиозность проявляется в различного рода фразеологизмах, пословицах русского языка, в которых Бог упоминается как высшее существо. На Бога надеются, Богу вверяют свои судьбы, от него ждут справедливости:

Наша доля — Божья воля.

Бог даст день, даст и пищу.

Бог дал, Бог взял.

На все воля божья.

Бог даст, в окно подаст.

Все под Богом ходим.

Страшен сон, да милостив Бог.

Кто богу не грешен, царю не виноват.

Кроме Бога бояться некого.

Век мой прошел, а дней у Бога не убыло.

Но русский народ полагает, что прощение дается только тому, кто своим трудом, терпением и верой заслужит его, а не всякому. Об этом свидетельствует множество пословиц:

Кто рано встает, тому Бог дает.

Бог терпел и нам велел.

Жить — Богу служить.

Делай дело Божье, свое само сделается.

Не строй семь церквей, а пристрой семь детей.

Не так живи, как хочется, а так, как бог велит.

Двум богам кланяться — ни одному не служить.

Не все то Богу любезно, что человеку полезно.

Русское православие — это, прежде всего, добротолубие. Христианские добродетели являются постоянными чертами характера русской национальной личности. Не будет преувеличением говорить о врожденном христианстве русской души. Любовь к добру — главная ценность для истинного православного. Такое отношение к вере идет из глубины русского менталитета, согласно которому человек по природе добр, а зло в мире представляет собой отклонение от нормы. На Руси православное христианство стало добротолубием:

С Богом пойдешь — к добру путь найдешь.

Без добрых дел — вера мертва пред Богом.

Кто добро творит, тому Бог оплатит.

Советская действительность, когда религия была отделена от государства, породила такие пословицы:

Без бога — широка дорога.

Кто ждет правды у бога, у того кривая дорога.

Культурными стали, отказ богу дали.

Но даже десятилетия советской власти не смогли искоренить в русской национальной личности ее религиозность и духовность. Подобные пословицы не отражали истинных

взглядов русского народа и поэтому не сохранились в памяти русских людей, об их наличии можно узнать просто из словарей.

Вот что писал в 1925 году митрополит А.И. Введенский по этому поводу: «Я не спорю, что религия в наши дни, может быть, для очень многих не стоит в центре внимания. Я не спорю, что в наши дни развертывающаяся классовая борьба, красивая и увлекательная сама по себе, настолько захватывает отдельные личности, что им как будто бы некогда, не стоит думать о боге. Несмотря на это, я все же утверждаю, что и современный, как будто бы торжествующий атеизм на самом деле является вовсе не победой неверия. Я определенно утверждаю, что религия может быть оттеснена — это ваша воля, вы свободны — на задний план вашего сознания. Мы можем даже хранить ее в погребках подсознания и ставить римскую стражу, дабы не воскресло религиозное чувство, но религиозное чувство неистребимо» [\[2, с. 304\]](#). И советский атеизм, с точки зрения А.И. Введенского, — это тоже определенная религия.

В отличие от русского народа китайская национальная личность носит в себе нерелигиозность [\[22, с. 13\]](#). «В Китае нет единой религии, и такой сильной религиозной власти, как на Западе, но клановая власть, семейная власть в Китае очень развиты, они фактически контролируют людей» [\[22, с. 17\]](#). Однако в Китае на протяжении нескольких веков мирно сосуществуют самые разные религии — буддизм, даосизм, ислам, христианство. При этом господствующей идеологией остается конфуцианство, тем не менее, оно не является религией по западным меркам. С точки зрения некоторых зарубежных исследователей, конфуцианство существует как религия, но мы придерживаемся мнения, что «Это была гуманистическая философия, возведенная в ранг государственной религии, которая определяла ценности и моральные принципы системы правления и социальной структуры в Китае, а также поведенческую модель членов китайского общества» [\[13, с. 75\]](#).

Для трех основных вероучений Китая - конфуцианства, даосизма, буддизма — характерно взаимное заимствование. Тенденция их сближения обозначилась явственно в эпоху Тан (618—907 гг.), продолжалась и в последующие династии. Мирное сосуществование разных религий в Китае считается уникальным явлением в истории человечества. Любая религия, и своя, и пришлая, должна была соответствовать китайскому образу жизни, мышлению, и политическому устройству.

Помимо религий среди китайского народа имеют широкое распространение культ предков, вера в существование злых и добрых духов. Еще задолго до появления первого религиозного учения на земле в Поднебесной совершались официальные обряды поклонения Небу, Земле, Солнцу и Луне, которые единолично проводил император. Этим он вымаливал порядок, мир и благополучие стране. В среде же простого китайского народа ходили обряды поклонения и жертвоприношения умершим предкам. По праздникам делались подношения Богу ворот, Богу очага, Богу земли и п. д. Будь то город или поселок, ремесло или искусство — повсеместно существовал свой бог-покровитель. Ритуалы в их честь проводились для предотвращения несчастий, засух, наводнений, болезней и пр.

Первоначально даосизм возник как философия, только во II в. Он сформировался в стабильной религиозной организации. Мистические идеалы о фантастическом долголетии и бессмертии сыграли немаловажную роль в трансформации филологического даосизма в даосизм религиозный. Даосизм почти никогда не был официальной религией — скорее представлял собой движение народных масс, одиноких практиков и отшельников. Его

сторонники выступали против достижений прогресса цивилизации, призывали к упрощению жизни, абсолютной свободе человеческой личности. «Возврат к природе» был довольно модным среди китайских поэтов, художников, чиновников и интеллигенции.

На протяжении длительной истории даосизм сохранял широкое влияние на национальное сознание китайцев, о том свидетельствует ряд фразеологизмов:

交梨火枣 «Груша дружбы и финик огня» — пища богов; эликсир бессмертия.

长生不老 «Жить вечно».

天堂地狱 «Бурно течь не переставая» — говорить без умолку; бесконечные разговоры.

金浆玉液 «Сок долголетия».

脱胎换骨 «Родиться вновь и поменять кости» — перерождение даоса в святого через практики.

以心传心 «Передавать от сердца к сердцу» — духовное единение.

三魂七魄 «Тройственное духовное (разумное) начало и семь нечистых (животных) духов (в теле человека)».

清静无为 «Покой и недеяние».

耳视目听 «Видеть ушами и слышать глазами».

白日升天 «Средь бела дня вознестись на небеса».

不食烟火 «Не есть пищи, приготовленной на огне».

六神不安 «Шесть нервов беспокойны».

抱朴含真 «Безыскусный и чистосердечный».

Впервые китайцы познакомились с буддизмом в начале I в. через купцов и монахов, проникавших в страну по «Великому шелковому пути». Особенную привлекательность в буддизме китайский народ нашел благодаря двум составляющим этой религии: во-первых, учению о карме, которое давало понятное объяснение причинам собственных несчастий; во-вторых, обещанию жизни после смерти.

В VI—III вв. окончательно оформились основные школы китайского буддизма, из которых самой «китайской» оказалась школа размышлений (Чань). Эта школа содержит отчетливые даосские мотивы: небрежение к письменному слову; стремление к простой жизни, совершаемой по законам природы.

После введения буддизма китайцы верили в вознаграждение за добро и зло, концепцию причины и следствия, реинкарнацию, призраков и духов и т.д., сохраняли благочестивую веру в Будду, молились Будде и каялись перед ним. Буддизм помогает китайскому народу переосмыслить ценность жизни и побуждает их творить добро каждый день:

持斋把素 «Держать пост, соблюдать пост» — строго придерживаться правил и обрядов буддизма.

普度众生 «Спасать все живущее».

菩萨低眉 «Бодхисатва опускает брови» — быть милостивым; ласково взирать на окружающих.

道高一尺, 魔高一丈 «Пусть божество сильно, но демон в десять раз сильнее».

香火因缘 «(Вместе) ставить ароматические свечи — это судьба» — клятвенный союз, скрепленный возжиганием ароматических свечей.

醍醐灌顶 «Чистое учение омыло главу».

五体投地 «Класть земные поклоны».

大千世界 «Большой хилиокосм».

善男信女 «Люди, занимающиеся благотворительностью».

仙女散花 «Небесная дева осыпает цветами».

因果报应 «Карма, воздаяние за грехи».

大慈大悲 «Великая доброта и великая скорбь (об отзывчивости к людским радостям и страданиям и милосердии бодисатв к людям)».

一尘不染 «Полная чистота (полное очищение) от всего чувственного (мирского)».

苦海无边 «Безбрежно море мук».

西方净土 «Чистая земля западного края».

慈悲为本 «Сострадание - это основа».

晨钟暮鼓 «Утренний колокол и вечерний барабан».

清规戒律 «Мелочные ограничения».

见性成佛 «Прозреть и сделаться буддой».

法力无边 «Безграничная сверхъестественная сила».

善有善报恶有恶报 «Сделанное добро добром и воздастся зло наказывается злом».

Распространение в Китае христианства не было таким благополучным. Сегодня в Китае около 4 млн. католиков. Незначительное число приверженцев христианства сосредоточено в сельской местности, среди крестьян.

Ислам проник в Китай примерно в середине VII в. После X в. практически все национальные меньшинства северо-запада Китая постепенно стали мусульманами.

В китайском языке пословиц и фразеологизмов, связанных с христианством и исламом, нами не найдено.

Заключение

Таким образом, в результате анализа русских и китайских фразеологизмов, пословиц с концептом «религия» установлено, что фразеологических единиц, зафиксированных в русских словарях, меньше, чем китайских — 48 против 58.

Религия является несомненной социальной ценностью. Религиозные верования, зафиксированные в системе фразеологических единиц, основанные на национальной

духовной культуре, имеют большую познавательную ценность. В общечеловеческие традиционные религиозные ценности сопоставляемых национальных личностей входят вера в существование злых и добрых духов, добротолюбие и представление о добре человеческой природы.

Но большие различия русской и китайской национальных личностей в отношении к религиозным верованиям существуют. Русской нации свойственна религиозность. Русская национальная личность делает акцент на ощущении вины, жажде страданий и самоценности самой жертвы, рассматривает Бог как высшее существо, также характеризуется добротолюбием, христианскими добродетелями, трудолюбием, терпением и верой.

В отличие от русского народа китайская национальная личность отличается нерелигиозностью. Для китайской личности большой важностью обладают такие религиозные ценности, как долголетие и бессмертие, великая доброта, стремление к простой жизни и любовь к природе, вознаграждение за добро и зло, концепция причины и следствия, благочестивая вера в Будду.

На наш взгляд, дальнейшее исследование в русле данной заявленной проблематики является перспективным не только в плане конкретизации речевого портрета китайской языковой личности, но и в аспекте моделирования системы традиционных культурологических ценностей русской и китайской национальных личностей.

Информация об источниках финансирования или грантах:

Публикация поддержана Китайским советом по стипендиям (China Scholarship Council) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202107040006, и в рамках темы № 202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).

Библиография

1. Абрамова Н.А. Китайский этнос: от традиции к современности. Чита: читГУ, 2006. – 110 с.
2. Алексеев П.В. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. – 304 с.
3. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности: На материале афористики. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2004. – 20 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. – 338 с.
5. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии. дисс. ...д-ра филол. н. Москва, 1996. – 170 с.
6. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 596 с.
7. Гурулева Т.Л. Речевой портрет китайской языковой личности. М.: ИТЦ, 2017. –157 с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М.: Рус. кн., 1993. – 49 с.
9. Доменак Ж. Семейные отношения в Китае. М.: Наука, 1991. – 39 с.
10. Е Лан, Чжу Лянчжи. Хрестоматия по культуре Китая. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011. – 262 с.

11. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус.яз., 1998. – 69 с.
12. Летова А.Д. Лингвокультурологический концепт "Английская национальная личность" в сопоставительно-контрастивном описании афористики. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2004. – 200 с.
13. Ли Лэйжун. Культура Китая. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2015. 李磊荣. 中国文化简明教程. 上海: 上海外语教育出版社, 2015. – 341 с.
14. Недосугова А.Б. Лингвокультурологическое описание национальной личности в русском и китайском языках. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2003. – 224 с.
15. Рапопорт Н.В. Лингвокультурологический концепт "Французская национальная личность": На материале афористики. дисс. ...к. филол. н. Уфа, 1999. – 226 с.
16. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 271 с.
17. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
18. Тишков А. Китайские народные поговорки, пословицы и выражения. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 29 с.
19. Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь. М.: Восточная книга, 2009. – 34 с.
20. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Рус. яз., 1979. – 19 с.
21. Хао Цзинцзян, Ли Цзин, Чжан Сюфан. Фразеологический словарь Синьхуа. Пекин: Коммерческое издательство, 2009. – 121 с. 郝景江, 李靖, 张秀芳. 新华成语词典. 北京: 商务出版社, 2009. 121.
22. Ша Ляньсян. Китайский национальный характер. Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь, 2012. – 7 с. 沙莲香. 中国民族性. 北京: 中国人民大学出版社, 2012. 7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность темы рецензируемого исследования обусловлена активным развитием межкультурных связей и гуманитарного обмена русского и китайского обществ, их интересом к изучению национальной личности в пространстве разных лингвокультурных знаний. Ориентир на точечный анализ фразеологизмов и пословиц с концептом «РЕЛИГИЯ» вполне оправдан, он позволит выявить черты общего / частного грейда. Текст работы продуман, конкретизирован; серьезных замечаний относительно структуры нет, не нуждается, на мой взгляд, работы и в расширении фактической наличности / дополнении ряда позиций. Как отмечает автор, «в качестве материала исследования были использованы 48 русских фразеологизмов, пословиц, 58 фразеологизмов, пословиц китайского языка, отобранных методом направленной выборки из следующих словарей: «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь» под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, «Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, «Русская фразеология. Семантический, прагматический и

лингвокультурологический аспекты» В.Н. Телия, «Китайские народные поговорки, пословицы и выражения» А. Тишков, «Китайско-русский фразеологический словарь» К.В. Толмац, «Китайско-русский фразеологический словарь» О.М. Готлиб, Му Хуаин, «Фразеологический словарь Синьхуа» (新华成语词典)». Режим аналитики прослеживается на протяжении всего текста; варианты оценки фразеологизмов / пословиц векторны. Например, «данная черта русской национальной личности отражена в русском языке с древнейших времен. Религиозность проявляется в различного рода фразеологизмах, пословицах русского языка, в которых Бог упоминается как высшее существо. На Бога надеются, Богу вверяют свои судьбы, от него ждут справедливости: Наша доля — Божья воля. Бог даст день, даст и пищу. Бог дал, Бог взял. На все воля божья...», или «для трех основных вероучений Китая - конфуцианства, даосизма, буддизма - характерно взаимное заимствование. Тенденция их сближения обозначилась явственно в эпоху Тан (618-907 гг.), продолжалась и в последующие династии. Мирное сосуществование разных религий в Китае считается уникальным явлением в истории человечества. Любая религия, и своя, и пришлая, должна была соответствовать китайскому образу жизни, мышлению, и политическому устройству», или «на протяжении длительной истории даосизм сохранял широкое влияние на национальное сознание китайцев, о том свидетельствует ряд фразеологизмов: 交梨火枣 «Груша дружбы и финик огня» — пища богов; эликсир бессмертия. 长生不老 «Жить вечно». 天堂地狱 «Бурно течь не переставая» — говорить без умолку; бесконечные разговоры. 金浆玉液 «Сок долголетия» и т.д. Материал имеет практическую направленность, его можно использовать в формате освоения дисциплин гуманитарного цикла. Цель как таковая достигнута, поставленные задачи решены. В итоге автор приходит к следующим выводам: «в отличие от русского народа китайская национальная личность отличается нерелигиозностью. Для китайской личности большой важностью обладают такие религиозные ценности, как долголетие и бессмертие, великая доброта, стремление к простой жизни и любовь к природе, вознаграждение за добро и зло, концепция причины и следствия, благочестивая вера в Будду. На наш взгляд, дальнейшее исследование в русле данной заявленной проблематики является перспективным не только в плане конкретизации речевого портрета китайской языковой личности, но и в аспекте моделирования системы традиционных культурологических ценностей русской и китайской национальных личностей». Стиль имеет приметы собственно научного типа, термины / понятия вводятся с учетом коннотаций универсальной направленности. Основные требования издания учтены, список источников полновесен. Рекомендую статью «Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов и пословиц с концептом «религия» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжэн В. Обозначение зелёного цвета в русской и французской лингвокультурах // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69495 EDN: BBVEET URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69495

Обозначение зелёного цвета в русской и французской лингвокультурах

Чжэн Вэньсюань

аспирант, кафедра французского языка и культуры, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ tchzhen.vensyuan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69495

EDN:

BBVEET

Дата направления статьи в редакцию:

03-01-2024

Аннотация: Данная статья представляет собой глубокий лингвистический анализ использования зелёного цвета в русском и французском языках. Рассматривается богатство фразеологических выражений и лексических оборотов, связанных с этим цветом, в их разнообразных контекстах. Основное внимание уделяется обозначению растений, природы, а также переносным значениям, таким как ассоциации с молодостью и эмоциями. Исследование охватывает различные области использования зелёного цвета, включая его связь с игральными картами, деньгами и алкоголем. Автор стремится раскрыть, как цвет взаимодействует с культурными концепциями и восприятием в различных лингвокультурных средах русского и французского языков, предоставляя глубокое понимание многослойности семантики зелёного цвета. Исследование проливает свет на языковые нюансы и обогащает наше понимание культурных контекстов. Исследование базируется на комплексном анализе лингвистических материалов, включая сравнительный анализ фразеологических единиц в русском и французском языках. Применены методы семантического анализа, культурологического контекста и историко-языкового сопоставления. Работа основана на аутентичных текстах и интегрирует культурную и языковую историю для выявления тонких оттенков

использования зелёного цвета. Исследование предоставляет глубокий анализ фразеологических единиц с зелёным цветом, выявляя их культурные, лингвистические и семантические аспекты в контексте русского и французского языков. Работа раскрывает общие черты и уникальные особенности употребления зелёного цвета, предоставляя читателю глубокое понимание его значения в различных языковых и культурных парадигмах. Научная новизна заключается в полномасштабном анализе языкового материала и выявлении влияния культурных факторов на восприятие цвета в языке. Работа обогащает лингвистическую науку, предоставляя ценные инсайты в область культурного взаимодействия через призму языка. Исследование вдохновляет на дальнейшие исследования в области семантики цвета и языковой антропологии, привнося новые перспективы и понимание в обсуждение влияния цветового восприятия на культурные нормы и обычаи.

Ключевые слова:

Зелёный цвет, Фразеологические выражения, Лингвокультуры, Культурные аспекты, Семантический анализ, Исследование, Обозначение растений, Молодость и эмоции, Деньги, Культурное взаимодействие

В области сопоставительной лингвистики множество работ сравнивает разные языковые картины мира. Здесь стоит выделить работы Гака, В. Г. [\[2\]](#), Шахбановой, А. Р. [\[16\]](#), Переслегиной, Е.Р. [\[8\]](#). Также стоит отметить цикл работ Головановской, М.К. и Ефименко, Н.А., посвященный базовым понятиям русской и французской языковых картин мира. [\[3\]\[4\]\[5\]](#)

Значения зеленого цвета в культуре исследовали также Харитонов, А. М. и Семухина Е.А. [\[15\]\[9\]](#). Однако Харитонов уделяет внимание религиозно-мифологическим истокам зеленого цвета, а Семухина исследует лингвосемиотику зеленого цвета во французском религиозном медиадискурсе.

Зелёный цвет в русском языке обладает богатой семантикой, охватывая широкий спектр значений и ассоциаций. Этот цвет часто ассоциируется с природой, весной и жизненной силой.

В русской лингвокультуре зелёный используется для обозначения свежести и зрелости растений, что отражается в таких выражениях, как "зелёные листья" или "зелёные насаждения". Он также ассоциируется с понятием охраны окружающей среды, как в случае "партии зелёных" или "зелёной революции".

В русской фразеологии зелёный цвет может выражать недостаток опыта, как в случае выражений "молодо-зелено" или "зелёный юнец". Однако, также существуют положительные ассоциации, например, "зелёные годы" означают расцвет сил.

В области эмоций, цвет зелёный может выражать страх, гнев или зависть, как в выражении "позеленеть от страха". Зелёный также связан с алкоголем и деньгами, где "зелёное вино" может указывать на водку, а "зелёная бумажка" - на денежную купюру.

Зелёный цвет в русском языке

В ведущем лингвистическом словаре русского языка Ожегова, зелёный приобретает

первичное значение, связанное с природой и растительностью ^[11]. Основываясь на этом, настоящее исследование внимательно рассматривает первоначальные коннотации зелёного цвета в русском языке, фокусируясь на его употреблении в контексте обозначения растений и предметов, изготовленных из растительных материалов.

"Зелёный чай" и "зелёный корм" представляют собой яркие примеры использования зелёного цвета для обозначения различных аспектов растительного мира. В первом случае, зелёный является атрибутом сорта чая, углубляя ассоциации с природным происхождением и свежестью. Во втором случае, "зелёный корм" указывает на растения, служащие кормом для животных, подчеркивая важность зелёного в сельском хозяйстве и взаимодействии с животным миром.

Дополнительное значение зелёного раскрывается в фразе "зелёные насаждения", охватывая древесно-кустарниковые и травянистые растения. Эта концепция не только отражает богатство растительности, но и подчёркивает их вклад в улучшение окружающей среды в городских пространствах. В современном русском языке зелёный цвет пронизан эко-дискурсом, становясь символом защиты окружающей среды и экологической гармонии.

Привлекая внимание к движению "зелёных" и существованию Экологической партии Зелёных "Кедр" в России, мы обнаруживаем, что зелёный становится метафорой демократических усилий по сохранению баланса между человеком и окружающей природой. Фразеологические выражения, такие как "зелёное золото" ^[13], "зелёный друг" и "зелёный шум" ^[1], вводят в лексикон тонкие оттенки, подчеркивая ценность и обогащающую роль зелёного в культуре и восприятии природы.

Разглядывая широкий спектр зелёного цвета, примером служит утверждение о большинстве незрелых плодов на Земле, представляющих собой зелёные (зеленые помидоры). Это свидетельствует о том, как язык воплощает естественные и биологические особенности окружающего мира, укореняя цветовую лексику в богатстве природных оттенков и отражая их в культурных концепциях.

В контексте использования зелёного для описания личностных особенностей людей, наблюдается фрагментация значений, предоставляющая нам два переносных значения. В первом случае, переносное значение прилагательного "зелёный" нацелено на охарактеризовать неопытных молодых людей. Фразеологизмы, такие как "зелёный юнец", "зелёная молодежь" и "молодо-зелено", эффективно вкладывают в язык образы и концепции, связанные с незрелостью и отсутствием опыта.

"Зелёный как три рубля" ^[6] и "детский лепет на зелёной лужайке" ^[10] предоставляют дополнительные нюансы, выделяя аспекты молодости и легкомыслия, которые свойственны этой категории людей. В свою очередь, "зелёная голова" ^[13] выражает устаревший стереотип, описывая несообразительного и недалёкого человека.

Второе переносное значение зелёного в контексте оценки цвета лица связано с физиологическим и эмоциональным состоянием. "Зеленеть от злости" олицетворяет состояние сильного недовольства, где лицо человека приобретает бледно-зелёный оттенок. "Зелено в глазах" ^[1] и "зелёная скука/тоска" ^[7] добавляют глубину в ассоциациях с цветом, указывая на мутность взгляда и томительную, невыносимую скуку.

Словосочетание "ёлки зелёные" ^[14] представляет собой пример использования зелёного в роли междометия, придающего выражение досаде или удивлению. Здесь зелёный

превращается в эмоциональный маркер, усиливающий оттенок эмоционального отклика.

Перейдя к третьему аспекту зелёного цвета — его применению к вещам, окрашенным в зелёный, обнаруживается ещё одна сфера его употребления. "Зелёный свет" на светофоре выступает как знак разрешения для движения машин и пешеходов, привнося в язык образ контроля и регулирования. "Зелёный огонёк" на фонарике такси указывает на его доступность. "Зелёная бумажка" в дореволюционной лексике представляет собой трёхрублёвый кредитный билет.

Продолжая рассмотрение многообразных аспектов употребления зелёного цвета в русском языке, следует обратить внимание на его связь с алкоголем. Здесь зелёный становится символом для обозначения крепких напитков и состояний, связанных с употреблением спиртного.

"Зелёное вино" и "зелёный змей" представляют собой примеры просторечных терминов для водки и алкогольного опьянения соответственно [\[13\]](#). Особенно выразительным в этом контексте является выражение "до зелёного змия", которое описывает состояние сильного опьянения, при котором человек может даже впасть в галлюцинации.

Переходя к области азартных игр, фразеологизмы с компонентом "зелёный" находят своё применение. "Зелёное судно/поле" олицетворяет карточный стол и карточную игру, где зелёный становится цветовым отражением игрового поля. "Зелёный стол", обтянутый зелёным сукном, придает атмосферу игры особую ауру [\[7\]](#).

В сфере аргументов русского языка зелёный приобретает несколько контекстовых оттенков. В лексике, связанной с деньгами, "зелёная/зелёная" становится обозначением пятидесяти рублей, а "капуста зелёная" указывает на валюту, в данном случае доллары. Также встречаются выражения "фигня зелёная" или "фигня на постном масле", используемые для обозначения чего-то плохого или недостойного внимания.

"Зелёная селедка с топленым молоком" и "зелень пограничная" вводят в лексикон шуточные образы, связанные с путаницей и военной сферой. Первое выражение создает ассоциации с неопределенностью и мешаниной, а второе напрямую отсылает к пограничным войскам через зелёный цвет их погон.

Наконец, в историческом контексте, "зелёная карета" становится аллюзией на казенные театральные кареты, подчеркивая их зелёную окраску. "Зелёная улица" в разговорном стиле символизирует беспрепятственное прохождение, хотя в царской России она использовалась как наказание в армии.

В истории гражданской войны "зелёные" представляли собой отряды дезертиров и крестьян, скрывавшихся в лесах и участвовавших в событиях как против белых, так и против красных [\[12\]](#). Таким образом, зелёный цвет становится не только лингвистическим инструментом для описания окружающего мира, но и зеркалом исторических, культурных и социальных событий.

Зелёный цвет во французском языке

Во французском языке, подобно русскому, зелёный цвет тесно связан с различными аспектами повседневной жизни и образует богатый лексический массив. Осматривая французскую лингвистическую палитру, мы обнаруживаем, что слово "vert" охватывает широкий спектр значений и ассоциаций.

Когда речь идет о финансах, фраза "Le billet vert" напрямую относится к символике

доллара [\[17\]](#). Этот термин выражает влияние зелёного цвета на денежную сферу и подчеркивает его связь с валютой, принося в восприятие денег особый оттенок.

В сфере коммуникаций употребление выражения "Le numéro vert" раскрывает уникальный смысл. Этот термин обозначает номер телефона, по которому можно звонить бесплатно, причем все расходы по звонку несет компания. Таким образом, зелёный цвет становится метафорой доступности и бесплатности [\[17\]](#).

Пространственные понятия также находят своё отражение во французской лексике. "L'espace vert" олицетворяет зелёные зоны, оазисы природы в городской среде [\[17\]](#). Это выражение придает зелёному цвету смысл озеленённых и ухоженных мест, создавая положительные коннотации в контексте природы и экологии.

"Le déchet vert" придает новый оттенок термину "зелёный" в области экологии и ухода за природой. Здесь он обозначает отходы, образующиеся при уходе за садами и зелёными насаждениями. Таким образом, зелёный цвет приобретает ассоциации с устойчивым образом жизни и ответственностью за окружающую среду [\[17\]](#).

"Le feuillage vert" и "Les pousses vertes" обращают внимание на природные элементы, подчеркивая связь с растительным миром. Первое выражение обозначает зелёные листья, а второе – молодые, зелёные побеги, символизируя свежесть и рост.

В французской культуре также важна ассоциация зелёного цвета с сельской местностью и деревенской жизнью. "Le tourisme vert" и "Se mettre au vert" отражают эту связь, указывая на туризм в сельских районах и отдых в деревне соответственно [\[17\]](#).

"La révolution verte" выходит за рамки культурных и языковых границ, описывая движение по распространению современных методов в сельском хозяйстве. Это также связано с развивающимися странами и использованием новых технологий для улучшения сельского хозяйства [\[17\]](#).

"Les partis verts" и "Voter vert" подчеркивают политический аспект зелёного цвета, указывая на партии и голосование за зелёных. Это свидетельствует о том, как зелёный цвет становится символом экологической направленности и заботы о природе в политической арене [\[17\]](#).

"Le vin vert" и "Le fourrage vert" продолжают тему зелёного в области сельского хозяйства. Первое выражение обозначает вино с кисловатым вкусом из-за недостаточной зрелости винограда, подчеркивая связь с природой в контексте виноделия. Второе, "зелёный корм", относится к свежим растениям, используемым в кормлении скота, и противопоставляется "сухому корму" [\[17\]](#).

Наконец, фразеологизмы "Des vertes et des pas mûres" и "En voir des vertes et des pas mûres" выражают идею зелёных и незрелых плодов в переносном смысле. Эти выражения используются для обозначения шокирующих, огорчающих ситуаций или трудностей, с которыми приходится сталкиваться [\[17\]](#).

Фраза «En voir des vertes et des pas mûres» из французского языка буквально переводится как "увидеть некоторые зелёные и незрелые" и используется для описания человека, пережившего множество трудностей и обид. Это выражение подчёркивает, что человек сталкивался с различными негативными ситуациями и переживаниями.

В дополнение к этому, фраза «Ils sont trop verts. Il trouve les raisins trop verts» — "Они слишком зелёные. Он находит виноград слишком зелёным" также выражает отрицательную оценку, связанную с неопытностью или недоразумением. В данном случае, лиса, неспособная есть зелёный виноград, предпочла описать его как кислый. Это метафорическое использование зелёного цвета свидетельствует о неприязни или разочаровании в чем-то незрелом или недостаточно развитом [\[18\]](#).

Зелёный цвет во французском языке оказывается связанным не только с областями финансов, природы и сельского хозяйства, но также с острыми и язвительными выражениями.

Выражение "Recevoir une verte réprimande" вводит в языковую картину понятие "зелёной головомойки", подчеркивая строгость выговора и резкость замечаний. Этот термин выражает не только сам факт выговора, но и его суровость, добавляя к зелёному цвету аспект неприязни и негодования [\[17\]](#).

Фраза "En dire des vertes et des pas mûres" раскрывает аспект использования зелёного цвета в контексте язвительных замечаний. Это выражение обозначает произнесение неприятных, нецензурных слов, подчеркивая резкость и жёсткость высказываний. Такое использование зелёного цвета придаёт словам особый характер и говорит о том, что речь идет о ситуациях, вызывающих негодование или шок [\[17\]](#).

Когда речь переходит к описанию человеческих эмоций и состояний, зелёный цвет также находит своё отражение. В выражении "Être vert de peur" использование зелёного цвета связано с физическим проявлением страха. Зелёное лицо становится метафорой для испуга и негативных эмоций, создавая яркую и запоминающуюся образность [\[17\]](#).

"Le visage vert de froid" добавляет новое измерение к использованию зелёного цвета в контексте человеческого выражения. Здесь он обозначает зелёное лицо, вызванное холодом. Такое выражение создает визуальный образ и описывает эффект холода на человеческое тело, украшая французский язык разнообразными образами [\[17\]](#).

В аспекте человеческой индивидуальности зелёный цвет тесно связан с возрастом и живостью. "Un homme vert pour son âge" подчеркивает бодрость и жизнерадостность человека, несмотря на его преклонный возраст. Также в литературной сфере "Un vert galant" описывает мужчину определенного возраста, который остается предприимчивым в отношениях с женщинами. Зелёный цвет становится символом не только жизненности, но и активности, даря языку изысканные образы [\[17\]](#).

Таким образом, французский язык удивительно использует зелёный цвет в самых разных контекстах, отражая тонкие оттенки выражения чувств, эмоций и социокультурных особенностей. Зелёный в языке Франции — это не просто цвет, а насыщенный семантический диапазон, который придаёт выразительность и глубину выражениям на французском языке.

Заключение

Исследование семантики зелёного цвета в русском и французском языках позволяет выделить несколько важных аспектов, общих и различных через призму лингвистической и культурной особенности каждого из языков.

Первым общим аспектом является связь зелёного цвета с природой, растениями и весной. В обоих языках зелёный ассоциируется с хлорофилловыми растениями, свежей

травой и зелёной листвой. Этот общий фон раскрывается через выражения, такие как "Зелёный чай" и "le thé vert", что подчёркивает универсальность цветовой семантики.

Вторым аспектом является перенос значения зелёного цвета на охрану окружающей среды. В обоих языках зелёный становится символом экологической ответственности и уважения к природе. "Партия зелёных" и "les partis verts" демонстрируют схожесть в языковом выражении этой идеи.

Тем не менее, существуют некоторые различия в трактовке зелёного цвета в отношении молодости. В русском языке зелёный ассоциируется с неопытностью, в то время как во французском, например, "les vertes années" означает расцвет сил в молодости. Такие различия подчеркивают культурные особенности и контекстуализацию значения цвета в каждом из языков.

Отрицательные эмоции, такие как страх и плохое самочувствие, ассоциируются с зелёным в обоих языках, что выражается в "позеленеть от страха" и "être vert de peur" соответственно. Эти аспекты семантики цвета объединяют культуры в общем языковом восприятии эмоциональных состояний.

Зелёный цвет также обозначает "разрешение" и "свободный путь" в обоих языках через выражения "donner le feu vert" и "la voie verte". Это объединяет культуры в понимании цвета как символа разрешения и продвижения вперёд.

Схожесть в использовании зелёного в обозначении денег и алкоголя также выделяет общие черты в лингвистическом восприятии. Но при этом детали, такие как "Капуста зелёная" и "le billet vert", подчеркивают уникальные особенности каждого языка в данном контексте.

Углубляя наше понимание взаимодействия языка и культуры в обозначении зелёного цвета, следует отметить дополнительные аспекты, вытекающие из рассмотренных фразовых единиц.

Во французском языке, в силу его лексической гибкости, обозначение "иметь зелёные пальцы" используется для выражения восхищения тем, кто мастерски обращается с садоводческим искусством. Это отражает культурный акцент на уважении к труду в области садоводства и владения садовыми знаниями, что может служить примером того, как язык воплощает ценности общества.

В русском языке зелёный, помимо своего цветового значения, приобретает интересную дополнительную роль в контексте игровых карт. Термины "зелёное судно/поле" и "зелёный стол" относятся к карточным столам и играм, создавая лингвистический мост между языком и азартной культурой. Это свидетельствует о том, как язык взаимодействует с различными сферами жизни и отражает их в своей лексике.

Также стоит отметить, что зелёный свет на светофоре, изначально созданный для управления движением, приобрел новое переносное значение "разрешения" в языках обеих культур. Это подчеркивает, как технологические инновации и повседневные явления оказывают влияние на семантику цвета, вводя новые ассоциации и значения.

В заключении, зелёный цвет в русском и французском языках не только обладает схожей цветовой семантикой, но и демонстрирует разнообразие в интерпретации и использовании. Это подчёркивает языковую красоту и уникальность, а также отражает глубину культурных особенностей, вкрапленных в лексические идиомы обоих языков.

Библиография

1. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона / Под ред. М.И.Михельсона. – М.: Издательство ЭТС, 2004.
2. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2103 "Иностранные языки" / В. Г. Гак ; В. Г. Гак. – Изд. 4-е. – Москва : URSS, 2010. – 287 с.
3. Головановская, М. К. Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах / М. К. Головановская, Н. А. Ефименко // Litera. – 2023. – № 5. – С. 249-267.
4. Головановская, М. К. Представление о совести в русской, французской и китайской культурах / М. К. Головановская, Н. А. Ефименко // Философия и культура. – 2022. – № 11. – С. 95-106.
5. Головановская, М. К. Представление об уме в русском, французском и китайском языках и культурах / М. К. Головановская, Н. А. Ефименко // Философия и культура. – 2023. – № 5. – С. 117-133.
6. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии / Сост. В.К. Белко. – М.: Зеленый век, 2000.
7. Малый академический словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: ЯСК, 2016.
8. Переслегина, Е. Р. Сопоставительный анализ русских и французских глаголов движения при обучении иностранных студентов русскому языку : специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Нижний Новгород, 2002. – 23 с.
9. Семухина, Е. А. Лингвосомиотика зеленого цвета во французском религиозном медиадискурсе // Язык. Социум. Культура: сборник научных статей. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова", 2017. – С. 37-41.
10. Словарь русского арго / Под ред. В.С.Елистратова. – М.: Русские словари, 2000.
11. Словарь русского языка / Под ред. С.И.Ожегова. – М.: Мир и образование, 2017.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Хит-книга, 2020.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И.Фёдорова. – М.: Lingua, АСТ, Астрель, 2008.
14. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Т.В.Волкова. – М.: Вече, 2000.
15. Харитонов, А. М. О некоторых религиозно-мифологических истоках происхождения выражений, связанных с зеленым цветом // Религия и общество-11: сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, Могилев, 10–17 марта 2017 года / Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 259-261.
16. Шахбанова, А. Р. Картина мира соматизма *oculus* "глаз" в языках различных типологий (на материале лезгинского, русского и французского языков): специальность 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Махачкала, 2014. – 159 с.

17. Le Grand Larousse encyclopédique / Dir. de P. Larousse – P.: Les Éditions Larousse, 2022.
18. La Fontaine, J.D. La Fontaine's Fables / J.D. La Fontaine. – М.: Нобель Пресс, 2011.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы связана с семантикой «зелёного» цвета в русской и французской лингвокультурах. Автор отмечает, что «зелёный цвет в русском языке обладает богатой семантикой, охватывая широкий спектр значений и ассоциаций. Этот цвет часто ассоциируется с природой, весной и жизненной силой. В русской лингвокультуре зелёный используется для обозначения свежести и зрелости растений, что отражается в таких выражениях, как "зелёные листья" или "зелёные насаждения". Он также ассоциируется с понятием охраны окружающей среды, как в случае "партии зелёных" или "зелёной революции"», «во французском языке слово *vert* является цветом хлорофилловых растений, полученным в результате смешения синего и желтого пигментов». В принципе анализ на уровне сравнений использования «зелёного цвета» двух языковых формаций правомерен. Но статья не имеет серьезной как теоретической, так и практической основы. Материал описателен, перечислительный тон превалирует в тексте, собственно же аналитика нивелирована. Тема по ходу сочинения практически не раскрывается, нет серьезной аргументации и в финале. Например, «на основе исследования языковых материалов мы приведём следующие аспекты обозначений словосочетаний с компонентом «зелёный» в русском и французском языках. 1. Зелёный — признак растений, природы и весны. Во всех вышеприведённых языках зелёный является цветом между синим и желтым в цветовом спектре, полученным в результате смешения синего и желтого пигментов. Такой цвет обычно встречается в свежей траве, листве и других хлорофилловых растениях. Общие выражения: Зелёный чай, *le thé vert*. Зелёный лист, *la feuille verte*. Зелёные насаждения, *l'espace vert*», или «4. Зелёный выражает отрицательные эмоции, такие как печаль, гнев, страх, зависть и плохое самочувствие. Позеленеть от страха, *être vert de peur*. В русском языке существует подобное использование зеленого цвета о глазах, между ними есть небольшое различие. Зелено в глазах — помутилось» и т.д. Нет в работе и четко выверенной позиции автора относительно указанного вопроса. Материал нуждается в серьезной доработке, исследователю нужно усложнить / утяжелить изыскание, формального перечисления фразеологизмов / пословиц явно не достаточно. Финал статьи не дает также основания потенциальному читателю выйти на важность и серьезность рассматриваемой темы: «сначала обратите внимание на первое общее обозначение слов с компонентом зелёного в вышеприведённых языках — растение, весна, природа и охрана окружающей среды. От того, что обычно недозрелые плоды имеют зелёный цвет, появилось второе общее значение — молодость и неопытный человек. Зелёный иногда выражает негативные эмоции человека, такие как печаль, гнев, страх и зависть. В современных транспортных средствах во всём мире зелёный свет означает, что пешеходам и машинам разрешено движение. Таким образом, благодаря научно-техническому изобретению зелёный цвет обрёл новое переносное значение в рассмотренных языках — разрешить». Таким образом, констатирую, что цель рецензируемого сочинения не достигнута, поставленный спектр задач решен условно; материал нуждается в доработке, автору необходимо аналитически раскрыть тему. В данном виде статья «Обозначение зелёного цвета в русской и французской

лингвокультурах» не может быть допущена к публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа выполнена в духе лингвокультурологии, что, несомненно, делает ее привлекательной в плане сравнительно-сопоставительных исследований, актуализирующихся в последнее время в языкознании. Подобная методика изучения языковых единиц способствует более глубокому вскрытию культурных особенностей, заложенных в языке народа. Данная статья ставит целью выявить и проанализировать национальную специфику обозначения зеленого цвета в русской и французской лингвокультурах через изучение метафорических единиц и фразеологизмов, использующих колорит "зеленый". Поднятая проблема представляется актуальной ввиду возрастающего интереса к проведению сравнительных исследований на материале различных языков.

Работа содержит новые данные по языковой картине мира двух неродственных народов, в частности, сопоставительные сведения, осуществленные в заключительной части статьи, дают возможность читателю составить представление о соотношении взглядов двух народов на зеленый цвет. Выявленные семантические нюансы в обозначении цвета в русской и французской лингвокультурах показывают богатство и широту спектра значений и ассоциаций в двух языках. Наряду с традиционным использованием зеленого цвета для именованья мира природы, весны и жизненной силы, в работе раскрываются и другие уникальные значения изучаемого цвета в структуре как русского, так и французского языков.

Работа выполнена с соблюдением основных канонов научного исследования. Стиль работы соотносится с собственно научным стилем. Структура статьи отвечает плану исследования автора. Описательная характеристика семантики зеленого цвета в каждой из изучаемых культур обобщается в сопоставительном плане в заключительной части статьи, позволяя "выделить несколько важных аспектов, общих и различных, через призму лингвистической и культурной особенности каждого из языков".

Указанные в библиографии труды, в целом, содержат научные работы на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям на французском языке, а также их обзор, несомненно, обогатили бы работу.

Данный материал можно использовать при изучении лингвокультурологии русского языка в сопоставлении с другими языками, при изучении лингвистических курсов сопоставительного / компаративного толка. Автору удалось, на мой взгляд, раскрыть основную тему работы. Материал статьи удобно дополнить сведениями из других родственных и неродственных языков, расширяя представления о мире в языках различных народов.

Основные требования издания учтены, правки требует синтаксис изложения, т.к. допущены пунктуационные ошибки, например, в предложениях "В контексте использования зелёного для описания личностных особенностей людей, наблюдается фрагментация значений, предоставляющая нам два переносных значения. В первом случае, переносное значение прилагательного "зелёный" нацелено на охарактеризование неопытных молодых людей." и др.

Статья «Обозначение зелёного цвета в русской и французской лингвокультурах» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шагбанова Х.С. Патриотические начала в творчестве М.А. Шолохова // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69489 EDN: BCGMKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69489

Патриотические начала в творчестве М.А. Шолохова

Шагбанова Хабиба Садыровна

ORCID: 0000-0001-5549-4819

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, ЧОУ ВО "Юридический институт" (Санкт-Петербург)

199106, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 6

✉ khabiba_shagbanova@list.ru[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.1.69489

EDN:

BCGMKO

Дата направления статьи в редакцию:

02-01-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу понимания патриотизма по М.А. Шолохову. Последовательно рассматривается тема любви к Родине в произведениях различных периодов творчества известного советского писателя. Будучи непосредственным участником судьбоносных для СССР событий, Шолохов сумел отразить патриотизм как многоуровневый и, порой, противоречивый концепт. Анализ патриотической модели поведения на примере главных героев и персонажей второго плана произведений писателя рассматривается в контексте таких сюжетно-композиционных элементов, как бинарные оппозиции (добро – зло, правда – ложь, честь – бесчеловечность, милосердие – жестокость, личное – коллективное). Описание данного концепта сопровождается обращением к категориям пространства и времени, осмыслением мировоззренческих, морально-нравственных и духовных доминант, которыми руководствуются литературные герои произведений. Патриотизм, представленный в историческом контексте литературного наследия М.А. Шолохова, целесообразно рассматривать как константу, способствующую рефлексии персонажа и регистрирующую внутренние логические связи данной константы, ее содержательное наполнение на протяжении сюжета.

Патриотическая парадигма мировоззрения художественных произведений писателя характеризуется не только способностью мотивации к жертвенным поступкам, но и предпосылкой образовывать основу для конфликта персонифицированных позиций и взглядов. На примере героев своих произведений М.А. Шолохов показывает нам, читателям, каким должен быть настоящий патриот. Констатируется, что художественное наследие Мастера в современных социально-политических реалиях может успешно содействовать патриотическому воспитанию российской молодежи, т.к. художественная литература оказывает серьезное влияние на воспитание личности, на её внутренний потенциал и выбор морально-этических ориентиров, способствовать формированию высоких нравственных качеств человека.

Ключевые слова:

патриотизм, литературное творчество, художественный образ, реализм, донское казачество, традиционная культура, война, защита Отечества, Родина, Михаил Шолохов

«О Шолохове — художнике сказано немало интересного, хорошего, яркого», так начинается свою статью «Снова о Мелехове» Ф.Г. Бирюков, которая была опубликована в одном из номеров журнала «Новый мир» за 1965 г. [\[2, с. 236\]](#). Многогранное творчество М.А. Шолохова является яркой страницей в летописи творческого пути, пройденного нашими соотечественниками в XX веке. Исследователи верно отмечают, что писатель стремился эпично и глубоко запечатлеть основы человеческого бытия — то, на чем, по его мнению, держится мир [\[8, с. 4\]](#). Литературные персонажи шолоховских произведений — личности из советского прошлого, эпохи, наполненной непростыми событиями, которые ставили советский народ перед тем или иным сложным общественным выбором. Это были трудные годы государственного строительства и поиска путей решения социальных невзгод, нестроений, сопровождаемых человеческими трагедиями. Совершенно справедливо высказывается Н.Д. Котовчихина о том, что этот трагизм века через судьбы героев в наибольшей мере из всех русских писателей XX в. отразил М.А. Шолохов [\[7, с. 13\]](#).

Мотивная организация творчества Шолохова обнаруживает единый повествовательный план, представленный инвариантной и вариантной моделями, объективированными на выявление компонентов философского, семантического и морального порядка. Единый план выражения регистрирует драматизм и изменения, коснувшиеся основ жизни общества на индивидуальном и социальном уровне в условиях секуляризации. Поведение героев произведений писателя, рассматриваемое в контексте патриотической мировоззренческой парадигмы, демонстрирует актуальность бинарной оппозиции материального и нравственного, духовного, чем и обусловлены повествовательные мотивы. Писатель предпринимает попытку синтезировать самобытное и общечеловеческое, вселенское в многомерном пространстве аксиологических координат ценностной картины мира.

На годы жизни мастера художественного слова выпали судьбоносные для нашей страны явления. В это время происходит, как справедливо отмечает В.К. Сигов, очередная социальная ломка, революция, гражданская война, и самое важное — коллективизация ... разрушение традиций духовной жизни [\[13, с. 390\]](#). М.А. Шолохов подробно отразил многие эти и иные поворотные события нашей недавней истории в своих произведениях. Важнейшее значение в подобных социальных достижениях и преодолениях имел дух

патриотизма, присущий людям того времени. Уже произведения раннего творчества отмечены обращением к проблематике таких аспектов патриотического самосознания, как жертвенность и милосердие, братолюбие и взаимопомощь, понимание правды, судьбы, воли и свободы, постоянно оказывающихся в центре сюжета и апеллирующих к архетипу родной земли. Проза Шолохова как в содержательном, так и в формальном плане иллюстрирует органическую связь характеров главных героев с природой, с русской землей через совокупность своих тематическо-мотивных элементов, где одним из главных является патриотизм.

Лейтмотивом творчества писателя является тема тяжелой судьбы Отчизны, его малой Родины — «Донщины», а также его земляков. Е.С. Князева обращает внимание на то, что характер персонажа формируется в стечении самых различных обстоятельств, но прежде всего в существовании неразрывной взаимосвязи человека с природой, родной землей, а также с событиями, происходящими в окружающей действительности» [6, с. 19]. Все это позволяет нам подробно рассмотреть понимание патриотизма М.А. Шолоховым, его проявления в мирное и военное время, соотношение «личного» и «коллективного» аспектов в любви героев к отчему краю. Патриотическое осмысление действительности как одна из фундаментальных художественно-композиционных доминант функционирует в связке с обращением к проблеме жизненного пути, судьбы человека как в экзистенциальном, так и в духовно-философском аспекте. Восприятие героем своего жизненного пути как неотъемлемой части судьбы Отечества, ее продолжения, формируется во взаимодействии с такими содержательными компонентами, как путь, свет, борьба добра и зла, развивающими и усложняющими семантику исходного архетипа.

В рамках настоящей статьи творческое наследие одного из выдающихся писателей XX в. рассматривается в тесной связи с историческим контекстом, сопровождавшим и во многом вдохновившим на написание художественных произведений. В творчестве Михаила Александровича четко прослеживаются четыре этапа. Это, в первую очередь, ранние рассказы Шолохова о «Донщине» — дань автора малой Родине, роман-эпопея «Тихий Дон» как монументальное описание перипетий Гражданской войны, роман «Поднятая целина», повествующий о жизни граждан Советского Союза после гражданской войны, о мерах правительства по восстановлению экономики государства. Наконец, четвертый период представляет собой совокупность так называемых «военных произведений» Шолохова, действие которых разворачивается в период Великой отечественной войны — к ним относятся работы «Они сражались за Родину», «Наука ненависти» и «Судьба человека». Мотив любви к Родине отражает совокупность моральных, нравственных и духовных ценностей, организует семантическую структуру сюжетно-композиционных элементов, атрибутируя ткань повествования отсылками к природно-пространственным, витальным, предметным образам и метонимико-метафорическим переносам.

Донские рассказы М.А. Шолохова посвящены судьбам людей, преимущественно жившим на его малой Родине. Прототипами для героев Шолохова являлись, в большинстве своем, реальные люди. Примечательно, что со всеми ними так или иначе автор был знаком сам — этим фактом объясняется высокая степень реализма творчества писателя. Временной промежуток, в котором происходят действия рассказов о «Донщине», охватывает период конца Гражданской войны и первые годы после ее завершения, когда регион и отдельные населенные пункты переходили из рук в руки, подвергались разбою со стороны многочисленных бандитских формирований, испытывали значительные экономические трудности. Именно в такой атмосфере изображаются

персонажи рассказов и романов писателя, многие из которых находят внутренние силы для того, сохранить человеческое достоинство, остаться верными собственным убеждениям, проявить благоразумие, сострадание и милосердие.

Цикл «Донские рассказы» состоит из десяти произведений. Важно отметить, что подавляющее большинство из них представляет собой или истории семей, совместно переживающих бедствия и потери близких вследствие Гражданской войны, или судьбы людей, разобщенных по причине политических убеждений. Так, в центре сюжета рассказа «Родинка» — судьба красноармейского командира Николки Кошевого. Ближе к развязке он узнает, что его без вести пропавший отец на самом деле оказывается атаманом местной шайки бандитов на Верхнем Дону. Отряды отца и сына встречаются в вооруженном противостоянии, где главный герой трагически гибнет от руки собственного отца. Тот, опознав в командире красноармейцев сына, сводит счеты с жизнью. Тема раскола семьи по причине участия в родственных людей в противоборствующих отрядах далеко не нова в отечественной литературе — похожий сюжет изображается в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». Но если Тарас Бульба убивает сына вполне осознанно, то в «Родинке» для читателя остается тайной, пошел бы на такой поступок отец Николки, заведомо зная, что командир красноармейцев — его сын.

Следует отметить, что стороны гражданской войны в цикле рассказов представлены достаточно выразительно и, по замечаниям критиков, без ущерба для сюжета и реалистичности повествования произведения нельзя отказаться от данных сюжетно-композиционных элементов. Автор осознанно отказывается сделать любую из сторон конфликта носителями правды в последней инстанции: основной посыл, который проходит красной нитью через ряд рассказов цикла — эмоциональные и неоправданно жестокие решения, которые человек способен принять (даже в отношении своих родных) под воздействием внешних обстоятельств, вполне возможны, однако о них впоследствии придется горько сожалеть. Патриотизм как приверженность политическим идеалам, мотивированных деятельностью ради блага государства (будь они «белые» или «красные»), автор не готов поставить выше патриотизма как любви к близким, сострадания и прощения [\[20, с. 66\]](#).

В этой связи закономерно возникает вопрос — исчерпывается ли для автора проявление патриотизма только любовью к Родине? Ответ на этот вопрос находится в рассказе «Лазоревая степь». Главный герой — дед Захар, добрый, не желающий обидеть ни одно создание. Его внуки, прогнавшие пана из его владений и участвовавшие в разделе земли, осуждены панским сыном и должны быть казнены. А.И. Метченко отмечает «раболепие» деда Захара в этот момент — тот молит сына пана пощадить внуков, однако ничего этим не добивается. Критик видит в символизме окружения знаки того, что, по мнению автора, окружающий мир еще не приспособлен «для благодушия и всепрощения» [\[10, с. 26-27\]](#). Вопрос о том, могли ли мужики противостоять карательному отряду панского сына, автор также оставляет открытым для читателя, в очередной раз подчеркивая противоречивость ситуации и неопределенность перспектив развития сюжетной линии.

Именно в этих произведениях формируется рецепция М.А. Шолоховым патриотизма как явления, существующего в двух измерениях. С одной стороны, патриотизм проявляется в любви к близким, в сострадании людям вне зависимости от их взглядов, а с другой — под патриотизмом понимается приверженность человека собственным взглядам на то, как должна выглядеть его Родина, их осуществлению на деле, готовности отстаивать их

с оружием в руках. Таким образом, автор предлагает интерпретировать феномен патриотизма как противоречивое явление, способного породить внутренний, межличностный или групповой конфликт.

Роман-эпопея «Тихий Дон» — наиболее яркий литературный труд М.А. Шолохова. Н.М. Муравьева пишет, что произведения такого масштаба, как «Тихий Дон», изменяют критерии ценностей, воздействуют на сознание людей, заставляют пересмотреть сложившиеся границы познания, точку отсчёта в оценках и представлениях о мире и человеке [\[11, с. 3\]](#). Исследователи пишут об этом шедевре художественной литературы XX века как о самом ярком произведении о казаках, существующем на сегодняшний день [\[12, с. 253\]](#). В романе во всей полноте раскрывается тема «человека и войны». Подлинным главным героем с философской точки зрения выступает не Григорий Мелехов, а народ (донское казачество), на долю которого выпали страшные события Первой мировой и Гражданской войны.

Казачество в массовом сознании представляется исключительно воинствующим сословием, для которого война является чуть ли не смыслом жизни. М.А. Шолохов дает нам совершенно иную картину, во многом благодаря тому, что непосредственно знаком с казачеством «изнутри». Для Шолохова казаки — трудолюбивый народ, привязанный к своей родной земле, которую заботливо возделывает веками [\[1, с. 20\]](#). Несмотря на все изменения, которые произошли с сослуживцами Григория в ходе сражений, некоторые из них превратились в жестоких убийц, некоторые были внутренне сломлены, но у всех них оставалась единая, скрепляющая черта — непреодолимая тяга к родным просторам. Данная тема иллюстрируется нелегким жизненным путем Г. Мелехова — несмотря на все перипетии Гражданской войны, герой стремился в отчий дом, к своим родным. Любовь к родной земле показана у Григория Мелехова через порыв освободить казачьи земли, захваченные красноармейцами.

Конфликт душевного и чувственного выражается в поиске правды, в преодолении противоречий, размышлении об истине в диалоге со старым казаком Гришакой, представителем народного, наивного сознания, для которого правда соотносится прежде всего с волей Божией. В этом контексте автор интерпретирует патриотическое осмысление как справедливость, являющуюся основой для всего мироздания и заключающую в себе духовную силу, способную преодолевать трудности на пределе возможностей, подчас на грани жизни и смерти. В прозе Шолохова осознание героем себя в качестве части Родины представлено в различных конфигурациях и вариантах: в бытовых, повседневных, фольклорных, приточных и т.д., где актуализируется производный мотив — мотив ответственности за другого, за всех, что свидетельствует о его роли как одного из магистральных, сюжетообразующих и организующих идейно-выразительный контур и образный потенциал произведения.

На страницах произведения отражены, пожалуй, все невзгоды, с которыми может быть сопряжена война — насилие и грабежи, убийства, потери родных и близких, расколы среди соседей и членов семьи, месть, горе [\[3, с. 10\]](#). Эти события меняют людей физически и ментально. Описывая сослуживцев Григория Мелехова в ходе кампании Первой мировой войны, Шолохов мастерски демонстрирует связь между изменениями в морали человека на войне, подчеркивая их описаниями внешних изменений. Война оставляет в душе каждого, соприкоснувшегося с ее тяготами и лишениями, неизгладимые раны, и оттого нелегко вернуться к прежней жизни; в этом и заключается видение автором проблемы «человека на войне», где главное, по мнению Шолохова, — сохранить внутренний стержень вопреки происходящим вокруг трагическим событиям [\[15\]](#).

[с. 19\]](#). Именно поэтому Григорий Мелехов не находит себе места ни среди белых, ни среди красных, ни среди повстанцев.

Григорий — образцовый казак по натуре. Главная и, пожалуй, единственная его привязанность, прошедшая вместе с ним через все произведение — родные просторы, семья и близкие люди. Несмотря на то, что герой сыскал воинскую славу, которой удостаивался далеко не каждый, сумел отличиться, он не является прирожденным военным, война для него — лишь внешние события, олицетворение и закономерный итог внутренних, духовных процессов, происходящих в обществе.

Финальная точка в военном периоде жизни Григория, когда он отказывается продолжать участие в конфликте — эпизод, когда он топит винтовку и наган и встречается с сыном Мишаткой. Рефлексия чувства любви и преданности родной земле в творческом наследии М. Шолохова формируется посредством целого сгустка макро- и микромотивов, мотивов-поступков, мотивов-персонажей, мотивов-результатов. Мотив патриотического осмысления происходящих событий представляет собой одну из основ сюжета романа, ассимилировавших идею о предназначении человека, заключающемся в добре, стремлении к справедливости и истине. Сопоставление героем своей участи и судьбы родного края обусловлено использованием автором образа-связки «умение оставаться человеком», который подобно лакмусовой бумажке маркирует качества души того или иного персонажа, его способность дистанцироваться от суеты, устремить свой взгляд к истине и свету.

Патриотизм героев подвергается масштабным испытаниям — сперва Первой мировой, а затем и жестокой братоубийственной Гражданской войной. В самом эпиграфе к произведению («В годину смуты и разврата / Не осудите, братья, брата») уже озвучивается проблема выбора жизненных ориентиров, где патриотизм оценивается и через призму любви к малой Родине, родным и близким, и через выбор одной из линий политической борьбы в стране. В литературоведении присутствует точка зрения о жертвенности как одной из основных черт подвига в целом [\[17, с. 25\]](#), как верность личным принципам и готовность отстаивать их. Персонаж Григория Мелехова ведет себя как патриот: он верен своей земле, принимает участие в сопротивлении отрядам красноармейцев, где бы он ни был, его тянет в родные просторы Донщины.

Война для Григория — прежде всего бедствие и личная трагедия, его мучают кошмары с воспоминанием поступков, которые ему приходилось совершать и видеть на фронте. Главный герой несет тяжелое бремя войны и одновременно находит силы интенсивно анализировать ситуацию, оценивать поведение сослуживцев и противников в контексте морали и нравственности, вспоминать родных людей и при каждом удобном случае проявлять о них заботу. Мелехов сражается то на одной, то на другой стороне, но нигде не находит совокупности тех моральных императивов, ради которых был бы готов воевать до окончания конфликта. По словам самого Шолохова, подлинный гуманизм заключается в борьбе, постоянном поиске правды. Григорий испытывает внутреннее противоречие между своим «патриотизмом малой Родины» и идеологическими установками противоборствующих сторон, действиями как большевиков, так и белогвардейцев.

Хронологические компоненты сюжета подобраны автором неслучайно и содержат определенную смысловую нагрузку, подчас глубоко символичную: хутор Мелеховых находится на самом краю селения, откуда открывается вид на меловую хребтину горы, на Гетманский шлях, на север, являясь средоточием ряда направлений, символизируя определенную точку, в которой сходятся жизнь и смерть, добро и зло, готовность

сражаться до конца и тревога о будущем. Преамбула с мелеховским двором служит мотивом-экспозицией, эксплицирующей инвариантную схему судьбы семьи Мелеховых, сопровождаемую рядом мотивов. Мотив-хронотоп выполняет сюжетобразующую функцию, продуцирует систему смысловых связей, способствует в значительной степени возникновению сквозного образа главного героя-патриота, объединяющего художественно-эстетическую реальность в ее повествовательном аспекте и изображение действительности посредством модели патриотического поведения. Центральный мотив обогащен смыслами онтологического характера: Дон — не только река, но и образ монументальности бытия и вечности, олицетворяющий рождение, очищение, спасение от невзгод и бурь внешнего мира.

Действие романа «Поднятая целина» также разворачивается на Донщине. Если рассмотренные ранее произведения описывали события гражданской войны и первых послевоенных лет, то данное повествует об освоении целинных земель, начиная с 1930 г. На этом принципиально ином историческом фоне тема патриотизма рассматривается автором в свете коллективного и собственнического. Казацкие земли, уставшие от продразверстки, встречаются с большевистским авангардом и коллективизацией. По сказанному ранее, патриотизм рассматривается Шолоховым, в первую очередь, как любовь к родной земле и близким людям, а апогеем проявления преданности Родине является общественный труд на земле. Одновременно писатель предлагает поиск ответа на вопрос, что же включает в себя понятие «родной земли»? Относятся ли к этому общему понятию домашний скот, птица, продукты, произведенные упорным трудом местных жителей? Именно в этом заключается одна из ключевых проблематик произведения — с приходом коллективизации, под угрозой принуждения жителям хутора приходится довериться партийному активу, отдав часть собственности и не получив никаких гарантий взамен (многие уверены, что из социалистического землепользования не выйдет ничего кроме всеобщего голода).

Здесь раскрывается еще один аспект патриотизма по М.А. Шолохову, а именно, готовность пожертвовать не жизнью в военных условиях, а личным имуществом в мирное время. Иными словами, готовность к самопожертвованию у патриотически настроенного человека проявляется не только в экстремальных ситуациях, но и в будничных поступках. Такое жертвенное поведение на протяжении всего повествования оказывается достаточно редким — отдельные люди скорее готовы взяться за оружие и пойти на необдуманные и жестокие поступки, лишь бы обрести иллюзорное успокоение и материальное благополучие. Герои искусно изображаются автором во всем многообразии их противоречивых качеств. Истинное сострадание читателя, скорее всего, могут вызвать лишь некоторые второстепенные персонажи.

Еще одна ключевая тема, которая затрагивается Шолоховым и также связана с авторским пониманием патриотизма — тема пассивности масс. С приездом в хутор партийных активистов их агитация находит поддержку лишь у малой части селян, в большинстве своем жители неохотно выходят на работы в поле. Но и после того, как активисты задают темп работы личным примером и вводят инновационные техники в земледелии (прополка хлебов), приток селян в колхоз остается слабым, и масса народа стремится выбить себе лишний день отдыха, не заботясь о собственном благополучии в будущем, одновременно узкий круг местных жителей, в числе которых Островнов и Половцев, планирует контрреволюционный мятеж. Основная масса местных жителей остается пассивной, стремясь сохранить имущество и сложившиеся устои. Автор же, в свою очередь, не демонстрирует очевидным образом поддержку ни одной из социальных групп. Одним из наиболее ярких героев, чья модель поведения наиболее близка к

патриотической, является, герой второго плана — кузнец Шалый. Шалый не только помогает местному колхозу с починкой огромного количества борон и плугов к нужному сроку, но и в ходе произведения активно участвует в жизни хутора, занимает активную, деятельную гражданскую позицию, дает хуторянам полезные советы. В очередной раз образцом патриотичного человека у М.А. Шолохова выступает герой, сохраняющий нейтралитет в противостоянии условных «красных» и «белых», следующий своим внутренним убеждениям, ищущий правду, деятельный и заботящийся об общем благе, о родном хуторе.

Мастер художественного слова также известен благодаря описанию событий Великой Отечественной войны в романе «Они сражались за Родину», рассказах «Судьба человека» и «Наука ненависти». Важным для раскрытия патриотических начал советского народа в тяжелые годы военного лихолетья является и статья в газете «Правда» от 13 мая 1945 г. «Победа, которой не знала история» [\[4, с. 97\]](#).

Патриотизм в этих произведениях также раскрывается в экстремальных условиях — при отступлениях на фронте и в плену врага. В центре романа «Они сражались за Родину» боевое подразделение первых лет войны, которому приходится с тяжелыми боями отступать вглубь страны. Отступление тяжело дается солдатам — многие из них проходят через населенные пункты не в силах смотреть в глаза местным жителям, а некоторые из жителей, в свою очередь, считают отступающих предателями и отказываются помогать. В определенный момент повествования раненые солдаты просят командира разрешить им вместо отступления следовать на переформирование подразделения и вернуться на фронт. В этот момент автор дает понять, что патриотизм включает в себя умение проигрывать, делать выводы и находить силы продолжать борьбу [\[5, с. 362\]](#). Раненые солдаты нуждались в лечении и восстановлении и не смогли бы дать отпор врагу, но переформированное подразделение со свежими силами будет готово сражаться доблестно и эффективно.

«Наука ненависти» повествует о судьбе лейтенанта Виктора Герасимова, прошедшего через нечеловеческие условия немецкого плена и повидавшего все ужасы немецких захватчиков. Война сделала из обыкновенного сибиряка-механика огрубевшего солдата, полного ненависти к врагу. Но сам Герасимов утверждает, что одной ненависти не может быть достаточно для победы — только воодушевляясь любовью к Родине, к своему народу можно одолеть противника. Интерес рассказчика к Герасимову возник в ходе эпизода, когда лейтенант окрикнул конвойного советского солдата, охранявшего двух фашистов. Тот был слишком расслаблен, за что был окрикнут лейтенантом. Автор рассказа иллюстрирует эволюцию главного героя от доброжелательного отношения к окружающим (и даже врагу) до ненависти. Портрет патриота в данном произведении характеризуется не слепой ненавистью, но благородным порывом, выраженно концентрированным стремлением победить чудовищный гитлеровский режим, поправший все мыслимые представления о достоинстве человека и человечности.

«Судьба человека» продолжает тему патриотизма: главный герой, Андрей Соколов, попадает в плен к фашистам и проводит там более двух лет. Один из самых запоминающихся моментов — совершение Андреем первого убийства. Когда пленных однополчан заперли в церкви, среди них нашелся предатель, который хотел выдать политрука, однако был убит, и никто из оставшихся пленных не подвергся казни. В данном случае тема патриотизма коррелирует с антитезой «коллективного» и «собственного» в «Поднятой целине». Патриотизм, таким образом, представляется, в первую очередь, как готовность пожертвовать личными интересами и благополучием

ради коллективного блага [\[9, с. 496\]](#). Примечательно, что самоотверженность и высокие моральные принципы Соколова отмечают даже немцы, когда тот отказывается принять пищу из их рук перед собственным расстрелом. Они ценят мужественное поведение героя, хотя тот, по сути, не является ни пехотинцем, ни кадровым военным вообще, он — военный шофер. Это свидетельствует о том, что истинный патриотизм проявляется не только в контексте боевых действий, но и на уровне межличностной коммуникации. Патриотизм в данном случае представлен совокупностью личных убеждений, принципов и идеалов, которыми главный герой руководствуется даже в самой, казалось бы, безнадежной ситуации.

Подводя итог, отметим, что тема патриотизма в творчестве Шолохова выкристаллизовывалась на протяжении всего его творчества. Будучи непосредственным участником судьбоносных событий в истории нашей страны, Михаил Александрович искусно отмечал и описывал проявления патриотизма в самых разных жизненных ситуациях, в то же время подчеркивая многообразие способов проявить любовь и верность Родине. Многогранность и глубину концепта «патриотизм» замечали и подчеркивали в своем творчестве многие писатели и поэты военных лет [\[18, с. 352\]](#).

В рассказах о «Донщине» Шолохов уже выделяет два уровня патриотизма — «базовый», как любовь к малой Родине, родным и близким людям, а также «идеологический», как наличие убеждений и идеалов относительно устройства и образа Родины в будущем. Автор оставляет пространство читателю для собственной интерпретации, однако сам довольно акцентированно выделяет два аспекта, из которых первый проявляет в героях их лучшие черты, то второй в подавляющем большинстве случаев приводит к расколу, конфликтам и братоубийственным схваткам. Описываются ужасы как Первой мировой, так и Гражданской войны — Григорий Мелехов удостоивается славы бесстрашного и доблестного воина, но она не приносит ему счастья. Главный герой не находит себя ни в стане «красных», ни в стане «белых», и в конце концов возвращается к жизни казака-земледельца. Иначе патриотизм осмысливается в произведении «Поднятая целина». В этом романе патриотизм заключается в готовности людей, живущих своим трудом, пожертвовать личным благополучием ради коллективного.

Наконец, военная проза М.А. Шолохова показывает патриотизм иначе. Писателю не чуждо чувство ненависти к врагам Родины, но только если она не животная, а подкрепленная чувством любви к Родине и народу [\[14, с. 198\]](#). Таким образом, феномен патриотизма самым тесным образом сопряжен с понятием Родины и Отечества. Литературное наследие Шолохова отражает воплощение патриотического самосознания в социокультурном пространстве на уровне семейной и общественной жизни. Осмысление окружающей действительности с позиций восприятия Отечества как одной из мировоззренческих доминант обусловлено императивом деятельной, созидательной активности человека. Особенно остро в произведениях автора раскрываются качества индивидуума в тяжелых, а порой и критических условиях (война, нищета, голод), и в этих трудных обстоятельствах человек показывает свое истинное лицо. М.А. Шолохов смог искусно изобразить порыв души к поступку на благо Родины, поиск ответов на вопросы об истине, о роли простого человека в жизни государства.

Судьба Отечества в творчестве писателя неразрывно связана с судьбами главных героев. Тексты, созданные с глубоким знанием быта, жизни, мировосприятия и устоев, посредством своей функционально-стилистической организации подчеркивают восприятие событий внешнего мира неотрывно от таких архетипов, как земля, огонь, вода и природа в целом. Патриотическая компонента литературного наследия М.А.

Шолохова представлена как традиционными образами (земля — мать, Дон — отец, месяц — молодой казак), так и глубинными генетическими связями художественного слога писателя с пластами народного сознания.

Интерпретация патриотического отношения родной земли у Шолохова сопряжена с единением и сближением человека и мира и иллюстрацией этой взаимосвязи в описании быта, социального положения и личных качеств. Любовь к земле отцов в произведениях автора ассоциируется не только с историческим прошлым, но и с трудом земледельца, рыбака, охотника. Индивидуально-авторские эпитеты повествуют о важности Отечества как гармоничной и уравновешенной системы с описанием духовно-этнических процессов, совокупностью бинарных оппозиций (жизнь — смерть, белое — черное и т.п.), взаимодействующих с микро- и макроконтэкстом и мотивирующих положительно или отрицательно коннотативный аспект значения слова.

Феномен патриотизма, репрезентированный посредством комплекса художественно-изобразительных средств и расширением ассоциативных значений уже имеющихся слов наряду с эстетико-семантическим построением конкретной повествовательной текстообразующей системы, преподносится как пространство, в котором реализуется своеобразие национального характера, личные качества и духовные устремления человека. Парадигма патриотического самосознания характеризуется не только градуированной и эмоциональной оценочностью героев и предметов, но и апелляцией к понятийно-прагматическому и ассоциативно-образному полю многообразия используемых в произведении элементов.

Понятие «патриотизма» в творчестве М.А. Шолохова включает в свое структурно-содержательное пространство такие семантические микрополя, как сила воли, черты характера, нравственное проявление сущности человека, отношение личности к порученному делу. В шолоховской системе символов преобладает идея важности природы, окружающего мира как части родной земли, в значительной степени определяющая историко-социальное бытие человека и его патриотические императивы. Судьбы героев демонстрируют высокую значимость любви к Родине в контексте повествования о семье, о родственных узах, о преодолении трудностей. Несмотря на то, что описание самосознания народа представлено в качестве вспомогательного элемента художественного мира, тем не менее, оно придает особый колорит и организует идейную и эмоционально-психологическую многоплановость, позволяющую рассмотреть патриотический тип поведения определенных героев через призму человечности, стойкости, сохранения достоинства человеческой личности. В романе «Тихий Дон» Григорий Мелехов переосмысливает суть беспощадной и бессмысленной полыхающей гражданской войны в категориях родной и чужой земли. Патриотическая модель мировосприятия является одним из центральных символов, преодолевающих пространственные и временные рамки, отмечающих своей универсальной природой проблемы морально-антиномичного порядка.

Структура патриотизма, рассматриваемая в представленной статье посредством диалектического подхода, констатирует многоплановую взаимосвязь внутренних и внешних определений — категоризации и групповой интенсификации, — посредством которых осуществляется выявление проблематики понятия «патриотизм» в современном социальном и гуманитарном знании. Патриотизм как дискурсивная формация выражен через объективизацию взгляда на мир в категориях морали и человеческого достоинства, опосредованных этнокультурными, социальными, природно-географическими факторами и сопряженных с их апелляцией к высшим духовно-нравственным ценностям.

Обширное и многогранное литературное наследие М.А. Шолохова будет востребовано заинтересованными читателями во все времена. Непреходящая ценность прозы писателя присутствует и в том, что его произведения актуальны в части патриотического воспитания молодежи при помощи художественного слова [19, с. 143]. Изобразительные средства выражения патриотических идей, задействованные Мастером, делают эти произведения берущими за сердце и не оставляющими никого равнодушным [16, с. 4].

Библиография

1. Архипенко Н.А., Власкина Т.Ю., Власкина Н.А. Принципы представления традиционной культуры донского казачества в творчестве М.А. Шолохова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 2. - С. 8-24.
2. Бирюков Ф.Г. Снова о Мелехове // Новый мир. 1965. № 5. – С. 236-250.
3. Герасимова И.Ф. Трагизм изображения первой мировой войны в творчестве М.А. Шолохова и его старших литературных современников // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 2. – С. 5-14.
4. Губанов Г.В. Михаил Шолохов на фронтах войны и литературы // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 2 (17). – С. 94-102.
5. Даренский В.Ю. Война как фактор нравственного преображения человека в романе М. Шолохова "Они сражались за Родину" // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. № 3. – С. 357-365.
6. Князева Е.С. Традиции М.А. Шолохова в русской прозе 60-70 годов XX века о судьбе крестьянства: автореф. дис. канд. филол. н. [Сургут. гос. пед. ун-т]. – Сургут, 2007. – 22 с.
7. Котовчихина Н.Д. Современный мир и творчество Михаила Шолохова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2010. № 3. – С. 12-20.
8. Котовчихина Н.Д. Эпическая проза М.А. Шолохова в русском литературном процессе XX века: автореф. дис. ... доктора филол. н. [Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова]. – М., 2004. – 50 с.
9. Лысенко А.С. Правда о войне в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» [Электронный ресурс] // Бюллетень медицинских Интернет-конференций / Bulletin of Medical Internet Conferences. 2015. Т. 5. № 5. – С. 496. – URL: <https://medconfer.com/node/5233> (дата обращения: 27.12.2023).
10. Метченко А.И. Мудрость художника: О М.А. Шолохове. – М.: Современник, 1976. – 190 с.
11. Муравьева Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: автореф. дис. ... доктора филол. н. [Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. – Тамбов, 2007. – 52 с.
12. Поль Д.В. Историзм шолоховского эпоса // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). – С. 251-261.
13. Сигов В.К. «Русский текст» в многонациональной российской литературе XX века // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: Коллективная монография / Сост. и науч. ред.: Л.А. Трубина, В.К. Сигов. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 384-404.
14. Слюсаренко Л.М. Творческое наследие М.А. Шолохова на постсоветском культурном

- пространстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4-3 (106). – С. 193-199.
15. Чайкин Тимофей, иерей. Духовная нравственность казаков в романе "Тихий Дон" [Электронный ресурс] // Архонт. 2019. № 2 (11). – С. 18-20. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38214329> (дата обращения: 27.12.2023). Чэнь В. Публицистика М.А. Шолохова и А.Н. Толстого военных лет (1941-1945 гг.) в воспитании патриотизма молодого поколения [Электронный ресурс] // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 5 (41). – URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.44> (дата обращения: 11.11.2023).
16. Чэнь В. Публицистика М.А. Шолохова и А.Н. Толстого военных лет (1941-1945 гг.) в воспитании патриотизма молодого поколения [Электронный ресурс] // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 5 (41). – С. 1-5. – URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.44> (дата обращения: 11.11.2023).
17. Шагбанова Х.С. Анализ сферы личности героя на примере жития великого князя Александра Невского [Электронный ресурс] // Litera. 2021. № 9. – С. 19-27. – URL: https://www.e-notabene.ru/fil/article_36398.html (дата обращения: 11.11.2023).
18. Шагбанова Х.С. Концепт «патриотизм» в балладе К. Симонова «Секрет победы» // Образование и право. 2022. № 2. – С. 348-352.
19. Шаховалова Е.Г. Ценностный потенциал речевой культуры в гражданско-патриотическом воспитании современной молодежи [Электронный ресурс] // Основные проблемы и направления воспитательной работы в современном вузе: материалы докладов Международной научно-практической конференции по воспитательной работе, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (27 ноября 2020 г.) /Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова; отв. ред. И.В. Огнев. – Барнаул : АлтГТУ, 2020 – С. 142-144. – URL : https://journal.altstu.ru/konf_2020/2020_1/67/ (дата обращения 11.11.2023).
20. Ширина Е.А. О духовных константах в русской литературе советского времени // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 2 (34). – С. 63-68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал касается анализа патриотических магистралей прозаических текстов Михаила Шолохова. Направление, выбранное для оценки, представляется значимым, актуальным, востребованным. Следовательно, работа имеет научный вес, она познавательна и инверсивна. В рамках рецензируемой статьи «творческое наследие одного из выдающихся писателей XX в. – Михаила Шолохова – рассматривается в тесной связи с историческим контекстом, сопровождавшим и во многом вдохновившим на написание художественных произведений». Вполне правомерно звучит тезис, что «мотивная организация творчества М.А. Шолохова обнаруживает единый повествовательный план, представленный инвариантной и вариантной моделями,

объективированными на выявление компонентов философского, семантического и морального порядка. Единый план выражения регистрирует драматизм и изменения, коснувшиеся основ жизни общества на индивидуальном и социальном уровне в условиях секуляризации. Поведение героев произведений писателя, рассматриваемое в контексте патриотической мировоззренческой парадигмы, демонстрирует...». Отмечу, что методология работы выровнена, ориентир на работы А.И. Метченко, Н.Д. Котовчихиной, В.К. Сигова, Н.М. Муравьева и других исследователей поддерживает основную логику разверстки проблемы. Стил сочинения находится в раках предельности и тяготения к собственно научному стилю. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «понятие «патриотизма» в творчестве М.А. Шолохова включает в свое структурно-содержательное пространство такие семантические микрополя, как сила воли, черты характера, нравственное проявление сущности человека, отношение личности к порученному делу. В шолоховской системе символов преобладает идея важности природы, окружающего мира как части родной земли, в значительной степени определяющая историко-социальное бытие человека и его патриотические императивы. Судьбы героев демонстрируют высокую значимость любви к Родине в контексте повествования о семье, о родственных узах, о преодолении трудностей», или «судьба Отечества в творчестве писателя неразрывно связана с судьбами главных героев. Тексты, созданные с глубоким знанием быта, жизни, мировосприятия и устоев, посредством своей функционально-стилистической организации подчеркивают восприятие событий внешнего мира неотрывно от таких архетипов, как земля, огонь, вода и природа в целом. Патриотическая компонента литературного наследия М.А. Шолохова представлена как традиционными образами (земля — мать, Дон — отец, месяц — молодой казак), так и глубинными генетическими связями художественного слога писателя с пластами народного сознания», или «Наука ненависти» повествует о судьбе лейтенанта Виктора Герасимова, прошедшего через нечеловеческие условия немецкого плена и повидавшего все ужасы немецких захватчиков. Война сделала из обыкновенного сибиряка-механика огрубевшего солдата, полного ненависти к врагу. Но сам Герасимов утверждает, что одной ненависти не может быть достаточно для победы — только воодушевляясь любовью к Родине, к своему народу можно одолеть противника» и т.д. Работа явно имеет черты актуальности, открытый диалог о «патриотизме в отечественной классике необходим и важен». Приоритетом исследования является непредвзятый подход к оценке прозы М.А. Шолохова, статья ориентирована не только на студентов филологических факультетов, но и школьников старших классов, преподавателей, тех, кто всерьез размышляет о Родине, Стране, России, мирном положении Вселенной. Как таковая тема исследования раскрыта, необходимый спектр задач решен, думаю, что и иллюстративно-ссылочного сегмента достаточно. Итоги работы созвучны основной части: «обширное и многогранное литературное наследие М.А. Шолохова будет востребовано заинтересованными читателями во все времена. Непреходящая ценность прозы писателя присутствует и в том, что его произведения актуальны в части патриотического воспитания молодежи при помощи художественного слова. Изобразительные средства выражения патриотических идей, задействованные Мастером, делают эти произведения берущими за сердце и не оставляющими никого равнодушным...». Основные требования издания учтены, серьезных фактических ошибок не выявлено, текст не нуждается в правке и коррективе. Рекомендую рецензируемую статью «Патриотические начала в творчестве М.А. Шолохова» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цуй Ю. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Китае // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69518 EDN: BQVWYI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69518

Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Китае

Цуй Юньюнь

аспирант, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 17

✉ 1042205286@pfur.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.1.69518

EDN:

BQVWYI

Дата направления статьи в редакцию:

09-01-2024

Аннотация: Антон Павлович Чехов – широко известный в Китае русский писатель и драматург. За свою жизнь он создал множество произведений, которые знакомы китайскому читателю. Общеизвестно, что пьесы Антона Павловича Чехова открывают новую страницу истории драмы и театра. «Вишневый сад» – последнее произведение Чехова – считается одним из самых зрелых его драматических произведений и на сегодняшний день обладает дискуссионным характером в литературоведении, его интерпретации предлагаются зрителю на театральной сцене во всем мире, в том числе и в Китае. Данная статья имеет своей целью проследить эволюцию рецепции названного произведения в китайской критической мысли, а также отразить историю постановок «Вишневого сада» в театре Китая. Предметом исследования данной работы является рецепция пьесы «Вишневый сад» в китайском литературоведении, изучение истории ее перевода и постановки в различные исторические периоды в Китае. Основными используемыми методами исследования являются описательный и исторический. Автор исследования предпринимает попытку охарактеризовать основные особенности восприятия произведения и постановок «Вишневого сада» в Китае, которые детерминируются изменением социально-исторических условий государства. В качестве материала для анализа используются критические и литературоведческие труды

китайских исследователей творчества А. П. Чехова. В связи с этим настоящее исследование представляется актуальным, поскольку автором развивается научная дискуссия вокруг рассматриваемого чеховского произведения. Теоретическая новизна статьи заключается в том, что в научный оборот вводятся работы китайских литературоведов и критиков, посвящённые проблемам рецепции образов пьесы, ее сюжетного и идейного своеобразия, а также анализируются постановки «Вишневого сада» режиссёрами Китая. В целом, интерпретация «Вишневого сада» в Китае претерпела изменения от преимущественно идеологической к эстетической ценности и обращения к современности. С одной стороны, в переводе и анализе пьесы наблюдается все большее разнообразие интерпретаций самого текста, сосредоточенных на его эстетико-художественных и символических коннотациях. С другой стороны, стиль постановки расширяется от следования традиции Станиславского к плюрализму, авангарду и стилизации.

Ключевые слова:

Чехов, Вишневый сад, пьеса, Китай, рецепция, литературоведение, перевод, восприятие, интерпретация, постановка

Рассказ А. П. Чехова «Черный монах», опубликованный впервые в 1907 г., стал первым произведением русского классика, которое познакомило китайского читателя с его творчеством. Рассказ был переведен У Тао с японского языка. Пьесы Чехова активно начинают переводить в 1920-е гг. Самый ранний перевод «Вишневого сада» был сделан У Ли в 1920 г., но тогда переводчик ограничился лишь первым действием пьесы. Год спустя Гэн Цзичжи перевел драму полностью, и его вариант перевода был включен в книгу «Собрание русской драматургии» (1921), часть «Серии русской литературы», изданной Чжэн Чжэньдуо.

В 1930–1940-е гг. появились разные варианты переводов «Вишневого сада», переводчиками были: Юй Ди (1939), Цзыцзян (1946), Маньтао (1940), Цзяо Цзюйинь (1943), Фан Синь (1944). Среди них наиболее популярными оказались переводы Мань Тао и Цзяо Цзюйиня, которые выдержали несколько переизданий.

С 1950-х гг. Жу Лун, известный как «голос Чехова в Китае», приступил к систематическому переводу произведений Чехова, начав с его рассказов. В период с 1980 по конец 1999 г. Шанхайское издательство переводов выпустило 16-томную «Антологию А. П. Чехова», в которую входит и «Вишневый сад» (1998). Впоследствии, в честь 100-летия со дня смерти Чехова, известный переводчик и драматург Тун Даомин предпринял еще одну попытку перевести пьесу в 2004 г.

За последние сто лет всего девять переводчиков работали над пьесой. Кроме того, китайские исследователи перевели большое количество интерпретаций произведения, предложенных различными иностранными учеными, и одновременно оставили множество собственных статей по ее толкованию.

Большинство китайских критиков интерпретируют данную пьесу с социально-политической точки зрения, полагая, что в ней содержится надежда и стремление к светлому будущему и новой жизни. Такого мнения придерживаются, например, Фэн Шоуцзюй в монографии «Биография и труды русских писателей XIX века» (1929), Фан Синь в статье «Послесловие к переводу "Вишневого сада"» (1944) и т. д.

Невозможно обойти вниманием и статью известного драматического режиссера и переводчика Цзяо Цзюйиня «Послесловие к переводу "Вишневого сада"» (1947), которая рассказывает о процессе создания и премьере пьесы, а также содержит уникальный анализ идеологической темы и художественного стиля произведения.

С точки зрения идеологического подтекста, Цзяо Цзюйинь рассматривает пьесу как «символическую поэму общества», считая, что «вишневый сад <...> представляет старую феодальную систему, которая скоро рухнет» [\[1, с. 132\]](#). Автор работы считает, что эта «группа паразитических существ в вишневом саду», отказавшаяся свергнуть реальность, будет уничтожена вместе с садом, что неизбежно, по мнению критика. «Вишневый сад» – произведение, показывающее истинное явление жизни, времени и эпохи, а Чехов – не только врач, лечащий пациентов, но и диагностирующий источник болезни общества. Одновременно, писатель предлагает и способ исцеления: нужно «уничтожить запущенный вишневый сад и заново построить новый, прибыльный вишневый сад» [\[1, с. 132\]](#), чем предсказывает, что на смену отжившему строю придет коммерческий капитализм. Эта идея оказывается центральной по мнению переводчиков и критиков и оказывает влияние на перевод произведения.

В области художественного стиля толкователь увидел в пьесе лиризм и поэтику, назвав ее «лебединой песней» Чехова, «его последним лирическим стихотворением» [\[1, с. 126\]](#). В статье утверждается, что пьеса начинается не с сюжета, а с «настроения». Всё произведение, каждое действие и каждая сцена наполнены самыми глубинными, истинными и сильными эмоциями. Персонажи живут в таком настроении и атмосфере, и, вполне естественно, у них соответствующие судьбы. По этой причине автор статьи заключает, что «прежде всего, чтобы понять Чехова, нужно уметь понимать его "настроение"» [\[1, с. 133\]](#). Кроме того, исследователь подчёркивает лаконичность, содержательность и поэтичность чеховского языка.

«Чтобы понять Чехова, – заключает критик, нужно знать, как ценить поэзию и лирические элементы его творчества; нужно сначала отказаться от театрального взгляда на поиск "театральности"; нужно искать реальную жизнь в пьесах <...> нужно субъективно и глубоко переживать жизнь, постигая ее пульсации и формы, а не объективно анализировать ее поверхность» [\[1, с. 135\]](#). Следует сказать, что интерпретация художественного стиля, которое дает Цзяо Цзюйинь, уникальна, что дает читателям идеи и мысли для нового понимания произведения.

С 1980-х годов растет число критических статей об этой пьесе. В статье «Пространство в "Вишневом саду"» (1984) Чжан Вэйцзя уделяет внимание тому, как Чехов использует пространство для изображения персонажей и выражения их внутренней жизни [\[2, с. 60–64\]](#).

Сяо Дан в статье «О художественных достижениях пьесы Чехова "Вишневый сад"» (1987) изучает революционную тему произведения, его комический характер, психологический реализм, лиризм произведения [\[3, с. 237–254\]](#).

В работе «О паузе в "Вишневом саду"» (1996) Цзоу Юаньцзяном анализируется используемый писателем приём «паузы»: раскрывается ее функция в воплощении эстетических принципов писателя [\[4, с. 100–108\]](#).

В работе «За рубкой – экологическая критика в "Вишневом саду"» (2005) Хэ Аньфан анализирует пьесу с точки зрения экокритики и приходит к выводу, что «исчезновение

вишневого сада отражает отношение человека к природе в режиме интеллектуального, культурного и социального развития» [\[5, с. 72\]](#).

Дун Сяо утверждает, что «недраматическая» суть произведения Чехова включает в себя уникальный «комический дух», который также является художественной ценностью всех пьес писателя («Изучение комической сути пьесы Чехова из "Вишневого сада"» (2009) [\[6, с. 60-64\]](#).

Ван Ли в работе «Этничность чеховской драмы в свете комического характера "Вишневого сада"» (2010) рассматривает наследование в пьесе русской театральной традиции «высокой комедии» (т.е. комедии с трагическим подтекстом) [\[7, с. 20-22\]](#).

Чжу Яньнянь, Фэн Юнь интерпретируют сложное существование и богатый внутренний мир персонажей с позиций трех аспектов полифонической теории (полифоничности, диалогичности и незавершенности) в статье «Разнообразные жизни в шуме множества голосов: "Вишневый сад" в свете теории полифонии М. М. Бахтина» (2012) [\[8, с. 125-130\]](#).

В работе «Сезонное повествование в "Вишневом саду" и его эстетические последствия» (2020) Цзун Шилун и Цзян Сяопин отмечают особенности повествования в экстернализации эмоций персонажей, построении драматической структуры, проявлении лирической функции и т. д. [\[9, с. 77-84\]](#).

По мере развития китайского общества мы наблюдаем большее разнообразие в интерпретации пьесы «Вишневый сад», при этом акцент исследователей смещается с ее социальной значимости на художественную ценность самого произведения. Постановки этой пьесы следуют аналогичной тенденции.

Постановки «Вишневого сада» в Китае начались не сразу после ее перевода. Самая ранняя – состоялась в 1939 г., когда Шанхайский клуб советских экспатриантов представил ее на русском языке в честь 35-летия со дня смерти Чехова. А премьера пьесы, которая была поставлена исключительно силами китайских режиссеров, состоялась лишь в 1960 г. в честь 100-летия со дня рождения Чехова.

Говоря о причине выбора этого произведения, режиссер Тянь Цзя (директор Шанхайского театрального института) заметил, что «это последняя и самая насыщенная пьеса в его жизни. Цель состоит в том, чтобы эта драма, которая воодушевляет своей идеей девиз "Здравствуй, новая жизнь" в нашу великую эпоху приобрела новое – уже практическое – значение» [\[10, с. 27\]](#).

В это время антиправая борьба в Китае расширялась, и интерпретация иностранных литератур шла на основе идеи классовой борьбы. Таким образом, «практическое значение» произведения состояло в том, пьеса должна была раскритиковать буржуазию и провозгласить новую жизнь пролетарского руководства. Режиссер критически смотрел на так называемую феодальную аристократию, представленную героями пьесы - Гаевым и Раневской, и так же относится к буржуазии, представленной Лопухиным. «Главные герои Гаев и Раневская, как и многие потомки дворян того времени <...>, жили очень нелепой и развращенной жизнью. <...> Это пережитки старой русской жизни (крепостного строя)», – писал Тянь Цзя [\[10, с. 27\]](#). Лопухин «сначала использовал отношения своего отца как крепостного в семье Гаева, чтобы замаскироваться под хорошего друга владельца поместья, и предложил им погасить долг, сдав землю в субаренду и построив дачу. Кажется, что он искал выход для хозяина усадьбы, чтобы

спасти его, но на самом деле это была его уловка» [\[10, с. 27\]](#). В связи с этим режиссер попросил актера не только отразить драматизм персонажа, но и тот факт, что в итоге маска героя должна быть сорвана, а его натура обнажена.

Такая интерпретация с явной идеологией классовой борьбы, очевидно, является преднамеренным искажением пьес Чехова в специфическом для того историческом контексте.

В то же время Тянь Цзя увидел в произведении надежду и свет, подчеркнув, что актеры должны «сосредоточиться на продвижении оптимистического духа Чехова, чтобы голос ликующего девиза “Здравствуй, новая жизнь” был громче» [\[10, с. 28\]](#). Это также тесно связано с китайской социальной и политической средой 1960-х гг.

Эта версия произвела на всех глубокое впечатление и передала оптимизм пролетариата, который вдохновил многих китайцев. Затем Китай постепенно вступил в десятилетний период культурной революции (1966–1976 гг.). Все исследования творчества Чехова были приостановлены, и, естественно, постановок «Вишневого сада» в этот период не было.

После реформ и открытости (1978) режиссер Сюй Сяожун – директор Центральной академии драмы – впервые вывел «Вишневый сад» на сцену в 1994 г. Таким образом, пьеса была поставлена снова через 34 года, и на этот раз была интерпретирована в совершенно другом контексте.

Основное отличие состояло в том, что версия, поставленная Сюй Сяочжуном, отказывалась от политической идеологии и делала акцент на эстетических и художественных особенностях самого произведения. Режиссер в своей интерпретации постарался остаться максимально близким к чеховскому замыслу произведения.

Говоря о жанре пьесы, Сюй Сяочжун поддерживал ироничность над умирающим поколением, но не хотел относиться к «Вишневому саду» как к простой комедии, считая, что «образы помещиков Раневской и Гаева <...> Чехов презирал, хотел высмеять, но и сочувствовал им, это определяет жанровые характеристики произведения» [\[11, с. 20\]](#). Режиссер сопереживал героям, пытался почувствовать их настроения и трудности: «Эти умирающие люди не негодяи, они нелепые, скучные по своей природе, но нельзя возлагать на них всю вину, что передает оттенок чеховской грусти» [\[11, с. 21\]](#). Поэтому пьеса фактически трактовалась как «трагикомедия, основанная на комедийных фактах». В контексте новой эры реформ и открытости режиссер объяснил чеховскую идею с точки зрения современности, транслируя свое собственное ее понимание.

Сюй Сяочжун сделал инновационный режиссерский шаг, используя теорию «театра среды» американского кинорежиссера Чарльза Шайера. Как сам постановщик объяснил, это «метод перформанса, основанный на создании и использовании более свободного и широкого театрального пространства. Цель состоит в том, чтобы расширить совместное театральное пространство между зрителями и актерами, увеличить радость зрителей от близости просмотра художественных творений, исследовать новые характеристики отношений между “просмотром” и “постановкой”» [\[11, с. 22\]](#). Сюй Сяочжун воспользовался удобством университетской среды, добавив украшения русскими элементами. Во время представления был достигнут тесный контакт между зрителями и актерами. В качестве примера можно привести случай, когда в конце первого действия студент Трофимов посмотрел на спящую Аню и сказал: «Солнышко мое! Весна моя!» [\[12, т.13, с. 214\]](#). Из-за северных ворот нового учебного корпуса доносилась русская народная музыка – пели и

танцевали артисты, и зрители даже за пределами кампуса.

Эта постановка продемонстрировала естественную связь и сосуществование между спектаклем и аудиторией, не теряя понимания действия, помогла зрителям ощутить полное участие в сценах и найти новые элементы и новую красоту в драматическом пространстве. Этот способ разрыва естественного времени и пространства не только сохранил поэтическую красоту оригинальной пьесы, но и предоставил особый эстетический ракурс для изучения коннотации чеховских пьес.

В XXI в. эстетической ценности искусства уделяется все больше внимания. Мир становится все более разнообразным, и постановки «Вишневого сада» в Китае носят явные черты соответствия времени.

К 100-летию со дня смерти Чехова (2004) известный китайский режиссер-авангардист Линь Чжаохуа поставил «Вишневый сад». Используя постмодернистский подход, режиссер внес смелые, даже можно сказать подрывные изменения и инновации в постановку.

Спектакль проходил в маленьком театре Байбинмасы, в котором места для зрителей были выше сцены. В сценографии нет ни красивого образа вишневого сада, ни типично русской мебели. Театр похож на низкую подземную пещеру. Такая сценография показывает понимание режиссером чеховской пьесы: «В центре внимания "Вишневого сада" не стоит ни пропаганда идеала социального прогресса, ни оплакивание кончины упадочных классов и старых вещей. Чехова интересует вечная беспомощность и затруднительное положение человека перед лицом вечного изменения» [\[13, с. 24\]](#). Этот вишневый сад не так красив и не так достоин ностальгии, поэтому трагические чувства Гаевых и их нежелание продавать имение в этом контексте представляются очень смешными.

В дополнение к вышеупомянутому сценическому фону, смелые инновации и эксперименты режиссера также отражены в выборе актеров, языке персонажей и их действиях. Помещика Симеонова-Пищика играл известный юморист Дада, а актеру, сыгравшему Лопухина, добавлен более смешные северо-восточный и тяньшанский акценты. В постановку также внесены современные хореографические элементы. Во время танца актеры не выходили на сцену, не показывали лица, просто высовывали ноги из-за занавеса, следуя ритму музыки. Такой способ исполнения значительно повышал комический смысл пьесы.

Стоит отметить, что Линь внес много изменений и в сам сценарий. Он сократил текст оригинального произведения, добавил некоторые уловки и забавные слова, кое-где даже полностью трансформировал исходный язык. Очевидным примером является то, что, многие диалоги он превратил в прямое повествование для аудитории. Это его отсылка к традиционному китайскому песенно-повествовательному искусству – эстрада. Это доказывает, что режиссер использовал в своих целях неоднозначность чеховского языка. В пьесе каждый персонаж рассказывал только о своих проблемах и прошлых воспоминаниях, межличностное общение являлось недопустимым. Этот вид диалога можно рассматривать как маскировку монолога.

В 2009 г. Линь Чжаохуа снова поставил «Вишневый сад» уже на большой сцене, в основном следуя традиции 2004 г.

Пекинский народный художественный театр в 2016 г. также поставил «Вишневый сад» (реж. Ли Люи). В этой версии представления отсутствует сильная идеология,

причудливые формы исполнения, нет чрезмерного акцента на теме комедии, но она наполнена философскими размышлениями, исследующими отношения между материей и духом.

В постановке режиссер использовал белый цвет в качестве основного, дополненный светло-желтым, чтобы создать простое и загадочное ощущение. Много белого пространства и ощущение визуального расширения дали зрителям простор для воображения. Актеры всегда находились на сцене в белом, двигались или замирали по мере развития сюжета. Этот дизайн растворил время и пространство в сценарии, позволил отойти от реализма и отказаться от представления истории, улавливая символизм вишневого сада как духовный дом и сосредотачиваясь на «психологической реальности идеологий персонажей» [\[14, с. 34\]](#), что является особенностью пьесы. Ли выразил недоумение людей с помощью этого символа: у каждого свой вишневый сад, и его гибель – это гибель духовного дома в собственном духовном мире.

Показывая мысли о том, «что такое жизнь», версия Ли затронула вопрос человеческого существования, когда люди потерялись в быстро меняющемся обществе, и просто жили, не задумываясь о смысле жизни. Она соответствовала пульсу времени и заставила людей задуматься о смысле существования в социуме, которое слепо гонится за развлечениями и посредственностью.

На 6-м Театральном фестивале Учжэнь (2018) «Вишневый сад» был поставлен в блоке «Классическое пробуждение» молодым режиссером Сунь Сяосином и Тяньцзинским народным художественным театром.

Режиссер Сунь стер фон эпохи оригинальной пьесы, и акцентировал внимание на насущных проблемах: в информационном веке интернет принес людям много удобств, но при этом отдалил людей друг от друга. Особенно это коснулось нового поколения людей, которые как будто разделены временем и пространством. Но однажды все это исчезнет и станет прошлым, совсем как вишневый сад Раневской.

Чтобы выразить эту атмосферу, посреди сцены поставили большую белую кровать, по которой актеры катались, на ней же разговаривали, играли в игры. Изображение, проецируемое на занавески кровати, было размытым. Все казалось уютным сном. Это перекликается с присущим лиризмом чеховского пьесы. Удобная кровать вместо вишневого сада символизирует нечто такое же хрупкое и прозрачное. В движениях и языке актеров передается искаженное, бессильное чувство, а при разговоре проявляется состояние лени тела и интонации. Только речи Лопухина и студента Трофимова все еще полны энтузиазма.

Говоря о факторах, повлиявших на интерпретацию чеховского произведения, нельзя не упомянуть «отправную точку» творческого метода режиссера Сунь. Он хотел быть ближе к молодежи и отыскать связь между «Вишневым садом» и современностью, поэтому добавил в спектакль множество современных элементов, таких как японская двухмерная музыка, игры, косплей, радиопостановки. И это одна из причин, почему так много зрителей оставили плохие отзывы о спектакле. Савас Патритис, профессор Аристотелевского университета в Греции, впервые приехавший на театральный фестиваль Учжэнь, высказал свое неудовлетворение просмотром спектакля. После представления он резюмировал, что «эта работа пытается выразить представление о символической земной жизни во сне, но на самом деле основная идея выразилась не ясно» [\[15\]](#).

Мы считаем, что новаторство режиссера Сунь достойно признания. Искать связь между классическими произведениями и современностью, и тем самым заставить классические произведения обрести новую жизнь – это, на наш взгляд, является данью уважения культурному наследию. Молодых режиссеров-новаторов необходимо поддерживать, поскольку развитие всегда требует, чтобы кто-то сделал первый шаг к одобрению. Однако следует отметить, что в процессе инноваций не нужно торопиться. Применение современных веб-элементов – это, безусловно, плодотворно и интересно, но важно соблюдать меру их применения. Переизбыток современных технических средств придал здесь драматическому искусству элементы коммерческого маркетинга, что в какой-то степени уничижает образец культурного наследия.

Театральный фестиваль Анайя должен был состояться в июне 2022 г., был отменен из-за пандемии коронавируса. В программе был представлен и «Вишневый сад». Эта версия создана художником Ван Ин совместно с Чжань Ли (хореограф труппы современного танца Девять), известный драматург Мэн Цзинхуэй выступил продюсером проекта, привнес в него эстетику авангарда. Место постановки – на круизном лайнере, а время специально устанавливается на закате и на рассвете. Этот спектакль устроен по теории «театр среды» американского театрального режиссера Шейкнера (как сделал режиссер в 1994 г.). Через реальное пространство окружающей среды расстояние между людьми может быть сужено, так что действия на сцене могут преодолеть препятствия и быть ближе к самой жизни. А такие факторы, как круизные лайнеры, море, приливы, свет и тень, сделают эту драму более красивой [\[16\]](#). Мы надеемся, что китайский зритель увидит данный спектакль в ближайшее время.

На девятом Учжэньском театральном фестивале в 2022 г. вновь состоялась постановка пьесы «Вишневый сад» молодым сценаристом Бо Банни и режиссером Ван Юаньюань.

По мнению Ван Юаньюань, чеховское произведение рассказывает о переживаниях человека во время смены эпох: «Новое должно заменить старое, и люди должны что-то менять, что также очень похоже на нынешнюю эпоху.... Я просто хотела показать в пьесе все, с чем нам приходится сталкиваться, включая прошлое, настоящее и будущее» [\[17\]](#). Эта версия представления образно разрывает границы времени и пространства. В спектакле присутствует атмосфера традиционной драмы, также представлена современная эстетика в плане музыки и хореографии. В частности, сочетание телесности и драматизма, что является одновременно особенностью и трудностью, а также интеграция перспективы искусственного интеллекта. В целом постановка не только отражает время Чехова более 100 лет назад, но и творчески обращается к настоящему и будущему, привлекая своей уникальной формой искусства зрителей со всего мира.

Пьеса «Вишневый сад» популярна не только среди престижных театральных трупп, но и пользуется популярностью среди университетов, особенно Шанхайского театрального института. В 2005 г. студенты актерского факультета под руководством директора Сюй Вэйхуна поставили «Вишневый сад». Эта постановка акцентировала внимание зрителей на том, что прогресс общества невозможно остановить, и тот, кто не предприимчив и жаден до удовольствий, в конце концов будет отвергнут.

В постановке «Вишневого сада» 2011 г. режиссером Ван Янан сосредоточено не только понимание самой драмы, но и ощущение соответствия между классической традицией и реальностью: смесь шуток, грусти и тихого разочарования.

В январе 2022 г. студенты актерского и хореографического курса выбрали данную пьесу для выпускного публичного представления. Режиссером являлся Люй Янь, доцент

актерского факультета.

Изучая переводы, толкования и постановки пьесы «Вишневый сад» в Китае за последние 100 лет, мы можем обнаружить, что ее рецепция тесно связана с китайской исторической и социальной средой. В целом, интерпретация «Вишневого сада» в Китае претерпела изменения от преимущественно идеологической к эстетической ценности и обращениям к современности. С одной стороны, в переводе и анализе пьесы наблюдается все большее разнообразие интерпретаций самого текста, сосредоточенных на его эстетико-художественных и символических коннотациях. С другой стороны, стиль постановки расширяется от следования традиции Станиславского к плюрализму, авангарду и стилизации.

Библиография

1. Цзяо Цзюйинь. Послесловие к переводу «Вишневого сада» // Театральное искусство. 1980. С. 126–135.
2. Чжан Вэйцзя. Пространство в «Вишневом саду» // Вестник общественных наук Сянганского университета. 1984. № 3. С. 60–64.
3. Сяо Дан. О художественных достижениях пьесы Чехова «Вишневый сад». Изучение А. П. Чехова под редакцией Сюй Цзуву. Издательство Хэнаньского университета. 1987. С. 237–254.
4. Цзоу Юаньцзян. О паузе в «Вишневом саду» // Обзор зарубежной литературы. 1996. № 3. С. 100–108.
5. Хэ Аньфан. За рубкой – экологическая критика в «Вишневом саду» // Вестник Центральной академии драмы «драматургия». 2005. № 4. С. 72–79.
6. Дун Сяо. Изучение комической сути пьесы из «Вишневого сада» // Обзор зарубежной литературы. 2009. № 1. С. 86–98.
7. Ван Ли. Этничность чеховской драмы в свете комического характера «Вишневого сада» // Вестник второго педагогического института Хубэя. 2010. Т. 27. № 1. С. 20–22.
8. Чжу Яньянь, Фэн Юнь. Разнообразные жизни в шуме множества голосов: «Вишневый сад» в свете теории полифонии М. М. Бахтина // Вестник Пекинского университета транспорта (издание по социальным наукам). 2012. Т. 11. № 2. С. 125–130.
9. Цзун Шилун, Цзян Сяопин. Сезонное повествование в «Вишневом саду» и его эстетические последствия // Вестник Яньчэнского педагогического университета (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2020. Т. 40. № 6. С. 77–84.
10. Тянь Цзя. Записки режиссера: Чехов и его «Вишневый сад» // Шанхайская драма. 1960. № 2. С. 27–28.
11. Сюй Сяочжун. Наслаждаюсь чеховским «Вишневым садом». Размышления режиссера // Китайская драма. 1994. № 10. С. 20–22.
12. Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. Т. 13. М.: Наука, 1986. 520 с.
13. Ли Инань. Найти вишневый сад // Чтение. 2004. № 10. 24 с.
14. Ян Даоцюань. Белый «Вишневый сад» в психологической реальности // Шанхайский театр. 2016. 34 с.
15. Сюй Минхуэй, Чэн Цяньцянь, Сюэ Сун. Театральный фестиваль Учжэнь сплетает «приключенческую» мечту. Пресса Пэнпай. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2570860 (дата обращения: 27.12.2022).

16. Театральная студия Мэн Цзинхуэй. «Вишневый сад» входит в театр круизных лайнеров, утро и вечер в море унесут вас в сон. URL: https://www.sohu.com/a/551444756_532710?scm=1102.xchannel:325:100002.0.6.0&spm=smcpc.channel_248.block3_308_NDdFbm_1_fd.1.1674999665133D3v8JId_324 (дата обращения: 29.12.2022).
17. Ван Жунь. Драма+тело: новая работа Ван Юаньюань представляет собой другой вид «Вишневого сада». Пекин Дэйли. URL: <https://news.bjd.com.cn/2022/11/30/10246794.shtml> (дата обращения: 09.01.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации статья жанрово ориентирована на обзор рецепции пьесы Антона Чехова «Вишневый сад» в Китае. Стоит заметить, что подобный вид востребован в круге научных изысканий, он позволяет концентрированно манифестировать проблему, дать позиционную оценку вопросу. Методология исследования соотносится с хронологически ступенчатым типом; данный грейд поддерживается на протяжении всего изыскания. Стиль имеет приметы собственно научного типа, серьезных языковых сбоев не выявлено. Автор следит за точностью формулировок, старается соблюсти вариант аналитики. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «в 1930–1940-е гг. появились разные варианты переводов «Вишневого сада», переводчиками были: Юй Ди (1939), Цзыцзян (1946), Маньтао (1940), Цзяо Цзюйинь (1943), Фан Синь (1944). Среди них наиболее популярными оказались переводы Мань Тао и Цзяо Цзюйиня, которые выдержали несколько переизданий», или «Большинство китайских критиков интерпретируют данную пьесу с социально-политической точки зрения, полагая, что в ней содержится надежда и стремление к светлому будущему и новой жизни. Такого мнения придерживаются, например, Фэн Шоуцзюй в монографии «Биография и труды русских писателей XIX века» (1929), Фан Синь в статье «Послесловие к переводу «Вишневого сада»» (1944) и т.д.», или «С 1980-х годов растет число критических статей об этой пьесе. В статье «Пространство в «Вишневом саду»» (1984) Чжан Вэйцзя уделяет внимание тому, как Чехов использует пространство для изображения персонажей и выражения их внутренней жизни. Сяо Дан в статье «О художественных достижениях пьесы Чехова «Вишневый сад»» (1987) изучает революционную тему произведения, его комический характер, психологический реализм, лиризм произведения...» и т.д. На мой взгляд, обзор рецепции «Вишневого сада» в Китае сделан основательно, конструктивно, весьма объективно. Считаю, что и исследовательская оценка дается аргументировано / точно: «постановки «Вишневого сада» в Китае начались не сразу после ее перевода. Самая ранняя – состоялась в 1939 г., когда Шанхайский клуб советских экспатриантов представил ее на русском языке в честь 35-летия со дня смерти Чехова. А премьера пьесы, которая была поставлена исключительно силами китайских режиссеров, состоялась лишь в 1960 г. в честь 100-летия со дня рождения Чехова». Работа имеет практический характер, материал можно продуктивно использовать при изучении творчества А.П. Чехова за рубежом. Основные требования издания учтены; цитации даются в соответствии со стандартом: «В то же время Тянь Цзя увидел в произведении надежду и свет, подчеркнув, что актеры должны «сосредоточиться на продвижении оптимистического духа Чехова, чтобы голос ликующего девиза «Здравствуй, новая жизнь» был громче» [10, с. 28]. Это также тесно связано с китайской социальной и политической средой 1960-х гг.», или «Говоря о жанре пьесы, Сюй Сяочжун

поддерживал ироничность над умирающим поколением, но не хотел относиться к «Вишневому саду» как к простой комедии, считая, что «образы помещиков Раневской и Гаева <...> Чехов презирал, хотел высмеять, но и сочувствовал им, это определяет жанровые характеристики произведения» [11, с. 20]. Режиссер сопереживал героям, пытался почувствовать их настроения и трудности: «Эти умирающие люди не негодяи, они нелепые, скучные по своей природе, но нельзя возлагать на них всю вину, что передает оттенок чеховской грусти» [11, с. 21]. Поэтому пьеса фактически трактовалась как «трагикомедия, основанная на комедийных фактах». В контексте новой эры реформ и открытости режиссер объяснил чеховскую идею с точки зрения современности, транслируя свое собственное ее понимание» и т.д. Завершает работу общий итог, в нем в частности отмечено, что «изучая переводы, толкования и постановки пьесы «Вишневый сад» в Китае за последние 100 лет, мы можем обнаружить, что ее рецепция тесно связана с китайской исторической и социальной средой. В целом, интерпретация «Вишневого сада» в Китае претерпела изменения от преимущественно идеологической к эстетической ценности и обращения к современности. С одной стороны, в переводе и анализе пьесы наблюдается все большее разнообразие интерпретаций самого текста, сосредоточенных на его эстетико-художественных и символических коннотациях. С другой стороны, стиль постановки расширяется от следования традиции Станиславского к плюрализму, авангарду и стилизации». Цель статьи достигнута, поставленные задачи решены. Рекомендую статью «Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Китае» к публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Осадчая О.Н. Специфика цветообозначения в юридическом дискурсе (на материале английских и русских фразеологизмов) // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.39805 EDN: BQIOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39805

Специфика цветообозначения в юридическом дискурсе (на материале английских и русских фразеологизмов)

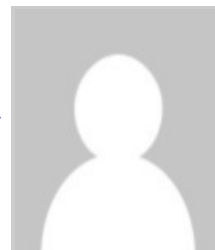
Осадчая Ольга Николаевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Российский государственный университет
правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

✉ zuba-zuba@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.39805

EDN:

BQIOL

Дата направления статьи в редакцию:

18-02-2023

Аннотация: Цель исследования заключается в выяснении специфики фразеологической репрезентации юридических понятий, имеющих в своем составе цветоэлементы, в английском и русском правовом дискурсе. Предметом исследования являются фразеологизмы с цветообозначением в английском и русском языках, употребляющиеся в юридических текстах. Посредством изучения фразеологического фонда языка выясняются общие и специфические черты мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур. Аппликация средств цветообозначения в фразеологическую составляющую юридического дискурса способствует установлению особенностей национально-культурного менталитета. В ходе исследования были применены следующие методы: классификационный метод, семантический метод, моделирование, количественный метод обработки полученных результатов. Научная новизна работы состоит в исследовании юридических фразеологизмов с цветокомпонентом, ранее не подвергавшихся рассмотрению при сопоставлении английского и русского языков. В результате проведенной работы мы впервые получили

сведения о том, что система цветообозначения при передаче английских юридических понятий путем метафорического или метонимического переноса гораздо более развита по сравнению с подобными фразеологизмами в русском языке. Данное явление объясняется развитостью и стабильностью системы общего права, основанной на принципе историзма и преемственности, а также возможностью фиксации образного восприятия правовых концептов в формальном юридическом дискурсе. Значительная часть отобранных для исследования примеров демонстрирует психолингвистические закономерности при их формировании и функционировании в языке, а конкретнее, в текстах юридической направленности.

Ключевые слова:

языковая картина мира, фразеологическая картина мира, цветоэлемент, юридический дискурс, сопоставление, фразеологическая единица, лингвокультура, английский язык, русский язык, фразеологический словарь

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения фразеологической составляющей юридического дискурса в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета. Изучение способов использования особых выразительных средств в правовом дискурсе с целью языкового манипулирования представляется крайне важным в рамках антропоцентрической научной парадигмы в современном мире.

Изучению картины мира в научном сообществе посвящены многочисленные работы известных ученых [\[2, 15, 18, 21\]](#). А. Эйнштейн под картиной мира понимал «объективное видение и понимание действительности, способное вывести мыслящего человека из мира ощущений, личных переживаний и безутешной пустоты, перенося центр тяжести духовной жизни в построение логически стройной системы» [\[19\]](#). Понятие «картина мира» крепко закрепилось в различных отраслях науки: философии, психологии, культурологии, физике, лингвистике и других.

Исследование картины мира через призму языковых и речевых сущностей, способствующих концептуализации и вербализации действительности, имеет своей целью описание и выявление глубинных закономерностей языковой картины мира [\[3, 6, 11, 14, 20\]](#). На данном этапе развития языкознания не существует единого подхода в определении данного понятия. В понимании А.Е. Кибрика «языковая картина мира - это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире» [\[12\]](#).

Особое значение в изучении языковой картина мира имеет фразеология, так как фразеологизмы «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [\[16\]](#). Национально-культурная маркированность языковых реалий наглядно отображается во фразеологическом фонде языка. Посредством фразеологических единиц выявляются универсальные и идиоэтнические особенности восприятия культурно значимых стереотипов и эталонов,

закодированных в различных языках. Таким образом, постулируется существование фразеологической картины мира, наделенной культурно-национальной коннотацией [1, 5, 7, 9]. Входящие в ее состав фразеологические единицы зиждутся на образных основах, которые описывают, как правило, действия человека, его эмоциональные состояния, различные жизненные ситуации, названия частей человеческого тела и т.д. Цветообозначающая лексика достаточно глубоко изучена в современной лингвистике [4, 13, 17]. Особый интерес представляет исследование цветономинции во фразеологических структурах в силу способности лексем, вербализующих различные цветовые реляции, отражать специфику мировидения носителей сопоставляемых языков. Цветолексемы в составе юридических фразеологических единиц репрезентируют культурно значимые концепты юридического корпуса [8, 10].

В нашей работе исследование цветообозначения в составе юридических фразеологических единиц впервые проводится при сопоставлении английского и русского языков.

Материалом исследования являются фразеологизмы с цветокомпонентом в английском и русском юридическом дискурсе, отобранные на базе фразеологических словарей на сопоставляемых языках (Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.; Квеселевич Д. И. Современный русско-английский фразеологический словарь / Д. И. Квеселевич. М.: Астрель: АСТ, 2005. 620 с.; Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. 1210 с.; Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.; Федоров А. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. Федоров. М.: АСТ, 2008. 880 с.; Государственная дума. «Черный список» опекунов. URL: <http://duma.gov.ru/about/hidden/materinstvo/46005/> (дата обращения 01.01.2023); Градостроительный кодекс Российской Федерации. Проект планировки территории. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/krasnaya liniya_zastrojki/ (дата обращения 02.01.2023); Федеральная налоговая служба. Деятельность ФНС России. Электронный ресурс. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn19/news/activities_fts/12092893/ (дата обращения 01.01.2023); Федеральная налоговая служба. Выплата «серой» зарплаты влечет ответственность работодателя и работника. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn53/news/activities_fts/6829982/ (дата обращения 02.01.2023); Cambridge Dictionary, Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 12.12.2022); Dictionary and Thesaurus by Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 13.12.2022); Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 12.12.2022); Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/> (accessed 10.12.2022); Oxford Dictionary of Idioms. URL: <http://www.oxfordreference.com> (accessed 10.12.2022).

Настоящее исследование потребовало решения следующих **задач**:

- используя данные английских и русских фразеологических словарей, установить своеобразие представленности фразеологической составляющей юридического дискурса в сопоставляемых языках;
- выявить и сопоставить в количественном плане состав фразеологизмов с цветоэлементом в английском и русском правовом языковом пространстве;

- выяснить и сравнить в национально-культурном аспекте репрезентативность систем цветообозначения в сопоставляемых языках.

В ходе проведённого исследования применялись следующие **методы**: классификационный метод, моделирование, семантический анализ, метод сплошной выборки, сопоставительный, количественный метод обработки полученных результатов.

Решение поставленных задач стало возможно благодаря **теоретической базе**, представленной трудами, которые раскрывают явления языковой картины мира (Арутюнова, 1998; Воркачев, 2010; Карасик, 2002; Кибрик, 2010); посвящены описанию фразеологической картины мира (Алефиренко, 2009; Гусева, Кузнецова, 2013; Телия, 1996); характеризуют маркеры цветообозначения в различных лингвокультурах (Вежбицкая, 2001; Мурьянов, 1978; Тер-Минасова, 2000).

Практическая значимость работы обусловлена сопоставительным характером исследования и состоит в возможности использования ее результатов в курсах лекций и при подготовке практических занятий по сравнительной фразеологии английского и русского языков, а также в качестве дополнительного материала словарных статей двуязычных словарей.

Основная часть

Как показал анализ примеров английских фразеологических единиц, вербализующих правовые концепты, состав цветолексем достаточно разнообразный: black, red, white, blue, pink, grey, green, golden, silver, yellow (черный, красный, белый, синий/голубой, розовый, серый, зеленый, золотой, серебряный, желтый).

Наиболее представленной в количественном отношении является группа фразеологических единиц с цветокомпонентом «black» («черный»). Данная лексема приобретает двойственный характер в английском правовом сознании, наделяя фразеологизмы как отрицательной, так и положительной коннотацией. Рассмотрим следующий пример: «black bag job» - designating a covert intelligence operation carried out esp. by the Federal Bureau of Investigation, involving illegal entry into premises [from the black bag in which equipment required for such an operation was typically carried] (черная работа - обозначение тайной разведывательной операции, проведенной особ. Федеральным бюро расследований, с незаконным проникновением в помещение [от черного портфеля, в котором обычно перевозилось оборудование, необходимое для такой операции]).

Now it's called 'special operations'; back then it was a 'black bag job'—and we weren't always very careful about getting a warrant (Oxford English Dictionary) (пер. Теперь это называется «спецоперации»; тогда это была «черная работа» — и мы не всегда заботились о должной процедуре получения ордера). Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Т. Б., О. О. В данном примере цветолексема придает фразеологизму образ чего-то тайного, незаконного. Напротив, в следующей фразеологической единице данная лексема характеризуется положительной оценкой с доминированием культурного компонента, выражающего точность, ясность и приверженность букве закона: «black letter law» - based on or embodying in old printed texts or principles; well-established, time-honoured; standard («закон, не поддающийся сомнению или оспариванию» – основанный на старых печатных текстах или принципах; хорошо зарекомендовавший себя, проверенный временем; стандартный). *It's a black-letter rule of international law that there is what's known as universality of jurisdiction for the trial of war crimes* (Oxford English Dictionary) (пер. Это правило международного права, известное как

универсальность юрисдикции для суда над военными преступлениями).

Также широко представлена группа фразеологизмов с цветокомпонентом «green», например: «green collar crime» – designating (corporate) crime or fraud relating to the environment («экологическое преступление» – обозначение (корпоративного) преступления или мошенничества, связанного с окружающей средой). При этом акцентуализируются перцептивно-образные представления о цвете, метафорически номинируя «зеленую», экологичную парадигму развития промышленности.

Sentencing the green-collar offender: punishment, culpability, and environmental crime (Cambridge Dictionary) (пер. Вынесение приговора «нарушителю экологии»: наказание, виновность и экологическое преступление).

Следует отметить тот факт, что наиболее распространенные цветокомпоненты в английской юридической фразеологии коррелируют с лексемой «collar», при этом данный элемент одежды в сочетании с определенным цветом создают в сознании носителей лингвокультуры устойчивые образы иерархической природы. Цветолексема «white» в составе фразеологической единицы «white-collar crime» («должностное преступление») противопоставлена лексеме «blue», инкорпорированной во фразеологизм «blue-collar crime» («преступление синих воротничков»), при этом актуализируется принадлежность лица, совершившего преступление, к определенному социальному классу или профессиональному сообществу.

«White-collar crime» – «a non-violent, financial crime, committed by a white-collar worker, typically involving the abuse of his or her professional status or expertise (ненасильственное финансовое преступление, совершенное должностным лицом, обычно связанное со злоупотреблением его или ее профессиональным статусом или опытом).

The various kinds of 'white collar crime' are hard to detect—income-tax avoidance, bogus expense claims and complex business illegalities (Macmillan English Dictionary) (пер. Различные виды «должностной преступности» сложно выявить – уклонение от уплаты подоходного налога, фиктивные заявления о возмещении расходов и тяжкие преступления в сфере бизнеса). «Blue-collar crime» – a crime normally of a small scale nature in contrast to “white-collar crime”, and is generally attributed to people of the lower class (преступление обычно носит мелкомасштабный характер в отличие от «должностной преступности» и относится к представителям слоев, занимающих в социальной иерархии более низкие позиции). Кроме того, фразеологизм «синий воротничок» в английском юридическом дискурсе репрезентирует преступника, отбывающего тюремный срок: «blue-collar» – designating a prison inmate who wears a blue collar as a sign of good conduct (обозначение заключенного, который носит синий воротничок в знак хорошего поведения). *Under the new regulations men who had reached the «blue-collar» stage – that is, who have done three full years in prison with good conduct – were allowed to walk and talk together on Sunday afternoon* (Oxford English Dictionary) (пер. По новым правилам мужчинам, достигшим стадии «синих воротничков», то есть отсидевшим в тюрьме три полных года при условии хорошего поведения, разрешалось гулять и разговаривать друг с другом по воскресеньям днем).

Выражение «pink-collar crime» (преступление розовых воротничков) было введено криминалистом Кэтлин Дейли в 1980-х годах для описания преступлений типа хищения, которое совершается женщинами из-за ограниченных возможностей (в основном, в сфере ухода за больными, парикмахерского дела, секретарской работы) – an embezzlement type crime that typically is committed by females based on limited

opportunity (as nursing, hairdressing, secretarial work, etc.). *Because of the fact pink-collar crime involves women taking from their acquaintances involved in small businesses or other organizations, performing most often embezzlement, a critical component is considered to be a breach of trust* (Oxford English Dictionary) (пер. В связи с тем, что в преступлениях розовых воротничков замешаны женщины, которые берут деньги у своих знакомых, занимающихся малым бизнесом или работающих в других организациях, совершая чаще всего хищения, критическим компонентом считается злоупотребление доверием).

Рассмотрим фразеологическую единицу с цветокомпонентом «красный»: «red-hand» – in the act of committing a crime; bearing clear evidence of having just committed a crime («захватить с поличным» – в момент совершения преступления; наличие явных доказательств только что совершенного преступления). Вошедший в употребление в XVI веке данный фразеологизм имел прямое значение, а именно быть пойманным на месте преступления с руками, запятнанными кровью. В настоящее время за счет метафорического преобразования выражение не всегда употребляется в буквальном смысле; преимущественно имеет форму «to be taken red-handed». *The offender was taken «red-hand»* (Oxford Dictionary of Idioms) (пер. Преступник был взят «с поличным»).

Меньшей представленностью в юридическом дискурсе обладают фразеологизмы с цветолексемами «grey», «yellow», «golden» и «silver». Метафорическому переосмыслению в сознании носителей языка подвергается и лексема «grey» в составе различных юридических фразеологизмов, где серый цвет олицетворяет пожилых людей: «grey panther» – an activist organization which seeks to promote social justice and the interests and rights of elderly people («серая пантера» – активистская организация, которая стремится продвигать социальную справедливость, интересы и права пожилых людей). *The country has a few grey panthers stalking the land, but to little effect* (Oxford English Dictionary) (пер. В стране есть несколько серых пантер, активно пропагандирующих, но без особого эффекта).

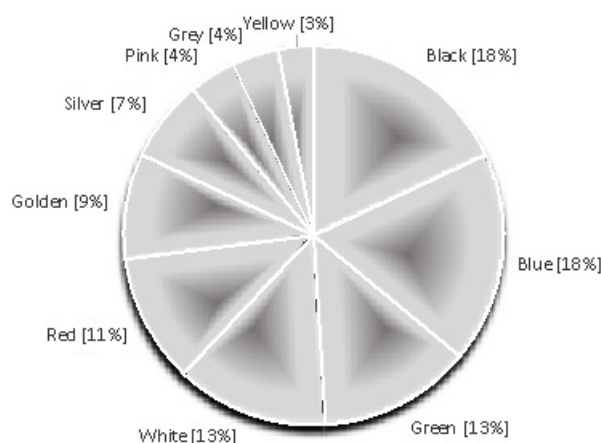
Ряд фразеологических единиц, вербализующих трудовые отношения в правовом дискурсе, имеют в своем составе цветолексемы «golden», «silver» и «yellow», например: «golden goodbye» – a substantial sum of money offered to an employee as compensation for dismissal or compulsory redundancy, or as an inducement to take early retirement («золотой парашют» – значительная сумма денег, предлагаемая работнику в качестве компенсации за увольнение или принудительное сокращение штата или в качестве поощрения к досрочному выходу на пенсию); «silver handshake» – a gratuity given on retirement or as compensation for dismissal from one's occupation («серебряный парашют» – денежное вознаграждение при выходе на пенсию или в качестве компенсации за увольнение с работы). *A fashion retailer sacked its flamboyant boss with a golden goodbye worth over \$1,8m* (Dictionary and Thesaurus by Merriam-Webster) (пер. Розничная сеть модной одежды расторгнула трудовой договор с своим начальником, предоставив золотой парашют на сумму более 1.8 миллионов долларов). *A little silver handshake, a little farewell party* (Oxford English Dictionary) (пер. небольшой серебряный парашют, небольшая прощальная вечеринка).

Фразеологизм «yellow union», в переводе означающий «желтый профсоюз», образовался с учетом экстралингвистических факторов, а именно благодаря желтому цвету значков у участников первых профсоюзных организаций, отстаивающих интересы работодателей. *We submit to the yellow unions, that are colluding with the state to pester members to return to work outside an agreement, to desist from these desperate attempts* (Oxford English Dictionary) (пер. Мы подчиняемся желтым профсоюзам, которые в сговоре с государством преследуют членов организации с целью вернуть их к работе вне

соглашения, чтобы отвлечь от этих отчаянных попыток).

Целесообразно обратиться к количественному анализу состава фразеологических единиц английского юридического дискурса с выявленными цветокомпонентами. Результаты исследования представлены на Диаграмме 1.

Диаграмма 1 Количественная представленность английских юридических фразеологизмов, имеющих в своем составе цветоэлементы

Как показывает Диаграмма 1, по данным фразеологических словарей, большую часть английских фразеологических единиц с обозначением цвета, имплементированных в канву правовой сферы общения, составляют выражения с цветолексемами «black», «blue», «green», «white» (18%, 18%, 13%, 13% соответственно), которые относятся к разряду основных. Меньшей представленностью обладают фразеологизмы с цветоэлементами «red», «golden», «silver» (11%, 9%, 7% соответственно). Наименьшее количество выявленных примеров содержат цветокомпоненты «pink», «grey», «yellow» (4%, 4%, 3% соответственно). В отличие от английского юридического дискурса, обогащенного разнообразием цветообозначения во фразеологических единицах, в русском языке цветокомпонент в юридических фразеологизмах представлен не так широко: «черный», «белый», «серый», «красный». Большинство примеров вошли в состав фразеологического фонда языка путем калькирования исходных выражений из других языков. Наибольшей представленностью в количественном отношении обладает группа фразеологических единиц с цветоэлементами «черный» и «белый», например: «черный список», «белая зарплата». В России появится черный список усыновителей и опекунов (Государственная дума, 2019).

Белая зарплата – право каждого работника и обязанность работодателя (ФНС, 2022).

Как следует из примеров, лексемы «черный» и «белый» являются эмоционально окрашенными элементами фразеологизмов, прямо противопоставленными друг другу, где «черный» ассоциируется в сознании носителей языка как нечто незаконное или преступное, а «белый», наоборот, символизирует соблюдение законов и норм.

Менее употребительными в юридическом дискурсе являются фразеологизмы с цветообозначением «серый», «красный». Посредством цветоэлемента «серый» в составе фразеологической единицы «серая зарплата» выражается теневой доход, являющийся официальным лишь отчасти.

Соглашаясь на выплату «серой» заработной платы, работник рискует не получить кредит в банке, так как для оформления кредита требуется справка о подтверждении

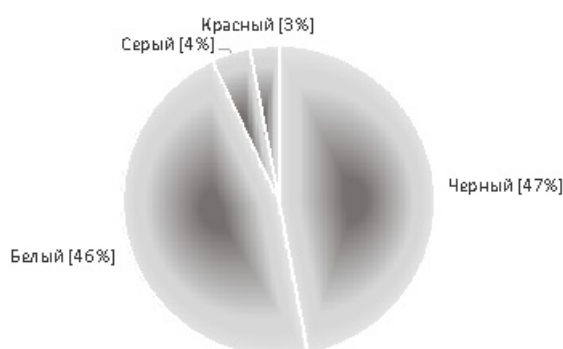
официального заработка (ФНС, 2017).

Цветовой элемент «красный» в правовом дискурсе обозначает те границы, которые нельзя пересекать.

С учетом приведенных норм судами сделан обоснованный вывод о том, что установление красных линий должно быть осуществлено с учетом существующей застройки (Градостроительный кодекс РФ, 2022).

Обратимся к количественному анализу состава фразеологических единиц русского юридического дискурса с выявленными цветовыми компонентами. Результаты отображены на Диаграмме 2.

Диаграмма 2 **Количественная представленность русских юридических фразеологизмов, имеющих в своем составе цветовые элементы**

Согласно данным Диаграммы 2, большее число фразеологизмов имеет в своем составе цветолексемы «черный» и «белый» (47% и 46% соответственно), меньшей представленностью обладает группа фразеологических единиц с цветовыми элементами «серый» и «красный» (4% и 3% соответственно).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать **вывод** о том, что фразеологизмы с элементами цветообозначений широко применяются в юридическом дискурсе, отображая реальную картину сопоставляемых языковых культур. Согласно фразеологическим словарям английского и русского языков большей представленностью в юридическом дискурсе обладают английские фразеологические единицы. Значительный перевес отмечается как в категориальном разнообразии, так и в количественном преобладании отобранных единиц на сопоставляемых языках. Разноплановость, развитость, историзм английской правовой системы выражается в наличии достаточно высокой фразеологической активности, в том числе с привлечением цветовых символов. В русской фразеологической картине мира цветообозначение в юридическом дискурсе представлено не так широко. Исследованные фразеологические единицы представляют собой национально-культурные маркеры правового сознания представителей сопоставляемых лингвокультур. Благодаря экстралингвистическим характеристикам фразеологического фонда языков выявляется отсутствие стремления к оценке реалий в системе русских юридических понятий в отличие от английских фразеологических единиц, обладающих коннотативной нагрузкой.

Данное исследование открывает перспективы для анализа цветообозначения в составе фразеологических единиц, функционирующих в юридических дискурсах других

родственных языков, например, французского и итальянского языков.

Библиография

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Прогресс, 1998. 430 с.
3. Бирюкова Е. В. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания / Е. В. Бирюкова, Л. Г. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11. Ч. 3. С. 40–43.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. Веренич Т. М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. заоч. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2012. С. 51–53.
6. Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж: НАУКА–ЮНИПРЕСС, 2010. С. 5–27.
7. Гусева А. Е., Кузнецова Ю. Г. Статус фразеологической картины мира в общей языковой картине мира // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Тамбов, 29 марта 2013 года. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. Ч. 1. С. 39–43.
8. Добричев С. А., Степанова О. Г. Фразеологизмы в правовой лексике английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (145). С. 17–21.
9. Добровольский Д. О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) / Добровольский Д. О., Малыгин В. Т., Коканина Л. Б. Владимир: ВГПИ, 1990. 80 с.
10. Дубенец Э. М. Лингвистические изменения в современном английском языке: учебное пособие. М.: Глосса-Пресс, 2003. С. 165.
11. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
12. Кибрик А. Е. Диалог культур и языки // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г.: доклады. СПб., 2010. С. 86.
13. Мурьянов М. В. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1978. № 5. С. 100.
14. Попова Л. Г. Сопоставительный подход к исследованию лингвокультурных концептов (на материале немецкого и русского языков) // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: материалы междунар. заоч. науч.-метод. конф. Ч. 2. Волгоград: ВГУ, 2011. С. 327–332.
15. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: моногр. М.: Школа «Языки русской культуры»,

1996. 288 с.

17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 624 с.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
19. Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4 т. Т. 4. Статьи, рецензии, письма. М.: Наука, 1967. 600 с.
20. Яковлева Е. Е. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Полит издат, 1991. 527 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Специфика цветообозначения в юридическом дискурсе (на материале английских и русских фразеологизмов)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к языку профессионального общения. Кроме того, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения фразеологической составляющей юридического дискурса в сопоставляемых языках для выяснения общих и специфических черт мировосприятия представителей сопоставляемых лингвокультур, особенностей национально-культурного менталитета.

Изучение языковой картины мира было предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых, но автора в рецензируемой работе обращает внимание на фразеологию как существенный инструмент реализации языковой картины мира, ввиду того, что национально-культурная маркированность языковых реалий наглядно отображается во фразеологическом фонде языка.

В рецензируемой работе исследование цветообозначения в составе юридических фразеологических единиц впервые проводится при сопоставлении английского и русского языков.

Автор выбрал интересную и мало исследованную тему, а именно реализация стилистического потенциала цветообозначения в составе юридических фразеологических единиц.

Работа является существенной как для общей теории стилистики, так вносит вклад практическое изучение английского языка. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Однако, автор не приводит информацию насколько обширен языковой корпус, взятый для изучения, каковы критерии отбора текстового материала, к какому временному периоду относится материал, какими методами проводил отбор: сплошной выборкой или специализированными.

Автор приводит свою собственную классификацию, иллюстрируя примерами на английском и русском языках.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы,

основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в языкознании, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Считаем, что исключение зарубежных исследований сужает исследуемую область и ограничивает статью от вхождения в мировое научное поле.

Качество библиографического списка вызывает сомнения (например, включение учебных пособий). Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Больше количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Специфика цветообозначения в юридическом дискурсе (на материале английских и русских фразеологизмов)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Poddubnaya N.V., Chudnova O.A., Mikhienko S.A. A professional blog as a special structural hypertext unit in the space of Internet communications // Litera. 2024. № 1. С. 248-260. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69247 EDN: BOOWNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69247

A professional blog as a special structural hypertext unit in the space of Internet communications / Профессиональный блог как особая структурная гипертекстовая единица в пространстве интернет-коммуникаций

Поддубная Наталия Владимировна

ORCID: 0000-0003-1315-9910

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»

355035, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12

✉ nov.avtor@mail.ru

Чуднова Ольга Алексеевна

ORCID: 0000-0003-4888-7694

кандидат психологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»

355035, Россия, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12

✉ chudnova08@mail.ru

Михиенко Светлана Александровна

ORCID: 0000-0002-7562-3718

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»

355035, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, пер. Зоотехнический, 12

✉ sam777sam@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69247

EDN:

BOOWNK

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2023

Дата публикации:

07-02-2024

Аннотация: Цель исследования – выявить гипертекстовые особенности профессионального блога в пространстве интернет-среды. Профессиональная разновидность блога является отдельной единицей интернет-среды и характеризуется гипертекстовой структурой в рамках интернет-коммуникации. В статье анализируются основные структурно-содержательные характеристики профессионального блога с точки зрения гипертекстовой организации интернет-среды. Исследование выполнено на материале английского языка. Теоретическая значимость определяется тем, что полученные данные позволяют углубить знания о таких важных аспектах современной лингвистики, как лингвистическая природа электронного гипертекста, его структурные и содержательные аспекты. Кроме этого, исследование гипертекстовых особенностей профессиональных англоязычных блогов вносит вклад в развитие теории речевых жанров в контексте интернет-коммуникации. Практическая значимость исследования находит отражение в том, что её результаты могут быть использованы в процессе преподавания общей теории языка, основам компьютерной лингвистики, социолингвистике, прагматической лингвистике, а также при разработке факультативных курсов по интернет-коммуникации. Методы. Методами сплошной выборки и описания, в исследовании проведен анализ текстовых единиц 3 профессиональных блогов крупных зарубежных компаний, ведущихся на английском языке. Результаты. В результате выявлено, что профессиональная разновидность блога является гипертекстовой единицей интернет-среды, представляющей фреймовую модель периодически обновляющимися авторскими постами, гипертекстовыми ссылками, комментариями. Заключение. Несмотря на большое количество работ, посвящённых исследованию гипертекста, его организации и жанровой принадлежности, в настоящее время нет единой и общепризнанной типологии гипертекста в контексте профессиональной разновидности блогов, её создание является одной из приоритетных задач современных исследователей в связи с бурным развитием блог-технологий. Научная новизна состоит в подходе, который был предпринят с целью изучения структурно-содержательных особенностей гипертекста в контексте других разновидностей блогов. В связи с этим проанализированы основные принципы данного подхода, выявлены определяющие признаки блога с учетом его профессиональной разновидности. Особое внимание было уделено структуре электронного гипертекста: рассмотрена функциональная дифференциация гипертекстовых ссылок и способы организации связей между гипертекстами.

Ключевые слова:

гипертекст, блог, профессиональная разновидность блога, гипертекстовая единица, структурно-содержательные особенности, гипертекстовая ссылка, интернет-среда, комментарии, фреймовая структура, гипертекстовая структура

Introduction.

The defining linguistic feature of the Internet environment has become the formation of an adaptive basis for the linear structure of the text to the nonlinear associative connections of ideas in the human brain. On this basis, a new structural unit of text linguistics arose - hypertext.

The term "hypertext" was introduced by Ted Nelson in 1965 and is the object of study of most modern theories of language that analyze Internet communication and its genres. The main issues of hypertext communication were considered in the works of M.M. Subbotin (1988, 1994), T. Nelson (1993), O.V. Dedova (2003), G.N. Trofimova (2004), R.K. Potapova (2005), in line with the theory of speech genres - P.V. Moroslin (2010), V.A. Shulginov (2014) and others. However, despite the large number of works devoted to the study of hypertext and its organization, there is currently no single and generally accepted typology of hypertext in the context of the professional variety of blogs.

The relevance of the research topic is due to the fact that a professional blog as a type of blog is generally characterized by a hypertext organization of material, because carries attributes of hypertext as a structural unit of Internet communication.

The purpose of the study is to identify the hypertext features of a professional type of blog in the Internet space.

The object of the study is a corporate blog as a structural unit of hypertext.

Description and continuous sampling methods were chosen as **specific research methods**. The research material for identifying hypertext features was the text units of 3 corporate blogs of large foreign companies, maintained in English: General Electric blog, Google blog, REI co-op blog.

Results.

The main structural feature of hypertext is the ability to maintain its network form while simultaneously taking on a semantically ordered form of text. It is worth pointing out that the key principle of the existence of language in Internet communication is the principle of stepwise development of text. Schematically, the unfolding of the text can be depicted in this way: a post title with a link - a title with a brief annotation - part of a text fragment (several parts of the text can be opened sequentially) - the full text of the post [\[1, p. 37\]](#).

A hyperlink is the main element of the hypertext structure that links text between its fragments. The definition of a hypertext link is significant for understanding the coherence and integrity of hypertext in the Internet environment.

A professional type of blog in the Internet space is a special form of hypertext organization, which is characterized by a set of structural, content and linguistic features. The structural and content features of a professional blog are based on the functional parameters of hypertext as a structural unit of Internet communication. The variety of hypertexts determines the structure, goals, content and functions of Internet communication genres [\[3, p. 25\]](#).

The main characteristic of hypertext is the ability, while maintaining its network character, to transform into the form of a sequence of statements ordered by meaning, into the form of text. Text formation in a professional blog is based on settings of the collective

professional community, i.e. by the companies themselves in the field of professional communications, which directly create texts posted on blogs. Hypertext is always a non-linearly structured text, the key elements of which are consistent texts or its fragments. Non-linearity implies that after reading each snippet, the text is branching out, that gives to a reader different possible ways of choosing further move through the text [2, p. 28]. A professional blog is characterized by a nonlinear structure, openness, branching, has many inputs and outputs, reading options, and is a relatively endless and voluminous form of hypertext organization [10, p. 202].

The hypertext structure of modern professional blogs is characterized by dynamism and variability, includes a wide range of hypertext elements and widgets, but in general is presented in the form of a post title, post author information, post date, author (post) notes, links to social networks to share this article, as well as links to add comments to the post (which most often can only be left by registered users):

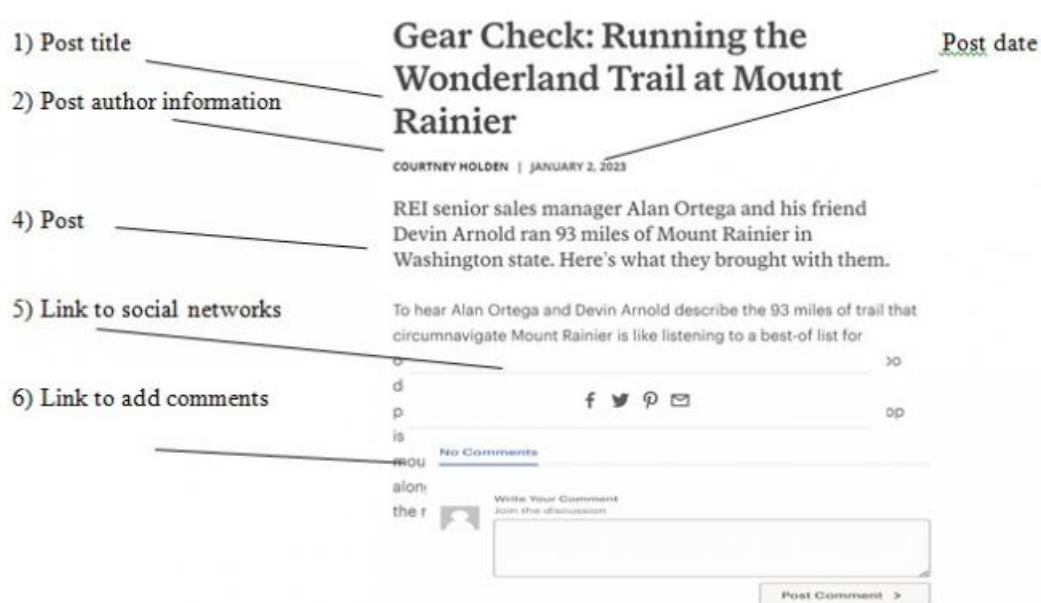

Fig. 1 The professional blog structure

Рис. 1. Структура профессионального блога

Comments on blog posts most often have the following structure:

Fig. 2. The structure of a professional blog comment

Рис. 2. Структура профессионального комментария в блоге

Comments in blog communications can have a tree structure. This type of comment allows you to respond not only to the post itself, but also to engage in polemics between the commentators themselves, for which you need to use the "Reply" link. As a result, the replier's comment appears directly next to the previous comment. The presence of a tree structure stimulates controversy between users, for example, in the professional blog of General Electric:

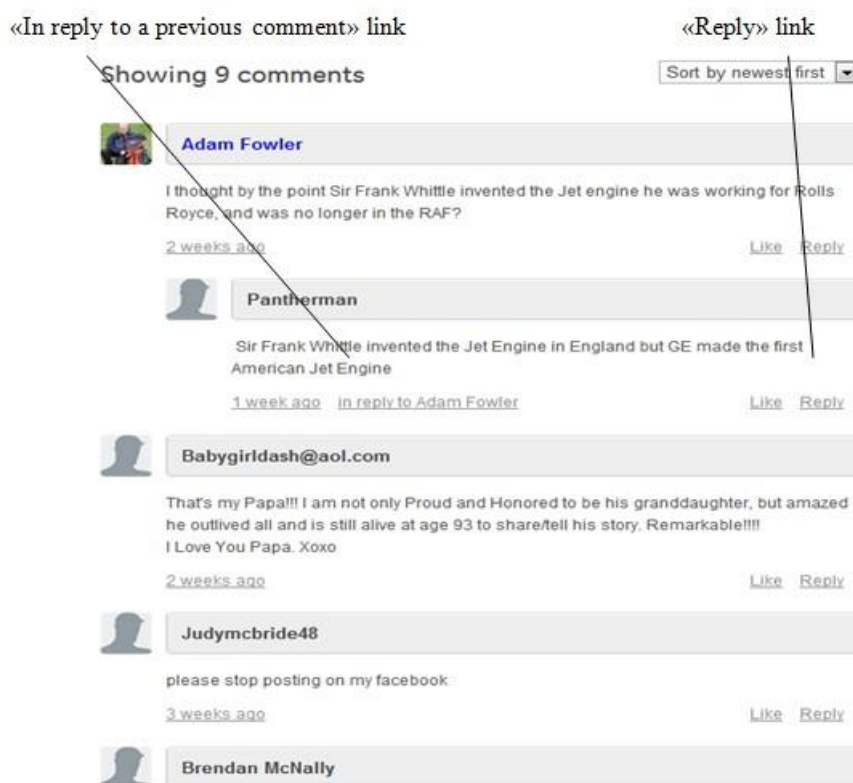

Fig. 3. Tree structure of a professional blog comment

Рис. 3. Древоподобная структура комментария профессионального блога

An important element of the hypertext information organization in a professional blog is the peculiarities of the post title wording. The blogs title accomplishes the specific functions. "In a fragmentary hypertext due to the specifics of the generation and perception of the text, data retrieval, the title role is updated. Unlike traditional book titles, an electronic title is multifaceted. It has new forms and very significant functions, the main of which is to provide comfortable and successful navigation" [4, p. 38].

The key function of the title is to attract readers' attention to the author's article and it is organised as an independent sentence with the excerpt from the article on the first page and a link of hypertext to full version:

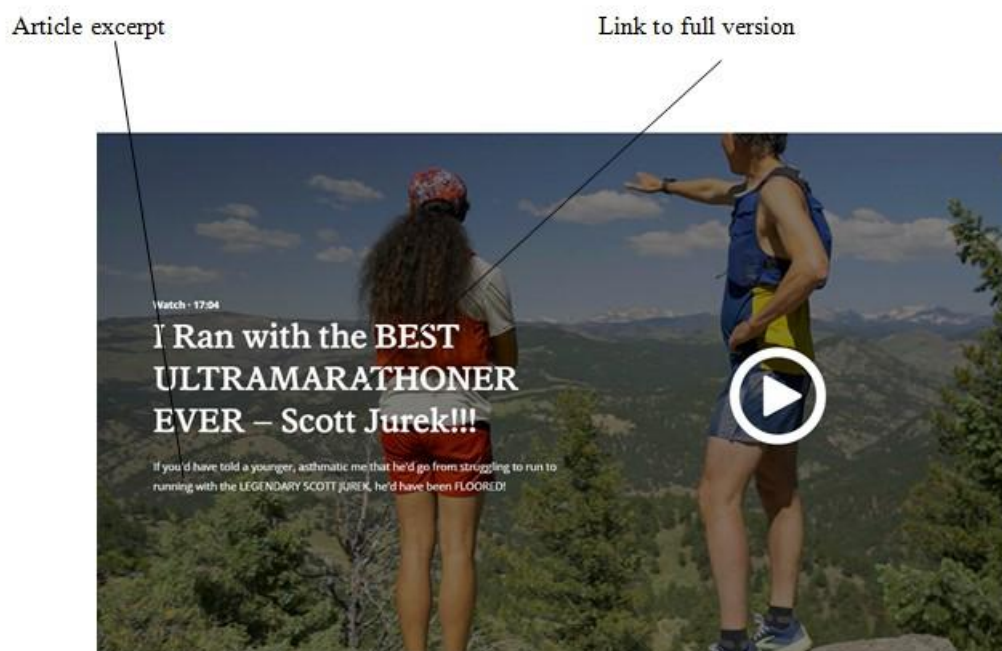

Fig. 4. Fragment of the REI co-op company blog (<https://www.rei.com/blog>)

Рис. 4. Фрагмент блога компании REIco-op (<https://www.rei.com/blog>)

The post text is a very important starting point in a particular segment of blog communication because sets its tone, provokes readers to comment. Professional blogs visitors get acquainted with the information presented on them about a new service or company's products, follow the links provided and optionally leave their comments about what they have read. Also, the texts of posts can contain various photographs, diagrams, advertisements and even attached audio and video files that perform an expressive function, forming a visual, structural, semantic and functional whole, aimed at a complex impact on the addressee. The informational and pragmatic "capacity" of non-verbal means in the blog texts structure is often even higher than that of verbal ones. Take one example, an author's post of the REI co-op blog has an attached audio file that you can listen to:

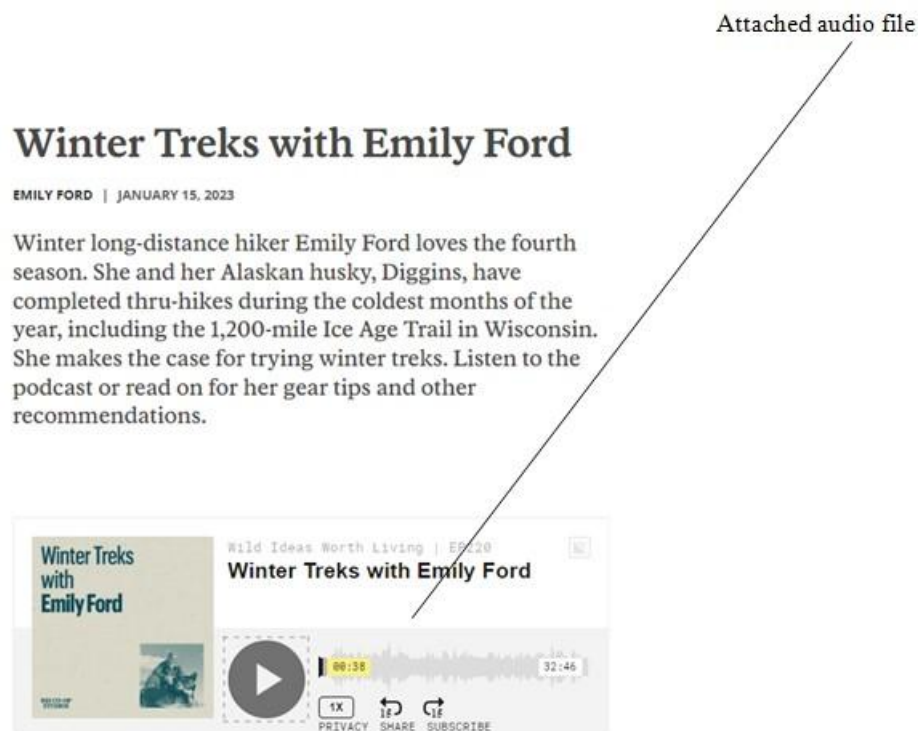

Fig. 5. Fragment of the REI co-op company blog (<https://www.rei.com/blog/>)

Рис. 5. Фрагмент блога компании REIco-op (<https://www.rei.com/blog/>)

The author and users on the company blog are in an asymmetric relation of exchange, i.e. the author creates a post and viewers leave their comments, in addition, posts and comments can be kept for a long period of time, which specifies the scope of professional blog. Blog updates every time there is a new comment or entries. The professional blog author administrates the design and content of the post.

A significant blog feature is the violation of text cohesion, which can occur in properties as eclecticism, compliance with the principles of collage and non-selection, which are peculiar to all nonclassical texts. Eclecticism is the unification of disparate, often opposite views, principles, phenomena, elements, etc., into something that is unacknowledged as a unity. Non-selection is marked by a lack of a hierarchy, the rejection of choosing specific linguistic resources, and breaking of traditional cohesion and antinomy [8, p. 87]. The collage principle specifies the non-transformation of the content features of the blog hypertext.

A professional type of blog is marked by a syntactic articulation, discrete structure, a large number of multimedia, graphic tools and hyperlinks.

The blog hypertext structure suggests the possibility of free entry into the text in any place and random movement through the snippets of text. You can get into the text blog by typing needed email address in the browser from the site page [5, p. 32]. In a professional type of blog, the diary text content and structure changes considerably, the author's figure looks different, the distance between the reader and author decreases, the attention is shifted from the work to the creative process.

A professional type of blog is a hypertext which along with the features of openness, non-linearity, branching, dynamism, has a framework that includes a superstructure – an organised blog scheme; macrostructure – posts arranged in reverse chronological order and separated from each other by a date; microstructure – a single post and comments to it.

A hyperlink is the key structural snippet of a hypertext, a medium of communication between its parts. The concept of hyperlink is an essential element of the hypertext cohesion and integrity in a professional type of blog. Hyperlinks help to make text more interactive. Following the links leads us to our own resources and to web-pages of different resources. The blog is always a non-linearly structured text, constantly updated with new author hyperlinks, comments, gives users full freedom of textual navigation, allows you to select any reading sequence. The hyperlink sets in a professional type of blog also constitute a means of hypertext self-regulation, combines separate texts into a structure of hypertext.

Professional types of blog use different methods to organize links of hypertext:

- in proper names (names of training programs, firms, institutes, products, etc.), for example:

«A final year student at the Institute of Technical Education (ITE), 19-year-old Ng Jia Xuan discovered Google Career Certificates (GCQ, a flexible online training program that equipped her with the fundamentals of Data Analytics. The professional certification helped her to land a 10-week internship with Altanium, a technology consultancy firm, as a Data Analytics intern. Jia Xuan felt a great sense of accomplishment when she earned recognition from her internship supervisors for her abilities that she picked up through the program, from Structured Query Language (SQL) to data applications and business operations» [\[12\]](#).

- to the names of famous people or brand names, for example on the REI co-op professional blog:

- *«Manzella mittens: I love my thin, fleece-lined mittens to the moon and back. They block the wind, but the material also breathes so you don't get too sweaty.*

- *Hestra leather mittens with wool liner: Also known as "choppers" in the Midwest. These are nice and warm! A perk is that the liner can come out so that you can use the leather mitten as a shell layer or just a wind-protective layer.*

- *Helly Hansen mittens: Ultra warm, no liner, good for a really, really cold day.*

- *Black Diamond shell mitten. These are good with a thin layer beneath to keep the wind off, or as an extra heat-trapping layer with thicker mittens. Don't let the thin design deceive you» [\[13\]](#).*

- verbal, nominal and adverbial phrases, as well as whole sentences that cover a particular event, for example, on the Google blog:

«Phone Hub in ChromeOS makes it easy to view and respond to your Android phone's notifications from messaging apps directly from your laptop. In addition to staying in touch, Chromebooks are packed with productivity features that help you get more done with your Android phone like grabbing the latest photos from your phone's camera roll, sending files with Nearby Share or sharing and connecting to saved Wi-Fi networks » [\[12\]](#).

The specific character of hyperlinks in a professional type of blog is that they serve not only as an integrative element that builds up the hypertext structure, but also create the content, thereby accomplishing an informative function. Besides that, hypertext links have an influence function since the frequency of their using impacts on the involving in the professional blogging common format and the level of communicants' knowledge.

Links of hypertext are the crucial components of the blog framework and added into the text by the site authors and commentators of a professional type of blog. A lot of hyperlinks compromise the integrity, semantic sequence, semantic unity, forming a multi-way blog hypertext. Hyperlinks are both an elements that build the content and structural block, for example:

«Many of these improvements are possible thanks to our invention of Transformer in 2017. Considered the grandparent of modern language models, we're now able to build AI language models (like BERT, PALM, MUM, and LaMDA) on top of this architecture that can do everything from solve complex math word problems, answer questions in new languages, and express their reasoning through words using chain of thought prompting» [\[12\]](#).

The hyperlinks quantity in the texts of blogs, the methods of highlighting them largely depend on the editors or authors. However, there is a tendency - the more informative article is, the more often hyperlinks are appeared in the text.

The author of blog attracts interest among correspondents to his project which is why links of hypertext become a main development factor in the posts topic and affect their content. The text hyperlinks set is a network structured according to associative-semantic connection and including all comments, entries, additional graphic, verbal and multimedia texts.

Text comments on posts of the blog, like the posts themselves, may include hyperlinks to additional information sources: «*For more information on Google products check out support at findfoodsupport.withgoogle.com*». Commentators participate actively in creating a text of the blog, complementing the theme, including new hyperlinks, establishing transitions between texts, which means, they are full co-authors.

Analyzing the texts of professional blogs, it can be noted that there are various semantic relationships between the hyperlink and the text associated with it.

The objects for creating hyperlinks can be various elements, but the most common are text and graphic elements. You can convert both the whole figure and its part into a hyperlink, as a single word in the page text, as well as entire sentences and paragraphs.

Discussion.

MM. Subbotin, the first Russian researcher dealing with hypertext issues, describes hypertext as "a combination of a semantic structure, the structure of internal connections of some content, and a technical environment, technical means that enable a person to master the structure of semantic connections, to make transitions between interconnected elements" [\[4, p.42\]](#).

T.I. Ryazantseva considers hypertext in Internet communication as "a special type of written communication, a special form of organization of written text, mediated by a computer environment and characterized by the process of nonlinear writing and reading" [\[3, p. 12\]](#).

P.V. Moroslin characterizes hypertext as a structural unit that covers and connects various types of information on the Internet; he calls a hypertext document a set of pages connected by hyperlinks, the peculiarity of which is that this set can be viewed in a certain order, moving along hyperlinks [\[2, p. 130\]](#).

V.A. Shulginov determines the genre of electronic hypertext, determining the specifics of

the functioning of its structural units, in particular, such a basic unit as a hyperlink. In his opinion, "a link, being the main means of genre stratification of electronic hypertext, becomes the key to describing a specific genre, as well as the entire genre diversity of computer-mediated communication" [5, p. 18].

Despite the large number of works devoted to the study of hypertext, its organization and genre, there is currently no single and generally accepted typology of hypertext in the context of the professional variety of blogs; its creation is one of the priority tasks of modern researchers due to the rapid development of blog technologies.

Conclusion.

Thus, a professional blog is a special form of hypertext organization built on a framework and regularly updated with new author comments and hyperlinks. A professional type of blog is specifically designed for communicative user's interaction, during which the author of posts and users have equal communicative rights. A lot of author's blogs form a polylogue cycle, in which the totality of reactions, appeals, comments and replies to comments form a hypertext space.

The prospect for further research on hypertext may be a more thorough study of its structural characteristics, as well as an analysis of electronic hypertext in the context of the professional variety of blogs.

Библиография

1. Галичина, Е.Н. Специализированного дискурса на английском и английском языке (на материале жанра компьютерных конференций): дис. ... канд. филол. Волгоград, 2001. 212 с.
2. Гермашева, Т.М. Языковая личность субъекта блога-дискурса : дисс. ... канд. филол. Ростов-на-Дону, 2011. 176 с.
3. Иванов, Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М.: Азбуковник, 2000. С. 35-45.
4. Карасик, В.И. Язык круговой: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Карасик, В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Лутовинова, О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 496 с.
8. Морослин, П.В. Лингвокультурологические основы теории использования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 339 с.
9. Рязанцева, Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка). М.:Изд. центр «Академия», 2008.
10. Субботин, М.М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж.Деррида) // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 36–45.
11. Шульгинов, В.А. Гипертекстовая структура сетевого дневника сообщества как особого гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале сетевого дневника-сообщества «Владивосток»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 192 с.
12. Американский Дж.Х., Крейг Р., генеральный директор. Язык корпоративного

- лидерства // Монреаль: издательство McGill-Queen's University Press. 2006. ВП 243.
13. Конклин Дж. Гипертекст: введение и обзор // IEEE Computer. 1987. Т. № 21 (9). С. 17–41.
 14. Фоккема, Д.В. Семантическая и синтаксическая организация постмодернистских текстов // К постмодернизму. Амстердам. 1986. В. П. 81–98.
 15. Кришнамурти, С. Многомерность бесед в блогах // Виртуальное постановление от 11 сентября. Доклад, представленный на Internet Research 3.0. Маастрихт. Нидерланды. 2002. ВП 29–35.
 16. Миллер, Ч.Р., Шеперд, Д. Блоггинг как социальное действие: жанровый анализ блога / Ч.Р. Миллер, Д. Шепард // Лаура Гурак, Смиляна Антониевич, Лори Джонсон, Клэнси Рэтлифф и Джессика Рейман (ред.), Into the Blogography : Риторика, сообщество и культура блогов. Миннеаполис, Миннесота: Университет Миннесоты, 2004.
URL://blog.lib.umn.edu/blogSphere/blogging_as_social_action_a_genre_analysis_of_the_weblog.html.
 17. Нильсен Дж. Мультимедиа и гипертекст: Интернет и за его пределами // AP Professional. Бостон. 1995. ВП 309.
 18. Дженерал Электрик // блог. URL: <https://www.ge.com/digital/blog> (дата обращения: 15.01.2023).
 19. Гугл // блог. URL: <https://blog.google/> (дата обращения: 21.01.2023).
 20. Кооператив РЭИ // блог. URL: <https://www.rei.com/blog> (дата обращения: 18.01.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Профессиональный блог как особая структурная гипертекстовая единица в пространстве интернет-коммуникаций», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения языковых особенностей профессиональных блогов.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что профессиональный блог как разновидность блога в целом характеризуется гипертекстовой организацией материала, поскольку существуют атрибуты гипертекста как структурной единицы интернет-коммуникации.

Целью исследования является выявление гипертекстовых особенностей профессионального типа блога в интернет-пространстве.

Как известно СМИ являются инструментом влияния на умы людей, кроме того, благодаря современным средствам связи информация быстро распространяется, а часть контента становится вирусным.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Материалом исследования для выявления особенностей гипертекста послужили текстовые блоки 3 корпоративных блогов крупных зарубежных компаний, которые ведутся на английском языке: General Electric blog, Google blog, REI co-op blog. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса,

методологию выборки и принципы обора.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами. Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке, в том числе переводные зарубежные издания. Считаем, что обращение к оригинальным трудам на иностранном языке, несомненно, обогатило бы настоящую работу. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Профессиональный блог как особая структурная гипертекстовая единица в пространстве интернет-коммуникаций» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каверина В.В. Система критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69588 EDN: BPJDPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69588

Система критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии

Каверина Валерия Витальевна

ORCID: 0000-0003-2788-7804

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

117149, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1-51, оф. 962

✉ kaverina1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69588

EDN:

BPJDPN

Дата направления статьи в редакцию:

15-01-2024

Аннотация: В статье представлена методология исследований в области дескриптивной диахронической орфографии. Целью работы является разработка системы критериев выбора вариантов написаний на разных этапах становления изучаемой орфограммы. Необходимость такой системы обосновывается как описанием процесса диахронического анализа, так и конкретным примером такого анализа. Особое внимание уделяется раскрытию таких важных для теории письма понятий, как «узус», «норма», «кодификация» и соотношения между данными понятиями. Особое место уделяется вопросу о правомерности употребления термина «узальная норма», для чего подробно рассматриваются аргументы, подтверждающие некорректность данного термина. Кроме того, обсуждаются проблемы соотношения принципов правописания как инструментов дескриптивной (описательной) орфографии и правил как результата деятельности ортологов, кодифицирующих нормы письма. В основу системы критериев дескриптивной орфографии положена система правил орфографии прескриптивной, а именно правила

современной орфографии из нового электронного ресурса «Орфографическое комментирование русского словаря» (ОРОСС) Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой. Новизна полученных в статье результатов обусловлена отсутствием методологии исследований в области дескриптивной диахронической орфографии. В работе раскрыты такие важные для теории письма понятия, как «узус», «норма», «кодификация» и выяснено соотношение между данными понятиями. В результате установлена неправомерность употребления термина «узуальная норма», для чего подробно рассмотрены аргументы, подтверждающие некорректность данного термина, в частности то, что в определенных контекстах термины «узус» и «норма» могут употребляться безразлично. Итогом работы явилась система критериев выбора вариантов написаний на разных этапах становления орфограммы. Разработка оригинальной системы критериев выбора вариантов написаний проведена на основе современного свода правил орфографии. Область применения результатов исследования определена путем описания процесса диахронического анализа орфограммы и проиллюстрирована конкретным примером такого анализа.

Ключевые слова:

правила русской орфографии, диахроническая орфография, дескриптивная орфография, становление орфограммы, изменение нормы, орфографические нормы, нормы письма, критерии выбора написания, история орфографии, история письма

В предлагаемой вниманию читателей статье описана методика исследований, относящихся к области дескриптивной орфографии. При этом в разработке данной методики мы используем материалы орфографии прескриптивной. Приведенные термины раскрываются в работе Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой: «В современном языкознании под термином *орфография* понимают две разные науки: дескриптивную (описательную, объективную) и прескриптивную (ортологическую, предписывающую)» [\[1, с. 10\]](#). Дескриптивная орфография исследует «законы функционирования и развития письменной речи» [\[1, с. 10\]](#).

Диахроническое описание процесса становления той или иной орфограммы обычно начинается с определения того, какие варианты написаний были возможны в истории орфограммы. Объектом дескриптивной орфографии «является реальное письмо (узус)» [\[1, с. 10\]](#), а установленные варианты написаний составляют так называемую «узуальную норму», которая характеризуется принципиальной вариативностью в отсутствие кодифицирующих сочинений [\[2\]](#). Заметим, что принятый ранее термин «узуальная норма» [\[3\]](#) в настоящее время подвергается критике лингвистов. Так, по мнению Е. А. Земской, «понятие узуальная норма... лишнее. Ведь узус определяется только частотой и общепринятостью словоупотребления» [\[4, с. 208\]](#). Разъяснить данное утверждение помогает рассуждение Л. П. Крысина: «Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, — это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов» [\[5, с. 11\]](#). При таком понимании термин «узуальная норма» представляет собой плеоназм. О невозможности такого сочетания свидетельствует и противопоставление понятий «узус» и «норма» А. Д. Шмелевым в «триаде узус–норма–кодификация» [\[6, с. 13\]](#). Более того, Шмелев рекомендует «строго различать вариативность написаний в узусе и

вариативность орфографической нормы. Вариативность написаний в узусе естественным образом побуждает кодификатора выяснить, какое же из конкурирующих написаний признается «правильным» грамотным сообществом... и отразить в кодификации этот выбор. Напротив того, вариативность нормы должна быть отражена в кодификации как таковая; если же норма не устоялась, это тоже должно быть соответствующим образом отражено в кодификации» [6, с. 10]. Очевидно, что данное рассуждение остается актуальным и при отсутствии кодификации или ее противоречивости, что отмечается в истории языка.

Второй этап диахронического описания процесса становления орфограммы состоит в том, чтобы выяснить, почему одни из вариантов написаний выходят из употребления, а другие закрепляются и становятся нормой. Другими словами, следует определить, каковы критерии выбора того или иного написания вначале и его сохранения или утраты в дальнейшем.

Так, исходная система предполагает один вариант передачи приставки на <з> перед глухой согласной *п* — через *с* (*испити*), мотивированный фонетическим критерием. Однако после падения редуцированных меняется значение и назначение буквы *ь* [7, с. 229], которая начинает использоваться, в частности, как сигнал конца слова в сплошном тексте. Поскольку в то время префиксы и предлоги не различались пишущими, буква *ь* при утрате в середине слова сохраняется в исходе не только предлогов, но и приставок. В результате по аналогии с исконно еровыми префиксами к XIV в. появляются написания приставок на <з> с сочетанием с *ь* (например, *исъпльнимъ*) [8, с. 72], где к фонетическому добавляется морфемный критерий, по которому в конце приставки употребляется *ь*. В то же время получают распространение варианты префиксов на <з> с конечными *зъ* (например, *безъпакостьно*) [8, с. 72], где *ь* пишется в соответствии с морфемным критерием, а выбор *з* определяется основным принципом русской орфографии — фонематическим [9–11]. В процессе развития письма сначала происходит утрата конечного *ь* префиксов на <з>, а затем после некоторых колебаний закрепляется исторически оправданный вариант с конечной *с*, выбираемой по фонетическому критерию [12].

Как видим, правописные варианты при становлении нормы подвергаются стихийной унификации, в результате которой из нескольких возможных остается, как правило, только один. Для выяснения причин устранения одних и закрепления других написаний необходимо систематизировать основания, на которых базируются те или иные орфографические варианты. С этой целью мы ввели понятие критерия написания, под которым мы понимаем лингвистический фактор, определяющий выбор того или иного способа передачи фонемы в слабой позиции или в сильной позиции не в соответствии с фонематическим принципом. Об этом, к примеру, писал А. А. Зализняк: «Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написание единичного слова (или даже словоформы). В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов» [13, с. 171–172]. Под правописными критериями мы понимаем то, что Зализняк называл «точечными правилами».

А. Д. Шмелев противопоставляет правила не основному принципу правописания, а норме: «Орфографическая норма позволяет охарактеризовать то или иное написание как «грамотное» или «неграмотное», тогда как орфографическое правило формулирует критерии, позволяющие осуществить такое отнесение» [\[14, с. 10\]](#). Не случайно источником примеров для представленной в работе системы правописных критериев послужило прескриптивное описание современной орфографии из нового электронного ресурса «Орфографическое комментирование русского словаря» (ОРОСС) Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой [\[15\]](#).

Ниже представлен перечень выделенных нами критериев, проиллюстрированный примерами правил ОРОСС.

1. Графический критерий

Графический критерий предполагает мотивировку написания той или иной графической особенностью: предшествующей или последующей буквой, цифрой или другим графическим знаком. Пример: «Сложные слова, одна из частей которых передается цифрой, буквой, аббревиатурой пишутся через дефис, напр.: *8-часовой... γ-активный... МГД-генератор...*» [\[15\]](#)

2. Фонетический критерий

Написание, которое зависит от произношения, определяется фонетическим критерием. Пример: «Мягкость парного согласного на письме обозначается мягким знаком (*ь*), а твердость – его отсутствием: в конце слова (*конь – кон, кровь – кров*)...» [\[15\]](#)

3. Морфемный критерий

Морфемный критерий определяет написания, выбираемые в зависимости от морфемной структуры слова или вида морфемы. Пример: «Буква *ц* пишется внутри морфемы (*абзац, отец*)... Сочетания *тс, дс, тьс, тц, дц* пишутся на стыке морфем... (*брат-ский, блюд-це, деть-ся, денет-ся, под-солнух*)» [\[15\]](#).

4. Словообразовательный критерий

Написание, зависящее от способа образования производного слова, определяется словообразовательным критерием. Пример: «Сложносокращенные прилагательные пишутся слитно, напр.: *санэпидемиологический, совсекретный, жилстроительный*» [\[15\]](#).

5. Морфологический критерий

Морфологическим критерием мотивировано написание, вариант которого находится в зависимости от грамматических характеристик слова. Пример: «Полные формы причастий пишутся с двойным *н*, в кратких формах пишется одно *н*: *прочитанный, услышанный, исправленный, прочитана, услышана, исправлена*» [\[15\]](#).

6. Синтаксический критерий

Синтаксический критерий определяет написания, выбор которых связан с какой-либо синтаксической конструкцией. Пример: «*Пол* пишется отдельно со словосочетанием (*пол маленького города, пол квартиры отца*)» [\[15\]](#).

7. Семантический критерий

Если написание зависит от смысла слова или группы слов, оно определяется семантическим критерием. Пример: «Существительные – названия жителей, образованные от имен собственных, пишущихся через дефис (*ньюйоркцы, ореховозуевцы*)» [\[15\]](#).

8. Словарный критерий

Словарный критерий предполагает отсутствие мотивировки написания, которое определяется по словарю. Пример: «Написание непроверяемых гласных морфемы определяется по словарю» [\[15\]](#).

9. Смешанные критерии.

Все приведенные критерии могут сочетаться. Приведем лишь некоторые примеры.

9.1. Морфемно-фонетический критерий

Пример: «Приставки на *з/с* пишутся с буквой *з* перед гласными, сонорными и звонкими согласными, а перед глухими согласными пишутся с буквой *с*, напр.: *без-/бес-* (*бездушный, бесцеремонный, бесшовный*)...» [\[15\]](#)

В ОРОСС к правилу дается исключение («Слово*безвкусный* – *з* перед глухим звуком [ф]»), из которого можно сделать вывод о том, что здесь имеются в виду звуки, хотя по формулировке это непонятно («перед гласными, сонорными и звонкими согласными»; «перед глухими согласными») [\[15\]](#).

9.2. Морфемно-морфологический критерий

Пример: «Пишутся слитно наречия, образованные с помощью приставок 1) от наречий (*вовне, донине, досюда*)...» [\[15\]](#)

9.3. Морфемно-словообразовательно-синтаксический критерий

Пример: «Сложные прилагательные с сочинительным отношением основ и суффиксом в первой части пишутся через дефис, напр.: *выпукло-вогнутый, кабельно-спутниковый, колюще-режущий, осенне-зимний, садово-парковый*» [\[15\]](#).

9.4. Морфемно-словообразовательно-семантический критерий

Пример: «В существительных на *-ец* со значением «житель», образованных от слов с основой на *-ск* и *-сс*, пишется «одна согласная *с* + суфф. *-ец*», напр.: *новочеркасец* (Новочеркасск)... *донбасец* (Донбасс), *старорусец* (Старая Русса), *миасец* (Миасс), *черкасец* (Черкассы)» [\[15\]](#).

Представленный перечень критериев позволяет не только систематизировать «диахроническую вариантность» [\[16\]](#) для каждой орфограммы, но и выяснить, какие критерии обеспечивают большую стабильность, а это может быть полезно уже для упорядочения вариантности синхронной [\[17\]](#). Не случайно авторы новейшего электронного свода правил «Орфографическое комментирование русского словаря» (ОРОСС) Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова полагают, что необходимо учитывать «фактор ретроспекции при кодификации буквенного облика слов» [\[18\]](#). Более того, отдельные критерии из нашего списка анализируются как «лингвистические факторы мотивировки написаний орфограмм» в работе, посвященной методике преподавания русского языка в

школе [19]. Наконец, система критериев поможет установить главные тенденции развития нормы в современном русском языке [20].

Библиография

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 424 с.
2. Каверина В. В. Узуальная норма деловой письменности XVII века: орфография префиксов / Под ред. Л. А. Илюшиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 80 с.
3. Сиротинина О. Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006. С. 490–499.
4. Земская Е. А. Литературная норма и неuzuальное словообразование // Современный русский язык: Система – норма – узус. М.: Языки Славянской Культуры, 2010. С. 207–253.
5. Крысин Л. П. Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса // Современный русский язык: Система – норма – узус. М.: Языки Славянской Культуры, 2010. С. 9–30.
6. Шмелев А. Д. Кодификация орфографических норм: общие принципы и подводные камни // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2021. № 3. С. 11–24.
7. Каверина В. В. Становление норм дистрибуции финальных Ъ и Ь после букв шипящих согласных и аффрикат в русском литературном языке XVIII–XIX вв. // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2. С. 229–249.
8. Каверина В. В. Орфография изданий «Российской грамматики» М. В. Ломоносова XVIII–XIX столетий в контексте правописной нормы своего времени // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2016. № 1. С. 67–91.
9. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформы орфографии в связи с проблемой письменного языка // Русский язык в школе. 1930. № 4. С. 110–118.
10. Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // Русский язык в школе. 1937. № 1. С. 63–70.
11. Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // Ученые записки Московского педагогического института. М., 1953. Т. 22. Вып. 2. С. 3–40.
12. Аванесов Р. И. Приставки на <з>. О правописании приставок на -з в связи со смежными вопросами // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 117–120.
13. Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением ъ – о и ь – е // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 165–192.
14. Шмелев А. Д. Допустимая вариативность орфографии или распространенная ошибка? // Русский язык в научном освещении, 2021. № 1 (41). С. 9–31.
15. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Тенькова Е. В. Орфографическое комментирование русского словаря (ОРОСС). URL: <https://oross.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).
16. Нечаева И. В. К типологии орфографической вариантности в русском языке // Русская речь. 2022. № 3. С. 47–59.
17. Нечаева И. В., Перцов Н. В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 10–35.
18. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. Очерки

теории. Правила. Словарь. М.: ЛЕКСРУС, 2018. 567 с.

19. Афанасьева П. В. Лингвистические факторы мотивировки написаний орфограмм на примере правил с опознавательным признаком «наличие согласных в конце слов (морфем) или стечения согласных в слове // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 5-13.
20. Нам Хе Хён. Узус, норма и система в контексте современного русского языка: на материале интернет-коммуникации // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 33-43.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Система критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к теоретическим вопросам лингвистики.

В предлагаемой вниманию читателей статье описана методика исследований, относящихся к области дескриптивной орфографии. В работе автор обращается к материалам орфографии прескриптивной при разработке методики.

Практическим материалом исследования явилось прескриптивное описание современной орфографии из нового электронного ресурса «Орфографическое комментирование русского словаря» (ОРОСС) Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, Е. В. Теньковой.

В работе автор приводит выделенные критерии, проиллюстрированные примерами правил ОРОСС.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, так как не в полной мере отражает те задачи, которые автор ставил перед собой, а также не содержит перспектив дальнейшего исследования.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, как общенаучным, так и специфическим лингвистическим.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых присутствуют исключительно работы на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей, несомненно, обогатило бы настоящую работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки,

орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории языка. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Система критериев выбора написания в диахронической дескриптивной орфографии» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина А.А. Система эпических персонажей олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69510 EDN: AXABRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69510

Система эпических персонажей олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева

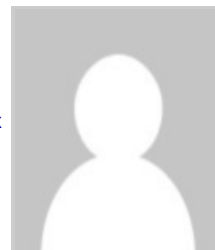
Кузьмина Айталиа Ахметовна

кандидат филологических наук

Старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Саха (якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, оф. 414

✉ aitasakha@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69510

EDN:

AXABRQ

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2024

Аннотация: Предметом исследования статьи является семантика, структура и сюжетное функционирование системы персонажей в якутском героическом эпосе. Объектом исследования является олонхо «Богатырь Тонг Саар» Семёна Николаевича Каратаева, которое является одним из образцовых текстов вилюйской эпической традиции, записанное во время Вилюйской экспедиции 1938 г. Актуальность работы обусловлена необходимостью детального изучения системы персонажей якутского героического эпоса, определения их роли в развитии сюжета олонхо, выявления новых образов. Цель статьи – раскрыть систему эпических персонажей якутского героического эпоса «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева. Полученные результаты можно применить в области фольклористики при разработке вопросов поэтики эпического текста, при составлении учебно-методических пособий по якутскому фольклору. В качестве основного метода исследования используется структурно-функциональный анализ, разработанный известным отечественным фольклористом В. Я. Проппом. Новизна исследования состоит в том, что впервые изучается система персонажей данного

сказания с применением методологии В. Я. Проппа. В результате пришли к выводу, что в олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева представлена целая система образов персонажей. Определили, что помимо героев, обусловленных двумя частями повествования олонхо, в разворачивании сюжета существенную роль играют образы антагонистов – богатырей, женщин-абаасы, соперников. Выявили, что в данном тексте значительное место занимают помощники героя, вредитель / похититель жены героя (тунгусский богатырь). Девушки / женщины-айы пассивны, однако играют роль в мотивировке выезда богатыря. В сюжете олонхо встречаются образы родителей невесты / жены, вестницы, советчицы-старухи Симэхсин, слуги-жертвы, дарителя-кузнеца, которые не имеют большого значения в развитии сюжета, однако дополняют основные образы и способствуют их раскрытию.

Ключевые слова:

якутский героический эпос, олонхо, персонаж, система персонажей, герой, тип героя, сюжет, образ, функции, вилюйская эпическая традиция

Выражаю благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании Центра по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Основными сюжетными единицами в якутском героическом эпосе являются персонажи – действующие лица. Система эпических персонажей обладает высокой степенью устойчивости. В эпосоведении образы олонхо впервые были охарактеризованы фольклористом И. В. Пуховым [\[12\]](#). Впоследствии якутские фольклористы продолжили исследование образов олонхо [\[1; 2; 3; 4; 6; 7; 9; 14; 16\]](#).

Актуальность работы обусловлена необходимостью детального изучения системы персонажей якутского эпоса олонхо, определения их роли в развитии сюжета, выявления новых образов. Цель статьи – раскрыть систему эпических персонажей якутского героического эпоса «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева, относящегося к вилюйской эпической традиции олонхо [\[5\]](#). Новизна исследования состоит в том, что впервые изучается система персонажей данного сказания с применением методологии В. Я. Проппа.

Материалом исследования является олонхо «Богатырь Тонг Саар» Семена Николаевича Каратаева из Вилюйского района, записанное в 1938 г. А. А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции. Рукопись данного сказания хранится в рукописном фонде архива Якутского научного центра СО РАН. В 2004 г. это олонхо было издано в рамках серии «Саха боотурдара» («Богатыри саха»).

В методологическом плане весьма важными для нас оказываются исследования Б. В. Томашевского [\[15\]](#), В. Я. Проппа [\[11\]](#), Е. М. Мелетинского [\[8\]](#), И. В. Пухова [\[12\]](#), Н. В. Емельянова [\[2; 3\]](#), Н. Б. Пюрвеевой [\[13\]](#), Н. В. Петрова [\[10\]](#) и др. В качестве основного метода исследования используется структурно-функциональный анализ.

Олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» состоит из двух частей. В первой части повествуется о деяниях богатыря Тонг Саар. Больше ни в каких письменных источниках не зафиксирован такой эпоним. *Тон* – «мерзлый, крепкий, твердый»; Н. В. Емельянов приводит в качестве примера еще имя богатыря-абаасы Тонг Туоралдьын из олонхо «Эр Соготох» в сборнике С. В. Ястремского и переводит его как Мерзкий Торольжун,

подчеркивая его отрицательный оттенок [3, с. 129]. Второе составное слово имени – *Саар* – имеет разные интерпретации. Так, Н. В. Емельянов придерживается толкования, предложенного Э. К. Пекарским, в соответствии с которым *саар* – «аккуратный, коренастый» [3, с. 129]. Возможно, параллельно с исконно якутским словом *саар* существовало заимствованное из русского языка слово *царь*. В репертуаре якутских сказителей слово *саар* встречается в составе имен героев олонхо, в особенности оно характерно для виллюйской эпической традиции. Однако в данном исследовании мы не ставим перед собой задачу анализировать этимологию и семантику этого антропонима, ограничимся перечнем названий олонхо со словом *саар* и производных от него: «Богатырь Мунг Саар» Ф. Н. Тимофеева (Верхневиллюйский улус), «Богатырь Харыла Саар» Т. П. Гоголева (Виллюйский улус), «Сёрюён Саар» М. С. Шадрин (Виллюйский улус), «Саха Саарын» Г. Д. Егорова-Хабыкка (Нюрбинский улус), «Саха Саарын» И. Н. Николаева (Нюрбинский улус), «Саха Саарын» В. Е. Васильева (Нюрбинский улус), «Богатырь Кюн Саарыстыба» И. Е. Торохова (Нюрбинский улус), «Богатырь Кюн Саарыстыба» П. С. Семенова (Нюрбинский улус), «Модун Ого Модуруун Саар» Д. И. Иванова (Нюрбинский улус), «Царь Кырандабыыс Саар» К. Н. Иннокентьева (Нюрбинский улус), «Богатырь Саар Гудай» Я. В. Васильева (Сунтарский улус), «Богатырь Алтан Саарыма» К. Л. Кириллина (Сунтарский улус), «Именитый Адаам Саар» И. Д. Павлова (Сунтарский улус), «Богатырь Албан Саар и Хара Мэкирдэн» Г. М. Тарасова (Горный улус), «Саха Саарын Тойон, Айыы Сандыл Хотун» Ырыа Мэхээс (Намский улус), «Саха Саарын тойон, Айыы Сандыл хатын» П. Л. Колесова (Намский, Горный улусы), «Моджуйа Саарын» Д. М. Пермьякова (Намский улус), «Ала Саарын» Асаам Огоннёр (Чурапчинский улус), «Ала Саарын» И. И. Терютина (Чурапчинский улус), «Богатырь Бардам Саарын» Д. В. Кысылбаева (Верхневиллюйский улус). Большинство текстов этих олонхо не записаны фольклористами.

Исследователи считают, что «поэтика сюжета в эпосе – это в значительной мере поэтика героя, то есть определенный тип героя-богатыря связан с определенными же сюжетами» [13, с. 42]. Героем является персонаж, получающий наиболее острую и яркую эмоциональную окраску [15, с. 202]. Тонг Саар относится к типу одиноких героев, как и Эр Соготох (Муж-Одиночка). В экспозиции олонхо не говорится о его происхождении, родителях, он живет один. Е. М. Мелетинский считал, что древнейший тип сказаний об одиноком герое, первоначально, встречается в якутском эпосе об Эр Соготохе [8, с. 28–30]. При этом исследователь подчеркивал, что герой олонхо может выступать и под другим именем, часто совершая «тождественные богатырские подвиги».

В составе именной эпической формулы говорится, что Тонг Саар вырос, стоя на голове в течение тридцати лет на вершине горы Дуур, находящейся на южной стороне [5, с. 22]:

<i>...Собуруу диэки</i>	Богатырь Тонг Саар,
<i>Дуур хайа төбөтүгэр</i>	Рожденный стоя на голове
<i>Отут сылы мэлдьи</i>	В течение тридцати лет
<i>Төбөтүнэн туран үөскээбит</i>	На вершине горы Дуур,
<i>Тон Саар бухатыыр...</i>	На южной стороне
	(перевод наш. – А. К.).

Н. В. Емельянов сопоставляет это с образом богатыря, «сиднем сидевшего (калекой

пролежавшего) в течение тридцати лет» [3, с. 129]. В олонхо не повествуется о детстве, воспитании богатыря, что характерно для архаической эпики в отличие от более позднего типа сюжетов олонхо и классического эпоса, в том числе русских былин [10, с. 103]. В олонхо С. Н. Каратаева богатырь Тонг Саар в начале повествования описывается как молодой человек, а к завершению пути, после рождения первого сына, его уже называют стариком; вернувшись на родину, Тонг Саар перестает выезжать в богатырские походы, а занимается охотой недалеко от дома. Следует отметить, что почти во всех текстах олонхо возраст героя не меняется, остается статичным, только изредка описывается его быстрый рост; он не успевает состариться, так как эпическое повествование обычно заканчивается женитьбой богатыря и возвращением на родину; дальнейшая его судьба перестает интересовать сказителя, только в общих чертах упоминают в конце, что богатырь становится родоначальником ураангхай-саха.

Сказитель С. Н. Каратаев в своем олонхо «Богатырь Тонг Саар» отходит от традиционного канона прекращения богатырских деяний после женитьбы: Тонг Саар после первой брачной ночи без свадьбы вступает в сражение с соперниками. Этот эпизод, видимо, показывает бытовизацию мотива сватовства.

Во второй части эпического повествования героем становится богатырь Юрюнг Кыыртай – старший сын богатыря Тонг Саар. Кроме того, в начале второй части его младший брат-бык Сююлэлджин Боотур также играет активную сюжетную роль, имеет потенциал стать героем. Однако отсутствие суженой и исчезновение персонажа после приезда к месту жительства суженой его старшего брата подводит читателя /слушателя к мысли, что он не главный герой.

В богатырском эпосе наряду с героем большое значение имеет антагонист, все остальные персонажи показаны лишь в различных отношениях к этим главным [10, с. 61]. Противниками героя выступают богатыри-абаасы, соперники из разных миров, женщина-абаасы Сатыы Дуодангай, красавицы-оборотни (представляются как младшая дочь Сир Ниджили Баай Тойона Туллукутай Бэргэн, младшая дочь старика Саха Саарына Кёмюс Кюлюмюрдююр Куо).

Соперниками богатыря Юрюнг Кыыртай являются богатыри из Нижнего мира Тимир Чугууннай, Тимир Чаалкантай и богатырь-абаасы из Верхнего мира Хардааччылаан. Если бык Сююлэлджин Боотур предупреждает своего брата о двух первых богатырях-абаасы, то третий богатырь из Верхнего мира появляется неожиданно. В качестве «стража порога» и еще одного соперника выступает богатырь Итии Болгуо – сын Огненного моря *Уот Байбал*. Его сестра Сатыы Дуодаай предлагает богатырю Юрюнг Кыыртай вступить с ней в половую связь. Герой якобы соглашается и, воспользовавшись моментом, когда женщина-абаасы в предвкушении предстоящей близости лежит беззащитно, умерщвляет ее. Следует отметить, что во многих текстах олонхо богатыри обычно сразу отказываются от предложения женщины-абаасы и убивают ее.

Очень значительна сюжетная роль вредителя / похитителя жены героя – тунгусского богатыря по имени Арджамаан-Джарджамаан. Вопреки традиции, его представляют как сына Сээркээн Сэсэна. Он похищает жену богатыря Тонг Саар, обладая высокой скоростью перемещения на оленьих упряжках, и чинит герою различные препятствия. Упоминается имя тунгусского князя Мылахсын Тьюэрэхсин, который должен расплачиваться принадлежащими ему богатствами за злодеяния своего соплеменника. Образ князца встречается только в этом олонхо. Думаем, что это позднее напластование, появившееся в дореволюционное (царское) время, когда князец

управлял наслегом. В центральной, северной эпической традиции об отце и соплеменниках тунгусского богатыря ничего не говорится, следовательно, в олонхо Вилуйского региона этот образ получил наибольшее развитие.

В олонхо С. Н. Каратаева представлена целая галерея образов помощников: богатырский конь, щенок-оборотень, три шаманки-айыы из Верхнего мира (дочь Чолбон Тойона шаманка Туналыкаан, дочь Кюн Тойона шаманка Кюегэлджин Куо, дочь Ый Тойона шаманка Ытык Ылымырдыыр Куо), брат-бык Сююлэлджин Боотур, богатырь-айыы Аджына Боотур, которые играют решающую роль в достижении богатырем своей цели. При этом близкие к помощникам функции выполняют дарители (кузнец), благословители (восемь шаманок, три небесные шаманки, шаман Кюн Тэгиликээн, дух-хозяйка земли), предсказатели, указатели пути (шаман Кюн Тэгиликээн, дух-хозяйка земли, бык Сююлэлджин Боотур), то есть, как видно, один и тот же персонаж может выполнять разные функции.

Вместо старика-советчика Сээркээн Сэсэна, указывающего герою путь и предназначение, который часто встречается в других сказаниях, выступает шаман Кюн Тэгиликээн. Образ шамана характерен для вилуйской эпической традиции, когда как в других традициях он почти не встречается. Возможно, это объясняется тем, что в Вилуйском регионе шаманизм лучше сохранился и был довольно широко распространен до 1920-х гг.; кроме того, в быту люди часто пользовались услугами шаманов, в том числе обращались к ним за предсказанием судьбы, что нашло отражение в эпосе.

Девушки / женщины айыы Айталын Куо и Ытык Ылымырдыыр Куо (Ытык Сырдыыстаан Куо, Ытык Сындыыстаан Куо) выполняют функцию невесты / жены (суженой) героя. В сюжете они не играют активной роли, однако из-за них происходят битвы богатырей трех миров. В олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» они охарактеризованы как младшие священные дочери своих родителей. Айталын Куо после рождения первого сына и приезда на родину мужа изображена как старуха. В конце сказания она и ее муж, богатырь Тонг Саар, выполняют функцию родителей героя-богатыря. А возраст Ытык Ылымырдыыр Куо остается статичным. Местом локализации суженой героя является «другая страна» в Среднем мире – иное пространство, где происходит сватовство, первая битва / состязание соперников и свадебный ысыах.

Родители невесты / жены – Сир Сабыя Баай Тойон и его жена Хотолджун Куо, старик Харах Хаан и его супруга Кёмюс Хонгуруу Юёгэлджин Куо – описаны как пожилые люди, занимающие особое положение в обществе (*тойон* – «господин»), обладающие несметными богатствами (скотом, слугами). Они не играют активной роли в сюжете олонхо. Не требуя выплаты калыма, сразу соглашаются выдать свою дочь за героя, что не соответствует традиционным брачным обычаям якутов, бытовавшим вплоть до середины XX в. В конце повествования мать Ытык Ылымырдыыр Куо поет песнопение-благословение.

В олонхо «Богатырь Тонг Саар» отсутствует традиционный образ вестника, отчасти его функцию выполняет старуха-коровница Симэхсин, первой оповещающая о прибытии достойного жениха – богатыря Тонг Саар. Она также является советчицей для своих хозяев. В сказаниях Вилуйского региона этот образ встречается лишь в 12 олонхо из 40 и выполняет следующие роли: вестник о прибытии героя / богатыря-абаасы / о похищении девушки-айыы; помощница противника героя; советчица; хранительница традиций патриархальной семьи.

В рассматриваемом олонхо встречается образ жертвы – парня-слуги, привозившего

сено, которого богатырь Юрюнг Кыртай убивает без особой причины и в его облике приезжает на родину своей суженой. Таким образом реализуется мотив прибытия неузнанного богатыря, характерный для эпического повествования.

Итак, в олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева представлена целая система образов персонажей. Помимо героев, обусловленных двумя частями повествования олонхо, в разворачивании сюжета существенную роль играют образы антагонистов – богатырей, женщин-абаасы, соперников. В данном тексте значительное место занимают помощники героя, вредитель / похититель жены героя (тунгусский богатырь). Девушки / женщины-айыы пассивны, однако играют роль в мотивировке выезда богатыря. В сюжете олонхо встречаются образы родителей невесты / жены, вестницы, советчицы-старухи Симэхсин, слуги-жертвы, дарителя-кузнеца, которые не имеют большого значения в развитии сюжета, однако дополняют основные образы и способствуют их раскрытию.

Библиография

1. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 166 с.
2. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск: Наука, 2000. 192 с.
3. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 207 с.
4. Захарова А. Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.
5. Каратаев С. Н. Тон Саар бухатыыр: Олонхо [Богатырь Тонг Саар: Олонхо]. Якутск: Бичик, 2004. 237 с. (На якут. яз.)
6. Кузьмина А. А. Трансформация образа быка в олонхо вилуйской эпической традиции // Эпосоведение. № 3. 2022. С. 30–39.
7. Макаров С. С. Змеи и серпентоморфные образы в якутских олонхо (к сравнительному изучению демонологии тюрко-монгольских народов) // Эпосоведение. 2023. С. 72–83.
8. Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 426–443.
9. Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.
10. Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит; Редкая птица, 2017. 280 с.
11. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
12. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.
13. Пюрвеева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар»: диссертация ... доктора филологических наук. Элиста, 2003. 347 с.
14. Сатанар М. Т. Генезис образа Сээркээн Сэсэна в эпосе олонхо // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 50–86.
15. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
16. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Система эпических персонажей олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению художественных особенностей творчества писателей, представляющих малые народности, проживающие в Российской Федерации.

Актуальность работы обусловлена необходимостью детального изучения системы персонажей якутского эпоса олонхо, определения их роли в развитии сюжета, выявления новых образов.

Цель статьи – раскрыть систему эпических персонажей якутского героического эпоса «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева, относящегося к вилюйской эпической традиции олонхо.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к структурно-функциональному анализу, методу обобщения и методу семантического анализа.

Практическим материалом исследования является олонхо «Богатырь Тонг Саар» Семена Николаевича Каратаева из Вилюйского района, записанное в 1938 г. А. А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции. Рукопись данного сказания хранится в рукописном фонде архива Якутского научного центра СО РАН. В 2004 г. это олонхо было издано в рамках серии «Саха боотурдара» («Богатыри саха»).

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на якутском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы исключительно российских исследователей.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов теории отечественной литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Система эпических персонажей олонхо «Богатырь Тонг

Саар» С. Н. Каратаева» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сун Ц. Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69117 EDN: AXFFAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69117

Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого

Сун Цзясюань

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова

119415, Россия, г. Москва, ул. Кравченко, 7, кв. ДСК

✉ jiax.song@yandex.ru[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.1.69117

EDN:

AXFFAX

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2023

Аннотация: Во время польского восстания 1863 г. Л.Н. Толстой выражал желание вновь отправиться на войну, о чем известно из его письма А.А. Фету от 1...3 мая и из дневника С.А. Толстой от 22 сентября 1863 г. В результате оставался практически неисследованным сам военно-политический контекст 1863 г., в котором это желание сформировалось. Оставалось непонятным, какие польские или общеевропейские события могли актуализировать толстовское желание именно в мае и сентябре 1863 г., почему это желание то обостряется, то, очевидно, отступает. В данной статье мы восполним этот пробел, воссоздав внешнеполитический контекст 1863 г. на основе газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь. В начале 60-х годов польское восстание повлекло за собой вмешательство в конфликт западных держав. Это привело к дипломатической борьбе между Российской империей и западными державами. В центре нашего внимания будут публикации из «Московских Ведомостей» под редакцией М.Н. Каткова, за которыми Толстой скорее всего следил. Основным методом исследования является сопоставительный и культурно-исторический. Используя эти методы, мы детально анализируем, что конкретно происходило в мае и

сентябре 1863 г. на театре боевых действий в Польше и в дипломатических сферах Европы. Воссоздав международную обстановку этого времени, мы докажем, что желание Толстого «снять меч с заржавевшего гвоздя», о котором он писал Фету, возникало в наиболее кризисные для европейской дипломатии моменты, когда новая война России с коалицией западных государств (наподобие Отечественной или Крымской) казалась почти неизбежной. А исчезновение его желания связано с ликвидацией этой военной угрозы. Это доказывает, что в момент начала работы над «Войной и миром» писатель еще довольно внимательно следил за современной политической повесткой, хотя он отказался от участия в войне, мысль о ней не прошла бесследно и наложила отпечаток на его художественное воображение. Далее Толстой предложил читателю «Войны и мира» в целом миролюбивый взгляд на отношения между народами.

Ключевые слова:

польское восстание, дипломатия, Лев Толстой, Московские Ведомости, пресса, Война и мир, Отечественная война, западные державы, Александр Михайлович Горчаков, Михаил Никифорович Катков

Польское восстание 1863 г. привело к политическому кризису в Российской империи и к усилению консервативных настроений в обществе и в провластных кругах. Во многом это было связано с опасениями, что восстание выйдет за пределы Царства Польского, охватив литовские, украинские и белорусские территории, которые в России многие считали исконно русскими [см. 1]. Основания для таких опасений давало и все более враждебное отношение к России западноевропейских государств, поддержавших польских инсургентов. Не обошел вниманием события 1863 г. и Л.Н. Толстой, десятилетием ранее служивший в русской армии на Кавказе, а затем принявший участие в Крымской войне. В письме А.А. Фету от 1...3 мая 1863 г. он высказывает намерение вернуться в армию: «Что вы думаете о польских делах? Ведь дело-то плохо, не придется ли нам с вами и Борисовым снимать опять меч с заржавевшего гвоздя?» [2, т. 61, с. 17]. Об этом мы узнаем из дневника С.А. Толстой, это желание, разумеется, не одоблившей, от 22 сентября 1863 г.: «На войну. Что за странность? Взбалмошный — нет, не верно, а просто непостоянный <...> Поставил в такое положение, что надо жить и постоянно думать, что вот не нынче, так завтра останешься с ребенком, да, пожалуй, еще не с одним, без мужа. Все у них шутка, минутная фантазия. Нынче женился, понравилось, родил детей, завтра захотелось на войну, бросил. Надо теперь желать смерти ребенка, потому что его я не переживу. Не верю я в эту любовь к отечеству, в этот enthousiasme в 35 лет. Разве дети не то же отечество, не те же русские? Их бросить, потому что весело скакать на лошади, любоваться, как красива война, и слушать, как летают пули. Я его начинаю меньше уважать за непостоянство и за малодушие» [3, т. 1, с. 61-62].

Исследователи затрагивали вопрос о причинах этого толстовского намерения, но не давали на него четкого ответа, чаще всего ограничиваясь комментариями психологического рода. Кроме того, в их поле зрения попадал обычно лишь один из эпизодов 1863 г. — либо весенний, либо осенний. Так, Н.Н. Гусев не комментировал майский план Толстого, а сентябрьский объяснял тяжестью его семейной жизни, заставляющей вспомнить ответ князя Андрея в «Войне и мире» на вопрос, зачем он идет служить в армию: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!» [4, с. 615]. Сходным образом оценивает этот эпизод Б.М. Эйхенбаум, рассматривая его в связи со становлением замысла «Войны и мира». В желании Толстого отразилась,

по его мнению, «эмоциональная и эстетическая сторона военных увлечений» писателя, т.е. в нем ощутимо своего рода «молодечество», присущее некоторым героям Толстого, отправляющимся на войну в поисках сильных и ярких впечатлений [\[5, с. 211\]](#). Как полагает исследователь, эти военные настроения, вкупе с общим интересом современников писателя к Отечественной войне, 50-летие которой отмечалось в 1862 г., и способствовали работе Толстого над книгой, ставшей «Войной и миром».

Более содержательной с исторической точки зрения представляется версия С.С. Дорошенко, который в книге «Лев Толстой - воин и патриот» утверждал, что поводом к толстовскому желанию принять участие в войне было не столько польское восстание само по себе, сколько угроза объявления западными державами войны России: «Он собирался на «войну» лишь в том случае, ежели бы такая действительно возникла в России с западными странами, но усмирять поляков Толстой явно не намеревался» [\[6, с. 290\]](#). Нам близко намерение исследователя перенести внимание с семейных обстоятельств Толстого на военно-политические, однако и Дорошенко, встраивая польское восстание в контекст европейского внешнеполитического кризиса начала 1860-х гг., не проясняет деталей этого кризиса, мотивировавшего Толстого вспомнить свою боевую молодость. Цитируя и письмо Толстого Фету, и дневник С.А. Толстой, исследователь не анализирует, что конкретно происходило в мае и сентябре 1863 г. на театре боевых действий в Польше и в дипломатических сферах Европы.

В своей работе мы попробуем воссоздать этот внешнеполитический контекст, тем самым ответив на вопрос, почему план пойти на войну появляется у Толстого дважды с некоторым интервалом – весной и осенью 1863 г. Отталкиваясь от газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь 1863 г., мы реконструируем международную и военно-политическую обстановку того времени и объясним таким образом пробудившийся в это время интерес Толстого и к современным польским событиям, и к эпохе наполеоновских войн. Мы будем опираться главным образом на публикации в «Московских Ведомостях» под редакцией М.Н. Каткова – во-первых, потому, что этот печатный орган в это время становится особенно популярным в России, транслируя точку зрения о необходимости дать полякам жесткий отпор во избежание распада России [см. 7]. Во-вторых, Толстой в начале 1860-х гг., отказавшись от сотрудничества с другими изданиями, прежде всего «Современником», печатался исключительно в журнале Каткова «Русский Вестник», опубликовав здесь роман «Казачья», рассказ «Поликушка» и первые части будущей «Войны и мира», а также несколько объявлений [\[2, т. 61, 77, 182, 205, 212-213\]](#). Так что есть все основания полагать, что прежде всего «Московские Ведомости» попадали в круг его чтения, тем более что в его письмах 1860-х гг. встречаются отсылки к публикациям газеты [\[2, т. 61, с. 138, 157-158\]](#). Воздействие публикаций «Московских Ведомостей» на творческое воображение Толстого во время создания «Войны и мира» убедительно описано О.Е. Майоровой [см. 8]. Однако он не разделял целиком и полностью политических взглядов Каткова, что подтверждает письмо А.А. Толстой от 14 ноября 1865 г.: «Почему вы говорите, что я поссорился с Катковым? Я и не думал. Во-первых, потому что не было причины, а во-вторых, потому, что между мной и им столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом» [\[2, т. 61, с. 115\]](#). В этом письме он также выражает равнодушие к общественным вопросам вроде польского: «Я и не сочувствую тому, что запрещают полякам говорить по-польски, и не сержусь на них за это, и не обвиняю Муравьевых и Черкасских, а мне совершенно всё равно, кто бы ни душил поляков или ни взял Шлезвиг-Голшт[ейн] или произнес речь в собрании земск[их] учреждений» [\[2, т. 61, с. 115\]](#). Однако его реакция на польское

восстание 1863 г. и само перечисление не случайных, а самых что ни на есть злободневных тем середины 1860-х гг. в письме Толстой подтверждает, что он следил за новостями, и, видимо, «Московские Ведомости», не слишком близкие ему идеологически, все же удовлетворяли его потребность в получении новостей, а даваемые газетой оценки событий могли оказывать на него некоторое воздействие. Толстой в это время был настроен в политическом смысле весьма умеренно: к 1863 г. он уже расходится с демократическими изданиями вроде «Современника» и на рубеже 1863-1864 гг. пишет антиинигилистическую комедию «Зараженное семейство». Так что в целом он не был тогда склонен проблематизировать основания российской внешней и внутренней политики с той решительностью, которая будет присуща ему в поздние годы, когда он будет выражать глубокое сочувствие польскому народу. В письме М. Здзеховскому от 10 сентября 1895 г. Толстой пишет: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков» [\[2, т. 68, с. 168\]](#).

Обратимся к исторической стороне дела. 10 (22) января 1863 г в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, которое с наступлением весны распространилось на Западный край Российской империи. В апреле действия повстанцев принимают еще более обширные размеры: «Повсюду бродили партии от 10 до 50 человек, которые бесчинствовали в местах, незанятых войсками, вешали там мирных жителей, даже женщин, заподозренных в преданности правительству» [\[9\]](#). Поскольку повстанцы были рассеяны повсюду, надежда на скорое подавление восстания не оправдалась. В конце апреля в Варшаве образовалось народное правительство – Жонд [См. 10, с. 167] что подтверждало масштабные цели восстания, притязание поляков на получение полной независимости и восстановление Польши в границах 1772 г. Именно с этого момента борьба поляков за свободу стала вызывать особенно негативную реакцию в русском обществе, поначалу скорее сочувствовавшему борьбе поляков за свободу, но не желавшем отторжения от Российской империи ее западных регионов. Известно, что с этого времени начинает падать популярность «Колокола» Герцена, сочувствовавшего Польше, и возрастает значимость «Московских Ведомостей», редактором-арендатором которых с 1863 г. стал Катков, протестовавший против каких-либо уступок восставшим [см. 7, с. 26-27]

К этому времени польское восстание обратило на себя внимание европейских государств и повлекло за собой их вмешательство в конфликт, который Российская империя считала своим внутренним делом. 5 (17) апреля послы Англии, Франции и Австрии вручили в Петербурге ноты вице-канцлеру князю А.М. Горчакову. Англия считала правомерным свое участие в польских делах как участница Венского конгресса 1814-1815 гг. Взяв за основу Венский трактат, определявший принципы разделения Польши между Россией, Австрией и Пруссией, Англия потребовала от России выполнения трактата и прекращения военных действий. Как писали «Московские Ведомости» от 28 апреля, на самом деле вмешательство Англии объяснялось тем, что она «надеется обделать дела на Востоке» [\[11\]](#) и желает использовать польское восстание, чтобы получить там свободу действий. Кроме того, Англия чувствовала себя ущемленной вследствие сближения французского и русского правительств после окончания Крымской войны, а потому стремилась «свести на нет франко-русское сближение» [\[12, с. 69\]](#). В силу сближения с Россией французский кабинет, в свою очередь, поначалу был равнодушен к польскому восстанию. Однако, когда в дело вмешалась Пруссия, заключившая с Россией 27 января (8 февраля) конвенцию о возможности перехода вооруженного русского отряда через

прусскую границу для преследования польских инсургентов [\[13, с. 152\]](#), Франция изменила первоначальную нейтральную позицию и вмешалась в польский вопрос, мотивируя это желанием восстановить порядок в Европе. Однако «Московские Ведомости» в номере от 28 апреля отмечали и собственную заинтересованность Франции в изменении европейской карты: для выполнения этой грандиозной цели «потребовалось бы от нас <России — С.Ц.> Финляндия и Польша, а от Австрии — Галиция. Вознаграждение за все эти пожертвования можно выкроить из Турции, которая служит запасным фондом на всякий случай. Устроив это дело по своему желанию, императору французов не трудно было бы расширить Францию до Рейна» [\[11\]](#).

Для достижения этой цели Франция еще в начале апреля начала, во-первых, искать военной и моральной поддержки у Италии, Швеции, Испании и других государств, а с другой — стремилась побудить Австрию и Англию к действиям в пользу Польши, настроив их против России, что констатировали «Московские Ведомости» в выпуске от 2 мая [см. 14]. Австрия присоединилась к Англии и Франции, в то же время надеясь, по объяснению Каткова, на то, что Россия изыщет «какие-либо способы прекратить волнения в сопредельных с Австрией областях, угрожающие ее собственному спокойствию» [\[15\]](#). Таким образом, Австрии приходилось вести сложную игру: с одной стороны, она желала бы сблизиться с западными державами для того, чтобы получить их поддержку при столкновениях с Италией и Пруссией; ее нежелание принимать сторону России было также связано с тем, что это бы возбудило против Австрии ее польских поданных (особенно в Галиции, где польское дворянство играло значительную роль); с другой же стороны, Австрия не хотела и торжества Польши, поскольку опасалась, что пожар восстания и в этом случае может распространиться на Галицию [см. 10, с. 129].

Нетрудно заметить, что проанализированные нами сообщения появились в «Московских Ведомостях» в те самые дни, когда Толстой писал свое письмо Фету. Воссоздав международную обстановку весны 1863 г., можно констатировать, что новая общеевропейская война, о которой упоминал Дорошенко, казалась как никогда неизбежной именно в конце апреля — начале мая, что позволяет объяснить озабоченность Толстого военными делами в этот момент. Сообщения газет заставляли его вспоминать Крымскую войну 1853-1856 гг., в которой несколько европейских держав вступили в коалицию и нанесли России серьезный ущерб. Как отмечает современный исследователь, «опасность в случае столкновения с бывшими противниками по Крымской войне потерпеть поражение была реальной» [\[16, т. 15, с. 89\]](#). Толстой, видимо, тоже допускал, что антирусская коалиция использует польский вопрос для ослабления России.

Напряженная ситуация разрядилась к июню. Назначенный 1 мая новым виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьев использовал чрезвычайно жесткие меры для подавления восстания: из его донесений видно, что действия русских войск в конце мая были направлены к окончательному очищению края от «бродящих еще шаек» [\[17\]](#). Если же говорить о внешнеполитической обстановке, то несмотря на то, что в мире все больше распространялись слухи о приготовлениях к всеевропейской войне, антирусская коалиция не принимала никаких мер, предваряющих реальное объявление войны. «Московские Ведомости» заявляли, что финансовые приготовления коалиции к войне не ведутся [см. 18], т.е. западные державы только запугивают Россию. Видимо, осознав мнимость военной опасности, Толстой и перестал размышлять о том, не стоит ли ему лично отправиться в Польшу.

После временного летнего затишья поворот в польских вопросах произошел в конце

сентября: речь английского дипломата графа Росселя, произнесенная 15 (27) сентября 1863 г. в городе Блейргоури (Шотландия), поставила под сомнение право России владеть Польшей и вновь актуализировала споры европейских держав по польским делам. Россель заявил, что поскольку Россия не выполнила обязательств, наложенных на нее Венским трактатом, ее право на Польшу «едва ли может быть сохранено» [19]. Это заявление было равносильно признанию Польши полноценной «воюющей стороной» [20], что, в свою очередь, означало, что польскому вопросу придавался уже не внутрисистемный, а европейский характер. Позиция Росселя получила поддержку Франции, которая, не желая закрыть себе дорогу к Рейну, сделала аналогичное заявление. Франция желала бы, «чтобы поляки признаны были воюющей стороной» и чтобы России был поставлен ультиматум из шести пунктов «для немедленного приведения их в действие». Однако осторожная Австрия не желала поддерживать ни Англию, ни Францию и осталась в стороне, поскольку признание инсургентов воюющей стороной привлекло бы к театру войны Галицию и было бы предвестием неизбежной войны с Россией [21, с. 862].

Периоды затишья и «усиления предприимчивости» польских отрядов чередовались в зависимости от производившихся дипломатических сношений держав-«покровительниц Польши» [10, с. 299]. В момент очередного «кризиса в политике» повстанцы как бы напрягали все силы, чтобы «подогреть остывавший мятеж» [10, с. 299]. Как отмечали «Московские Ведомости» в начале сентября, «настоящее положение в Варшаве чрезвычайно натянуто. Поляки находятся в тревожном, лихорадочном состоянии, ждут каких-то строгих мер и готовы исполнять их» [22]. В сочетании с возобновившейся дипломатической кампанией против России международная ситуация осенью 1863 г. сделалась еще напряженнее, чем весной. Как признавали «Московские Ведомости», «когда дипломатические переговоры на основании Венского трактата прекратились, – политика, принятая против нас в Европе, будет действовать еще сильнее, чем прежде, политика, направленная к тому, чтобы разжигать страсти, затруднять и смущать наше правительство» [19]. По мере усиления связей между Францией, Австрией и Англией уже не оставалось надежд на возобновление заключенного в 1815 г. Священного союза Австрии, Пруссии и России, так что в международном сообществе Россия оказывалась беспомощной и одинокой. Как указывала «Северная Почта», официальное издание Министерства внутренних дел России, английская «Times» объявила, что для трех поддерживающих Польшу держав «возможны только два выхода, или безропотно покориться, или объявить войну» [23]. Как полагали «Санкт-Петербургские Ведомости», Франция была в состоянии разжечь войну даже без помощи Австрии и Англии: «Она могла бы действовать сама в воинственном и революционном духе» [24].

Таким образом, есть все основания полагать, что и в этот момент озабоченность Толстого польским вопросом возникла не спонтанно и не только под влиянием домашних обстоятельств, но и под влиянием газет: в сентябре у него были все основания смотреть на ситуацию пессимистически. Как мы видим, ровно в тот самый день, когда в «Московских Ведомостях» было опубликовано сообщение о французском требовании признать Польшу «воюющей стороной», Толстой и заявляет жене о намерении пойти на войну.

Однако и в этот раз худшие опасения не подтвердились. Поскольку побудительным мотивом вмешательства западных держав в польские дела было осуществление своих внешнеполитических целей, а не помощь полякам в их освобождении от России, ни одна

из держав так и не решилась рискнуть и ввязаться в полноценную войну за Польшу. Поэтому признание за инсургентами прав «воюющей стороны» без их реальной вооруженной поддержки могло восприниматься Российской империей как пустая угроза. Кроме того, оказавшись перед лицом вполне возможного столкновения с западными державами, Россия смогла обрести в качестве союзника Соединенные Штаты. Прибытие русской эскадры в США 13 (25) сентября оказало огромное влияние на отношения Российской империи с Англией и Францией, придав первой «большую самостоятельность и свободу в ее европейских союзах» [25]. Кроме того, в самом Царстве Польском военные действия затихали, новостей о больших «шайках» больше не поступало. Продолжавшаяся около семи месяцев дипломатическая борьба вокруг польского вопроса подходила к концу, Россия избавилась от угрозы внешней войны, а желание Толстого «снять меч с заржавевшего гвоздя» отпало.

Таким образом, во время польского восстания Толстой был не только поглощен семейной жизнью и хозяйством, но и следил за политическими новостями. Хотя он и отказался от участия в войне (и, вполне вероятно, всерьез и не собирался переходить от слов к делу, выражая в вышеприведенных беседах с близкими скорее свою озабоченность ситуацией в целом, чем готовность реально идти воевать), мысль о ней не прошла бесследно и наложила отпечаток на его творчество этого времени. В письме к тетушке А.А. Толстой от 17 октября он сообщает о работе над романом «из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени» [2, т. 61, с. 23]. Литературные занятия Толстого прочно связываются с эпохой Отечественной войны, и обращение к этой теме во время польского восстания не было случайным. Известно, что во время войны 1812 г. поляки, связывая надежды на национальное освобождение с Наполеоном, воевали вместе с Францией против России. Отказ России от Польши в 1863 г. означал бы, по утверждению «Московских Ведомостей», готовность «пренебречь единственным осязательным результатом достославной борьбы, которую Россия выдержала в 1812 г. против всех полчищ Наполеона» [26], поскольку после победы над Францией большая часть Варшавского Герцогства (Так наз. Наполеоновская Польша, созданная Наполеоном I в 1807 г. и включавшая этнически польские земли, переданные Франции Пруссией по условиям Тильзитского мирного договора) оказалась в руках России. «Московские Ведомости» сравнивали 1812 г. и 1863 г. и в плане настроения общественного мнения, которое, по мнению Каткова, во время польского восстания было более единодушным. Катков, стараниями которого немалая часть русского общества в 1863 г. поддержала действия правительства, утверждал даже, что если «в 1812 г. многие могли ещё сомневаться, не лучше ли было бы действовать в духе уступчивости и сохранить мир с Наполеоном», то «в 1863 г., кроме немногих жалких отщепенцев земли русской, вся Россия сознает необходимость войны в случае, если враги наши не откажутся от своих замыслов, которые по собственному их признанию, клонятся к конечной гибели России» [27]. «Общество проснулось, — писали «Московские ведомости» в мае 1863 г., — подняло голову и громогласно, тысячами голосов, провозгласило, что оно встанет и будет крепко защищаться, когда придут грабить его дом и резать его детей» [28]. Как показала в книге «From the Shadow of Empire...» О.Е. Майорова, консервативные публицисты 1860-х гг., используя память о 1812 г., пытались пробудить в русском обществе патриотизм и стремление оказать полякам активное сопротивление, причем Катков был одним из главных инициаторов этого движения [см. 8]. Исторические аналогии между польским восстанием и Отечественной войной также способствовали интересу Толстого к эпохе 1812 г., однако писатель сохранил самостоятельность в восприятии этих событий [см. 8]. Показывая, например, убийство толпой Верещагина по приказу Растопчина, он дает понять, что люди могут быть подвержены своего рода

гипнозу, заставляющему их под влиянием минутного раздражения или коллективных настроений замышлять или совершать основанные на насилии поступки; однако влияние пропаганды или общественного мнения на личность не может быть продолжительным, и человек быстро осознает, что насилие есть крайность, чаще всего влекущая за собой муки совести. Так и сам Толстой, дважды в течение 1863 г., в моменты наибольшей общеевропейской напряженности, обдумывавший возможность личного участия в польских делах, постепенно, очевидно, переходил от непосредственно-эмоциональной реакции на публикации газет к их критической рецепции, почему и смог предложить читателю «Войны и мира» взвешенный и в целом миролюбивый взгляд на отношения между народами.

Библиография

1. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928-1958.
3. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862-1900. М.: Художественная литература, 1978.
4. Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957.
5. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Кн. 2: 60-е годы. Л.-М: Гос. изд-во художественной литературы, 1931.
6. Дорошенко С.С. Лев Толстой-воин и патриот: Воен. служба и воен. деятельность. М.: Сов. писатель, 1966.
7. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: (М.Н. Катков и его изд.). М.: Наука, 1978.
8. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010.
9. Московские Ведомости, 1863, 12 апреля, № 78.
10. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864. М.: РОССПЭН, 2003.
11. Московские Ведомости, 1863, 28 апреля, № 91.
12. Хитрова Н.И. Польское восстание 1863 года и сближение с Пруссией // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. сс. 68-73. ISBN 5-7133-0898-7
13. Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
14. Московские Ведомости, 1863, 2 мая, № 94.
15. Московские Ведомости, 1863, 26 апреля, № 89.
16. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2013. Т. 15: Польское восстание 1863 года. сс. 7-138.
17. Московские Ведомости, 1863, 28 мая, № 114.
18. Московские Ведомости, 1863, 31 мая, № 116.
19. Московские Ведомости, 1863, 26 сентября, № 206.
20. Московские Ведомости, 1863, 18 июня, № 132.
21. Санкт-Петербургские Ведомости, 1863, 22 сентября, № 211.
22. Московские Ведомости, 1863, 7 сентября, № 194.
23. Северная почта, 1863, 20 сентября, № 206.

24. С-Петербургские Ведомости, 1863, 21 сентября, № 210.
25. Московские Ведомости, 1863, 5 октября, № 215.
26. Московские Ведомости, 1863, 11 апреля, № 77.
27. Московские Ведомости, 1863, 3 мая, № 95.
28. Московские Ведомости, 1863, 14 мая, № 103.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметный гейд рецензируемой статьи касается публицистического отклика о польском восстании 1863 года Л.Н. Толстого. Как отмечается в начале работы, «польское восстание 1863 г. привело к политическому кризису в Российской империи и к усилению консервативных настроений в обществе и в провластных кругах. Во многом это было связано с опасениями, что восстание выйдет за пределы Царства Польского, охватив литовские, украинские и белорусские территории, которые в России многие считали исконно русскими. Основания для таких опасений давало и все более враждебное отношение к России западноевропейских государств, поддержавших польских инсургентов. Не обошел вниманием события 1863 г. и Л.Н. Толстой, десятилетием ранее служивший в русской армии на Кавказе, а затем принявший участие в Крымской войне». Указанная тема не столь масштабно представлена в научно-критических изысканиях, следовательно, новизна публикации налична, при этом автор старается популяризировать исследуемую тему, отчасти предвкушая и ответную реакцию. Текст в целом информативен, содержателен, оценка равнодушия Л.Н. Толстого к указанным событиям дана объективно и полномерно. Аргументация значимости вопроса, на мой взгляд, также дана соразмерно и правильно: «исследователи затрагивали вопрос о причинах этого толстовского намерения, но не давали на него четкого ответа, чаще всего ограничиваясь комментариями психологического рода. Кроме того, в их поле зрения попадал обычно лишь один из эпизодов 1863 г. – либо весенний, либо осенний. Так, Н.Н. Гусев не комментировал майский план Толстого, а сентябрьский объяснял тяжестью его семейной жизни, заставляющей вспомнить ответ князя Андрея в «Войне и мире» на вопрос, зачем он идет служить в армию: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!» и т.д. Стилистая составляющая уравновешена, манера оценки соответствует научному типу. Должный комментарий – точка зрения – дается последовательно / конструктивно. Например, «в своей работе мы попробуем воссоздать этот внешнеполитический контекст, тем самым ответив на вопрос, почему план пойти на войну появляется у Толстого дважды с некоторым интервалом – весной и осенью 1863 г. Отталкиваясь от газетных сообщений о польском восстании за апрель-май и за сентябрь 1863 г., мы реконструируем международную и военно-политическую обстановку того времени и объясним таким образом пробудившийся в это время интерес Толстого и к современным польским событиям, и к эпохе наполеоновских войн. Мы будем опираться главным образом на публикации в «Московских Ведомостях» под редакцией М.Н. Каткова – во-первых, потому, что этот печатный орган в это время становится особенно популярным в России, транслируя точку зрения о необходимости дать полякам жесткий отпор во избежание распада России» и т.д. Фактическая составляющая статьи выверена, объективность текста не вызывает сомнений: «однако его реакция на польское восстание 1863 г. и само перечисление не случайных, а самых что ни на есть злободневных тем середины 1860-х гг. в письме Толстой подтверждает,

что он следил за новостями, и, видимо, «Московские Ведомости», не слишком близкие ему идеологически, все же удовлетворяли его потребность в получении новостей, а даваемые газетой оценки событий могли оказывать на него некоторое воздействие. Толстой в это время был настроен в политическом смысле весьма умеренно: к 1863 г. он уже расходится с демократическими изданиями вроде «Современника» и на рубеже 1863-1864 гг. пишет антинигилистическую комедию «Зараженное семейство». Так что в целом он не был тогда склонен проблематизировать основания российской внешней и внутренней политики с той решительностью, которая будет присуща ему в поздние годы, когда он будет выражать глубокое сочувствие польскому народу. В письме М. Эдзеховскому от 10 сентября 1895 г. Толстой пишет: «Я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков». Методология работы соотносится с аналитической процедурой, м.б. тема, которая заявлена в заголовке нуждается в расширении и далее. Выводы по тексту продуктивны и точны: «сам Толстой, дважды в течение 1863 г., в моменты наибольшей общеевропейской напряженности, обдумывавший возможность личного участия в польских делах, постепенно, очевидно, переходил от непосредственно-эмоциональной реакции на публикации газет к их критической рецепции, почему и смог предложить читателю «Войны и мира» взвешенный и в целом миролюбивый взгляд на отношения между народами». Думаю, что стоит внести правку в библиографический список, поправить его в режиме требований издания (полновесный вариант описания). Тема в целом же раскрыта полностью, цель исследования достигнута. Практическая значимость работы естественна, эффект диалога реализован. Рекомендую статью «Газетные сообщения о польском восстании 1863 г. в восприятии Л.Н. Толстого» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Джалилова Л.Р. Феномен романизации в сборнике рассказов «На новой земле» Джумпы Лахири // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69316 EDN: BEHMSO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69316

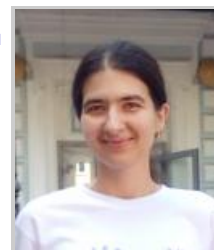
Феномен романизации в сборнике рассказов «На новой земле» Джумпы Лахири

Джалилова Лейла Рахман Кызы

аспирант, кафедра зарубежной литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37

✉ prostoleyla20@mail.ru

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69316

EDN:

BEHMSO

Дата направления статьи в редакцию:

13-12-2023

Аннотация: Целью данной статьи является анализ жанровой формы короткого рассказа на примере малой прозы американской писательницы Джумпы Лахири в аспекте феномена романизации. Предметом исследования выступает определение наиболее очевидных признаков романизации, выявленные в жанровой структуре второй части сборника рассказов «На новой земле», озаглавленной «Хема и Каушик». В качестве объекта исследования выбраны три рассказа, объединенных общим сюжетным планом («Раз в жизни», «Конец старого года», «Причаливая к берегу») и составляющих вторую часть сборника «Хема и Каушик». Актуальность данной работы объясняется тем, что изучение англоязычных произведений современной мультикультурной и постколониальной литературы в жанровом аспекте позволяет раскрыть особенности функционирования и модификации устойчивых жанровых форм в литературном процессе. Использованные в рамках исследования метод структурного анализа текста и сопоставительный метод позволили рассмотреть процесс романизации на композиционном, субъектном и пространственно-временном уровнях текста и установить взаимосвязь формы короткого рассказа с американской традицией жанра. Научная

новизна работы состоит в применении нового подхода к анализу жанровой формы трех рассказов в рамках концепции романизации. В ходе исследования делаются выводы о том, что процесс романизации жанровой структуры короткого рассказа проявляется в усложнении композиционной (структура триптиха и прием контрапункта), субъектной (точки зрения автора и героя) и пространственно-временной организаций. Это приводит к объединению трех рассказов в целостное взаимосвязанное повествование, объединенное несколькими главными героями, чьи имена дали название второй части сборника «Хема и Каушик». При этом жанровые стратегии короткого рассказа, включающие в себя наличие фигуры рассказчика, освещающего единичное событие прошлого, выдвигаются на первый план, что выражается в использовании новеллистического финала.

Ключевые слова:

Джумпа Лахири, жанр, романизация, короткий рассказ, роман, новелла, композиция, субъект, пространство, время

Джумпа Лахири, американская писательница, выросшая в окружении традиций индийской диаспоры, относится к мультикультурной литературе, что наложило отпечаток на ее творчество, в котором нашла отражение проблема романизации жанров. Это наиболее ощутимо во второй части сборника коротких рассказов «На новой земле» («Unaccustomed Earth», 2008), озаглавленной «Хема и Каушик».

Названная концепция, выдвинутая М. М. Бахтиным в работе «Эпос и роман», вызвала дискуссию в отечественном литературоведении. Исследователи высказывали различные мнения о соотношении романной формы с другими жанрами, в первую очередь, с малыми прозаическими жанрами (рассказом, новеллой).

С одной стороны, А. В. Кубасов вплотную подходит к осмыслению сущности романизации путем сравнения мнений сторонников (А. Н. Веселовский) и критиков этой концепции (Л. В. Чернец). С точки зрения ученого, «...романизация жанров не статична, а процессуальна, она развивается вместе со всей литературой и жанром романа» [2, с. 6]. Это положение можно проиллюстрировать, например, «романической» новеллой, которая исследуется Е. М. Мелетинским в контексте воздействия романа Нового времени на повествовательную структуру новеллы [7].

В то же время, А. В. Кубасов, опираясь на идеи М. М. Бахтина, отмечает, что «роман и романизация рассматриваются в одних и тех же координатах, при помощи тождественных носителей жанра. Особенности романизованных жанров, таким образом, уясняются через роман, а он в свою очередь сравнивается с эпосом (как метажанры)» [2, с. 10]. В данном случае важно отметить, что в роли носителей жанра выступают субъектная и пространственно-временная организации, ассоциативный фон, а также интонационно-речевая организация, выделенные Н. Л. Лейдерманом [4], которые в данном случае приобретают романские черты в романизованном жанре.

С другой стороны, современная исследовательница Л. В. Ляпаева схожим образом подчеркивает отсутствие единого подхода в понимании данной проблемы. Она видит в романизации, наряду с А. В. Кубасовым, выражение феномена дифференциации и интеграции жанров, которые вместе «...видоизменяют структуру жанра, существенно

обогащают, усиливают его возможности» [\[6, с. 181\]](#). В этой ситуации романизация приводит к подвижности жанровых границ, что может служить предпосылкой для появления новых жанровых модификаций.

Тенденция к романизации жанров воплотилась и в литературном процессе рубежа XIX–XX вв., что связывается, главным образом, с преобладанием романной формы в жанровой системе реализма. Так, в статье «Категории поэтики в смене литературных эпох» говорится о том, что для этого периода индивидуально–творческого художественного сознания характерно то, что «сам роман понимается не столько как носитель определенных жанровых признаков, но как наиболее универсальное поэтическое слово. <...> С другой стороны, происходит постепенная романизация различных жанров, любого повествования, благодаря чему даже короткий рассказ может стать носителем необычайно весомого, собственного “романного” содержания (Чехов)» [\[1, с. 37\]](#). Следовательно, можно прийти к выводу о том, что романизация представляет собой такой жанровый процесс, при котором роман оказывает воздействие на другие жанровые формы. На уровне жанровой структуры романизация выражается в трансформации носителей романизованного жанра (например, короткого рассказа), которые подчиняются свойствам романного воспроизведения мира.

В творчестве англоязычных мультикультурных и постколониальных писателей роман занимает центральное место, приобретая новые художественные качества. Так, С. П. Толкачев высказывает мнение о том, что «природа мультикультурного романа, таящаяся в глубинных архетипических моделях текста, отражает способы, с помощью которых общаются вновь сформировавшиеся нации. Одна из главных особенностей такого текста — его гетероглоссная природа» [\[8, с. 122\]](#). Это позволяет сделать предположение о том, что принципы романного воспроизведения действительности, удовлетворяющие творческие стремления этих писателей, закладывают основу для возникновения романизованных жанров. Для подтверждения данной гипотезы обратимся к трем рассказам («Раз в жизни», «Конец старого года», «Причаливая к берегу») в составе второй части сборника современной писательницы Джумпы Лахири, о котором мы сказали в начале статьи.

В ее художественной практике жанр романа и короткого рассказа взаимосвязаны между собой общим сюжетным планом. В качестве примера можно привести дебютный роман писательницы «Тезка» («The Namesake», 2003), главными героями которого являются индийские иммигранты, приспосабливающиеся к традициям американской культуры. И многие рассказы из рассматриваемого нами сборника продолжают развивать тему изображения условий повседневной жизни индийской диаспоры, представители которой сталкиваются с трудностями существования в другой стране.

В жанровом аспекте сборник «На новой земле» включает в себя произведения, которые в англоязычной критике соотносятся с формой короткого рассказа (short story). У данного жанра исследователи выделяют некоторые сюжетные особенности помимо малого объема. Так, в одном из словарных определений жанра говорится следующее: «Хороший рассказчик знает, что он должен сосредоточить внимание на сравнительно легко обозримом случае или событии, быстро, т.е. незамедленно, объяснить все его мотивы и дать соответствующее разрешение (конец). Сосредоточенность внимания, выдвинутый по напряженности центр и связанность мотивов этим центром — отличительные признаки рассказа» [\[5\]](#). Другими словами, сюжетный диапазон этого жанра, как правило, ограничивается изображением какого-то яркого эпизода или обстоятельства, которое произошло с главным героем. Однако известны примеры,

которые демонстрируют и обратную ситуацию. Например, рассказы А. Чехова, которые зачастую лишены пространственно-временной одноплановости, что было показано А.В. Кубасовым в его работе «Рассказы А. П. Чехова: поэтика жанра» (1990).

Важно отметить, что писательница начала свою литературную карьеру с малой формы. За свой сборник «Толкователь болезней» («Interpreter of Maladies», 1999) она была награждена премией О. Генри, вручаемой за лучший короткий рассказ. Кроме того, Дж. Лахири в одном из интервью привела ряд своих избранных писателей в этом жанре. Среди них Уильям Тревор, Фланнери О'Коннор, а также Дж. Джойс, А. П. Чехов, Дж. Чивер и др. [\[11\]](#). Как видим, данные имена представляют разные литературные традиции (ирландская, американская, русская), в каждой из которых имеются свои национальные варианты короткого рассказа.

Процесс романизации во второй части сборника, прежде всего, следует начать с анализа композиции. Три рассказа, объединенных общим подзаголовком «Хема и Каушик», образуют триптих. Это позволяет сказать о том, что они сливаются в единое повествование. При этом их объединяет пространственно-временной фон, наличие нескольких фабульных линий главных героев Хемы и Каушика. Следовательно, первым признаком романизации следует назвать расширение повествовательных рамок. За счет этого каждый из рассказов, являясь отдельным фрагментом реальности, вместе образуют целостную картину мира.

В зарубежной критике также высказывались мнения о композиционных особенностях этой части произведения. Так, индийская исследовательница Антара Чаттерджи тоже считает, что «...the last section "Hema and Kaushik", shows an innovative experiment, namely the three interrelated stories about the same characters at different stages of their lives, told from different perspectives. Lahiri here seems to be experimenting formally with the short story and testing and pushing the boundaries of the genre» [\[10, p. 108\]](#) / «...последний раздел „Хема и Каушик“ показывает новаторский эксперимент, а именно три взаимосвязанные истории об одних и тех же персонажах на разных этапах их жизни, выраженные с разных точек зрения. Лахири здесь, похоже, формально экспериментирует с коротким рассказом, испытывая и раздвигая границы жанра» (перевод автора статьи — Л.Д.).

Особый интерес представляет субъектная организация трех рассказов. В качестве субъектов повествования выступают дети индийских мигрантов, Хема и Каушик. Каждый из них является одновременно рассказчиком и действующим лицом, который не только излагает наиболее памятные эпизоды из своей прошлой жизни, но и организует текст. Личная форма повествования в первых двух рассказах, выражающаяся в форме рефлексии, позволяет сделать акцент на внутренней жизни героев. Так, Хема в рассказе «Раз в жизни» («Once in a Lifetime») вспоминает эпизод знакомства с Каушиком, родителям которого вынужденно пришлось жить в ее семье до покупки собственного дома.

Во втором рассказе «Конец старого года» («Year's End») Каушик повествует о женитьбе своего овдовевшего отца, а также о своих травматичных воспоминаниях, связанных со смертью мамы. Сюжетная связь между повествованиями героев выявляется за счет того, что сама Хема обращается к Каушику в своих воспоминаниях: «I had seen you before, too many times to count, but a farewell that my family threw for yours, at our house in Inman Square, is when I begin to recall your presence in my life» [\[12\]](#) / «А я ведь встречала тебя и раньше, наверное, раз пятьдесят, а может быть, даже сто, но-странно! – никогда

не замечала. Впервые я поняла, что ты существуешь на отвальной, которую мои родители устроили для вас у нас дома на Инмен-сквер» [3, с. 293]. Между героями, таким образом, устанавливаются диалогические отношения, которые в явной форме будут выражены в третьем рассказе.

В этом рассказе «Причаливая к берегу» («Going Ashore») преобладает объективная точка зрения автора, который освещает происходящие события со своей позиции. Такая смена формы повествования, переход от монологической речи к диалогической между автором и героями обосновывается, на наш взгляд, тем, что это позволяет объединить две равноправные фабульные линии двух героев. Теперь преподаватель в университете Хема и фотожурналист Каушик, достигнув осознанной зрелости и определенного профессионального роста, встречаются в Италии, где им предоставляется возможность провести время друг с другом и заново переоценить прошлое. Приведем следующую цитату: «He looked the same to her, that was the astonishing thing. The sharp-faced boy who had stepped reluctantly into her parents' home» [12] / «А ей казалось, что он совершенно не изменился, остался все тем же резковатым подростком с высокими скулами и тоскующими глазами, так неохотно переступившим порог их дома» [3, с. 403].

В плане организации времени и пространства текущие события в данных рассказах имеют хронологическую взаимосвязь. Так, в первом рассказе дается предыстория знакомства девочки Хемы с Каушиком, который делится с ней переживанием о смертельной болезни его мамы. «Конец старого года» изображает уже повзрослевшего Каушика, окончившего колледж, который стоит на пороге нового жизненного этапа.

Место действия также экстенсивно изменяется. Герои открывают для себя новые пространства. Так, например, если в первом рассказе событие рассказывания было приурочено к штату Массачусетс, а также к Индии, то уже в финальной части герои преодолевают географические границы, встречаясь друг с другом в Италии, воспринимая европейский стиль жизни и культуру.

Очевидно, что и заглавия рассказов указывают на пространственно-временные сдвиги в повествовании. В частности, «Раз в жизни» и «Конец старого года» имеют форму ретроспекций, в которых излагается уникальное единичное событие, оказавшее влияние на жизнь героев.

«Конец старого года» подчеркивает завершение одного периода и начало следующего, который ознаменован новой женитьбой отца Каушика. Наконец, третий рассказ «Причаливая к берегу» ярко изображает, как главные герои, связанные общим прошлым, отличаются друг от друга собственным текущим жизненным опытом и устремлениями. Противоположные взгляды Хемы и Каушика в первую очередь на планирование своей дальнейшей судьбы и невозможность прийти к единому компромиссу приводят их к расставанию. Так, автор отмечает следующее: «...Хеме стало казаться, что она лучше понимает Каушика — его умение устанавливать мгновенный контакт с незнакомцами, но неумение поддерживать длительные отношения, его навязчивую потребность время от времени полностью менять окружающую его действительность...» [3, с. 409].

Необходимо также сказать, что данный рассказ в отличие от двух предыдущих по-иному устроен в композиционном плане. С одной стороны, повествование осложнено сюжетными поворотами. Это проявляется, в частности, в приеме контрапункта, характерного, как правило, для романной формы. Он выражается в сочетании двух целостных сюжетных линий каждого из героев. Так, автор приводит сведения о каждом

из них, касающиеся их становления в профессиональной сфере.

Особое внимание следует обратить на финальный эпизод рассказа. В нем Хема сообщает о трагической гибели Каушика на курорте. В этой связи финал становится не романным, а новеллистическим. Приведем слова Б. М. Эйхенбаума из его статьи «О. Генри и теория новеллы», где проводится четкое разграничение между жанровыми свойствами новеллы в американской традиции и романа. Здесь утверждается, что «...новелла тяготеет именно к максимальной неожиданности финала, концентрирующей вокруг себя все предыдущее. В романе после кульминационного пункта должен быть тот или другой скат, тогда как для новеллы естественнее всего, поднявшись на вершину, остановиться на ней» [\[9, с. 171-172\]](#).

В данном случае мы видим, что жанр короткого рассказа у Дж. Лахири помимо романных черт содержит и новеллистические черты, отсылающие к традиции американской новеллы. Следует подчеркнуть, что в противоположность отечественной тенденции, где новелла и короткий рассказ рассматриваются как отдельные разновидности малой формы, в зарубежном литературоведении, преимущественно в американской и английской традиции, различия между ними сглаживаются. Поэтому с нашей точки зрения вполне допустимо в жанровом отношении определять произведения из данного сборника как новеллы, что и было отмечено переводчиком Антониной Галль и короткие рассказы.

Таким образом, подводя общие итоги нашего анализа, можно отметить следующие признаки романизации данных рассказов:

- на композиционном уровне: расширение внешних сюжетных рамок повествования за счет структуры триптиха, развитие нескольких сюжетных линий (прием контрапункта), усложнение внешнего действия сюжетными поворотами;
- на уровне субъектной организации: наличие точек зрения автора и героев, одновременно выступающих в роли рассказчиков и действующих лиц, находящихся в диалогических отношениях;
- на пространственно-временном уровне: экстенсивное расширение пространства и времени, соотносимое с переходом героев от детских и юношеских воспоминаний к зрелости.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть, что помимо романизированных элементов в данных рассказах, объединенных под одним заголовком и функционирующих как единое повествование, все же доминантную роль играют элементы малой формы короткого рассказа (новеллы). Это выражено в выделении нескольких центральных героев-рассказчиков, в сознании каждого из которых нашло отражение наиболее яркое событие из их частного прошлого (первые два рассказа), а также эффектный новеллистический финал (третий рассказ).

Библиография

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л. [и др.] Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Российская Академия Наук Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. Кубасов А. В. Рассказы А. П. Чехова: поэтика жанра: учебное пособие / А.В. Кубасов; Свердловск: СГПИ, 1990. 72 с.
3. Лахири Дж. На новой земле / Пер. с англ. А. Галль – М.: Иностранка, Азбука–

- Аттикус, 2011. 432 с.
4. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.
 5. Локс К. Рассказ // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под. ред. Н. Бродского [и др.]. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. – Стб. 693–695. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-6931.htm> (дата обращения: 25.10.2023).
 6. Ляпаева Л. В. «Романизация жанров» М. Бахтина и современные жанровые концепции // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сб. стат. регион. науч. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 178–182.
 7. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 275 с.
 8. Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа: дис. ... доктора филол. н. / Моск. пед. гос. ун-т – М., 2003. 381 с
 9. Эйхенбаум Б. М. О. Генри и теория новеллы // Б. М. Эйхенбаум. Литература: Теория. Критика. Полемка. – Л.: Прибой, 1927. С. 166–209.
 10. Chatterjee A. The Short Story in Articulating Diasporic Subjectivities in Jhumpa Lahiri // The Postcolonial Short Story: Contemporary Essays. New York: Palgrave Macmillan. 2013. pp. 96–110. URL: http://archive.org/details/isbn_9780230313385 (дата обращения: 24.11.2023).
 11. Lahiri J. (2013, September 5). Jhumpa Lahiri: By the Book. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/08/books/review/jhumpa-lahiri-by-the-book.html?smid=url-share> (дата обращения: 02.11.2023).
 12. Lahiri J. Unaccustomed Earth. 2008. URL: https://onlinereadfreenovel.com/jhumpa-lahiri/36927-unaccustomed_earth_read.html (дата обращения: 08.12.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Феномен романизации в сборнике рассказов «На новой земле» Джумпы Лахири», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей творчества американской писательницы зарубежного происхождения.

Так, автор обращается к творчеству Джумпу Лахири, имеющей индийские корни и взрослевшая в окружении индийской диаспоры, что, несомненно, позволяет относиться к мультикультурной литературе.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

Практическим материалом послужил сборника коротких рассказов «На новой земле» («Unaccustomed Earth», 2008) на английском языке.

На материале данного произведения автор предпринимает попытку исследовать феномен романизации в творчестве мультикультурного современного нам писателя, пишущего на английском языке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для

подтверждения выдвинутой гипотезы. Отметим, что теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами из художественной прозы, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К сожалению, вводная часть не содержит целей и задач исследования, что не позволяет сопоставить их с тем, что представлено в заключении как результаты по итогам исследования.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на английском языках.

Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно обогатило бы рецензируемую статью.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Феномен романизации в сборнике рассказов «На новой земле» Джумпы Лахири» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лакина С.В. О чём говорят самые частотные антропонимы в рамках дисциплины «Античная литература» //

Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69706 EDN: BEZHMG URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69706

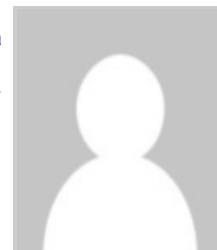
О чём говорят самые частотные антропонимы в рамках дисциплины «Античная литература»

Лакина Светлана Валентиновна

Специалист по учебно-методической работе, Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ sve-lakina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69706

EDN:

BEZHMG

Дата направления статьи в редакцию:

29-01-2024

Аннотация: Статья посвящена наиболее частотным антропонимическим лексемам, которые употребляются в рамках дисциплины «Античная литература». Предметом исследования стала верхняя часть (первые десять по частотности антропонимов) частотного словника, составленного на основе учебников по указанной предметной области. Наиболее частотные антропонимические лексемы (антропонимы) обладают повышенной значимостью в рамках учебной дисциплины "Античная литература", следовательно, требуют к себе особого внимания, причём как со стороны преподавателей курса, так и со стороны студентов, которые его осваивают. Антропонимы представлены в статье как в кратком, так и в своём полном варианте, то есть с учётом когноменов или преноменов. Такой подход потребовал использования контекстуального анализа текстов учебников по рассматриваемой нами дисциплине. Методология исследования заключается в сочетании количественного автоматизированного и ручного анализа, также был применён контекстуальный анализ. Научная новизна проведённого исследования заключается в разграничении тематических и нетематических антропонимов и в выявлении причин употребления имён в разделах и

главах учебника, которые им не посвящены. В ходе исследования удалось выяснить, что основополагающим фактором, который оказывает влияние на количественные показатели словоупотребления конкретной леммы и на состав верхней части словника, является тематическая принадлежность того или иного учебника. Такой подход позволяет выделить центр (где располагаются частотные тематические антропонимы) и периферию (где находятся нечастотные нетематические антропонимы) ономастического пространства. Помимо указанного различия были выявлены и общие для всех учебников показатели – подавляющее большинство единиц (49 из 50), вошедших в первую десятку по частотности, употребляются в содержании учебников не только в посвящённых им разделах, но и в иных, речь в которых идёт о других личностях. Такое употребление имён позволяет говорить об их повышенной значимости в рамках дисциплины «Античная литература». Кроме того, удалось выявить и классифицировать причины такого употребления имён.

Ключевые слова:

компьютерная обработка учебников, ручная обработка учебников, контекстуальный анализ, частотный словник, базовые списки лексики, лексико-грамматическая основа, дисциплина Античная литература, антропонимы, учебники, ономастическое пространство

Введение

На данный момент компьютерная обработка текстов, в том числе и тех, которые носят дидактический, обучающий характер, представляет собой один из наиболее перспективных и активно развивающихся методов исследования. XX век ознаменовался обращением мирового научного сообщества именно к лингвостатистическому подходу, который активно применялся при работе с текстами различной предметной и дисциплинарной принадлежности. Цель этого метода заключается в отборе и систематизации наиболее частотных «речевых элементов, форм или структур», которые бы точно и ёмко отражали конкретную область знания [\[1\]](#). Показатель частотности употребления отдельных словоформ (в том числе имён собственных, в частности — антропонимов) является одним из основных при характеристике того или иного дисциплинарного дискурса.

В рамках практики составления частотных лексических словарей создаются как базовые списки общелитературной лексики (common-core vocabulary list), так и отдельные списки, которые бы отвечали лексическим нуждам и запросам студентов высших учебных заведений в рамках того или иного дисциплинарного дискурса [\[2, 3\]](#). Причём фокус внимания исследователей в сторону последних сместился только в двухтысячных годах (см., например, разработанные списки для области бизнеса и финансов: [\[4\]](#); для химии: [\[5, 6\]](#); для целей прикладной лингвистики: [\[7\]](#) и др.)

Исследование лексического состава учебников по дисциплине «Античная литература», в частности их онимической лексики, имеет сразу несколько целей:

- 1) составление лексических минимумов предметной области (лингводидактическая цель);
- 2) определение ономастического пространства (ОП) дисциплины в целом и каждого отдельного учебника в частности и последующее сравнение состава ОП

(лингвистическая цель);

3) определение мировоззрения автора или коллектива авторов учебников и концепции, в рамках которой они работали (экстралингвистическая цель).

Наиболее частотный оним в предметной области – это всегда слово, которое важно не только само по себе, но как элемент концептуальной схемы или концептуального каркаса дисциплины [8]. В качестве образца реализации такого исследовательского подхода можно привести работу Н.Б. Фельдман, целью которой стало системное описание тематической группы лексики атомной отрасли русскоязычного дискурса XX–XXI вв. [9].

В процессе освоения такой университетской дисциплины, как «Античная литература», обучающиеся испытывают не только терминологическую нагрузку [10], но и «ономастическую нагрузку» (термин наш). Причём при восприятии антропонимов необходимо понимать, что для данной предметной области концептуально важна дифференциация «мифологический персонаж — реальная историческая личность». На начальных этапах обучения возможность такого разграничения крайне затруднительна для студента-первокурсника, который только приступает к изучению античности и зачастую не имеет информационной базы, на которую можно было бы опереться для корректного проведения указанной дихотомии.

Материал и процедура исследования

В рамках представленного исследования было обработано семь учебников по «Античной литературе»:

1. А.Ф. Лосев, Г.А. Сонкина, А.А. Тахо-Годи, Н.А. Тимофеева, Н.М. Черемухина. Под ред. А.А. Тахо-Годи. Античная литература. М.: Просвещение, 3 издание, 1980 [11];
2. А.Ф. Лосев. Под ред. А.А. Тахо-Годи. Античная литература. М.: ЧеРо, 7 издание, 2005 [12];
3. И.М. Тронский. История античной литературы. М.: Высшая школа, 5 издание, 1988 [13];
4. С.И. Радциг. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 5 издание, 1982 [14];
5. С.И. Соболевский, Б.В. Горнунг, З.Г. Гринберг, Ф.А. Петровский, С.И. Радциг. История греческой литературы. Тт. 1-3, М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1946 [15].
6. М. фон Альбрехт. Перевод А.И. Любжина. История римской литературы. М.: Греко-латинский кабинет, Тт. 1-3, 2003–2005 [16];
7. М.М. Покровский. История римской литературы. М.: Издательство академии наук СССР, 1942 [17];

Учебник А.Ф. Лосева представлен сразу в нескольких изданиях. Так, в списке присутствует как прижизненное издание советского времени, см. [11], так и учебник, изданный после смерти А.Ф. Лосева в постсоветское время, см. [12]. Учебник И.М. Тронского мы рассматриваем в его более современной, т.е. переизданной версии, последнее же прижизненное издание было опубликовано в 1957 году. Первое издание книги С.И. Радцига вышло в 1940 году, мы рассматриваем и этот учебник в его более поздней версии.

В одготомных учебниках по античной литературе в целом (с подразделением на

греческую и римскую культуры) [\[11\]](#), [\[12\]](#), [\[13\]](#) представлены следующие периоды **в рамках изучения греческой литературы:**

1. архаический период греческой литературы (долитературный период / изучение древнейших литературных памятников / развитие греческой литературы в период становления античного рабовладельческого общества и государства);
2. аттический период греческой литературы (времена расцвета и кризиса афинской демократии и распада полисной системы);
3. эллинистический и римский периоды греческой литературы.

В рамках изучения римской литературы:

1. римская литература периода республики (долитературный период / изучение ранней римской литературы / изучение литературы периода гражданских войн);
2. римская литература периода империи (изучение литературы конца республики и начала империи / изучение литературы конца I–начала II века н.э. / изучение позднейшей римской литературы).

В одностомном учебнике, посвящённом греческой литературе [\[14\]](#), установлены следующие периоды истории:

1. начальный (время разложения первобытного родового строя);
2. эллинский / классический (время образования государств-городов);
3. эллинистический (время развития эллинистических монархий);
4. императорский (время римского владычества).

В одностомном учебнике, посвящённом римской литературе [\[17\]](#), установлены следующие периоды:

1. ранний период литературы;
2. литература конца республики;
3. эпоха Августа;
4. литература времени Империи от Тиберия до Адриана;
5. эпоха Нерона;
6. эпоха Флавиев, Траяна и Адриана;
7. последний период римской литературы.

Что касается многотомных учебников, то необходимо определить хронологические рамки каждого тома, чтобы было возможно корректно интерпретировать количественные данные конкретного антропонима. Первый том книги М. фон Альбрехта посвящён зарождению римской литературы (III в. до н.э.), а также литературе республиканской эпохи, которая, как известно, подразделяется на Раннюю (V–III вв. до н. э.) и Позднюю республику (II–I вв. до н. э.). Второй том учебника посвящён литературе эпохи Августа (31 г. до н. э.–14 г. н.э.) и Ранней римской империи или Принципата (I–II вв.). В третьем томе повествуется о литературе Средней и Поздней империи или Домината (IV–V вв.). Первый том книги С.И. Соболевского посвящён истории развития лирики, эпоса и драмы классического периода (до последней трети IV века до н. э.) В нём рассматривается творчество Гомера, Гесиода, Пиндара, Софокла, Эврипида, Аристофана и других авторов. Второй том посвящён прозаической литературе VI–V вв. до н. э. В частности, в его содержании авторы учебника обращаются к рассмотрению творчества Геродота, Фукидида, Ксенофонта. Рассматривается философия Платона и Аристотеля, а также ораторское искусство Демосфена и его современников. Третий том книги посвящён

литературе эпохи эллинизма, в частности, новой аттической комедии, поэзии эпохи эллинизма, творчеству Каллимаха, эпической и буколической поэзии, такому литературному жанру, как эпиграмма. Кроме того, рассматривается литература эпохи римского владычества (научная проза II–I вв. до н. э. и I–III вв. н. э., ораторская и художественная повествовательная проза того же периода). Также приводятся данные о философской и научной литературе эллинистической и римской эпох.

Опираясь на год издания учебников, вошедших в наш список, можно определить периоды изучения античной литературы, которые они представляют. Учебники из нашего перечня были изданы в: а) сороковые; б) восьмидесятые; в) двухтысячные годы. Таким образом, пять из семи рассматриваемых учебников были подготовлены и изданы в советское время. И только два учебника из списка относятся к постсоветскому периоду (книга М. фон Альбрехта и книга А.Ф. Лосева под ред. А.А. Тахо-Годи). Так, все учебники были опубликованы после завершения кризиса, который наблюдался как в преподавании науки об античности, так и в развитии этой гуманитарной отрасли в целом в двадцатые–сороковые годы XX века [\[18\]](#).

Исследование проводилось в два этапа, первый из которых заключался в компьютерной обработке корпуса текстов, второй – в ручной обработке полученных результатов. Затем были отобраны наиболее частотные антропонимы (первые десять по количеству употреблений), встретившиеся в учебниках, и распределены по признаку тематичности (употребляющиеся в учебниках по греческой, римской или античной литературе в целом). После исключения повторяющихся единиц был сформирован итоговый список. В итоговом списке указаны полные варианты имён, с учётом когноменов (например, *Гай Саллюстий Крисп*). Иначе говоря, приведённый перечень имён был сформирован с учётом результатов деомонимизации внутри антропонимических лексем, которых удалось достигнуть при помощи ручной обработки учебного текста – проверки контекстуального окружения [\[19\]](#).

Результаты и обсуждение

Для того чтобы анализ был релевантным, необходимо дифференцировать представленные учебники в зависимости от того, какой литературе посвящён каждый из них. Так, участвующие в исследовании учебники возможно подразделить на три категории:

- 1) учебники по античной литературе в целом;
- 2) учебники по римской литературе;
- 3) учебники по древнегреческой литературе.

В таблицах 1–3 представлены количественные данные, абсолютные и относительные числа даны через слеш. Относительные числа, которые выделены в таблицах жирным шрифтом, подразумевают количество употреблений антропонимов на 100000 словоупотреблений.

Таблица 1

Первые десять антропонимических единиц (антропонимов) в учебниках по античной литературе

А.Ф. Лосев, Г.А. Сонкина, А.А. Тахо-	И.М. Тронский	А.Ф. Лосев (под ред. А.А. Тахо-Годи)

Годи, Н.А. Тимофеева, Н.М. Черемухина		
Гомер – 256 / 161	Цицерон – 197 / 99	Гомер – 267 / 169
Гораций – 167 / 105	Одиссей – 193 / 97	Гораций – 166 / 105
Аристотель – 165 / 104	Еврипид – 183 / 92	Вергилий – 158 / 100
Вергилий – 160 / 101	Гораций – 180 / 90	Аристотель – 156 / 99
Цицерон – 139 / 87	Вергилий – 165 / 83	Цицерон – 139 / 88
Овидий – 129 / 81	Сенека – 123 / 62	Овидий – 128 / 81
Афина – 126 / 77	Афина – 123 / 62	Зевс – 113 / 71
Лукиан – 118 / 74	Август – 109 / 55	Одиссей – 113 / 71
Зевс – 115 / 72	Гомер – 107 / 54	Лукиан – 113 / 71
Одиссей – 114 / 72	Аристотель – 103 / 52	Аполлон – 108 / 68

Таблица 2

Первые десять антропонимических единиц (антропонимов) в учебниках по греческой литературе

С. И. Радциг	С.И. Соболевский, Б.В. Горнунг, З.Г. Гринберг, Ф.А. Петровский, С.И. Радциг (1 том)	С.И. Соболевский, Б.В. Горнунг, З.Г. Гринберг, Ф.А. Петровский, С.И. Радциг (2 том)	С.И. Соболевский, Б.В. Горнунг, З.Г. Гринберг, Ф.А. Петровский, С.И. Радциг (3 том)
Одиссей – 321 / 179	Эврипид – 521 / 268	Геродот – 486 / 425	Лукиан – 247 / 145
Еврипид – 273 / 152	Гомер – 514 / 264	Фукидид – 486 / 425	Аполлоний – 183 / 108
Аристофан – 219 / 122	Аристофан – 301 / 155	Демосфен – 449 / 393	Плутарх – 165 / 97
Афина – 187 / 104	Эсхил – 298 / 153	Ксенофонт – 279 / 244	Дион – 123 / 72
Гомер – 171 / 95	Софокл – 282 / 145	Аристотель – 241 / 211	Либаний – 123 / 72
Аристотель – 158 / 88	Афина – 264 / 136	Платон – 224 / 196	Зевс – 120 / 71
Ахилл – 145 / 81	Пиндар – 195 / 100	Сократ – 172 / 150	Платон – 120 / 71
Зевс – 144 / 80	Одиссей – 164 / 84	Филипп – 144 / 126	Менандр – 118 / 69
Энгельс – 143 / 80	Агамемнон – 157 / 81	Исократ – 136 / 119	Каллимах – 113 / 66
Агамемнон – 135 / 75	Аристотель – 157 / 81	Дионисий – 128 / 112	Феокрит – 104 / 61

Таблица 3

Первые десять антропонимических единиц (антропонимов) в учебниках по римской литературе

М.М. Покровский	М. Фон Альбрехт (1 том)	М. Фон Альбрехт (2 том)	М. Фон Альбрехт (3 том)
Цицерон – 331 / 244	Цицерон – 540 / 344	Вергилий – 326 / 212	Августин – 295 / 245
Вергилий – 259 / 191	Цезарь – 337 / 215	Сенека – 317 / 206	Цицерон – 164 / 136
Цезарь – 215 / 158	Энний – 220 / 140	Август – 273 / 178	Тертуллиан – 164 / 136
Овидий – 181 / 133	Катон – 218 / 139	Овидий – 267 / 174	Боэций – 142 / 118
Август – 179 / 132	Плавт – 197 / 126	Тацит – 237 / 154	Иероним – 139 / 115
Гораций – 142 / 105	Саллюстий – 178 / 113	Гораций – 224 / 146	Светоний – 121 / 100
Эней – 133 / 98	Катулл – 166 / 106	Цезарь – 190 / 124	Цезарь – 112 / 93
Теренций – 127 / 94	Теренций – 151 / 96	Лукан – 147 / 96	Лактанций – 99 / 82
Помпей – 112 / 83	Вергилий – 143 / 91	Проперций – 131 / 85	Вергилий – 92 / 76
Сенека – 108 / 80	Луцилий – 143 / 91	Марциал – 120 / 78	Киприан – 89 / 74

Таким образом, суммарная верхняя часть частотных словников выглядит следующим образом (указаны единицы, которые хотя бы в одном из учебников попадают в десятку самых частотных):

1) По **античной литературе в целом**: Гомер, Гораций, Аристотель, Вергилий, Цицерон, Овидий, Афина, Лукиан, Зевс, Одиссей, Еврипид, Луций Анней Сенека, Август, Аполлон. Итого — 14 антропонимов.

2) По **римской литературе**: Цицерон, Цезарь, Энний, Катон, Плавт, Теренций, Гай Саллюстий Крисп, Катулл, Марк Теренций Варрон, Вергилий, Луций Анней Сенека, Август, Овидий, Тацит, Гораций, Лукан, Проперций, Марциал, Августин, Тертуллиан, Боэций, Иероним, Светоний, Лактанций, Киприан, Эней, Помпей. Итого — 27 антропонимов.

3) По **греческой литературе**: Одиссей, Еврипид, Аристофан, Афина, Гомер, Аристотель, Ахилл, Зевс, Энгельс, Агамемнон, Эсхил, Софокл, Пиндар, Геродот, Фукидид, Демосфен, Ксенофонт, Платон, Сократ, Филипп, Исократ, Феокрит, Лукиан, Аполлоний, Плутарх, Каллимах, Дион, Либаний, Менандр. Итого — 29 антропонимов.

Обобщённый список наиболее частотных антропонимов по всем учебникам (без их тематического подразделения) выглядит следующим образом: Гомер, Гораций, Аристотель, Вергилий, Марк Туллий Цицерон, Публий Овидий Назон, Афина, Лукиан, Зевс, Одиссей, Еврипид, Луций Анней Сенека, Август, Аполлон, Цезарь, Квинт Энний,

Катон Старший, Тит Макций Плавт, Публий Теренций Афр, Гай Саллюстий Крисп, Гай Валерий Катулл, Марк Теренций Варрон, Публий Корнелий Тацит, Марк Анней Лукан, Секст Проперций, Марк Валерий Марциал, Аврелий Августин, Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, Аниций Манлий Торкват Северин Боэций, Иероним, Гай Светоний Транквилл, Луций Цецилий Фирмиан Лактанций, Киприан, Эней, Гней Помпей, Аристофан, Ахилл, Фридрих Энгельс, Агамемнон, Эсхил, Софокл, Пиндар, Геродот Галикарнаасский, Фукидид, Демосфен, Ксенофонт, Платон, Сократ, Филипп Македонский, Исократ, Феокрит, Аполлоний Родосский, Плутарх, Каллимах из Кирены, Дион Хрисостом, Либаний, Менандр. Итого — 57 антропонимов.

Первые десять частотных антропонимов по всем учебникам делятся на следующие классы:

а) Реально существовавшие личности, в число которых входят:

1. Авторы художественных произведений (*Энний, Лукиан и др.*);
2. Философы (*Луций Анней Сенека, Аристотель и др.*);
3. Государственные, военные и политические деятели (*Август, Цицерон и др.*);
4. Историки (*Гай Саллюстий Крисп, Тацит*);
5. Риторы (*Исократ, Цицерон, Лактанций*).

б) Мифонимы — группа онимов, к которой мы относим:

1. Теонимы — номинацию богов / богинь (*Зевс, Афина и др.*);
2. Имена других персонажей мифов (степень вымышленности может быть различной) — *Агамемнон, Ахилл, Одиссей*.

Ключевой фактор, который повлиял на различие в количестве словоупотреблений, — литература, которой посвящён тот или иной учебник. Антропонимы, принадлежащие исключительно к греческой или римской культуре, мы обозначили как тематические. Такой подход позволяет создать полевую структуру ономастического пространства дисциплины «Античная литература» на основе параметров частотности и тематичности.

Однако встретились и исключения: например, в учебнике по греческой литературе С. И. Радцига в первую десятку антропонимов входит имя немецкого политического деятеля и учёного *Фридриха Энгельса* (такой антропоним является, по нашей классификации, частотным, но не тематическим). Кроме того, верхняя часть словника варьируется в зависимости от того, однотомный учебник или многотомный. Так, например, лексема *Гомер* употребляется 514 раз и входит в первые десять антропонимов в 1 томе учебника Соболевского (см. Табл. 3), при этом во 2 и 3 томах эта единица употребляется только 53 и 85 раз соответственно и не входит в первую десятку. Очевидно, что при такой количественной разнице основная информация, связанная с именем этого автора, вводится уже в 1 томе.

Содержание Таблицы 1 позволяет сделать вывод о том, что в первую по частотности десятку антропонимов в учебниках по античной литературе в целом входят в основном имена римских писателей, при этом греческий антропоним только один — *Гомер*. Однако все присутствующие в верхней части словника теонимы — греческие (*Афина, Зевс*). Опираясь на данные, приведённые в Таблице 1, мы также имеем возможность выявить сходства и различия, связанные с употреблением того или иного антропонима. Так, например, *Гомер*, который стоит на первом месте по количеству употреблений в учебнике А.Ф. Лосева (в том числе и в книге под редакцией А.А. Тахо-Годи), замыкает верхнюю часть словника учебника И.М. Тронского. В последнем на первом месте стоит *Цицерон*,

который в контексте античной культуры выступает сразу в нескольких ролях (как государственный и политический деятель, оратор, философ, но не в роли писателя). Иначе говоря, верхнюю позицию в словниках антропонимов, составленных на базе учебников двух разных авторов, занимают исторические личности — носители разных ролей. Кроме того, эти антропонимы являются тематическими (*Гомер* относится к греческой литературе, *Цицерон* — к римской).

Отличия можно обнаружить и при анализе частотности имен мифологических персонажей. Из всех мифологических персонажей, которые не являются теонимами, попадает в десятку только *Одиссей*, но у Тронского он стоит на втором месте, а у Лосева располагается ближе к концу десятки. Такую разницу в количестве употреблений можно объяснить тем, что в учебнике Тронского информация об «Одиссее» выносится в отдельный параграф второй главы «Древнейшие литературные памятники». У Тронского в первой десятке антропонимов нет *Овидия* и *Лукиана*, при этом присутствует *Сенека*. Такой показатель позволяет провести параллель с частотностью имени *Цицерон* в учебнике того же автора. Получается, что он расширительно трактует границы литературы: философы и ораторы для Тронского более важны, чем поэты. Однако *Аристотелю* Тронский уделяет меньше внимания, чем Лосев, что выражается в количественных показателях, которые в 2 раза меньше (52 вхождения против 104 и 99). Ни в одном из этих учебников нет параграфов, специально посвященных *Аристотелю*. Однако в концепции античной литературы у Лосева он значительно более важен, чем у Тронского. Подтверждается это и контекстуальным окружением. В учебнике А.Ф. Лосева (под ред. А.А. Тахо-Годи) ^[12] возможно обнаружить контексты, которые демонстрируют, что автор будто «сверяет» свою точку зрения с *Аристотелем*, постоянно ссылается на него и вступает с ним в диалог. Приведём их в качестве примера и внутри цитат жирным шрифтом выделим показатели диалогичности.

а) «*Аристотель говорит* о происхождении трагедии «от запевал дифирамба». Дифирамб **действительно** был хоровой песнью в честь Диониса».

б) «Тот же *Аристотель говорит* о происхождении трагедии из сатировской игры».

в) «**По свидетельству** *Аристотеля*, драма зародилась в Пелопоннесе, среди дорийского населения. **Однако** свое развитие драма получила только в гораздо более передовой Аттике».

г) «*Аристотель сообщает*, что Эсхил ввел второго актера. **Это значит**, что трагедия до Эсхила, исходя из хоровой лирики, вначале просто являлась хоровым произведением, при котором был единственный самостоятельный актер, игравший самую незначительную роль собеседника с хором».

д) «По своему стилю и мировоззрению Гиппонакт является зачинателем пародии, которую ввел не Генемон Фасосский (**как это утверждал Аристотель**) и не Гомер, равно как и не рапсоды, но именно Гиппонакт, берущий из эпоса возвышенные образы и делающий их смешными».

В редакции Тахо-Годи из верхушки списка антропонимов учебника Лосева исчезает теоним *Афина* (его частотность составляет 50 вхождений), но появляется *Аполлон*. У Тронского среди наиболее употребительных антропонимов нет *Зевса* (с частотностью в 77 вхождений).

Данные, приведенные в Таблице 2, также позволяют выявить ряд особенностей, связанных с частотностью употребления некоторых антропонимов. Так, в учебнике

Радцига *Одиссей* стоит на первом месте, при этом в первом томе Соболевского этот же антропоним располагается в конце десятки и его относительная частотность в два раза меньше. В верхней части словника, сформированного на основе 2 и 3 тома, это имя вовсе отсутствует. Такое распределение можно объяснить тем, что именно в 1 томе книги Соболевского есть раздел *Эпос*, в котором речь идёт в том числе о лироэпической поэме Гомера «Одиссея». У Радцига из богов в верхушке словника есть *Афина* и *Зевс* с общей относительной частотностью 184, а у Соболевского те же теонимы — в разных томах. У Радцига имя *Одиссей* употребляется значительно чаще, чем *Агамемнон*. При этом в первом томе книги Соболевского частотность этих антропонимов примерно одинаковая (84 / 81). Из второго тома Соболевского в верхней части словника у Радцига присутствует только *Аристотель*, который не является писателем, а из третьего — только теоним *Зевс*. Такое распределение антропонимов, вероятно, можно объяснить тем, что в книге Радцига в отдельную главу (XVII) выносятся информация, касающаяся греческой философии IV века до н. э., в частности, жизни и деятельности Аристотеля. Активно употребляющийся теоним *Зевс* в книге С.И. Радцига встречается сразу в нескольких главах учебника. Соответственно, количество употреблений теонима кратно увеличивается. Ручная обработка материала позволила выяснить, что это имя присутствует в главах и параграфах, посвящённых: 1) сказаниям и песням о героях, аэдам, рапсодам и гомеридам; 2) греческому обществу начала первого тысячелетия до н. э.; 3) поэмам Гомера («Илиада» и «Одиссея»), в частности, сказаниям о Троянской войне / гомеровскому вопросу в целом; 4) упадку героического эпоса; 5) пародии на героический эпос; 6) дидактическому эпосу и его социальным основам; 7) простейшим формам лирической поэзии; 8) простейшим формам мелической поэзии; 9) торжественной лирике; 10) развитию и расцвету хоровой лирики; 11) упадку жанра эпиникия; 12) биографии, религиозным и социально-патриотическим воззрениям Эсхила; 13) биографии Софокла; 14) биографии Эврипида; 15) древнейшей греческой комедии; 16) биографии Аристофана; 17) процессу перехода к эллинизму и литературе эпохи эллинизма; 18) поэзии малых форм; 19) судьбе героического эпоса; 20) греческой литературе в эпоху римского владычества; 21) концу античной греческой литературы и ранней христианской литературе; 22) последним греческим поэтам (*Мусею*, *Нонну* и другим).

Анализируя Таблицу 3, также можно выявить ряд особенностей, касающихся частотных показателей антропонимических лексем. Например, *Вергилий* встречается в верхней части словника, сформированного на основе всех трёх томов учебника М. фон Альбрехта, а *Цицерон* присутствует только в верхней части первого и третьего тома. Кроме того, в верхней части словника, составленного на основе учебника Альбрехта, нет ни одного имени героя произведения. В то время как во всех других учебниках нашей базы среди 10 самых частотных такие антропонимы присутствуют (хотя бы в одном из томов).

Нам удалось выявить основные причины высокой частотности употребления ряда имен писателей и исторических личностей, связанной с тем, что некоторые из этих имён присутствуют не только в главах / разделах, непосредственно им посвящённых, но и на страницах, где речь идёт о других личностях. Такое употребление имён реальных личностей, несомненно, говорит об их авторитетности в истории, а также об их особой значимости для рассматриваемой учебной дисциплины. Причины употребления имён реальных личностей на страницах глав или разделов учебников, повествующих о других авторах и исторических личностях, мы суммировали в Таблице 4.

Таблица 4

Употребление наиболее частотных антропонимов на страницах, посвящённых другим личностям

1. Указание на преемственность в творчестве / мировоззрении	
Антропоним	Контекст употребления
Августин	«... не случайно наиболее плодотворный вклад в познание человеческой души принадлежит двум римским писателям — Тертуллиану и Августину» [16].
Марк Теренций Варрон	«Так, некоторые из римских сатириков — особенно Варрон, Сенека, и отчасти Петроний — заимствовали у Мениппа своеобразную форму сатиры» [17].
Вергилий	«Феокриту подражал римский поэт Вергилий в своих «Буколиках» [14].
Гай Саллюстий Крисп	«Саллюстий — причем сознательно ориентируясь на Катона Старшего — утвердил жанровый стиль римской историографии» [16].
Гораций	«Гораций заимствовал у Алкея его знаменитую алкееву строфу» [15].
Иероним	«Иероним прибегал к Аврелию Виктору в своей переработке Евсевия» [16].
Исократ	«Здесь [в «Лисистрате»] звучит уже та панэллинская точка зрения, что и в «Мире», которую впоследствии провозглашал оратор Исократ» [Радциг 1982].
Катулл	«Огромное влияние его [Каллимаха] видно и у римских поэтов, особенно у Катулла ...» [14].
Киприан	«Особенно сильно Августин чувствует свою близость к Киприану...» [16].
Ксенофонт	«Арриан из Никомедии в Вифинии характеризуется как новый Ксенофонт» [14].
Лактанций	«В эпоху Константина появляется не только «христианский Цицерон» (Лактанций), но и «христианский Вергилий» — Ювенк» [16].
Марциал	«Марциал, считавший себя вторым Марсом, ставит себя с ним в один ряд...» [16].
Плутарх	«Каллимах отрицательно отзывался об Антимакхе и о его «толстом произведении»; Плутарх тоже порицает его за многословие» [15].
Софокл	«У Эсхила, Софокла и Эврипида можно найти и мысли и целые выражения, заимствованные у Архилоха» [15].
Тацит	«Разоблачительная жесткость напоминает, с одной стороны, Г. Гракха, с другой — Тацита» [16].
Тертуллиан	Кроме того, для него [Пруденция] актуальны Тертуллиан, Киприан, Арнобий, Лактанций,

	Амвросий и деяния мучеников [16] .
Цицерон	«В стиле, напоминающем <i>Цицерона</i> , составлен изящный «Диалог об ораторах» [13] .
Публий Теренций Афр	«Но, подобно своим современникам вплоть до <i>Теренция</i> , он украшает их посредством аллитерации» [17] .
Эсхил	«Влияние <i>Эсхила</i> очень сильно чувствуется в трагедиях Софокла, но он ближе, чем его предшественник, подходит к Гомеру» [15] .
2. Указание на эпоху, в которую жили и творили исторические личности. Временное сопоставление	
Август	«Диодор – современник Юлия Цезаря и <i>Августа</i> » [15] .
Еврипид	«Эсхил был участником Саламинского сражения, Софокл его прославлял, а <i>Еврипид</i> в это время родился» [11] .
Фукидид	«Гелланик прожил большую часть V века и был современником Геродота и <i>Фукидида</i> » [15] .
3. Сопоставление особенностей творческой деятельности / воззрений	
Аполлоний Родосский	«Вергилий не выставляет своей учености напоказ, как это делает, например, <i>Аполлоний Родосский</i> , который щеголяет своими мифологическими и географическими сведениями» [17] .
Геродот	«Квинтилиан, например, прославляет «сверкающую чистоту» и «млечное изобилие» Ливия и сопоставляет его с <i>Геродотом</i> » [13] .
Гомер	«Вергилий образует римский миф и сознательно сопоставляет его с <i>Гомером</i> » [16] .
Демосфен	«Сопоставляя <i>Демосфена</i> и Цицерона, известный римский ретор I в. н. э. Квинтилиан указывает, что у первого «ничего нельзя сократить», ко второму «нельзя ничего прибавить» [13] .
Либаний	«Главное отличие его от последнего [Фемистия] состоит в том, что <i>Либаний</i> выработал свой собственный слог и стиль, не ограничиваясь исключительно каким-либо одним кругом понятий и слов» [15] .
Лукан	«В XII в. Вергилия временно оттесняет в тень патетический <i>Лукан</i> » [16] .
Менандр	«В отличие от <i>Менандра</i> , поэта состоятельных слоев афинского общества, Плавт, как и Невий, — драматург с демократической направленностью» [13] .
Овидий	«Как ни риторичен Тит Ливий, но его ораторство идет по стопам цицероновского и чуждо тому

	азианизму, которому следовал его современник <i>Овидий</i> » [17] .
Пиндар	«Бете сопоставляет ее по стилю с 4-й пифийской одой <i>Пиндара</i> ». [15] .
Плавт	«Ритмика Невия многообразнее, чем в Новой комедии; здесь видна в зародыше та специфика римской сцены, которую мы у <i>Плавта</i> обнаружим в полном развитии» [16] .
Платон	«Здесь его [Ксенофонта] взгляды сильно отличаются от аристократического презрения к физическому труду, которое чувствуется в «Государстве» <i>Платона</i> » [15] .
Проперций	«В то время как <i>Проперций</i> и <i>Овидий</i> представляют закономерное развитие римской литературы под знаком эллинистического влияния, «классик» <i>Вергилий</i> — не отказываясь от своих александрийских истоков — плывет против течения эпохи» [16] .
Светоний	«Он [Викторин] относится к весьма небольшому числу тех авторов, которые — как <i>Светоний</i> — прежде всего хотят предоставить слово фактам» [16] .
Феокрит	«Непосредственно примыкая к <i>Аполлонию</i> и, возможно, полемизируя с ним, <i>Феокрит</i> пишет свои эпиллии «Гилас» и «Диоскуры» [15] .
Энний	«Как <i>Энний</i> в гекзаметрах и <i>Гораций</i> в своих лирических стихах, <i>Плавт</i> демонстрирует чисто римское желание установить постоянное место для цезуры ...» [16] .
4. Подтверждение высокого положения личности в обществе и в сфере деятельности	
Аристотель	«Наряду с <i>Аристотелем</i> он [Гораций] оказывает влияние на теорию и практику драмы...» [16] .
Аристофан	«Мировоззрение <i>Симонида</i> создало ему огромную популярность в античном мире. Его выражения цитируют в виде афоризмов <i>Ксенофонт</i> , <i>Платон</i> , <i>Аристофан</i> и другие» [11] .
Дион Хрисостом	«Известность <i>Анакреонта</i> в древности и любовь к его поэзии были велики. Цитаты из его стихов приводят <i>Страбон</i> , <i>Плутарх</i> , <i>Элиан</i> , <i>Дион Хрисостом</i> » [15] .
Лукиан	«... цитаты из его стихов приводят <i>Страбон</i> , <i>Плутарх</i> , <i>Элиан</i> , <i>Дион Хрисостом</i> , <i>Лукиан</i> и др.» [15] .
Луций Анней Сенека	«Гораздо более крупная литературная фигура времен <i>Клавдия</i> и особенно <i>Нерона</i> — это философ <i>Луций Анней Сенека</i> » [17] .
Филипп Македонский	«Центральной фигурой здесь является <i>Филипп</i> ...

	историческое значение которого Феопп своевременно оценил ...» [15] .
Фридрих Энгельс	«В. Г. Белинский называл его [Эсхила] творцом греческой трагедии», а Ф.Энгельс — «отцом трагедии» [14] .
5. Передача взаимоотношений «героев» учебника	
Каллимах	«Аполлоний Родосский родился в Александрии, был учеником и соперником поэта <i>Каллимаха</i> » [11] .
Помпей	« <i>Помпей</i> и Цезарь, которые сперва были друзьями, а потом пошли войной друг против друга...» [17] .
Сократ	«К этому периоду относится знакомство Ксенофонта с <i>Сократом</i> ; начало и длительность этого знакомства нам неизвестны» [15] .
Цезарь	« <i>Цезарь</i> примирился с молодым поэтом, и в стихотворении 11 последний разделяет общее восхищение завоеванием Галлии...» [17] .
Катон Старший	«Среди римлян его [Ксенофонта] поклонниками были <i>Катон Старший</i> , Сципион Эмилиан, Корнелий Непот, Цицерон, Квинтилиан и др.» [14] .

Таким образом, проверка контекстуального окружения показала, что 49 из 50 антропонимов, референтом которых является реальная личность, употребляются не только в разделах и главах, им посвящённых, но и в иных частях учебника. Этот факт подтверждает повышенную значимость вошедших в первые десять по количеству словоупотреблений антропонимических лексем.

Единственный антропоним, к которому в Таблице 4 не приведён пример контекста (*Боэций*), употребляется либо исключительно в посвящённых ему разделах, либо в частях учебника, где приводится общая характеристика эпохи / круга авторов / литературного направления.

Выводы

1) Основным фактором, который оказал влияние на состав верхней части частотного словника дисциплины «Античная литература», стал тематический фактор. В данном случае выстраивается прямая зависимость от того, какой именно литературе посвящён учебник (греческой или римской). Так, ожидаемо в учебниках по греческой литературе встретилось большее число греческих антропонимов, в учебниках по римской литературе — римских. Количество их словоупотреблений также закономерно увеличивалось или уменьшалось в зависимости от тематики. Исключением, которое объясняется социально-историческими условиями создания учебника, является присутствие в первой десятке единиц имени *Фридриха Энгельса* (учебник по греческой литературе С.И. Радцига).

2) Выделение *тематических антропонимов* позволяет создать полевую структуру ономастического пространства рассматриваемой дисциплины, в рамках которой можно выделить центр и периферию. Основанием для построения такой структуры служат ключевые для нашего исследования параметры **частотности** и **тематичности**.

3) Была предложена классификация имён собственных, вошедших в первые десять по частотности употребления. Так, были выделены а) реально существовавшие личности —

писатели, поэты, философы, риторы и др., б) мифонимы.

4) Удалось выявить несколько причин, по которым антропонимы появляются на страницах учебника, которые посвящены другим личностям: 1) Указание на преемственность в творчестве; 2) Указание на эпоху, в которую жили и творили исторические личности. Временное сопоставление; 3) Сопоставление особенностей творческой деятельности; 4) Подтверждение высокого положения личности в обществе и в сфере деятельности; 5) Передача взаимоотношений «героев» учебника.

Таким образом, в целом удалось установить соответствие данных количественного и качественного анализа антропонимов, что подтверждает высказанную в предшествующих наших работах (см. [\[19\]](#), [\[20\]](#), [\[21\]](#)) мысль о системности ономастического пространства учебников по античной литературе.

Библиография

1. Hoffmann L. The linguistic analysis and teaching of LSP in the German Democratic Republic / J. Hoedt and R. Turner (Eds.) *New Bearings in LSP*. Copenhagen: The LSP Centre, UNESCO ALSED LSP Network and Newsletter, Copenhagen School of Economics, 1981. P. 107–130.
2. Carter R., McCarthy M. *Vocabulary and Language Teaching*. Routledge, 1988.
3. Беляева Т.Р. Дискурсивные особенности общенаучной лексики как маркер дисциплинарной принадлежности научного текста (на материале современного английского языка). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва. 2022.
4. Konstantakis N. Creating a business word list for teaching business English // *ELIA*. 2007. No. 7. Pp. 79–102.
5. Valipouri, L., Nassaji, H. A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles // *Journal of English for Academic Purposes*. 2013. No. 12. Pp. 248–263.
6. Сидорова М.Ю., Шматко А.С., Певцов Д.Н. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии. М.: Доброе слово и Ко, 2021.
7. Khani, R., Tazik, K. Towards the Development of an Academic Word List for Applied Linguistics Research Articles // *RELC Journal*. 2013. No. 44 (2). Pp. 209–232.
8. Д. Дэвидсон Об идее концептуальной схемы (В кн.: Аналитическая философия. Избранные тексты. (Сост. А.Ф.Грязнов) М., Изд-во МГУ, 1993. С. 144–159.
9. Фельдман Н.Б. Тематическая группа лексики атомной отрасли в русском языке XXI века. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. 214 с. 2021.
10. Сидорова М.Ю. Подходы к минимизации лексики для преподавания языка специальности иностранцам: «вакуумный» или интегральный? // *Метапредметный подход в образовании: рууский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам. Материалы III всероссийской научно-практической конференции с международным участием. МПГУ. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. С. 196–204.*
11. Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А., Тимофеева Н.А., Черемухина Н.М.. Под ред. Тахо-Годи А.А. *Античная литература*. М.: Просвещение, 3 издание, 1980.
12. Лосев А.Ф.. Под ред. А.А. Тахо-Годи. *Античная литература*. М.: ЧеРо, 7 издание, 2005.
13. Тронский И.М. *История античной литературы*. М.: Высшая школа, 5 издание, 1988.
14. Радциг С.И. *История древнегреческой литературы*. М.: Высшая школа, 5 издание,

1982.

15. Соболевский С.И., Горнунг Б.В., Гринберг З.Г., Петровский Ф.А., Радциг С.И. История греческой литературы. Тт. 1–3, М.–Л.: Издательство академии наук СССР, 1946.
16. М. фон Альбрехт. Перевод А.И. Любжина. История римской литературы. М., Греко-латинский кабинет, Тт. 1–3, 2003–2005.
17. Покровский М.М. История римской литературы. М.: Издательство академии наук СССР, 1942.
18. Богданов К.А. О классической филологии и Гомере // Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. 2014. Электронная версия. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bogdanov-konstantin-anatoljevich/vox-populi-foljklornie-zhanri-sovetskoj-kuljturi/17> (дата обращения: 17.01.24)
19. Лакина С.В. Частотный анализ антропонимов в учебниках по дисциплине «Античная литература» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 73–85.
20. Лакина С.В. Частотный анализ топонимов в учебниках по дисциплине «Античная литература» // Известия Южного федерального университета, филологические науки. Том 26. 2022. № 4. С. 65–79.
21. Лакина С.В. Частотный анализ имён собственных в учебниках по Античной литературе // Мир науки, культуры и образования. 2023. № 3 (100). С. 468–473.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «О чём говорят самые частотные антропонимы в рамках дисциплины «Античная литература»», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к исследованию лексического состава учебников по античной литературе с применением лингвостатистического подхода.

Исследование проводилось в два этапа, первый из которых заключался в компьютерной обработке корпуса текстов, второй – в ручной обработке полученных результатов: отбор наиболее частотных антропонимов и распределение по признаку тематичности.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу.

Практическим материалом явились семь учебников по античной литературе.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические и статистические, в том числе методы сплошной выборки.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений,

исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском, так и на английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов, а также смешению русскоязычных источников с работами на иностранном языке.

Приведенные замечания нисколько не умаляют огромной работы, проведенной автором и не ухудшают общего положительного впечатления от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по теории литературы, курсов по античной культуре и древним языкам. Статья «О чём говорят самые частотные антропонимы в рамках дисциплины «Античная литература»» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан М. Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69218 EDN: ASGINU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69218

Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке

Чжан Минь

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042218111@pfur.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69218

EDN:

ASGINU

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2023

Аннотация: Предметом исследования являются понятия концептов «Родина» и «Государство», их синонимы, ассоциативные образы в русских песнях и в русском языке, в том числе русских фразеологизмах, пословицах и поговорках. Первый концепт понимается как малая родина, так и большая родина. У каждого человека своя малая родина, которая связана с местом рождения, семьей, домом, улицей, селом, городком и т.д. Большая родина в широком смысле – это родная страна, государство. Малая родина является частью большой родины. Эти концепты играют роль в становлении национального сознания, духовных ценностей, мировоззрения, характера, личности русского человека. Цель данной работы заключается в выяснении значения и разницы между этими концептами в русском языке в сознании русского народа. Методы исследования – это описательный, ассоциативный, сравнительный методы, методы синтеза и обобщения, семантического анализа. При анализе и сравнении понятий слов «Родина» и «Государство» в данной работе рассмотрены образы, отраженные в текстах русских песен о данных концептах, языковые примеры с этими концептами во фразеологических словарях русского языка. Проведенное исследование показывает, что термин «Родина», связанный с национальной историей, культурой, этнической идентичностью, имеет духовный психологический колорит. Термин «Государство» с

социальным значением, определяется как политическая, правовая, экономическая форма организации человеческого общества. Этот концепт ассоциируется с образами «закон», «власть», «армия/вооруженная сила», «гражданин» и т.п. Выяснение различий в семантике этих концептов в русском языке помогает носителям другой лингвокультуры глубже понять как их значение в истории, культуре, сознании русского народа, так и их роль и влияние на формирование национальной психологии и духовного мира русского человека. Изучение этих концептов имеет перспективы в расширении у иностранных обучающихся словарного запаса, позволяя глубже понять русский язык, культуру, народ, духовный мир русского человека и их соотношения, обогатить свой культурный, языковой и личный опыт.

Ключевые слова:

русский язык, родина, государство, концепт, личность, духовный мир, русская песня, фразеологизмы, пословицы, поговорки

Введение

Как известно, термин «Концепт» получил широкое использование в таких междисциплинарных науках, как философия языка, культурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и т.д. Этот термин рассмотрен в работах у российских и китайских исследователей. В России его представителями являются Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, И.А. Стернин, З.П. Попова, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев [\[18, с. 35-37\]](#) и т.д. В Китае данный термин изучали 赵爱国 (Чжао Айго), 杨明天 (Ян Минтянь), 刘佐艳 (Лю Цзоянь), 杨秀杰 (Ян Сюцзе), 隋然 (Суй Жань), 姜雅明 (Цзян Ямин), 刘娟 (Лю Цзюань), 赵国栋 (Чжао Годун), 彭文钊 (Пэн Вэньчжао) [\[18, с. 37\]](#), 闻思敏 (Вэнь Сымин) и другие исследователи русского языка.

Следует отметить, что Е.Ю. Балашова выделяет в российской когнитивной лингвистике два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный. Согласно ее мнению, первый подход используется с точки зрения того, что основой знаний об окружающем мире является единица ментальной информации, т.е. концепт [\[9, с. 14\]](#). Второй используется для изучения специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию [\[9, с. 13\]](#). Данный подход определяет концепт как базовую единицу культуры, имеющую образный, понятийный и ценностный компонентами [там же].

Рассматривая научные статьи китайских исследователей, Вэнь Сымин наблюдает в Китае следующее новое явление: интегрирование и сочетание методологических и теоретических основ о концепте у вышеназванных российских исследователей с результатами исследований в Китае в областях культуры, антропологии, мифологии для анализа «концепт», «концептосфера», «концептополе», которые имеют важное значение в изучении национального языкового сообщества [\[18, с. 38\]](#). При анализе различных вариантов перевода слова «концепт» с русского языка на китайский она указывает на общее у китайских исследователей: утверждение его субъективности, культурности и ментальности [\[18, с. 39\]](#).

Ссылаясь на мысль С.А. Аскольдова о «функции заместительства» концепта [\[6, с. 241-242\]](#), Д.С. Лихачев добавляет следующее: 1) концепт существует «для каждого основного

значения слова отдельно»; 2) «концепт своего рода» рассматривается как «алгебраическое выражение значения»; 3) «заместительная функция концепта облегчает языковое общение» [6, с. 242]. Согласно его мнению, возникновение концепта «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [6, с. 243]. При этом исследователь указывает на взаимоотношения и взаимовлияние «культурного опыта», «языкового опыта», «национального, сословного, классового, профессионального, семейного, личного опыта» человека и «потенций концепта» [6, с. 243-244].

Анализируя соотношения концептосферы (этот термин понимается как совокупности концептов народа) национального языка и культуры нации, Д.С. Лихачев отмечает, что концептосфера «связана со всем историческим опытом нации и религией» [6, с. 244]. Более того, связь между концептами определяют «уровень культуры человека, его принадлежность к определенному сообществу людей, его индивидуальность» [там же]. Сравнивая концепты слов русского языка «отчизна», «сцена», «блокада», «тьма египетская», «преданья старины глубокой» и т.п., исследователь показывает, что как отдельные слова, так и целые фразеологизмы обладают своими концептами [6, с. 245]. По мнению автора, «богатство языка» зависит от «богатства словарного запаса, грамматических возможностей, концептуального мира, концептуальной сферы» [6, с. 250] и т.д. Следовательно, «...язык в потенциальной форме его концептов – воплощение всей культуры народа» [6, с. 251].

Исходя из вышеизложенного, очевидно, концепт связан с культурой нации, культурным, языковым, национальным, общественным и личным опытом человека. Они взаимосвязаны и взаимодействуют.

Понятие концептов «Родина» («Малая родина» и «Большая родина») и «Государство» имеет важное значение в современном обществе. Эти концепты, влияющие на формирование характера, индивидуальности, нравственных ценностей, менталитета и мировоззрения человека, сопровождают людей на протяжении всей жизни, т.е. от рождения до смерти. У каждого человека своя «малая родина». Это место, где люди родились, выросли и провели детство. Там люди живут с родными и близкими. Это понятие связано с семьей, домом, улицей, деревней, селом, городком и т.д. Объединяя разные национальности, нравы и обычаи, культуру и языки в единое государство, (большая) родина в широком смысле представляет собой родную землю, страну, государство. Согласно мнению А.О. Бороноева, малая родина – это часть большой родины. Более того, он считает, что «с большой родиной связана гражданская идентичность человека» [2, с. 62]. Политический термин «Государство», имеющий социальное значение, включает в себя четыре основных элемента: народ, территорию, правительство, суверенитет.

Ссылаясь на идеи и мысли о «социальном пространстве» П. Сорокина, о «домашнем мире» А. Щюца, о «пространстве мест» М. Кастельса, А.О. Бороноев указывает на актуальность концепта «малая родина» для «понимания пространственно-временных циклов жизни человека», для «исследования проблем личного развития человека, формирования жизненных стратегий, ментальностей и идентичностей» [2, с. 60-61]. Анализируя этот концепт, его структуру и роль с точки зрения системного подхода, он рассматривает следующие важные аспекты: 1) роль семьи (семейные отношения и воспитание) в развитии личности индивида; 2) понятие «дом»; 3) социальную среду; 4) культурную среду и понятие «досуг»; 5) природную среду [2, с. 61-65]. Выступая в

качестве важных элементов малой родины, вышеназванные факторы влияют на формирование личности подрастающего поколения в России. Более того, исследователь подчеркивает роль и значение чтения классической литературы в умственном и культурном развитии современной молодежи [2, с. 64]. По мнению А.О. Бороноева, понятие «малая родина», как «фактор культуры и преемственности» русского народа, связано с его памятью о детстве и прошлом. Он отмечает, что «...Обращение к месту рождения – это возвращение к себе и на Родину» [2, с. 66].

Таким образом, с одной стороны, изучение концептов слов «Родина» и «Государство» в русском языке имеет значение в воспитании в современной российской молодежи национального сознания, положительных чувств, в том числе любви и уважения к своей родине. С другой стороны, это помогает иностранным обучающимся расширить свой словарный запас, глубже понять русский язык, культуру, народ, душу русского человека и обогатить свой культурный, языковой и личный опыт.

Основная часть

Языковой корпус исследования данной статьи в основном представляют собой как письменные (бумажные фразеологические словари русского языка) и электронные ресурсы (различные словари русского языка в виде PDF/Word), так и интернет ресурсы, в том числе онлайн фразеологические словари на сайте «<http://rus-yaz.niv.ru>», например, Фразеологический словарь русского литературного языка (А.И. Фёдоров), Пословицы и поговорки русского народа (В.И. Даль) и т.д. Среди вышеназванных ресурсов, в ходе исследования изучение бумажных словарей без списков фразеологизмов или пословиц и поговорок вызывает у читателей большие трудности в процессе поиска, подбора и подсчета подходящих примеров. А использование онлайн словарей помогает упростить и сделать удобнее и легче поиск, анализ и обработку примеров.

Рассмотренные в данной работе русские фразеологизмы, пословицы, поговорки подобраны из шести фразеологических словарей русского языка. Выбранные примеры либо по словарному значению связаны с концептами «Родина» и «Государство», либо содержащиеся в них образы связаны с этими концептами. Более того, в ходе исследования анализируются три текста известных русских песен о родине и государстве.

В Большом толковом словаре русского языка слово «Родина» определяется как: 1) Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество; место, где человек родился, где живут его родные и близкие; 2) Место происхождения кого-л., чего-л., возникновения чего-л. [1, с. 1125]. Там дается определение слова «Государство» как: 1) Политическая форма организации общества во главе с правительством и его органами, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры; 2) Страна с определенной формой политической организации; Система органов управления, правительство; 3) Организация, существующая внутри другой как самостоятельная структура [1, с. 223]. В Новой философской энциклопедии понятие этого термина связано с мыслью и диалогом Платона, отраженными в его важнейших сочинениях – «Государство» и «Законы». В первом сочинении «Государство» рассматриваются существующие типы государственного устройства и принципы общественного порядка, учение об идеях, о Боге, о душе, о познании и науках [8, с. 547] и т.д. Отмечается, что в I-X книгах «Государство» Платон отмечает следующие важные моменты: понятие справедливости (общественной и индивидуальной), наилучшее

идеальное «общественное устройство», «три сословия или класса (ремесленники, стражи и правители)», «систему воспитания», «виды государственного устройства и соответствующие им типы людей», «природу искусства и его роль в совершенном обществе» [8, с. 547-548]. Следует отметить, что Родина – это исконно русское слово. Слово «Государство» имеет древнерусское происхождение (от слова «государь»).

Синонимы слова «Родина» представляют собой *«родную страну, отечество, отчизну, отчий край, край отцов; родную сторону; родные палестины; место возникновения чего-л.; колыбель»* [11, с. 331] и т.п. Более того, чувства к родине различны: 1) в большинстве случаев чувства к родине могут быть положительны, например, любовь, идентичность, гордость, уважение, преданность, тоска по родине, желание защищать ее, совершать подвиг во славу родины; 2) в редкой ситуации чувства могут быть отрицательны, например, ненависть, равнодушие, измена родине. А синонимы слова «Государство» – это *«страна, земля, держава, империя, княжество, королевство, царство»* [11, с. 80] и др. Данное слово, имеющее политические и социальные признаки, вызывает у людей чувство императивности, повиновение, подчинение, которые отражаются в соблюдении и подчинении закону, в осуществлении личных прав граждан и выполнении личных обязанностей в соответствии с законом.

Таким образом, при анализе и сравнении понятий этих слов в русских словарях отмечается, что слово «Родина», имеющее духовный и психологический колорит, ассоциируется с такими образами, как родные (родитель – отец или мать), дом, колыбель и т.д. А «Государство» связано с политическими общественными образами, например, общественными устройствами, классом, правительством, государственными органами или учреждением, суверенитетом, гимном, гербом, флагом, налогом, гражданином, его правами и обязанностями и т.д. Эти слова подчеркивают серьезность, торжественность, суровость.

Эмоциональные различия, содержащиеся в этих двух словах, проявляются также в русских песнях, фразеологизмах, пословицах и поговорках русского языка. Как описана родина в песне «С чего начинается родина», которую поет известный советский актер и певец Марк Бернес: «Родина начинается с картинки в букваре в школе, с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе, с песни, которую пела детям мать, с заветной скамьи у ворот, с березки во поле, с весенней запевки скворца, с бесконечной проселочной дороги, с окошек, горящих вдали... и с клятвы, которую в юности люди ей в своем сердце принесли» [13]. В памяти и сознании человека родина связана с любимыми, знакомыми вещами и пейзажем, деревьями, цветами и травой во дворе, первым уроком родного языка в начальной школе, песнями, которые напевала мама. Более того, проявляя любовь и гордость за родину, в песне Людмилы Зыкиной «Ты Россия моя» описывается то, что родина (Россия) – это «мать, золотые края» [14]. При этом она «родная, заветная и светлая». Следует отметить, что в гимне России, когда говорится о Государстве, используются следующие выражения: «священная держава, любимая страна, могучая воля, великая слава», а о Родине – «отечество, родная земля» [4].

Опираясь на принципы классификации фразеологизмов и теоретические положения о фразеологии у В.В. Виноградова, В.Н. Шанского, А.И. Молоткова, В.П. Жукова, Н. Ф. Алефиренко, В.И. Зимина и других исследователей, по словарному значению и синонимии во фразеологических словарях русского языка выделяются следующие фразеологизмы, содержащие концепты о родине и государстве: 1) О родине: *родина-*

мать (мать-родина), родная страна, родной край [16, с. 261], родимое (родовое) гнездо [15], «И дым отечества нам сладок и приятен» [17, с. 86], возвращаться/вернуться в родные пенаты [12, с. 183]; 2) О государстве: власть (-и) предержащая (-ие) [17, с. 38], государственная машина [17, с. 57], государство в государстве [17, с. 58], государство – это я [5, с. 477], государственный план [16, с. 8], подлежать суду/аресту/наказанию [16, с. 37], политическое управление, политическое преступление [16, с. 65], поместный приказ [16, с. 74], посольский приказ [16, с. 85], постельная палата [16, с. 87], постоянная армия [16, с. 88], правовое государство [16, с. 104] и т.д.

В пословицах и поговорках русского языка присутствуют такие выражения о родине, как «На родной стороне и камешек знаком», «Без корня и полынь не растет», «На чужой стороне и сокола зовут вороною», «Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет», «С родной (родительской) земли – умри, не сходи!» [10, с. 286], «Родина любимая – мать родимая», «Родину-мать умей защищать», «Родина – всем матерям мать», «Одна у человека родная мать, одна у него и Родина», «Земля родная – колыбель золотая» и т.д. А о государстве – «Власть всякого ограничена законом», «Где сила, там и власть», «Меч власти длинен», «Получивший власть на день – у ста человек головы снял», «На Руси всякой власти до страсти» и др.

Из вышеназванного очевидно, в русском языке слово «Родина», ассоциирующееся с образами «земля», «дом», «колыбель», «родные (мать и отец)» и т.п., отражает чувство любви и ностальгии, психологию и духовный мир русского народа, а слово «Государство», имеющее политические и общественные признаки, связано с образами «закон», «власть», «административные органы», «сила», «армия/вооруженные силы» и др. Это слово ассоциируется у русского человека с торжественностью, строгостью, чувством угнетения или давления.

Заключение

Таким образом, концепт «Родина» может пониматься как малая родина и большая родина. Малая родина связана с местом рождения, семьей, домом, улицей, селом, городком и т.д. Большая родина в широком смысле представляет собой родную страну, государство. Малая родина – это часть большой родины. Эти концепты играют роль в формировании национального сознания, духовных ценностей, мировоззрения, социального характера, личности русского человека. Анализ и сравнение понятий слов «Родина» и «Государство», их образов, отраженных в текстах русских песен об этих концептах, во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского языка показывают, что они, вызывающие у русского человека разные чувства и эмоции, отличаются друг от друга семантикой и культурной коннотацией. Концепт «Родина», связанный с национальной историей, культурой, памятью, преемственностью, этнической идентичностью, имеет духовный психологический колорит. Концепт «Государство», имеющий политические и социальные признаки, ассоциируется с образами «закон», «власть», «сила», «армия/вооруженная сила», «гражданин», «права и обязанности» и т.п. Выяснение различий в семантике этих концептов в русском языке позволяет носителям другой лингвокультуры глубже понять как их значение в истории, культуре, сознании русского народа, так и их роль и влияние на формирование личности, национальной психологии и духовного мира русского человека. Более того, изучение этих концептов не только помогает воспитать в современной российской молодежи национальное сознание, положительные чувства, т.е. любовь и уважение к своей родине, культуре, истории, но и дает нам возможность расширить у иностранных

обучающихся словарный запас и улучшить их ассоциативные способности в процессе изучения или преподавания русского языка, глубже понять русский язык, культуру, народ, духовный мир русского человека и их соотношения, обогатить свой культурный, языковой и личный опыт.

Библиография

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
2. Бороноев А.О. Понятие малой родины: определение и содержание // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3(56). С. 60-66.
3. Гаспарян Н.К. Лингвокультурные константы "семья", "Родина", "труд": на материале русского и армянского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01; 10.02.19. Калининград. 2022. 24 с.
4. Государственные символы Российской Федерации (интернет ресурс). URL: http://www.gov.ru/main/symbols/gsr4_4.html
5. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
6. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015.
7. Наговицына Н.В. Смысловое наполнение концепта "патриотизм" и его языковая объективация в современной русской речи: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2021. 25 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: пред. В.С. Степин и др. М.: Мысль, 2010.
9. Попова З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
10. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1 / Вступ. слово М. Шолохова. М.: Худож. лит., 1989.
11. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / Под ред. А.С. Гавриловой. М.: Аделант, 2014.
12. Субботина Л.А. Карманный фразеологический словарь русского языка: 1000 выражений. М.: Астрель, 2013.
13. Текст Песни «С чего начинается Родина». (Интернет ресурс). URL: <https://ped-kopilka.ru/semeinaja-biblioteka/literaturnoe-chtenie-1-klas/matusovskii-s-chego-nachinaetsja-rodina.html>
14. Текст Песни «Ты Россия моя». (Интернет ресурс). URL: https://webkind.ru/text/946081105_28793062p592434707_text_pesni_ty-rossiya-moya.html
15. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 2008. (Онлайн словарь). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>
16. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 2. М.: Флинта: Наука, 2004.
17. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний. 2-е изд. М.: Дрофа; Русский язык, 1997.

18. 闻思敏. концепт研究在中国. 俄罗斯语言文学与文化研究 (Russian Language Literature and Culture Studies). 2019. №1(63). 35-42. (Вэнь Сымин, Исследование концепта в Китае // Исследование русского языка, литературы и культуры. 2019. №1(63). С. 35-42.
19. 赵爱国. 当前俄语“观念”研究中的几个理论问题. 中国俄语教学. 2016. №3. 51-57. (Чжао Айго. Понятие «концепт» в русском языке: теоретические проблемы в современных исследованиях // Русский язык в Китае. 2016. №3. С. 51-57.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению значимых русских фразеологизмов с концептом «Родина и «Государство» что отражает в той или иной мере те воспитательные и образовательные задачи, которые ставятся перед педагогами сегодня.

Автор рассматривает данные концепты в русском языке, но возникает справедливый вопрос - для чего проведена ссылка на китайский словарь? (sic! В китайских словарях слово «Родина» определяется как:...)

Далее по тексту опять идет сравнение китайской и русской лингвокультур, что не нашло отражение в заголовке статьи: Таким образом, при анализе и сравнении этих концептов в русских и китайских словарях отмечается, что слово «Родина», имеющее духовный и психологический колорит, ассоциируется с такими о....

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы, а именно к сравнительно-историческому методу, методу обобщения и методу семантического анализа.

К сожалению, автор не указывает объем корпуса исследования, а также принципы его выборки.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены работы исключительно на русском языке и словари китайского языка?!!!

Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей несомненно, обогатило бы рецензируемую статью. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе

преподавания вузовских курсов по фразеологии и лексикографии, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Концепты «Родина» и «Государство» в русском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после 1) внесения корректировки или в заглавие или в текст (все-таки эта работа посвящена исследованию русского языка или является сравнительной для двух лингвокультур, показывая репрезентацию русских концептов в китайских словарях?), 2) усиление теоретической базы исследования и обращения к большему количеству авторитетных работ (большая часть библиографического списка являются словарями), в том числе зарубежных, 3) уточнение языкового корпуса исследования и приведение убедительных данных, которые могут быть легко верифицируемы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст предметно направлен на анализ концептов «РОДИНА» и «ГОСУДАРСТВО» в русском языке. Выбранные концепты достаточно продуктивно используются в речи, имеют явно расширительный характер, следовательно, актуальность работы бесспорна. Как отмечает автор, «понятие концептов «Родина» («Малая родина» и «Большая родина») и «Государство» имеет важное значение в современном обществе. Эти концепты, влияющие на формирование характера, индивидуальности, нравственных ценностей, менталитета и мировоззрения человека, сопровождают людей на протяжении всей жизни, т.е. от рождения до смерти. У каждого человека своя «малая родина». Это место, где люди родились, выросли и провели детство. Там люди живут с родными и близкими. Это понятие связано с семьей, домом, улицей, деревней, селом, городком и т.д.». Методологическая основа работы актуальна, должный ряд отсылок сделан: «как известно, термин «концепт» получил широкое использование в таких междисциплинарных науках, как философия языка, культурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и т.д. Этот термин рассмотрен в работах у российских и китайских исследователей. В России его представителями являются Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, И.А. Стернин, З.П. Попова, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев». Цитации по ходу работы даны правильно, собственно теоретический уровень исследования относительно стабилен: «ссылаясь на мысль С.А. Аскольдова о «функции заместительства» концепта, Д.С. Лихачев добавляет следующее: 1) концепт существует «для каждого основного значения слова отдельно»; 2) «концепт своего рода» рассматривается как «алгебраическое выражение значения»; 3) «заместительная функция концепта облегчает языковое общение». Согласно его мнению, возникновение концепта «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека». При этом исследователь указывает на взаимоотношения и взаимовлияние «культурного опыта», «языкового опыта», «национального, сословного, классового, профессионального, семейного, личного опыта» человека и «потенций концепта» и т.д. Практический ряд вводится с учетом ступенчатости: автор уточняет, что «языковой корпус исследования в основном представляют собой как письменные (бумажные фразеологические словари русского языка) и электронные ресурсы (различные словари русского языка в виде PDF/Word), так и интернет ресурсы, в том

числе онлайн фразеологические словари на сайте «<http://rus-yaz.niv.ru>», например, Фразеологический словарь русского литературного языка (А.И. Фёдоров), Пословицы и поговорки русского народа (В.И. Даль) и т.д. Среди вышеназванных ресурсов, в ходе исследования изучение бумажных словарей без списков фразеологизмов или пословиц и поговорок вызывает у читателей большие трудности в процессе поиска, подбора и подсчета подходящих примеров. А использование онлайн словарей помогает упростить и сделать удобнее и легче поиск, анализ и обработку примеров». На мой взгляд, для данной работы срез коннотаций достаточен, основные вариации значений ядерной и периферийной зоны, а также периферии уточнены. Иллюстративный фон достаточен: «в пословицах и поговорках русского языка присутствуют такие выражения о родине, как «На родной стороне и камешек знаком», «Без корня и полынь не растет», «На чужой стороне и сокола зовут вороною», «Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет», «С родной (родительской) земли – умри, не сходи!», «Родина любимая – мать родимая», «Родину-мать умеи защищать», «Родина – всем матерям мать», «Одна у человека родная мать, одна у него и Родина», «Земля родная – колыбель золотая» и т.д. А о государстве – «Власть всякого ограничена законом», «Где сила, там и власть», «Меч власти длинен», «Получивший власть на день – у ста человек головы снял», «На Руси всякой власти до страсти» и др. Автору удастся по ходу работы решить поставленный ряд задач, фактически достичь цели. Итогом является суждение, что «выяснение различий в семантике таких концептов как «РОДИНА» и «ГОСУДАРСТВО» в русском языке позволяет носителям другой лингвокультуры глубже понять как их значение в истории, культуре, сознании русского народа, так и их роль и влияние на формирование личности, национальной психологии и духовного мира русского человека. Более того, изучение этих концептов не только помогает воспитать в современной российской молодежи национальное сознание, положительные чувства, т.е. любовь и уважение к своей родине, культуре, истории, но и дает нам возможность расширить у иностранных обучающихся словарный запас и улучшить их ассоциативные способности в процессе изучения или преподавания русского языка, глубже понять русский язык, культуру, народ, духовный мир русского человека и их соотношения, обогатить свой культурный, языковой и личный опыт». Материал можно использовать на уроках по изучению лингвистических дисциплин. Основные требования учтены, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Статья «Концепты «РОДИНА» и «ГОСУДАРСТВО» в русском языке» рекомендуется к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сюй Л., Шереметьева Е.С. Текстовая скрепа "Другое дело, что": особенности функционирования // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69511 EDN: ARRJCV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69511

Текстовая скрепа "Другое дело, что": особенности функционирования

Сюй Лина

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Остров Русский, 10

✉ syuy.lina@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна

ORCID: 0000-0003-1154-1091

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русский Остров, Аякс, 20

✉ sheremeteva.es@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.69511

EDN:

ARRJCV

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2024

Аннотация: Объектом исследования является текстовая скрепа "Другое дело, что", сформировавшаяся на базе существительного «дело». Предметом исследования являются ее структурные, синтаксические, семантические и прагматические свойства. Цель настоящей статьи – представить результаты анализа указанных свойств скрепы и на этой основе показать особенности ее функционирования в современном русском языке. Одним из аспектов рассмотрения является анализ контекстных модификаций

скрепы и установление ее основного варианта. В синтаксическом плане анализируется ее способность функционировать и в тексте, и в сложном предложении. Главное внимание уделяется определению типа отношения, которое устанавливает скрепа между фрагментами текста, и выявлению зависимости типа отношения от семантики составляющих скрепу компонентов. Значительное внимание уделяется прагматическим свойствам скрепы, рассматривается ее способность передавать оценочное мнение говорящего. Материалом для анализа послужили текстовые фрагменты, полученные с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Материал собирался методом сплошной выборки, а также с использованием опции «лексико-грамматический поиск» в основном, газетном и устном корпусах НКРЯ. При анализе языкового материала использованы описательный и количественный методы исследования. Научная новизна заключается в том, что впервые представляется детальный анализ особенностей функционирования конструкции Другое дело, что как текстовой скрепы в современных художественных текстах и текстах СМИ. В результате исследования установлено, что в преобладающем большинстве случаев скрепа "Другое дело, что" функционирует в тексте и, следовательно, к ней безусловно можно применить термин «текстовая скрепа». Основным вариантом скрепы является структура, включающая в свой состав союз «что». Текстовая скрепа "Другое дело, что" устанавливает между фрагментами текста противительные отношения, что обусловлено семантикой входящего в ее состав местоименного прилагательного «другой». Прагматической составляющей скрепы является ее способность отражать позицию говорящего в плане оценки противопоставленных в тексте ситуаций и указывать на смену знака с плюса на минус, и наоборот.

Ключевые слова:

синтаксис, семантика, прагматика, текст, служебные слова, средства связи, текстовая скрепа, противительность, оценка, местоименное прилагательное

Введение

В XXI веке не ослабевает внимание лингвистов к единицам, выполняющим функции средств связи на разных уровнях: морфолого-синтаксическом, собственно синтаксическом, текстовом. Это внимание во многом объясняется тем, что в современной лингвистике прочно утвердилось понимание, сформировавшееся еще в XX веке: классы специальных связующих средств не ограничиваются рамками предлогов, функционирующих на морфолого-синтаксическом уровне, и союзов, обеспечивающих связь на синтаксическом и текстовом уровне. Эти средства значительно разнообразнее, они не укладываются в рамки двух названных классов. Неслучайно разрослась терминология, с помощью которой исследователи стремятся передать специфику связующих единиц: аналоги союзов, коннекторы, функтивы, скрепы, текстовые скрепы и др. [7]. Такая терминология отражает, с одной стороны, невозможность вписать в рамки частей речи все многообразие связующих единиц, а с другой стороны, необходимость изучения этих единиц с точки зрения их функций в синтаксической системе языка. Таким образом, речь идет о функциональных классах, а не частях речи.

Существуют разные подходы к исследованию единиц, выполняющих функции связи, от описания отдельных единиц, например, из последних работ [2-4]; [13-14] до создания специальных баз данных, в которых значительное количество единиц описывается по

определенному набору параметров [5].

Среди связующих единиц большой интерес вызывают текстовые средства связи. По отношению к ним, для указания на сферу их функционирования, предложены термины «текстовая скрепа» и «межфразовая скрепа» [8]. В настоящее время при рассмотрении понятия «текстовая скрепа» принято обращаться к работам А.Ф. Прияткиной, которая характеризует её как «слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [16, с. 135]. А.Ф. Прияткина рассматривает текстовую скрепу как специальное средство текстовой связи, которая «выражает отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными в виде абзаца, или соотносит между собой сколь угодно крупные части текста» [15, с. 335-336].

Текстовые скрепы формируются на базе знаменательных или полужнаменательных слов в результате процесса грамматикализации. При этом их формальный состав разнообразен: они могут представлять собой однословную единицу, например, *Итак*, но могут иметь и структуру предикативной единицы, например, *Вопрос в другом*; могут иметь неизменный состав и могут иметь в своем составе позицию, которая может замещаться разными лексемами, например, *Теперь о №* или *Дело в №*.

На базе одного слова могут формироваться несколько единиц, выполняющих связующую функцию. Одним из таких слов является существительное «дело». Лексическая опустошенность этого существительного в определенных употреблениях привела к тому, что в современном русском языке на его базе сформировался целый ряд единиц, принимающих участие в оформлении связей в тексте. Эти единицы имеют разную структуру и разную степень грамматикализации: с одной стороны, это текстовая скрепа *дело в том, что*, представляющая собой грамматикализованную предикативную единицу, входящую в состав полипредикативных конструкций [6], [9, с. 81], с другой стороны, это устойчивые предикативные единицы *Дело вот в чем*, *Вот какое дело*, *Дело в другом / в следующем* и предикативные единицы, построенные по модели *Дело в №*, в составе которой позиция № может замещаться любым существительным [19-20]. Кроме того, на его основе возникла скрепа *одно дело – другое дело*, которая одновременно оформляет связь как внутри сложного предложения, так и за его пределами – между частями текста [21].

Цель настоящей статьи – представить результаты анализа структурных, синтаксических, семантических и прагматических свойств еще одной скрепы, сформировавшейся на базе существительного «дело», – скрепы ***Другое дело, что***.

Материалом для анализа послужили текстовые фрагменты, полученные с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ), материал собирался методом сплошной выборки, а также с использованием опции «лексико-грамматический поиск» в основном, газетном и устном корпусах НКРЯ. При анализе языкового материала использованы описательный и количественный методы исследования.

Результаты и обсуждение

Структурные особенности скрепы *Другое дело, что*

В состав скрепы входит местоименное прилагательное *другой*, имеющее значение «не этот, не данный» [12, с. 176], десемантизированное существительное *дело* и союз *что* – изъяснительный. Пример:

(1). *В нашем доме — наши правила. Обсуждению не подлежат. Другое дело, что правила эти коротки, просты и немногочисленны.* (Наши дети: Подростки (2004)).

Подобная синтаксическая специфика структуры наблюдается у таких скреп, как *Дело в том, что; Что касается... то; Если говорить о...то*: они рассматриваются как стандартизованные предикативные единицы, то есть структуры, сохраняющие форму предикативной единицы, но выполняющие служебные функции [8]. Структурно-семантическая особенность скрепы *Другое дело, что* заключается в местоименном слове *другое*, являющимся семантическим ядром скрепы. Местоименное прилагательное *другое* сохранило указанное выше значение и тем самым предопределило семантику отношений, которые формируются в тексте с помощью описываемой скрепы.

Контекстные модификации скрепы *Другое дело, что*

В ходе проведённого исследования были выявлены скрепы, семантически и функционально подобные скрепе *Другое дело, что*, однако имеющие формальные отличия. Это отличие заключается в том, что место союза «что» может занимать местоименное слово, обычно выполняющее функцию союзного слова в сложном предложении, а именно: *что*-местоимение, *кто*, *как*, *где*, *куда*, *насколько* и другие. Необходимо сказать, что скрепы с местоименными заместителями союза представляют собой небольшой процент от общего количества фактов с описываемой скрепой и могут рассматриваться как контекстные модификации скрепы *Другое дело, что*. Выбор той или иной модификации скрепы зависит от содержания контекста, вводимого данной скрепой.

Примеры модификаций.

1. Основным вариантом скрепы является *Другое дело, что*. В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) в основном и газетном корпусах на момент исследования зафиксировано 6156 фактов с данной скрепой, из них 99,3% - это употребления, в которых *что* - союз, в 0,7% слово *что* употребляется как местоимение (учтены факты именительного и косвенных форм местоимения). Например:

(2). *Политическая теория является частью политической действительности, и этого никак нельзя избежать – даже при желании. Поэтому совершенно правильно, когда в публичном интеллектуальном пространстве выступают напрямую теоретики (вроде Хабермаса), а не популяризаторы и журналисты. Эти дополнительные усилия, предпринимаемые теоретиками, не позволяют, по крайней мере, оккупировать это пространство случайным субъектам (что, к сожалению, можно наблюдать именно в России). Другое дело, что философу, как известно после «Государства» Платона, нельзя доверять управление государством. Народ увлекающийся и, если верить Глюксману, тиранический.* (О политической философии (2003) // «Неприкосновенный запас», 12.09.2003). В примерах (1), (2) *что* - союз.

(3). *Результат официального замера количества публики печален, учитывая, какую аудиторию могли собрать и собирают соревнования подобного ранга в Европе, Северной Америке, но не трагичен — 30 тысяч зрителей. Другое дело, чего стоят эти 30 тысяч.* (Ложный вызов // Известия, 2003.09). В примере (3) представлен заместитель союза - местоимение *что* в косвенной форме.

2. Модификация *Другое дело, как*. В НКРЯ на момент исследования зафиксировано 287 фактов с данной модификацией скрепы, например: (4). *Дина Варгафтик откликнулась первая: слова, которые Дегтярь сейчас произнес, он вынул у нее прямо изо рта. Другое*

дело, как это осуществить на практике (Аркадий Львов. Двор).

3. Модификация *Другое дело, насколько*. В НКРЯ зафиксировано 108 фактов с данной модификацией скрепы, например: (5). *Всё, что мы делаем, как себя ведём, что и как говорим, – всегда адресуем кому-то. И я, и Вы играем свою роль. **Другое дело, насколько** эта роль отличается от нашей сущности. Я надеюсь, что и роль моя, и сущность Вас не раздражают.* (Аркадий Мацанов. Горечь полыни на губах // «Ковчег», 2013).

Количество употреблений скрепы с другими местоименными словами в качестве заместителей союза «что» незначительны: от 45 фактов для местоимения «кто» до 2 употребления для наречия «откуда». Например: (6). *В творческих коллективах всегда много недовольных. **Другое дело – кто** пользуется этим недовольством – власть или люди, которые хотят употребить его в своих интересах.* (А.С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)). (7). *Многие семейные люди среднего возраста наверняка скажут, что с удовольствием бы жили не в бетонных коробках, испытывая постоянный стресс от низкочастотного гула мегаполиса, а поближе к природе и желательно в своем собственном доме. **Другое дело – где** учить детей, как получить качественную медицинскую помощь...* (Дмитрий Саркисов. «Решающим фактором стала, конечно, квартира» // lenta.ru, 2019.10).

Количественный анализ показал, что преобладающим является вариант *Другое дело, что*, в котором «что» - союз.

Позиция в тексте

Как следует из определения текстовой скрепы, она должна занимать позицию между фрагментами текста. Текстовая скрепа *Другое дело, что* занимает позицию в начале предложения первого вводимого с ее помощью фрагмента текста. В то же время ряд единиц, функционирующих как текстовые скрепы, не являющиеся союзами в строгом понимании этого термина, одновременно могут связывать как части текста, так и части внутри сложного предложения как полипредикативной структуры. Скрепа *Другое дело, что* относится к таким средствам связи. Например: (8). *Спрос на камень сегодня большой, **другое дело, что** предложение недостаточно развито.* (Анна Гуляева. Живое дыхание камня (2002) // «Ландшафтный дизайн», 15.03.2002).

Тем не менее обсуждаемая скрепа является именно средством текстовой связи. Такая квалификация скрепы объясняется следующим: из всего массива примеров, собранных из НКРЯ, на долю употреблений скрепы в составе сложного предложения приходится только 46 – 0,7% от всех употреблений. Важным является и тот факт, что, хотя по формальным признакам структуры типа (8) не являются текстами, они квалифицируются Русской грамматике 1980 как бессоюзные соединения предложений [17, с. 634], то есть структуры с относительно свободной связью между частями. Выбор знака – точка, запятая или точка с запятой – решение автора текста. В приведенном примере запятая может быть заменена на точку без нарушения и структуры, и смысла.

Независимо от союзного или местоименного компонента в составе скрепы, а также от местоположения – внутри сложного предложения или в тексте – функция у контекстных модификаций одна и та же.

Отношения между фрагментами текста, устанавливаемые скрепой *Другое дело, что*

Текстовая функция скрепы *Другое дело, что* обусловлена тем, что у фрагмента текста, вводимого этой скрепой, обязательно должен быть предшествующий (левый) контекст. *Другое дело, что* не может стоять в абсолютном начале текста – в НКРЯ такие факты не зафиксированы. Местоименное прилагательное *другое* в составе скрепы реализует анафорическую функцию. Как показано в работе В.Н. Носовой и И.П. Матхоновой, актуализация анафорической функции местоименного прилагательного «другой» «происходит в высказываниях, где точкой отсчета является свойство предмета или сам предмет, называемый в препозиции, в предтексте» [11, с. 71]. В текстах с описываемой скрепой «точкой отсчета» является представленная в предшествующем фрагменте текста целая ситуация. В таких контекстах наблюдается особый вид соотношения антецедента и анафора, который в определен как «соотношение старой и новой информации» [1]. Суть этого соотношения заключается в том, что анафор «другой» «вводит в рассмотрение новый номинат»: «событие, факт или объект, не тождественный событию, факту или объекту», который был ранее введен в рассмотрение [1, с. 120].

В случае контекстов со скрепой *Другое дело, что* формальное соотношение между предшествующим контекстом (антецедентом) и последующим, введенным скрепой, оказываются более сложными, чем описанные в работе О.Ю. Богуровской и И.А. Муральеваой [1], так как в рассматриваемых нами структурах анафор часто дублируется: во-первых, анафорическим выражением является часть скрепы – *другое дело*, и во-вторых, в последующем контексте функцию анафора дополнительно могут выполнять прямые лексические повторы (например, в (5) – лексический повтор существительного *роль*), синонимические замены (в примере (6) – *недовольные* / *недовольство*) или другие местоименные слова в анафорической функции (в примере (4) – местоимение *это*).

Анализ фактического материала позволил установить, что между предшествующим (левым) фрагментом текста и фрагментом, который вводится скрепой *Другое дело, что*, образуются отношения, в основе которых лежит противопоставление двух ситуаций. Ситуация-1 представлена в предшествующем контексте, Ситуация-2 названа в той части текста, который вводится скрепой. При этом обе ситуации представляют собой части общего положения дел, общей более крупной ситуаций. Они воплощают разные стороны этой общей ситуации. Отношения противопоставления имеют прямую номинацию в составе скрепы: как уже было сказано выше, значение местоименного прилагательного *другой* ('не этот, не данный') сохраняется в составе скрепы, тем самым семантическое ядро скрепы указывает на иной аспект, иную сторону общей ситуации. Например: (9). *Прогресс идет и его не остановишь. Другое дело – как определить меру для компьютера.* (Форум: Если подросток не хочет учиться (2013.01)).

В тексте (9) рассматривается тема «дети и компьютер», в рамках которой противопоставляются две ситуации: Ситуация-1: *использование компьютеров и весь прогресс, связанный с ним, невозможно остановить.* Ситуация-2: *важно ограничить количество времени, проводимого ребенком за компьютером.* Эти две ситуации противоположны и одновременно взаимосвязаны, это две стороны общей ситуации «компьютер в жизни ребенка».

Тот факт, что между фрагментами текста устанавливаются именно противительные отношения, подтверждается контекстами, в которых скрепа взаимодействует с союзом НО. В НКРЯ зафиксировано 46 таких употреблений, например: (10). *Ваше выступление уже многие успели назвать безошибочным. Согласны с этим? – Ошибки, конечно, были. Но другое дело, что соперники не сумели ими воспользоваться* (Г. Маковецкий. Мансур

Исаев: «Золото Олимпиады дороже \$1 млн» // Известия, 31.07.2012). В таких сочетаниях наблюдается семантическое соответствие (семантическое согласование) между скрепой и союзом. В то же время незначительное количество сочетаний с союзом НО на фоне большого количества фактов без союза показывает, что скрепа *Другое дело, что* способна самостоятельно оформлять противительные отношения, которые союз НО лишь подчеркивает и усиливает.

Одной из граней проявления отношений противительности является ограничение. Это позволило Н.П. Мельниченко включить *Другое дело, что* в состав средств выражения ограничительных отношений в тексте [10, с.104-105]. Однако, на наш взгляд, роль скрепы не сводится к выражению только ограничительных отношений.

Прагматическая составляющая скрепы *Другое дело, что*

Скрепа *Другое дело, что* всегда отражает позицию говорящего. Она используется говорящим не только для того, чтобы обозначить противопоставленность двух ситуаций. Противопоставление ситуаций часто приводит к тому, что одна из них оценивается как положительная, а другая – как отрицательная.

Например, в тексте (2) Ситуация-1: «*выступление в публичном интеллектуальном пространстве теоретиков-философов, а не популяризаторов и журналистов*» – это положительная сторона ситуации, что передается оценочной лексемой «правильно». Ситуация-2: «*нельзя доверять философу управление государством*» – это минус, на отрицательную оценку ситуации указывает предикат «нельзя».

В тексте (7) Ситуация-1 «*жизнь за пределами города*» – положительная и обозначается всем содержанием предложения, предшествующего скрепе: *жили бы с удовольствием бы жили поближе к природе и желательно в своем собственном доме*. Ситуация-2 – отрицательная: отсутствие медицинской помощи и хороших школ не позволяет достичь Ситуации-1.

Однако не во всех текстах со скрепой *Другое дело, что* оценка эксплицирована и выражена явно, с помощью прямых лексических маркеров. Оценка может быть имплицитной, скрытой, невыраженной. Кроме того, скрепа может вводить фрагмент текста, содержание которого допускает вариативность развития Ситуации-2. Например: (11). *С таким количеством незакрытых мишеней Слепцова в той гонке заняла последнее 30-е место. Но, кроме Мартена Фуркада и Дарьи Домрачевой образца-2015 в современном биатлоне нет спортсменов, которые могут обходиться без явных провалов. Они настигают практически всех. Другое дело – кто и как с ними справляется. Слепцова на последнем этапе Кубка IBU в итальянском Мартелле стала второй в спринте, блестяще прошла свой этап в смешанной эстафете и помогла команде победить.* (Финал Кубка мира по биатлону в Ханты-Мансийске: светлый лучик // Vesti.ru, 2016.03.14).

В тексте (11) речь идет о проблеме качества выступлений спортсменов в соревнованиях по биатлону. Ситуация-1: *все спортсмены могут совершить и совершают ошибки, которые приводят к неудаче в соревновании*. Ситуация 2: *спортсмены по-разному реагируют на неудачи*.

Ситуация-1 (провалы бывают практически у всех спортсменов) является отрицательной: слово «провалы» носит яркий отрицательный оттенок. Введенная скрепой часть «**кто и как с ними справляется**» не имеет оценочной семантики. Спортсмены могут по-разному реагировать на неудачи, одни исправляют свои ошибки и добиваются успеха, другим это

не удастся. Однако употребление скрепы *Другое дело, что* может дать понять говорящему, что ситуация, представленная после этой скрепы, может быть как положительной, так и отрицательной. В то же время при противопоставлении Ситуации-1 и Ситуации-2 на первое место в сообщении выходит возможность реализации ситуации с оценкой «плюс». Расширенный контекст демонстрирует именно положительное развитие ситуации.

Семантической особенностью скрепы *Другое дело, что* является то, что сама скрепа не заключает в себе положительную или отрицательную оценочную семантику. Однако с ее помощью говорящий сигнализирует о возможности смены знака: Ситуация-1 – положительная, Ситуация-2 – отрицательная, но может быть и наоборот. Аналогичное явление наблюдается в конструкциях с союзом *НО*: в них всегда присутствуют смена знака при оценке признака, но направление (минус/плюс или плюс/минус) зависит от конкретного контекста [18, с. 107]. Примеры:

Ситуация-1 «плюс», Ситуация-2 «минус». Текст (12). *Старая система производственных отношений обеспечивала подавляющему большинству людей некоторый **гарантированный заработок** и **низкий уровень конфликтности**. Можно было работать очень много и получать значительно меньше, чем ты заслуживаешь, но можно было и получать вполне приличную зарплату, а при этом отнюдь не «гореть на работе».* *Другое дело, что полная социальная безопасность ведет к **полной социальной безответственности**. Никто не хочет рисковать.* *Инициатива, нарушающая равновесие, как правило, **наказуема*** (Е. Г. Ясин, Б. Кагарлицкий. Эксперимент закончен. Что дальше? // «Знание — сила», 1987).

Ситуация 1 оценивается как положительная, что передается лексикой с положительным оттенком (в примере выделено жирным шрифтом), при этом словосочетание *низкий уровень* указывает на положительную оценку только в сочетании со словом *конфликтность*, то есть положительная оценка проявляется в контексте. Ситуация 2 оценивается как отрицательная, что выражается лексически в последующем после скрепы контексте.

Ситуация-1 «минус», Ситуация-2 «плюс». Текст (13). *Всем надоела формула, что театр живет циклами – это известно уже как трафарет, но тем не менее это так. Как человек: рождение, пик зрелости, умирание. И если театр – живой организм, а не мертвый со своими застывшими традициями, он тоже проходит эти циклы.* ***Другое дело, что** театр – это еще и птица Феникс, которая умирает и возрождается* (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)). Ситуация-1: театр может умирать, как человек – это «минус», отрицательная оценка ситуации. Ситуация-2: театр может возрождаться, как птица Феникс. Это «плюс».

Использование скрепы в текстах, части которых противопоставляются по принципу положительной – отрицательной оценки приводит к тому, что функция показателя смены знака закрепляется за скрепой, становится ее обязательной прагматической составляющей. И даже в тех контекстах, в которых оценка не поддерживается другими средствами, адресат получает определенный сигнал: для говорящего Ситуация-1 и Ситуация-2 различаются, и нужно понять, в какую сторону происходит смена знака.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

Скрепа *Другое дело, что* является текстовым средством связи, поскольку в

преобладающем количестве употреблений она функционирует на уровне текста. Незначительная доля употреблений в составе сложного бессоюзного предложения свидетельствует о том, что такие структуры близки текстovým.

Контекстные модификации скрепы *Другое дело, что* затрагивают структуру скрепы и связаны с возможностью замены союза *что* местоименными словами, при этом доля таких замен в целом не превышает 6% от общего количества употреблений скрепы, зафиксированных в НКРЯ.

Текстовая скрепа *Другое дело, что* и ее модификации устанавливают между связываемыми фрагментами текста противительные отношения. При этом противопоставленные ситуации являются частями некой общей ситуации. С помощью текстовой скрепы *Другое дело, что* вводится в рассмотрение новый аспект этой общей ситуации.

Текстовая скрепа *Другое дело, что* всегда отражает позицию говорящего. Прагматическая составляющая скрепы заключается в том, что с ее помощью говорящий передает личное мнение, оценивая две противопоставленные ситуации как положительную и отрицательную. Скрепа, таким образом, служит сигналом смены знака: полюс на минус или минус на плюс.

Библиография

1. Богуславская О.Ю., Муравьева И.А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. С. 78–128.
2. Ван С. Сферы действия текстовых скреп «мало того» и «мало этого» // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 439–442.
3. Ван Цяоши. Функционирование текстовых скреп *Теперь о* №6 и *И последнее* в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022. 211 с.
4. Инькова О.Ю. Семантика *между тем* в свете корпусных данных // MediAzioni. 2023. Т. 36. С. A233–A254.
5. Кобозева И.М. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты / И.М. Кобозева, Н. В. Сердобольская, А.И. Крюкова, Д.А. Пилюгина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9, № 4(36). С. 36–47.
6. Копотев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки и славянские культуры, 2016. 168 с.
7. Кузнецова Н.В., Почтарева О.В. Терминологический инструментарий описания связующих единиц русского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 21–33.
8. Лапынина Н.Н. Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизованных предикативных единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1996. 19 с.
9. Лапынина Н.Н. Об особенностях формирования корпуса текстовых скреп // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов Республиканской очно-заочной научной конференции. Макеевка, 2015. С. 78–83.
10. Мельниченко Н.П. Грамматические средства выражения ограничительных отношений в тексте // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора И.А.

- Фигуровского. Елец, 2019. С. 100–106.
11. Носкова В.Н., Матханова И.П. Функционирование местоимения *другой* и особенности его словарного представления // Вопросы лексикографии. 2021. № 22. С. 64–85.
 12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: А ТЕМП, 2006. С. 2944.
 13. Петроченко Т.В. Функциональные и семантические особенности текстовой скрепы «в этом смысле» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 9. С. 2877–2881.
 14. Пилюгина Н.Ю. Сочетание *в любом случае*: функционирование в тексте и прагматический потенциал // Научный диалог. 2022. Т.11. №1. С. 84–100.
 15. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. Владивосток: Дальневосточный университет, 2007. С. 334–344.
 16. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. № 2. Новосибирск: 2015. С. 134–141.
 17. Русская грамматика. В. 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
 18. Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток, 2001. 363 с.
 19. Суй Лина. Текстовые функции предикативной конструкции «дело вот в чем» в современном русском языке // Вестник филологических наук. 2022. Том 3. №2. С. 72–78.
 20. Суй Лина. Функции конструкции «дело в + Nб» в тексте // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 483–485.
 21. Шереметьева Е.С., Суй Лина. Текстовая скрепа *одно дело – другое дело*: особенности функционирования в предложении и в тексте // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Том 1, № 4. С. 9–16.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться, что «В XXI веке не ослабевает внимание лингвистов к единицам, выполняющим функции средств связи на разных уровнях: морфолого-синтаксическом, собственно синтаксическом, текстовом», «это внимание во многом объясняется тем, что в современной лингвистике прочно утвердилось понимание, сформировавшееся еще в XX веке: классы специальных связующих средств не ограничиваются рамками предлогов, функционирующих на морфолого-синтаксическом уровне, и союзов, обеспечивающих связь на синтаксическом и текстовом уровне. Эти средства значительно разнообразнее, они не укладываются в рамки двух названных классов». Цель рецензируемой статьи сводится к представлению результатов анализа структурных, синтаксических, семантических и прагматических свойств текстовой скрепы «Другое дело, что». Отмечу, что предметная область исследования соотносится с одной из рубрик издания, тема работы достаточно актуальна и нова. Как отмечает автор, «материалом для анализа послужили текстовые фрагменты, полученные с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ), материал собирался методом сплошной

выборки, а также с использованием опции «лексико-грамматический поиск» в основном, газетном и устном корпусах НКРЯ». При анализе языкового материала использованы «описательный и количественный методы исследования». Работа имеет законченный вид, дифференциация статьи на т.н. смысловые блоки вполне оправдана. Материал имеет как теоретический, так и практический характер. Отмечено, что «в ходе проведенного исследования были выявлены скрепы, семантически и функционально подобные скрепе «Другое дело, что», однако имеющие формальные отличия. Это отличие заключается в том, что место союза «что» может занимать местоименное слово, обычно выполняющее функцию союзного слова в сложном предложении, а именно: что-местоимение, кто, как, где, куда, насколько и другие. Необходимо сказать, что скрепы с местоименными заместителями союза представляют собой небольшой процент от общего количества фактов с описываемой скрепой и могут рассматриваться как контекстные модификации скрепы Другое дело, что. Выбор той или иной модификации скрепы зависит от содержания контекста, вводимого данной скрепой». Иллюстративный фон достаточен, разнообразен: например, «(2). Политическая теория является частью политической действительности, и этого никак нельзя избежать – даже при желании. Поэтому совершенно правильно, когда в публичном интеллектуальном пространстве выступают напрямую теоретики (вроде Хабермаса), а не популяризаторы и журналисты. Эти дополнительные усилия, предпринимаемые теоретиками, не позволяют, по крайней мере, оккупировать это пространство случайным субъектам (что, к сожалению, можно наблюдать именно в России). Другое дело, что философу, как известно после «Государства» Платона, нельзя доверять управление государством. Народ увлекающийся и, если верить Глюксману, тиранический. (О политической философии (2003) // «Неприкосновенный запас», 12.09.2003). В примерах (1), (2) что – союз», или «Отношения противопоставления имеют прямую номинацию в составе скрепы: как уже было сказано выше, значение местоименного прилагательного другой ('не этот, не данный') сохраняется в составе скрепы, тем самым семантическое ядро скрепы указывает на иной аспект, иную сторону общей ситуации. Например: (9). Прогресс идет и его не остановишь. Другое дело – как определить меру для компьютера. (Форум: Если подросток не хочет учиться (2013.01))» и т.д. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом, термины / понятия вводятся в режиме унификации. Тема работы раскрыта, основные задачи исследования решены. Текст не нуждается в серьезной правке, доработке. В финале автор приходит к следующим выводам: «скрепа Другое дело, что является текстовым средством связи, поскольку в преобладающем количестве употреблений она функционирует на уровне текста. Незначительная доля употреблений в составе сложного бессоюзного предложения свидетельствует о том, что такие структуры близки текстовым...», «текстовая скрепа Другое дело, что всегда отражает позицию говорящего. Прагматическая составляющая скрепы заключается в том, что с ее помощью говорящий передает личное мнение, оценивания две противопоставленные ситуации как положительную и отрицательную. Скрепа, таким образом, служит сигналом смены знака: полюс на минус или минус на плюс». Основные требования издания учтены, список источников полновесен. Рекомендую статью «Текстовая скрепа Другое дело, что: особенности функционирования» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Уланский Е.А. Обзор «Комментария к парибхашам» санскритского грамматиста Нилакантхадишиты // Litera. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.44222 EDN: ATITCF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44222

Обзор «Комментария к парибхашам» санскритского грамматиста Нилакантхадишиты

Уланский Евгений Александрович

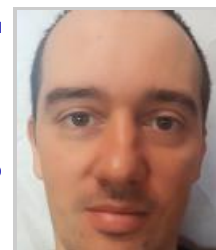
ORCID: 0000-0002-9710-8979

кандидат физико-математических наук

аспирант кафедры индийской филологии Института стран Азии и Африки Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ ulanskiy@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.44222

EDN:

ATITCF

Дата направления статьи в редакцию:

05-10-2023

Аннотация: Спустя некоторое время после составления древнеиндийским лингвистом Панини грамматики санскрита под названием «Восьмикнижие» ($\approx$ V в. до н. э.), комментаторы этого трактата стали формулировать многочисленные метаправила, способствующие верной интерпретации грамматических правил. Предметом настоящего исследования стали постпанинийские метаправила грамматики санскрита

«Восьмикнижие», также известные под названием «парибхаша» (*paribhāṣā*). Они описывают разработанный Панини метаязык, случаи технического использования выразительных средств языка в «Восьмикнижии», помогают разрешать противоречия, возникающие при чтении грамматических правил, расставляют приоритеты в последовательности осуществления грамматических операций. В многочисленных работах санскритских лингвистов осуществлялась подборка метаправил грамматики Панини, которые они сопровождали комментариями. Цель работы – произвести классификацию и указать назначение постпанинийских метаправил, перечисленных в одном из таких сборников. Материалом исследования стали метаправила, собранные и прокомментированные санскритским грамматистом XVII в. н. э. Нилакантхадикшитой (*Nīlakaṇṭhadikṣita*) в труде «Комментарий к парибхашам» (*Paribhāṣāvṛtti*). Метод работы – структурное и герменевтическое исследование текста. Несмотря на высокий интерес в России к индийской лингвистической традиции и обилие комментированных сводов метаправил грамматики санскрита как в панинийской школе, так и в других, полное содержание одного из таких сборников метаправил в русскоязычной литературе впервые осуществлено только в настоящей работе. В отношении сборника Нилакантхадикшиты «Комментарий к парибхашам» это исследование является первым и в западной литературе в целом. Помимо указания содержания метаправил «Восьмикнижия» была осуществлена их тематическая классификация, в результате которой метаправила были распределены по пяти группам. Помимо тематической была также приведена классификация метаправил и по другим, стандартным для подобного рода работ, признакам. В дополнение к этому собраны биографические сведения об авторе исследованного свода метаправил – грамматисте Нилакантхадикшите. Настоящая работа может быть полезна для исследователей классических произведений индийской лингвистики, в особенности «Восьмикнижия» Панини и комментариев к нему.

Ключевые слова:

санскрит, Панини, сутра, Восьмикнижие, метаправило, интерпретационное правило, парибхаша, Нилакантхадикшита, метаязык, грамматика

Работа выполнена в рамках НИР «Языковые системы народов Азии и Африки: особенности и проблематика» в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, номер договора: 118/10.02.22-1, номер ЦИТИС: 122041300079-5.

Введение

В середине первого тысячелетия до н. э. древнеиндийский лингвист Панини (**Pāṇini**) резюмировал накопленные южноазиатскими лингвистами сведения о грамматике санскрита в произведении «Восьмикнижие» (**Aṣṭādhyāyī**). Этот труд составлен в жанре *сутра* (**sūtra**), то есть состоит из кратких и ёмких высказываний, каждое из которых традиционно также называют сутрой. Панини применял множество искусственных технических обозначений и при помощи эллипсиса и других техник сжатия информации добивался максимальной краткости изложения.

Эти особенности жанра и стиля произведения Панини потребовали включения в него не только определений и правил грамматики санскрита, но и метаправил, которые излагались в *парибхашасутрах* (**paribhāṣāsūtra**), то есть сутрах интерпретационного характера. Метаправила описывают метаязык грамматики Панини и учат правильно читать и интерпретировать сутры «Восьмикнижия» ^[17]. Идея добавления в свой труд сутр

интерпретационного характера была, предположительно, рассмотрена Панини в Шраутасутрах [1, 11, 12, 21]. Нами был предпринят перевод парибхашасутр Панини, который мы снабдили необходимыми комментариями [3].

Метаправила, озвученные Панини, указывали на самые общие свойства его метаязыка, но при внимательном изучении «Восьмикнижия» учёные того времени столкнулись с многочисленными местами, допускающими неоднозначное толкование правил грамматики санскрита. В результате стали появляться комментаторские работы, в которых формулировались дополнительные метаправила, служащие для правильной интерпретации сутр Панини [17].

Первый из дошедших до нас комментариев «Восьмикнижия» составлен Катьяной (**Kātyāyana**, ≈ III в. до н. э.) и сохранился только в виде кратких тезисов, именуемых *варттика* (**vārttika**). Такие тезисы предполагают наличие более подробного комментария — *вритти* (**vṛtti**), который, по всей видимости, утрачен.

Составленный Патанджали (**Patañjali**, II в. до н. э.) «Большой Комментарий» (**Mahābhāṣya**) даёт подробное толкование сутр Панини, а также варттик Катьяны.

Каждая из восьми книг «Восьмикнижия» состоит из четырёх глав, и при цитировании принято указывать номер книги, главы и сутры.

Термин *парибхаша* (**paribhāṣā**), которым комментаторы называют метаправила грамматики Панини, не употреблялся в самом «Восьмикнижии». Он появляется в варттике 4 к сутре 1.1.69, а затем повторяется в варттике 3 к сутре 1.3.11 и в дальнейшем активно употребляется Патанджали и более поздними комментаторами.

«Большой Комментарий» содержит сотни новых метаправил, и спустя несколько веков санскритские грамматисты начали составлять и комментировать сводные списки метаправил, представляющих, по их мнению, необходимый минимум для интерпретации «Восьмикнижия». С тех пор этот процесс практически непрерывно продолжается вплоть до настоящего времени. Очень быстро он вышел за рамки собственно панинийской грамматической традиции, повторившись в различных грамматических школах, возникших в результате переработки труда Панини и создания собственных грамматических сутр [6, с. 6-11].

В панинийской традиции составлены многочисленные комментированные своды метаправил, среди которых первый из известных нам принадлежит Вьяди (**Vyāḍi**, ≈ IV в. н. э.). В средние века были авторитетны своды метаправил Пурушоттамадевы (**Puruṣottamadeva**, XII в. н. э.) и, особенно, Сирадевы (**Siradeva**, XII-XIII вв. н. э.). Следующие заметные работы в этом направлении составили грамматисты XVII-XVIII вв. н. э. Нилакантхадикшита (**Nīlakaṇṭhadīkṣita**) и Нагоджибхатта (**Nāgojibhaṭṭa**). Труд последнего, «Лунная диадема интерпретации» (**Paribhāṣenduśekhara**), и по сей день остаётся самым авторитетным комментированным сводом метаправил грамматики Панини [6, с. 11-32]. Существуют переводы на английский язык сводов метаправил Вьяди [22] и Нагоджибхатты [14].

Цель нашей статьи — дать обзор комментированного свода метаправил Нилакантхадикшиты «Комментарий к парибхашам» (**Paribhāṣāvṛtti**). Эта первая заметная работа за прошедшие после Сирадевы пять веков непосредственно предшествовала знаменитому труду Нагоджибхатты и оказала на него некоторое влияние. Поэтому исследование произведения Нилакантхадикшиты актуально для всех интересующихся

санскритской грамматической традицией и историей её развития. Аналогичный обзор сводов метаправил Сирадевы и Нагоджибхатты был осуществлён Луи Рену [\[19\]](#).

Биографические сведения о Нилакантхадикишита

Текст «Комментария к парибхашам» Нилакантхадикишита был опубликован дважды. Первое издание 1915 года под редакцией Г. Шастри вышло в городе Тривандрам — столице штата Керала на юге Индии и основано на двух манускриптах, написанных на пальмовых листах письмом малаялам, используемым в Керале [\[20\]](#). Второе издание осуществлено в 1967 году в сборнике Абхьянкара из семнадцати сводов метаправил разных авторов. Оно основано на первом издании и на ещё одном манускрипте [\[6\]](#).

Основываясь на месте хранения манускриптов и публикации работы Нилакантхадикишита можно предположить, что он был керальским брахманом. Косвенно это подтверждает часть его имени *дикишита* (**dīkṣita**), буквально означающая «посвящённый (посредством ритуала)» и часто содержащаяся в именах брахманов Южной Индии. Первая часть имени *Нилакантха* (**Nilakaṇṭha**), буквально «синегорлый», — знаменитый эпитет бога Шивы, отсылающий к мифу о пахтании молочного океана, в ходе которого появился смертельный яд, грозивший уничтожить всё творение, но выпитый Шивой и вызвавший посинение его горла («Рамаяна» 1.45.19-26, см. [\[2, с. 149-150\]](#)). Можно заключить, что Нилакантхадикишита был брахманом-шиваитом с юга Индии.

Из вводного стиха к «Комментария к парибхашам» ясно, что вторым именем Нилакантхадикишита было Нилакантха Яджван (**nīlakaṇṭhayaajvan**), а также, что его отца звали Варадешвара Яджван (**varadeśvarayaajvan**) или Варадешвара Макхин (**varadeśvaramakhin**). Вторая часть имени Яджван или Макхин буквально означает «отправитель ритуалов». Кроме того, встречается и ещё одно имя Нилакантхадикишита — Нилакантха Ваджапейин (**nīlakaṇṭhavājapeyin**), отсылающее к той же идее отправления ритуала.

В «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикишита цитирует названия четырёх других своих работ:

- «Освещение труда Панини» (**pāṇinīyadīpikā**) – комментарий на «Восьмикнижие»,
- «Выявление сути Комментария» (**bhāṣyatattvaviveka**) – комментарий на «Большой Комментарий» Патанджали,
- «Тайник установленных положений грамматики» (**vaiyākaraṇasiddhāntarahasya**) – комментарий на «Сиддхантакаууди» (**siddhāntakaumudī**) Бхаттоджидикишита,
- «Освещение скрытых смыслов» (**gūḍhārthadīpikā**) – комментарий на «Таттвабодхини» (**tattvabodhinī**) Джнянендры Сарасвати.

Арун Бхат исследовал главу «Тайника установленных положений грамматики», посвящённую сложным словам, в своей диссертационной работе [\[7, с. 1-2\]](#). В ней он приводит вводные стихи этого произведения Нилакантхадикишита, в которых содержится дополнительная информация о его родственниках. В них сообщается, что его отец учился в Варанаси у сына Аппайядикишита, а его деда звали Рамачандра Махендра. Достоверно известно, что Аппайядикишита жил с 1520 по 1593 год [\[18, с. 11-32\]](#). Поэтому можно утверждать, что Нилакантхадикишита жил в XVII веке.

Нилакантхадикишита в «Комментарии к парибхашам» сообщает также, что был учеником

Джнянендры Сарасвати — автора известного комментария «Таттвободhini» на знаменитое произведение «Сиддхантакаумуди» Бхаттоджидикшты. В Варанаси известна легенда о том, что Бхаттоджидикшта лично неоднократно просил Джнянендру Сарасвати составить этот комментарий [16, с. 411]. Поскольку сам Бхаттоджидикшта был учеником уже упоминавшегося Аппайядикшты и был при этом лично знаком с учителем Нилакантхадикшты, то можно подтвердить нашу оценку, согласно которой Нилакантхадикшта жил в XVII веке.

Классификация метаправил из свода Нилакантхадикшты

В «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикшта обсуждает 140 метаправил. Большинство из них дословно или почти дословно сформулированы в «Большом Комментарии» либо самим Патанджали, либо в цитируемых им варттиках Катьяны. Формулировки метаправил 18, 19, 21, 40, 48, 49, 51, 54, 57, 61, 63-65, 76-78, 80, 84, 87, 91-92, 96, 99-101, 108, 110, 115, 116, 119, 131, 132 и 134-140 из свода Нилакантхадикшты не встречаются в «Большом Комментарии».

По способу обоснования их корректности метаправила подразделяются комментаторами на **jñāpakasiddhā**, **nyāyasiddhā** (в том числе **lokanyāyasiddhā**) и **vācanikī** [19, с. 136-139].

К категории **jñāpakasiddhā** «достижимых с помощью признака» относятся метаправила, для которых в сутрах Панини может быть обнаружен признак (**jñāpaka**) — элемент, правило или процедура, кажущиеся, на первый взгляд, избыточными в «Восьмикнижии», но включение которых в текст сутр становится оправданным, если допустить, что Панини принимал во внимание данное метаправило [5, 8, 10, 13, 14]. Пример признака и осознаваемого с его помощью метаправила см. в нашей предыдущей работе [4, с. 261-266]. В «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикшты к категории **jñāpakasiddhā** отнесены метаправила 6-9, 11, 19, 20, 22-24, 27, 29, 34, 35, 38, 44, 51-55, 57-64, 67-75, 77-80, 83-87, 92, 95, 100, 103, 110, 112, 113, 117, 118, 127, 139.

Категория **nyāyasiddhā** (или, иначе, **yuktisiddhā**) «достижимых логическим рассуждением» представлена в своде Нилакантхадикшты метаправилами 3, 5, 16, 22, 25, 26, 38, 39-41, 43, 45, 46, 48-51, 76, 84, 91, 93, 96, 97, 99, 102, 114-116, 118-120, 128-130, 139, 140.

В категории осознаваемых с помощью логического рассуждения особо выделяют подкатегорию метаправил **lokanyāyasiddhā** «объяснимых общим правилом мироустройства». Для обоснования правомерности такого метаправила приводится пример из обычной жизни, в котором то или иное действие обусловлено той же логикой, которая помогает понять описываемые метаправилом законы грамматики [19, с. 136]. В качестве примера рассмотрим метаправило 4 из свода Нилакантхадикшты **yadāgamāstadguṇibhūtāstadgrahaṇena grhyante** «Обозначение некоторого элемента обозначает его вместе с наращениями, ставшими его неотъемлемой частью». Как подтверждение справедливости этого утверждения приводится пример из обычной жизни, когда человек по имени Девадатта, обладающий лишним органом тела по сравнению с нормой, обозначается своим именем «Девадатта» весь целиком, включая и дополнительный орган тела. В «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикшты к подкатегории **lokanyāyasiddhā** отнесены метаправила 4, 89, 90, 104-107, 109, 111.

Для метаправила категории **vācanikī** не приводят обоснования. Это самостоятельное авторитетное утверждение, справедливость которого устанавливается исследованием

разнообразных случаев, к которым оно применимо [19, с. 139]. В своде Нилакантхадикишты к категории **vācanikī** могут быть причислены метаправила 13, 15, 17, 28, 32, 36, 56, 81, 82, 98, 121-126.

В справедливости некоторых метаправил убеждаются с помощью процедуры **yogavibhāga** «разрезания правила». Она заключается в отсечении некоторой части формулировки определённой сутры Панини или нескольких соседних сутр и комбинировании из этих фрагментов высказывания, которое бы подкрепляло утверждение рассматриваемого метаправила. С помощью такой процедуры в «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикишты обосновываются метаправила 30, 31, 42, 126.

Иногда в своды включаются и такие метаправила, которые составитель считает ненужными. Это делается из педагогических целей, так как их обсуждение может оказаться полезным при осмыслении затрагиваемых в них явлений. В своде Нилакантхадикишты приведены, но отброшены после обсуждения, метаправила 18, 21 и 131-138.

Не все из приводимых грамматистами метаправил универсальны. Если применение метаправила в каких-то частных случаях приводит к некорректным построениям, то оно объявляется неуниверсальным (**anitya**) [6, с. 53]. В «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикишты неуниверсальными объявлены метаправила 14, 16, 19, 23, 38, 41, 42, 53, 57, 60, 61, 75, 80, 86, 88, 97, 100, 107, 126.

Содержание свода метаправил Нилакантхадикишты

В «Комментарии к парибхашам» Нилакантхадикишты нет строгого деления на главы или разделы, которые бы объединяли метаправила единой тематики, но порядок изложения метаправил не может быть назван хаотическим. Имеются довольно продолжительные последовательности идущих подряд метаправил, относящихся к одной теме, но для сохранения связности повествования такие последовательности прерываются отдельными метаправилами или даже группами метаправил, связанных с другими вопросами, но затрагивающих в той или иной степени и обсуждавшуюся тему.

Примечательно, что среди приводимых Нилакантхадикиштой 140 правил три относятся не к метаязыку, а к самому языку.

Сложные слова типа **dvandva** подразделяются на **itaretaradvandva**, между членами которого подразумевается сочинительная связь (ср. «хлеб-соль»), и **samāhāradvandva**, члены которого должны формировать единый объект (ср. «железобетон»). В «Восьмикнижии» перечислены случаи, в которых образуется **samāhāradvandva**. Но правило 22 из свода Нилакантхадикишты предписывает, что опционально любое сложное слово типа **dvandva** может быть трактовано как выражающее единственный объект.

Правило 129 указывает, что в случае сомнения, о скольких объектах идёт речь, должно употребляться множественное число. Например, прилагательное **dvitva** - «два или три» всегда согласовывается с именной или глагольной формой множественного (а не двойственного) числа.

Правило 134 утверждает, что наречиям присуща роль объекта действия, а также средний род и единственное число.

В отношении оставшихся 137 правил из свода Нилакантхадикишты, действительно

являющихся метаправилами, мы можем выделить, пусть и с достаточной степенью условности, четыре больших темы: об общих принципах устройства и интерпретации «Восьмикнижия»; о том, что в точности представляют из себя упоминаемые в сутрах Панини элементы; о приоритете одних предписаний «Восьмикнижия» над другими; об интерпретации сутры 1.1.72. Пятую группу образуют метаправила, касающиеся частных вопросов интерпретации грамматики Панини, не относящихся к означенным темам. Далее осуществляется обзор метаправил свода Нилакантхадикишты согласно выделенным нами темам.

Об общих принципах устройства и интерпретации «Восьмикнижия»

Важнейший принцип интерпретации грамматики Панини формулируется уже в метаправиле 1: даже если неоднозначность выглядит неустранимой, интерпретация должна осуществляться. Кажущуюся двусмысленность необходимо устранять с помощью логической или иной аргументации. Это метаправило приводится первым и в своде Нагоджибхатты.

Метаправило 2 указывает, что элемент, претерпевающий действие некоторой грамматической операции, не может одновременно провоцировать выполнение другой грамматической операции. При этом допускается существование взаимозависимых операций (метаправило 3).

Метаправила 10 и 19 описывают особенности осуществления процедуры *анувартана* (**anuvartana**), заключающейся в переносе некоторой порции формулировки сутры Панини в формулировки нескольких последующих сутр, что позволяет существенно сокращать объём произведения.

Метаправила 11-15 разъясняют, в каких случаях указываемые в сутрах элементы должны интерпретироваться с учётом значения, которое они несут. Это осуществляется вопреки предписанию, заданному сутрой 1.1.68, о необходимости в общем случае интерпретировать элементы, учитывая лишь их фонемный состав.

Метаправило 23 поясняет, что в «Восьмикнижии» имитация грамматического элемента ведёт себя так же, как оригинал. Например, в формулировке сутры 5.2.39 приводится форма множественного числа отложительного падежа от основы **yattadetad-**, полученной сложением основ трёх местоимений **yat**, **tad** и **etad**. И хотя в сутре указываются лишь названия местоимений, то есть приводится их имитация, а не употребляются сами местоимения-оригиналы, всё же упомянутая форма отложительного падежа образуется не по правилам, применимым к основам, оканчивающимся на согласный **d**, а по правилам для местоимения **etad**: **yattadetebyah**. Вопреки утверждению метаправила 23, метаправило 132 допускает, что имитация может отсылать к оригиналу, даже если в ней произошли некоторые изменения по сравнению с ним. Однако это метаправило отвергается Нилакантхадикиштой.

Метаправило 30 указывает, что любое правило грамматики Панини опционально для ведийского языка. «Восьмикнижие» приводит правила грамматики санскрита, применимые как для ведийского, так и постведийского извода. Для некоторых правил Панини явно указывает, что они действуют только для первого или только для второго из них. Но даже если он этого не делает для некоторого правила, в ведийском могут встретиться исключения из него.

Метаправило 51 сообщает, что формулируемые в сутрах предписания или запреты относятся к ближайшим правилам, а не к находящимся на отдалении.

Иногда в «Восьмикнижии» действие некоторого уже высказанного предписания в следующей сутре распространяется на дополнительные случаи с помощью употребления союза «и» (**ca**). Метаправило 57 говорит, что в таком случае в последующих сутрах по процедуре анувартана (см. выше) может сохраняться влияние только сутры, давшей исходное предписание, но не сутры, в которой описаны дополнительные случаи.

Метаправило 61 сообщает, что в определённых случаях можно не совершать некоторую грамматическую операцию, предвидя, что провоцирующие её выполнение факторы в ближайшем будущем исчезнут. Метаправило 64 формулирует в общем виде основание для применения метаправила 61: в случае исчезновения причин исчезают также и вызванные ими следствия. Метаправило 65 добавляет, что при этом отменяется действие даже уже осуществлённых грамматических операций.

Метаправило 75 указывает, что в результате совершения грамматической операции не должно разрушаться сочетание двух элементов, если осуществление этой операции провоцируется именно этим сочетанием. Если же два элемента были совместно предписаны сутрами Панини, то исчезновение одного из них автоматически влечёт исчезновение второго согласно метаправилу 77.

Метаправило 78 объясняет, что правила, в формулировке которых содержится технический термин, неуниверсальны. Это, разумеется, не касается правил, вводящих определение технического термина. Также неуниверсальны правила, предписывающие суффикс, помещаемый на конце сложного слова (метаправило 74), предписывающие наращение (метаправило 87) или предписанные для представителей ганы (метаправило 92) — одного из вспомогательных списков, прилагаемых к «Восьмикнижию» и служащих для отсылок в сутрах. Наконец, метаправило 119 сообщает о неуниверсальности не правил грамматики Панини, а постпанинийских метаправил — тех из них, которые достигнуты с помощью признака (см. выше).

Метаправило 84 описывает функционал метаправил. Они применяются непосредственно к самим предписаниям «Восьмикнижия», а не в случаях, когда к этим предписаниям лишь делаются отсылки в других правилах. Также метаправила 117-118 решают вопрос, необходимо воспринимать интерпретационные правила и правила, вводящие технический термин, там, где они сформулированы, или в момент осуществления операции, которая требует привлечения этих правил.

Метаправило 93 утверждает, что факультативные предписания в конкретных примерах либо обязательно выполняются, либо обязательно не выполняются. Например, сутрой 6.1.123 опционально предписывается подстановка **ava** вместо гласной **o** основы **go-** «корова» при сложении с основами, начинающимися с гласного. При этом в сложном слове **gavākṣa-** «окно» (буквально «коровий глаз») эта подстановка осуществляется обязательно.

Метаправило 96 предлагает считать указания Панини предписаниями в случаях, когда возникает сомнение, имеем ли мы дело с новым предписанием или ограничением, накладываемым на уже существующее предписание.

Метаправило 97 указывает, что при расширении сферы влияния предписания на некоторую общую категорию его влияние не распространяется на специфические особенности этой категории. Так, когда сутра 3.3.132 допускает употребление в определённом контексте формы прошедшего времени, то речь идёт об общем прошедшем времени, выражаемом формами аориста, а не об особых нюансах прошедшего времени, выражаемых формами имперфекта и перфекта.

Метаправила 111 и 112 формулируют очень важные принципы выполнения предписаний Панини. В конкретной грамматической ситуации предписанная сутрами операция осуществляется только один раз, причём она совершается даже в том случае, если её выполнение не приводит ни к каким изменениям. В этом смысле грамматисты уподобляют правила Панини дождю, который проливается как над сухой, так и над увлажнённой почвой.

Грамматисты довольно часто применяют процедуру разрезания правила, заключающуюся в выделении в отдельное правило лишь некоторой части формулировки той или иной сутры Панини ради обоснования возможности определённого грамматического построения. Метаправило 115 предписывает применять эту процедуру исключительно для осуществления корректных построений. Метаправило 138 утверждает, что Панини предпочитал не разрезание правила, а добавление лишнего слова в его формулировку, но Нилакантхадикишта отбрасывает это метаправило как безосновательное.

Согласно метаправилу 116, для Панини не важна краткость при употреблении синонимов. Это заключается из употребления в сутрах трёх разных выражений, указывающих на опциональность правила: **anyatarasyām**, **vibhāṣā** и **vā**. Отметим, что вопреки индийской грамматической традиции, считающей их абсолютно синонимичными, Кипарски полагает, что этими словами вводятся соответственно равноправный, менее предпочтительный и более предпочтительный варианты [\[15\]](#).

Заключительное во всём своде метаправило 140 сообщает, что грамматические операции могут осуществляться даже с опорой на будущее применение некоторых предписаний Панини.

О том, что в точности представляют из себя элементы в формулировках сутр

Указываемый сутрами элемент может обозначать не исключительно себя самого, но также и формы, которые могут получаться в результате некоторых изменений, происходящих с этим элементом. Например, метаправило 4, а также 81 и 82, объясняют, что при указании элемента может подразумеваться как он сам, так и этот же элемент, снабжённый каким-нибудь наращением (скажем, инфиксом или соединительным гласным).

При этом очень важно соблюдать принцип, сообщаемый метаправилом 5, заключающийся в том, что подлежащий замене элемент обозначает только себя самого без каких-либо подразумеваемых изменений.

Метаправила 6-8 указывают, что при добавлении грамматических помет к элементу не изменяется ни количественная мера, ни внешний облик этого элемента, в том числе не следует считать, что элемент стал оканчиваться на что-то новое, если грамматическая помета была присоединена к его концу. При этом, согласно метаправилам 69-70, элемент, приведённый в формулировке сутры с некоторыми грамматическими пометами или вообще без них, не может считаться обладающим другими грамматическими пометами.

Метаправило 16 утверждает, что предписанная в качестве замещающего элемента гласная или полугласная не подразумевает помимо себя ещё и других вариантов этой фонемы, хотя в общем случае это должно быть так по сутре 1.1.69.

Согласно метаправилам 38-39, упоминаемая в сутрах именная основа подразумевает

также ту же самую основу другого грамматического рода, но не в контексте предписаний по присоединению определённых падежных окончаний. Также по метаправилу 73 основы, образованные с помощью суффиксов, не меняющих смысл, могут иметь иные род и число по отношению к исходной основе.

Метаправило 40 поясняет, что род или число, в которых слово приведено в тексте сутры, не указывают на род или число той формы этого слова, которая будет построена в соответствии с предписанием этой сутры. Аналогично, тон или назализованность употреблённого в тексте сутры варианта фонемы, не указывают на невозможность реализации другого варианта этой же фонемы в результате выполнения предписания этой сутры (метаправило 107).

По метаправилу 41 употребление отрицательной или сравнительной частицы указывает хотя и на отличный, но в то же время достаточно похожий объект, а не на какой угодно иной или лишь отдалённо похожий объект.

Метаправило 55 сохраняет за элементом статус, которым он обладал ранее, если приобретённый им в результате осуществления некоторой операции новый статус неуместен в рассматриваемый момент. Допустим, для образования причастия долженствования два разных суффикса присоединяются к глагольной основе в зависимости от того, оканчивается она гласной или согласной. Но перед присоединением любого из этих двух суффиксов отбрасывается конечная **а** по сутре 6.4.48. Однако после отбрасывания **а** основа не приобретает статус оканчивающейся на согласную, так как в этом случае выбор между суффиксами причастия утрачивает смысл.

Метаправила 67-68 объясняют, что в контексте предписаний тонического ударения должны рассматриваться только гласные обсуждаемого элемента, а согласные в этот момент предстают несуществующими.

В «Восьмикнижии» элементам, которые исключительно из соображений очевидности не подпадают под некоторое определение, может быть присвоен статус подпадающих под это определение. Например, местоимённая основа **а**- приобретает неочевидный для неё статус основы, оканчивающейся на **а**. Метаправило 72 исключает из множества элементов, способных получить статус подпадающего под обозначение, именные основы, если к ним предписывается присоединение суффикса.

Метаправила 76 и 85 указывают, что приводимый в сутрах глагольный корень, помимо себя самого, подразумевает и основу интенсива парасмайпада, а также основу каузатива, образованную от этого корня. Согласно же метаправилу 80, если конкретный глагольный корень приводится в формулировке сутры, то предписываемая операция должна осуществляться только для построения личных глагольных форм от этого корня. Метаправило 83 добавляет, что при неопределённости, подразумевается ли глагольный корень, присоединяющий для образования основы настоящего времени нулевой или ненулевой суффикс, необходимо считать, что указан присоединяющий ненулевой.

Если употребляемое в сутрах слово имеет как терминологическое, так и нетерминологическое значение, то в первую очередь его надо трактовать как термин и, только если это невозможно, — прочитывать в стандартном значении (метаправило 88). Если же у слова могут быть два значения — одно, сложившееся в употреблении, и второе, выводимое из смысла отдельных частей слова, то понимать его следует в первом из них (метаправило 91). Когда упоминаемый в сутре элемент может быть суффиксом или чем-то ещё, необходимо считать, что это суффикс (метаправило 98). Если же в сутре упомянуто несколько слов и у одного из них может быть значение как близкое к

остальным, так и не близкое, то следует прочитывать его в близком к остальным значении (метаправило 99). К этой группе следует отнести и отброшенное Нилакантхадикиштой как безосновательное метаправило 135, согласно которому при неопределённости, указано ли слово, происходящее из учения или происходящее из употребления, следует считать, что указано только происходящее из учения (под которым понимается «Восьмикнижие» со всеми его приложениями).

Метаправила 100-101 утверждают, что устанавливаемая при прочтении сутры семантическая связь должна осуществляться со словами, провозглашёнными в тексте самой сутры, а не с привлекаемыми по процедуре анувартана или посредством заголовочных сур, задающих определённый контекст в заданном диапазоне сур «Восьмикнижия».

Метаправило 102 указывает, что правила применяются к грамматическим единицам в точности того вида, который приводится в тексте сур, а не к единицам, способным приобрести такой вид в результате применения других правил. Например, **p ā** в тексте сутры 2.4.77 отнесено исключительно к корню **p ā** глагола «пить», а не к корню **pai** глагола «сушить», приобретающему вид **pā** в результате применения предписания сутры 6.1.45. Однако это не касается грамматических единиц **gā**, **dā** и **mā** (метаправило 103).

Метаправила 104-106 обсуждают вопрос, относится ли предписание сутры к каждому из нескольких перечисленных в ней объектов или к их совокупности.

Обычно в «Восьмикнижии» объясняется смысл, приносимый суффиксом, присоединение которого предписывается сурой. Если этого не сделано, то после присоединения суффикса основа сохраняет имевшийся у неё смысл (метаправило 114).

Согласно сутре Панини 1.1.56, замещающее сохраняет статус, которым обладало замещаемое. Метаправило 125 добавляет, что это верно и в отношении элемента, лишь для некоторой части которого было предписано изменение: получившийся после этого изменения элемент сохраняет статус, имевшийся у исходного элемента.

Метаправило 131 утверждает, что фонема, сопровождаемая в тексте сутры грамматической пометой **ụ**, передаёт помимо себя все смычные того же места образования. Это метаправило избыточно при правильной интерпретации сутры Панини 1.1.69 и приводится Нилакантхадикиштой только для того, чтобы указать, что приверженцы этого метаправила интерпретируют сурту 1.1.69 неправильно.

Метаправило 139 уподобляет суффиксы женского рода, например **-ā**, эмбриону в том смысле, что даже если они предписываются для формы, снабжённой падежным окончанием, они должны помещаться посередине между основой и окончанием.

О приоритете одних предписаний «Восьмикнижия» над другими

Довольно часто в некоторой грамматической ситуации может быть осуществлено предписание сразу нескольких сур Панини. Для тех случаев, когда очерёдность их выполнения существенно сказывается на результате, требуются метаправила, расставляющие приоритеты в последовательности осуществления предписаний «Восьмикнижия».

Метаправило 24 отдаёт предпочтение правилам выбора личных глагольных окончаний парасмайпада или атманепада над предписаниями по присоединению к глагольным корням суффиксов, формирующих основу настоящего времени.

Важный принцип построения цепочки правил Панини, применяемых в определённой грамматической ситуации, формулируется метаправилем 25: когда одно из двух одновременно применимых и взаимоисключающих правил по тем или иным соображениям отвергается, то оно отвергается навсегда и, даже если впоследствии возникают допускающие это условия, оно не применяется за исключением частных случаев, указываемых метаправилем 26.

Метаправило 27 утверждает, что грамматические операции типа антаранга могущественней операций типа бахиранга, а метаправило 58 сообщает, что во время осуществления операции антаранга операция бахиранга предстаёт как ещё не осуществлённая. Нагоджибхатта объединил эти два метаправила в одно и дал более точное и последовательное определение понятий антаранга и бахиранга, чем его предшественники. Подробнее об этом, возможно, самом известном метаправиле грамматики Панини см. нашу работу [\[4\]](#). Метаправило 59 уточняет, что отношение бахиранга и антаранга не следует рассматривать в отношении расположенных подряд гласных. Кроме того, бахиранга-операция по присоединению суффиксов <л>ya<р> или lu<k> приоритетнее даже антаранга-операции (метаправила 62-63; скобочками <> обозначены грамматические пометы Панини, присоединяемые к различным элементам). Также операция, касающаяся главного объекта, осуществляется прежде операции, относящейся к второстепенному объекту, даже если последняя имеет статус антаранга (метаправило 89).

Метаправила 28-29 решают вопрос, соединяется ли глагольный корень в первую очередь с суффиксом или с превербом.

Если в формулировке сутры одновременно присутствуют формы отложительного и местного падежа, то преимущество отдаётся операции, на которую указывает форма отложительного падежа (метаправило 37).

Метаправило 42 указывает на первоочерёдность правил, служащих образованию основы сложного слова, в отношении правил по присоединению к конечному члену сложного слова суффиксов женского рода или падежных окончаний.

Метаправила 43-47 описывают взаимоотношения между общим правилом и правилом-исключением.

Метаправило 48 не только определяет правило-исключение как предписание, действующее внутри области действия другого, более общего, предписания, но также сообщает, что правило-исключение блокирует общее правило, то есть отвергает его навсегда (см. выше метаправило 25). Более того, правило-исключение, даже если появление причин для его применения только ожидается, блокирует общее правило, причины для применения которого уже наличествуют (метаправило 66). Метаправило 49 поясняет, что если правило-исключение сформулировано в «Восьмикнижии» раньше нескольких более общих правил, то оно блокирует только расположенное поблизости от него общее правило, а не следующие далее. Если же правило-исключение сформулировано между общими правилами, которые оно могло бы блокировать, то оно блокирует предшествующее правило, а не последующее (метаправило 50). При этом правила, касающиеся модификаций удвоительного слога, не блокируют друг друга (метаправило 52).

Метаправило 60 указывает, что операция, относящаяся к основе, приоритетнее операции, относящейся к фонемам.

Метаправило 90 утверждает, что операция по присоединению окончаний, продиктованных глагольным управлением, приоритетнее операции по присоединению окончаний, продиктованных специфическим управлением в словосочетаниях.

Присутствующая в тексте некоторой сутры словоформа, не совпадающая с формой, которая была бы построена по правилам, блокирует применение этих правил в отношении этой формы (метаправило 109), но не во всех случаях (метаправило 110).

Метаправило 113 сообщает, что вводимые в «Восьмикнижии» запреты приоритетнее любых других правил.

Согласно метаправилу 130, тон, предписанный с помощью грамматической пометы <с>, могущественней тона, предписанного с помощью грамматической пометы <р>.

Метаправило 133 утверждает, что операция подстановки типа сампрасарана (подстановка гласных **i**, **u**, **ṛ** вместо полугласных **y**, **v**, **ṛ** соответственно) приоритетнее других операций. Это метаправило отбрасывается Нилакантхадикиштой как безосновательное. Также были отброшены метаправила 136-137, отдающие высший приоритет операции по добавлению соединительного **i** и операции по обнулению какого-либо грамматического элемента.

Об интерпретации сутры 1.1.72

Сутра 1.1.72 «Восьмикнижия» формулирует важный принцип изложения трактата Панини. Он заключается в том, что всякое предписание грамматики Панини относится не только к элементу, непосредственно указанному в формулировке сутры, но и к любой форме, оканчивающейся этим элементом. Разумеется, существуют определённые нюансы применения этого принципа, которым Панини следовал, не формулируя их эксплицитно. Последователями Панини они были высказаны явно, и далее следует их изложение в трактовке Нилакантхадикишты. Часть их сгруппирована вместе, например метаправила 31-36, остальные возникают в местах, где обсуждаются те или иные темы, актуальные также и для интерпретации сутры 1.1.72.

Метаправило 13 указывает, что сутра 1.1.72 применяется с учётом значения, которое несёт указанный в сутре элемент, если только это не отдельная фонема. Это происходит вопреки предписанию сутры 1.1.68 (см. выше описание метаправил 11-15). Например, указанный в сутре 6.4.12 элемент **han-** подразумевает только основы, оканчивающиеся корнем **han-** глагола «убивать», но не основу **plīhan-** «селезёнка», имеющую на конце тот же набор фонем. Метаправило 15 уточняет, что при указании в сутрах суффиксов **-an**, **-in**, **-as** или **-man** сутра 1.1.72 применяется как с учётом их значения, так и без.

Если указываемый в сутре элемент обозначает одну фонему и приведён в форме местного падежа, то сутра 1.1.72 к нему не применяется, но предписание, касающееся этого элемента, справедливо для любой формы, начинающейся с этого элемента (метаправило 17).

Метаправило 31 утверждает, что, если сутра 1.1.72 применяется к суффиксу, то он обозначает совокупность из самого этого суффикса и того элемента, к которому предписано его присоединение. Но когда правило не является предписанием по присоединению суффикса, а только описывает условия, сопровождающие это присоединение, причём это делается за счёт употребления отложительного падежа, то суффикс обозначает исключительно себя самого (метаправило 32). Также и суффикс, упомянутый в формулировке сутры, вводящей технический термин, обозначает только

себя самого (метаправило 34). В случае, если основа, обозначаемая по сутре 1.1.72 своим конечным суффиксом, присоединяет ещё и суффикс женского рода, то исходный суффикс может обозначать не только всю эту основу, но и более длинную основу, наращенную за счёт словосложения, если только в полученном сложном слове исходная основа не оказывается по смыслу в подчинённом положении (метаправило 33). Аналогично суффикс первичного словообразования может обозначать не только совокупность из самого себя и той основы, к которой предписано его присоединение, но также и совокупность, где эта основа была наращена за счёт словосложения с префиксальным или падежно управляемым членом (метаправило 35).

Сутра 1.1.72 применима к основам, упоминаемым в формулировках сутр, попадающих в диапазон действия заголовков **aṅga** «основа» или **pada** «словоформа» (метаправило 36), а также **uttarapada** «последний член сложного слова» (метаправило 108), но неприменима к именным основам, упоминаемым в формулировках сутр, предписывающих присоединение суффикса (метаправило 71).

Сутра 1.1.72 не применяется в отношении правил, касающихся словосложения или добавления суффикса, за исключением описанных выше случаев (метаправило 121), а также случаев, когда упомянутый в сутре элемент состоит из одной фонемы или имеет грамматическую помету <u>, <ṛ> или <!> (метаправило 122).

Частные вопросы интерпретации «Восьмикнижия»

Сутра 1.1.62 указывает, что операция, причиной которой выступает некоторый суффикс, должна быть выполнена, даже если предписано отбрасывание этого суффикса. Метаправило 9 уточняет, что этого не происходит, если причиной операции служили отдельные фонемы суффикса, а не суффикс как таковой.

Существует дополнение к «Восьмикнижию» — это свод правил суффиксального словообразования, именуемый «Унади-сутры» (**uṇādisūtra**). Метаправила 20 и 21 исследуют вопрос, анализируемы ли в рамках грамматики Панини элементы, образованные по правилам «Унади-сутр».

Сутра 3.1.94 указывает, что на протяжении всей последующей части третьей книги «Восьмикнижия» любой суффикс служит равноправной альтернативой другому суффиксу, который был бы заблокирован по правилам изложения грамматики Панини, если бы это происходило в других частях «Восьмикнижия». Но это не относится к суффиксам женского рода и случаям, когда эти два суффикса одинаковы по форме. Метаправила 53-54 уточняют, что указание сутры 3.1.94 также не относится к предписаниям суффиксов <**kṛt a**> (сутра 3.3.114), <**lyuṭ**> (сутра 3.3.113), <**yuc**> (сутра 3.3.128), <**tum<un>**> (сутра 3.3.158), а также суффиксов, называемых **tācchīlīka**, которые привносят смысл обладания той или иной природой и предписываются сутрами 3.2.134-177. Метаправило 79 дополнительно сообщает, что в отношении суффиксов **tācchīlīka** осуществляются правила, применимые к суффиксу <**aṇ**> (вводимому сутрой 3.2.1).

Метаправило 56 утверждает, что предписания, относящиеся к элементам, выраженным с помощью сложного слова типа **bahuvrīhi**, могут затрагивать и элементы, составляющие части этого сложного слова. Сложные слова типа **bahuvrīhi** — это посессивные сложные слова, указывающие на обладателя предмета или свойства, характеризуемого компонентами сложного слова. Само санскритское наименование такого типа сложных слов служит его примером. Прилагательным **bahuvrīhi-** характеризуют богатого человека, буквально «имеющего много (**bahu-**) риса (**vrīhi-**)». В общем случае, как и в этом примере, означаемое такого сложного слова не имеет прямой связи с означаемыми

его компонентов (на это указывает сутра 2.2.24). Но в рамках «Восьмикнижия» это может не соблюдаться. Например, технический термин **dhātu** вводится сутрой-определением 3.1.3 **bhūvādayaḥ dhātavaḥ** «техническое имя **dhātu** получают элементы, у которых начальный элемент это **bhū-**», то есть техническое имя **dhātu** присваивается каждому глагольному корню из приложенного к «Восьмикнижию» списка, возглавляемого глагольным корнем **bhū-** «быть, становиться». Если следовать указанию сутры 2.2.24, то сложное слово **bhūvādayaḥ** «у которых начало (**ādi-**) это **bhū-**» должно обозначать нечто отличное от означаемых его компонентов, то есть, в частности, не затрагивать сам корень **bhū-**. С помощью метаправила 56 техническое имя **dhātu** получает и этот глагольный корень.

Метаправило 86 указывает, что после выполнения правила, предписанного одной из сутр, попадающих в диапазон действия заголовка **aṅga** «основа», не должны выполняться правила, предписанные другими сутрами из того же диапазона.

Сутра Панини 1.1.52 говорит, что в случае предписания подстановки для некоторого элемента она должна по умолчанию осуществляться вместо конечной фонемы этого элемента. Метаправило 95 уточняет, что это касается только элементов, несущих смысл, за исключением удвоительного слога. Если же в формулировке сутры указано, что предписание касается неконечной фонемы элемента, то оно должно осуществляться в отношении непосредственно предшествующих ей фонем (метаправило 94).

Заголовочная сутра 6.1.84 объявляет, что вплоть до сутры 6.1.112 единый замещающий элемент будет подставляться вместо сочетания конечного элемента одного слова или части слова и начального элемента другого при их соприкосновении в слитном потоке речи. Сутра 6.1.85 добавляет, что этот единый замещающий элемент следует считать одновременно конечным элементом первого слова или части слова и начальным элементом второго. Метаправила 120 и 123 поясняют, что предписание сутры 6.1.85 не выполняется в случае, если некоторая грамматическая операция зависит одновременно от конечного и начального элемента, а также если она зависит от одной фонемы — конечной в конечном элементе или начальной в начальном.

Сутра 8.2.1 придаёт статус ещё не осуществлённой любой операции, предписанной сутрой из глав 2-4 заключительной книги «Восьмикнижия», по отношению к операции, предписанной более ранней сутрой и применяемой к тому же самому элементу. Метаправило 126 поясняет, что такой статус не приобретается в отношении операций удвоения. Подробно функционирование правила 8.2.1 исследовано Бёйсколом [\[9\]](#).

Сутра 1.1.57 предписывает считать обладающим тем же статусом, что и гласная фонема, элемент, заместивший эту гласную, если замена была спровоцирована следующим за этой гласной элементом. Причём это предписание выполняется только в отношении операций, осуществляемых над элементами, расположенными левее той позиции, на которой произошло замещение гласной. Метаправило 124 уточняет, что предписание касается только расположенного левее элемента, находившегося там ещё до замещения гласной фонемы, а не возникшего в результате операции, спровоцированной этим замещением. Также это предписание не относится к операциям, описанным в сутрах из последних трёх глав заключительной книги «Восьмикнижия» (метаправило 128).

Сутра 1.1.59 предписывает в отношении операции удвоения считать обладающим тем же статусом, что и гласная фонема, элемент, заместивший эту гласную, если удвоение провоцируется следующим за этой гласной элементом, который начинается также с гласной. Метаправило 127 расширяет действие этого предписания на случай, когда

следующим за этой гласной является не провоцирующий удвоение элемент, а суффикс каузатива <ण>і.

Библиография

1. Мютель, М. В. К истории понятия определения в индийской мысли (вьякарана и классическая ньяя). История философии. Т. 11. М.: ИФ РАН, 2004. С. 37-54.
2. Рамаяна, тома I-II. Перевод П. А. Гринцера. Москва: «Наука», научно-издательский центр «Ладомир», 2006. 892 с.
3. Уланский Е. А. Интерпретационные правила (paribhāṣā) у Панини. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 18, № 2, 2022. С. 252-281.
4. Уланский Е. А. О главном метаправиле санскритской грамматики Панини // Litera. – 2022. – № 8. С. 259-270.
5. Уланский Е. А. Средневековая традиция интерпретации правил грамматики Панини. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 4-13.
6. *Abhyankar, K. V.* Paribhāṣāsaṃgraha (a collection of original works on Vyākaraṇa Paribhāṣās). Poona 4: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1967.
7. *Bhat, A.* A Critical Edition and Study of Samasaparakarana of Sukhabodhini a commentary on Siddhantakaumudi by Sri Nilakantha Vajapeyī. Ph.D. Thesis. Central Sanskrit University. Karnaṭaka: 2020. 318 p.
8. *Boudon, P.* Une Application du raisonnement par l'absurde dans l'interpretation de Pāṇini (les jñāpakasiddhaparibhāṣā). Journal asiatique. No 230, 1938. P. 65-121.
9. *Buiskool, H. E.* Pūrvatrāsiddham: Analytisch onderzoek aangaande het systeem der Tripādī van Pāṇini's Aṣṭādhyāyī. Amsterdam: H. J. Paris, 1934. XVI + 210 pp.
10. *Candotti, M. P., Pontillo, T.* From Commentary to paribhāṣās: Kātyāyana and Patañjali vis-à-vis Vyāḍi. Asiatische Studien-Études Asiatiques, Vol. 72, no. 2, 2018. P. 515-566.
11. *Chakrabarti S. Ch.* The Paribhāṣās in the Śrautasūtras. Calcutta: Sanskrit Pustak Bhandar, 1980.
12. *Chierichetti, P.* The paribhāṣās in the Śrautasūtras: Problems, Opportunities and Premises for an Investigation. Asiatische Studien-Études Asiatiques. Vol. 72, no. 2, 2018. P. 459-487.
13. *Goldstücker, Th.* Pāṇini: His place in Sanskrit literature. London: N. Trübner and co., 1861.
14. *Kielhorn, F.* The Paribhāṣenduśekhara of Nāgojībhaṭṭa. Vol 2. Bombay: Indu-Prakash press, 1874.
15. *Kiparsky, P.* Pāṇini as a variationist. Poona: 1980. XII + 304 p.
16. *Mīmāṃsaka, Y.* Saṃskṛta vyākaraṇa-sāstra kā itihāsa. Vol. 1. Bahālagarha, Harayāṇā: Rāmalāla Kapūra Trastā, 1973.
17. *Misra, V. N.* The descriptive technique of Pāṇini. An introduction. Janua Linguarum. Series Practica, The Hague, Paris: De Gruyter Mouton, 1966.
18. *Ramesan, N.* Sri Appayya Dikshita. Hyderabad: 1972. 203 p.
19. *Renou, L.* Le paribhāṣenduśekhara. Études védiques et pāṇinéennes. Vol. 2. Paris: E. de Boccard, 1956. P. 132-149.
20. *Sāstrī, G.* The Pāribhāṣhāvṛtti of Nīlakaṇṭha Dīkshita. Trivandrum Sanskrit series, Vol. XLVI. Trivandrum: 1915. 69 p.
21. *Staal, F.* The Concept of Metalanguage and its Indian Background Introduction. Journal of Indian Philosophy Vol. 3 (3-4). New York City: Springer, 1975. P. 315-354.

22. *Wujastyk, D. Metarules of Pāṇinian grammar: the Vyāḍīyaparibhaṣāṁṛtti: critically edited with translation and commentary. Part II. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 2017.*

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Обзор «Комментария к парибхашам» санскритского грамматиста Нилакантхадикшиты» предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения комментариев к одному из основополагающих источников языкознания – грамматики санскрита «Восьмикнижие». Кроме того, исследование произведения Нилакантхадикшиты актуально для всех интересующихся санскритской грамматической традицией и историей её развития.

Цель рецензируемой статьи — дать обзор комментированного свода метаправил Нилакантхадикшиты «Комментарий к парибхашам».

Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Эмпирической базой явились тексты на санскрите, объем корпуса является релевантным для подтверждения авторской гипотезы.

Автор обращается к тексту «Комментария к парибхашам», который выдержал два издания: первое издание 1915 года под редакцией Г. Шастри, основанное на двух манускриптах, написанных на пальмовых листах письмом малаялам; второе издание 1967 г., основанное на первом издании и на ещё одном манускрипте.

Автор иллюстрирует сказанное языковыми примерами с подробным пояснением. Однако автор не приводит информации об объеме отобранного корпуса в целом. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В качестве основных методов исследования применяется сравнительно-сопоставительный, контент-анализ, обобщение и др. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, недостатком является отсутствие информации о разработанности темы в теории языкознания, что помогло бы понять авторский вклад в решение заявленного вопроса.

Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены труды как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Собственно говоря, крайне мало отечественных работ в списке литературы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в

дальнейших исследованиях. Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Обзор «Комментария к парибхашам» санскритского грамматиста Нилакантхадикшиты» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Pre-translation analysis and translation strategy as components of the translation process

Tetenova Mariia Aleksandrovna

Postgraduate student, The Higher School of Translation and Interpreting, Moscow State University

119234, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, building 51

✉ tetenova.mariia@gmail.com

Abstract. The subject of the study is pre-translation analysis and the process of choosing a translation strategy, since these stages are among the primary ones in building the translation process.

The author examines in detail such aspects of the topic as the impact on both the translation process and the approach to it, and, subsequently, on the final translation product, which only emphasizes their importance in the translation system. Special attention is paid to the theoretical database of concepts and the chronology of the formation of concepts and terms, as well as to various translation models, within which the author highlights the place and function of pre-translation analysis. The main conclusions of the study are statements about the primacy of the stages of pre-translation analysis and the formation of a translation strategy in most existing translation models.

A special contribution of the author to the research of the topic is an attempt to accumulate examples of argumentation of the translation strategy by ancient authors as evidence of a much earlier formation of concepts than terms.

The novelty of the research consists in an attempt to create a chronological base for the formation of concepts and terms and the accumulation of historical artifacts for the subsequent systematization of knowledge about the processes of pre-translation analysis and the formation of a translation strategy, which will subsequently become not only the basis for translation, but also a reflection of the professional motivation of the translator.

Keywords: intercultural interaction, translation process, translation model, linguistics, translation studies, theory of translation, translation strategy, translation motivation, pre-translational analysis, translation

References (transliterated)

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. Ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv fak. vyssh. ucheb. zavedenii. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SpbGU; M.: Akademiya, 2004. 352 s.
2. Brandes M.P., Provotorov V.I. Predperevodcheskii analiz teksta. – M.: NVITezaurus, 2001. – 224 s.
3. Vitrenko A.G. O «strategii perevoda» // Vestnik MGLU. 2008. Vyp. 536: Sopostavitel'naya lingvistika i voprosy perevoda / otv. red. D.I. Ermolovich. 317 s.
4. Garbovskii N.K. Istoriya perevoda : praktika, tekhnologiya, teorii. Ocherki po istorii perevoda / N.K. Garbovskii, O.I. Kostikova. – Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. – 318 s.
5. Garbovskii N.K. Teoriya perevoda // Uchebnik. M.: Izdvo Mosk. unta, 2004. 544 s.

6. Gellii Avl. Atticheskie nochi. Knigi I-X. (istochnik: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90/avl-gellij/atticheskie-nochi-knigi-i---x>) (data obrashcheniya: 05.10.2022)
7. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie. M.: ETS, 2001, 424 s.
8. Kostikova O. I. K osnovaniyam perevodcheskoi kritiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. – 2008. – № 1. – S. 82-91.
9. Min'yar-Beloruhev R.K. Kak stat' perevodchikom? M.: «Gotika», 1999. – 176 s.
10. Sdobnikov V.V. Perevod i kommunikativnaya situatsiya: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2015. 464 s.
11. Tsitseron, Mark Tullii. Polnoe sobranie rechei v russkom perevode (otchasti V.A. Alekseeva, otchasti F.F. Zelinskogo) / Red., vved. i primech. F. Zelinskogo: A.Ya. Liberman, 1901.
12. Shveitser A.D. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty. – M.: Nauka, 1988. 215 s.
13. Shleiermakher F. «O raznykh metodakh perevoda» perevod N.M. Bernovskoi pod red. A.L. Borisenko i A.Yu. Zinov'evoi // Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 9, Filologiya, 2000, 2.
14. Dimitrova B.E. Expertise and Explication in the Translation Process. Stockholm. 2005. – 295 pp.
15. Horguelin P. A. Antologie de la manière de traduire. Domaine française. Montréal. Liguattech, 1981. – 230 pp.
16. Nord C. Text Analysis in Translation: theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis. – Amsterdam: Rodopy, 2005. – 274 pp.
17. Venuti L. The Translator's Invisibility, London, New York, 1995. – 336 pp.

To the formation of ethnic image in the media: an attempt at periodization

Semenova Varvara Sergeevna

Postgraduate student, Department of Mass Communications, RUDN University

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1132223754@pfur.ru

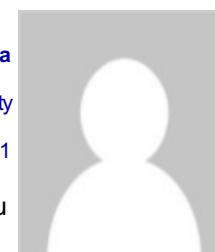

Lazutova Natal'ya Mikhailovna

Senior Researcher, Department of Digital Journalism, Journalism Faculty, Lomonosov Moscow State University

121009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 1

✉ n.m.rom@yandex.ru

Abstract. The article studies the process of modeling of ethnic image in the Russian media space. The media texts of the "Argumenty i Fakty" portal were used as empirics. The aim is to create a periodization for studying the processes of media communication in the formation of national image. The article reveals linguistic and stylistic peculiarities of the content and specificity of emotional and evaluative elements of the format of AiF journalistic materials about representatives of Caucasian ethnic groups, and states the presence of destructive stereotypes in media texts. The relevance of the material is explained by the negative

consequences of interethnic confrontations, including those caused by conflictogenic texts in the media of the late twentieth century. The methodology of historical-semantic and cognitive-metaphorical analysis was applied, which revealed the linguistic structures at the basis of the formation of the audience's attitude towards the Caucasian peoples. After the collapse of the USSR, journalists used the construction "us and them", indirectly formed a negative reputation of national minorities, created barriers to their integration into the Russian identity, thus increasing socio-psychological tension in society, increasing social distance, influencing the processes of discrimination and isolation of the peoples of the Caucasus. In the modern global practice of convergence, "subject-to-subject" processes of mass communications, the influential potential of broadcast content has increased manifold. State control over the editorial policy of mass media should be strengthened, and personal responsibility of professional journalists for their work should be actualized. It is also necessary to support media education initiatives to increase the media literacy of the media audience. The results of the study can be used to rethink strategies for creating and promoting ethnic content.

Keywords: journalists' responsibility, Arguments and Facts, periodization, media education, consolidation of society, Caucasophobia, stereotypes, journalism, Caucasian image, image making

References (transliterated)

1. Mal'kova V.K. Etnopoliticheskie realii v sovremennom rossiiskom mediaprostranstve // Vestnik rossiiskoi natsii. 2019. № 1. S. 35–44.
2. Dedyulina M.A. Kavkazofobiya kak raznovidnost' etnofobii // Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy. 2006. № 22. S. 115–118.
3. Rakacheva Ya.V. «Kavkaztsy» v rossiiskom regione: formirovanie stereotipnogo obraza i preodolenie predubezhdenii // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2012. № 2. S. 40–47.
4. Mutaev U.K. Professional'naya adaptatsiya predstavitelei severokavkazskikh natsional'nykh obshchin v srednikh gorodakh Rossii. Avtoref. dis. kandidata sotsiolog. nauk. Nizhnii Novgorod: NGU, 2005.
5. Ragozina S.A. Zashchishchaya «traditsionnyi» islam ot «radikal'nogo»: diskurs islamofobii v rossiiskikh SMI // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2018. № 2. S. 272–299.
6. Reva E.K. Etnokul'turnaya tematika v sredstvakh massovoi informatsii: tipologicheskii obzor // Gumanitarnyi vestnik. 2022. T. 17. № 2. S. 181–191.
7. Alluhaidah M. Representations of Islam and Muslims in Media Addressed by Corpus-Based Approaches: Systematic Literature Review // International Journal of Linguistics and Translation Studies. 2023. No. 4(4). Pp. 187–198.
8. Yakova T.S., Volkova I.I. Classical theories of media systems: Relevance for the contemporary research // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2023. No. 28(2). Pp. 344–354.
9. Nickerson C. Media portrayal of terrorism and Muslims: a content analysis of Turkey and France // Crime Law Soc Chang. 2019. No. 72. Pp. 547–567.
10. Ahmad Khan R.A., Umbreen F., Ahmad N. ul B. Media Representation of Islam and Muslims as a Security Threat // Annals of Human and Social Sciences. 2022. No. 3(2). Pp. 255–263.
11. Ragozina S. Constructing the image of Islam in contemporary Russian print media: the

- language strategies and politics of misrepresentation // Religion, State and Society. 2020. No. 48(1). Pp. 22–37.
12. Deranieh A.N. The Role of Arab Media as an Educational Institutions in Showing the Mental Image of Islam among Jordanian Youth // Al-Balqa Journal for Research and Studies. 2022. No. 25(1). P. 2.
 13. Ashur Kh.Yu.D., Volkova I.I. Mediaobraz Iordanii v internet-SMI Runeta: osobennosti «nepersonifikatsii» // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 1021. T. 10. № 1. S. 39–50.
 14. Toriya Zh.N. Formirovanie pozitivnogo imidzha Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki v rossiiskom informatsionnom prostranstve (sotsiologicheskii podkhod) // Kommunikologiya. 2018. № 6(5). S. 99–106.
 15. Volkova I.I. Igra kak sistemoobrazuyushchii fenomen ekrannykh kommunikatsii. Avtoref. dis. doktora filolog. nauk. M.: RUDN, 2015.
 16. Lazutova N.M., Volkova I.I. Ekrannye massmedia i ekologiya cheloveka: ot zacharovyvaniya k prisoedineniyu // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 12(212). S. 106–111.
 17. Ekosistema media: tsifrovye modifikatsii: kollektivnaya monografiya / Pod red. S.L. Urazovoi. Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2021.
 18. McGarry J., Rane H., Ubayasiri K. Framing Islam and Islamism in the Australian news media: A content analysis of the Australian Broadcasting Corporation and the Australian // Australian Journalism Review. 2023. No. 45(2).
 19. Reva E.K. Osobennosti reprezentatsii natsional'nykh kul'turnykh tsennostei narodov Severnogo Kavkaza v sovremennoi zhurnal'noi periodike // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2014. № 1. S. 162–173.
 20. Levitskaya A., Fedorov A. Criteria and Methods for Assessing the Effectiveness of Activities, Contributing to the Development of Students' Media Competence in the Process of Analyzing Media Manipulative Influences // International Journal of Media and Information Literacy. 2021. No. 6(1). Pp. 129–145.

The variety of models of terminological units of the hydraulic engineering industry and the sphere of state and municipal procurement

Galankina Inna Ivanovna

Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language and General Theoretical Subjects; Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

49 Timiryazevskaya str., Moscow, 127434, Russia

✉ galankina@rgau-msha.ru

Perfilieva Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate-Professor of the General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mkiukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ NPerfilieva@yandex.ru

Perfilev Aleksei Kirillovich

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1142221165@pfur.ru

Abstract. The relevance of the study lies in clarifying the terminological status of newly formed units and describing the variety of ways to replenish terminological systems. The subject of the study is the models of terminological units of hydraulic engineering and procurement for state and municipal needs. The aim of the work is to represent the methods of derivation in the language of hydraulic engineering, as well as to identify and classify specific terminological combinations of these industries.

The conducted research also made it possible to clarify the criteria for assigning terminological names to the following classes of words: term, quasi-term, pre-term.

Practical significance implies the application of the results in the compilation of databases and materials for teaching professional communication in foreign languages.

The perspective of the study is a contrastive analysis of these terminological systems in two or more languages in order to clarify the translation of terminological units. The structural features of the terminological units are determined using contrastive analysis. The selection and comparison of terminological units were carried out on the basis of a solid sample of normative documents from the studied industries. The statistical analysis data demonstrated the frequency of formation of two-, three-, four-, etc. terminological names in hydraulic engineering and in the field of procurement. Practical significance implies the application of the results in the compilation of databases and materials for teaching professional communication in foreign languages.

The conducted research allowed us to conclude that the accuracy of expressing the concepts of the new sphere of procurement for state and municipal needs is achieved through verbose models, the components of which are combined by an obligatory valence. The peculiarities of the hydraulic terminological system are the absence of five-, six- and seven-component models, which is largely compensated by the wealth of derivational means and is due to the "age" of this industry.

The novelty of the work is determined by several factors: firstly, the terminological status of the quasi-term and pre-term is clarified, and secondly, the criterion of mandatory valence is justified to determine a verbose combination of words as a stable terminological name.

Keywords: models of terminological units, terminological phrases, semantics, terminology system, valency, quasi-term, preterm, term, procurement sphere, hydraulic engineering field

References (transliterated)

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. ster., M.: izd-vo URSS. 2021. 576 s.
2. Vinokur G. O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoi tekhnicheskoi terminologii // M.: Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury: sbornik statei po yazykovedeniyu. 1939. T. 1. s. 3-54.
3. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Molchanova M. A. Eshche raz k voprosu ob opredelenii termina // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2022. Tom 13. №3. s.710–729 <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-710-729>
4. Danilenko V. P. Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya // M.:

- Nauka, 1977, 247 s.
5. Leichik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. // Izd. 4-e, M.: Knizhnyi dom «Librokom». 2009. 256 s.
 6. Lotte D. S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii. // Voprosy teorii i metodiki / M.: Akademiya nauk SSSR . Kom. tekhn. Terminologii. M.: 1961. 158 s.
 7. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V. Vasil'eva N. V. Obshchaya terminologiya otv. red. T.L. Kandelaki izd. 6-e // M.: izd-vo URSS, 2012, 243 s.
 8. Tatarinov V. A. Teoriya terminovedeniya v 3-kh tomakh. t.1. Teoriya termina // M.: Moskovskii litsei. 1996. 331 s.
 9. Shelov S. D. Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatiinaya organizatsiya, prakticheskie prilozheniya. M., PrintPRO, 2018, 472 s.
 10. Golovin B. N. Yazyk i statistika M.: Prosveshchenie. 1981. 189 s.
 11. Kazarina S. G., Gulyaeva T. Yu. Strukturnye kharakteristiki odnoleksemnykh nominatsii kak fragment tipologicheskikh pasportov terminosistem meditsiny // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. // Tambov: Izd-vo «Gramota». 2022. t. 15. vyp. 7. s. 2189-2193 <https://doi.org/10.30853/phil20220398>
 12. Serbinovskaya N. V. Terminologicheskoe pole «Marketing» v russkom yazyke // Novochoerkassk: izd-vo YuRGU(NPI). 2009. 232 s.
 13. Perfilieva N., Galankina I., Novospasskaya N. Russian as the second language: Teaching beginners medical terminology and language for special purposes // INTED2019 Proceedings. Valencia: 2019. <https://doi.org/10.21125/inted.2019.0658>
 14. Lazareva O., Yuhan Y., Perfilieva N., Novospasskaya N. Technology for mastering Russian vocabulary by Chinese students // EDULEARN20 Proceedings. 2020. <https://doi.org/10.21125/edulearn.2020.0898>
 15. Solovieva A.A., Galankina I. I., Lukyanchenko M. V., Artyukhova N. S., Tsibizova O. V. Problems of teaching professional communication to chinese hydrotechnical engineering students // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. European Publisher. 2021. R. 317–327. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.38>
 16. Galankina I. I., Perfil'eva N. V., Tsibizova O. V. Terminosistema gidrotekhniki: diffuznost' terminopolei i politsentrichnost' // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2022. T. 13. №3. C. 730-749. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-730-749>
 17. Kibrik A. A. The problem of non-discreteness and spoken discourse structure // International Conference on Computational Linguistics and Intelligent Technologies Dialog'2015 // report at the conference/ Moscow Russia May 27-30. 2015 P. 231-240 [Elektronnyi resurs] <https://elibrary.ru/item.asp?edn=vjliev> (Data obrashcheniya: 10.10.2023)
 18. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits in our capacity for proceeding information. The Psychological Review. March 1956. Vol. 63 №2. P. 81-97.
 19. Russkaya grammatika // AN SSSR M.: Nauka. 1980. T. 1. 748 s.

The didactic potential of the genre of family chronicles in the mass literature of Great Britain of the XXI century

Doctor of Philology

Novikova Vera G. Professor in the Department of Foreign Literature Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603000, Russia

✉ wnovikova@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the British family chronicles created at the turn of the XX-XXI centuries by E. Howard, R. Pilcher, E. Rutherford, D. Lennox, G. Swift. These works are analyzed from the point of view of their didactic potential, which is understood here as the intention of translating ethical norms and values.

This genre has become the pinnacle of the development of the English social novel. Its authors considered it their task to influence the reader in terms of educating a "moral sense" in him, assimilating ethical norms and understanding a distinct hierarchy of values. The classic of the genre was the "Saga of the Forsytes" by D. Galsworthy, which denied the norms of Victorian morality, and broadcast a new system of values and the idea of historical progress. The article examines the changes in the genre that appeared under the influence of the postmodern worldview. Comparative historical and typological methods of analysis are used to compare the genre dominants of family chronicles in the early twentieth century and their implementation at the turn of the twentieth and twenty first centuries. The novelty lies in the addition of ideas about the axiology of modern mass literature. At the end of the century, there was a revolution in public consciousness, which led to the fundamental destruction of any hierarchies in ethical terms and the denial of the very idea of a positive movement of history. The authors of modern family chronicles overcome the decentering of ethics. In most of the works they refer to the events of the Second World War. The very desire to recall these lessons of history and the unequivocal denial of the ideology of fascism is proof of the didactic potential of the novels in question. In addition, they create an idealized model of family life. The influence of the postmodern worldview is reflected in the non-linearity of artistic time, the fragmentation of depicted events, and the loss of the idea of historical progress. The analysis of the family chronicles of these authors allowed us to determine the formulas and stamps of the genre.

Keywords: decentralizing ethics, Elizabeth Howard, Edward Rutherford, Rosamunde Pilcher, didactic potential, axiology of literature, Great Britain, mass literature, non-linearity, family chronicle

References (transliterated)

1. Kostyakova Yu. B. , Andriyanov A. A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «didakticheskii potentsial» // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. – 2022. – № 3 (41). – S. 43-46.
2. Sycheva E. Yu., Kirpichenko A. M. Podkhody k interpretatsii sotsializatsii // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. – 2022. – № 2 (26). – S. 57-65.
3. Nikol'skii E. V. Romannyyi subzhanr semeinaya khronika: voprosy istorii i teorii (stat'ya pervaya) // Art Logos. – 2020. – № 3 (12). – S. 50-63.
4. Nikol'skii E. V. Semeinaya khronika v sisteme zhanrov romannoi prozy // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 2 (102). – S. 37-46.
5. Donskikh O., Tapu Rayhan Md. Family Saga as a Genre of World Literature // Vestnik NSU Series History and Philology. – 2023. – № 22(9). – R. 109-119.

6. Lokteva N. M. Features and structure of a special type of novel prose of the genre "Family chronicle". *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*. – 2021. – 9(10). R. 56–61.
7. Lokteva N. M., Balich D. A. Problema opredeleniya semeinoi khroniki kak literaturnogo zhanra v angloyazychnom literaturovedenii // *O'zbekistonda xorijiy tillar*. – 2023. – No 1 (48). – C. 167-191.
8. Apenko, E. M. *Istoriya zarubezhnoi literatury XIX veka. uchebnik dlya vuzov*. – 2-e izd. – Moskva: Yurait, 2020. – 418 s. – URL: <https://urait.ru/bcode/450603>.
9. Labunova A.S. Sotsiokul'turnoe prostranstvo «Sagi o Forsaitakh» Dzh. Golsuorsi (popytka kul'turologicheskogo analiza) // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. – 2022. – No 1. – S. 211–217.
10. Hutcheon L. *The posttime of past time: Fiction, history, historiographic metafiction Essential of the Theory of Fiction*.-L.: Leicester Univ. Press. – 288 r.
11. Samuel R. *Theatres of Memory Vol.1. Past and Present in Contemporary Culture*. – L.: Verso, 1994. – 496 r.
12. Nünning M. Gymnich, R. Sommer. *Literature and memory: theoretical paradigms, genres, functions*. – Francke, 2006. – 318 s.
13. Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*.-Cambridge University Press, 1985. – 489 p.
14. Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England*. – 1935; repr. – New York. – 1980. – 366 p.
15. Kirnoze Z. I. *Frantsuzskii roman XX veka: (Gody 20-30-e: Problemy zhanra)*. Gor'kii: Volgo-Vyat. kn. izd-vo. – 1977. – 351 s.
16. Kopytko (Kolyadko) N.V., Nikol'skii E. V. Funktsii zhanrovyykh priznakov semeinoi khroniki v romane Dzhojs Kerol Outs «Barel'ef» // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*. – 2017. – T. 26. – Vyp. 2. – S. 240-247.
17. Uailder T. *Den' vos'moi*. – M.: AST. – 2021. – 512 s.
18. Mozheiko M. A. *Postmodernizm. Entsiklopediya*. // [Elektronnyi resurs]: URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/index.htm>
19. Swift G. *Zemlya vody*. – SPb: Azbuka-klassika. – 2004. – 416 s.
20. Faulz D. *Krotovye nory*. – M.: Makhaon. – 2002. – 640 s.

The dividing question as a hedging tool in the dialogues of the British working class

Shchegortsova Elizaveta Alekseevna

Postgraduate Student, Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, Moscow region, Moscow, lane Small State-owned, 5B

✉ yeashch@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the dividing issues-hedges in the speech of the British working class. The purpose of the work is to determine the features of their functioning as a means of speech fencing (hedging). The main communicative tasks for which representatives of the British working class resort to using the structure of the dividing question in order to hedge their statements are identified: expression of opinion, criticism, statement of fact, assumption, proposal, demand, request for information and intention. A number of patterns

have also been identified when using ascending or descending nuclear tones in the second half of the dividing questions used as hedges. The material of the study is the dialogues of the characters, representatives of the modern London working class, of the movie "Sorry We Missed You" (2019, directed by K. Loach) in the original language. The work uses linguistic and contextual analysis in order to classify the research material. Audit and electroacoustic analysis of statements were also carried out using the Praat program. The novelty of the study lies in the choice of material and subject of the study: the film "Sorry We Missed You" has not been considered by linguists as a material for analyzing the rhythmic dynamics of English speech, and the features of hedging in communication of the British working class remain extremely poorly studied. The study showed that hedging, allowing communicants to maintain each other's personal boundaries, is not always a means of making a statement polite, as it is often used even in conflict situations. The emotional state of the addressee does not reduce the need to apply a speech separation strategy (including using the structure of the dividing question), but it affects its rhythmic and melodic design. Other important factors in choosing the intonation of hedges are the desire to continue or end the conversation, as well as the gender of the speaker.

Keywords: linguistic hedging, disjunctive question, cinematic discourse, oral discourse, privacy, British working class, English linguaculture, hedges, hedging, prosody

References (transliterated)

1. Baranova K. M., Afanas'eva O. V. Evfemizatsiya rechi na sovremennom etape razvitiya angliiskogo yazyka // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2021. №1(41). S. 32–41.
2. Burnakova K. N. Problema izucheniya ritmomelodiki predlozheniya zhivogo yazyka // International scientific review. 2016. №12 (22). C. 60–62.
3. Burnakova K. N., Borgoyakova T. N. Ritmomelodicheskoe oformlenie inoyazychnoi rechi: sodержatel'nyi aspekt // Kazanskaya nauka. 2018. №9. S. 64–67.
4. Ionina A. A., Saakyan A. A. Angliiskaya grammatika XXI veka. Uchebnoe posobie po angliiskomu yazyku. Moskva: Menedzher, 2006.
5. Ionina A. A., Saakyan A. A. Longman Grammar of Spoken and Written English (obzorno-kriticheskaya retsenziya) // Inostrannye yazyki v shkole. 2003. №3 S. 104–108.
6. Mikhaleva E. I., Pushinina I. V. Pragmaticheskie osobennosti khedzhirovaniya v akademicheskome diskurse. // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2022. №45 (1). S. 113–124.
7. Freidina E. L., Abramova G. S. Pazatsiya kak marker razgovornosti v sovremennom britanskom ustnom diskurse // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2017. №3(27). S. 60–67.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
9. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder & Stoughton, 2014.
10. Fraser B. Hedging in Political Discourse: The Bush 2007 Press Conferences // Web. Boston University. 2010. URL: www.bu.edu/sed/files/2010/10/2010-Hedging-in-

Political-Discourse-The-2007Bush-Press-Conferences.pdf

11. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol 2(4). Pp. 458–508.
12. Martín-Martín P. The Mitigation of Scientific Claims in Research Papers: A Comparative Study // International Journal of English Studies. Vol. 8(2). 2006. Pp. 133–152.
13. Pichler H. Grammaticalization and language contact in a discourse-pragmatic change in progress: The spread of innit in London English. Language in Society. 2021. № 50. Pp. 1–39.
14. Wells C. English Intonation: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Linguistic bases of the intertextuality theory

Ryzhakov Vadim Sergeevich

Assistant, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Moscow Pedagogical State University

119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, building 1

✉ vadimryzhakov@mail.ru

Abstract. As the object of the research the author chooses the linguistic characteristics of the intertextual unit as the main form of realization in texts of the stylistic device based on borrowing textual elements from other texts. Despite a significant development of the intertextuality theory, the analysis of the theoretical framework in the field of intertextual interaction reveals a lack of knowledge of the linguistic aspects of functioning of intertexts both at the level of expression and meaning. In the article the author analyzes the basic structural particularities of the intertextual unit in postmodernist fiction. This kind of textual material was chosen because of high content of intertexts in this discursive system, the fact conditioned by the interest of postmodernist writers to the capacities of the stylistic device described in the article. To delineate the content of the notion “intertextuality” according to the “broad” and “restricted” approaches, the author applies cognitive methods and carries out an experiment based on semiotic methods whose the aim was to describe the mechanisms of decrypting intertexts in non-verbal texts. Having analyzed the content of the term “intertextuality” according to the “broad” and “restricted” approaches from the cognitive and semiotic points of view, the author suggests differentiating two distinct phenomena. One of them, the stylistic device based on inclusion of different elements of other texts into a proper text, is under-researched from the linguistic point of view. The article presents main theoretical conclusions about the correlation between the plane of expression of intertexts and their source-texts, as well as the types and the role of the attribution as a key intertextual element. The conclusions may be used in intertext-making activity, e.g. in translation. They may also serve as the basis for further researches in this field.

Keywords: citation, precedent phenomenon, intertextual unit, linguistics of intertext, postmodernism, cognitive approach, semiotic approach, intertext, theory of intertextuality, allusion

References (transliterated)

1. Carter S. Early Modern Intertextuality. Palgrave Pivot, 1st ed. 2021. 127 p.

2. Miguët-Ollagnier M., Limat-Letellier N. L'Intertextualité. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 1998. 493 p.
3. Hope S. Kristeva par Kristeva: les enjeux de l'intertextualité: a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. USA: the University of Alabama, Tuscaloosa, 2016. 227 p.
4. Velikov I. A., Gilyazetdinov I. I. Istoriya intertekstual'nosti i vertikal'nogo konteksta // Molodoi uchenyi. 2021. № 27 (369). S. 301-303.
5. Culler J. Intertexts of Intertextuality // Journal of Modern Literature. Vol. 4, Number 3. 2021. Indiana University Press. Pp. 164-169.
6. Guadu A. Intertextuality as an Inherent Tool for the Composition and Interpretation of Texts: A Theoretical Reappraisal // International Journal of Literature and Arts. Vol. 11, No. 3, 2023. Pp. 91-103.
7. Politis D. Alexandros Pallis and the English Poetry for Children: An Intertextual Reading // Advances in Literary Study, Vol. 11, No. 2, 2023. Pp. 111-127.
8. Kremneva A. V. Osnovnye napravleniya intertekstual'nykh issledovaniy i vozmozhnye perspektivy dal'neishego izucheniya problemy mezhtekstovogo vzaimodeistviya // Izvestiya VGPU. 2017. S. 105-116.
9. Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: «KomKniga», 2007. 280 s.
10. Khuako F. N. Intertextuality of the genre, taking into account dialogization and national applicability // Nauchnyi al'manakh stran Prichernomor'ya. 2021. Tom 27. № 3. S. 36-42.
11. Chernyavskaya V. E. Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v nauchnoi kommunikatsii: Na materiale nemetskogo yazyka: dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk: 10.02.02. SPb, 2000. 449 s.
12. Abrams M. A Glossary of Literary Terms, Seventh Edition. USA: Earl McPee, 1999. 430 p.
13. Petrova N. V. Intertekstual'nost' kak obshchii mekhanizm tekstoobrazovaniya (na materiale anglo-amerikanskikh korotkikh rasskazov): dissertatsii doktora filologicheskikh nauk: 10.02.01. Volgograd, 2005. 395 s.
14. Kot H. M., Levchenko O. G., Kravchenko T. O., Musiienko O. S., Hrubych K. V. Problems of Intertextuality in Audio-Visual Arts // Rupkatha Journal on International Studies in Humanities, Vol. 13, No. 1, 2021. Pp. 1-11.
15. Kim D. Intertextuality and New Testament Studies // Currents in Biblical Research, Vol. 20, Issue 3, 2022. Pp. 238-260.
16. Vojtíšková L. Dissolved Politics and Artistic Imagination. On Kristeva's Revolution and Revolt // Aesthetic investigations, Vol. 5, No. 2, Special Issue: Arts, Ontology, and Politics, 2022. Pp. 145-158.
17. Kremneva A. V. Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodeistviya: kognitivno-semioticheskii aspekt (na materiale angliiskogo yazyka): dissertatsiya doktora filologicheskikh nauk: 10.02.04. Barnaul, 2019. 418 s.
18. Linnichenko S. I. Intertekstual'nost' kak sovremennaya lingvokognitivnaya praktika: novye sposoby yazykovogo vyrazheniya v literature nemetskogo postmoderna // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2021. T. 27. № 2. S. 103-111.
19. Sopina A. L. Kognitivnyi aspekt intertekstual'nosti angliiskogo khudozhestvennogo teksta: na materiale romanov D. Lodzha: dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk:

- 10.02.04. SPb, 2019. 188 s.
20. Kostka V., Ferreira de Castro P., Everett W. A. Intertextuality in music: Dialogic composition. London: Routledge, 2021. 234 p.
 21. Ryzhakov V. S. Kognitivnye i semioticheskie podkhody k ponimaniyu fenomena intertekstual'nosti // *Prepodavatel' XXI vek*. 2023. № 4. Chast' 2. S. 437-447.
 22. Ryzhakov V. S. Intertekstual'nost': fenomenologicheskii i ponyatiinyi analiz i klassifikatsiya tipov intertekstov // *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [Elektronnyi resurs]*. 2022. № 8 (122). Rezhim dostupa: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.83> (data obrashcheniya: 10.01.2024).
 23. Dreeva D. M., Bolatov T. A. K probleme definitsii ponyatiya «intertekstual'nost'» // *Sotsiosfera*. 2022. № 2. S. 38-41.
 24. Long Y., Yu G. Intertextuality Theory and Translation // *Theory and Practice in Language Studies*, Vol. 10, No. 9, 2020. Pp. 1106-1110.
 25. Eymar M. Borges y Cortázar: desencuentros en el encuentro // *Quaina*. Angers, 2020. Pp. 231-246.
 26. Salazar Giraldo L. L. La intertextualidad en Jorge Luis Borges. Un análisis hermenéutico en *El Aleph*. Bello, 2018. 21 r.

Multiculturality as a Subject of the Image in the Collection of Short Stories “The Stars of Manchuria” by A. P. Hejdok

Lin Guangqiong

PhD in Philology

Lecturer, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, P.R. China

✉ linguantsyun@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the multicultural phenomenon of the short stories by the popular writer of the Harbin diaspora A. P. Hejdok, who published the collection “The Stars of Manchuria” in 1934. The author of the article analyzes in detail the events in the works, the behavioral priorities and mindset of the characters, which organically reflect the cultural elements of China, Russia, Mongolia, Egypt, Manchurian ethnic groups, as well as biblical plots. The emphasis is on analyzing the mysterious world of China through Buddhism and Taoism. During the research, the following short stories in the collection were mainly studied: “Three Duds” (1932), “The Manchu Princess” (1930), “Miami” (1931), “The Temple of Dreams” (1932), “The Unknown” (1931), “The Dogs Howl” (1929) and “The Path” (1931). The article uses descriptive, hermeneutic, comparative, historical-literary and historical-cultural methods to analyze the texts. The scientific novelty of this article lies in the fact that for the first time a comprehensive, interdisciplinary, including cultural, analysis of the short stories in the collection “The Stars of Manchuria” was carried out, details not touched upon in previously published works were examined, and based on the analysis of the multicultural phenomenon, the artistic method in the short stories is determined for the first time. The research resulted in the following conclusions: 1. Hejdok in the collection integrates various cultural details in his own way, which make the works expressive, engaging, and contribute to the development of the plot. 2. The multicultural phenomenon gives the short stories of the collection myth-making characteristics against the backdrop of historical reality. By combining realistic description and this cultural phenomenon, Hejdok creates a distinctive prose similar to magic

realism, the appearance of which coincides with the beginning of the writer's creative path.

Keywords: Harbin diaspora, samsara, reincarnation, multiculturalism, magic realism, China, karma, Taoism, Buddhism, Hejdok

References (transliterated)

1. Ivashchenko E. G. Peresechenie kul'turnykh traditsii v sbornike A. Kheidoka «Zvezdy Man'chzhurii» // Russkii Kharbin, zapechatlennyy v slove. Vyp. 2: Literaturovedcheskaya rossika: Sbornik nauchnykh statei pamyati V. A. Slobodchikova / Pod red. A. A. Zabiyako, G. V. Efendievoy. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2008. S. 104–108.
2. Kheidok A. P. Zvezdy Man'chzhurii: Rasskazy. Vladivostok: Al'manakh «Rubezh», 2011. 336 s.
3. Kheidok A. P. Stranitsy moei zhizni. M.: Del'fis, 2011. 232 s.
4. Kheidok A. P. Raduga chudes. M.: Izdatel'stvo Dukhovnoi Literatury, 2001. 118 s.
5. Lysenko V. G. Sansara // Filosofiya buddizma: Entsiklopediya / Otv. red. M. T. Stepanyants. M.: Vostochnaya literatura, 2011. S. 601–603.
6. Lin' Guan'tsyun. Etnomental'nost' kak predmet izobrazheniya v khudozhestvennoi proze russkoi emigratsii (Kharbin, 1920-e–1930-e gody): dis. ... kand. filol. n. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 2021. 208 s.
7. Tibetskaya kniga mertvykh (s kommentariyami Francheski Frimantl i Chog'yama Trungpy) / Per. s ang. A. Bleiz, V. Rynkevicha. M.: Sofiya, 2003. 116 s.
8. Lebedeva N. A. «Kitaiskaya nota» v tsikle rasskazov A. P. Kheidoka «Zvezdy Man'chzhurii» // Na perekrestkakh filologicheskikh dorog. Sbornik statei: K yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Eleny Aleksandrovny Pervushinoi / Otv. red. T. I. Petrova. Vladivostok: Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet, 2014. S. 53–62.
9. Rak I. V. Egipetskaya mifologiya. M.: TERRA – Knizhnyi klub, 2004. 320 s.
10. Tkhor V. Iliya // Bibleiskii tolkovyi slovar' Viktora Tkhora: Tret'ya redaktsiya pererabotannaya i dopolnennaya. Ch. 3: Slovar' bibleiskikh imen i ikh znachenii. Sacramento, 2018. S. 56.
11. Kartasheva I. Yu. Prozhivshcha-prislov'ya v russkom fol'klоре // Fol'klор Urala. Vyp. 8: Sovremennyy fol'klор starykh zavodov. Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 1984. S. 140–153.
12. Gugnin A. A. Magicheskii realizm // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / Gl. red. i sost. A. N. Nikolyukin. M.: Intelvak, 2001. Stb. 489–492.

Explicit expression of unconditionality using conjunctions in Chinese

Dudanov Timofey

Postgraduate student, the Higher School of Oriental Studies, Russian State University For The Humanities

125993, Russia, Moscow, Muskaya square, 6

✉ tdudanov@mail.ru

Abstract. This article discusses unconditionals in Chinese. Conjunctions with unconditional

meaning, which serve for the explicit transmission of meaning in a sentence, are chosen as a subject of research. The purpose of the study is to find the conjunctions with explicit expression of unconditionality in the Chinese language. In addition to Chinese, the Russian language is also considered for a comparative analysis of conjunctions in different languages. A comparative analysis is carried out for all types of unconditionality after the description of each section. In this article not only conjunctions with unconditional meaning, but also correlates (words which clarify the meaning of the condition in the first part of the sentence) and the order of two clauses (main and dependent) are compared. The research methods include the search for conjunctions and correlatives from Chinese dictionaries and grammars for a further distribution of them in groups, consideration of conjunctions' semantic, combination and stylistic features through dictionaries. As Chinese unconditional sentences have been little studied among Russian typologists, this article contains a certain scientific novelty. As a result, three types of unconditionals have been identified in total: absolute, unreal and real. Due to the differentiation of conjunctions in sentences with the absence of a condition, it was found out that a variety of similar words in the Chinese language is as rich as in the Russian one. At the end there are two tables with all the conjunctions both in Russian and in Chinese. In this article Russian is less emphasized because it has been researched earlier by other typologists. This material can be useful not only for sinologists, but also for the specialists in general linguistics.

Keywords: clauses, correlatives, conjunctions, explicit expression, unconditional sentences, conditionals, unconditionals, the Chinese language, dictionary, corpus

References (transliterated)

1. Khrakovskii V. S. Tipologiya uslovnykh konstruktov. SPb.: Nauka, 1998.
2. Gvozdev A. N. Ocherk po stilistike russkogo yazyka. 3-e izd. M.: Prosveshchenie, 1965.
3. Wang Weixian, Zhang Xuecheng, Lu Manyun, Cheng Huaiyou. Xiandai hanyu fuju xinjie [Novoe ob'yasnenie slozhnykh predlozhenii kitaiskogo yazyka]. Shanghai: Huadong shifan daxue chubanshe, 1994.
4. Hu Yushu. Xiandai hanyu (di liu ban, chongding ben) [Sovremennyy kitaiskii yazyk (6-e peresmotrennoe izd.)]. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe, 2011.
5. Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu [Sovremennyy kitaiskii yazyk]. V. 2. Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2002.
6. Van Chun'khuei. Tipologicheskaya klassifikatsiya uslovnykh predlozhenii kitaiskogo yazyka. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. / Per. s kit. A. V. Lebedevoi. SPb.: 2010. Vyp. 2. Ser. 13. C. 174-185.
7. Sin Fui. Grammatika kitaiskogo yazyka. / Per. s kit. E. N. Kolpachkovoi, A. V. Lebedevoi, N. A. Somkinoi, E. Yu. Fokinai. SPb.: Iz-vo S. Peterburgskogo universiteta, 2019.
8. BCC hanyu yuliaoku [Korpus kitaiskogo yazyka BCC] : [Elektronnyi resurs]. Beijing yuyan daxue yuyan zhineng yanjiuyuan, 2012. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
9. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka : [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
10. Xiandai hanyu cidian [Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka] / Pod red. Jiang Lansheng, Tan Jingchun, Cheng Rong. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2012.
11. Yingyong hanyu cidian (daziben) [Prakticheskii slovar' kitaiskogo yazyka (krupnye ieroglify)] / Pod. red. Guo Liangfu. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2002.

12. Xiandai hanyu babai ci [800 slov sovremennogo kitaiskogo yazyka] / Pod. red. Lü Shuxiang. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1999.
13. dui jinyi ciyu yongfa duibi [1700 par sinonimov: upotreblenie i sravnenie] / Pod red. Yang Qizhou, Jia Yongfen. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2009.
14. Russkaya grammatika / Pod red. N.Yu. Shvedovoi. T. 1. M.: Russkaya grammatika, 1980.
15. Apresyan V. Yu., Pekelis O. E. Podchinitel'nye soyuzy: [Elektronnyi resurs]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki, 2012. URL: http://rusgram.ru/Podchinitel'nye_soyuzy (data obrashcheniya: 10.01.2024)
16. Pekelis O. E. Korrelyaty: [Elektronnyi resurs]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki, 2018. URL: <http://rusgram.ru/Korrelyaty> (data obrashcheniya: 10.01.2024)
17. Lai Shen Cheng, Lisa, Giannakidou A. The Nonuniformity of Wh-indeterminates with Polarity and Free Choice in Chinese. // Strategies of Quantification. 2013. P. 123–152.
18. Xinhua zidian [Slovar' Sin'khua] / Pod red. Wei Jiangong. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2020.
19. Wang Chunhui. Hanyu de rangbu tiaojian ju [Ustupitel'nye uslovnye predlozheniya v kitaiskom yazyke]. // Beijing.: Yuyan kexue, 2013. Vol. 12, No. 2. P. 130-142.
20. XingFuyi. Hanyufujuyanjiu [Issledovanie slozhnykh predlozhenii v kitaiskom yazyke]. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2001.
21. Zhang Bin. Xinbian xiandai hanyu. [Novaya versiya sovremennogo kitaiskogo yazyka]. Shanghai: Fudan daxue chubanshe, 2002.
22. Yip Po-Ching, Don Rimmington. Chinese. A Comprehensive Grammar. 2nd Edition. London, New York: Routledge. 2016.
23. Podlesskaya V. I. Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts // Russian Linguistics, 1997. Vol. 21, No. 2. P. 125-155.
24. Pekelis O. E. Uslovnye pridatochnye : [Elektronnyi resurs]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki, 2017. URL: http://rusgram.ru/Uslovnye_pridatochnye (data obrashcheniya: 10.01.2024)

The intertextuality of news headlines in the context of digital media based on the material of the Russian and Chinese languages

Liu Bo

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Associate-Professor of the School of Foreign Languages, Hubei Minzu University

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042228094@pfur.ru

Perfilieva Natalia Vladimirovna

PhD in Philology

Associate-Professor of the General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ perfilyeva_nv@pfur.ru

Abstract. The article is devoted to clarifying the general patterns of intertextuality of modern news headlines in Russian and Chinese leading media against the background of globalization, informatization and digitalization. The subject is the intertextuality of digital media news headlines. The material is the headlines of the Russian and Chinese media leading digital information portals for 2023. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a comprehensive comparative study was conducted on the main manifestations of intertextuality of world news headlines in modern Russian and Chinese leading digital media. The relevance of the research is due to the fact that digital technologies, hyperlinks, search engines, etc. have created a new unexplored textual reality in which news headlines form links with other texts in the context of the global digital Internet. The main research methods are functional-semantic, interpretative, linguistic and cultural analysis. The method of linguistic commenting was used to explain the headline texts of world news, the culturological method was used to explain the traditions of society reflected in the titles of online news articles. The contrastive method was used to identify common features of the news headlines of leading Russian and Chinese online media publications. The result of the study: intertextuality is characteristic of the news headlines of Russian and Chinese online publications, six main attributes of intertextuality of the headline texts of world news of Russian and Chinese leading digital media have been identified, such as citation, precedent, uncertainty, hypertextuality, polymodality and rhizomaticity. These attributes are widely used in the news headlines of Russian and Chinese digital media. The obtained research results can be the basis for the following studies and used in the practice of teaching university courses in such disciplines as linguistics, communication, cultural studies, political science, etc. The conclusions of the study are that the intertextuality of online media news headlines, as a concentrated manifestation of textual phenomena in the digital age, is characterized by rhizomatic diversity, entanglement, nonlinearity, polycode, openness and dynamism not only at the level of semantics, but also the form of the news headline text.

Keywords: polymodality, hypertextuality, uncertainty, precedent setting, citation, hypertext, digital media, news headline, intertextuality, rhizomatics

References (transliterated)

1. Qu J., Li Y. Interconnection and Intertextuality: The Intertextuality of Digital Media // Editorial Friend. 2020. No. 06. Pp. 55–63. doi: 10.13786/j.cnki.cn14-1066/g2.2020.6.010
2. Kristeva Yu. S. Bakhtin, slovo, dialog i roman / Per. G.K. Kosikova // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s frants., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Izdat. gruppa «Progress», 2000. S. 427-457.
3. Kristeva Yu. S. Semiotika: issledovaniya po semanalizu / per. s fr. E. A. Orlovoy. M.: Akademicheskii Proekt, 2013. 285 s.
4. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov. M.: INION RAN – INTRADA, 2001. 384 s.
5. Bart R. Izbrannye raboty Semiotika Poetika / Per. s fr. Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 615 s
6. Lotman Yu. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. St. Issled. Zametki: [(1968-1992)] / Yu. M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2004. 703 s.
7. Zhao Y. Philosophical Semiotics: The Coming into being of the World of Meaning. Chengdu, China: Sichuan University Press, 2017. 336 p.
8. Derrida Zh. O grammatologii / Per. s fr. i vstup. st. Natalii Avtonomovoy. M.: Ad Marginem, 2000. 511 s.

9. Maklyuen M. Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka / per. s angl. V. G. Nikolaeva. – 4-e izd. – M.: Kuchkovo pole, 2014. 462 s.
10. Wang Q. Philosophical Thought in the Age of the Written Word and the Digital Age // Social Sciences in China. 2023. No. 2. Pp. 25–39+204–205
11. Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995. 268 p.
12. Fu C. Three Turns and Meaning Generation of Western Text Theory in the 20th Century // Journal of Shandong Normal University (Social Sciences). 2020. No. 5. Pp. 65–75. doi: 10.16456 /j.cnki.1001-5973.2020.05.006
13. Zhenett Zh. Figury. V 2-kh tomakh. Tom 1-2. M.: Izd.-vo im. Shabashnikovskh, 1998. 944 s.
14. Zinin S.A. Vnutripredmetnye svyazi v izuchenii shkol'nogo istoriko-literaturnogo kursa. 3-e izd., pererab. M.: OOO «Russkoe slovo – uchebnik», 2018. 231 s.
15. Yan J., Xie Q. Popular News Headlines. Beijing: China News Publishing House, 1987. 464 s.
16. Popadinets R. V. Pretsedentnye imena v soznanii nositelya russkogo yazyka (eksperimental'noe issledovanie). 2006. [Elektronnyi resurs]: URL.: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002978013.pdf?ysclid=lrk3z4at3160546731 (data obrashcheniya 30.12.2023)
17. Makhtina G. I. Intertekstual'nost' kak stileobrazuyushchaya cherta sovremennykh SMI // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2012. № 1. S. 60-64.
18. Kolokol'tseva T. N. Novaya era intertekstual'nosti: globalizatsiya intertekstual'nykh svyazey v internet-epokhu // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 6 (81). S. 61-66.
19. Masalova M. V. Gipertekstual'nost' kak immanentnaya tekstovaya kharakteristika. 2003. [Elektronnyi resurs]: URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/31269/738249.pdf> (data obrashcheniya 30.12.2023)
20. Koskimaa R. Digital Literature from Text to Hypertext and Beyond. Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto, 2000. 186 p.
21. Turow J., Tsui L. The Hyperlinked: Society: Questioning Connections in the Digital Age. Ann Arbor, America: University of Michigan Press, 2008. 319 p.
22. Simakova S.I. Instrumenty vizualizatsii informatsii v SMI: taimlain // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2017. № 4. S. 207-216
23. Sedova M. I., Izobrazhenie i tekst // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, №1, T. 2, ss. 72-74.
24. Anisimov R. Yu. Semanticheskaya tipologiya gazetnykh zagolovkov na materiale russkoi, angloyazychnoi i ispanskoi pressy. 2021. [Elektronnyi resurs]: URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/dissertation/downloadfile/6e6b8360-f924-ec11-a9e5-00155ddceb3d/> (data obrashcheniya 30.12.2023)
25. Dictionary.com. Retrieved from <https://www.dictionary.com/browse/clickbait> (data obrashcheniya 30.12.2023)
26. Delez Zh., Gvattari F. Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. i poslesl. Ya. I. Svirskogo. Uchrezhdenie Rossiiskoi akad. nauk In-t filosofiya. – Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 892 s.
27. Kuchmenko M. A. Printsip rizomy kak strukturoobrazuyushchii faktor postmodernistskogo teksta // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2014. № 4 (149). S. 119-122.

28. Sinel'nikova L. N. Rizoma i diskurs intermedial'nosti // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov: Lingvistika. 2017. № t. 21 (4). S. 805-821. doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-805-821
29. van Dijk, T. A. News as discourse. New York: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1988. 208 p.

The cultural codes of Tunisia in the work of G. A. Makhrova "My Tunisia"

Mikova Svetlana Stanislavovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of the Russian Language and Teaching Methods, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10/2 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ mikova_ss@pfur.ru

Sadouri Hassanet

Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Teaching Methods, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

10/2 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 114198, Russia

✉ 1042215164@rudn.ru

Abstract. The subject of this article is the linguistic means of creating a linguistic and cultural image of Tunisia in the memoirs of Galina Aleksandrovna Makhrova "My Tunisia". The studied linguistic units are considered as representatives of the linguistic and cultural codes of Tunisia – subject, spatial, biomorphic, temporal, spiritual. The linguistic and cultural code in the article refers to the verbally implemented code of national culture. The functions of such linguistic units as vocabulary with a national cultural component (vocabulary of the thematic groups "Clothes", "Cosmetics", "Food and drinks"), proper names (toponyms and anthroponyms), adjectives with a color component in the space of the Russian literary text are analyzed. The influence of the author's linguistic personality as a representative of another (Russian) linguistic culture and a representative of a certain profession (artist) on the choice of linguistic means of creating an image of the country as both his own and someone else's space is assessed. Research methods: descriptive method, methods of analysis and synthesis, linguistic and cultural analysis of a literary text, the method of continuous sampling of linguistic units with a national cultural component and the method of component analysis to identify culturally specific semes of their lexical meaning. The novelty of this study is related to the research material (memoirs of G.A. Makhrova)

- the subject of the study (the linguistic and cultural codes of Tunisia are studied in terms of its perception by a native speaker of a different linguistic culture, who feels himself a part of both Tunisian and Russian linguistic cultures)

- description of the linguistic and cultural code of Tunisia, taking into account the peculiarities of the linguistic personality of the author of the text: G.A. Makhrova perceives many linguistic and cultural details in a special way, since he is a professional artist.

The analyzed language material allows us to draw the following conclusions:

1. In the Tunisian subject code, the linguistic units of the thematic groups "Clothing", "Cosmetics", "Food and drinks" are of particular importance.
2. The spatial code is mainly represented by toponyms, among which the names of hills, as

well as beaches and resort towns predominate. Among proper names, a group of names associated with the history of Tunisia stands out, which creates the image of Tunisia as a country with a rich past, located at the crossroads of civilizations.

3. The phytonymic symbol of Tunisia in the work is jasmine.
4. G.A. Makhrova is a professional artist, and therefore adjectives of color play a significant role in creating the image of Tunisia.
5. The names of the deities are associated with the spiritual code of Tunisia.

Keywords: the spiritual code, the subject code, the somatic code, Tunisia, Makhrova Galina Alexandrovna, linguistic and cultural image, the linguistic and cultural code, cultural linguistics, the time code, the biomorphic code

References (transliterated)

1. Korovkina A. Yu. Modernizatsiya i traditsiya v kul'turnoi perspektive sovremennogo Tunisa. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. 2015. №. 1. S. 91–97.
2. Romanova N. Cultural Code as a Unit of a Provincial Town's Cultural Life (on the example of the City of Murom, Vladimir Region. Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 128. P. 645-653.
3. Khudayberganova D. & Mukimova Z. Theory of Linguocultural Codes and Uzbek Proverbs. *Anglisticum*. Journal of the Association-Institute for English Language and American Studies. 2021. 10(7), pp. 48–56.
4. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. – M.: Gnosis, 2002.
5. Ivanova S. V. Lingvokul'turologicheskii aspekt issledovaniya yazykovykh edinit. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni d. filol. n. Ufa, 2003. 364 s.
6. Savitskii V. M., Gashimov E. A. Lingvokul'turnyi kod (sostav i funktsionirovanie). Moskva: Izd-vo Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo un-ta, 2005.
7. Kireeva I.I. Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki angliiskogo lingvokul'turnogo koda «Flora». Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Samara, 2008.
8. Dukal'skaya I.V. Semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki angliiskogo lingvokul'turnogo koda «artefakty». Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Samara, 2009.
9. Papsheva A.V. Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye kharakteristiki angliiskogo lingvokul'turnogo koda "Priroda". Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Samara, 2010.
10. Guketlova F.N. Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovo kartine mira (na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkessskogo i russkogo yazykov). Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2009.
11. Kapelyushnik E.V. Kulinarnyi kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka. Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk, 2012.
12. Boldyreva T.V. Tipologiya kul'turnykh kodov v dramaturgii L.N. Andreeva. Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Samara, 2008.
13. Krasnykh V. V. Nekotorye bazovye ponyatiya psikholingvokul'turologii (v razvitie idei V. N. Teliya) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. 2014. № 50. S. 167–175.
14. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. M.: Russkii yazyk, 1990.

15. Narziyeva G. The Essence of National-Cultural Code in Language. Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and social sciences. 2022. Vol. 2. Issue 11. P. 348-355.
16. Myronova N. (2018). Linguocultural Code: Theoretical Basis of Research. Problems of Semantics, Pragmatics and Cognitive Linguistics. 2018. P. 13-15. DOI: 10.17721/2663-6530.2019.35.01.
17. Makhrova G.A. Moi Tunis. M.: Russkii put', 2002.
18. Rozenkova Kh. E. Lingvokul'turnyi kod: opredelenie, problema klassifikatsii, rol' v mezhkul'turnoi kommunikatsii. Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2017. № 2. S. 101–104.
19. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. Otv. red.: V. Yu. Mikhal'chenko. M., 2006.
20. Panova M. Galina Makhrova – khudozhnik russkogo zarubezh'ya v Tunise // Aziya i Afrika segodnya. 2008. № 12 (616). C. 50–53.

The Tree "Yggdrasil" as a Symbolic Key to the Interpretation of the Novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves"

Novikau Artur Viktorovich

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Gorky Literary Institute.

123104, Russia, g. Moscow, ul. Tverskaya, 25 str.1

✉ art14ek@tut.by

Abstract. The object of research in this article is a novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves" in the context of postmodernism. The subject of the study was the mythical element of the novel (ash Yggdrasil). This element is considered as a hermeneutic key to the interpretation of the novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves". Also, the subject of the study is space and time in the novel, inextricably linked with the mythical component of the works. As a result, a detailed analysis of the mythical component of the "House of Leaves" is given in the context of the poetics of postmodernism, as well as some characteristics of the space-time of the novel. Hermeneutical interpretation is performed using the poem "Yggdrasil", located on the last page of the novel, as a symbolic key. The grapheme "Yggdrasil" and the symbolism of the components of the limit tree in their relation to the exemplification of the structure of the novel as a whole are analyzed. The mechanism of the inclusion of the work in the context of world literature is described through the actualization of semantic and etymological inclusions of mythical motifs about the creation of the world in the text of the "House of Leaves". The analysis of intertextual references to Egyptian mythology through the symbols of the ouroboros and the solar disk is given. The plot of the path of the sun god Ra in the "House of Leaves" is analyzed. The novelty of the research lies in the fact that we have analyzed the symbolic detail in the novel: the hidden symbolism of the "Ash Tree" as the tree of the limit; elements of biblical mythology; the image of the inverted world; labyrinth, stairs. The interpretation of the work as a model of the world is considered, where the ambiguity of mythological and spatio-temporal layers, based on the inevitable symbolic references-threads, function as an instrument of appeal to the cultural unconscious. The connection of the mythologies of Egypt, Tibet, the texts of the "Upanishads" and "Kabbalah", as well as the artistic and literary intertext with the "House of Leaves" is analyzed. As a result of this hermeneutic analysis, an ironic postmodern interpretation of the work of Mark Z. is described. Danilevsky through the symbolism of emptiness (unselfishness).

Keywords: ouroboros, Yggdrasil, space, time, myth, modernism, postmodernism, House of Leaves, symbol, rootless

References (transliterated)

1. Andreev A.N. Lektsii po teorii literatury: Tselostnyi analiz literaturnogo proizvedeniya – «Avtor», 2012. 112 s.
2. Bibliya. Kniga Bytiya. <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.28:10-22> (data obrashcheniya: 02.03.2020).
3. Gadamer G.G. Aktual'nost' prekrasnogo / Per. s nem. – M.: Iskusstvo, 1991. – 367 s. (Seriya «Istoriya estetiki v pamyatnikakh i dokumentakh»).
4. Gasparov M.L. Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh. Izdanie vtoroe (dopolnennoe). M.: Fortuna Limited, 2001. 288 s.
5. Danilevskii M.Z. Dom list'ev. Bykov D., Loginova A., Leonovich M. (per. s angl.). Bykov D. (predisl.). Ekaterinburg: Gonzo, 2016. KhKhKhIV, 750 s.
6. Il'in I.P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa. M.: Intrada, 1998. 255 s.
7. Istoriya Norvegii. Gurevich A.Ya., Roginskii V.V., Kan A.S. i dr. (red.). Kan A.S. i dr. (otv. red.). M.: Nauka, 1980. 710 s.
8. Kempbell Dzh. Mificheskii obraz. Semenova K.E. (per. s angl.). M.: AST, 2002. 683 s.
9. Lipinskaya Ya., Martsinyak M. Mifologiya Drevnego Egipta. Gessen E.Ya. (per. s pol'sk.). Pavlova O.I. (per. i red. drevneegipet. tekst.), Pavlova O.I., Pomerantseva N.A. (komment.). M.: Iskusstvo, 1983. 223 s.
10. Losev A.F. Mif – Chislo – Sushchnost'. Takho-Godi A.A. (sost.). Takho-Godi A.A., Makhan'kova I.I. (obshch. red.). M.: Mysl', 1994. 919 s.
11. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii. Nikolyukina A.N. (red.). M.: NPK «Intelvak», 2001. 1600 s.
12. Novikov A.V. – «Dom list'ev» i problema postmodernistskogo khronotopa // Litera. – 2022. – № 6. – S. 164-174. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38300 EDN: PCEQBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38300
13. Sakhno I.M. Vizual'naya ritorika figurnykh stikhov v poezii rannego srednevekov'ya. Observatoriya kul'tury. 2014, (5): 112–118.
14. Skandinavskie sagi: Saga o Volsungakh. Obshch. red. R.O. Shor i B.I. Yarkho. B.I. Yarkho (per, predisl. i prim.). Moskva-Leningrad: ACADEMIA, 1934. 288 s.
15. Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogakh i geroyakh. Korsun A.I. (per.). Steblin-Kamenskii M.I. (red., vstup. stat'ya i komment.). Moskva-Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. [Leningr. otd-nie], 1963. 259 s.
16. Upanishady v 3-kh knigakh. Syrkin A.Ya. (per. s sanskrita, predisl. i komment.). Elizarenkova T.Ya. (otv. red.). Moskva: Lodomir: Nauka, 1991–1992, Kn. 2: 1992. 335 s.
17. Frenk, Dzh. Prostranstvennaya forma v sovremennoi literature // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX vv. – M.: MGU, 1987 – C. 194-203.
18. Entsiklopediya postmodernizma / Sost. A.A. Gritsanov, M.A. Mozheiko. Minsk: Interpresservis; Knizhnyi Dom, 2001. – 1040 s.
19. Entsiklopediya simvolov. Roshal' V.M. (sost.). M.: AST; Sankt-Peterburg: Sova, 2005. 1007 s.

20. Assmann Jan. The Ancient Egyptian Myth of the Journey of the Sun. *Aegyptiaca. Journal of the History of Reception of Ancient Egypt*. 2019, (4): 19–32.
21. Bray, Joe and Allison Gibbson, eds. "Introduction." Mark Z. Danielewski. Manchester: Manchester UP, 2011. 1-13.
22. Brick, Martin. Blueprint(s): Rubric for a Deconstructed Age in House of Leaves. In: University of Sydney: Philament. Vol. 2, January 2004.
23. Danielewski Mark Z. (2000). *House of Leaves* / Pantheon Books. 2000.
24. Davidson Th. The Spatio-Temporal Dimensions of Mark Z. Danielewski's *House of Leaves*: «Real Virtuality» and the «Ontological Indifference» of the Information Age. *Word and Text. A Journal of Literary Studies and Linguistics*. 2014. (4.1): 70–82.
25. Derrida, Jacques. *Archive Fever: A Freudian Impression*. Trans. Eric Prenowitz. Chicago: U of Chicago P, 1998. – 113 P.
26. Hayles N. Katherine. Saving the Subject: Remediation in *House of Leaves*. *American Literature*. 2002. (74.4): 779–806.
27. Huber Sebastian. A House of One's Own: *House of Leaves* as a Modernist Text. In: *Revolutionary Leaves: The Fiction of Mark Z. Danielewski*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2012. P.123–136.
28. McHale Brian. *Postmodernist Fiction*. London: Routledge, 1987. 264 p.
29. Noah Joseph B. *House of Leaves: The End of Postmodernism*. English Theses. Paper 2. Buffalo: State University of New York College at Buffalo, 2012.
30. Wallis E.A. Budge. *The Book of Gates*. <https://www.sacred-texts.com/egy/gate/> (data obrashcheniya 01.03.2021).

Gadget vs device: the experience of semantic analysis

Dedova Olga Viktorovna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1 st51

✉ ov-dedova@yandex.ru

Mao Yuyan

Postgraduate student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1 st51

✉ maoyuyann@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the semantics of the lexemes gadget and device in the modern Russian language. The spheres of use of these words, semantic differences and similarities between them, and their stylistic specificity are discussed. As sources of linguistic information about the functioning of lexemes, the data of the Russian National Corpus, the results of an Internet search and a questionnaire were used. The article reveals the multiple meanings of the words gadget and device in the modern Russian language. The YandexGPT neural network was used to verify the selected word meanings. The results obtained do not coincide with the data presented in modern explanatory dictionaries. The word-formative productivity of borrowed bases is noted – non-formal derivatives of different parts of speech

are consistently formed from them. A descriptive method was used in the article. Based on the innovative nature of denotative realities and the inconsistent lexicographic description of the corresponding lexemes in modern dictionaries, the article applied an onomasiological approach ("from thing to word"). The scientific novelty consists in the fact that for the first time a comparative semantic study of these lexemes was carried out using the above methods, their regular meanings and stylistic specificity were revealed. The analysis made it possible to draw conclusions: lexical neologisms naming innovative devices are inconsistently described by modern dictionaries, their study is an important task and requires modern research methods with the use of computer technologies; the words gadget and device are hyperonyms in relation to the lexical units of the field "Personal computing devices", they have both semantic differences and similarities and are actively adapted in modern Russian-speaking usage. The communicative relevance of these words is evidenced by the possibility of their indirect ironic use as a means of designating almost any object.

Keywords: use of neural network data, paronymic attraction, word-formative derivation, adaptation of anglicisms, borrowing, neological vocabulary, device, gadget, lexical-semantic field, personal computing device

References (transliterated)

1. Mao Yuiyan', Dedova O. V. Leksicheskie sposoby naimenovaniya personal'nogo komp'yutera v sovremennom russkom yazyke // MNKO. 2021. №3 (88). S. 534–547.
2. Dedova O. V., Mao Yuiyan'. Analiz sushchestvitel'nykh v predelakh leksiko-semanticheskogo polya «personal'nye komp'yuternye ustroystva» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2023. № 4. S. 50–61.
3. Oxford dictionary of English. 2nd ed. / ed. by Catherine Soanes, Angus Stevenson. Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2003.
4. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
5. Michael Quinion. World Wide Words: Gadget. URL: <https://www.worldwidewords.org/qa/qa-gad1.htm> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
6. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika. Pod redaktsiei G. N. Sklyarevskoi. Moskva: Eksmo, 2007.
7. Krysin L. P. Sovremennyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 7000 slov i vyrazhenii, tolkovanie znachenii, proiskhozhdenie, upotreblenie. Rossiiskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Moskva: AST-Press shkola, 2018.
8. NeiroKRYa. URL: <https://ruscorpora.ru/word/main> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
9. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
10. YandexGPT. URL: https://ya.ru/alisa_davay_pridumaem (data obrashcheniya: 25.01.2024)
11. Petrukhina E. V., Dedova O. V. Internet kak istochnik lingvisticheskoi informatsii (dlya izucheniya dinamiki russkogo slovoobrazovaniya) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2019. №57. S. 137–159.

Features of the discursive representation of the image of the Chinese in the play «Zoyka's Apartment» by M. A. Bulgakov

Bao Lihong

Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, of. -

✉ lihong.bao@yandex.ru

Abstract. The object of the study is Bulgakov's play "Zoyka's Apartment", and the subject was the images of the Chinese, created by the author. The discursive representation of foreign cultural elements in Russian literature of the 1920s, the role of Chinese images in the plot, their place in the structure of characters are studied. "Chinese" theme is examined, an analysis of characters belonging to a different culture is provided, their ideological and artistic essence and the author's manner of creating ethnic flavor are revealed. The author of the article connects the images of the Chinese created by the writer with his understanding of the historical and cultural events in the Soviet Union in the 1920s, with stereotypical and historically based ideas about the Chinese.

The research is conducted on the general scientific methods of analysis and synthesis, as well as comparative, contextual, and interpretive methods. The main approach has become a comprehensive one, which allows us to consider images of the Chinese as components of the discursive structure of the work.

The scientific novelty of the study is the identification of the special discursive representation that foreign cultural specifics received in Bulgakov's play. In the depiction of Chinese heroes the author uses the techniques of grotesqueness, parody, sarcasm, and irony. Such qualities of the Chinese as love for the Motherland, the desire to demonstrate strength and defend their own honor, readiness to sacrifice, adventurous thinking, activity, being in constant motion, are depicted in close connection with the Soviet historical and cultural context of the 1920s. It is concluded that the images of the Chinese are paradoxical, ambiguous, contradictory: they participate in the author's creation of illusory, borderline space and at the same time help to depict it accurately, taking into account historical, cultural, and temporal realities.

Keywords: irony, sarcasm, Chinese theme, Chinese flavor, discursive representation, foreign cultural discourse, images of the Chinese, figurative system, Mikhail Bulgakov, Zoyka's Apartment

References (transliterated)

1. Ivan'shina E. A. Kak ustroena «Zoikina kvartira» // M. A. Bulgakov: Pro et contra, antologiya: Lichnost' i tvorchestvo M. A. Bulgakova v otsenkakh literaturovedov, kritikov, filosofov, sotsiologov, iskusstvovedov / Sostavitel' O. V. Bogdanova. SPb.: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2019. S. 599–612.
2. Kiseleva A. A. Tragicheskii fars M. A. Bulgakova «Zoikina kvartira», ili Ironiya kak sposob vyzhivaniya // Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka. 2021. № 1. S. 91–100. DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_08.
3. Lyan V. Oppozitsiya «dom – mir» v dramaturgii M. A. Bulgakova 1920-kh gg. («Dni Turbinykh», «Zoikina kvartira», «Beg») // Neofilologiya. 2020. T. 6. № 24. S. 783–793. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-24-783-793.
4. Belogurova E. V. Komediino-satiricheskaya versiya «Kvartirnogo voprosa» v tvorchestve M. Bulgakova: «Zoikina kvartira» // Filologiya i chelovek. 2014. № 1. S. 164–170.
5. Red'kin S. V. Metonimiya kak sposob organizatsii syuzheta i yazykovogo prostranstva v

- p'ese M. Bulgakova «Zoikina kvartira» // Tekst v kul'turnom, yazykovom, sotsial'nom prostranstve: sbornik nauchnykh statei / Otv. redaktor V. V. Nikul'tseva. M.: Moskovskii finansovo-yuridicheskii universitet, 2021. S. 465–472.
6. Kaz'mina O. A. «Kitaiskii angel» ili «chert znaet chto takoe» (obrazy kitaitsev v proizvedeniyakh M. A. Bulgakova «Kitaiskaya istoriya» i «Zoikina kvartira») // Poetika khudozhestvennogo teksta: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / pod red. M. N. Kaprusovoi, S. Yu. Tolokonnikovoi. Borisoglebsk: Kristina i K, 2015. S. 117–125.
 7. Yao Ch. Obrazy Kitaya i kitaitsev v rasskaze «Kitaiskaya istoriya» M. A. Bulgakova // Aprobatsiya. 2017. № 1 (52). S. 179.
 8. Tsao Syuemei. Motiv chertovshchiny v rasskaze Mikhaila Bulgakova «Kitaiskaya istoriya» // Russkaya revolyutsiya v zerkale literatury i kul'tury: sbornik statei i materialov Mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. M.: Drevlekhranilishche, 2018. S. 122–128.
 9. Uryupin I. S. Voploshchenie natsional'no-kul'turnogo arkhetaipa samozvantsa v tvorchestve M. A. Bulgakova 1920-kh godov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2010. T. 1. № 3. S. 15–24.
 10. Gileva E. V., Yuzhakov P. V. «Kitaiskaya» tema v p'ese M. A. Bulgakova «Zoikina kvartira» // Teatr i drama: esteticheskii opyt epokhi: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vyp. 9. Novosibirsk: NGTI, 2022. S. 70–80.
 11. Uryupin I. S. «Kitaiskaya» tema v tvorchestve M. A. Bulgakova: k voprosu ob inokul'turnoi stikhii v russkoi literature 1920-kh gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. 2011. № 5. S. 132–135.
 12. Krylova M. N. Simvolika Kitaya v sovremennoi russkoi literature // Kritika i semiotika. 2016. № 1. S. 227–235.
 13. Li Syn Ok. Motiv «dom – antidom» v p'ese M. Bulgakova «Zoikina kvartira» // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gertsena. 2008. № 37 (80). S. 214–219.
 14. Bulgakov M. A. Zoikina kvartira: p'esy. M.: EKSMO-Press, 2002. 283 s.

Transition Features of the Russian Regional Press to Digital Technology

Baranova Ekaterina Andreevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Communication Management and Relationship Management, RSSU

4 Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russia

✉ kat-journ@yandex.ru

Novoselova Galina Germanovna

Press Secretary, FGKU "Rosgeolexpertiza" Postgraduate student of the Mass Communications Department of RUDN University

115184, Russia, Moscow, Malaya Ordynka str., 34

✉ novoselovagalina@inbox.ru

Abstract. The regional press plays an important role in the formation of the urban media

space. The article examines the adaptation features of the Russian regional press to the changing the digital environment conditions. Despite the slight increase in circulation and audience of print media, the Russian regional press continues to experience a number of difficulties associated with a lack of funding, influence from government agencies, the implementation of government tasks, an aging audience, and publication of news in printed editions with a long delay. Publications are trying to adapt to changing conditions, looking for new ways not only to earn money, but also to attract an audience. Some sites are either a copy of the printed edition or are updated quite rarely. Nevertheless, digitalization does not mean the death of the Russian regional press. The study was based on interviews conducted by the authors in 2021-2023 with the heads of Russian regional newspapers. The authors also conducted a content analysis of materials posted on newspaper websites.

The article is the first to examine successful cases of regional press.

To attract the widest possible number of subscribers and, in general, active consumers of information products, the content of regional media must be exclusive, prompt, reliable, dialogic (providing different points of view), and multimedia.

Unfortunately, Internet resources of Russian regional print media do not always meet these criteria.

Digitalization does not mean death for traditional media; it is rather a new opportunity to conquer new "territories", attract audiences, and implement new tasks.

However, the development of local publications is hampered by the policies of government agencies that put pressure on editorial offices. Officials do not understand the specifics of journalistic work.

Only a few regional publications manage to cope with existing problems, find sources of funding and attract new audiences.

Keywords: Digitalization, Media Convergence, The Mass Media and casual networks, The Mass Media and Telegram channels, Internet additions of the Mass Media, Regional journalism, Municipal press, Regional newspapers, Regional magazines, Government and the Mass Media

References (transliterated)

1. Abrosimova E. A., Kravchenko Yu. D. Regional'nye SMI: uchebno-metodicheskoe posobie / E. A. Abrosimova, Yu. D. Kravchenko – Omsk: OmGU, 2019. – 34 s.
2. Alipulatov I. S. Mesto i rol' regional'nykh SMI v rossiiskom obshchestve: k postanovke problemy // Obrazovanie i pravo. – 2019. – № 10. – S. 13–17.
3. Antipina Z. S. Informatsionno-kommunikativnaya rol' raionnykh gazet v sotsial'nykh setyakh (na primere pechati Permskogo kraia) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. – 2018. – Tom 10. – № 4. – S. 5–12.
4. Baranova E. A. Mediakonferentsiya kak sistemoobrazuyushchii faktor transformatsii instituta SMI: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – M., 2018.
5. Baranova E. A., Novoselova G. G. Osobennosti kontent-politiki pechatnykh munitsipal'nykh SMI Yuga Moskovskoi oblasti: monografiya. – M.: RUDN, 2022. – 180 s.
6. Gradyushko A. Prodvizhenie regional'nykh SMI v Internetе. – [Elektronnyi resurs]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19558/1/Gradushko.PDF>
7. Zasurskii Ya. N. Kolonka redaktora: rossiiskaya model' SMI v nachale XXI veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika. – 2006. – № 2. – S. 3–7.
8. Kolesnichenko A. V., Smirnova O. V., Svitich L. G., Fomina D. A. Novye tekhnologii v praktike zhurnalistov rossiiskikh regional'nykh gazet / A. V. Kolesnichenko, O. V.

- Smirnova, L. G. Svitich, D. A. Fomina // Mediaal'manakh. – 2019. – № 5. – S. 42–55.
9. Mel'nik G. S. Sovremennaya mestnaya gazeta: tipologiya, osobennosti funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya. – [Elektronnyi resurs]. URL: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1413367279_9585.pdf
 10. Plekhanova Yu. I. Funktsionirovanie neopredelenno-lichnykh predlozhenii v regional'noi presse (na materiale Gazet Yuga Tyumenskoi oblasti) // Vestnik VGU. – 2013. – № 1. – S. 183–186.
 11. Pustovalov A. V. Pressa Velikobritanii: mezhdru «Bumazhnym» proshlym i tsifrovym budushchim // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. – 2013. – № 3(23). – S. 191–205.
 12. Svitich L. G., Smirnova O. V., Shiryayeva A. A., Shkondin M. V. Kommunikativnye kharakteristiki kontenta gorodskikh gazet (po rezul'tatam kontent-analiza) / L. G. Svitich, O. V. Smirnova, A. A. Shiryayeva, M. V. Shkondin // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2016. – № 1. – S. 3–27.
 13. Simkacheva M. V. Regional'naya zhurnalistika: tsennostnye orientatsii professional'nogo soobshchestva i real'naya praktika // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2008 – Tom 150, kn. 4. – S. 145–159.
 14. Smirnova O. V. Pечатnye media v epokhu tsifrovyykh tekhnologii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2013. – № 6. – S. 25–37.
 15. Soldatova Zh. G. Osobennosti razvitiya regional'nykh SMI Rossii // Nauka i sovremennost'. – [Elektronnyi resurs] – 2011. – № 10-1.
 16. Ustyuzhanina D. A. Transformatsiya zhanra reportazha pod vliyaniem sotsial'nykh media // Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii. – 2012. – № 2. S. 107–112.
 17. Hakaniemi K. From a Print House to a Technology Company. How to reinvent a regional newspaper in the digital age? Michaelmas, Hilary and Trinity. K. Hakaniemi. 2014.
 18. Newman Nic, Fletcher Richard, Robertson Craig T., Eddy Kirsten, Nielsen Rasmus Kleis. Reuters Institute Digital News Report 2022. Nic Newman, Richard Fletcher, Craig T. Robertson, Kirsten Eddy, Rasmus Kleis Nielsen. Reuters Institute for the Study of Journalism. 2022.
 19. Oleshko V. Regional Mass Media Of The Digital Revolution Era: Effective Functional-Activity Models // III PMMIS 2019. Post mass media in the modern informational society «Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems». – 2019. – P. 45–52.
 20. The future of regional newspapers in a digital world. Report of the Inquiry into Australia's regional newspapers // House of Representatives Standing Committee on Communications and the Arts. 2022.

Metaphor and metonymy in translation: transformation of images in Russian versions of Guillaume Apollinaire's works

Petrova Anastasiya Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Romance Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. Universitetskaya, 9-7-11

✉ petrovanas@spbu.su

Abstract. This study is devoted to the nuances of metaphor and metonymy translation, in

particular, to the works of Guillaume Apollinaire and their Russian translations. The article begins by defining the theoretical foundations of metaphor and metonymy, drawing on linguistic and cognitive theories to emphasise their importance in literary discourse. It then provides a thorough analysis of Apollinaire's unique stylistic elements, highlighting the fusion of visual and verbal poetics and how these aspects pose a challenge to the translator. The main part of the study is an in-depth analysis of selected Apollinaire works, offering a comparative analysis of the original French texts and their Russian counterparts. This segment highlights the difficulties inherent in translating Apollinaire's rich metaphorical and metonymic language, marked by a characteristic combination of visual imagery and linguistic innovation. The study uses a range of linguistic examples to demonstrate both successful and problematic translation solutions, providing a multifaceted insight into the translation process. The paper then examines the specific difficulties of translating metaphor and metonymy into Russian, given the linguistic and cultural differences between French and Russian. It presents various translation techniques such as substitution, modulation and word-for-word translation and evaluates their effectiveness in bridging the gap between the two languages. The study also critically examines examples where direct translation fails to convey the essence of the original, emphasising the importance of cultural context and idiomatic appropriateness in translation. The conclusion summarises the findings, highlighting the crucial role of cultural and cognitive considerations when translating metaphors and metonymies.

Keywords: Guillaume Apollinaire, French-Russian linguistic comparison, translation methodology, poetic imagery, intercultural communication, cognitive linguistics, Russian fiction translation, metaphor and metonymy, translation studies, cultural interpretation

References (transliterated)

1. Boeva E. D. Sposoby perevoda avtorskoi metafory v khudozhestvennom tekste / E. D. Boeva, E. A. Kul'kina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 4 (34), ch. 3. S. 41-44.
2. Vovk V.N. Yazykovaya metafora v khudozhestvennoi rechi. Priroda vtorichnoi nominatsii. Kiev: Naukova dumka, 1988. S. 127.
3. Voroshilova M.B. Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 207. № 23. S. 73-78.
4. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 s.
5. Retsker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda. M.: AUDITORIA, 2016. 244 s.
6. Apollinaire Guillaume. Alcools. (English Translation). 2001. 160 p.
7. Apollinaire Guillaume. Calligrammes: Poems of Peace and War (translated by Anne Hyde Greet). 2004. 512 p.
8. Frawley William. Translation: Literary, Linguistic and Philosophical Perspectives. 1984. 224 p.
9. Lakoff George, Johnson Mark. Metaphors We Live By. 1980. 276 p.
10. Lefevere André. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. 1992. 240 p.
11. Newmark Peter. A Textbook of Translation. 1988. 292 p.
12. Nida Eugene A. Toward a Science of Translating. 1964. 331 p.
13. Rabassa Gregory. If This Be Treason: Translation and Its Dyscontents. 2005. 192 p.

14. Venuti Lawrence. The Translator's Invisibility: A History of Translation. 1995. 353.

Russian and Chinese national personalities: based on the material of phraseological units and proverbs with the concept of "religion"

Sun Xuna

Postgraduate student, Department of Russian Language and Linguoculturology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1161799398@qq.com

Abstract. This article is devoted to the linguistic and cultural description of the national personality in Russian and Chinese. The subject of this study is the Russian and Chinese language personality. The object of this study represents national cultural similarities and differences; Russian and Chinese national personalities. The purpose of the study is to identify universal and national-specific linguistic and cultural features of Russian and Chinese national personalities based on phraseological units, proverbs of Russian and Chinese languages, which reflect the concept of "religion". The practical significance of the work lies in the fact that the lexico-semantic and linguocultural analysis of phraseological units, proverbs of religious subjects can be used in educational activities in courses of lexicology, linguoculturology, linguistic and cultural studies, sociolinguistics. The provisions and conclusions of the study can be applied in lexicographic practice in compiling dictionaries of phraseological units, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language, spreading Chinese culture in Russia. To solve the problem, the following research methods are used: the method of continuous sampling of material from dictionaries of the Russian and Chinese languages, the method of linguistic and cultural commentary and the comparative-contrastive method. Russian and Chinese national personalities are analyzed for the first time in the article, which has not previously been described in the aspect of comparative linguoculturology, the traditional national religious value of Russian and Chinese personalities is considered for the first time, their stereotypical ideas and character traits under the influence of religion are indicated. This is the scientific novelty of this study. The research shows that phraseological units and proverbs with the concept of religion recorded in Russian and Chinese lexicographic sources differ in quantity and content. The universal traditional religious values of the compared national personalities include faith in the existence of evil and good spirits, love of kindness and the idea of the goodness of human nature. Unlike the Russian people, the Chinese national personality is characterized by non-religion. For the Chinese personality, such religious values as longevity and immortality, great kindness, the desire for a simple life and love of nature, reward for good and evil, the concept of cause and effect, pious faith in the Buddha are of great importance; and for the Russian, a sense of guilt, thirst for suffering and the self-worth of the sacrifice itself, kindness, hard work, patience and faith.

Keywords: character traits, proverbs, phraseological units, linguoculturology, Chinese, Russian, Russian national personality, Chinese national personality, cultural values, religion

References (transliterated)

1. Abramova N.A. Kitaiskii etnos: ot traditsii k sovremennosti. Chita: chitGU, 2006. – 110

- S.
2. Alekseev P.V. Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie. M.: Politizdat, 1990. – 304 s.
 3. Vasilyuk I.P. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie natsional'noi (russkoi) yazykovoi lichnosti: Na materiale aforistiki. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2004. – 20 s.
 4. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. M.: RUDN, 2008. – 338 s.
 5. Vorob'ev V.V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvokul'turologii. diss. ...d-ra filol. n. Moskva, 1996. – 170 s.
 6. Gotlib O.M., Mu Khuain. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'. Okolo 3500 vyrazhenii. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 596 s.
 7. Guruleva T.L. Rechevoi portret kitaiskoi yazykovoi lichnosti. M.: ITTs, 2017. – 157 s.
 8. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda: v 3 t. M.: Rus. kn., 1993. – 49 s.
 9. Domenak Zh. Semeinye otnosheniya v Kitae. M.: Nauka, 1991. – 39 s.
 10. E Lan, Chzhu Lyanchzhi. Khrestomatiya po kul'ture Kitaya. Pekin: Izdatel'svo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov, 2011. – 262 s.
 11. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok. M.: Rus.yaz., 1998. – 69 s.
 12. Letova A.D. Lingvokul'turologicheskii kontsept "Angliiskaya natsional'naya lichnost'" v sopostavitel'no-kontrastivnom opisanii aforistiki. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2004. – 200 s.
 13. Li Leizhun. Kul'tura Kitaya. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo inostrannykh yazykov, 2015. 李磊荣. 中国文化简明教程. 上海: 上海外语教育出版社, 2015. – 341 s.
 14. Nedosugova A.B. Lingvokul'turologicheskoe opisanie natsional'noi lichnosti v russkom i kitaiskom yazykakh. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2003. – 224 s.
 15. Rapoport N.V. Lingvokul'turologicheskii kontsept "Frantsuzskaya natsional'naya lichnost'": Na materiale aforistiki. diss. ...k. filol. n. Ufa, 1999. – 226 s.
 16. Tan' Aoshuan. Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. – 271 s.
 17. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. – 288 s.
 18. Tishkov A. Kitaiskie narodnye pogovorki, poslovitsy i vyrazheniya. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. – 29 s.
 19. Tolmats K.V. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. – 34 s.
 20. Felitsyna V.P., Prokhorov Yu.E. Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Lingvostranovedcheskii slovar' / pod red. E.M. Vereshchagina, V.G. Kostomarova. M.: Rus. yaz., 1979. – 19 s.
 21. Khao Tszintszyan, Li Tszin, Chzhan Syufan. Frazeologicheskii slovar' Sin'khua. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2009. – 121 s. 郝景江, 李靖, 张秀芳. 新华成语词典. 北京: 商务出版社, 2009. 121.
 22. Sha Lyan'syan. Kitaiskii natsional'nyi kharakter. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo universiteta Zhen'min', 2012. – 7 s. 沙莲香. 中国民族性. 北京: 中国人民大学出版社, 2012. 7.

Representation of the Green Color in Russian and French Linguo-Cultures

Zheng Wenxuan

Postgraduate student, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 13

✉ tchzhen.vensyuan@yandex.ru

Abstract. This article represents an in-depth linguistic analysis of the use of green color in the Russian and French languages. The richness of phraseological expressions and lexical turns associated with this color is examined in diverse contexts. The primary focus is on denoting plants, nature, and metaphorical meanings, such as associations with youth and emotions. The study covers various domains of green color use, including its connection with playing cards, money, and alcohol. The author aims to uncover how the color interacts with cultural concepts and perceptions in different linguocultural environments of Russian and French languages, providing a profound understanding of the multilayered semantics of the color green.

The research is based on a comprehensive analysis of linguistic materials, including a comparative analysis of phraseological units in Russian and French. Methods of semantic analysis, cultural context, and historical-linguistic comparison are applied. The work relies on authentic texts and integrates cultural and linguistic history to reveal nuanced aspects of green color usage.

The study offers a deep analysis of phraseological units involving the green color, identifying their cultural, linguistic, and semantic aspects in the context of Russian and French languages. The work unveils common features and unique characteristics of green color usage, providing readers with a profound understanding of its significance in various linguistic and cultural paradigms. The scientific novelty lies in the full-scale analysis of linguistic material and the exploration of the influence of cultural factors on color perception in language. The research enriches linguistic science, offering valuable insights into the realm of cultural interaction through the language prism. It inspires further investigations into the semantics of color and linguistic anthropology, introducing new perspectives and understanding into discussions on the impact of color perception on cultural norms and customs.

Keywords: Semantic Analysis, Research, Denotation of Plants, Youth and Emotions, Money, Cultural Interaction, Linguo-Cultures, Cultural Aspects, Phraseological Expressions, Green Color

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovo-frazeologicheskii slovar' Mikhel'sona / Pod red. M.I. Mikhel'sona. – M.: Izdatel'stvo ETS, 2004.
2. Gak, V. G. Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov: uchebnik dlya studentov pedagogicheskikh institutov po spetsial'nosti № 2103 "Inostrannye yazyki" / V. G. Gak ; V. G. Gak. – Izd. 4-e. – Moskva : URSS, 2010. – 287 s.
3. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie ob istine v russkom, frantsuzskom i kitaiskom yazykakh i kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // Litera. – 2023. – № 5. – S. 249-267.
4. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie o sovesti v russkoi, frantsuzskoi i kitaiskoi kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // Filosofiya i kul'tura. – 2022. – № 11. – S. 95-106.
5. Golovanivskaya, M. K. Predstavlenie ob ume v russkom, frantsuzskom i kitaiskom

- yazykakh i kul'turakh / M. K. Golovanivskaya, N. A. Efimenko // *Filosofiya i kul'tura*. – 2023. – № 5. – S. 117-133.
6. Zhguchii glagol: Slovar' narodnoi frazeologii / Sost. V.K. Belko. – M.: Zelenyi vek, 2000.
 7. Malyi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. A.P. Evgen'evoi. – M.: YaSK, 2016.
 8. Pereslegina, E. R. Sopostavitel'nyi analiz russkikh i frantsuzskikh glagolov dvizheniya pri obuchenii inostrannykh studentov russkomu yazyku : spetsial'nost' 13.00.02 "Teoriya i metodika obucheniya i vospitaniya (po oblastyam i urovniam obrazovaniya)": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. – Nizhnii Novgorod, 2002. – 23 s.
 9. Semukhina, E. A. Lingvosemiotika zelenogo tsveta vo frantsuzskom religioznom mediadiskurse // *Yazyk. Sotsium. Kul'tura: sbornik nauchnykh statei*. – Saratov : Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova", 2017. – S. 37-41.
 10. Slovar' russkogo argo / Pod red. V.S.Elistratova. – M.: Russkie slovari, 2000.
 11. Slovar' russkogo yazyka / Pod red. S.I.Ozhegova. – M.: Mir i obrazovanie, 2017.
 12. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N.Ushakova. – M.: Khit-kniga, 2020.
 13. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. A.I.Fedorova. – M.: Lingua, AST, Astrel', 2008.
 14. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. T.V.Volkova. – M.: Veche, 2000.
 15. Kharitonov, A. M. O nekotorykh religiozno-mifologicheskikh istokakh proiskhozhdeniya vyrazhenii, svyazannykh s zelenym tsvetom // *Religiya i obshchestvo-11: sbornik nauchnykh statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Mogilev, 10–17 marta 2017 goda / Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A.A.Kuleshova*. – Mogilev: Mogilevskii gosudarstvennyi universitet imeni A.A. Kuleshova, 2017. – S. 259-261.
 16. Shakhbanova, A. R. Kartina mira somatizma oculus "glaz" v yazykakh razlichnykh tipologii (na materiale lezginskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov): spetsial'nost' 10.02.20 "Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. – Makhachkala, 2014. – 159 s.
 17. *Le Grand Larousse encyclopédique* / Dir. de P. Larousse – P.: Les Éditions Larousse, 2022.
 18. La Fontaine, J.D. *La Fontaine's Fables* / J.D.La Fontaine. – M.: Nobel' Press, 2011.

Patriotic principles in the work of M.A. Sholokhov

Shagbanova Khabiba Sadyrovna

Doctor of Philology

Assistant professor, Professor of the Department of General Humanitarian Disciplines, Law Institute (St. Petersburg)

199106, Russia, Saint Petersburg, Gavanskaya str., 6

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

Abstract. The article is devoted to the understanding of patriotism according to M.A.

Sholokhov. The theme of love for the Motherland is consistently considered in the works of various periods of the famous Soviet writer's work. Being a direct participant in the fateful events for the USSR, Sholokhov managed to reflect patriotism as a multilevel and, at times, contradictory concept. The analysis of the patriotic model of behavior on the example of the main characters and supporting characters of the writer's works is considered in the context of such plot and compositional elements as binary oppositions (good - evil, truth - lies, honor - inhumanity, mercy - cruelty, personal - collective). The description of this concept is accompanied by an appeal to the categories of space and time, an understanding of the ideological, moral and spiritual dominants that guide the literary heroes of the works. Patriotism, presented in the historical context of M.A. Sholokhov's literary heritage, should be considered as a constant that contributes to the reflection of the character and registers the internal logical connections of this constant, its meaningful content throughout the plot. The patriotic paradigm of the worldview of the writer's artistic works is characterized not only by the ability to motivate sacrificial acts, but also by the prerequisite to form the basis for a conflict of personalized positions and views. Using the example of the heroes of his works, M.A. Sholokhov shows us, the readers, what a true patriot should be. It is stated that the artistic heritage of the Master in modern socio-political realities can successfully contribute to the patriotic education of Russian youth, since fiction has a serious impact on the upbringing of a personality, on its inner potential and the choice of moral and ethical guidelines, and contribute to the formation of high moral qualities of a person.

Keywords: Mikhail Sholokhov, Homeland, protection of the Fatherland, war, traditional culture, realism, The Don Cossacks, artistic image, literary creativity, patriotism

References (transliterated)

1. Arkhipenko N.A., Vlaskina T.Yu., Vlaskina N.A. Printsipy predstavleniya traditsionnoi kul'tury donsogo kazachestva v tvorchestve M.A. Sholokhova // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2010. № 2. - С. 8-24.
2. Biryukov F.G. Snova o Melekhove // Novyi mir. 1965. № 5. - С. 236-250.
3. Gerasimova I.F. Tragizm izobrazheniya pervoi mirovoi voyny v tvorchestve M.A. Sholokhova i ego starshikh literaturnykh sovremennikov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki. 2012. № 2. - С. 5-14.
4. Gubanov G.V. Mikhail Sholokhov na frontakh voyny i literatury // Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika. 2013. № 2 (17). - С. 94-102.
5. Darenskiy V.Yu. Voina kak faktor npravstvennogo preobrazheniya cheloveka v romane M. Sholokhova "Oni srazhalis' za Rodinu" // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2018. T. 28. № 3. - С. 357-365.
6. Knyazeva E.S. Traditsii M.A. Sholokhova v russkoi proze 60-70 godov KhKh veka o sud'be krest'yanstva: avtoref. dis. kand. filol. n. [Surgut. gos. ped. un-t]. - Surgut, 2007. - 22 s.
7. Kotovchikhina N.D. Sovremennyi mir i tvorchestvo Mikhaila Sholokhova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki. 2010. № 3. - С. 12-20.
8. Kotovchikhina N.D. Epicheskaya proza M.A. Sholokhova v russkom literaturnom protsesse XX veka: avtoref. dis. ... doktora filol. n. [Mosk. gos. otkrytyi ped. un-t im. M.A. Sholokhova]. - M., 2004. - 50 s.
9. Lysenko A.S. Pravda o voine v rasskaze M.A. Sholokhova «Sud'ba cheloveka»

- [Elektronnyi resurs] // Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsii / Bulletin of Medical Internet Conferences. 2015. T. 5. № 5. – S. 496. – URL: <https://medconfer.com/node/5233> (data obrashcheniya: 27.12.2023).
10. Metchenko A.I. Mudrost' khudozhnika: O M.A. Sholokhove. – M.: Sovremennik, 1976. – 190 s.
 11. Murav'eva N.M. Proza M.A. Sholokhova: ontologiya, epicheskaya strategiya kharakterov, poetika: avtoref. dis. ... doktora filol. n. [Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina]. – Tambov, 2007. – 52 s.
 12. Pol' D.V. Istorizm sholokhovskogo eposa // Novyi filologicheskii vestnik. 2021. № 3 (58). – S. 251-261.
 13. Sigov V.K. «Russkii tekst» v mnogonatsional'noi rossiiskoi literature KhKh veka // Tekst kak filologicheskii fenomen: aktual'nye aspekty retseptsii i interpretatsii: Kollektivnaya monografiya / Sost. i nauch. red.: L.A. Trubina, V.K. Sigov. – M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – S. 384-404.
 14. Slyusarenko L.M. Tvorcheskoe nasledie M.A. Sholokhova na postsovetском kul'turnom prostranstve // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2021. № 4-3 (106). – S. 193-199.
 15. Chaikin Timofei, ierei. Dukhovnaya npravstvennost' kazakov v romane "Tikhii Don" [Elektronnyi resurs] // Arkhont. 2019. № 2 (11). – S. 18-20. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38214329> (data obrashcheniya: 27.12.2023).
Chen' V. Publitsistika M.A. Sholokhova i A.N. Tolstogo voennykh let (1941-1945 gg.) v vospitanii patriotizma molodogo pokoleniya [Elektronnyi resurs] // Russkii lingvisticheskii byulleten'. 2023. № 5 (41). – URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.44> (data obrashcheniya: 11.11.2023).
 16. Chen' V. Publitsistika M.A. Sholokhova i A.N. Tolstogo voennykh let (1941-1945 gg.) v vospitanii patriotizma molodogo pokoleniya [Elektronnyi resurs] // Russkii lingvisticheskii byulleten'. 2023. № 5 (41). – S. 1-5. – URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.44> (data obrashcheniya: 11.11.2023).
 17. Shagbanova Kh.S. Analiz sfery lichnosti geroya na primere zhitiya velikogo knyazya Aleksandra Nevskogo [Elektronnyi resurs] // Litera. 2021. № 9. – S. 19-27. – URL: https://www.e-notabene.ru/fil/article_36398.html (data obrashcheniya: 11.11.2023).
 18. Shagbanova Kh.S. Kontsept «patriotizm» v ballade K. Simonova «Sekret pobedy» // Obrazovanie i pravo. 2022. № 2. – S. 348-352.
 19. Shakhvalova E.G. Tsennostnyi potentsial rechevoi kul'tury v grazhdansko-patrioticheskom vospitanii sovremennoi molodezhi [Elektronnyi resurs] // Osnovnye problemy i napravleniya vospitatel'noi raboty v sovremennom vuze: materialy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po vospitatel'noi rabote, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine (27 noyabrya 2020 g.) / Altaiskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. I.I. Polzunova; otv. red. I.V. Ognev. – Barnaul : AltGTU, 2020 – S. 142-144. – URL : https://journal.altstu.ru/konf_2020/2020_1/67/ (data obrashcheniya 11.11.2023).
 20. Shirina E.A. O dukhovnykh konstantakh v russkoi literature sovetskogo vremeni // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2022. № 2 (34). – S. 63-68.

Reception of A.P. Chekhov's play "The Cherry Orchard" in China

Cui Yunyun

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 17

✉ 1042205286@pfur.ru

Abstract. Anton Pavlovich Chekhov is a well-known Russian writer and playwright in China. During his life, he created many works that are familiar to the Chinese readers. It is generally recognized that Chekhov's plays open a new page in the history of drama and theater. The Cherry Orchard, Chekhov's last work, is considered one of his most mature dramatic works and today has a debatable character in literary criticism, its interpretations are offered to the audience on the theater stage all over the world, including in China. This article aims to trace the evolution of the reception of the named work in Chinese critical thought, as well as to reflect the history of the productions of The Cherry Orchard in the theater of China. The subject of this work is the reception of the play "The Cherry Orchard" in Chinese literary criticism, the study of the history of its translation and staging in various historical periods in China. The main research methods used are descriptive and historical. The author of the study tries to characterize the main features of the perception of the work and productions of The Cherry Orchard in China, which are determined by the change in the socio-historical conditions of the state. Critical and literary works of Chinese researchers of A.P. Chekhov's work are used as material for analysis. In this regard, the present study seems to be relevant, since the author develops a scientific discussion around the Chekhov work under consideration. The theoretical novelty of the article lies in the fact that the works of Chinese literary critics are introduced into scientific circulation, devoted to the problems of reception of the images of the play, its plot and ideological originality, and analyzes the performances of "The Cherry Orchard" by Chinese directors.

Keywords: staging, interpretation, perception, translation, literary criticism, reception, China, play, The Cherry Orchard, Chekhov

References (transliterated)

1. Tszyao Tszyuiin'. Posleslovie k perevodu «Vishnevogo sada» // Teatral'noe iskusstvo. 1980. S. 126–135.
2. Chzhan Veitszya. Prostranstvo v «Vishnevom sade» // Vestnik obshchestvennykh nauk Syanganskogo universiteta. 1984. № 3. S. 60–64.
3. Syao Dan. O khudozhestvennykh dostizheniyakh p'esy Chekhova «Vishnevyy sad». Izuchenie A. P. Chekhova pod redaktsiei Syui Tszuvu. Izdatel'stvo Khenan'skogo universiteta. 1987. S. 237–254.
4. Tszou Yuan'tszyan. O pauze v «Vishnevom sade» // Obzor zarubezhnoi literatury. 1996. № 3. S. 100–108.
5. Khe An'fan. Za rubkoi – ekologicheskaya kritika v «Vishnevom sade» // Vestnik Tsentral'noi akademii dramy «dramaturgiya». 2005. № 4. S. 72–79.
6. Dun Syao. Izuchenie komicheskoi suti p'esy iz «Vishnevogo sada» // Obzor zarubezhnoi literatury. 2009. № 1. S. 86–98.

7. Van Li. Etnichnost' chekhovskoi dramy v svete komicheskogo kharaktera «Vishnevogo sada» // Vestnik vtorogo pedagogicheskogo instituta Khubeya. 2010. T. 27. № 1. S. 20–22.
8. Chzhu Yan'yan', Fen Yun'. Raznoobraznye zhizni v shume mnozhestva golosov: «Vishnevyy sad» v svete teorii polifonii M. M. Bakhtina // Vestnik Pekinskogo universiteta transporta (izdanie po sotsial'nym naukam). 2012. T. 11. № 2. S. 125–130.
9. Tszun Shilun, Tszyan Syaopin. Sezonnoe povestvovanie v «Vishnevom sade» i ego esteticheskie posledstviya // Vestnik Yan'chenskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po gumanitarnym i sotsial'nym naukam). 2020. T. 40. № 6. S. 77–84.
10. Tyan' Tszya. Zapiski rezhissera: Chekhov i ego «Vishnevyy sad» // Shankhaiskaya drama. 1960. № 2. S. 27–28.
11. Syui Syaochzhun. Naslazhdayus' chekhovskim «Vishnevym sadom». Razmyshleniya rezhissera // Kitaiskaya drama. 1994. № 10. S. 20–22.
12. Chekhov A. P. Poln. sobr. sochinenii i pisem: v 30 t. T. 13. M.: Nauka, 1986. 520 s.
13. Li Inan'. Naiti vishnevyy sad // Chtenie. 2004. № 10. 24 s.
14. Yan Daotsyuan'. Belyi «Vishnevyy sad» v psikhologicheskoi real'nosti // Shankhaiskii teatr. 2016. 34 s.
15. Syui Minkhuei, Chen Tsyant'syan', Syue Sun. Teatral'nyi festival' Uchzhen' spletaet «priklyuchenskuyu» mechtu. Pressa Penpai. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2570860 (data obrashcheniya: 27.12.2022).
16. Teatral'naya studiya Men Tszinkhuei. «Vishnevyy sad» vkhodit v teatr kruiznykh laineroi, utro i vecher v more unesut vas v son. URL: https://www.sohu.com/a/551444756_532710?scm=1102.xchannel:325:100002.0.6.0&spm=smc.channel_248.block3_308_NDdFbm_1_fd.1.1674999665133D3v8JId_324 (data obrashcheniya: 29.12.2022).
17. Van Zhun'. Drama+telo: novaya rabota Van Yuan'yuan' predstavlyaet soboi drugoi vid «Vishnevogo sada». Pekin Deili. URL: <https://news.bjd.com.cn/2022/11/30/10246794.shtml> (data obrashcheniya: 09.01.2023).

The Specifics of Color Designation in Legal Discourse (Based on the Material of English and Russian Phraseological Units)

Osadchaia Olga Nikolaevna

PhD in Philology

Senior Tutor, Department of Foreign Languages, Russian State University of Justice

69 Novocheremushinskaya str., Moscow, 117418, Russia

✉ zuba-zuba@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to clarify the specifics of the phraseological representation of legal concepts that have colour elements in their composition in the English and Russian legal discourse. The subject of the study is phraseological units with colour designation in English and Russian, used in legal texts. By studying the phraseological fund of the language, the general and specific features of the worldview of representatives of the compared linguistic cultures are clarified. The application of the means of colour designation in

the phraseological component of the legal discourse contributes to the establishment of the peculiarities of the national-cultural mentality. The following methods were used in the course of the study: classification method, semantic method, modeling, quantitative method of processing the results obtained. The scientific novelty of the work consists in the study of legal phraseological units with a colour component that have not previously been considered when comparing English and Russian. As a result of the work carried out, we received information for the first time that the system of colour designation in the transmission of English legal concepts by metaphorical or metonymic transfer is much more developed than similar phraseological units in the Russian language. This phenomenon is explained by the development and stability of the common law system based on the principle of historicism and continuity, as well as the possibility of fixing the figurative perception of legal concepts in formal legal discourse. A significant part of the examples selected for the study demonstrates psycholinguistic patterns in their formation and functioning in language, and more specifically, in legal texts.

Keywords: linguistic culture, phraseological unit, comparison, legal discourse, colour element, phraseological picture of the world, language picture of the world, the English language, the Russian language, phraseological dictionary

References (transliterated)

1. Alefirenko N. F. Frazеologiya i paremiologiya: Uchebnoe posobie dlya bakalavrskogo urovnya filologicheskogo obrazovaniya / N. F. Alefirenko, N. N. Semenenko. M.: Flinta: Nauka, 2009. 344 s.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Progress, 1998. 430 s.
3. Biryukova E. V. O tendentsiyakh razvitiya sovremennogo sravnitel'no-istoricheskogo, tipologicheskogo, sopostavitel'nogo yazykoznaniya / E. V. Biryukova, L. G. Popova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 11. Ch. 3. S. 40–43.
4. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov / A. Vezhbitskaya; per. s angl. A. D. Shmeleva. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 288 s.
5. Verenich T. M. Cherty natsional'nogo kharaktera vo frazeologicheskoi kartine mira (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov) // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. M.: Buki-Vedi, 2012. S. 51–53.
6. Vorkachev S. G. «Kuda zh nam plyt'?» – lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vektor razvitiya // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Vyp. 8. Voronezh: NAUKA–YUNIPRESS, 2010. S. 5–27.
7. Guseva A. E., Kuznetsova Yu. G. Status frazeologicheskoi kartiny mira v obshchei yazykovoi kartine mira // Nauka, obrazovanie, obshchestvo: problemy i perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Tambov, 29 marta 2013 goda. Tambov: Izd-vo TROO «Biznes-Nauka-Obshchestvo», 2013. Ch. 1. S. 39–43.
8. Dobrichev S. A., Stepanova O. G. Frazеologizmy v pravovoi leksike angliiskogo yazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 4 (145). S. 17–21.
9. Dobrovol'skii D. O. Sopostavitel'naya frazeologiya (na materiale germanskikh yazykov) / Dobrovol'skii D. O., Malygin V. T., Kokanina L. B. Vladimir: VGPI, 1990. 80 s.
10. Dubenets E. M. Lingvisticheskie izmeneniya v sovremennom angliiskom yazyke:

- uchebnoe posobie. M.: Glossa-Press, 2003. S. 165.
11. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke // Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. S. 166–205.
 12. Kibrik A. E. Dialog kul'tur i yazyki // Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: stanovlenie global'noi kul'tury: Kh Mezhdunar. Likhachevskie nauch. chteniya, 13-14 maya 2010 g.: doklady. SPb., 2010. S. 86.
 13. Mur'yanov M. V. K interpretatsii staroslavvianskikh tsvetooboznachenii // Voprosy yazykoznaniiya. M.: Nauka, 1978. № 5. S. 100.
 14. Popova L. G. Sopostavitel'nyi podkhod k issledovaniyu lingvokul'turnykh kontseptov (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) // Sovremennye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki: kontseptsii i perspektivy: materialy mezhdunar. zaoch. nauch.-metod. konf. Ch. 2. Volgograd: VGU, 2011. S. 327–332.
 15. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie. M.: Nauka, 1988. 242 s.
 16. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty: monogr. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 288 s.
 17. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: ucheb. posobie. M.: Slovo, 2000. 624 s.
 18. Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V. V. Bibikhina. Khar'kov: «Folio», 2003. 503 s.
 19. Einshtein A. Sobranie nauchnykh trudov v 4 t. T. 4. Stat'i, retsenzii, pis'ma. M.: Nauka, 1967. 600 s.
 20. Yakovleva E. E. Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya). M.: Gnozis, 1994. 344 s.
 21. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Polit izdat, 1991. 527 s.

A professional blog as a special structural hypertext unit in the space of Internet communications

Podubnaya Nataliya Vladimirovna

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Stavropol State Agrarian University

355035, Russia, Stavropol Territory, Stavropol, lane. Zootechnical, 12

✉ nov.avtor@mail.ru

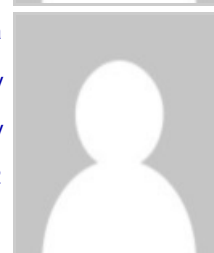
Chudnova Ol'ga Alekseevna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Stavropol State Agrarian University

355035, Russia, Stavropol, lane Zootechnical, 12

✉ chudnova08@mail.ru

Mikhienko Svetlana Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Stavropol State Agrarian University

355035, Russia, Stavropol Territory, Stavropol, lane Zootechnical, 12

✉ sam777sam@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the hypertext features of a professional blog in the space of the Internet environment. The professional type of blog is a separate unit of the Internet environment and is characterized by a hypertext structure within the framework of Internet communication. The article analyzes the main structural and content characteristics of a professional blog from the point of view of the hypertext organization of the Internet environment. The study is based on the material of the English language. The theoretical significance is determined by the fact that the data obtained make it possible to deepen knowledge about such important aspects of modern linguistics as the linguistic nature of electronic hypertext, its structural and substantive aspects. In addition, the study of hypertext features of professional English-language blogs contributes to the development of the theory of speech genres in the context of Internet communication.

The practical significance of the research is reflected in the fact that its results can be used in the process of teaching general language theory, the basics of computational linguistics, sociolinguistics, pragmalinguistics, as well as in the development of elective courses on Internet communication. Using the methods of continuous sampling and description, the study analyzed the text units of 3 professional blogs of large foreign companies conducted in English.

As a result, it was revealed that the professional type of blog is a hypertext unit of the Internet environment, representing a frame model with periodically updated author's posts, hypertext links, and comments. Despite the large number of works devoted to the study of hypertext, its organization and genre affiliation, there is currently no single and generally recognized typology of hypertext in the context of the professional variety of blogs, its creation is one of the priorities of modern researchers due to the rapid development of blog technologies. The scientific novelty lies in the approach that was taken to study the structural and content features of hypertext in the context of other types of blogs. In this regard, the basic principles of this approach are analyzed, the defining features of a blog are identified, taking into account its professional variety. Special attention was paid to the structure of electronic hypertext: the functional differentiation of hypertext links and ways of organizing links between hypertexts were considered.

Keywords: hypertext structure, frame structure, comments, Internet environment, hypertext link, hypertext unit, structural and content features, professional type of blog, blog, hypertext

References (transliterated)

1. Galichina, E.N. Spetsializirovannogo diskursa na angliiskom i angliiskom yazyke (na materiale zhanra komp'yuternykh konferentsii): dis. ... kand. filol. Volgograd, 2001. 212 s.
2. Germasheva, T.M. Yazykovaya lichnost' sub"ekta bloga-diskursa : diss. ... kand. filol. Rostov-na-Donu, 2011. 176 s.
3. Ivanov, L.Yu. Yazyk Interneta: zametki lingvista // Slovar' i kul'tura russkoi rechi. M.: Azbukovnik, 2000. S. 35-45.
4. Karasik, V.I. Yazyk krugovoi: lichnost', kontsepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004. 390 s.

5. Karasik, V.I. Yazykovye klyuchi. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s.
6. Karaulov, Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.
7. Lutovinova, O.V. Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2009. 496 s.
8. Moroslin, P.V. Lingvokul'turologicheskie osnovy teorii ispol'zovaniya Runeta v prostranstve mezhkul'turnoi kommunikatsii : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2010. 339 s.
9. Ryazantseva, T.I. Teoriya i praktika raboty s gipertekstom (na materiale angliiskogo yazyka). M.:Izd. tsentr «Akademiya», 2008.
10. Subbotin, M.M. Teoriya i praktika nelineinogo pis'ma (vzglyad skvoz' prizmu «grammatologii» Zh.Derrida) // Voprosy filosofii. 1994. № 3. S. 36–45.
11. Shul'ginov, V.A. Gipertekstovaya struktura setevogo dnevnika soobshchestva kak osobogo giperzhanra komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii (na materiale setevogo dnevnika-soobshchestva «Vladivostok»): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2014. 192 s.
12. Amerikanskii Dzh.Kh., Kreig R., general'nyi direktor. Yazyk korporativnogo liderstva // Monreal': izdatel'stvo McGill-Queen's University Press. 2006. VP 243.
13. Konklin Dzh. Gipertekst: vvedenie i obzor // IEEE Computer. 1987. T. № 21 (9). S. 17–41.
14. Fokkema, D.V. Semanticheskaya i sintaksicheskaya organizatsiya postmodernistskikh tekstov // K postmodernizmu. Amsterdam. 1986. V. P. 81–98.
15. Krishnamurti, S. Mnogomernost' besed v blogakh // Virtual'nyi postanovlenie ot 11 sentyabrya. Doklad, predstavlenyi na Internet Research 3.0. Maastricht. Niderlandy. 2002. VP 29–35.
16. Miller, Ch.R., Sheperd, D. Blogging kak sotsial'noe deistvie: zhanrovyy analiz bloga / Ch.R. Miller, D. Shepard // Laura Gurak, Smilyana Antonievich, Lori Dzhonson, Klensi Retliff i Dzhessika Reiman (red.), Into the Blogography : Ritorika, soobshchestvo i kul'tura blogov. Minneapolis, Minnesota: Universitet Minnesoty, 2004.
URL://blog.lib.umn.edu/blogSphere/blogging_as_social_action_a_genre_analysis_of_the_weblog.html.
17. Nil'sen Dzh. Mul'timedia i gipertekst: Internet i za ego predelami // AP Professional. Boston. 1995. VP 309.
18. Dzheneral Elektrik // blog. URL: <https://www.ge.com/digital/blog> (data obrashcheniya: 15.01.2023).
19. Gugl // blog. URL: <https://blog.google/> (data obrashcheniya: 21.01.2023).
20. Kooperativ REI // blog. URL: <https://www.rei.com/blog> (data obrashcheniya: 18.01.2023)

The system of criteria for the choice of spelling in diachronic descriptive spelling

Kaverina Valeriia

Doctor of Philology

Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

117149, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1-51, office 962

✉ kaverina1@yandex.ru

Abstract. The article presents the methodology of research in the field of descriptive diachronic spelling. The aim of the work is to develop a system of criteria for choosing spelling variants at different stages of the formation of the studied orthogram. The need for such a system is justified both by the description of the diachronic analysis process and by a specific example of such an analysis. Special attention is paid to the disclosure of such important concepts for the theory of writing as "usage", "norm", "codification" and the relationship between these concepts. Special attention is paid to the question of the legality of the use of the term "customary norm", for which the arguments confirming the incorrectness of this term are considered in detail. In addition, the problems of correlation between the principles of spelling as tools of descriptive (descriptive) spelling and the rules as a result of the activities of orthologists codifying the norms of writing are discussed. The system of criteria for descriptive spelling is based on the system of rules of prescriptive spelling, namely the rules of modern spelling from the new electronic resource "Spelling commentary of the Russian Dictionary" (OROSS) by E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova, E. V. Tenkova. The novelty of the results obtained in the article is due to the lack of research methodology in the field of descriptive diachronic spelling. The paper reveals such important concepts for the theory of writing as "usage", "norm", "codification" and clarifies the relationship between these concepts. As a result, the illegality of the use of the term "customary norm" was established, for which the arguments confirming the incorrectness of this term were considered in detail, in particular, that in certain contexts the terms "usage" and "norm" can be used indifferently. The result of the work was a system of criteria for choosing spelling options at different stages of the formation of the orthogram. The development of an original system of criteria for choosing spelling variants was carried out on the basis of a modern set of spelling rules. The scope of the research results is determined by describing the process of diachronic analysis of the orthogram and illustrated by a specific example of such analysis.

Keywords: The history of spelling, criteria for choosing a spelling, spelling rules, writing standards, changing the norm, the formation of an orthogram, descriptive spelling, diachronic spelling, rules of Russian spelling, the history of writing

References (transliterated)

1. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma. M.: LEKSRUS, 2016. 424 s.
2. Kaverina V. V. Uzual'naya norma delovoi pis'mennosti XVII veka: orfografiya prefiksov / Pod red. L. A. Ilyushinoy. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 80 s.
3. Sirotinina O. B. Uzual'naya norma i ee rol' v razvitii yazyka // Russkii yazyk segodnya. 4. Problemy yazykovoi normy / Otv. red. L. P. Krysin. M., 2006. S. 490–499.
4. Zemskaya E. A. Literaturnaya norma i neuzual'noe slovoobrazovanie // Sovremenniy russkii yazyk: Sistema – norma – uzus. M.: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2010. S. 207–253.
5. Krysin L. P. Problema sootnosheniya yazykovoi sistemy, normy i uzusa // Sovremenniy russkii yazyk: Sistema – norma – uzus. M.: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2010. S. 9–30.
6. Shmelev A. D. Kodifikatsiya orfograficheskikh norm: obshchie printsipy i podvodnye kamni // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2021. № 3. S. 11–24.
7. Kaverina V. V. Stanovlenie norm distributsii final'nykh "" i " posle bukv shipyashchikh soglasnykh i affrikat v russkom literaturnom yazyke XVIII–XIX vv. // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2017. № 2. S. 229–249.

8. Kaverina V. V. Orfografiya izdaniy «Rossiiskoi grammatiki» M. V. Lomonosova XVIII–XIX stoletii v kontekste pravopisnoi normy svoego vremeni // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya. 2016. № 1. S. 67–91.
9. Avanesov R. I., Sidorov V. N. Reformy orfografii v svyazi s problemoi pis'mennogo yazyka // Russkii yazyk v shkole. 1930. № 4. S. 110–118.
10. Reformatskii A. A. Uporyadochenie russkogo pravopisaniya // Russkii yazyk v shkole. 1937. № 1. S. 63–70.
11. Il'inskaya I. S., Sidorov V. N. Sovremennoe russkoe pravopisanie // Uchenye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta. M., 1953. T. 22. Vyp. 2. S. 3–40.
12. Avanesov R. I. Pristavki na <z>. O pravopisanii pristavok na -z v svyazi so smezhnymi voprosami // O sovremennoi russkoi orfografii. M., 1964. S. 117–120.
13. Zaliznyak A. A. Drevnerusskaya grafika so smesheniem " – o i ' – e // Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova. M., 2004. S. 165–192.
14. Shmelev A. D. Dopustimaya variativnost' orfografii ili rasprostranennaya oshibka? // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii, 2021. № 1 (41). S. 9–31.
15. Beshenkova E. V., Ivanova O. E., Ten'kova E. V. Orfograficheskoe kommentirovanie russkogo slovary (OROSS). URL: <https://oross.ruslang.ru/> (data obrashcheniya: 10.01.2023).
16. Nechaeva I. V. K tipologii orfograficheskoi variantnosti v russkom yazyke // Russkaya rech'. 2022. № 3. S. 47–59.
17. Nechaeva I. V., Pertsov N. V. O variativnosti v russkoi orfografii // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2020. № 1. S. 10–35.
18. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. Aspektnoe opisanie russkoi orfografii. Ocherki teorii. Pravila. Slovar'. M.: LEKSUS, 2018. 567 s.
19. Afanas'eva P. V. Lingvisticheskie faktory motivirovki napisanii orfogramm na primere pravil s opoznavatel'nym priznakom «nalichie soglasnykh v kontse slov (morfem) ili stecheniya soglasnykh v slove // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2008. № 2. S. 5–13.
20. Nam Khe Khen. Uzus, norma i sistema v kontekste sovremennogo russkogo yazyka: na materiale internet-kommunikatsii // Mir russkogo slova. 2013. № 3. S. 33–43.

The system of epic characters of olonkho "Bogatyr Tong Saar" by S. N. Karataev

Kuzmina Aitalina Akhmetovna

PhD in Philology

Senior Scientific Associate, Institute for the Humanities and Problems of the Indigenous Peoples of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

677027, Russia, respublika Sakha (yakutiya), g. Yakutsk, ul. Petrovskogo, 1, of. 414

✉ aitasakha@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the semantics, structure and plot functioning of the character system in the Yakut heroic epic. The object of the study is the olonkho "Bogatyr Tong Saar" by Semyon Nikolaevich Karataev, which is one of the exemplary texts of the Vilyuisk epic tradition, recorded during the Vilyuisk expedition of 1938. The relevance of the work is due to the need for a detailed study of the system of characters of the Yakut heroic

epic, determining their role in the development of the Olonkho plot, identifying new images. The purpose of the article is to reveal the system of epic characters of the Yakut heroic epic "Bogatyr Tong Saar" by S. N. Karataev. The results obtained can be applied in the field of folklore studies in the development of issues of poetics of an epic text, in the compilation of educational and methodological manuals on Yakut folklore. Structural and functional analysis developed by the famous Russian folklorist V. Ya. Propp is used as the main research method. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the system of characters of this legend is studied using the methodology of V. Y. Propp. As a result, it was concluded that the olonkho "Bogatyr Tong Saar" by S. N. Karataev presents a whole system of character images. It was determined that in addition to the characters conditioned by the two parts of the olonkho narrative, images of antagonists – heroes, women-abaasi, rivals play an essential role in the unfolding of the plot. It was revealed that in this text a significant place is occupied by the hero's assistants, the wrecker / kidnapper of the hero's wife (the Tunguska bogatyr). Girls / women are passive, but they play a role in motivating the departure of the hero. In the plot of olonkho, there are images of the parents of the bride / wife, a messenger, an old woman adviser Simekhsin, a victim servant, a blacksmith donor, which are not of great importance in the development of the plot, but complement the main images and contribute to their disclosure.

Keywords: image, plot, type of hero, hero, system of characters, character, olonkho, Yakut heroic epic, functions, Vilyui epic tradition

References (transliterated)

1. Danilova A. N. Obraz zhenshchiny-bogatyrki v yakutskom olonkho. Novosibirsk: Nauka, 2014. 166 s.
2. Emel'yanov N. V. Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni. Novosibirsk: Nauka, 2000. 192 s.
3. Emel'yanov N. V. Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni. M.: Nauka, 1990. 207 s.
4. Zakharova A. E. Arkhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simbolika naroda sakha (po materialam olonkho). Novosibirsk: Nauka, 2004. 312 s.
5. Karataev S. N. ToH Saar bukhatty: Olonkho [Bogatyr' Tong Saar: Olonkho]. Yakutsk: Bichik, 2004. 237 s. (Na yakut. yaz.)
6. Kuz'mina A. A. Transformatsiya obraza byka v olonkho vilyuiskoi epicheskoi traditsii // Eposovedenie. № 3. 2022. S. 30–39.
7. Makarov S. S. Zmei i serpentomorfnye obrazy v yakutskikh olonkho (k sravnitel'nomu izucheniyu demonologii tyurko-mongol'skikh narodov) // Eposovedenie. 2023. S. 72–83.
8. Meletinskii E. M. O drevneishem tipe geroya v epose tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri // Problemy sravnitel'noi filologii. Sbornik statei k 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR V.M. Zhirmunskogo. M.; L.: Nauka, 1964. S. 426–443.
9. Nikiforov V. M. Stadii epicheskikh kollizii v olonkho: Formy fol'klornoi i knizhnoi transformatsii. Novosibirsk: Nauka, 2002. 208 s.
10. Petrov N. V. Russkii epos: geroi i syuzhety. M.: Neolit; Redkaya ptitsa, 2017. 280 s.
11. Propp V. Ya. Morfologiya skazki. L.: Academia, 1928. 152 s.
12. Pukhov I. V. Yakutskii geroicheskii epos olonkho. Osnovnye obrazy. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 256 s.
13. Pyurveeva N. B. Poetika geroicheskogo eposa «Dzhangar»: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk. Elista, 2003. 347 s.

14. Satanar M. T. Genezis obraza Seerkeen Sesena v epose olonkho // Problemy istoricheskoi poetiki. 2022. T. 20. № 3. S. 50–86.
15. Tomashevskii B. V. Teoriya literatury. Poetika: Uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 1996. 334 s.
16. Ergis G. U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. M.: Nauka, 1974. 402 s.

Newspaper reports about the Polish uprising of 1863 in the perception of L.N. Tolstoy

Song Jiaxuan

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of History of Russian Literature, MV Lomonosov Moscow State University

119415, Russia, Moscow, Kravchenko str., 7, sq. DSK

✉ jjax.song@yandex.ru

Abstract. During the Polish uprising of 1863, L.N. Tolstoy expressed a desire to go to war again, as is known from his letter to A.A. Fet dated May 1-3 and from S.A. Tolstoy's diary dated September 22, 1863. As a result, the very military-political context of 1863, in which this desire was formed, remained practically unexplored. It remained unclear which Polish or pan-European events could actualize Tolstoy's desire in May and September 1863, why this desire is now escalating, then, obviously, retreating. In this article we will fill this gap by recreating the foreign policy context of 1863 on the basis of newspaper reports about the Polish uprising in April-May and September. In the early 60s, the Polish uprising entailed the intervention of Western powers in the conflict. This led to a diplomatic struggle between the Russian Empire and the Western powers. The focus of our attention will be publications from the "Moscow Vedomosti" edited by M.N. Katkov, which Tolstoy most likely followed. The main method of research is comparative and cultural-historical. Using these methods, we analyze in detail what exactly happened in May and September 1863 in the theater of operations in Poland and in the diplomatic spheres of Europe. Recreating the international situation of that time, we will prove that Tolstoy's desire to "take the sword off the rusty nail", about which he wrote to Fet, arose at the most critical moments for European diplomacy, when a new war between Russia and a coalition of Western states (like the Patriotic or Crimean) seemed almost inevitable. And the disappearance of his desire is connected with the elimination of this military threat. This proves that at the time of the beginning of work on "War and Peace", the writer was still quite closely following the modern political agenda, although he refused to participate in the war, the thought of it did not pass without a trace and left an imprint on his artistic imagination. Tolstoy then offered the reader of War and Peace a generally peaceful view of relations between peoples.

Keywords: Alexander Mikhailovich Gorchakov, western powers, The Patriotic War, War and Peace, press, Moscow Vedomosti, Leo Tolstoy, diplomacy, Polish uprising, Mikhail Nikiforovich Katkov

References (transliterated)

1. Liven D. Rossiiskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashikh dnei. M., 2007.
2. Tolstoi L.N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1928-1958.
3. Tolstaya S.A. Dnevnik: v 2 t. 1862-1900. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978.

4. Gusev N.N. L.N. Tolstoi: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957.
5. Eikhenbaum B.M. Lev Tolstoi. Kn. 2: 60-e gody. L.-M: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1931.
6. Doroshenko S.S. Lev Tolstoi-voin i patriot: Voen. sluzhba i voen. deyatel'nost'. M.: Sov. pisatel', 1966.
7. Tvardovskaya V.A. Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya: (M.N. Katkov i ego izd.). M.: Nauka, 1978.
8. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, cop. 2010.
9. Moskovskie Vedomosti, 1863, 12 aprelya, № 78.
10. Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina, 1863-1864. M.: ROSSPEN, 2003.
11. Moskovskie Vedomosti, 1863, 28 aprelya, № 91.
12. Khitrova N.I. Pol'skoe vosstanie 1863 goda i sblizhenie s Prussiei // Istoriya vneshnei politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1997. ss. 68-73. ISBN 5-7133-0898-7
13. Revunenko V.G. Pol'skoe vosstanie 1863 g. i evropeiskaya diplomatiya. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1957.
14. Moskovskie Vedomosti, 1863, 2 maya, № 94.
15. Moskovskie Vedomosti, 1863, 26 aprelya, № 89.
16. Airapetov O.R. Tsarstvo Pol'skoe v politike Imperii v 1863–1864 gg. // Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. M., 2013. T. 15: Pol'skoe vosstanie 1863 goda. ss. 7-138.
17. Moskovskie Vedomosti, 1863, 28 maya, № 114.
18. Moskovskie Vedomosti, 1863, 31 maya, № 116.
19. Moskovskie Vedomosti, 1863, 26 sentyabrya, № 206.
20. Moskovskie Vedomosti, 1863, 18 iyunya, № 132.
21. Sankt-Peterburgskie Vedomosti, 1863, 22 sentyabrya, № 211.
22. Moskovskie Vedomosti, 1863, 7 sentyabrya, № 194.
23. Severnaya pochta, 1863, 20 sentyabrya, № 206.
24. S-Peterburgskie Vedomosti, 1863, 21 sentyabrya, № 210.
25. Moskovskie Vedomosti, 1863, 5 oktyabrya, № 215.
26. Moskovskie Vedomosti, 1863, 11 aprelya, № 77.
27. Moskovskie Vedomosti, 1863, 3 maya, № 95.
28. Moskovskie Vedomosti, 1863, 14 maya, № 103.

The Phenomenon of Romanization in Jhumpa Lahiri's Collection of Short Stories «Unaccustomed Earth»

Dzhalilova Leila Rakhman Kyzy

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pokrovskaya str., 37

✉ prostoleyla20@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to analyze the genre form of a short story on the example of Jhumpa Lahiri's short prose in the aspect of the phenomenon of romanization. The subject of the study is the determination of the features of romanization disclosed in the genre structure of the second part of short stories's collection «Unaccustomed Earth» entitled «Hema and Kaushik». As an object of research the three stories («Once in a Lifetime», «Year's End», «Going Ashore») united by a common plot were chosen which form the second part of the collection. The relevance of the work is explained by the fact that the study of works of modern multicultural and postcolonial literature in the genre aspect allows us to reveal the features of the functioning and modification of stable genre forms in the literary process. The method of structural analysis and the comparative method have made it possible to examine the process of romanization on the compositional, subjective and spatial-temporal levels of the text and reveal the correlation of the short story form with the American tradition of the genre. The scientific novelty consists in applying the new approach to the analysis of the genre form of this collection within the framework of the concept of romanization. The study concludes that the romanization of a short story is based on the complication of compositional, subjective and spatial-temporal organizations. This leads to the integration of the stories into a cohesive narration united by the several main characters whose names gave the title to the second part of the collection. Besides, the genre strategies of a short story including a narrator' figure, covering a single event of the past are putting in the front which is expressed in the use of the ending like in a novella.

Keywords: space, subject, composition, novella, novel, short story, romanization, genre, Jhumpa Lahiri, time

References (transliterated)

1. Averintsev S. S., Andreev M. L., Gasparov M. L. [i dr.] Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya / Rossiiskaya Akademiya Nauk Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nasledie, 1994. S. 3–38.
2. Kubasov A. V. Rasskazy A. P. Chekhova: poetika zhanra: uchebnoe posobie / A.V. Kubasov; Sverdlovsk: SGPI, 1990. 72 s.
3. Lakhiri Dzh. Na novoi zemle / Per. s angl. A. Gall' – M.: Inostranka, Azbuka–Attikus, 2011. 432 s.
4. Leiderman N.L. Dvizhenie vremeni i zakony zhanra: Zhanrovye zakonomernosti razvitiya sovetskoi prozy v 60–70-e gg. Sverdlovsk: Sred. – Ural. kn. izd-vo, 1982. 256 s.
5. Loks K. Rasskaz // Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: V 2-kh t. / pod. red. N. Brodskogo [i dr.]. – M.; L.: Izd-vo L. D. Frenkel', 1925. T. 2. – Stb. 693–695. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-6931.htm> (data obrashcheniya: 25.10.2023).
6. Lyapaeva L. V. «Romanizatsiya zhanrov» M. Bakhtina i sovremennye zhanrovye kontseptsii // Chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury: sb. stat. region. nauch. konf. – Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2008. S. 178–182.
7. Meletinskii E. M. Istoricheskaya poetika novelly. – M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990. 275 s.
8. Tolkachev S. P. Mul'tikul'turnyi kontekst sovremennogo angliiskogo romana: dis. ... doktora filol. n. / Mosk. ped. gos. un-t – M., 2003. 381 s
9. Eikhenbaum B. M. O. Genri i teoriya novelly // B. M. Eikhenbaum. Literatura: Teoriya.

Kritika. Polemika. – L.: Priboi, 1927. S. 166–209.

10. Chatterjee A. The Short Story in Articulating Diasporic Subjectivities in Jhumpa Lahiri // *The Postcolonial Short Story: Contemporary Essays*. New York: Palgrave Macmillan. 2013. pp. 96–110. URL: http://archive.org/details/isbn_9780230313385 (data obrashcheniya: 24.11.2023).
11. Lahiri J. (2013, September 5). Jhumpa Lahiri: By the Book. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/08/books/review/jhumpa-lahiri-by-the-book.html?smid=url-share> (data obrashcheniya: 02.11.2023).
12. Lahiri J. *Unaccustomed Earth*. 2008. URL: https://onlinereadfreenovel.com/jhumpa-lahiri/36927-unaccustomed_earth_read.html (data obrashcheniya: 08.12.2023).

What do the most frequent anthroponyms say in the framework of the discipline "Classical Literature"

Lakina Svetlana Valentinovna

Specialist in educational and methodological work, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory 1, str., 51

✉ sve-lakina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the most frequent anthroponymic lexemes that are used within the framework of the discipline "Classical Literature". The subject of the research was the upper part (the first ten in terms of frequency of anthroponyms) of the frequency dictionary, compiled on the basis of textbooks on the specified subject area. Anthroponyms are presented in the article both in a short and in their full version, that is, taking into account cognomen or premen.

The research methodology consists in a combination of quantitative automated and manual analysis, and contextual analysis was also applied.

The scientific novelty of the conducted research lies in the differentiation of thematic and non-thematic anthroponyms and in identifying the reasons for the usage of names in sections and chapters of the textbook that are not devoted to them.

In the course of the research, it was found out that the fundamental factor that influences the quantitative indicators of the use of a particular lexeme is the thematic affiliation of a particular textbook. This approach makes it possible to distinguish the center (where the frequency thematic anthroponyms are located) and the periphery (where the infrequent non-thematic anthroponyms are located) of the onomastic space. In addition to this difference, common indicators for all textbooks were also identified. Most of the units (49 from 50) included in the top ten in frequency are used in the content of textbooks not only in the sections devoted to them, but also in others, which deal with other personalities. Such usage of the names of real historical figures suggests an increase in their importance within the framework of the discipline "Classical Literature". In addition, it was possible to identify and classify the reasons for such use of names.

Keywords: onomastic space, textbooks, anthroponyms, Classical literature discipline, lexical and grammatical basis, common-core vocabulary list, contextual analysis, word list, manual processing of textbooks, computer processing of textbooks

References (transliterated)

1. Hoffmann L. The linguistic analysis and teaching of LSP in the German Democratic Republic / J. Hoedt and R. Turner (Eds.) *New Bearings in LSP*. Copenhagen: The LSP Centre, UNESCO ALSED LSP Network and Newsletter, Copenhagen School of Economics, 1981. P. 107–130.
2. Carter R., McCarthy M. *Vocabulary and Language Teaching*. Routledge, 1988.
3. Belyaeva T.R. Diskursivnye osobennosti obshchenauchnoi leksiki kak marker distsiplinarnoi prinadlezhnosti nauchnogo teksta (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka). *Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. 2022.
4. Konstantakis N. Creating a business word list for teaching business English // *ELIA*. 2007. No. 7. Pp. 79–102.
5. Valipouri, L., Nassaji, H. A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles // *Journal of English for Academic Purposes*. 2013. No. 12. Pp. 248–263.
6. Sidorova M.Yu., Shmatko A.S., Pevtsov D.N. *Leksiko-grammaticheskaya osnova obshchei i neorganicheskoi khimii*. M.: Dobroe slovo i Ko, 2021.
7. Khani, R., Tazik, K. Towards the Development of an Academic Word List for Applied Linguistics Research Articles // *RELC Journal*. 2013. No. 44 (2). Pp. 209–232.
8. D. Devidson *Ob idee kontseptual'noi skhemy* (V kn.: *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty*. (Sost. A.F.Gryaznov) M., Izd-vo MGU, 1993. S. 144–159.
9. Fel'dman N.B. *Tematicheskaya gruppa leksiki atomnoi otrasli v russkom yazyke XXI veka*. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. 214 s. 2021.
10. Sidorova M.Yu. Podkhody k minimizatsii leksiki dlya prepodavaniya yazyka spetsial'nosti inostrantsam: «vakuumnyi» ili integral'nyi? // *Metapredmetnyi podkhod v obrazovanii: ruuskii yazyk v shkol'nom i vuzovskom obuchenii raznym predmetam. Materialy III vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. MPGU. M.: OOO «Sam Poligrafist», 2020. C. 196–204.
11. Losev A.F., Sonkina G.A., Takho-Godi A.A., Timofeeva N.A., Cheremukhina N.M.. Pod red. Takho-Godi A.A. *Antichnaya literatura*. M.: Prosveshchenie, 3 izdanie, 1980.
12. Losev A.F.. Pod red. A.A. Takho-Godi. *Antichnaya literatura*. M.: CheRo, 7 izdanie, 2005.
13. Tronskii I.M. *Istoriya antichnoi literatury*. M.: Vysshaya shkola, 5 izdanie, 1988.
14. Radtsig S.I. *Istoriya drevnegrecheskoi literatury*. M.: Vysshaya shkola, 5 izdanie, 1982.
15. Sobolevskii S.I., Gornung B.V., Grinberg Z.G., Petrovskii F.A., Radtsig S.I. *Istoriya grecheskoi literatury*. Tt. 1–3, M.–L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1946.
16. M. fon Al'brekht. *Perevod A.I. Lyubzhina. Istoriya rimskoi literatury*. M., Greko-latinskii kabinet, Tt. 1–3, 2003–2005.
17. Pokrovskii M.M. *Istoriya rimskoi literatury*. M.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1942.
18. Bogdanov K.A. *O klassicheskoi filologii i Gomere* // *Vox populi: fol'klornye zhanry sovetskoi kul'tury*. 2014. Elektronnaya versiya. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/B/bogdanov-konstantin-anatoljevich/vox-populi-foljklornie-zhanri-sovetskoj-kuljturi/17> (data obrashcheniya: 17.01.24)
19. Lakina S.V. Chastotnyi analiz antroponimov v uchebnikakh po distsipline «Antichnaya literatura» // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2023. № 5. S. 73–85.
20. Lakina S.V. Chastotnyi analiz toponimov v uchebnikakh po distsipline «Antichnaya

literatura» // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta, filologicheskie nauki. Tom 26. 2022. № 4. S. 65–79.

21. Lakina S.V. Chastotnyi analiz imen sobstvennykh v uchebnikakh po Antichnoi literature // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2023. № 3 (100). S. 468–473.

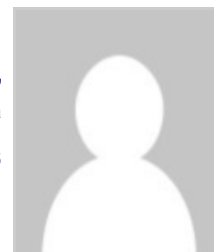
The concepts of “Motherland” and “State” in Russian language

Zhang Min

Postgraduate student, Department of Russian language and methods of its teaching, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1042218111@pfur.ru

Abstract. The subject of the study is the concepts “Motherland” and “State”, their synonyms and associative images in Russian songs and Russian language, including Russian phraseological units, proverbs and sayings. The first concept is understood as a small homeland and a large homeland. Each person has his own small homeland, which is associated with place of birth, family, house, street, village, town, etc. The large homeland in a broad sense refers to the native country. The small homeland is part of the big homeland. These concepts play a role in the formation of Russian person’s national consciousness, spiritual values, worldview, character and personality. The purpose of this work is to clarify their meanings and differences in Russian language and in Russian people’s consciousness. Research methods include descriptive, associative, comparative methods, methods of synthesis and generalization, and semantic analysis. When analyzing and comparing the concepts “Motherland” and “State”, this work examines the images reflected in the texts of Russian songs about these concepts and language examples in Russian phraseological dictionaries. The conducted research shows that the term “Motherland”, associated with national history, culture and ethnic identity, has a spiritual psychological flavor. The term “State” with a social meaning is defined as a political, legal, economic form of organization of human society. This concept is associated with the images of “law”, “authority”, “army/armed force”, “citizen”, etc. Clarifying the differences in their semantics in Russian language helps speakers of other linguistic cultures to better understand their significance in Russian people’s history, culture and consciousness, their role and influence on the formation of Russian people’s national psychology and spiritual world. The study of these concepts has prospects for expanding foreign students' vocabulary, deeper understanding of the Russian language, culture, people, its spiritual world and their relationships and enriching their cultural, linguistic and personal experience.

Keywords: proverbs, phraseological units, Russian song, spiritual world, personality, concept, state, homeland, Russian language, sayings

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000.
2. Boronoev A.O. Ponyatie maloi rodiny: opredelenie i sodержanie // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. 2020. № 3(56). S. 60-66.
3. Gasparyan N.K. Lingvokul'turnye konstanty "sem'ya", "Rodina", "trud": na materiale

- russskogo i armyanskogo yazykov: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01; 10.02.19. Kaliningrad. 2022. 24 s.
4. Gosudarstvennye simvol'y Rossiiskoi Federatsii (internet resurs). URL: http://www.gov.ru/main/symbols/gsr4_4.html
 5. Larionova Yu.A. Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M.: Adelant, 2014.
 6. Likhachev D.S. Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture. 2-e izd., pererab. i dop. / sost. i nauch. red. A. S. Zapesotskii. SPb.: SPbGUP, 2015.
 7. Nagovitsyna N.V. Smyslovoe napolnenie kontsepta "patriotizm" i ego yazykovaya ob"ektivatsiya v sovremennoi russkoi rechi: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. Nizhnii Novgorod, 2021. 25 s.
 8. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. / In-t filosofii RAN, Nats. obshch.-nauchn. fond; Nauchno-red. sovet: prede. V.S. Stepin i dr. M.: Mysl', 2010.
 9. Popova Z.D., Sternin, I.A. Kognitivnaya lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007.
 10. Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya. V 2-kh t. T. 1 / Vstup. slovo M. Sholokhova. M.: Khudozh. lit., 1989.
 11. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka. 50000 slov / Pod red. A.S. Gavrilovoi. M.: Adelant, 2014.
 12. Subbotina L.A. Karmannyi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: 1000 vyrazhenii. M.: Astrel', 2013.
 13. Tekst Pesni «S chego nachinaetsya Rodina». (Internet resurs). URL: <https://pedkopilka.ru/semeinaja-biblioteka/literaturnoe-chtenie-1-klas/matusovskii-s-chego-nachinaetsja-rodina.html>
 14. Tekst Pesni «Ty Rossiya moya». (Internet resurs). URL: https://webkind.ru/text/946081105_28793062p592434707_text_pesni_ty-rossiya-moya.html
 15. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinits. 2008. (Onlain slovar'). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>
 16. Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. prof. A.N. Tikhonova / Sost. A.N. Tikhonov, A.G. Lomov, A.V. Korol'kova. Spravochnoe izdanie: V 2 t. T. 2. M.: Flinta: Nauka, 2004.
 17. Shanskii N.M., Zimin V.I., Filippov A.V. Shkol'nyi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Znachenie i proiskhozhdenie slovosochetanii. 2-e izd. M.: Drofa; Russkii yazyk, 1997.
 18. 闻思敏. kontsept研究在中国. 俄罗斯语言文学与文化研究 (Russian Language Literature and Culture Studies). 2019. №1(63). 35-42. (Ven' Symin, Issledovanie kontsepta v Kitae // Issledovanie russkogo yazyka, literatury i kul'tury. 2019. №1(63). S. 35-42.
 19. 赵爱国. 当前俄语“观念”研究中的几个理论问题. 中国俄语教学. 2016. №3. 51-57. (Chzhao Aigo. Ponyatie «kontsept» v russkom yazyke: teoreticheskie problemy v sovremennykh issledovaniyakh // Russkii yazyk v Kitae. 2016. №3. S. 51-57.

The features of functioning of the expression "another thing that"

Graduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island str., 10

✉ syuy.lina@mail.ru

Sheremet'eva Elena Sergeevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island str., Ajax, 20

✉ sheremeteva.es@dvfu.ru

Abstract. The object of the study is a textual staple "another thing that", which was formed on the basis of the noun "thing". The subject of the study is its structural, syntactic, semantic and pragmatic properties. The purpose of this article is to present the results of the analysis of the specified properties of the staple and, on this basis, to show the features of its functioning in modern Russian. One of the aspects of consideration is the analysis of contextual modifications of the staple and the establishment of its main variant. Syntactically, its ability to function both in the text and in a complex sentence is analyzed. The main attention is paid to determining the type of relationship that a staple establishes between fragments of text, and identifying the dependence of the type of relationship on the semantics of the components that make up the staple. Considerable attention is paid to the pragmatic properties of the staple, its ability to convey the evaluative opinion of the speaker is considered. The material for the analysis was text fragments obtained with the help of the National Corpus of the Russian Language (NKRR). The material was collected using a continuous sampling method, as well as using the "lexico-grammatical search" option in the main newspaper and oral corpus of the NKRR. Descriptive and quantitative research methods were used in the analysis of linguistic material. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a detailed analysis of the features of the functioning of the structure is presented in modern literary texts and media texts. As a result of the study, it was found that in the vast majority of cases, a paperclip "another thing that" functions in the text as a "text paperclip". The main variant of the bond is a structure that includes the union "what". This text staple establishes a contradictory relationship between fragments of text, which is due to the semantics of the pronominal adjective "another" that is part of it. The pragmatic component of the staple is its ability to reflect the speaker's position in terms of evaluating situations opposed in the text and indicate a change of sign from plus to minus, and vice versa.

Keywords: opposition, textual connector, means of communication, functional words, text, pragmatics, semantics, syntax, appraisal, pronoun adjective

References (transliterated)

1. Boguslavskaya O.Yu., Murav'eva I.A. Mekhanizmy anaforicheskoi nominatsii // Modelirovanie yazykovoi deyatelnosti v intellektual'nykh sistemakh. M.: Nauka, 1987. S. 78–128.
2. Van S. Sfery deistviya tekstovykh skrep «malo togo» i «malo etogo» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2022. № 2 (93). S. 439–442.

3. Van Tsyaooshi. Funktsionirovanie tekstovykh skrep *Teper' o N6 i I poslednee* v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2022. 211 s.
4. In'kova O.Yu. Semantika *mezhdum tem* v svete korpusnykh dannykh // MediAzioni. 2023. T. 36. S. A233–A254.
5. Kobozeva I.M. Sozdanie bazy dannykh konnektorov sovremennogo russkogo yazyka: printsipy, problemy, rezul'taty / I.M. Kobozeva, N. V. Serdobol'skaya, A.I. Kryukova, D.A. Pilyugina // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2023. T. 9, № 4(36). S. 36–47.
6. Kopotev M.V., Steksova T.I. Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare. M.: Yazyki i slavyanskije kul'tury, 2016. 168 s.
7. Kuznetsova N.V., Pochtareva O.V. Terminologicheskii instrumentarii opisaniya svyazuyushchikh edinits russkogo yazyka // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2022. T. 21, № 9: Filologiya. S. 21–33.
8. Lapynina N.N. Mezhfrazovye skrepy, formiruyushchiesya na baze standartizovannykh predikativnykh edinits: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1996. 19 s.
9. Lapynina N.N. Ob osobennostyakh formirovaniya korpusa tekstovykh skrep // Nauka i mir v yazykovom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchnoi konferentsii. Makeevka, 2015. S. 78–83.
10. Mel'nichenko N.P. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya ogranichitel'nykh otnoshenii v tekste // Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniya i metodiki prepodavaniya yazyka: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.A. Figurovskogo. Elets, 2019. S. 100–106.
11. Noskova V.N., Matkhanova I.P. Funktsionirovanie mestoimeniya *drugoi* i osobennosti ego slovarnogo predstavleniya // Voprosy leksikografii. 2021. № 22. S. 64–85.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4-e izd., dopolnennoe. M.: A TEMP, 2006. S. 2944.
13. Petrochenko T.V. Funktsional'nye i semanticheskie osobennosti tekstovoi skrepy «v etom smysle» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Tom 15. Vypusk 9. S. 2877–2881.
14. Pilyugina N.Yu. Sochetanie v *lyubom sluchae*: funktsionirovanie v tekste i pragmaticheskii potentsial // Nauchnyi dialog. 2022. T.11. №1. S. 84–100.
15. Priyatkina A.F. Tekstovye «skrepy» i «skrepy-frazy» (o rasshirenii kategorii sluzhebnykh edinits russkogo yazyka) // Russkii sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruktsii): izbrannye trudy. Vladivostok: Dal'nevostochnyi universitet, 2007. S. 334–344.
16. Priyatkina A.F., Starodumova E.A. Tekstovye skrepy v «Slovare sluzhebnykh slov» // Sibirskii filologicheskii zhurnal. № 2. Novosibirsk: 2015. S. 134–141.
17. Russkaya grammatika. V. 2-kh t. / Gl. red. N.Yu. Shvedova. M.: Nauka, 1980. T. 2. 709 s.
18. Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka / Otv. red. E.A. Starodumova. Vladivostok, 2001. 363 s.
19. Syui Lina. Tekstovye funktsii predikativnoi konstruktsii «delo vot v chem» v sovremennom russkom yazyke // Vestnik filologicheskikh nauk. 2022. Tom 3. №2. S. 72–78.
20. Syui Lina. Funktsii konstruktsii «delo v + N6» v tekste // Mir nauki, kul'tury,

- obrazovaniya. 2021. № 4 (89). S. 483–485.
 21. Sheremet'eva E.S., Syui Lina. Tekstovaya skrepa *odno delo – drugoe delo*: osobennosti funktsionirovaniya v predlozhenii i v tekste // Dal'nevostochnyi filologicheskii zhurnal. 2023. Tom 1, № 4. S. 9–16.

A Review of the Collection of commented Metarules of Pāṇini's Sanskrit Grammar — "Paribhāṣāvṛtti" by Nīlakaṇṭha Dīkṣita

Ulanskii Evgenii Aleksandrovich

PhD in Physics and Mathematics

Postgraduate student of the Department of Indian Philology of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, g. Moscow, ul. Leninskie Gory, 1

✉ ulanskiy@mail.ru

Abstract. A while after the compilation of the Sanskrit grammar called "Aṣṭādhyāyī" (≈ V century BC) by the ancient Indian linguist Pāṇini, commentators of this treatise began to formulate numerous metarules guiding to the correct interpretation of grammatical rules. The object of our study are these post-Pāṇinian metarules, also known as paribhāṣās. They describe the metalanguage developed by Panini, varieties of technical use of language's expressive means in the "Aṣṭādhyāyī", they also help resolve contradictions that arise when reading grammatical rules and settle priorities in the execution sequence of grammatical operations.

The material of the study are metarules collected and commented on by the Sanskrit grammarian of the XVII century AD Nīlakaṇṭhadīkṣita in his work "Commentary on paribhāṣās" (Paribhāṣāvṛtti).

The purpose of our work is to expose the content of the "Commentary on the paribhāṣās", to classify the metarules collected in this work, to indicate their purpose. The method of the work is a structural and hermeneutical study of the text.

For the first time, a detailed analysis of the Nīlakaṇṭhadīkṣita's "Commentary on the paribhāṣās" and the classification of the metarules collected in this work were carried out. For the first time in Russian-language literature, the content of a large number of post-Pāṇinian metarules of Sanskrit grammar "Aṣṭādhyāyī" is exhibited, as well as biographical data about the grammarian Nīlakaṇṭhadīkṣita is revealed.

Keywords: sūtra, Aṣṭādhyāyī, metarule, interpretative rule, paribhāṣā, Nīlakaṇṭha Dīkṣita, grammar, sanskrit, metalanguage, Pāṇini

References (transliterated)

1. Myutel', M. V. K istorii ponyatiya opredeleniya v indiiskoi mysli (v'yakarana i klassicheskaya n'yaya). Istoriya filosofii. T. 11. M.: IF RAN, 2004. S. 37-54.
2. Ramayana, toma I-II. Perevod P. A. Grintsera. Moskva: «Nauka», nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir», 2006. 892 s.
3. Ulanskii E. A. Interpretatsionnye pravila (paribhāṣā) u Panini. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. 18, № 2, 2022. C. 252–281.
4. Ulanskii E. A. O glavnom metapravile sanskritskoi grammatiki Panini // Litera. – 2022. – № 8. C. 259–270.

5. *Ulanskii E. A.* Srednevekovaya traditsiya interpretatsii pravil grammatiki Panini. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2022. № 3. C. 4–13.
6. *Abhyankar, K. V.* Paribhāṣāsaṃgraha (a collection of original works on Vyākaraṇa Paribhāṣās). Poona 4: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1967.
7. *Bhat, A.* A Critical Edition and Study of Samasaparakarana of Sukhabodhini a commentary on Siddhantakaumudi by Sri Nilakantha Vajapeyi. Ph.D. Thesis. Central Sanskrit University. Kaṇṇaṭaka: 2020. 318 p.
8. *Boudon, P.* Une Application du raisonnement par l'absurde dans l'interpretation de Pāṇini (les jñāpakasiddhaparibhāṣā). Journal asiatique. No 230, 1938. P. 65-121.
9. *Buiskool, H. E.* Pūrvatrāsiddham: Analytisch onderzoek aangaande het systeem der Tripādī van Pāṇini's Aṣṭādhyāyī. Amsterdam: H. J. Paris, 1934. XVI + 210 pp.
10. *Candotti, M. P., Pontillo, T.* From Commentary to paribhāṣās: Kātyāyana and Patañjali vis-à-vis Vyāḍi. Asiatische Studien-Études Asiatiques, Vol. 72, no. 2, 2018. P. 515-566.
11. *Chakrabarti S. Ch.* The Paribhāṣās in the Śrautasūtras. Calcutta: Sanskrit Pustak Bhandar, 1980.
12. *Chierichetti, P.* The paribhāṣās in the Śrautasūtras: Problems, Opportunities and Premises for an Investigation. Asiatische Studien-Études Asiatiques. Vol. 72, no. 2, 2018. P. 459-487.
13. *Goldstücker, Th.* Pāṇini: His place in Sanskrit literature. London: N. Trübner and co., 1861.
14. *Kielhorn, F.* The Paribhāṣenduśekhara of Nāgojībhaṭṭa. Vol 2. Bombay: Indu-Prakash press, 1874.
15. *Kiparsky, P.* Pāṇini as a variationist. Poona: 1980. XII + 304 p.
16. *Mīmāṃsaka, Y.* Saṃskṛta vyākaraṇa-sāstra kā itihāsa. Vol. 1. Bahālagarha, Harayāṇā: Rāmalāla Kapūra Ṭraṣṭa, 1973.
17. *Misra, V. N.* The descriptive technique of Pāṇini. An introduction. Janua Linguarum. Series Practica, The Hague, Paris: De Gruyter Mouton, 1966.
18. *Ramesan, N.* Sri Appayya Dikshita. Hyderabad: 1972. 203 p.
19. *Renou, L.* Le paribhāṣenduśekhara. Études védiques et pāṇinéennes. Vol. 2. Paris: E. de Boccard, 1956. P. 132-149.
20. *Sāstrī, G.* The Pāribhāṣhāvṛtti of Nīlakaṇṭha Dīkshita. Trivandrum Sanskrit series, Vol. XLVI. Trivandrum: 1915. 69 p.
21. *Staal, F.* The Concept of Metalanguage and its Indian Background Introduction. Journal of Indian Philosophy Vol. 3 (3-4). New York City: Springer, 1975. P. 315-354.
22. *Wujastyk, D.* Metarules of Pāṇinian grammar: the Vyāḍīyaparibhāṣāṅvṛtti: critically edited with translation and commentary. Part II. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 2017.